

Геннадий Пархоменко

**Лики творчества Максимилиана Волошина
в связи с тайной его
Высшего «Я»**

**Москва
2010**

Аннотация

В ряд с новоевропейскими поэтами, творцами мифопоэтических космосов, вселенных, с такими, как Данте, Мильтон, Блейк, Гете (как автор второй части «Фауста» и цикла «Бог и мир») по глубине, грандиозности мифопоэтических откровений о Вселенной и человеке во всей русской поэзии можно было бы поставить только одного поэта – Максимилиана Волошина (1877–1932).

В античной культуре по характеру и масштабам индивидуальности и творчества его можно было бы сравнить с Эмпедоклом и Лукрецием Карром, автором грандиозной поэмы «О природе вещей», где представлен весь античный Космос.

Волошин как великий космогонический поэт был призван на стыке, смене, повороте времен (наступил XX век) развернуть в своем творчестве, в своей «религиозно-поэтической науке» (воспользуемся для более точной характеристики феномена творчества Волошина этим понятием русского гётеиста, любомудра, писателя XIX века князя Владимира Федоровича Одоевского, см. его «Русские ночи») новую, основанную уже на эзотерическом христианстве (Антропософии) картину Космоса, его творения, эволюции, инволюции, становления человеческого самосознания. Он показал динамическую панораму всего мироздания с его иерархическими мирами сверхчувственных существ, их воздействие, влияние на духовные, душевные и физические планы (уровни) бытия, их деяния в природной и исторической реальности. Он заново перед наступлением «нового средневековья» (Бердяев) произвел переоценку всех ценностей, переоценку, ничего общего не имеющую с пресловутой «переоценкой ценностей» у Ницше, раскрыл место и творческую роль человека как микрокосма в Макрокосме, показал его трагический путь к Космосу Свободы и Любви как путь Каина.

Эти задачи непосильны для известного нам Волошина. С этими задачами справился неизвестный нам Волошин – «неразгаданный сфинкс Серебряного

века», великий посвященный русской культуры, скрытый от нас под своими тысячью ликами творчества.

Более того, как поэт-мудрец, поэт-гностик и пророк библейского масштаба, поэт-демиург своей Вселенной, Волошин призван был не только раскрыть свой символический, христологический (а не просто мифологический) Космос на бумаге, писчей и акварельной, но и начать творить Космос Свободы и Любви вокруг себя – в действительности, причем в самом начале «морской полосы русской истории» (Лесков). Вспомним феномен Дома Поэта в Коктебеле.

В связи с этим вспомним во многом для нас странное, загадочное, парадоксальное отношение поэта к людям, природе, социальной реальности, историческим событиям, искусству, вообще к миру. Конечно же, это отношение импульсировалось его непрерывными духовными поисками, жаждой познания и осмысления мира, его развитой на пути посвящения душой самосознающей, сверхсознанием, его Высшим «Я», почти непрерывным потоком моральных и художественных интуиций.

Автор книги – философ, литературовед, психолог, социолог, эзотерик – надеется, что в этом труде читатель, кто бы он ни был, найдет для себя многое, как говорил принц датский, «что не снилось нашим мудрецам» (т. е. ученым мужам и дамам всяческих наук и, конечно же, нашим современным, так сказать, деятелям искусства и литературы), но что уже (время пришло!) весьма желательно, чтобы, наконец, начало им все же сниться, дабы не грохнулись мы под их «мудрым водительством» окончательно в тартарары...

Оглавление

Симфония эпитафий

Часть I. Кто Вы, Максимилиан Волошин?

Глава первая

Нечто о методологии нашего исследования.

Глава вторая

Лики творчества самосознающей души Поэта. Его странствия. Гнозис Волошина. Венок сонетов «Corona astralis».

Глава третья

Космос любви у Волошина.

Глава четвертая

Природный Космос Поэта

Глава пятая

Эстетика Волошина. Экзотерические и эзотерические аспекты.

Глава шестая

Становление эзотерического мировоззрения Поэта.

Часть II. Социальный Космос.

Глава первая

Апокалипсис социального Космоса у Волошина.

Глава вторая

Лики творчества Поэта времен Апокалипсиса.

Глава третья

Лики русской бездны. Социальные идеи Поэта. Его Идеал. Его пророческий дар.

Часть III. «Путями Каина» как апокалипсическая мистерия.

Часть IV. Импульсы шести зодиакальных созвездий в творчестве Поэта:

1. Близнецы
2. Стрелец
3. Телец
4. Скорпион-Орел
5. Рак
6. Козерог

Заключение.

ПРИЛОЖЕНИЯ (№№ 1–8)

Приложение № 1. Волошин о ликах поэтов-современников.

Приложение № 2. Волошин и Черубина (ответ одному критику).

Приложение № 3. Мамлеев о Вечной России и Русской Бездне.

Приложение № 4. О действии элементарных духов на Руси.

Приложение № 5. Нечто «веселое» о русском уме.

Приложение № 6. Нечто о гиперборействе Волошина.

Приложение № 7. Астрософический гороскоп Волошина.

Приложение № 8. Рудольф Штейнер о русском народе.

Симфония эпиграфов

Поэзия работает над размыванием твердых пород мира и претворением их в слово-имя. У поэзии может быть только одна цель – изназвать все вещи и все явления. У поэта – один долг: стать голосом вещей и явлений, глухонемых по природе своей. Исполняя его, поэт освобождает великих и мятежных духов, плененных в душевных вихрях вещества и его страстей, и чистая радость, пронизывающая нас при чтении поэзии, – это отраженное ликование их освобождения.

Максимилиан Волошин

В поэзии должно быть передано то, что человек переживает вместе со всей Вселенной, с тем, что добыто из тайн Вселенной. Важно не то, что мы будем воспевать происходящее в мире, но чтобы то, что звучит в великих законах мира, звучало бы также в форме поэтического произведения...

Поэзия не может быть более поэзией, если она ничего не имеет из того, что было ранее в совместной жизни человека с Космосом...

Рудольф Штейнер

Поэты – это освобождающие Боги. Благодаря им люди постигают новый смысл, обнаруживают в окружающем их мире другой мир или даже множество миров. Поэты свободны и делают свободными других.

Ральф Эмерсон

Сфера поэта есть мир, собранный в фокусе современности. Пусть замыслы и их выполнение будут поэтическими – в этом заключается природа поэта. Все может оказаться ему на пользу... У поэта все материалы заимствованы, даже образы. Он должен лишь смешать все со стихией духа, он должен создать целостный образ... Свобода связываний и сочетаний снимает с поэта ограниченность... Истинный поэт – всеведущ; он действительно вселенная в малом преломлении.

Новалис

Поэт есть первый судия человечества. Когда в высоком своем судилище, озаряемый Купиной Несгораемой..., читает он буквы века в светлой книге всевечной жизни, тогда провидит он естественный путь человечества и казнит его соvrащение...

Владимир Одоевский

Мы, русские, прежде всего боимся истины, то есть и не боимся, если хотите, а постоянно считаем истину чем-то слишком уж для нас скучным и прозаичным, недостаточно поэтичным, слишком обыкновенным и тем самым, избегая ее постоянно, сделали ее, наконец, одной из самых необыкновенных и редких вещей в нашем русском мире... Таким образом, у нас совершенно утратилась аксиома: что истина – поэтичнее всего, что есть на свете, особенно в самом чистом своем

состоянии; мало того, даже фантастичнее всего, что мог бы налгать и напредставлять себе повадливый ум человеческий. В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический. В самом деле сделали, наконец, то, что все, что налжет и перелжет себе ум человеческий, им уже гораздо понятнее истины, и это сплошь на всем свете.

Ф. М. Достоевский

Целебная мощь на благо России существует, целебное средство есть, но это благо не должно быть искомо на ложном пути. И я это говорю не потому, что я люблю антропософию, а потому, что все развитие человечества учит нас этой истине. Благо России существует, и имя этого спасительного блага – антропософия. Для других областей Земли это духовное познание является чем-то прекрасным, чем-то, что продвигает людей вперед. Для России же духовопознание станет единственным спасением, тем, что должно будет существовать, чтобы русская народность нашла контакт со своей Народной душой, чтобы эта Народная душа не оказалась отозванной к другим задачам в мире, нежели те, которые ей предназначены.

Рудольф Штейнер

Истинное есть индивидуально истинное значительных личностей.

Рудольф Штейнер

*Один среди враждебных ратей –
Не их, не ваш, не свой, ничей, –
Я голос внутренних ключей,
Я семя будущих зачатий.*

Максимилиан Волошин

*Гениальность есть высшая нравственность.
Гениальный человек – самый верный самому себе человек,
ничего о себе не забывающий, болезненно реагирующий на
всякую ложь и заблуждение. Но не это только. Он
одновременно самый социальный человек, самый
одинокий и самый общительный. Гений – высшая форма
бытия вообще, не только в интеллектуальном, но и в
моральном отношении. Гений самым совершенным
образом раскрывает идею человека. Он возвещает на
вечные времена, что есть человек: субъект, объектом
которого является вся вселенная... Человек становится
гением путем высшего акта воли, тем, что он
утверждает в себе всю вселенную. Гениальность есть
то, что «гениальные» люди взяли на себя...*

Отто Вейнингер

*Я соль земли. В горючей соли
Вся мудрость горькая земли,
Кристаллы зла и темной боли
В ней белым снегом процвели.*

*Сквозь воскресенье, сквозь могилу
Я пронесу святую боль.
Ведь если соль утратит силу,
Кто сделает соленой соль?*

Максимилиан Волошин

*Твой дух дерзающий познает притяженья
Созвездий правящих и волящих планет...
Так, высвобождаясь
От власти малого, беспаятного «я»,
Увидишь ты, что все явленья –
Знаки,
По которым ты вспоминаешь самого себя,
И волокно за волокном собираешь
Ткань духа своего, разодранного миром.*

*Когда же ты поймешь,
Что ты не сын земле,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду – и в тварях, и в вещах – томится
Божественное Слово...
Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума –
Вселенную Свободы и Любви, –
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.*

Максимилиан Волошин

Сознание литературоведа есть (будет!) не довесок к литературе, а более высокая литература в литературе, потенцирующая медиумичность авторского вдохновения до его осознанного воссоздания в опыте.

Карен Свасьян

Часть I

Кто Вы, Максимилиан Волошин?

Глава первая

Нечто о методологии нашего исследования

Теперь, когда биография поэта до доньшка, так сказать, вычерпана, высветлена старательными биографами¹ и всё «человеческое, слишком человеческое» (Ницше) нам вдруг стало известно о поэте, оказалось, что у него с нами есть кое-что общее, что стал он нам кое в чем близок и понятен. Сравнительно недавно мы узнали из первой серьезной, солидной книги о творчестве Волошина, откуда же все-таки, из каких источников он черпал, заимствовал (чтобы не сказать «похищал») те или иные идеи, кто оказал на его творчество, на формирование его мировоззрения то или иное влияние; получили представление на тему «Волошин и ...» (любой философ или любой известный поэт Серебряного века).² Его миссия как истинного пророка «в своем Отечестве», оказалась также весьма убедительно приоткрыта.³ Высветлены темы: «Волошин-мифотворец»,⁴ «Волошин-гипербореец»⁵ и даже – «Волошин-кентавр», точнее, Волошин как перевоплощение кентавра Хирона, которого в свое время нечаянно ранил отравленный стрелой Геракл и который добровольно сошел в Аид. А вот теперь по ночам этот кентавр выскакивает из ада – благо выход из него, как известно, имеется на Карадаге – и там «слышится цоканье копыт, а иногда виден кентавр. И можно предположить: когда он виден, могила Волошина на

¹ Купченко В. П. Странствие Максимилиана Волошина. СПб., 1996; Купченко В. П. Жизнь Максимилиана Волошина. Документальное повествование. СПб., 2000.

² Пинаев С. М. «Близкий всем, всему чужой...». М., 1996; Пинаев С. М. Волошин. М., 2005.

³ Зорин А. Пророк в своем Отечестве // Волошин М. Пути России. М., 1992.

⁴ Бонецкая Н. К. Максимилиан Волошин – поэт, мифотворец, маг // Антропософия в современном мире. 2005, № 15 (сентябрь); 2005, № 16 (январь).

⁵ см. Приложение № 6.

его любимом холме пуста».⁶ Остается, слава Богу, только пока еще никем не высветленная тема: «Волошин как чистейшей воды миф» (в современном, базаровском расхожем смысле слова), ибо «можно предположить» (как мог бы выразиться Микушевич), что самая страшная, да и удивительная тайна Волошина, которую через несколько десятилетий (а то и раньше) могли бы открыть особо проницательные и одаренные исследователи его жизни и творчества, могла бы заключаться в том, что никакого Волошина никогда на самом деле, в действительности-то и не было, потому что не мог же он, такой, существовать, как его описывают биографы, или такой, какого собираемся описывать мы, а был сотворен, так сказать, коллективный миф «коллективным бессознательным» (эгрегором) о некоем Волошине – то есть разными талантливыми отдыхающими в Коктебеле в первой трети XX века – поэтами, писателями, мифотворцами, художниками и даже учеными и вообще праздной околотитературной богемой, любившей проводить свое свободное время, в том числе и творческим образом – устраивая розыгрыши и мистификации – в этом первозданном уголке Крыма и даже воздвигшим в складчину за свой счет так называемый Дом поэта в качестве своего пристанища на летние месяцы. Да чем же это, господа проницательные читатели, менее убедительная версия – такой вот миф о некоем Волошине – чем та, которую раскручивают ныне некоторые английские шекспироведы о Шекспире и его творениях, версия, согласно которой Шекспир – собирательный образ автора, созданный группой английских аристократов, стоявших на вершине культуры елизаветинской эпохи, господ и дам из тайного общества, уединившихся в некоем замке в Шотландии на несколько лет и сотворивших те шедевры литературы, которые нам известны под именем Шекспира. Ведь не мог же в самом деле простой, да к тому же провинциальный актер театра «Глобус» написать то, что нам стало известно как творения Шекспира. Это просто смешно! Так почему бы в будущем не

⁶ Микушевич В. Отродье кошки и кобылы. К генеалогии М.Волошина и не только. Интернет.

могла быть раскрыта мистификация с именем Волошина подобным же образом?! Вот только, наверное, следует подождать 3–4 столетия...

Но чтобы этого не произошло в будущем, нам теперь ничего другого не остается, как со спокойной совестью обратиться (уже наступила пора для этого, и если не мы, так кто же?) к вопросу: как возможен был вообще такой индивидуум на Руси даже в Серебряном веке – по аналогии с кантовским вопросом – как возможно познание? Ведь по отношению к другим великим на Руси этот вопрос не может возникнуть (может быть, за исключением Лермонтова и Андрея Белого). Так вот наступила пора обратиться к загадке такого невиданного, неслыханного, невероятного и, главное, невозможного поэта, поэта-посвященного (так назвала его Марина Цветаева в очерке «Живое о живом»). Какое ужасное, страшное словечко для наших представителей «образованщины» (Солженицын), интеллектуалов разных мастей – атеистов и богословов! Наступило время заговорить, пользуясь уже всеми изданными материалами для наших целей, о тайне индивидуальности Волошина, его Высшего «Я» и его творчества как выражения этого «Я». К загадке, тайне поэта-посвященного мы можем подступить только на основе такого знания (познания), которое «не снилось нашим мудрецам» и которым обладал сам поэт. Ведь известно, что подобное познается подобным и, следовательно, невозможно, к примеру, с помощью средств, вполне годных для познания творчества Демьяна Бедного, Серафимовича, Gladкова или даже Маяковского, понять индивидуальность и творчество Волошина. Тем более, если мы хотим познать глубинные духовные импульсы, действовавшие в этой удивительной индивидуальности, значение которой раскроется для нас только в будущем.

Впрочем, Цветаева в своем блестящем эссе «Живое о живом» очень близко подошла к этой тайне, но поспешила от нее тут же откреститься (а жаль: ведь если бы она сама захотела стать причастной этой тайне Волошина, то, кто знает, – может быть, ее судьба и не сложилась бы так трагично): «Макс знал или не знал об этом, был гётеанцем, и здесь, я думаю, мост к его

штейнерианству, самой тайной его области, о которой ничего не знаю, кроме того, что она в нем была, и *была сильнее всего*.

Это был скрытый мистик, то есть чистый мистик, тайный ученик тайного учения о тайном. Мистик – мало скрытый – зарытый. Никогда ни одного слова через порог его столь щедрых, от избытка сердца глаголящих уст. Из этого заключаю, что он был посвященным. Эта его сущность действительно зарыта вместе с ним. И, может быть, когда-нибудь там, на коктебельской горе, где он лежит, еще окажется – неизвестно кем положенная – мантия розенкрейцеров».

Казалось бы – вот, тайна указана. Но тут же она и перечеркивается, и Цветаева, не поинтересовавшись, проходит мимо нее: «Макс был знающий. У него была тайна, которой он не говорил. Это знали все, этой тайны не узнал никто... Объяснять эту тайну принадлежностью к антропософии или занятиями магией – не глубоко. Я много штейнерианцев и нескольких магов знала, и всегда впечатление: человек – и то, что он знает; здесь же было единство. Макс сам был эта тайна, как сам Рудольф Штейнер – своя собственная тайна (тайна собственной силы), не оставшаяся у Штейнера ни в писаниях, ни в учениках, у М. В. – ни в стихах, ни в друзьях, – самотайна, унесенная каждым в землю».

Ах, Марина, Марина! Цыганская душа... Ну и любительница же была мистифицировать разными тайнами и загадками (почище самого Макса!), вместо того чтобы пытаться их прояснить, просветлить, понять, хотя бы для себя... Ведь в том-то и дело, что все эти «загадки и тайны» содержатся в «писаниях», лекциях, беседах, деяниях Рудольфа Штейнера, а у Волошина в его творчестве (поэзии!) и деяниях. Только имей желание их извлекать оттуда, оживив в своей собственной душе и обнаружив их же в своем духовном ядре (Высшем Я). Никакой мистики у обоих: у одного – Духовная наука эзотерического христианства; у другого – индивидуальная «религиозно-поэтическая наука».

Впрочем, вот что писал сам Волошин по этому поводу, и не в статье, в очень доверительном документе – в письме: «Антропософию по существу всю принимаю, но мне ведь приходится все переводить на свой язык... Мне это нужно для того, чтобы быть свободным и творческим... В то же время я знаю, что *и до встречи с Антропософией я мыслил исключительно ее категориями и впредь буду мыслить не иначе. Я принимаю ее сущность и только формы перестраиваю для своей души*» (из письма Ю. Л. Оболенской, 1914 г.).

Так кому же из поэтов нам следует поверить?! Сделаем попытку разобраться самостоятельно, ибо тайна Волошина (как и Штейнера), конечно же, не в земле, как пишет Цветаева, а в его индивидууме (Высшем и Истинном «Я»).

Но мы, кажется, поспешили, забежали вперед и в некотором отношении «выдали» тайну нашего поэта – но только в первом приближении. Кто же из читателей ему (Волошину) поверит, а нам тем более?! Так что, если часть тайны на виду – сама она надежно упрятана. Однако нам, коли взялись за гуж, придется все-таки отдуваться за разглашение «спрятанной» тайны, к чему мы с удовольствием и приступаем.

* * *

В ряд с новоевропейскими поэтами, творцами мифопоэтических вселенных, с такими, как Данте, Мильтон, Блейк, Гете (как автор второй части «Фауста» и цикла «Бог и мир»), во всей русской поэзии можно было бы поставить только одного поэта – Максимилиана Волошина (1877–1932). В античной культуре по характеру и масштабам индивидуальности и творчества его можно было бы сравнить с Эмпедоклом и Лукрецием Карром, автором грандиозной поэмы «О природе вещей», где представлен весь античный Космос. По глубине и грандиозности, эпичности мифопоэтических откровений о тайнах Вселенной и человека творчество Волошина сродни названным европейским поэтам.

Волошин – не просто один из поэтов-вестников⁷ миров иных, лирических вестников Духовного Космоса, какими, скажем, в русской поэзии XIX века были Лермонтов (с его «Демоном» и ранними «космическими» стихами), Тютчев (с его космосом двух бездн), А. К. Толстой (с некоторыми стихами и поэмами), поздний Случевский (в цикле стихов «Загробные песни»), Владимир Соловьев (в «Трех свиданиях» и в других стихах), а в начале XX века – А. Блок («Стихи о Прекрасной Даме» и другие стихотворения), Андрей Белый (цикл стихов «Золото в лазури», «Симфонии», «Петербург», цикл стихов «Звезда», «Котик Летаев», поэма-мистерия о звуке «Глоссолалия»). Волошин – и не реставратор древних мифов наподобие нашего «александрийца» Вячеслава Иванова. Волошинский мифопоэтический, христософический Космос не детерминирован прошлым – «досками судьбы», как у самого несвободного поэта – игрока «в бисер» – В. Хлебникова, пытавшегося из этой несвободы свободно творить свой футуристический, модернистский Космос.

Космос Волошина – не фольклорно-сектантский, как у Клюева и Есенина. Он – не урбанистичен, как у Верхарна. Это и не тот горестный, мучительный, недостижимый космос Рильке, где «каждый ангел нам страшен».

Излишне также говорить, что космизм Волошина ничего общего не имеет с так называемым «русским космизмом», представленным в русской философии идеями Н. Ф. Федорова и Э. Циолковского.

Мало имеет общего космизм Волошина и с грандиозным Космосом «нижней бездны» величайшего русского мистика Даниила Андреева, завораживающе явленным в его «Розе мира», в стихах, в цикле поэм «Железная мистерия».

Космос Волошина не похож и на мало кому известный мифопоэтический Космос «верхней бездны» нашего современника, поэта Юрия Линника – на

⁷ О понятии вестничества Даниил Андреев в «Розе мира» пишет следующее: «Вестник – это тот, кто дает людям почувствовать сквозь образы искусства высшую правду и свет, льющийся из иных миров».

Космос его Крита-йоги, можно сказать, развернутый до сногшибательной конкретности джордано-бруновский Космос, где, выражаясь словами Волошина, «миры цветут и отцветают на звездном дереве времен»; Космос, картину которого его творец создает из сил своей воистину новой для нас души – души интуитивной, связанной с потоком почти непрерывных интуиций из сферы весьма высокой и весьма отдаленного будущего, где человек уже действует как творец, демиург своих не поэтико-мифологических, а, так сказать, натурально космических вселенных...

Наконец, Космос Волошина не имеет ничего общего и с жизнерадостным, чудовищно наивным, по-ребячески вывороченным наизнанку (инсайдаут), не ведающим ни Космического Христа, ни Софии, ни девяти Иерархий, ни космических демонов зла, ни тайн планетарного, ни звездного космоса – Космосом поэта и философа, тоже нашего удивительного современника Константина Кедрова – воистину того самого чудесного, невинного, святого, ребенка, играющего на «берегу Океана Вечности» из III «Симфонии» Андрея Белого, ребенка, добавим мы, так трогательно-доверчиво сооружающего из «гениальных» открытий, скажем так, базаровских наук XX века (точнее, физики и математики) свой, тем не менее чудесный поэтический космос из «метакодов» и «метаметафор», успешно опровергая при этом известный «афоризм» Базарова о том, что «приличный математик лучше любого поэта» (в данном случае произошел инсайдаут этого «афоризма»!).

Космизм Волошина эпичен и христософичен, и, следовательно, антропософичен, он эзотеричен, и именно об этом речь пойдет далее.

Как великий космогонический поэт на стыке, смене, повороте времен (наступал XX век), Волошин призван был развернуть в своем творчестве, в своей «религиозно-поэтической науке», новую, основанную уже на эзотерическом христианстве (Антропософии) картину космоса, его творения, эволюции, инволюции, становления человеческого самосознания. Его миссией было раскрыть в своей поэтической науке не просто «природу

вещей» (Лукреций Карр), а раскрыть «природу в природе» (Гёте): показать динамическую панораму всего мироздания, с его иерархическими мирами сверхчувственных существ различных сфер космического сознания, с их воздействием, влиянием на душевные и физические планы (уровни), с их деяниями в природной и исторической реальности, и заново перед наступлением «нового средневековья» (Бердяев) произвести переоценку всех ценностей, переоценку, ничего общего не имеющую с пресловутой «переоценкой ценностей» у Ницше, раскрыть место и творческую роль человека как «микрокосма» в «макрокосме», показать его творческий путь к Космосу свободы и любви как путь Каина...

Эти задачи непосильны для известного нам Волошина. С этими задачами справился неизвестный нам Волошин – «неразгаданный сфинкс Серебряного века», великий посвященный русской культуры, скрытый от нас под своими тысячью ликами творчества.

Более того, как поэт-мудрец, поэт-пророк библейского масштаба, поэт демиург своей Вселенной, Волошин призван был не только раскрыть свой символический, христологический, а не просто мифологический Космос на бумаге, писчей и акварельной, но и начать творить Космос свободы, мудрости и любви вокруг себя – в действительности (вспомним феномен Дома Поэта), в самом начале «моровой полосы русской истории» (Лесков). В начале погружения, как говорил один критик-эмигрант, «в крошечный апокалипсический мрак исторических катастроф, в котором мы продолжаем барахтаться и поныне, не предвидя конца нашим испытаниям». В связи с этим вспомним во многом для нас странное, загадочное, парадоксальное отношение поэта к людям, природе, искусству, социальной реальности, историческим событиям, вообще к миру. Оно, конечно же, импульсировалось его развитым на пути посвящения сверхсознанием, его Высшим «Я», почти непрерывным потоком моральных и художественных интуиций, его непрестанными духовными поисками и жаждой познания и осмысления мира.

Где же можно найти, узреть архетип, прообраз такого поэта, как Волошин? Тут мы хотели бы обратить внимание читателей на то, что один из самых пленительных, одухотворенных поэтов-вестников в русской поэзии (хотя и со скромным дарованием) – А. К. Толстой явил нам в своих стихах такой прообраз поэта, который, на наш взгляд, воплотил в значительной мере в своей жизни и творчестве Волошин. Или, можно было бы сказать, пусть это и прозвучит парадоксально, – прообраз поэта, который воплотился, реализовал себя (до определенной степени) в индивидуальности Максимилиана Волошина. Попытаемся же воспринять эти стихи как откровение, прообраз космического поэта вообще, а не метафорически, не как идеализацию роли поэта, согласно нашему обыденному представлению; ведь поэты-вестники миров иных – это, в некотором роде, органы нашего духовного, сверхчувственного зрения и духовного слышания, то есть ясновидения и яснослышания. Вот этот прообраз поэта у А. К. Толстого.

В его груди пылает жар,
Которым зиждется созданье;
Служить Творцу его призванье:
Его души незримый мир
Престолов выше и порфир.
Он не изменит, не обманет,
Все, что других влечет и манит:
Богатство, сила, слава, честь –
Все в мире том в избытке есть,
А все сокровища природы:
Степей безбережный простор,
Туманный очерк дальних гор
И моря пенистые воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всех созвездий хороводы,
И синей тверди глубина –
То все одно лишь отраженье,
Лишь тень таинственных красот,
Которых вечное виденье
В душе избранника живет!
О, верь, ничем тот не подкупен,
Кому сей чудный мир доступен,
Кому Господь дозволил взгляд

В то сокровенное горнило,
Где первообразы кипят,
Трепещут творческие силы!
То их торжественный прилив
Звучит певцу в его глаголе...

.....
Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить!
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

И еще грани этого же прообраза поэта у А. К. Толстого:

Правда все та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного
Против течения!

.....
Верх над конечным возьмет бесконечное,
Верую в наше святое значение
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!

Нам бы не хотелось добиваться от читателя простой, наивной, «ясной, как солнце», веры в «святое значение» поэта и поэзии, даже если это поэт такого масштаба, как Волошин. В том-то и дело, что в наш век придется это значение показывать и раскрывать. И приходится признать, что воспоминания современников о Волошине мало что дают для понимания значения, масштабов и миссии этой индивидуальности, его вестничества.

Скорее, воспоминания затемняют все это (за исключением, может быть, эссе Марины Цветаевой). Большинство из них – о ликах или даже о масках поэта, за которыми он сокрыт, о «человеческом, слишком человеческом» в поэте.

Но встреча с творчеством и индивидуальностью Волошина – это все-таки, так сказать, кармический шанс в нашей жизни: она ставит перед нами, непутевыми, проблему нашего жизненного и творческого пути уже не как пути просвещения – его уже недостаточно, чтобы оставаться человеком (хотя бы с маленькой буквы) в наш век, – а как пути посвящения (не путать с просвещением!). Вот почему, между прочим, и невозможно устраивать культ из Волошина (как легко его устраивать из Пушкина – он нас ни к чему для нас трудному не обязывает). Волошин же, если произошел с ним контакт, может вдохновлять на поиски своего собственного пути, своего духовного странничества – или вызывать отталкивание, равнодушие и даже активную враждебность. И, кстати, из такой вот особенности этого поэта проистекает, на наш взгляд, с одной стороны – весьма поверхностное восприятие его творчества и даже некий бессознательный страх перед его мировидением, мироощущением (оно ведь никак не соотносится с нашим и недоступно нашему пониманию), а с другой стороны, безотчетная тяга к нему, как к мудрецу, к доброму поэту-волшебнику, певцу своей Киммерии... Возникает неосознанная, инстинктивная тяга в волошинский Коктебель как уникальное место на земле (несмотря на то что с ним сделали и делают местные и неместные заселенцы и «не-у-местные» отдыхающие), – место, дарующее нам соприкосновение с духом поэта, с духом Карадага, с морем и хотя бы ненадолго – сознание, ощущение сопричастности всем стихиям природы, ощущение относительной и временной свободы от бремени, от гравитационных сил нашей судьбы; возникает желание, тяга еще раз побывать в Доме Поэта, в его мастерской, увидеть сквозь ее высокие окна профиль поэта на Карадаге (даже если Дом разваливается или мумифицирован), снова увидеть в глубине мастерской Таиах, стеллажи с книгами, самим оживить его атмосферу...

С другими поэтами таких странных и сложных отношений, пожалуй, не возникает, во всяком случае, их трудно себе представить. Возьмем любого из наших любимых поэтов. Мы можем спокойно или, наоборот, страстно любить, увлекаться, ценить, тонко и глубоко понимать и переживать, исследовать жизнь и творчество и при этом вполне оставаться теми же ветхозаветными адами и евами. Не то с Волошиным. Его творчество, его жизнь, его индивидуальность могут вызвать в нас только свободный интерес, он вовсе не гипнотизирует, не завораживает нас, и нужны необычные усилия с нашей стороны, чтобы постигнуть феномен этого поэта-мудреца. При этом он своей парадоксальной позицией почти во всем провоцирует нас как бы даже на несерьезное к нему отношение. Ведь был он еще блестящим мистификатором и мифотворцем. Но если мы из нашего интереса и свободной воли глубоко пережили встречу с этим поэтом, восприняли его творчество и индивидуальность из «созерцательной способности суждения» (Гёте), то нам становится уже гораздо труднее оставаться такими же, какими мы были раньше – до встречи с ним. Нечто в нас может измениться... И кто знает, может быть, мы смогли бы все-таки «стать грустней и зорче, чем мы есть» (Волошин). Что ни говори, но именно в этом мы нуждаемся (хотя бы до некоторой степени).

Но продолжим нашу пока самую общую характеристику мировосприятия поэта.

Так как для всякого великого космогонического, космологического поэта мир всегда есть некая гностическая реальность, метаморфоза, мистерия, то вполне естественно, что мировосприятие, мировоззрение этого огромного русского, да и всевропейского поэта не имеет ничего общего с картиной мира, рисуемой современной материалистической мифологией науки. Можно лишь отметить, что в гностическом, антропософическом Космосе Волошина схематические, абстрактные, бездуховные, пустопорожние, мертворожденные представления и понятия о природе, космосе, человеке, истории, культуре, современной материалистической

науке и философии нашли свое яркое, образное, точное художественное воплощение, свое место всего лишь как преходящие, тупиковые и разрушительные образования человеческого рассудка в грандиозной панораме эволюции Космоса и человека, развернутой как «портреты» сменяющих друг друга космогоний различных культур (см. поэму «Космос» в цикле поэм «Путями Каина»).

Сама же реальность этой духовно-материальной мифопоэтической Вселенной Волошина, ее генезис, становление, структура, динамика, эволюция, инволюция до того сложны в своей органичности, в своих метаморфозах, что для проникновения, вхождения в них, познания их требуется подход, методология, которые не были бы чужды предмету исследования, а были бы заложены в нем и естественно вытекали, органически вырастали бы из самой творческой эволюции поэта, его мировосприятия, его духовных поисков. И такой подход к раскрытию мифопоэтической вселенной Волошина следовало бы охарактеризовать как гётеистический в самом широком смысле этого слова. Только с его помощью можно было бы надеяться проникнуть в сущностную реальность символического и мифопоэтического космоса поэта, ибо другие подходы и методы оказались бы редукцией этой реальности, абстрагированием от нее, теоретизацией и даже идеологизацией.⁸

⁸ В том числе любой философский, или структуралистский, или семиотический подходы, или даже методология так называемой мифологической школы современного литературоведения. Гётеистический же подход в литературоведении можно было бы охарактеризовать следующим образом: «Некогда в древние времена культуры искусство было связано как с наукой, так и с религией, вернее, со жреческой мистериальной мудростью. Но, подобно науке и религии, искусство обмелело и оскудело. Оно забыло о своем религиозно-мистериальном истоке... Так и критики, судя о произведениях искусства, сами не знают, из какого мира они заимствуют свои оценки. Они подходят к произведению искусства либо идеологически, либо психологически, либо формально.

При идеологическом подходе главное значение имеет мировоззрение самого критика; при психологическом подходе критик старается оценить произведение искусства, исходя из субъективных намерений автора; при формальном подходе критик становится на точку зрения читателя и взвешивает то впечатление, которое произведение искусства вызывает в читателе.

В наше время все три подхода одинаково неоправданны, поскольку забыт объединяющий их духовный принцип. Но если в произведении искусства искать дух, то все три подхода приобретают новый смысл.

Гётевский же способ познания позволил бы нам снова заглянуть туда, откуда греки черпали свою мифологию, а именно в мир сверхчувственных сущностей (существ), творящих миры, соприкоснуться с той реальностью, из импульсов которой поэт творил свой Космос.

Сам Волошин, косвенно характеризуя свой поэтический Космос в статье «Судьба поэта», предваряющей книгу его переводов из Верхарна, писал: «В те эпохи истории, когда человеческое мирозерцание давало мистическую точку опоры в самом небе и сводило земные противоречия к единому жесту Божественной жертвы, поэту легко было подняться на ступени лобного места, с которого совершится Страшный Суд, и с этой перспективы наметить план "Божественной комедии". Совершенно иные трудности возникают для поэта века материалистической науки и неверия. Наука по самому свойству своего знания, лишенная мудрости, не дает необходимого разбега. Поэтому необходимо создать свое небо, чтобы оттуда судить современность, воздвигнуть свою Вавилонскую башню, чтобы с ее вершины взглянуть на расстилающуюся под ее ногами Землю».

Путь как ритм восхождения-посвящения, как расширяющуюся спираль в свое «небо», к звездным вершинам своего Космоса поэт характеризует в неопубликованном предисловии к сборнику своих стихов «Иверни» (1910), так объясняя внутреннюю, духовную связь разделов книги: «Лирическое средоточие этой книги – странствие. Человек-странник: по земле, по звездам, по вселенным. Человеческий дух древнее, чем земля и звезды... Вначале странник отдается чисто импрессионистическим впечатлениям внешнего

Идеологический подход тем оправданнее, чем шире мировоззрение критика. И этот подход вполне оправдан в том случае, если мировоззрение критика расширено до мировоззрения Самого Космического Духа.

Психологический подход тем оправданнее, чем глубже критик проникает в действительность задачи автора. И этот подход вполне оправдан только в том случае, когда критик углубляется в душу автора до ее духовной сути.

Формальный подход оправдан в том случае, если критик мысленно повышает уровень общественного вкуса читателей до уровня Космического Духа.

Но если таким образом расширить идеологическую, углубить психологическую и повысить формальную критику, то все три линии пересекутся в триедином подходе критики духовной. Только этого рода духовная критика может вернуть современному искусству его священный космический смысл» (Белоцветов Н. Н. Мистерии добра и зла в духовном опыте самосознания. Машинопись).

мира ("Странствия", "Париж"), переходит потом к более глубокому и горькому чувству матери-земли ("Киммерия"), проходит сквозь испытания стихией воды ("Любовь", "Облики"), познает огонь внутреннего мира ("Блуждания") и пожары мира внешнего ("Армагеддон"), и этот путь завершается "Двойным венком", висящим в междузвездном эфире. Таков психологический чертеж этого пути, проходящего сквозь испытания стихиями: землей, водой, огнем и воздухом». Вот она – квинтэссенция космофилы поэта. Отметим между прочим, что в этом осуществленном странствии-восхождении поэта от самого низа, от «глубокого и горького чувства матери-земли» к «звездным вершинам» своего Космоса виден его мощный гётеизм. Сравним, например, это откровение Пути нашего поэта с самыми сокровенными мыслями Гёте: «...В то время как человек поставлен на вершине природы, он видит себя подобным всей природе и в себе самом должен вновь создать такую кульминационную вершину. К ней человек поднимается, совершенствуясь, проникаясь всеми добродетелями, делает выбор, организует порядок, гармонию, придает значение, пока не возвысится до создания художественного произведения... Произведения же искусства являются откровением тайных законов природы, которые без них оставались бы для нас вечно сокрытыми» (Гёте «Об искусстве»).

Вспомним в связи с этим гётеизм киммерийского цикла и акварели Волошина (подробно об этом позднее). А вот примеры характерного мироощущения поэта еще на раннем этапе его творчества, когда он переживает себя поставленным «на вершинах природы» и «в себе самом» «создает свою кульминационную вершину».

Так странно свободно и просто
Мне выявлен смысл бытия,
И скрытое в семени «я»,
И тайна цветенья и роста.
В растенье и в камне – везде,
В горах, в облаках, над горами
И в звере и в синей звезде
Я слышу поющее пламя.

Здесь важно еще отметить, что поэт не конструирует «вершину», а вспоминает о своем пребывании на ней и роняет нам откровение о ней, выражая удивление нашим миром – удивление большого и мудрого ребенка:

По ночам, когда в тумане
Звезды в небе время ткут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.
Я ловлю в мгновенья эти,
Как свивается покров
Со всего, что в формах, в цвете,
Со всего, что в звуке слов.
Да, я помню мир иной –
Полустертый, непохожий,
В вашем мире я – прохожий,
Близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил.
Как ядро к ноге прикован
Шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.
Мир отрывочен и пуст...
Непривычно мне сознание
Знать его как сочетанье
Лишь пяти отдельных чувств.
Что одни зовут звериным,
Что одни зовут людским –
Мне, который был единым,
Стать отдельным и мужским!
Вечность с жгучей пустотою
Неразгаданных чудес
Скрыта близкой синевою
Примирающих небес.
Мне так радостно и ново
Все обычное для вас –
Я люблю обманность слова
И прозрачность ваших глаз.
Ваши детские понятия
Смерти, зла, любви, грехов –
Мир души, одетый в платье

Из священных, лживых слов.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что Волошин не мифологизирует произвольно, искусственно, интеллектуально-рассудочным образом духовную реальность в природе, в человеке, в социальных отношениях; не одевает, не рядит эту реальность в одежды античных мифов, как, например, Вячеслав Иванов. Для Иванова «буквы» Мирового Слова, то есть античные боги, все еще «кормчие звезды». Волошин же через самопреобразование на пути посвящения подымается в своем волящем самосознании на высшие духовные планы, уровни Божественной реальности,⁹ в свое время породившие материальную, физическую реальность, и творит свой символический, мифопоэтический космос, свою поэтическую науку, нисходя с духовной высоты (как он выражался – «неба», «башни», «звездного эфира») к природно-социальному космосу (конкретное пространство – Киммерия, Россия; конкретное время, конкретные события), творит «портреты культур», по выражению самого поэта, и их метаморфозы в цикле «Путями Каина», в поэме «Россия», в других произведениях. И поэт органически соотносит природный и социальный космос с высшими уровнями, планами, иерархическими существами христологического духовного космоса, тем самым возводя нас через свой символизм от «чисто импрессионистических впечатлений внешнего мира», от «горького чувства матери-земли» к деяниям сверхчувственных духовных существ, развертывая перед нами взаимодействие планов и уровней своего Космоса.

Впрочем, скептики могут это «небо», «звездный эфир» поэта объявить или субъективной фантазией, мифологизаторством, или, в лучшем случае, эрудицией поэта и начать кропотливо выявлять источники его космологических идей, образов, мифов и т. д. Что ж, это возможный путь, если мы хотим низвести поэта до своего уровня, уровня всего-навсего эрудитов-интеллектуалов, а не пытаемся возвыситься до его мировосприятия. И это, кстати, банальнейший способ рассмотрения и анализа творчества даже

⁹ В этом подъеме можно выделить следующие ступени: творение, деяние, откровение, сущности.

таких поэтов, как Данте, Мильтон, Блейк, Гёте, Шекспира. Возьмем, к примеру, Шекспира. Ведь шекспироведам хорошо известно, что все его творчество – сплошной плагиат: все свои сюжеты, да и образы он заимствовал у других, а слава почему-то досталась ему... И если покопаться как следует, то так же обстоит дело и с другими великими поэтами нового времени.

Так что сразу оговоримся: в нашу задачу здесь вовсе не входит выяснение того, откуда Волошин заимствовал (конечно, переплавив) те или иные образы, идеи, символы, мифы или манеру своих акварелей; какие именно литературные (скажем, древнерусские сказания, Достоевский, Тютчев, Толстой, Верхарн, Метерлинк, французские символисты); какие философские (Платон, Веданта, Ницше, В. Соловьев, Н. Федоров, Шпенглер); какие богословские и шире религиозные (например, гнозис, каббала, буддизм, апокрифы, сочинения отцов церкви); какие масонские, гностические, теософские, антропософские или мифологические (древнегреческая мифология), или научные источники (например, теория относительности с поправками Фридмана), или течения в живописи (например, французские импрессионисты) – оказали на него то или иное влияние, расширили его кругозор и эрудицию, развили его чувство формы, вдохновили на свое видение мира.

Более того, мы не можем доверять здесь даже самому поэту, который, по утверждению Марины Цветаевой, называл себя «коробейником идей».

Источники всех этих идей можно при желании отыскивать в творчестве поэта и указывать. До этого весьма любопытного занятия, нам думается, охотников найдется еще немало, и на самый выдающийся пример такого «вскрытия тайны творчества» поэта мы уже указывали выше.¹⁰

¹⁰ Увы, именно в этом случае, когда наконец появилось на Руси первое исследование, приближающее нас к тайне индивидуальности и творчества Волошина и посвященное именно всевозможным влияниям на его творчество, мы не можем не вспомнить здесь глубокую и актуальную мысль гениального Андрея Белого: «Я считаю, что сумма всех влияний ничтожна в сравнении с "новым качеством", выявленным из химии соединения суммы влияний; и кроме того: разлагать писателя на "влияния" и суммой их характеризовать писателя – все равно, что

Но мы так же далеки и от мысли, что свой мифопоэтический космос поэт произвольно нафантазировал (по примеру научной фантастики), как об этом писал некто Ал. Горловский в первом выпуске «Волошинских чтений» (1981), упрекая поэта в «мифологизаторстве социальной реальности» (ведь для Горловского она первична).

Мы будем здесь придерживаться идеала великого космогонического поэта нового времени и требований новой христианской мифологии, провозглашенных еще «божественным» Шеллингом в его «Философии искусства», – ибо этот идеал, по нашему убеждению, и нашел свое впечатляющее воплощение в творчестве великого русского космологического поэта Максимилиана Волошина. И еще потому, что подобное познается подобным. Вот этот идеал поэта у Шеллинга: «Всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывающуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию; мир этот (мифологический мир) находится в становлении, и современная поэту эпоха может открывать ему лишь часть этого мира; так будет вплоть до той, лежащей в неопределенной дали точки, когда мировой дух сам закончит им самим задуманную великую поэму и превратит в одновременность последовательную смену явлений нового мира...

Каждая истинно творческая индивидуальность сама должна себе создать мифологию, и это может произойти на основе какого угодно материала, тем более, следовательно, на основе материала высшей физики. Однако эта мифология все же обязательно будет творчески созданной и не может быть составлена по указке определенных идей философии, ведь в этом случае было бы невозможно дать ей самостоятельную поэтическую жизнь.

Требование мифологии состоит как раз не в том, чтобы ее символы всего лишь обозначали идеи, но в том, чтобы они сами для себя были полными

характеризовать "Войну и мир" тем, что в наборе все буквы встретятся от "а" до "я"; историки литературы в прошлом столетии достаточно нагрели поисками "влияний"; вместо того чтобы писателя "выярить", они его протускняли перечнем влияний». Вот мы и рады здесь заняться «новым качеством» поэта, выявленным из «химии соединения суммы влияний», но не только влияний по горизонтали, что еще важнее – по вертикали!

значения независимыми существами. Итак, предварительно следовало бы только обратиться к тому миру, в котором эти существа могли бы двигаться независимо. Если бы этот мир был нам дан через историю, то существа эти, без сомнения, нашлись бы сами собой. Итак, пока история не воспроизводит мифологии в общезначимой форме, остается основное требование, чтобы сам индивидуум создавал себе свой поэтический мир, а поскольку общая стихия нового времени – оригинальность, то вступает в силу закон, по которому, чем произведение оригинальнее, тем оно универсальнее...».¹¹

Однако Шеллинг еще не мог ясно выразить, охарактеризовать сущность мифологии после Мистерии Голгофы. Мы находим выражение этой сущности в работе современного немецкого исследователя легенд и мифов Эрнста Юли «Новые искания Грааля» (машинописный текст¹²): «Связь человека с миром богов, индивидуализированных в разных народах и эпохах, является связью с божественной реальностью до ее человеческого воплощения. Христорология же – это связь человека с Богом после его человеческого воплощения...

Правильно понятая мифология может вести к правильному пониманию христорологии. Мифологические божества – буквы мирового Слова, еще не ставшего человеком. Христорология же охватывает Мировое Слово во всей полноте – именно благодаря тому, что Оно стало человеком.

Существо же христорологии заключается в самопреобразовании человека. Самопреобразование – исходная точка доказуемости христорологического познания. Объект христорологического познания – существо Вселенной. Поэтому и от человека, желающего овладеть им, требуется величайшее, что может совершить человек, – преобразование своего собственного существа. Тем самым существо Вселенной становится участником собственного

¹¹ Шеллинг Ф. В. *Философия искусства*. М., 1966. С. 146–149.

¹² Здесь и далее нам придется приводить цитаты по машинописным текстам самиздата, которые в свое время были известны многим читателям и многие из которых по сей день остаются неопубликованными.

существа человека... Без такого самопреобразования человеческое существо выключается из существа Вселенной...».

Существо Вселенной стало в случае с нашим поэтом «участником собственного существа человека». Вот где кроется тайна такого поэта, как Волошин, и нам остается лишь конкретизировать ее в его индивидуальности и творчестве. Загадки бытия поэт разрешал не рассудком, не «малым беспмятным я» и даже не «Высшим Я». Он, пожалуй единственный из русских поэтов, который мог свой разум погружать в Божественную Реальность. И тогда наступало преображение – существо Вселенной становилось участником деяний собственного существа поэта. И тогда из этого сознательного сотрудничества творил поэт свой мифопоэтический космос свободы и любви вокруг себя в действительности.

Наше намерение состоит также и в том, чтобы показать, как поэт приходит к тому, что Гёте называет «точной фантазией», с помощью которой поэт и творит свой космос, свою истину, творит их из своего Высшего «Я». Вспомним мысль Гёте: «Если я знаю свое отношение к самому себе и к внешнему миру, я называю это истиной. Итак, каждый может иметь собственную истину, и всё же она одна и та же». И эту истину, это слово поэта мы могли бы также назвать, вслед за выдающимся русским мыслителем В. Одоевским, индивидуальной «религиозно-поэтической наукой или учено-поэтической религией». И это вовсе не механическое соединение, смешение науки, искусства и религии, а их метаморфоз, превращение в качественно иные уровни творчества с помощью качественно новых духовных сил – сил самосознающей души и Высшего «Я» (о них – ниже). Забегая вперед и бросая вызов читателям и исследователям творчества поэта, мы могли бы утверждать, что стихи и акварели Волошина – это его наука; искусство же нашего поэта – это его теургия, творчество одухотворенных душ в своем окружении (феномен Дома Поэта); и, наконец, его религия – это не церковный путь, а индивидуальный, эзотерический путь

христианского посвящения – его «учено-поэтическая религия» («Подмастерье»).

Но вернемся к тем силам в его душе и в его «Я», с помощью которых поэт творил свою индивидуальность и свою «религиозно-поэтическую науку».

Согласно Антропософии, в человеке не только различают три тела, но и тройственную душу (душа ощущающая, рассудочная и самосознающая). «Чувствовать себя душой ощущающей означает: человек почти ничего не знает о том, что он мыслящий; человеку тогда совершенно не дано мыслей, но зато он стоит в постоянной чувственной связи с внешним миром, пропитанным духом.

Душу, пользующуюся услугами мышления, можно назвать душой рассудочной. Ее также можно было бы назвать душой характера. Душу рассудочную, поскольку она причастна природе "Я" и поскольку она, в известном отношении, и есть само "Я", которое только еще не осознало своей духовной сущности – называют просто "Я".

Позволяя ожить внутри себя независимой истине и добру, человек поднимается выше души рассудочной. Ее тогда начинает пронизывать светом вечный дух... То, что душа несет в себе как истину и добро, – то в ней бессмертно; то, что в душе вспыхивает как вечное, называется душой сознательной (или самосознающей)» (Рудольф Штейнер. «Теософия»).

Именно высокоразвитая душа самосознающая была характерна для Волошина.

Антропософские понятия – «самосознающая душа», «самосознающее "Я"» Андрей Белый объяснял в своей итоговой работе «История становления самосознающей души» следующим образом: «Это силы соосознания и организации многих и разных живущих в нас сознаний. И это новое "со", волевое и творческое, и есть "само" – самосознание наше...

Где же теперь утверждаются "права человека"? В самосознании! Самосознание не есть сознание. И даже оно не самопознание. Самопознание

есть раскрытие практической силой рассудка своих глубин. Это процесс анализа и разгляда себя. Сознание есть освещение вокруг себя предметов в их связи друг с другом. Само-со-знание есть "да будет", сказанное себе. Да буду я таким-то вот, потому что "Я" как таковой и есть "Я" такой и хочу быть "Я" таким. Самосознание есть внесение творческой воли в сознание и в познание» (машинопись).

Далее Андрей Белый вскрывает в своем гениальном трактате тайну становления души самосознающей в истории европейского человечества (начиная с XV века):

«История становления интеллекта последних пяти столетий есть история рождения и мучительного роста самосознающей души и история ее вырыва из сферы личности.

Мы видели, что рождению личности соответствует вырыв самой способности мысли в особи из родовой жизни; личность – итог переработки души ощущающей силами души рассудочной (рассуждающей); и в этом смысле она есть щит, слепок, или, вернее, налесток на семени, точке будущего самосознания.

Момент рождения души самосознающей – момент разрыва центральной точки сознания. Иль точки "со", как отвлеченного понятия о некоем единстве, ставящем знак равенства между собой и "Я"; точка – превратилась в круг точек; центральное единство – в круг единств; но каждое единство дано было под оболочкою личности; и стало быть: появление круга личностей, иль разрыв личности центральной; прежде единством сознания оказывалось наше "Я"; теперь, с появлением круга сознаний, и, стало быть, круга личностей, коллектива, "Я" сознание в прежнем смысле – разбито; и нет его вовсе; оно – метаморфоза животных процессов чисто физических организаций; "Я" и сознание прежние, лично-личинковое – не адекватны; "Я" личное – фикция, потому что "Я" надлично; оно – организующая сила не одного сознания, а круга сознаний, где отдельные "со" отдельных сознаний – лишь точки новой фигуры, результирующей организацию их; и круг этих "со" – есть понимание

центрального "со" – всех сознаний, как силы соосознания сознаний; но это новое "со" – волевое и творческое – есть "само": самосознание наше; а круг личностей, где каждая есть личина отдельного сознания, а не личность круга, изживает себя в понятии "индивидуума", где "индивидуум" есть сам в себе замкнутый род, иль, вернее "антирод"; это есть представление о "Я", как конструкции, храме из личностей..., в свете нового самосознания: и душа ощущающая, и ее подстилающие тела суть внутри меня обитающие мои отставшие братья, а "Я" собственно есть "индивидуум", иль организация, направленная к проработке сознанием в меня вписанных личностей, потенциалов, во мне живущих и мною неразвитых каких-то иных жизней, импульс же к этой организации, или творческая сила, открывающаяся мне в центре моего идеального представления о "Я", или "идеал", сотворенный мной, и есть "Я" – собственно, как дух, а не как душа жизни. Корень и тайна себя сознающей самосознающей души – есть раскрытие этой души как "само" духа...

Кризис сознания нашего времени есть вынужденная и всегда болезненная операция: среза личины с "Я"; маска иль личность судьбою срывается с нас, потому что "Я", как душа, есть момент жизни духа; никакого душевного "Я" – нет, быть не может; есть только духовное "Я"; и есть тело...» (машинопись).

А теперь попытаемся наложить эту характеристику самосознающей души у Андрея Белого на «лики творчества» самого Волошина, увидев их неисчислимое «многообразие творческих потенциалов» как «круг сознаний», как «круг личностей», «где каждая есть личина отдельного сознания» (у Волошина – «лик») и «изживает себя в понятии «индивидуума» – Высшего «Я» (Волошина) как духа их всех организующего», как «корень и тайна себя сознающей самосознающей души и раскрытие этой души как "само" духа» (то есть его Высшего «Я»).

Глава вторая

Лики творчества самосознающей души Поэта.

Его странствия. Гнозис Волошина.

Венок сонетов «Corona astralis».

Припомним, что Волошин развертывал, раскрывал свою индивидуальность, свое самосознание в поистине эмпедокловом (если взять нечто аналогичное в античности) или в гётевском (если аналогию искать в новом времени) многообразии творческих потенций и их глубине, в многообразии ликов творчества.

По Волошину «лик» – это нечто внешнее к душе и духу человека, но в то же время и очень важное: «Мудр всей земной мудростью только тот, кто от духа приходит к лику, кто, познав в себе свою бессмертную душу, поймет, что только в преходящем лике жива она и что только ликом утверждается дух в мироздании» (запись в одной из записных книжек в 1909 г.)

Познать собственный лик можно только путем сопоставления с другими и со всем миром явлений. «В других познавай свой лик, и сам будь зеркалом для других, – пишет Волошин. – По существу, во всех явлениях и во всех людях мы видим только свой лик».

Постигнутое через лик – достояние искусства. Иначе говоря: цель искусства – постижение через лик. «К лику стремится искусство. К лику стремится красота. Лик – это форма... Ликом познается безликое. Все ищет себе лика и безобразный мир стучится в душу художника, чтобы через него найти себе свое воплощение... Лик во мгновении создает слово. Только обрета словесное имя, лик может быть закреплен».

Волошин называл ликом некий синтетический образ человека, преимущественно творческого, в котором его духовные особенности

выступают перед людьми во внешних проявлениях; в его облики, в событиях его жизни, в его судьбе и творчестве.

Охарактеризуем же некоторые важнейшие лики творчества самосознающей души поэта. Но перед этим – его зримый лик, словесный портрет, облик его личности в этом воплощении, оставленный нам в воспоминаниях его тремя преданными друзьями (дабы мы могли полюбоваться этим удивительным и чудесным феноменом природы и культуры).

Всеволод Рождественский (поэт):

«...Передо мной оказался невысокий, богатырского сложения человек с чисто русским лицом, с широкой дьяконской шевелюрой и густой окладистой бородой – почти персонаж из пьесы Островского. Всё в его облике дышало давней, чуть ли не допетровской Русью. И только изысканно построенная, несколько грассирующая речь, изящно-сдержанный жест да строгое профессорское пенсне выдавали в Волошине европейца, завсегдатая поэтических собраний и людных вернисажей. И еще больше поразил меня Максимилиан Александрович позднее, в родном ему Коктебеле. Здесь среди степных полынных холмов и диких скал побережья, он, облаченный в домотканую оранжевую хламиду, с обнаженной головой с разлетающимися по ветру кудрями под древнегреческой повязкой, с пастушеским посохом в руке, казался похожим на ясноглазого, примеренного с жизнью старца, бродячего рапсода гомеровских времен».

Эрих Голлербах (литературовед, искусствовед):

«Волошина не раз сравнивали то с Зевсом-олимпийцем, то с русским кучером-лихачем, то с протопопом; сравнивали с Гераклом и со львом. Всё это, в общем, верно, но в частности – не точно. Этот "Геракл" не мог бы разорвать пасть льву, потому что лев был в нем самом (tat twan asi – это тоже ты). Этот кучер не сел бы на облучок тройки, потому что помнил

триумфальное величие античных колесниц. Он не принял бы сан иерея, потому что знал когда-то глубокие тайны элевсинских мистерий.

Казалось бы, из этой фигуры легко сделать гротеск – так много в ней отступлений от "нормы", – но неизвестно, кого же, собственно, пародировать – московского купчика или евангельского апостола? К тому же чувство достоинства, спокойствия, сановитость, которыми дышала эта фигура, отбивала охоту к шаржу.

Сразу приковывали к себе глаза – зеленоватые, внимательные, почти строгие глаза, глядевшие собеседнику прямо в зрачки, но без всякой вьедливости и назойливости, спокойно и вдумчиво. Отчетливы и приятны были в этом лице очертания рта – изысканная линия губ: такие губы не могут произнести никакой банальности, пошлости... Впечатление духовности волошинского "лика" не умалялось полностью, даже некоторой одутловатостью лица, массивностью всей головы, грубоватостью ее моделировки и плотностью смугло-розовой лоснящейся кожи. В этом волосатом лице, с бородой, растущей чуть ли не от самых глаз, явственны были черты благородства и нежности. "Зеленоватый свет", пленивший Бодлера в чьих-то глазах, излучал такое благородное спокойствие, линия губ говорила о такой нежности души, что с первого взгляда не оставалось никаких сомнений в значительности этого человека, в его духовном аристократизме. Если угодно, он был аристократичен даже в самом внешнем, светском смысле слова: его приветливость, его умение вести разговор – умение не только "изрекать", но и слушать, вся его манера себя держать – обличали в нем прекрасно воспитанного человека».

Леонид Фейнберг (художник):

«Одна из ценнейших черт его характера была непрерывная власть над собой. Он никогда не выходил из себя. Никогда ни гнев, ни досада, ни раздражение, ни смех, ни даже веселость не брали верх над его внутренним самообладанием, над внутренней плавностью его бытия.

Слишком часто встречающийся, даже в наилучших воспоминаниях, образ Макса, такого безграничного благодушного добряка-медведя, мне думается, снижает его образ. Я никогда не видел Макса бегущего кому-либо навстречу с распростертыми объятиями... Основная внешняя черта его была плавность жестов и движений, мягкая доброжелательная плавность, неизменно зоркая плавность... Любое нарушение этой плавности было вызвано сознательным решением, связанным с мистификацией, или с желанием принести пользу, или со своего рода душевным упражнением.

Незыблемая плавность волевых решений.

Неизменная плавность всей жизненной, даже житейской системы.
Плавность быта.

Полностью противоположан Волошину был любой вид робости. Макс был смелым, беспредельно смелым. Но это не была внешняя смелость, показная отвага. И когда – значительно позднее – он сказал:

...Если ж дров в плавильной печи мало,
Господи, – вот плоть моя!

Это не было простой поэтической формулой. Я убежден: так чувствовал Волошин свою жизнь» (это уже и глубокая, точная характеристика самосознающей души нашего поэта!).

Начнем же припоминать его лики творчества. Волошин – поэт, творец «религиозно-поэтической науки»; Волошин – художник, творец около трех тысяч удивительных по мастерству и оригинальности акварелей. Волошин – один из самых тонких, оригинальных и глубоких художественных и литературных критиков России в XX веке, автор около трех сотен рецензий, статей и заметок. Волошин – странник (в самом духовном смысле этого слова) по Средней Азии и Европе. Волошин – истый парижанин, житель Латинского квартала, эстет, открывающий и раскрывающий русской читающей публике художественные особенности и значение новейших течений в европейской живописи конца XIX – начала XX вв. Волошин –

блестящий переводчик Верхарна и французских поэтов-парнасцев. Волошин – автор самой глубокой, самой талантливой книги о великом Сурикове. Волошин – книжник, в библиотеке которого насчитывалось около десяти тысяч томов и для которого книга была «постоянным орудием работы», книжник, чуждый культу книжного знания, кабинетного затворничества: «Книга, природа и люди... Это три ступени моей души», – писал он в 1911 году. Ценность книги в том, что она способствует рождению собственных мыслей: «Мне книга дает только тогда, когда глаза отрываются от нее и я вижу свое... Я люблю думать над книгой, как любят думать под музыку...» Волошин – никогда организационно не примыкавший ни к одному литературному, художественному или духовному направлению, школе, учению. Волошин – знаток древних культур Востока и Европы, гностик, тайновед, теософ, эзотерик, досконально знакомый с тайнами масонства, с историей философии. Волошин глубоко воспринявший в душу Антропософию и творчески претворивший ее импульс в русской культуре. Он знакомится с творцом антропософии – Рудольфом Штейнером впервые в 1905 году в Париже, слушая его лекции. В 1914 году перед самым началом I Мировой войны Волошин посещает антропософский центр в Дорнахе (Швейцария), где в течение нескольких месяцев участвует в строительстве антропософского храма – Гётеанума (готовит эскиз занавеса для его сцены). В конце 1914 года в письме своей знакомой Ю. Л. Оболенской из Парижа поэт пишет: «Антропософию по существу всю принимаю, но мне ведь приходится все переводить на свой язык, на свой образ... В то же время я знаю, что и до встречи с антропософией я мыслил исключительно ее категориями и впредь буду мыслить не иначе... Я принимаю ее сущность и только формы перестраиваю для своей души...».

О Рудольфе Штейнере Волошин скажет: «Я его впервые услышал в 1905 году... В словах его меня прежде всего поразило то, что это было широкое обоснование и обобщение тем отдельным мыслям, убеждениям, к которым я в то время сам пришел. Но потом началась борьба и протест. Протест больше

против штейнеристов, в которых я видел людей, "изнасилованных истинами", чем против него самого. Не принимал я тоже и догматизма его последователей. У него самого нет его. Он всегда повторяет: "Относитесь к моим словам как к художественному произведению, не больше". Потом было у меня все время то же противопоставление оккультному познанию познания художественно-символического. Но в результате выходило, что я все же возвращался постоянно к его книгам и его формулам...»; «Каждое его слово чувствуешь обращенным лично к себе и всегда о главном... То, что делает Штейнер, хорошо каждому нести в молчании собственной души». Философию Штейнера Волошин называл «освободительной, всеобъемлющей, учащей любить и преображать жизнь».¹³

Волошин – манихей (но об этом, пожалуй, самом таинственном лице его творчества мы расскажем позднее) и Волошин, глубоко переживший историю русской святости, создавший своеобразную трилогию о трех святых на Руси (поэмы «Аввакум», «Святой Серафим», «Сказание об иноке Епифани»). Волошин внимательно изучающий самые современные ему достижения и тупики материалистической науки (труды Эйнштейна, Бора, Иоффе, Пуанкаре, Фридмана, Гейзенберга и др.) и художественно, символически, мифопоэтически претворяющий, осмысляющий их в своей «поэтической науке». Волошин, «научной поэзией» которого восхищаются наиболее чуткие и ищущие русские ученые, считая ее во многом таинственной, загадочной, чуть ли не мистической и в то же время самой философичной поэзией XX века. Волошин – проникновенный певец своей Киммерии, гётеистически раскрывший дух этого уголка Крыма, утонченнейший поэт-созерцатель, которому не удалось избежать упреков критики в рационализме, холодности, риторичности, эстетизме и даже бездушности его поэзии.¹⁴ Волошин – тонко чувствующий и переживающий

¹³ Письмо Ю. Л. Оболенской от 21.11.1913 г. См. также его стихотворение, посвященное Р. Штейнеру (Волошин М. Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. С. 411).

¹⁴ Очевидно, многие критики глухо не воспринимали «строй его души», о котором Цветаева скажет: «Поэт живописец и ваятель, поэт мирозерцатель, никогда не лирик как строй души».

музыку своих любимых композиторов, хотя далеко и не меломан. Волошин – маг, уточним: белый маг (вот характерная легенда о нем: он останавливает заклинаниями начавшийся было разгораться пожар своего дома в Коктебеле, пожар, который обитатели его дома не могли потушить обычными средствами). Волошин – экономист, профессионально разработавший проект черноморской железной дороги, как составной части обсуждавшегося перед Первой Мировой войной в Европе плана строительства железнодорожного пути Берлин – Багдад. Волошин – архитектор, по своему оригинальному проекту-эскизу строящий свой дом в Коктебеле (на средства матери – ведь он всю свою жизнь бесребреник, трогательно непрактичный в устройстве своих личных материальных дел). Волошин – творец двух самых блестящих по форме и самых таинственных, «космических», гностических, оккультных по содержанию венков сонетов во всей европейской, а не только русской поэзии («Lunaria» и «Corona astralis»). Волошин – в своем цикле «Два демона» раскрывший нам два лика космического зла. Волошин – автор одного из самых потрясающих и пленительных гимнов Богоматери во всей мировой христианской литературе («Хвала Богоматери»). Волошин – истинный сын земли по своему облику. Вот что пишет Цветаева о его сказочности, о его мифотворчестве в своем знаменитом эссе «Живое о живом»: «Макс был настоящим чадом, порождением, исчадием земли. Раскрылась земля и породила: такого совсем готового, огромного гнома, дремучего великана, немножко быка, немножко бога, на коренастых, точеных как кегли... как столбы устойчивых ногах, с аквамаринами вместо глаз, с дремучим лесом вместо волос, со всеми морскими и земными солями в крови ("А ты знаешь, Марина, что наша кровь – это древнее море..."), со всем, что внутри земли кипело и остыло, кипело и не остыло. Нутро Макса, чувствовалось, было именно нутром земли. Макс был именно земнородным, и всё притяжение его к небу было именно притяжением к небу – небесного

тела. В Максе жила четвертая, всеми забываемая стихия земли. Стихия континента – сушь... О нем, как о горах можно было сказать: массив...

Физика Макса была широкими воротами в его сущность; физическая обширность – только введением в обширность духовную; физический жар его толстого тела только излучением того светового и теплового очага духа, у которого все грелись, от которого все горели; вся физическая сказочность его – только входом и вводом в тот миф, который был им и которым он был.

Но этим Макс и сказка не исчерпаны. Это действующее лицо и место действия сказки было еще и сказочник: мифотворец».

Вот она – сверкающая, переливающаяся всеми цветами радуги, зримо-божественная грань индивидуальности нашего поэта: мистификатор, сказочник, мифотворец (вспомним как один из самых ярких примеров его мифотворчества историю розыгрыша редакции символистского журнала «Аполлон» и сотворения, порождения Волошиным удивительного феномена «серебряного века» – Черубины де Габриак). И Цветаева, можно сказать, гениально раскрывает нам сущность этого теургического (то есть творящего уже не стихи, акварели или эссе, а сами души людей) импульса в поэте: «Отношение его к людям было сплошное мифотворчество, то есть извлечение из человека основы и выведение ее на свет. Усиление основы за счет "условий", сужденности за счет случайности, судьбы за счет жизни... Мифотворчество: то, что быть могло и быть должно, – обратно чеховщине: тому, что есть, а чего по мне и вовсе нет. Усиление основных черт в человеке вплоть до видения – Максом, человеком и нами – только их. Все остальное: мелкое, пришлое, случайное – отметалось. То есть тот же творческий принцип памяти, о которой, от того же Макса, слышала: "У памяти хороший вкус", то есть несущественное, то есть девяносто сотых – забывает».

Волошин, умевший многое прощать людям, но плохо переносивший их пошлость. Против пошлости Волошин восстал даже в таком поэте, как Гумилев: он вызывает его на дуэль за оскорбление Е. Васильевой (Черубины де Габриак), смело становится под пулю взбешенного Гумилева, весьма

меткого стрелка. Интересны две осечки Волошина. Очевидно, они не случайны. Поэт ведь – белый маг: ему вовсе не были нужны ранение или убийство, а только защита чести женщины... Волошин, умевший метаморфизировать, преодолевать свои душевные и духовные кризисы, оставаться отзывчивым и доброжелательным.

Вот что писал в своих воспоминаниях о Волошине главный редактор главного символистского журнала «Аполлон» С. К. Маковский: «...И ни с кем не говорилось так "по душе". Он был отзывчив на все необычайно и выслушивал собеседника не для того, чтобы спорить, а наоборот – увлекательно развивал высказанную мысль и попутно строил соблазнительные парадоксы, заражая своей кипучей, бесстрашной фантазией. Душа у него была поистине вселенская, причастная всем векам и народам».

А теперь о важнейшем лике индивидуальности поэта – о его одиночестве, скитаниях, странствиях, блужданиях, то есть об исканиях его духа. Возьмем эту тему (этот лик) в первом приближении. Вот как красиво и весьма убедительно об этом пишет автор одного из предисловий к двухтомнику стихотворений и поэм Волошина (Париж, 1982 г.) Борис Филиппов: «Всю жизнь – странник, даже когда он осел в своем любимом Коктебеле, и тогда неутомимый ходок по горам и побережьям Крыма, неутомимый чудак-искатель – не только причудливых, окаменелых в воде обломков дерева – габриаков; не только красивых камешков приморья, но и людей и истин, впечатлений и созвучий, звездных путей и преданий, космических и исторических предзнаменований...»

Вечные блуждания, странствия – звездные и поддонные, по земным путям и перепутьям – и по зонам мировой и космической истории («Блуждая в юности извилистой дорогой...»; «Как некий юноша в скитаньях без возврата...»; «Снова дорога»; «Мы пятый день плывем...»; «Опять бреду я, босоногий...»).

Еще в 1902 году на заре своих странствий поэт провозглашал:

Я – Вечный Жид. Мне люди – братья,
Мне близки небо и земля.
Благословенное проклятье!
Благословенные поля!
Туда – за грань, к пределам сказки!..
Лучи, и песни, и цветы...
В полях люблю я только краски,
А в людях только бред мечты.
И мир как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод.

Позднее Волошин творит образ странника сквозь призму платоновской притчи о юноше, в раннем детстве похищенном разбойниками («Государство»). В одном из писем 1930 г. поэт так интерпретирует эту притчу и свое стихотворение, написанное по ее мотивам: «И он, выросши, идет из края в край и от шатра к шатру, в поисках своих родителей. И люди его принимают... Но он, который помнит о своей семье только одно, что все там были счастливы и мудры, увидев их житейские недостатки, сам покидает их и идет по свету дальше искать своего отца и свою семью, без удовлетворения и без достижения». Символический же смысл этого стихотворения озаряет и высветляет строка: «Я странник и поэт, мечтатель и прохожий».

Вот этот сонет целиком:

Как некий юноша, в скитаньях без возврата
Иду из края в край и от костра к костру...
Я в каждой девушке предчувствую сестру
И между юношей ищу напрасно брата;

Щемящей радостью душа моя объята;
Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру,
И знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои и где я жил когда-то.

Бездомный долгий путь назначен мне судьбой.
Пускай другим он чужд... я не зову с собой,
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.

Любимое – со мной. Минувшего не жаль.
А ты, кто за плечом, – со мною тайно схожий, –
Несбыточной мечтой сильнее жги и жаль!
(1913)

Этот сонет интересен еще и выражением уверенности в достижении цели своих странствий. («И знаю, что приду к отцовскому шатру, // Где ждут меня мои и где я жил когда-то...»), хотя поэту и сужден «бездомный долгий путь» к этой цели, то есть к Космосу Отца.

Другое яркое и глубокое стихотворение о своем «предвечном странствии» Волошин пишет под влиянием идей «Бхагавадгиты», которую он внимательно изучал во французском переводе, – философской поэмы, входящей в шестую книгу индийского эпоса «Махабхараты». В стихотворении Волошина концентрированно в образной форме дана идея перевоплощения (реинкарнации), неуничтожимости Высшего «Я» человека, изложенная в поэме «Бхагавадгита». Поэт принимает и завет Бога Кришны царевичу Арджуне: «Быть всей душой в борьбе» (не боясь смерти, ибо Высшее «Я» не знает смерти). И не отсюда ли любимая эзотерическая идея нашего поэта о том, что борьба противостоящих сил способна привести их рано или поздно к взаимопониманию, братству и любви? (Вспомним первые две строки стихотворения «Россия»: «Враждующих скорбный гений // Братским вяжет узлом...»). И вот самое яркое стихотворение Волошина о его «предвечном странствии» – о перевоплощении:

Я верен темному завету:
«Быть всей душой в борьбе!»
Но змий,
Что в нас посеял волю к свету,
Велев любить, сказал: «Убий».
Я не боюсь земной печали:
Велишь убить, – любя, убью.
Кто раз упал в твои спирали,
Тем нет путей к небытию.
Я весь – внимающее ухо.
Я весь – застывший полдень дня.

Неистошимо семя духа,
И плоть моя – росток огня:
Пусть капля жизни в море канет –
Нерастворимо в смерти «Я»,
Не соблазнится плоть моя,
Личина трупа не обманет,
И не иссякнет бытие
Ни для меня, ни для другого:
Я был, я есмь, я буду снова!
Предвечно странствие мое.

(1910)

И наконец, последнее стихотворение из цикла «Блуждания». Это – благодарение судьбе за все, что она дала поэту в его скитаниях, и это – благоговейное преклонение перед Софией в ее материнском аспекте¹⁵:

Склоняясь ниц, овеян ночи синью,
Доверчиво ищу губами я
Сосцы твои, натертые полынью,
О, мать-земля!

Я не просил иной судьбы у неба,
Чем путь певца: бродить среди людей
И растирать в руках колосья хлеба
Чужих полей.

Мне не отказано ни в заблужденьях,
Ни в слабости, и много раз
Я угасал в тоске и в наслажденьях,
Но не погас.

Судьба дала мне в жизни слишком много;
Я ж расточал, что было мне дано:
Я только гроб, в котором тело Бога

¹⁵ О. Павел Флоренский в своём главном труде «Столп и утверждение истины» (М., 1990) (письмо десятое «София») пишет: «Под углом зрения Ипостаси Отчей София есть идеальная субстанция, основа твари, мощь или сила бытия её; если мы обратимся к Ипостаси Слова, то София – разум твари, смысл, истина или правда её; и наконец, с точки зрения Ипостаси Духа, мы имеем в Софии духовность твари, святость, чистоту и непорочность её, т. е. красоту. Эта триединая идея основы–разума–святости, раскальваясь в нашем рассудке, предстаёт греховному уму в трёх взаимно-исключающих аспектах: основы, разума и святости». Назовём в нашем труде эти три аспекта Софии материнским аспектом, аспектом истины и аспектом святости (С. 349).

Погребено.

Добра и зла не зная верных граней,
Бескрылая изнемогла мечта...
Вином тоски и хлебом испытаний
 Душа сыта.

Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я в ней сгорю.
За горечь трав земных, за едкость соли
 Благодарю.

Какова глубинная цель всех этих странствий, «блужданий» поэта? Она – в поисках современного поэту (в Духе времени) лика Софии-Премудрости Божией. Вот как сам поэт видел эти поиски:

Она

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

Она – забытый сон веков,
В ней несвершенные надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Тревожа древний сон могил,
Я поднимал киркою плиты...
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.

Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца – Таиах
И покрывало Моны Лизы.

.....
И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг объятья.

Порой в чертах случайных лиц

Ее улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Но, неизменна и не та,
Она сквозит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимую улыбкой.

(1909)

И свою Софию Волошин все-таки находит именно в Антропо-Софии. Вот весьма интересное признание человека, далекого от Антропософии, признание, которое невозможно игнорировать всем сколько-нибудь серьезным исследователям жизни и творчества Волошина, и ответ тем, кто пытается зачислить поэта в масоны или в православные. Автор второго (не очень удачного в целом) предисловия к двухтомному собранию стихотворений и поэм Волошина (Париж, 1982 г.) Иммануил Райс пишет: «...хотя и видно глубокое и подлинное знакомство Волошина со всевозможными духовными учениями, он их все-таки рассматривает через призму штейнерианства, составляющего основную ткань – и смысловую, и словесную – всей его дореволюционной и значительной части позднейшей поэзии...

Тот факт, что гнозис Волошина штейнерианский, а не масонский, раскольничий или ведантистский, весьма показателен и важен для понимания Волошина-человека и поэта.

Что штейнерианское начало перевешивало у Волошина все его остальные оккультные искания, видно хотя бы из того, что, несмотря на его активное участие в масонстве, в его стихах сравнительно мало следов масонской специфики, тогда как штейнерианская – на каждом шагу, если угодно – сплошь да рядом.

Любопытно, что, например, в стихотворении, так явно навеянном масонскими впечатлениями, как "Подмастерье", он явно пользуется преимущественно образами и понятиями штейнерианства. Оно выглядит, как

свидетельство штейнерианца о масонстве, пусть даже глубоко, по личному опыту с масонством знакомого...

Я бы его охарактеризовал как штейнерианца, прошедшего через масонство и старающегося стать православным, но все-таки невольно, на каждом шагу оказывающегося штейнерианцем».

Однако вернемся к тайне одиночества и странничества поэта. Борис Филиппов указывает на еще более глубокие корни этой тайны. Об одиночестве Волошина он пишет в своем предисловии к двухтомнику Волошина: «Гностики говорили: духи парные обретают полноту личности лишь воссоединением с другим: женой, мужем. Но есть духи непарные, навеки обреченные одиночеству. Может статься, и вечное беспокойное странничество Волошина и его отъединенность от всех – при дружестве со многими, его одиночество – в шумной сутолоке всегда толпящихся вокруг него людей – все это объясняется его предопределенной непарностью, преджизненной обреченностью на одиночество? Антропософ-философ Б. Дикс (Леман), поэт-символист, друживший с Волошиным, писал в статье о нем, еще даже не выпустившем первую книгу своих стихов: «Есть души, обреченные одиночеству. Души, приносящие с собой тайну воспоминаний, тайну далеких грез, иных, полузабытых существований. И, приближаясь к ним, мы смутно сознаем, что они лишь проходят среди нас, молчаливые и удивленные, не сливаясь с нашей жизнью... Одинокое стоит М. Волошин среди наших поэтов"».

«Волошин, – подчеркивает Б. Филиппов, – был поклонником Эллады и платоновского учения об идеях. Отсюда его учение о том, что он – в этом мире лишь прохожий; отсюда и его неоднократно поминаемые в стихах "пещеры" – те пещеры, из коих мы, по Платону, лишь смутно, как во сне, воспринимаем идеи вещей и явлений: отсюда и предмирное одиночество.

Да, я помню мир иной –
Полустертый, непохожий,
В вашем мире я прохожий,
Близкий всем, всему чужой...»

В. Бетаки, автор одной из первых статей, появившихся на Западе к 100-летию со дня рождения поэта, пишет, что такие люди (пророки), как Волошин, «знают так много, что едва в силах вынести этот страшный груз. И страшней всего – что нет у них шансов предостеречь людей от возможного грядущего, ибо им не верят. Ведь их полагают такими же людьми... Вот они и есть вечные странники, идущие агасферовыми путями, которые за Знание и Память, за прозрачность для них прошлого и будущего платят страшную цену: они обречены на вечное внутреннее одиночество...»¹⁶

«Блуждания» по «эонам мировой космической истории» и «предмирное одиночество» поэта нашли ярчайшее воплощение в венке сонетов «*Corona astralis*». В нем тема скитальчества и изгнанничества достигает своей кульминации. Интересный и содержательный разбор этого венка сонетов мы встречаем в книге С. М. Пинаева «Близкий всем, всему чужой»¹⁷ (С. 98–102), а также в автореферате диссертации Кошемчук Т. А. «Сонеты Максимилиана Волошина».¹⁸ Дополним их рассмотрения некоторыми эзотерическими аспектами венка.

Венок сонетов «*Corona astralis*» (1909) – уникальное в мировой поэзии откровение посвященного, инспирируемого Иерархией Духов движения (*Dinamis*). Кто же на земле воспринимает наиболее интенсивно инспирации этой Иерархии? «Изгнанники, скитальцы и поэты». Им и посвящен этот венок сонетов, а точнее – судьбе их любовного чувства. Волошин дает их точный образ: «В мирах любви – неверные кометы». Они – в вечном движении, ибо инспирированы Духами движения, их тайна – глубока, как и тайна комет. Тайна комет, кстати, связана с очистительной и оздоровительной задачей в отношении пространства солнечной системы. Они приходят в нее из далекого космоса и забирают с собой и перерабатывают весь астральный и эфирный «мусор» планетной системы.

¹⁶ Бетаки В. Звездный странник. Континент, 1977. № 14. С. 350.

¹⁷ Пинаев С. М. «Близкий всем, всему чужой». С. 98–102.

¹⁸ Тбилиси, 1990. С. 14–15.

Увы, к сожалению, они бессильны уничтожить или взять с собой весь тот металлолом, которым «покорители космоса» – этот интеллектуальный пролетариат (без царя в голове, как и положено ему быть) – захламили межпланетное пространство во второй половине XX столетия.

Но кто же все-таки «изгнанники, скитальцы и поэты» в этом венке сонетов? К кому обращен венок? Не только к Е. И. Дмитриевой и не ко всем на свете изгнанникам, скитальцам и поэтам.

Они те, кого и характеризует поэт самым необычным образом в своем венке: те,

...кто зряч, но светом дня ослеп...

Кто в тьму был Солнцем ввергнут в гнев,
Кто стал слепым игралищем судеб...

Кто жив и брошен в темный склеп...

Кому земля священный край изгнанья...

...Кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущеньи клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена...

Кто слышит трав прерывистые речи,
Кому ясны идущих дней предтечи,
Кому поет влюбленная волна...

...чья душа землей убелена,
Кто бремя дум, как плащ, принял на плечи,
Кто возжигал мистические свечи,
Кого влекла Изиды пелена,

Кто не пошел искать земной услады
Ни в плясках жриц, ни в оргиях Менад,
Кто в чашу нег не выжал виноград,
Кто, как Орфей, нарушив все преграды,

Все ж не извел родную тень со дна...

Кто в ласках тел не ведал утоленья,
Кто не испил смертельного вина...

...кто óцет жаждал – тот

И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберет,
А темные восторги расставанья.

А вот еще их таинственные признаки:

Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы, –
В себе несем свое изгнанье мы –
В мирах любви неверные кометы!

Нам ведом день немеркнувших ночей, –
Полночных солнц к себе нас манят светы...

В нас тлеет боль внежизненных обид...

И, судя по некоторым вышеперечисленным характеристикам, которые дает им поэт, все эти «межзвездные бродяги» оказываются посвященными в христианский гнозис, в эзотерическое христианство («Грааль скорбей несем по миру мы...»). А вот вам, драгоценный читатель, и еще одно доказательство этого достоверного утверждения. Через четыре года после написания этого венка сонетов Андрей Белый устраивает как бы некую переключку с основными символами «Corona astralis»¹⁹ в стихотворении «Антропософам» (1913 г.):

Мы взметаем в мирах неразвезанный прах,
Угрожаем обвалами дремлющих лет;
В просиявших пирах, в набежавших мирах
Мы летящая стая хвостатых комет...

(Вот, оказывается, кто устраивает «обвалы лет» и не дает спокойно спать наяву «добродетельным» и добропорядочным душам!)

Но если «изгнанники, скитальцы и поэты» в «Corona astralis» – это в некотором роде посвященные в христианский гнозис, в эзотерическое христианство, да к тому же еще инспирированные Духами движения (Dinamis), то тогда и тайна нашего поэта уже в значительной мере

¹⁹ Тут мы с признательностью отмечаем, что впервые на этот факт указал Сергей Пинаев в своей книге о Волошине (С. 99).

приоткрывается, а его прообраз, который мы в самом первом приближении охарактеризовали строками из поэмы А. К. Толстого «Святой Иоанн Дамаскин» (все-таки более относящимися к прообразу святого), – теперь метаморфозируется и конкретизируется через лирическое «мы» в гораздо более точный прообраз нашего поэта – в его венке сонетов «Corona astralis». Вот ключ к нему – сонет-магистраль венка:

В мирах любви – неверные кометы –
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит, –
Полночных солнц к себе нас манят светы.

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид –
Изгнанники, скитальцы и поэты!

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля – священный край изгнанья,

Кто видит сны и помнит имена, –
Тому в любви не радость встреч дана,
А темные восторги расставанья!

(1909)

Попробуем дать ответ на вопрос, кто же такой в своей глубинной сущности наш поэт, откуда он к нам пришел – такой «близкий всем, всему чужой».

Еще раз вслушаемся в его признание не только в «Corona astralis», но и в более раннем стихотворении:

Да, я помню мир иной –
Полустертый, непохожий,
В вашем мире я – прохожий,
Близкий всем, всему чужой.

Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил

В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил.

Как ядро, к ноге прикован
Шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.

.....
В вечных поисках истоков
Я люблю в себе следить
Жутких мыслей и пороков
Нас связующую нить. –

Когда ж уйду я в вечность снова?
И мне раскроется она,
Так ослепительно ясна,
Так беспощадна, так сурова
И звездным ужасом полна!

Читателю, хотя бы поверхностно знакомому с гностической космологией и антропологией, могло бы броситься в глаза разительное сходство мироощущения и мировидения поэта с этим древним духовным течением. Вот как описывает это мироощущение и мировидение Ганс Йонас, выдающийся немецкий ученый, специалист по истории и религиозной философии гностицизма в своей книге «Гностическая религия»: «Чуждое является тем, что происходит откуда-то из другого мира и не принадлежит этому. Для тех, кто действительно принадлежит этому миру, оно представляется странным, незнакомым и непостижимым; но их мир в своей части является также непостижимым и для чуждого, которое приходит для того, чтобы обитать здесь, как в чужой земле, где оно далеко от дома. Поэтому оно испытывает участь чужеземца, который одинок, незащищен, и не может разобраться в ситуации, полной опасности...

Основной чертой гностической мысли является радикальный дуализм, который управляет отношениями Бога и мира и, соответственно, человека и мира. Божество является абсолютно надмирным, его природа чужда этой вселенной, которая не создана и не управляема им и которой оно полностью

противопоставлено: божественное царство света, самодостаточное и отдаленное, – это космос, противопоставленный царству тьмы. Мир представляет собой творение низших сил, которые, хотя и могут опосредованно происходить от Него, в действительности не знают истинного Бога и препятствуют познанию Его в космосе, которым они управляют.

Происхождение этих низших сил, архонтов (правителей) и в общем весь порядок бытия, вне Бога, включая мир как таковой, – основная тема гностической спекуляции.

Вселенная, владение архонтов, подобна безбрежной тюрьме, чьей сокровенной темницей является земля, сценическое пространство человеческой жизни. Вокруг и над ней космические сферы располагаются подобно концентрическим изолированным оболочкам. Наиболее часто выделяют семь сфер планет, окружающих восьмую неподвижную звезду... Всё находящееся между этим миром и его пределами, предназначено для отделения человека от Бога не только пространственным расстоянием, но и действующими демоническими силами. Следовательно, безбрежность и множественность космических систем выражают ту степень, в которой человек отдален от Бога...

Мука и тоска по родине – часть жребия чужеземца. Чужеземец, который не знает дорог чужой земли, странствует как потерянный; если же он их узнает, он забывает, что он чужеземец, и теряет в ином смысле, поддавшись соблазнам чужого мира и отдалившись от своих истоков. Потом он становится "сыном дома". Это также является частью судьбы чужака. При его отдалении от самого себя страдание проходит, но самый этот факт является кульминацией трагедии чужеземца.

Воспоминание о своей отчужденности, признание своего места изгнания является первым шагом назад; пробуждение тоски по дому – началом возвращения. Все это принадлежит "страдающей" стороне отчужденности. Тем не менее по отношению к истокам она в то же самое время является точкой отсчета опыта, источником силы и тайной жизни, неизвестной

окружению и в крайнем случае недоступной для нее, как она непостижима для созданий этого мира.

Это превосходство чуждого, которое, хотя и скрыто, отличает его даже здесь, является очевидным триумфом в его природной сфере, находящейся вне этого мира. В подобной позиции чуждое – это отдаленность, недоступность, и его чуждость означает величие. Поэтому чуждое, взятое отдельно, является полностью трансцендентным, лежащим "за пределами", и явственным атрибутом Бога.

В своем отдельном существовании в мире оно участвует в трагическом взаимопроникновении обеих сторон; и реализация всех особенностей, обрисованных выше, в драматической последовательности, обусловленной темой спасения, составляет метафизическую историю света, изгнанного из Света; жизни, изгнанной из Жизни и включенной в мир, – историю отчуждения и возвращения, "дорог" вниз, через нижний мир, и снова вверх... "Чужой человек" и "чужеземец" относятся к вестнику из мира Света... Мы можем, следовательно, определить образ "чуждой Жизни" как первичный символ гностицизма». ²⁰

Таковы, драгоценный читатель, наиболее глубинные, древние истоки мировидения и мирочувствования нашего поэта, о существовании которых предполагала Марина Цветаева, не решаясь их как-то охарактеризовать, – или называя их розенкрейцерством...

А теперь нам остается, так сказать, «пройтись по кочкам», то есть «проявить» некоторые могущие показаться «темными» для «проницательного» читателя строки этого венка сонетов. Во-первых, это само название венка сонетов – «Corona astralis». Это можно перевести и как «звездный венец» («корона»). (Вспомним из Апокалипсиса Иоанна Желтого, облаченную Солнцем в звездном венце, короне над головой). Но можно переводить так, как предпочитал сам поэт, – то есть «Астральная корона», и понимать это как терновый, страстной венец «изгнанников, скитальцев и

²⁰ Ганс Йонас. Гностицизм. СПб., 1998. С. 58–59, 66, 67.

поэтов» (то есть прохождение третьей ступени христианского мистического крестного пути посвящения), пока они не преобразят с помощью Христа эти тернии в свои миссии. И еще одно толкование слова «соропа». В латинском языке оно означает еще и круг слушателей, собеседников,²¹ а в венке – лирическое «мы», то есть сообщество посвященных.

Но зададимся вопросом: что же они несут миру, эти «неверные кометы»? О, отнюдь не мир во всем мире, демократию, свободу слова, права человека, приватизацию, глобализацию и разные подобные благоденствия. Как бы не так! – «Клубы огня, мятущийся пожар, // Вселенских бурь блуждающие светлы, – / Мы вдаль несем...» Таковы – эти «кометы». Но тогда: «Пусть темные планеты // В нас видят меч грозящих миру кар...» А ведь земля пока еще далеко не рай, а планета, в настоящее время вполне темная: человечество давно идет «путями Каина», как выражался наш поэт, так что грозить миру карами кому-то все-таки приходится, а может быть, даже и следует, иначе мир заснет наяву по причине тотальной обломовщины...

Вполне естественно, что «кометам», с позволения сказать, и «закрыт путь проверенных орбит». Это влечет за собой нарушение «лада молитвенного строя» – об этом «ладе» пекутся «жрецы земли», которые «земным богам земные храмы строят» и которые все же не могут «причастить земле» этих межзвездных «скитальцев»... (Да, вполне могут наступить времена, когда «жрецы» начнут вполне буквально «земным богам земные храмы строить» – эти времена, кстати, предвидели и Владимир Соловьев в своей «Краткой повести...», и Даниил Андреев в «Розе мира».)

«Как пчелы мы, оставшие от роя!..» – любопытный читатель непременно найдет расшифровку мифологемы пчелы в каком-нибудь словаре символов или мифов, поэтому мы не станем задерживаться на этом месте.

«Мы беглецы, и сзади наша Троя...» Ведь «изгнанники, скитальцы и поэты» – действительно «беглецы» «вдаль по путям парабол безвозвратных»,

²¹ Об этом упоминает Э. Менделевич в своей книге статей о Волошине «Пойми простой урок моей земли...» (Орел, 2001. С. 83–84).

«беглецы» из мира своего древнего, разрушенного, как и Троя, мира... Гнозиса. И вряд ли им скоро удастся основать некий Рим, как Энею... Они, кстати говоря, в гораздо большей степени «бродяги», чем «аргонавты» Андрея Белого. Просвещенный читатель мог бы здесь припомнить завораживающие строки его «Золота в лазури»: «За Солнцем, за Солнцем, свободу любя, умчимся в эфир голубой...» Те полетели за Солнцем в поисках нового, соответствующего Духу времени тайного солнечного знания и в конце концов добыли то, к чему стремились, обрели такое знание (см. стихотворение Белого «Антропософам», 1913). Но вот у волошинских скитальцев настрой вполне трагический: их не может радовать, как детей, достижение какой-либо цели, поэтому-то «Corona astralis» заканчивается такими строками:

Со всех сторон из мглы глядят на нас
Зрачки чужих, всегда враждебных глаз,
Ни светом звезд, ни солнцем не согреты,

Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы, –
В себе несем свое изгнанье мы –
В мирах любви неверные кометы!

Мы несем свое изгнанье в самих себе... Рудольф Штейнер говорил о том, что всякое посвящение – трагично... Но не будем об этом, чтобы не испугать читателя, а то ведь мало кто захочет стать посвященным. Вернемся несколько назад.

Каков же путь этих «беглецов»?

Безумьем снов скитальных дух повит...
.....
Дыханьем бурь таинственно влекомы...
.....
Стремимся мы. Суров наш путь и строг.
И пусть кругом грохочут глухо громы,
Пусть веет вихрь сомнений и обид, –
Явь наших снов земля не истребит!

«Явь» этих безумных снов ярчайшим образом отобразил, высветил нам Волошин – один из самых выдающихся даже среди такой плеяды изгнанников и поэтов, как Лермонтов, Андрей Белый, Бальмонт, – в стихотворении «Сон». Вот оно (теперь-то и становится ясным, почему земля не может «истребить» «явь» таких снов) – это самое, пожалуй, дальнее и самое экзотическое странствие нашего поэта:

Лишь только мир
Скрывается багровой завесой век
Как время,
Против которого я выгребая днем,
Уносит по теченью,
И увлекаем плавной водовертью
В своем страстном и звездном теле,
Я облаком виюсь и развиваюсь
В мерцающих пространствах,
Не озаренных солнцем,
Отданных во власть
Противовесам всех дневных явлений, –
И чувствую, как над затылком
Распахиваются провалы,
И вижу себя клубком зверей,
Грызущих и ласкающихся.
Огромный, бархатистый и черный Змей
Плавает в озерах Преисподней,
Где клубятся гады
И разбегаются во мраке пауки.
А в горних безднах сферы
Поют хрустальным звоном,
И созвездья
Гудят в Зверином Круге.
А после наступает
Беспамятство
И насыщенье:
Душа сосет от млечной, звездной влаги.
...Потом отлив ночного Океана
Вновь твердый обнажает день.
Окно, кусок стены,
Свет кажется колонной,
Камни – сгущенной пустотой...
А в обликах вещей – намеки,
Утратившие смысл.

Реальности еще двоятся
В зеркальной влаге сна.
Но быстро крепнут и ладятся,
И с беспощадной
Наглядностью
Вновь обступает жизнь
Слепым и тесным строем.
И начинается вседневный бег
По узким коридорам
Без окон, без дверей,
Где на стенах
Написаны лишь имена явлений
И где сквозняк событий
Сбивает с ног
И гулки под уверенной пятою
Полуприкрытые досками точных знаний
Колодцы и провалы
Безумия.

(1919)

Понятно, что этих «изгнанников, скитальцев и поэтов» «не спяют полдневные экстазы земных пустынь». Но вот у них есть некая своя, недоступная нашему пониманию и разумению, странная тайна:

Нам ведом день немеркнущих ночей, –
Полночных солнц к себе нас манят светы.

Что это такое? Дело в том, что в духовной науке «днем немеркнущих ночей» можно было бы назвать период двенадцати Рождественских ночей (с 24 декабря по 5 января), когда «врата» Духовного мира приоткрываются, и он близко подступает к земле, и посвященные (ясновидящие) могут наблюдать свет «полуночного Солнца», то есть духовный свет духовного Солнца, который они видят ночью сквозь толщу земли (конечно, и в древних мистериях жрецы могли в определенное время видеть этот свет). Естественно, что «полуночные солнца» для поэта – еще и звезды на ночном небе.

Мы помним всё: наш древний, темный дух,

Ах, не крещен в глубоких водах Леты!

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш звездный дух забвением ночей!
Он не испил от Орковых ключей,
Он не принес подземные обеты...

И здесь нам важно обратить внимание читателей на то, что дух этих «изгнанников» – древний, темный, звездный и горький (еще в 1907 году в письме к А. М. Петровой Волошин писал о своих стихах «Кровь» и «Солнце»: «Для уяснения смысла этих стихотворений я должен сказать, что человек древнее земли и жил раньше на других планетах и что кровь его возникла на той планете, что была древнее Солнца...»). И они еще не крещены «в глубоких водах Леты» (весьма известной просвещенному читателю реки), еще не испили воды из адских ключей Орка (тут читатель мог бы потрудиться и заглянуть в мифологический словарь), то есть они еще не причастны земле, хотя и воплотились очередной раз на ней. Заметим, кстати, что им все же придется в совсем недалеком будущем (начиная с 1914 г.) – «креститься», «испить» и «причаститься». Наш поэт – тот звездный дух, который еще до рождения вполне сознательно возжелал «испить от Орковых ключей», чтобы причаститься земле. И позже об этом он скажет ясно, не скроет это от нас, в своей «религиозно-поэтической науке»:

Готовность

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести огня и вод?

Апокалиптическому Зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и смраде – верю!

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии

И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!»

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало:
«Господи! Вот плоть моя».

(1921)

Что ж, для звездного духа это неуязвимая позиция, чтобы причаститься земле!

Далее в венке читаем такие строки:

Наш горький дух...
В нем время спит, как в недрах пирамид.

Но ни порфир, ни мрамор, ни гранит
Не создадут незыблемей оправы
Для роковой, пролитой в вечность лавы,
Что в нас свой ток невидимо струит.

Что же это за «роковая лава», которая «пролита в вечность»? Это те воспоминания, которые несут в себе «изгнанники, скитальцы и поэты», о трех предыдущих воплощениях земли (в оккультизме они называются Сатурн, Солнце и Луна):

Гробница Солнц! Миров погибших урна!
И труп Луны и мертвый лик Сатурна –
Запомнит мозг и сердце затаит...
Но дух устал от свеянного пепла, –
В нас тлеет боль внежизненных обид!

Из этой усталости, сознания кармы и памяти прошлых воплощений и возникает «боль внежизненных обид» (т. е. боль и страдание не из этой, проживаемой ими теперь жизни), боль, спрессованная в звездном, Высшем «Я» этих «скитальцев». Но «счастье этой боли» они не отдадут «за все забвенья Леты», ибо благодаря «этой боли» в них родилось самосознание, и они готовы нести «Грааль скорбей по миру», то есть крест кармы не только своей, но и взять на себя крест людских обид и страданий, как это сделали

Парсифаль и Лоэнгрин. (Течение Грааля – одна из первых, ранних форм эзотерического христианства, и оно, это течение, проявит себя с новой силой в будущем).

Но есть еще более глубокий эзотерический, духовно-космический аспект в этой «боли внежизненных обид», о которой говорит поэт. Ведь «изгнанники, скитальцы и поэты» инспирируются высокими духовными иерархическими существами (Духами движения – Dinamis). Согласно Антропософии, перед сферой инспирации находится зона (чисто духовное пространство), где посвященный, подымаясь в своем развитии до инспирации, встречает и переживает боль и страдание мира – всего человечества (см.: Рудольф Штейнер «Очерк тайноведения»).

Далее остановимся на строках:

Долг не свершен, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрек
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...

Каков же был долг «скитальцев», этих «звездных духов», каковы были их обеты? Можно предположить, что эти долг и обеты связаны с «Граалем скорбей», который они несут по миру...

Начиная с восьмого сонета Волошин дает уже перечисленные характеристики «изгнанников, скитальцев и поэтов». Важно подчеркнуть, что 11, 12, 13 и 14 сонеты имеют в особенности самое непосредственное отношение к самохарактеристике нашего поэта.

Обратим же на них более пристальное внимание.

Кому земля священный край изгнанья,
Того простор полей не веселит.
Но каждый шаг, но каждый миг таит
Иных миров в себе напоминая.

В душе встают неясные мерцанья,
Как будто он на камнях древних плит
Хотел прочесть священный алфавит
И позабыл понятий начертанья.

И бродит он в пыли земных дорог,
Отступник жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущеньи клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена.

Вспомним здесь изречение Гёте, так любимое Волошиным: «Все преходящее (видимое) есть лишь подобие (символ)». «Себя забывший бог» – эти слова не стоит сводить лишь к аллюзии из Владимира Соловьева (стихотворение «Бескрылый дух, землю полоненный...»). У Волошина их смысл и значение гораздо шире и глубже. Ибо ему было ведомо, что в далеком будущем человек, пройдя многие метаморфозы, станет духом десятой Иерархии – Иерархии Свободы и Любви.

Он тот, кому погибель не дана...

Это очень похоже именно на импульс духа десятой Иерархии, на импульс из далекого будущего, представшего нам в этом воплощении в качестве русского поэта Максимилиана Александровича Волошина. Он ведь действительно, причащаясь «Орковым ключам», ведал, что ему «погибель не дана». Он предлагал себя в жертву (см. «Готовность»), но решение его Высшего «Я», Иерархий очевидно состояло в том, чтобы оставить его на земле в эти времена как свидетеля ада (см. «Потомкам»). Вспомним его немислимое, невероятное самостоянье в эпицентре ада гражданской войны, но об этом – позже. Нет, мы все-таки «здесь и теперь» приведем это «свидетельство».

Потомкам (во время террора)

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все знаки слижет пламя
И выест кровь слепые письмена.
Но, может быть, благоговейно память

Случайный стих изустно сохранит.
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада,
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы Последнего Суда:
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций.

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посередине дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек – один другому – дьявол;
Кровь – спайкой душ; борьба за жизнь – законом;
И долгом – месть.

Но мы не покорились:
Ослушники законов естества –
В себе самих укрыли наше солнце,
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви, и в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей. Мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине,
В огне застенков выплавили радость
О преосуществлении человека,
И никогда не грезили прекрасней
И пламенней его последних судеб.

Далекие потомки наши, знайте,
Что если вы живете во Вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью
И человечеством преодолен
Закон необходимости и смерти,
То в этом мире есть и наша доля!

(1921)

Далее, в двенадцатом сонете имеется строка, смысл которой все комментаторы исказили, так и не поняв его:

Кого влекла Изиды пелена...

«Пелена Изиды» здесь – не смерть, а покров тайны Софии-Премудрости Божьей, которая у древних египтян почиталась как Богиня Изида.

Начиная с первого терцета двенадцатого сонета и до первого терцета четырнадцатого сонета, поэт приоткрывает нам духовную тайну своего отношения с женщинами, (но «про это» – ниже), и вообще тайну любовных отношений «изгнанников, скитальцев и поэтов» с противоположенным полом.

Вот строки тринадцатого сонета:

Тому в любви не радость встреч дана,
Кто в страсти ждал не сладкого забвенья,
Кто в ласках тел не ведал утоленья,
Кто не испил смертельного вина.

Страшится он принять на рамена
Ярмо надежд и тяжкий груз свершенья,
Не хочет уз и рвет живые звенья,
Которыми связует нас Луна.

Рвали эти «живые звенья» М. Сабашникова, и Е. Дмитриева, и сам Волошин. Ведь отпустил на волю, не сказав ни слова упрека, Маргариту Сабашникову – свою первую любовь и свою обожаемую супругу, когда та увлеклась Вячеславом Ивановым, вскружившим ей голову. Сам Волошин, когда был влюблен в свою Черубину де Габриак, или в Вайолет Харт, или в юную Цветаеву, никогда, насколько нам известно, не делал им, так сказать, предложения «руки и сердца». Что же касается Марии Степановны Заболоцкой, действительно, он сделал ей такое предложение, и она согласилась, но то был неравный брак... (и к этому сюжету нам еще предстоит вернуться).

Своей тоски – навеки одинокой,
Как зыбь морей, пустынной и широкой, –
Он не отдаст. Кто жаждал оцет – тот

И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберет,
А темные восторги расставанья.

.....
Ни светом звезд, ни солнцем не согреты,
Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы, –
В себе несем свое изгнанье мы –
В мирах любви неверные кометы!

И причина краха всякой «ответной» любви в жизни «изгнанников, скитальцев и поэтов» связана с самим трагизмом посвящения тех, «кто жаждет оцет» (т. е. сознательно проходит свою Голгофу), тех, «кто несет Грааль скорбей по миру».

Глава третья

Космос любви у Волошина

Вспомним же, как нес «Грааль скорбей по миру» наш Поэт, творя Космос Свободы, Мудрости и Любви. Вспомним Волошина, бережно пронесшего через жизнь, не расплескавшего свою безответную любовь – благоговение к одной из самых пленительных и духовно утонченных женщин русской дворянской культуры, к ее романтическому «голубому цветку» – Маргарите Сабашниковой, женщине, ненадолго ставшей его первой женой и вскоре покинувшей его (несовместимость двух таких разных творческих натур дала о себе знать на первом же году супружеской жизни) – ради своих собственных творческих поисков; к женщине, сумевшей подняться от аристократизма крови к истинному аристократизму духа и нашедшей себя в Антропософии в качестве талантливейшей художницы

антропософской общины в Дорнахе. Волошин посвятил ей целый цикл стихотворений – «Amorі amara sacrum» («Святая горечь любви», 1906–1907).

Вот несколько лучших, на наш взгляд, стихотворений этого цикла:

Любить без слов, без сожаленья,
Любить, не веруя в возврат...
Чтоб было каждое мгновенье
Последним в жизни. Чтоб назад
Нас не влекло неудержимо,
Чтоб жизнь скользнула в кольцах дыма,
Прошла, развеялась... И пусть
Вечерне-радостная грусть
Обнимет нас своим запястьем.
Смотреть, как тают без следа
Остатки грез, и никогда
Не расставаться с грустным счастьем.
И, подойдя к концу пути,
Вздохнуть и радостно уйти.

* * *

Здесь все теперь воспоминанье,
Здесь все мы видели вдвоем,
Здесь наши мысли, как журчанье
Двух струй, бегущих в водоем.
Я слышу Вашими ушами,
Я вижу Вашими глазами,
Звук Вашей речи на устах,
Ваш робкий жест в моих руках.
Я б из себя все впечатленья
Хотел по-Вашему понять,
Певучей рифмой их связать
И в стих вковать их отраженье.
Но только нет... Продленный миг
Есть ложь... И беден мой язык.

И, наконец, как бы «прощальное» (хотя до их расставания оставалось еще два года) стихотворение цикла «Таиах» (Таиах – египетская царица, жена Аменхотепа III. Копию ее скульптурной головы Волошин увидел в парижском музее Гимэ в 1904 г. и усмотрел в ней сходство с Сабашниковой. Позднее он приобрел гипсовый слепок со скульптуры и перевез его в свой дом в Коктебеле):

Тихо, грустно и безгневно
Ты взглянула. Надо ль слов?
Час настал. Прощай, царица!
Я устал от лунных снов.

Ты живешь в подводной сини
Предрастветной глубины,
Вкруг тебя в твоей пустыне
Расцветают вечно сны.

Много дней с тобою рядом
Я глядел в твое стекло,
Много грез под нашим взглядом
Расцвело и отцвело.

Все, во что мы в жизни верим,
Претворялось в твой кристалл.
Душен стал мне узкий терем,
Сны увяли, я устал...

Я устал от лунной сказки,
Я устал не видеть дня.
Мне нужны земные ласки,
Пламя алого огня.

Я иду к разгулам будней,
К шуму буйных площадей,
К ярким полымям полудней,
К пестроте живых людей...

Не царевич я! Похожий
На него, я был иной...
Ты ведь знала: я – Прохожий,
Близкий всем, всему чужой.

Тот, кто раз сошел с вершины,
С ледяных престолов гор,
Тот из облачной долины
Не вернется на простор.

Мы друг друга не забудем.
И, целуя дольний прах,
Отнесу я сказку людям
О царице Тааих.

Но его любимая «Таиах» не стремилась постичь и оценить всей глубины и широты натуры нашего поэта, его независимого взгляда на вещи, его свободных духовных исканий. Ее характер мало гармонировал с характером Волошина. Ей, как женщине, очевидно, требовалось совсем другое душеводство. «Головокружение» с Вячеславом Ивановым дало ей возможность заглянуть в «нижнюю бездну». И только отпрянув от нее, она обретает (на противоположном полюсе) основу и опору своей жизни и творчества в Дорнахе у Рудольфа Штейнера.

А что же царица Таиах писала о Максе? Вот ее слова: «Он был радостный человек, для России непривычно радостный. Ему уже минуло 29 лет, но детскость, искрящаяся детскость оставалась сутью, основой его личности... Он говорил, что не страдал никогда, не знает, что это такое...»

Но эта (такая) характеристика Волошина, которая, – знала об этом Маргарита Сабашникова или нет, – глубинно связана уже с эзотерической характеристикой (свойством) созвездия Близнецов, под которым родился поэт. Дело в том, что это созвездие инспирирует в человеке чувство слова – одно из двенадцати основных чувств человека, ибо человек имеет не пять, как искренне считают просвещенные и «проницательные» читатели, а целых двенадцать чувств, соответственно зодиакальным созвездиям, и с этим уже ничего не поделаешь – протесты и возмущения здесь не могут приниматься во внимание, ибо факты Духовной науки – вещь упрямая, и мы можем лишь пожелать от себя читателям постепенно ее осваивать...

Вот как описывает этот дар созвездия Близнецов человеку антропософский автор: «...чувство слова связано с Близнецами. Что вы делаете, когда вы слушаете кого-нибудь? Вы прикладываете усилия для того, чтобы через язык добраться до его идеи. И часто в разговорах случается так, что вы настолько хорошо смогли ухватить идею другого человека, что вам даже удается найти для этой идеи более подходящие слова, чем вашему собеседнику. Вы таким образом дополняете вашего собеседника, что он говорит: "Да именно это я и имел в виду!" Когда мы кого-то слушаем, мы

ощущаем, как он борется за то, чтобы сделать слышимым неслышимый мир. Это творческий процесс. Когда мы слышим, как кто-то говорит, мы замечаем, что он творит – для того, чтобы привнести на землю нечто из более высокого мира, он пытается заключить вневременную пребывающую истину в преходящие слова речи. Удивительно хорошо это удается совсем маленьким детям.

Мы пытаемся с помощью языка привлечь на землю неслышимую для наших земных ушей небесную гармонию сфер, творческие силы. Это действие... Речь тоже является действием. И при этом мы имеем дело с созвездием Близнецов. Часто это созвездие изображают в виде играющих друг с другом детей. Это действительно лучший способ его изображения. Дело в том, что это знак творчески действующего человека, а все дети являются творцами. Глядя на играющих детей, мы вспоминаем о нашей задаче: небесное должно воплотиться на земле. И у взрослых творчески может себя вести только их внутренний ребенок.

Философия тоже всегда игра: игра-творчество. Это очень серьезная игра: стремление найти слова, которые точно выражают идею. Философия и поэзия очень тесно связаны друг с другом. Философ творит в философской форме, поэт – в поэтической. Но и поэт тоже борется, у него те же трудности. Всегда есть нечто высокое, что с помощью языка должно быть воплощено на земле. Дети и подростки иногда вдруг становятся более усердными философами, чем настоящие ученые...»²²

А вот и наиболее яркие подтверждения в поэзии Волошина этих двух, можно сказать, «характеристик» Волошина – Маргариты Сабашниковой и антропософского автора (хотя последний, конечно, не имел ввиду Волошина).

Первое – гимназическое стихотворение Волошина:

Душа моя широка:

²² Соесман А. Двенадцать чувств. Врата души. Введение в антропософию. Пер. с немецкого. СПб., 2003. С. 199–200.

Как небесный свод,
Вмещает она в себе
Всю Вселенную.

Ревет ли буря,
Сияет ли солнце,
Плывут ли облака
По синему небу –
Все отражается в ней,
Все находит в ней отклик.

Сердце мое глубоко:
Оно, как море,
Бывает спокойно,
Как море – прекрасно,
Как море – бурно.
Много сокровищ
Лежит в глубине его,
Но только буря
Их бросить может
Из глубины на берег.

Мысль моя – это молния:
Огненным зигзагом
Рассекает она
Черные тучи,
И на мгновенье
Озаряет мрак,
Окружающий меня...
Сам я – червяк.

Потрясающе это юношеское пророчество: действительно только «буря»
Мировой и Гражданской войн могла «бросить на берег» сокровища души и
духа нашего поэта.

И наконец, одно из самых «близнецовых» стихотворений Волошина из
цикла, посвященного Маргарите Сабашниковой:

Пройдемте по миру, как дети,
Полюбим шуршанье осок,
И терпкость прошедших столетий
И едкого знания сок.

Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней.
Ребенок – непризнанный гений
Средь буднично-серых людей.

(1903)

Что же касается «чувства слова» у нашего «Близнеца», то этапы работы над этим даром раскрыты как ступени посвящения (ведь плоть снова должна становиться Словом) в программном произведении поэта – «Подмастерье» (но об этом – ниже).

В теме Любви есть у Волошина доклад «Пути Эроса» (мысли и комментарии к Платоновскому «Пиру»), который он читал на «башне» у Вячеслава Иванова и в Московском литературно-художественном кружке в 1907 году. Если увидеть этот доклад сквозь призму «созерцательной способности суждения» (Гёте), то мы могли бы уверенно характеризовать его как самый глубокий, эзотерический текст в русской философской литературе о Любви, даже при сравнении его с эссеистикой на эту тему Владимира Соловьева («Смысл любви») или русских философов Серебряного века, включая Розанова и Бердяева. Этот доклад проясняет также и отношения Волошина с женщинами (нам известны почитатели Волошина, которых интересует в основном этот аспект жизни поэта). Так что мы решили познакомить читателя с наиболее важными мыслями этого доклада Волошина в концентрированном виде.

Но перед этим нам хотелось бы объясниться с драгоценным читателем (а для нас теперь любой читатель – драгоценный: ведь их осталось так мало и ряды их рдеют с каждым годом). Когда мы приводим здесь определенные тексты из «религиозно-поэтической науки» великого русского поэта-посвященного в таких, казалось бы, не соразмерных с нашим собственным текстом пропорциях (да и вообще в циклопических объемах), то нашим «честолюбивым» намерением движут лишь теургические импульсы чистой воды: никакой «выгоды» лично себе мы здесь не видим, наоборот, предвидим совершенно справедливые, на первый взгляд, упреки в

чрезмерном цитировании поэта и вообще... Но это всё «на первый взгляд». А на самом деле что происходит? Ведь при вдумчивом, созерцательном, медитативном или даже просто при герменевтическом чтении этих текстов Волошина читатель, который все-таки решится на такое прочтение, просто уже не сможет остаться такой же «ветхозаветной монадой», какой он был до чтения. Его мировоззрение, мироощущение, мировосприятие, кто бы он ни был по своему знаку Зодиака, по своему воспитанию, образованию, профессии, жизненному опыту, по своим предрассудкам, – непременно изменится и, может быть, его «малое, беспмятное "Я"» (Волошин) придет в движение в направлении его собственного Высшего «Я» или даже его Истинного «Я». Но тогда наша радость по этому поводу (если бы мы узнали об этом) стала бы самой чудесной наградой нашему «честолюбию».

А теперь – в путь. Вот некоторые мысли и комментарии Волошина к Платоновскому «Пиру».

«Наше чувство, воспитанное одновременно на двух противоположных доктринах, из которых одна – христианская – требует презрения к чувственности, а другая индивидуалистическая, проповедует искания, изысканности, дерзания и опытов в области пола, наше моральное чувство с трудом улавливает ту логическую нить, которая связывает переход от любви к одному телу к любви ко многим прекрасным телам, от тел – к прекрасным деяниям, от деяний – к знаниям и от знаний – к созерцанию Вечной красоты. То, что было для эллина связано в единую цепь, для нас распалось на отдельные звенья, и отдельные звенья в различных системах нашей морали соединились в сочетанья, с точки зрения Платона, произвольные и лишённые внутреннего смысла...

В человеке происходит и инволюция, и эволюция. И человек, будучи физически телом, мужчиной или женщиной, тем не менее в сущности своей человеческой остается божественным гермафродитом, моментом скрещения вечных творческих токов жизни: нисхождения и восхождения духа и материи.

То, что мы на земном языке называем мужским и женским, – это вторичный или третичный, а может, еще более дальний отблеск мирового разделения вселенского пола...

История макрокосма повторяется в микрокосме – в человеке. Сперва человек, как Бог, потенциально носит весь мир в себе. Посредством пола субъективное становится объективным...

Все наши чувства, восприятия возникают через пол, и он нудит возникновение новых чувств, чтобы постепенно все наше субъективное перелить в объективное.

Все физическое тело должно до конца перегореть, истратиться в поле. Эволюция человека представляет обратное течение: постепенное расширение своего "Я"; восприятие внешнего мира внутрь себя. Это постепенное признание, оправдание, принятие мира...

Пол – это замыкание духа в веществе, угасание, помрачение. Умножение форм – "плодитесь и множьтесь". Отпадение от Бога совершается не в области пола, а в области Эроса, и только Эросом может произойти возврат человека к Богу...

Освобождение может совершиться только новым ритмом, и этот иной ритм – смерть. С отпадением человека в материю мир пронизывается грозным ритмом смерти. В ритме смерти человек находит свою самостоятельность и самосознание. Здесь загадочная близость любви и смерти.

В стихию пола влилась огненная струя Эроса, которая должна довести пол до полного истощения, должна истратить, раздробить, опрозрачить физическое тело до самого конца, чтобы дать ему воскресение в духе. Но не уничтожиться, не погибнуть должно физическое тело – оно должно преобразиться. Тело в этом горении достигнет своего высшего совершенства: должна исчезнуть боль, которая приковывает наше сознание к физическому телу и заслоняет от нас познание иных частей нашего великого организма.

Во всей сложности делений мира, которые скрещиваются в человеке, в конечном упрощении и обобщении в нем действуют две силы: сила пола во всей ее мировой сложности, которая руководит его нисхождением и должна всю божественную изначальную сущность его обратить в тело, и сила Эроса тоже во всех многообразных аспектах его, который все тело его должен обратить в дух и вести его вверх к сознательному единству.

Пол – инволюция, нисхождение.

Эрос – восхождение, эволюция...

Пол и Эрос нераздельны и антиномичны. Бог воплощается в человеке, ищет сознательного совершенства в воплощении. За воплощение платит смертью. Земная смерть – есть радость Бога. Он сходит в мир, чтобы умереть.

Эрос, ведущий человека по восходящей линии, непрестанно борется против пола как против деторождения. Он должен прежде истощить пол, сделать его бесплодным, чтобы великий животный ритм, находящий себе исход в деторождении, перевести в более высокие области, бессознательное дробление в потомстве в сознательное мистическое творчество.

В поисках исхода из деторождения Эрос устремляет искание пола от красоты женского тела на красоту человеческого тела вообще, от одного тела ко многим, от прекрасных тел к прекрасным деяниям, от деяний к знаниям и от знаний к созерцанию вечной красоты, согласно порядку ступеней, раскрытому Диотимой Сократу (см. "Пир").

Пол и Эрос, как две бадьи на коромысле колодца. Когда Эрос поднимается к божеству, пол, отходя от божества, опускается в грех.

"Так силы небесные нисходят и восходят, простирая друг к другу золотые бадьи", – говорит Гёте.

Пол ищет греха, смерти, растворения в материи. Эрос преодолевает смерть, ищет воскресения, высшего слияния, преображает, просветляет материю.

Поэтому стремление вверх в область Эроса связано с падением вниз в области пола.

Для Платона это было законом. Но он не различал ступеней вниз и ступеней вверх. Для него все ступени были вверх, и стремление к созерцанию Вечной красоты для него естественно начиналось с погружения в те области, которые мы зовем областями порока и сладострастия.

Для нас это обратилось в трагедию духа, в непримиримую антиномичность нашей природы.

Первобытная космическая разница полов, существующая в природе, стирается и уравнивается духом человека, который снова возвращается в своем обратном восхождении к ступеням андрогинного единства природы.

Интеллектуальное господство мужчины в человеческом обществе уже служит ясным указанием, на какую высоту поднялся восходящий дух человека и как сгладились все отличия и разница мужского и женского в человеческом мире.

Вся инволюция лежит в женской стихии. Пол в женском, а не в мужском. Вечно-женственное – идеал пола. Вечно-мужественное – идеал Эроса. Но в человеческом мире это не совсем так, потому что все мы гермафродиты в духе своем, и разделение физической стихии в человеке стало почти формально. Самосознанием человек стоит уже вне пола. <...>

Эрос ведет человека трудным и страстным путем через триста тридцать три символические ступени соблазна. Становятся понятны теперь слова Диотимы о том, что Эрос похож на мать свою Пению, что он всегда нищ, совсем не нежен и не прекрасен, как думают многие, а худощав, грязен, необут, бесприютен, ложится на землю, спит под открытым небом у дверей домов на улице и всегда терпит нужду.

Таков Эрос, совершающий свой путь в стихии пола. Но из этой стихии он ведет к мужественным деяниям, знаниям и к созерцанию Вечной красоты.

Через грозный ритм сладострастия он ведет к алмазным и девственно чистым ступеням высшего Познания.

Эти ступени недоступны тем, кто не прошел первых ступеней и не держит в руках горящие узды страстей своих.

Эрос ценит только преодоленную страсть. Там, где нет преодоления, – там нет и Эроса.

Перед лицом Эроса порок и добродетель – только два различных вида одного и того же очистительного пламени, в котором сгорает физическая природа человека.

Перед лицом Эроса пламя аскетизма и пламя сладострастия одинаково святы, и своим переменным огнем одинаково прокалывают и опрозрачивают физическую природу человека.

Путь порока труднее, мучительнее и страшнее, но он быстро и более прямо ведет к конечной цели и к слиянию с Божеством. Поэтому следует, согласно Платону, с юного возраста искать прекрасные тела. Сперва любить тело женщины, потом человеческое тело вообще, оставив всякую исключительность, постепенно переходя от тела к душе, от души к деянию, от деяний к знанию и созерцанию Вечной красоты...

Любовью похотливой и сладострастной правит Афродита Всенародная – Афродита Пандемос. Эрос возникает только тогда, когда похоть заменяется восторгом перед красотой души. Эрос ничего общего не имеет с деторождением. Он стремится к красоте. "Эрос рождает в красоте", – говорит Диотима. Владимир Соловьев ставит закон обратной пропорции между силой любви и деторождением.

Эрос уже не может насытиться обладанием. Безысходность – основное качество Эроса.

"Безысходность и глубина – это признаки величайших таинств земли".

Похоть подымает голодную волну страсти, бросает мужское на женское и, сжав два тела в огненном трепете, отпускает их сытыми и равнодушными. Эрос же никогда не может удовлетвориться, никогда не может насытиться. Голод страсти может толкнуть Эрос к сплетению тел, но никакие обладания не могут дать ему выхода, так как Эрос творит только в Красоте. Поэтому,

когда встречаются две половины древнего "Круглого человека", они сплетаются руками с такой силой, то погибают от голода и бездействия.

Юноши, беседующие в "Пире", хотят освободить человека от похоти и совершенно логично отрицают пол. <...>

Со времени Платона пути Эроса не изменились, но прохождение по ним сделалось и труднее, и опаснее. То, в чем эллины видели нормальный и естественный переход от пола к духу, для европейского общества стало отвратительным и ужасным явлением, занесенным в рубрику психических болезней...

По-прежнему тот, кто возлюбил не одно женское тело, а человеческое тело вообще, ищет в обладании исхода для своего безысходного чувства, по-прежнему сложная душа человека в своем восходящем движении ищет конечное единение, мужскую стихию духа устремляя к мужской, в противоположность полу, который нудит соединение противоположного и дробление человеческого духа в потомстве.

Надо останавливаться на этих отпадениях и уклонах путей Эроса потому, что, находясь в глубоком противоречии с моральными убеждениями современного общества, они вызывают слепую ненависть и безусловное осуждение в тех областях переживаний человеческой души, которые нуждаются в особенно беспристрастном и спокойном обсуждении и исследовании.

Путь мужской любви вовсе не представляет неизбежного пути Эроса. Многие, конечно, никогда не столкнутся с этими ступенями и пройдут, не замечая и не подозревая о них.

Эрос борется вовсе не за мужчину и вовсе не против женщины. Он борется против материи, которая представляет женскую стихию мира, в противоположность духу – стихии мужской. В человечестве женщина и мужчина совершенно не являются представителями этих мировых стихий.

Человечество, само по себе, вне каких бы то ни было делений пола, является мужской стихией по отношению к женской стихии – природе.

Женщина, так же как мужчина, идет путями Эроса. В человечестве на своих первых ступенях эти пути представляют борьбу не против женщины, а против похоти, против деторождения.

Эрос стремится всю энергию пола перевести в искусство, в науку, в художественное творчество, в религиозное чувство.

И любовь между юношами у Платона вовсе не подразумевает физической связи. Платон допускает ее, извиняет ее как остаток похоти к женщине, но он говорит только о любви к мужскому духу. И ставит в последней части "Пира" идеалом совершенно чистую любовь Сократа к Алкивиаду, намеренно подчеркивая, что между ними не было физического прикосновения.

В христианстве борьба Эроса против похоти и деторождения вылилась в аскетизме и в борьбе с плотью.

Мужскую стихию, которую искали платоновские юноши, христианство нашло в духе.

Пламя мистики так же сжигает и очищает тело, как и пламя земной страсти. Поэтому в мистический аскетизм вливается так неожиданно и соблазнительно волна чувственности и сладострастия, как это было в Испании в XVII веке во времена святой Терезы.

Пути христианского средневекового Эроса в извилинах своих настолько же жутки, сомнительны и двусмысленны, насколько ясны и гармоничны пути Эроса Эллинского; но те же ступени сгорания плоти, в аскетизме, проходят в самой душе человека. Испытания христианских святых аналогичны сатанинским оргиям и шабашам ведьм.

Так же, как и Эрос, Христос ставит первыми ступенями на пути к себе отпадение от Бога в грех. Он ищет заблудшую овцу. Добродетельному праведнику он предпочитает раскаявшегося грешника. Он зовет к себе уже прошедших сквозь горн страстей: Магдалину, разбойника, мытаря.

Ближе к Христу тот, кто глубже погружен в грех, кто больше и унижительнее распят в материи, как Петр – вниз головой. (О, тогда мы,

конечно же, ближе всех на свете ко Христу стоим! Вот он – момент истины...
Вот теперь-то даже и нашему «проницательному» читателю станет ясно, что мы и есть тот самый, самый Богом избранный народ. – Г. П.)

Падший Ангел ближе к Христу, чем Элоим. Человек ближе, чем ангел. Ибо Ангелы – это демоны, которым еще предстоит воплощение. Апостол Павел говорит о том, что человек выше Ангелов.

Пути Христа сплетаются и совпадают с путями Эроса...

Эрос есть божественная воля, творящая мир, могучий ток, который охватывает все ступени, все сферы вселенной.

Эросу подвластны и боги, и люди. Он посредник между теми и другими. В нем та сила творчества, которая делает возможным переход с одной ступени на другую.

Бог словом своим творит мир, словом своим он распинается в материи, словом своим он сам себя низводит во вселенную и наполняет ее.

Вселенная – это пламя Божественного слова.

Слово – это Эрос.

Если бы первый стих Евангелия от Иоанна был написан Парменидом, он звучал бы так:

"В начале был Эрос. И Эрос был у Бога, и Эрос был Бог".

Тождество Христа и Эроса в первые века христианства было так очевидно, что Христос изображался в катакомбах в виде Эроса, ведущего за руку душу Психею – знаменательный символ, который дает ключ к пониманию нисходящего и восходящего тока, проходящего через человека». ²³

Боже, как все-таки очарователен Макс-«еретик». И только потому, что его древний дух, воплощаясь в соответствующем времени и месте, прошел через духовные течения каинитов (манихеев), гностиков, орфитов, тамплиеров, розенкрейцеров (их импульсы различимы в его творчестве) он мог явить нам (в подарок!) радугу своего духа в XX, таком

²³ Волошин М. Из литературного наследия П, СПб., 1999. С. 15–31.

апокалиптическом веке, соприкоснувшись (и глубинно ее восприняв!) с Антропософией, мог явить себя в русской культуре как дух будущей Иерархии Свободы и Любви.

Что же касается самого доклада Волошина об Эросе, то нам сегодня желательно было бы воспринять не только ту мудрость, которая в нем содержится и которая могла бы помочь нам более глубоко разобраться не только в своих собственных проблемах в этой сфере, если они есть, но и в процессах, происходящих в современной европейской (и отчасти американской) молодежной культуре, а также и констатировать те чудовищные искажения «путей Эроса», подмену их сексом, которая произошла во второй половине XX века под влиянием люциферических, ариманических и уже азурических духов, как представителей третьего лика Зла (об этом лике Зла мы скажем позднее).

Следует отметить, что этот доклад Волошина на фоне всей обширной литературы русского Серебряного века на эту тему (часто весьма люциферического свойства) выделяется своей фундаментальностью и даже прогностичностью. Но это доклад. А как же, спросит проницательный читатель, решал сам поэт проблему изживания пола в высокой эротике? Он действительно шел в этом изживании пола, как бы трудно ему ни было, платоновским, гармоничным путем, путем Эроса: от красоты женского тела к красоте человеческого тела вообще, от одного тела ко многим, от прекрасных тел к прекрасным деяниям, от деяний к знаниям и от знаний к созерцанию Вечной красоты, согласно порядку ступеней, раскрытому Диотимой Сократу. Вспомним эти ступени в жизни поэта: любовь к Маргарите Сабашниковой – космос Дома Поэта как космос Свободы и любви, микрокосмос Эроса – его бесчисленные прекрасные добрые деяния – и на любой ступени устремленность к знаниям – и, наконец, его более трех тысяч акварелей как плоды созерцания вечной красоты). Он запечатлел эти ступени и в своей «религиозно-поэтической науке» – в стихотворении «Отроком строгим бродил я...» (1911):

Бесконечная жалость и нежность
Переполняют меня.
Я безысходно люблю
Человеческое тело. Я знаю
Пламя,
Тоскующее в разделенности тел.
Я люблю держать в руках
Сухие горячие пальцы
И читать судьбу человека
По линиям вещих ладоней.
Но мне не дано радости
Замкнуться в любви к одному:
Я покидаю всех и никого не забываю.
Я никогда не нарушил того, что растет;
Не сорвал ни разу
Нераспустившегося цветка:
Я снимаю созревшие плоды,
Облегчая отягощенные ветви.
И если я причинял боль,
То потому только,
Что не хотел заиграть до смерти тех,
Кто, прося о пощаде,
Всем сердцем молили
О гибели...

А в конце жизни ему становится доступным созерцание «Откровенья вечной красоты» – созерцание «Светлого лика Премудрости Софии», явленного поэту через икону Владимирской Богоматери.

И недаром Волошина отталкивала декадентская атмосфера, царящая на «башне» Вячеслава Иванова с ее уклонами в эксперименты с извращенным Эросом (любовь втроем), и он покидает свою жену, запутавшуюся в это время в эротических сетях Вячеслава Иванова, покидает Петербург и возвращается в свой «безрадостный» Коктебель.

Припомним Волошина, пережившего страстную и тайную влюбленность в двух удивительных женщин, оставивших неизгладимый след в русской поэзии – в Е. И. Дмитриеву-Васильеву и в... юную Марину Цветаеву.

О глубокой, благоговейной, земной, роковой и мучительной любви к женщине, в которой поэт прозревал во многом сродное его духу начало, говорят нам очень вольные и откровенные стихи Волошина, посвященные

Лиле Дмитриевой (той самой поэтессе – Черубине де Габриак, которую сотворили фантазия и мифотворчество Волошина).²⁴

Себя покорно предавая сжечь,
Ты в скорбный дол сошла с высот слепую.
Нам темной было суждено судьбою
С тобою на престол мучений лечь.

Напрасно обоюдоострый меч,
Смирив плоть, мы клали меж собою:
Вкусив от мук, пылали мы борьбою
И гасли мы, как пламя пчельных свеч...

Невольник жизни дольней – богомольно
Целую край одежд твоих. Мне больно
С тобой гореть, еще больней – уйти.

Не мне и не тебе елей разлуки
Излечит раны страстного пути:
Минутна боль – бессмертна жажда муки!
(1910)

* * *

С тех пор как тяжкий жёрнов слепой судьбы
Смолол незрелый колос твоей любви,
Познала ты тоску слепых дней,
Горечь рассвета и сладость смерти.

Стыдом и страстью в детстве ты крещена,
Для жгучей пытки избрана ты судьбой
И в чресла уголь мой тебе вжёт
Неутолимую жажду жизни...

Не вольной волей ты подошла ко мне
И обнажила тайны ночной души,
И боль моя твою сожгла боль:
Пламя двойное сплелось, как змей.

²⁴ Об этой мистификации «Аполлона», об одном из наиболее громких эпизодов литературной жизни предреволюционного Петербурга см. у М. Цветаевой в очерке «Живое о живом» и в книгах В. П. Купченко «Странствие Максимилиана Волошина» (С. 125–133) и «Жизнь Максимилиана Волошина. Документальное повествование» (С. 107–114).

Когда глубокой ночью я в первый раз
Поверил правде пристальных глаз твоих
И прочитал изгиб твоих губ —
Древние двери в душе раскрылись.

И не на счастье нас обручил рассвет,
И не на радость в жизнь я призвал тебя.
И впредь отдельных нам путей нет:
Два осуждённых с единой цепью.

(1910)

* * *

Пурпурный лист на дне бассейна
Сквозит в воде, и день погас...
Я полюбил благоговейно
Текущий мрак печальных глаз.

Твоя душа таит печали
Пурпурных снов и горьких лет.
Ты отошла в глухие дали, —
Мне не идти тебе вослед.

Не преступлю и не нарушу,
Не разомкну условный круг.
К земным огням слепую душу
Не изведу для новых мук.

Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам —
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным словам.

(1910)

* * *

В неверный час тебя я встретил,
И избежать тебя не мог —
Нас рок одним клеймом отметил,
Одной гибели обрек.

И, не противясь древней силе,
Что нас к одной тоске вела,
Покорно обнажив тела,
Обряд любви мы сотворили.

Не верил в чудо смерти жрец,
И жертва тайны не страшилась,
И в кровь вино не претворилось
Во тьме кощунственных сердец.
(1910)

«Жрец» и «жертва» здесь слишком умудренные знанием тайн, которые, как выражался Гамлет, «не снились нашим мудрецам», а «жертва» к тому же натура страстная, сложная, умудренная своими страданиями, и оба слишком дорожат своей независимостью... Но это лишь праздные догадки...

А вот петербургский интерьер, в котором обитает роковая и мучительно любимая... сивилла (это сейчас поневоле женщины превратились в учителей, врачей, юристов и даже в менеджеров, а в начале XX века они почти все, даже падшие создания, были, в первую очередь, таинственными незнакомками и прекрасными дамами, а уж если женщина – утонченный поэт, то – существо внемирное – вот что натворили тогда поэты, в особенности так называемые символисты). Но это, на пристальный взгляд, можно было бы счесть еще и за непревзойденный шедевр русского поэтического... декаданса:

Ты живёшь в молчаньи тёмных комнат
Средь шелков и тусклой позолоты,
Где твой взгляд несут в себе и помнят
Зеркала, картины и киоты.

Смотрят в душу строгие портреты...
Речи книг звучат темно и разно...
Любишь ты вериги и запреты,
Грех молитв и таинства соблазна.

И тебе мучительно знакомы
Сладкий дым бензоя, запах нарда,
Тонкость рук у юношей Содомы,
Змийность уст у женщин Леонардо...

(1910)

Последняя строка стихотворения – это ведь отсыл к леонардовской Джоконде. Неужели это ради «красного словца» (но их у Волошина не бывает – он точен), или припоминание о каком-то далеком прошлом этой женщины?..

Именно за ее оскорбленную честь поэт публично дает Гумилеву пощечину и стреляется с ним на дуэли, спокойно подставляя себя под его снайперскую пулю, сам целясь в... небо. В этой дуэли он предстает перед нами совсем не так, как изобразили это злобно-критичные журналисты, и не только как рыцарь без страха и упрека, но индивидуальностью, действующей в полном самосознании и с полной ответственностью.

Но теперь их разделяет еще и горький осадок, который остается в душе Лили после разоблачения мистификации с Черубиной де Габриак. Сближение не приносит им радости, и она отдаляется от него. Не справляясь со своим душевным хаосом, она пишет ему: «Я никогда не вернусь к тебе женой; я не люблю тебя... Так много я ждала от моей любви к тебе, такого яркого, такого ведущего, но ты не дал... Прощай, Макс». Увы, эта дионисийская женская натура, «ночная душа» (воистину душа сивиллы) так и не смогла воспринять оформляющее солнечное, аполлоновское начало природы Волошина. А он еще надеялся, и пишет своему другу А. М. Петровой в письме: «Эти стихи (Черубины де Габриак – Г. П.) произвели сейчас в Петербурге громадную сенсацию, им подражают, их знают наизусть. О Черубине создана легенда, и она существует уже как совершенно самостоятельная личность. Теперь Лилия уже сможет сама создать свою поэтическую индивидуальность, которая гораздо крупнее и глубже. Но Черубина – тот ключ, которым я попытался открыть глубоко замкнутые родники ее творчества».

Но, очевидно, для этой женщины мало было «открыть глубоко замкнутые родники ее творчества...». Тогда, неужели был прав Н. Гумилев (безумно и отчаянно влюбленный в Лилию, требовавший стать его женой и получивший решительный отказ), когда в посвященном ей сонете писал: «Ты

ждешь любви, как влаги ждут поля, // Ты ждешь греха, как воли кобылица?..»
И все-таки Гумилев не мог подступиться к тайне духа этой женщины, как ее увидел Волошин. Ведь недаром, не случайно именно этой женщине он посвятил свое самое глубокое, таинственное, сложное и совершенное произведение – веночек сонетов «Corona astralis», с которым мы познакомили читателя. Последние строки магистрала этого венка – они относятся ведь не только к автору, но и к женщине, которой этот веночек сонетов посвящен:

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля – священный край изгнанья,

Кто видит сны и помнит имена,–
Тому в любви не радость встреч дана,
А темные восторги расставанья!²⁵

Но вот в начале декабря 1910 года, приехав в Москву, поэт встречается в этот свой приезд живой и весьма очаровательный «повод» для стихотворения, которое он незамедлительно изливает на бумагу:

Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца...

И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты как я,
Что мы в кольце одной неволи –
В двойном потоке бытия.

И если суждены нам встречи
(Быть может, топоты погонь),
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь.

(1910)

²⁵ О метафизике, так сказать, отношений Е. Дмитриевой с Волошиным см. Приложение № 2.

Кому же оно посвящено? Забегая вперед, признаемся драгоценному читателю, что поэт в последних строчках сделал весьма опрометчивое, самонадеянное заявление: пройдет совсем немного времени, и он полюбит отнюдь не только «бледную ладонь», но и обладательницу оной, целиком и полностью, какой бы взбалмошной она ему ни казалась (хотя в конечном счете поэт и убедится, что хиромантия – вещь не совсем надежная и что схожее «раздвоение линий воли» еще не обязательно свидетельствует о родстве душ и полном взаимопонимании).

Но все по порядку. Летом 1911 года уже в Коктебеле глубокое и тайное чувство к 17-летнему «чуду» природы, да к тому же еще и автору «Вечернего альбома»,²⁶ настигло нашего поэта-мудреца и оставило затаенно-мучительный след в его душе.

Гораздо позднее, в 1923 году, это «чудо» уже не природы, а русской поэзии (хотя вот Гёте утверждал, что «поэзия – это зрелая природа», но Гёте еще понять надо, так как, может быть, мы до этого еще и не доросли) припомнит в своих воспоминаниях: «Однажды, когда мне было 17 лет, один человек говорил мне, что любит меня – "Отыщите мой любимый камень на этом побережье, – ответила я. – Тогда я поверю, что Вы меня любите". Дело было в Крыму, и побережье длилось на несколько верст».

И хотя было время, когда само «чудо» с замиранием своего юного сердца ждало от поэта – странника, скитальца, путника по вселенным, поэта-посвященного – предложения стать... ее полной собственностью, однако же, можно догадаться, что такого предложения от нашего поэта, хотя и большого ребенка, но уже умудренного жизнью и горьким опытом и убежденного в том, что любовь = свободе, – не последовало.

²⁶ Мало-мальски просвещенный читатель, конечно же, припомнит последние строки стиха нашего поэта, посвященные этому самому «Вечернему альбому» и его автору:

Ваша книга – это весть оттуда,
Утренняя благостная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: чудо – есть!

Ну, а само «чудо», к тому времени уже неколебимо уверенное в своей избранности, грустило недолго, ибо совсем рядом, под боком, нашлась такая же юная и даже весьма созвучно, то есть романтически настроенная и никем не приватизированная «собственность». Эту «собственность» звали Сережа Эфрон.

Ну а как же Макс?

В середине мая 1911 года Макс объяснился в безысходно-отчаянном чувстве 17-летней Марине Цветаевой – только слегка прикрывшись собачьей шкурой и кличкой коктебельской дворняжки Гайдана – любимца Марины.²⁷

Гайдан

Я их узнал, гуляя вместе с ними.
Их было много, я же шёл с одной.
Она одна спала в пыли со мной,
И я не знал, какое дать ей имя.

Она похожа лохмами своими
На наших женщин. Ночью под луной
Я выл о ней, кусал матрац сенной
И чуял след её в табачном дыме.

И еще один эпизод этого «головокружения». В ответ на извещение Марины о ее предстоящей свадьбе с Сергеем Эфроном Волошин, по словам Цветаевой, «прислал самые настоящие соболезнования, полагая нас обоих слишком настоящими для такой лживой формы общей жизни, как брак». (Не артистичный ли это жест естественной ревности в любимой поэтом парадоксальной форме, в форме мистификации?) И далее Цветаева пишет: «Я, новообращенная жена, вскипела: либо признавай меня всю, со всем, что я делаю и сделаю (и не то еще сделаю!) – либо... И его ответ: спокойный,

²⁷ Этим открытием мы обязаны Лилит Николаевне Козловой – поэту, ученому, эзотерическому цветаеведу. В завораживающем, гипнотизирующем эссе «Римский семинарист и сказочный медведюшка» («Laterna magica». М., 1990.) она самым убедительным образом высветлила этот короткий период головокружения нашего поэта и дерзкой игры юного «чуда» русской поэзии со своим старшим другом-волшебником.

любящий, бесконечно-отрешенный, непоколебимо-уверенный, кончающийся словами: "Итак, до свидания – до следующего перекрестка!" – то есть когда снова попаду в сферу его влияния, из которой мне только кажется – вышла». Цветаева поняла этот лик его самосознающей души и пишет: «Вражда, как дружба, требует согласия (взаимности). Макс на вражду своего согласия не давал и этим человека разоружал...»

Чем обязана Марина Цветаева встрече в юности с этим «вожатым душ», мудрым, добрым, да еще влюбленным в нее сказочным волшебником, можно судить по ее воспоминаниям «Живое о живом». В этом же эссе она охарактеризует отношение Волошина к женщинам и поэтам такими словами: «Макс в жизни женщин и поэтов был ниспосланным провидением... когда же женщина оказывалась поэтом, или, что вернее, поэт – женщиной, его дружбе, бережности, терпению, вниманию, поклонению и сотворчеству не было конца». Но именно такая утонченность, одухотворенность души (или, как скажет его первая жена Маргарита Сабашникова, – недовоплощенность его) и являлась одной из серьезных причин его трудных отношений с женщинами (особенно талантливыми и тоже необыкновенно одухотворенными), в которых был влюблен Волошин.

Но то глубинное, затаенное и опять же мучительное переживание лета 1911 года принесло в том же году изумительно зрелый плод в его, не станем говорить лирике, а скажем – в поэтической науке. Вот как высветлил он свое понимание, кредо любви к женщине, кредо, где мудрость и любовь, свобода и любовь, состояние души, где чувство, мысль и воля пребывают в гармонии. Это, можно сказать, уникальный феномен взаимодействия, гармонизации мудрости и любви на фоне разлитого моря душераздирающей любовной лирики в русской, да и всей европейской поэзии (приводим стихотворение полностью).

Отроком строгим бродил я
По терпким долинам
Киммерии печальной,

И дух мой незрячий
Томился
Тоскою древней земли.
В сумерках, в складках
Глубоких заливов,
Ждал я призыва и знака,
И раз пред рассветом,
Встречая восход Ориона,
Я понял
Ужас ослепшей планеты,
Сыновность свою и сиротство...
Бесконечная жалость и нежность
Переполняют меня.
Я безысходно люблю
Человеческое тело. Я знаю
Пламя,
Тоскующее в разделенности тел.
Я люблю держать в руках
Сухие горячие пальцы
И читать судьбу человека
По линиям вещих ладоней.
Но мне не дано радости
Замкнуться в любви к одному:
Я покидаю всех и никого не забываю.
Я никогда не нарушил того, что растет,
Не сорвал ни розу
Нераспустившегося цветка:
Я снимаю созревшие плоды,
Облегчая отягощенные ветви.
И если я причинял боль,
То потому только,
Что жалостлив был в те мгновенья,
Когда надо быть жестоким,
Что не хотел заиграть до смерти тех,
Кто, прося о пощаде,
Всем сердцем молили
О гибели...

(1911)

Одной Аделаиде Герцык раскрывал он свой внутренний интимный мир: «Объясните же мне, – пишет он ей, – в чем же мое уродство. Все мои слова и поступки бестактны и нелепы; всюду, и особенно в литературной среде, я чувствую себя зверем среди людей, – чем-то неуместным... А женщины? У

них опускаются руки со мной, самая моя сущность надоедает очень скоро, и остается только раздражение. У меня же трагическое раздвоение: когда меня влечет женщина, когда духом близок ей – я не могу ее коснуться, это кажется мне кощунством...»

Так он говорил и мучился этим, но из этих мук возникали шедевры его поэтической любовной науки, такие как «Астральная корона» или только что приведенное стихотворение «Отроком строгим бродил я...», или изумительное, уникальное во всей мировой любовной лирике, бросающее глубинный, мудрый вызов всякому ханжеству, стихотворение под заголовком «Грехопадение». В его основе теософские идеи. В тетради выписок Волошина они сформулированы так: «Дух должен пройти через грехопадение. Духовное существо, как говорит Гёте, должно быть помрачено и ограничено. Это необходимо для полного вочеловеченья». В письме к Е. П. Орловой от 26.01.1918 года Волошин так конкретизировал эту идею: «Не надо отрицать – надо понять смысл плоти. Ради нее мы воплощены. Не отрицать, не презирать, а собою ее преобразить, просветить, спасти. Не бежать от греха и порока, а идти ему навстречу в самом себе, побеждать не отрицанием, а любовью».

Грехопадение

Замер дух — стыдливый и суровый,
Знаньем новой истины объят...
Стал я ближе плоти, больше людям брат.

Я познал сегодня ночью новый
Грех... И строже стала тишина —
Тишина души в провалах сна...

Чрез желанье, слабость и склоненье,
Чрез приятье жизненных вериг —
Я к земле доверчивей приник.

Есть в грехе великое смирение:
Гордый дух да не осудит плоть!
Через грех взыскует тварь Господь.

(1912)

О свободе и чувстве собственности в любви поэт в одном из писем 1914 г. пишет: «Любовь = свободе, а свобода = любви. А люди делают из любви тягчайшую из цепей через "мой", "моя", превращая ее в эгоизм. И у этого эгоизма любви есть приличия. Любить вне чувства собственности, вне ревности – это не прощается. И это страшно оскорбляет людей – любить вне собственности. И не только по глупости, а еще по чему-то очень глубокому, органическому. И вот идешь как по струне, кажется, мысленно не позволил себе ничего для себя пожелать, ничем свободу чужую не позволил стеснить и вдруг... чувствуешь, что все неверно, что нечто органическое, святое оскорблено, унижено. Вот это чувство вины...»

Но такая любовь редко может стать взаимной и разделенной. Чаще она приводит к мучительным отношениям, ибо то самое «чувство собственности» даже у незаурядных женских натур, естественно, побеждало, и горечь расставания и разлада долго жила еще в глубине сердца поэта, может быть, и делая его мудрее и прозорливее...

Но нашему поэту было еще ведомо и эзотерическое понимание любви и ненависти. В одном из писем 1920 года читаем: «Верю глубоко, что все, что здесь на земле является ненавистью, враждой, убийством, есть истинное и полное слияние в духовном мире (как любовь физическая есть конкретное выражение духовного разделения и антипатии). Это закон зеркальности».

Но не отсюда ли и нежелание «духовного разделения и антипатии» в отношении к любимому человеку, не исток ли здесь «трагического раздвоения» нашего поэта: когда его влечет женщина, когда духом он близок ей, он не может коснуться ее, это кажется ему кощунством. Да, воистину, во многом знании – много печали...

Ну, а теперь вслушаемся в стихи Волошина, посвященные другим женщинам. Ведь для него женщины это не то, что для нас с вами,

драгоценный читатель, – для него это еще и лики Её творчества, Её отблески!
Помните? – «Она».

Она — забытый сон веков,
В ней несвершённые надежды.
Я шорох знал её шагов
И шелест чувствовал одежды.

.....

Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца — Таиах
И покрывало Моны Лизы.

.....

И я читал её судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг объятья.

Порой в чертах случайных лиц
Её улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Но, неизменна и не та,
Она сквозит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимую улыбкой.

(1909)

Художнице-ирландке Вайолет Харт, с которой Макс сблизился в Париже в 1905 году, посвящено удивительно музыкальное стихотворение:

Если сердце горит и трепещет,
Если древняя чаша полна... —
Горе! Горе тому, кто расплещет
Эту чашу, не выпив до дна.

В нас весенняя ночь трепетала,
Нам таинственный месяц сверкал..
Не меня ты во мне обнимала,
Не тебя я во тьме целовал.

Нас палящая жажда сдружила,
В нас различное чувство слилось:
Ты кого-то другого любила,
И к другой мое сердце рвалось.

Запрокинулись головы наши,
Опьянялись мы огненным сном,
Расплескали мы древние чаши,
Налитые священным вином.
(1905)

А вот стихи, посвященные Наталье Алексеевне Милюковой – танцовщице, с которой Волошин встречался в Париже зимой 1911–1912 гг. В сентябре 1912 года она писала Волошину из Москвы: «Добрые семена и советы, что Вы сеяли в душе Ваших маленьких подруг, не пропали даром! По крайней мере, в душе «девочки-старушки» они пустили глубокие корни».

То в виде девочки, то в образе старушки,
То грустной, то смеясь – ко мне стучалась ты:
То требуя стихов, то ласки, то игрушки
И мне даря взамен и нежность, и цветы.

То горько плакала, уткнувшись мне в колени,
То змейкой тонкою плясала на коврах...
Я знаю детских глаз мучительные тени
И запах ладана в душистых волосах.

Огонь какой мечты в тебе горит бесплодно?
Лампада ль тайная? Смиренная свеча ль?
Ах, все великое, земное безысходно...
Нет в мире радости светлее, чем печаль!

(1911)

Очаровательное, пушкинское альбомное стихотворение Волошин посвятил Марии Новицкой – 16-летней дочери искусствоведа, академика А. П. Новицкого, в 1912 году построившего в Коктебеле дачу.

Альбомы нынче стали редки
В листах, исписанных пестро,
Чертить случайные виньетки

Отвыкло беглое перо.

О, Пушкинская лёгкость! Мне ли,
Поэту поздних дней, дерзать
Словами, вместо акварели,
Ваш милый облик написать?

Увы! Улыбчивые щёки,
Весёлый взгляд и детский рот
С трудом ложатся в эти строки...
И стих мой не передаёт

Веснушек, летом осмуглённых,
Ни медных прядей в волосах,
Ни бликов золота в зелёных,
Слегка расставленных глазах.

Послушливым и своенравным
В зрачках весёлым огоньком
Вы схожи и с лесным зверьком,
И с улыбающимся фавном.

Я ваш ли видел беглый взгляд
И стан, и смуглые колена
Меж хороводами дриад
Во мгле скалистых стран Пуссена?

И мой суровый Коктебель
Созвучен с вашей улыбкой,
Как свод руин с лозою гибкой,
Как с пламенем зари — свирель.

(1912)

А вот стихотворение, посвященное 18-летней поэтессе Марии Павловне Кювелье (Майе) (1895–1985, в замужестве Кудашева, во втором браке Роллан). Она познакомилась с Волошиным в Москве в 1913 году и сразу же влюбилась в нашего поэта. И, как нам кажется, чтобы хоть немного успокоить ее, поэт отвечает на бурные чувства девушки таким вот прелестным стихотворением:

Майе

Над головою поднимая
Стопы цветов, с горы идет...
Пришла и смотрит...

Кто ты?

– Майя.

Благословляю твой приход.
В твоих глазах безумство. Имя
Звучит, как мира вечный сон...
Я наважденьями твоими
И зноем солнца ослеплен.
Войди и будь.

Я ждал от рока
Вестей. И вот приносишь ты
Подсолнечник и ветви дрока –
Полудня жаркие цветы.
Дай разглядеть себя... Волною
Прямым, лоснящихся волос
Прикрыт твой лоб, над головою
Сиянье вихрем завилось.
Твой детский взгляд улыбкой сужен,
Недетской грустью тронут рот.
И цепью маленьких жемчужин
Над бровью выступает пот.
Тень золотистого загара
На разгоревшихся щеках...
Так ты бежала... вся в цветах...
Вся в нимбах белого пожара...
Кто ты? дитя? царевна? паж?
Тебя такой я принимаю:
Земли полуденный мираж,
Иллюзию, обманность... – Майю.

(1913)

В начале 1914 года Майя уже была влюблена в архитектора В. А. Веснина. В марте 1914 года Волошин писал о ней матери: «Надо ей помочь внутри самой себя измениться, надо дать ей другое понятие о любви, о самой себе, о ценности человека, свободе... Ее любовь очень сильна. Но она так молода, что ведь ей почти все равно, на кого она направлена... Она не видит, не ценит и не знает того человека, которого она любит. Она любит только свою мечту... У нее темперамент сильный, жадный, волевой, несмотря на то что она ребенок». И он посвящает ей еще одно стихотворение «Любовь твоя

жаждет так много...», которое читатель, если пожелает, пусть сам разыскивает в собрании стихотворений поэта.

Своей матери, с которой его связывали сложные и часто по вине матери мучительные отношения, поэт посвятил стихотворение «Материнство», где он вскрывает тайну «узла сыновности и материнства» и напоминает, что не весь он рожден ею и есть в нем «иная часть», «не женщиной рожденная» (а ведь это так важно знать всем матерям о своих детях!).

Вот некоторые важнейшие строфы этого стихотворения:

Из всех узлов и вязей жизни – узел
Сыновности и материнства – он
Теснее всех и туже напряжен:
Дверь к бытию водитель жизни сузил.

Я узами твоих кровей томим,
А ты, о мать, – найду ль для чувства слово?
Ты каждый день меня рождаешь снова
И мучима рождением моим.

.....
Как неотступно требуешь ты: "Имя
Свое скажи мне! кто ты? назовись".
Не помню имени... но знай: не весь я
Рожден тобой, и есть иная часть,
И судеб золотые равновесья
Блюдет вершительная власть.

Дитя растет, и в нем растет иной,
Не женщиной рожденный, непокорный,
Но связанный твоей тоской упорной –
Твоею вязью родовой.

Я знаю, мать, твой каждый час – утрата.
Как ты во мне, так я в тебе распят.
И нет любви твоей награды и возврата,
Затем, что в ней самой – награда и возврат!

(1917)

Интереснейшее признание о любви к людям он сделал именно матери:
«Мне кажется, что я еще никогда так не отдавался людям, как теперь, и

никогда так не любил каждого встречного человека. Я стремлюсь в каждом, которого судьба ставит на моем пути, найти те стороны, за которые его можно полюбить».

Действенная, плодотворная любовь к людям всегда вытекала у поэта из точного их понимания. В письме Екатерине Павловне Пешковой (первой жене Горького) от 13 сентября 1917 года поэт оставил нам потрясающее свидетельство такого понимания: «...Хорошо видеть людей лучше (это их лучше делает), но величайшая добродетель – точность. Такое понимание больше всего помогает людям. А идеализация, до которой они сами дотянуться не могут, может быть так же губительна, как и принижение их. Нужно все знать о человеке, так, чтобы он не мог ни солгать, ни разочаровать, и, зная все, помнить, что в каждом скрыт ангел, на которого выросла дьявольская короста, и надо ему помочь ее преодолеть, вспомнить самого себя. И не надо экспансивности: гораздо лучше ее сдерживать и сделать благословением изнутри, молчаливым. Молча благословить человека во время беседы, это гораздо больше всяких слов и даже действий.

И никогда не надо ничего ни ждать, ни требовать от людей. Но всякому прекрасному в них радоваться как личному дару».

Еще через десять дней ей же в другом письме уже совсем для нас невообразимые, невероятные, неслыханные вещи – пишет о себе, о своей понимающей, принимающей любви (вот уж, поистине, любил наш поэт людей, но «странную любовью» – труднодоступной для нас):

«Дорогая Екатерина Павловна, я должен исправить несколько Ваших заблуждений относительно меня. Мир для моей воли вовсе не арена для упражнений, так как я гораздо больше понимаю и принимаю, чем волю и меняю. Мне вовсе не хочется оставить на человеке моего отпечатка: мне всегда хочется освободить человека от него самого. Не больше. И для меня люди не книги, которые, прочтя, я занавешиваю. "Я покидаю всех и никого не забываю". Напротив, человек единственно важное в мире и притом такой, как он есть. Во все неважно кого-нибудь убедить – это значит заставить его

поглупеть еще на оду истину, – ценны только те истины, что вырастают из нас самих».

А теперь несколько слов о второй жене поэта Марии Степановне Заболоцкой, с 1927 года – Волошиной (1887–1976). Когда в 1919 году Волошин впервые познакомился с ней, он не был в нее влюблен. Их дружба постепенно перерастала в любовь, по мере того как они ближе узнавали друг друга. Дочь слесаря и прачки (поляка и старообрядки), она перенесла много страданий и горя до встречи с поэтом, работала медсестрой и акушеркой в годы Мировой войны и Гражданской. Характер у Марии Степановны был трудный: вспыльчивый и ревнивый. Но она оказалась самоотверженной и любящей женой, боготворящей своего Макса, и мы очень многим обязаны ей и в первую очередь тем, что Дом Поэта и его наследие сохранились до наших дней.

О характере их любви и союза говорят потрясающие отрывки из письма Волошина 1922 года, где он отвечает ей на ее ревнические упреки и на ультимативное требование принадлежать ей, так сказать, целиком и полностью, то есть, чуть ли не превратиться в ее собственность... (Вспомним здесь размышления Волошина о «чувстве собственности» в любви.)

Но вот еще доселе неслыханные и невозможные слова о любви – слова не мужа, но... посвященного: «Маруся, нельзя меня ревновать, – пишет он ей. – Нужно со мною любить всех, кого я люблю. А мне надо столько любить: всю Россию, каждого человека в ней... Мне надо быть... со всеми, кто окликнет меня». Чем больше долг, возложенный на него судьбой, тем меньше может он принадлежать самому себе. «У меня уже несколько лет чувство: надо торопиться, надо не терять ни одной минуты, надо воплотить все, что дано передумать и пережить. И в то же время нельзя отказываться, когда жизнь и люди требуют помощи немедленной, текущей, упора плеча, чтобы опереться». И раз она колеблется, он определенно говорит ей: не надо переезжать в Коктебель. И любить его тоже будет мучительно: он не всегда сможет быть таким внимательным, как ей надо; не сможет не причинять ей

боль. И не для личной жизни, не для личного счастья зовет он ее, а как сотрудника в человеческом и творческом деле: «Потому что мне очень трудно и одиноко. Маруся, милая моя», – вырывается у него. И он молит полюбить не его лично, а то, что он делает и что должен сделать: так его никто еще не любил! «Будь моим сердцем; помоги мне любить Россию и помоги найти слова, которые выразили бы все, нами пережитое и переживаемое; помоги мне найти себе тишину, душевную строгость, равновесие и мир, который нужен для работы! Если так полюбишь, это во мне полюбишь, – тогда прошу, умоляю тебя: будь со мной в Коктебеле, будь всегда...» «Я знаю, что связан с тобою глубоко и на всю жизнь, – пишет он ей в другом письме. – Что люблю тебя настоящей глубокой человеческой любовью и уважением (можно любить уважением)... В человеке любовь – сознательна, разумна, свободна, действенна, но влюбленность (или страсть) бессознательна, темна, приходит неизвестно откуда, уходит неожиданно и без предупреждения... Так вот говорю тебе о первом – о Любви. Ее сознаю, чувствую, несу к тебе».²⁸

И в память об этой самоотверженной мужественной женщине мне хотелось бы познакомить драгоценного читателя со стихотворением Волошина, посвященным ей. Оно выражает любовь и заботу о конкретной женщине, его супруге – любовь и заботу посвященного – в гораздо более действенной форме (в беломагической форме), чем многие шедевры любовной лирики, которые нам ведомы, шедевры во многом посвященные скорее не самой любви, а тому самому состоянию влюбленности, о котором писал наш поэт в письме к своей будущей супруге (что, конечно же, не мешает нам опьяняться этими шедеврами).

Вот эта белая магия нашего поэта.

Заклинание

²⁸ Купченко В. П. Странствие Максимилиана Волошина. Документальное повествование. СПб, 1996. С. 341–342.

Марусе

Закрой глаза и разум угаси.
Я обращаюсь только к подсознанию,
К ночному «Я», что правит нашим телом.
Слова мои запечатлятся крепко
И врежутся вне воли, вне сознания,
Чтобы себя в тебе осуществить.
Творит не воля, а воображенье.
Весь мир таков, каким он создан нами.
Достаточно сказать себе, что это
Совсем легко, и ты без напряженья
Создашь миры и с места сдвинешь горы.

Все органы твои работают исправно:
Ход вечности отсчитывает сердце,
Нетленно тлеют лёгкие, желудок
Причастье плоти превращает в дух
И тёмные отбрасывает шлаки.
Яичник, печень, железы и почки —
Сосредоточия и алтари
Высоких иерархий — в музыкальном
Согласии. Нет никаких тревожных
Звонков и болей: руки не болят,
Здоровы уши, рот не сохнет, нервы
Отчётливы, выносливы и чутки...
А если ты, упорствуя в работе,
Физических превысишь меру сил, —
Тебя удержит сразу подсознание.

Устав за день здоровым утомленьем,
Ты вечером заснёшь без сновидений
Глубоким сном до самого утра.
А сон сотрёт вчерашние тревоги
И восстановит равновесье сил,
И станет радостно и бодро, как бывало
Лишь в юности, когда ты просыпалась
Весенним утром от избытка счастья:
Вокруг тебя любимые друзья,
Любимый дом, любимые предметы,
Журчит волна, вдали сияют горы...
Всё, что тебя недавно волновало,
Будило гнев, рождало опасенья,
Все наважденья, страхи и обиды
Скользят, как тени, в зеркале души,
Глубинной тишины не нарушая.

Будь благодарной, мудрой и смиренной.
Люби в себе и взлёты, и паденья,
Люби приливы и отливы счастья,
Людей и жизнь во всем многообразьи,
Раскрой глаза и жадно пей от вод
Стихийной жизни — радостной и вечной.

(1929)

Здесь, в его религиозно-поэтической науке мы имеем изумительный образец органического соединения познания и любви, мудрости и любви.

В «Заметках 1917 года» есть у Волошина и заметки, касающиеся темы познания и любви – весьма эзотерические размышления на эту тему, созвучные с мыслями Рудольфа Штейнера. Мы приводим их и для сравнения, чтобы читатель сам мог решить, был ли Волошин антропософом в главном своем устремлении или не был.

Максимилиан Волошин:

«Если познание – разум, то любовь – безумие. И то, и другое необходимо для развития мира, и основная моральная задача человека – согласить их в своих действиях: не мешая и сотрудничая работе духов-строителей, внести в нее свою стихию любви. Безумию дать разумное творческое русло. Здравый смысл увенчать ореолом безумия.

Мы живем в эпоху, когда всё сдвинуто в мире, нет устоев, нет чувства тяжести, мы не знаем, где верх и низ. Европа сорвана войной, Россия сорвана революцией. Наступило время, когда надо, с закрытыми глазами, как слепому, внутри себя нащупать те тяготения, те точки опоры, которые ускользнули в мире внешнем.

Две силы есть у творческой воли человека: познание и любовь.

Познание – сила негативная. Когда человеческий разум восходит в обратном порядке по ступеням творения небесных иерархий – духов-строителей мира – это является разумным познанием. Познание – это творчество, развернутое в обратном порядке. Понимание – негативный оттиск творения.

Все положительные творческие силы человека – в любви. Любовью он вносит в мир новое, ею он соучаствует в работе Иерархий в качестве одной из них.

Задачу человека в мире можно определить так: человек погружен во вселенную мудрости, в которой всё связано архитектурой причинности. Его задача оставить после себя вселенную любви».²⁹

Рудольф Штейнер:

«В сокровеннейшее ядро человеческого существа был погружен... зародыш любви. И оттуда он должен излиться во все развитие. Как в силах внешнего чувственного мира Земли, в современных "силах природы", проявляется развившаяся раньше мудрость, так в будущем во всех явлениях будет проявляться сама любовь, как новая природная сила. Тайна всего развития на будущие времена заключается в том, что познание и все то, что совершает человек из истинного понимания развития, есть посев, который должен созреть как любовь. И сколько порождается силы любви, столько создается и творческого для будущих времен. В том, что возникает из любви, будут заложены великие силы, ведущие к одухотворению. И сколько духовного познания волеется в развитие человечества и Земли, столько будет жизнеспособных зачатков для будущих времен. Духовное познание, через то, что оно есть, превращается в любовь... Начиная с нынешнего состояния Земли "мудрость внешнего мира" становится внутренней мудростью в человеке. И ставши в нем внутренней, она становится зародышем любви. Мудрость есть условие любви. Любовь есть плод возрожденной в "Я" мудрости».³⁰

И этот «плод, возрожденной в "Я" мудрости» нашего поэта созрел и принес обильный урожай во времена Гражданской войны. Вспомним немислимую, «безумную», потрясающую разум и сердце, уникальную во

²⁹ Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1991. С. 298.

³⁰ Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штейнера. В 2-х т. Сост. Бондарев Г. А. М., 1999. Т. 1.

всей России позицию Волошина в это время, его действенную помощь и спасение десятков и десятков людей от верной гибели – людей из двух враждебных станов.

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас – тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.
(1919)

А вот из письма Я. А. Глотову от 18 октября 1919 года: «Всеобщая безалаберщина весьма способствует сосредоточенности духа и работы. Пишу стихи исключительно на современные темы – о России и революции. Как всегда, все, что бывает со мной, оказывается парадоксально: мои стихи одинаково нравятся и большевикам и добровольцам... Из этого ты можешь видеть, что я стою действительно над партиями. И это понятно: для меня уже давно стало абсурдом осуществлять какие бы то ни было свои предпочтения и государственные формы. Между тем как развертывающаяся историческая трагедия меня глубоко захватывает... Я..., относясь ко всем партиям как к отдельным видам коллективного безумия, ни к одной из них не питаю враждебности: человек мне важнее его убеждений. Поэтому единственная форма активной деятельности, которую я себе позволял, – это мешать людям расстреливать друг друга. И пока довольно удачно».

О космосе же Свободы, Творчества, Мудрости и Любви, который Волошин продолжил творить из своего Высшего «Я», из своего Дома поэта уже после Гражданской войны в условиях большевистской власти, мы поведем рассказ ниже.

Но там, где речь идет о любви, там невозможно не вспомнить о смерти. Каково же отношение к ней нашего поэта? Опять же драгоценный читатель

мог бы воспринять это отношение только своим Высшим «Я» (но не «малым и беспмятным «я»: им воспринимать адекватно мысли, чувства, деяния нашего «безумного» мудреца невозможно, так что, если читатель не откроет доступ к своему Высшему «Я», ему останется недоступен этот феномен русской культуры во всей его глубине).

Вот его «безумные» речи о смерти (из письма 1913 г. Ю. Л. Оболенской): «Наше ощущение жизни дано нам смертью. Будь мы бессмертны, у нас никогда бы не могло возникнуть сознания собственного "я", ни сознания своего бытия. Мы были бы как драгоценные камни. Смерть пронизала нашу природу ритмом. (Всякий ритм есть умирание и воскресение). Смерть без воскресения немислима. Этот ритм смерти и воскресения пронизывает все мгновения бытия. И только те мгновения, в которые мы умирали и воскресали, и есть жизнь. (Поэтому: люби во мгновение, ибо любовь, которая длится, становится ненавистью...).³¹ В законе ритма и лежит источник радости, бьющий и пульсирующий. Но вне пульсации мгновений есть пульсация жизнью. Органически не в состоянии понимать жизнь вне перевоплощений, как единичную случайность. Кто говорит: смерть, говорит: воскресение. Поэтому смерть – радость... Кто действительно любит жизнь в ее существе, тот всегда готов уйти. В любую минуту. У меня на руке есть очень ярко выраженная линия возможной смерти от огнестрельного оружия. Когда у меня была дуэль (с Гумилевым – Г. П.), я знал, что это может осуществиться. И никогда я не чувствовал такой полноты бытия, такого подъема любви ко всему и ко всем, такой радужной радости, как в те два дня».

А вот еще мысли Поэта о смерти: «В чем состоит ужас смерти? Ужаса смерти в сущности нет. Как всякое чувство страха, он творится в стихии ожидания. Ожидание есть то нервное состояние, тот фон тьмы, на котором ослабевшее воображение пишет свои разводы.

³¹ В том случае, если любовь не исходит из мудрости и свободы, если человек духовно не развивается (см. например, рассказ А. П. Чехова «Учитель словесности»).

Смерть как нечто опытно неизбежное, если мы начинаем ждать ее, то создается то состояние ожидания, которое имеет несколько ликов, но чаще всего лик ужаса. И если бы мы могли представить нечто столь же достоверное и столь же неизбежное, как смерть, то чувство ужаса было бы не меньше. Страх относится лишь к этой неотвратимой достоверности, а вовсе не к смерти. Поэтому он длится лишь до последнего мгновения. Когда же смерть прикасается, то исчезает ужас и остается спокойствие достоверности.

То же волнение, которое охватывает меня при мысли о смерти (не в минуты ожидания ее, а в минуты размышления), скорее напоминает волнение гордости, и я помню его.

Смерть есть величайшее завоевание, сделанное человеком в области бытия. Сознание нашего "Я" связано с нашей бессмертностью. Бесконечность пространства, вечность, бессмертие – это все имена тех состояний, в которых могут пребывать существа, не сознающие себя. Сознательному "Я" они неуютны. Смерть есть прерывность тока бытия. Она усиливает и углубляет его.

Мы творим мир живой из мира совершенного, но разрушающегося, переходящего в небытие.

Его рассыпающиеся частицы мы включаем в формы; формы, преобразуясь, становятся ликами.

Форма – бессмертна и переживает вещество. Вещество должно пройти через формы, чтобы быть спасено.

Все самые громадные силы, которыми человечество пользуется в природе, – это силы разложения, уничтожения материи (электричество, радиоактивность). Это Великие Демоны разрушения и небытия. Мы даем им форму и лик, соответствующие их сущности: из мира космических процессов мы вводим их в мир человеческий; они не могут быть иными, чем смерть (Война, Убийство, Анархия). Но в этих ликах мы должны их преобразить».³²

³² Волошин М. Собр. соч. Т. 6, кн. 2, М., 2008. С. 637–638.

Иерархическую же вершину Космоса Любви в «учено-поэтической религии» поэта мы находим в его поэме «Святой Серафим», и, в особенности, в главе этой поэмы «Хвала Богоматери», написанной в самый адский (1919) год Гражданской войны. И это – залог Божественной Любви Небесной Софии, воплощенной в Богоматери, в условиях Апокалипсиса, во времена Страшного Суда.

Хвала Богоматери

Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая,
Радость радости земной,
Торжество непобедимое.
Ангельски дориносимая
Над родимую землёй
Купина Неопалимая.

Херувимов всех честнейшая,
Без сравнения Славнейшая,
Огнезрачных Серафим,
Очистилице чистейшее.
Госпожа Всенепорочная
Без истленья Бога родшая,
Незакатная звезда.
Радуйся, о Благодатная,
Ты молитвы влага росная
Живоносная вода.

Ангелами охраняемый,
Цвет земли неувядаемый,
Персть сияньем растворённая,
Глина девством прокалённая —
Плоть рождённая сиять,
Тварь до Бога вознесённая,
Диском солнца облачённая
На серпе луны взнесённая,
Приснодевственная Мать.

Ты покров природы тварной,
Свет во мраке, пламень зарный
Путеводного столба!

В грозный час, когда над нами
Над забытыми гробами
Протрубит труба,
В час великий, в час возмездья,
В горький час, когда созвездья
С неба упадут,
И земля между мирами,
Извергаясь пламенами
Предстанет на Суд,
В час, когда вся плоть проснётся,
Чрево смерти содрогнётся
(Солнце мраком обернётся)
И как книга развернётся
Небо надвое,
И разверзнется пучина,
И раздастся голос Сына:
— «О, племя упрямое!
Я стучал — вы не открыли,
Жаждал — вы не напоили,
Я алкал — не накормили,
Я был наг — вы не одели...»

И тогда ответишь Ты:
— «Я одела, Я кормила,
Чресла Богу растворила,
Плотью нищий дух покрыла,
Солнце мира приютила,
В чреве темноты...»

В час последний в тьме кромешной
Над своей землёю грешной
Ты расстелешь плат:
Надо всеми, кто ошую,
Кто во славе одесную
Агнцу предстоят.
Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзённой духом глины,
Без изъята, — навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного Суда.

Глава четвертая

Природный Космос Поэта

Если мы вспомним предисловие поэта к его сборнику стихов «Иверни», то там первая ступень пути странника характеризуется тем, что он «отдается чисто импрессионистическим впечатлениям внешнего мира (циклы «Странствия», «Париж»).

В этот ранний период своего творчества поэт ставит перед собой чисто внешнюю задачу:

...Все видеть, все понять, все знать, все пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Все воспринять и снова воплотить.

Париж открывается поэту как преддверье всех культур: «Теперь туда – в пространство человеческого мира – учиться, познавать, искать. В Париж я еду..., чтобы познать всю европейскую культуру в ее первоисточниках...»

Именно в свой «парижский» период Волошин обретает чувство формы, сам становится творцом художественных форм в поэзии, критике, акварельной живописи, учится у других культур (в частности, у французской культуры – импрессионистическому символизму у своих любимых поэтов и художников), чтобы затем подойти к своему заданию, своей миссии в русской и мировой культуре.

Его творения этого периода вполне доступны пониманию образованного читателя, так что мы не станем на них подробно останавливаться. Исключениями здесь являются мистический цикл из семи стихотворений «Руанский собор» (1907), где поэт не просто вдохновенно описывает знаменитый готический собор, но раскрывает нам его символику – семь

ступеней христианского мистического пути посвящения, а также цикл из четырех стихотворений «Когда время останавливается» (1903–1905).

В первой журнальной публикации Волошин помещает истолкование, расшифровку символики собора и цикл стихотворений «Руанский собор» под заголовком «Крестный путь», расшифровку, которая явилась неким важным этапом, вехой в духовных поисках поэта:

«Семь ступеней крестного пути соответствуют семи ступеням христианского посвящения, символически воплощенного в архитектурных кристаллах готических соборов.

Мистический крестный путь начинается омовением ног – прикосновением к полу храма, ибо пол храма – это вода. Поэтому в мозаиках, украшающих пол древних соборов, часто изображались сивиллы, сидящие над водой или олени, пьющие из ключа.

Вторая ступень – бичевание. Это ощущение острой физической боли сердца Богородицы, пронзенной семью мечами скорбей.

Третья – алый свет – ощущение текущей крови – терновый венец. Четвертая – стигматы – знаки пригвождения на руках. Пятая ступень – это смерть на кресте. Мировая душа распята на кресте мирового тела. Распятие – это символ божества, воплощающегося в материи. Символически сам человек с распростертыми руками являет крест. ("Облеченный в крест тела своего".)

Смерть – это экстаз, момент высшего восторга жизни.

Шестая ступень – погребение, причащение земле. Плоть, себя сознавшая, глаголящая и видящая, возвращается к темной и страдающей праматери.

Седьмая ступень – воскресение из мертвых».

Волошин отмечает, что мистерия готических соборов начинается на закате дня, что соответствует текущей крови – терновому венцу, а завершается при ясном дневном свете, который соотносится с седьмой ступенью крестного пути – воскресением из мертвых.

Таким образом, мистический христианский путь посвящения (средневековья) был глубоко пережит и изжит поэтом через таинство Руанского собора. И наступило время поисков пути оккультного, эзотерического христианства. И здесь, естественно, ни восточная теософия, ни масонство не могли удовлетворить поэта. Не случайно уже в 1905 году происходит встреча с Рудольфом Штейнером, творящим эзотерическое христианство в Духе времени... Но одновременно идет поиск этого Духа времени и у нашего поэта.

Свое отношение ко времени поэт передает в цикле из четырех стихотворений «Когда время останавливается» (1903–1905). В нем поэт прозревает через остановленное время, точнее, мгновение – череду перевоплощений, инкарнаций человека:

В безднах скрывается новое дно.
Формы и мысли смешались,
Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.

Прозревает поэт за Смертью – новое Рождение, «нить бытия»:

Время свергается в вечном паденьи.
С временем падаю в пропасти я.
Сорваны цепи, оборваны звенья –
Смерть и Рожденье – вся нить бытия.

В пойманное, остановленное мгновенье поэту открывается не просто Вечность, но мир иной, – «полустертый, непохожий» на наш мир. Поэтому и заявляет поэт: «В вашем мире я – прохожий, // Близкий всем, всему чужой». Это оттого так, что поэт, хотя и смутно, но помнит миры иные, а вовсе не из-за гордыни и отчуждения.

На следующем этапе своего пути человек-странник, по Волошину, «переходит к более глубокому и горькому чувству матери-земли ("Киммерия"), проходит сквозь испытания стихией воды ("Любовь",

"Облики"), познает огонь внутреннего мира ("Блуждания")...». Остановимся же на этом периоде восхождения поэта более подробно.

«Глубокое и горькое чувство матери-земли» предполагает знание ее эволюции, ее метаморфоз.

В теогонии поэта так называемый «планетарный цикл» стихотворений (1906–1907 гг.): «Земля», «Сатурн», «Солнце», «Луна», а позднее и венки сонетов «Lunaria» – результат изучения поэтом оккультной эволюции Земли по различным эзотерическим источникам (в том числе, таким, как «Из летописи мира» Рудольфа Штейнера, «Секретные символы розенкрейцеров», «Тайная Доктрина» Е. П. Блаватской, а также труды каббалистов, мистиков, древнегреческих философов-досократиков). Земля, согласно оккультной науке, имела три воплощения, которые носят названия Сатурна, Солнца и Луны. Об этих трех прошлых Вселенных, трех прошлых метаморфозах Земли читатель, если ему угодно, может подробнее узнать из книги Рудольфа Штейнера «Очерк тайноведения». Кроме того, краткую характеристику-пересказ этих стадий эволюции Земли читатель найдет в подробных комментариях к этим стихотворениям Волошина в книге С. Пинаева «Близкий всем, всему чужой». Здесь же мы хотели бы лишь дополнить и уточнить комментарий С. Пинаева указанием на то, что орбиты нынешних трех небесных тел нашей планетной системы – Сатурна, Солнца и Луны – как раз и являются границами трех предыдущих «вселенных» – трех воплощений Земли (а следовательно, эонов эволюции человека). Соответственно, орбита Сатурна фиксирует размеры Земли в ее первом воплощении (в тепловой субстанции). Этому воплощению Земли и посвящено самое оккультное, самое эзотерическое стихотворение (сонет) цикла. Размеры Земли во втором воплощении (в светоносной газообразной субстанции) и в третьем воплощении, в метаморфозе (в жидкой субстанции) соответственно фиксируют орбиты древних Солнца и Луны. Современная Земля, как мы ее знаем, – это, согласно оккультной науке, – четвертое воплощение (метаморфоза) Земли. На ранних стадиях своей эволюции, то

есть в незапамятные времена, наша планета проходила в сжатом виде состояния всех трех предыдущих воплощений. И прежде, чем принять свой нынешний размер и вид, Земля выделила из себя те планеты, которые и известны в астрономии. (Поэтому-то глубинные тайны неба, Земли и нашей планетной системы ну никак, ни при какой погоде не могут «сниться нашим мудрецам»-астрономам; да и никаким кантам и эйнштейнам. Они, эти тайны, в принципе не могут быть им доступны, но в настоящее время могут постигаться, приоткрываться лишь с помощью Антропософии на пути посвящения, а также, до некоторой степени, с помощью «религиозно-поэтической науки» нашего поэта – не научной поэзии, таковой у Волошина просто нет! – см. его «Подмастерье».)

И еще одно уточнение: наш поэт посвящает три своих стихотворения этого цикла («Сатурн», «Солнце» и «Луна») не только трем предыдущим «вселенным» – трем воплощениям Земли, но и современным небесным телам под этими же названиями, указывая на некоторые их оккультные, эзотерические свойства и качества. Это особенно характерно для венка сонетов «Lunaria».³³ Но следует отметить, что в нем все-таки имеется оккультная ошибка, связанная с неверным представлением Е. П. Блаватской о Луне (см. «Тайная доктрина») как «вселенной», «звезде» Люцифера. И у Волошина в «Lunaria» читаем:

Зане из сонма ангельского клира
На Бога Сил, Творца бездушных сфер,
Восстал в веках Денница-Люцифер,
Мятежный князь Зенита и Надира.

.....
Но в бездну бездн был свергнут навсегда.
И остов недосозданной вселенной —
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда.

Сплетенье гнева, гордости и боли,

³³ Он, на наш взгляд, достаточно убедительно проанализирован не только в книге С. Пинаева (С. 83–85), но и в автореферате диссертации Т. А. Кошемчук «Сонеты Максимилиана Волошина» (С. 15–16). Так что мы отсылаем духовно ищущих или просто любопытных читателей к названным источникам, не видя смысла в их пересказе.

Бескрылый взмах одной безмерной воли,
Средь судорог погасшая звезда...

Но звезда Люцифера – это все-таки Венера, а не Луна, как спутник Земли! (Достоверные же оккультные сведения о глубочайших тайнах Луны мы имеем в лекциях Штейнера,³⁴ с которыми Волошин не был знаком, но здесь говорить о них мы не будем).

В остальном же венок сонетов Волошина, посвященный Луне, несет в себе гораздо более серьезную и важную информацию о Луне, чем ту, что добыли американцы, побывав там, или мы, высаживая туда свой металлолом. Кроме того, из внимательного прочтения венка создается впечатление, что поэт, несомненно, сам неоднократно бывал на Луне (конечно, в своем астральном теле и «я»). Поэтому-то его имагинативное, художественное луноведение так убедительно и неотразимо, в особенности лунные пейзажи.

Но вернемся на нашу драгоценную землю. Ей тоже поэт посвятил прекрасное и удивительное стихотворение:

Быть чёрною землёй. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока,
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведёт священный путь.

Под серым бременем небесного покрывала
Пить всеми ранами потоки тёмных вод.
Быть вспаханной землёй... И долго ждать, что вот
В меня сойдёт, во мне распнётся Слово.

Быть Матерью-Землёй. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертёж:
По небу чёрному плывущие созвездья.

(1906)

³⁴ Важнейшая из этих тайн состоит в том, что Луна – место пребывания учителей и водителей древнейшего человечества. Поэтому-то и не жалуют они появление на своей планете базаровых в скафандрах и с их хламом.

Кажется, во всей европейской поэзии (а не только в русской) трудно найти произведение, которое бы так сильно и точно выражало чувства нашей планеты как живого, жаждущего одухотворения существа, состоящего из тела, души и духа. «И долго ждать, что вот // В меня сойдет, во мне распнется Слово». Это ведь сказано о центральном событии эволюции Земли – событии Мистерии Голгофы. Только познание этой Мистерии дает людям возможность в полной мере исполнить на Земле как свою миссию, так и миссию самой Земли в целом. (Увы, к концу XX столетия становится ясным, что муки и страдания Земли превышают меру ее терпения, и экологический апокалипсис, в смысле катастрофы, – на повестке дня, ибо западная вульгарно-материалистическая цивилизация пошла, и уже далеко зашла, даже не путями Каина, как думал Волошин, а путями Аримана, т. е. Сатаны).

А сейчас, драгоценный читатель, перенесемся на столетие назад – в 1907 год (когда еще собственно не начинался настоящий XX век, а только раздались грома от его первых толчков – русско-японская война и русская революция 1905 г.). Перенесемся же в волошинский Коктебель, где поэт обрел познание «глубокого и горького чувства Матери-земли».

Последние «иверни», остатки атмосферы волошинского Коктебеля исчезли, перестали существовать, можно сказать, где-то в середине 70-х годов XX века (с закрытием свободного доступа на Кара-Даг, то есть с открытием там заповедника и со смертью Марии Степановны Волошиной). Сейчас этот волошинский Коктебель существует лишь на астральном плане, где-то в Акаше-хронике, как мог бы выразиться проникательный (без кавычек) читатель. Ну, а «прафеномен» (Гёте) этого места можно теперь, при желании, узреть не столько в инфантильных (за редким исключением), сентиментальных воспоминаниях современников поэта, но в киммерийских стихах и акварелях самого Волошина, если начать их внимательно и медитативно созерцать. И для драгоценного читателя у нас есть такая возможность устроить «выставку» избранных стихотворений (увы, с акварелями это гораздо сложнее), связанных с Киммерией Волошина, дабы

читатель, созерцая их, проникаясь этим феноменом, мог здесь и теперь насладиться уникальным чудом природы с помощью, как говорил Гёте, «созерцательной способности суждения». Подспорьем и вратами в это созерцание нам могли бы стать строки Волошина из его эссе о К. Богаевском, характеризующие лик этой земли.

«Лицо земли складывается геологически и определяется морщинами, шрамами и ранами, оставленными на нем стихиями и людьми: знаками мгновений... Художник должен перестрадать ту землю, которую он пишет. Киммерии печальная область. Здесь вся почва осеменена остатками прошлых народов. Связанная с историческими судьбами Средиземного моря, она была лишь захолустьем истории. Холмы, ее окружающие, много раз одевались садами и виноградниками и вновь прикрывались на целые столетия саваном праха. Они как бы стертые ступнями народов их попиравших, плоть их изъедена щелочью человеческих культур, они обожжены войнами и смертельно утомлены напряженностью изжитых веков. Она еще не успела прикрыть свою доисторическую древность приличным безвкусием русской провинции»...³⁵

Киммерийские стихи поэта – это не пейзажная живопись в стихах. Они прафеномен, прообраз этих мест в гетевском смысле этих понятий. «Я раньше думал, что надо рисовать то, что видишь, – писал Волошин в августе 1904 года. – Теперь я думаю, что нужно рисовать то, что знаешь. Но раньше все-таки необходимо научиться видеть и отделять видение от знания. Самый пронзительно расчленяющий ум должен быть у живописцев. В рисунке должны преобладать сначала анализ, а затем "логизм". Только тогда рисунок обретает способность "рассказывать". В рисунке должен быть сосредоточен весь ум человеческого глаза, его понятие о причинности, о тяжести, его опыт и знание предметов». Эту особенность творческого метода Волошина

³⁵ Увы, с середины 80-х годов XX века на неприличное безвкусие советской провинции наложилось уже безвкусие провинций совсем не русских... и Коктебель стал лакомым объектом нашей... «катастройки» для типов, не имеющих к культуре никакого отношения, так что от волошинского Коктебеля уже почти ничего не осталось, кроме полуразвалившегося Дома Поэта и воспоминаний о нем тех, кому они (воспоминания) дороги.

отмечает А. Бенуа: «...Волошин не писал этюдов с природы, но строил и расцветчивал свои пейзажи "от себя", и делал это с тем толком, который получается при внимательном и вдумчивом изучении... Это уже не столько красивые вымыслы на темы, заимствованные у действительности, сколько какие-то сны». (Вспомним, что словом «сны» Волошин характеризует и поэзию, и театр.)

В заметках «О самом себе», написанных в 1930 году для каталога неосуществленной выставки его акварелей, Волошин выражает свое кредо следующим образом: «Пейзажист должен изображать землю, по которой можно ходить, и писать небо, по которому можно летать, то есть в пейзажах должна быть такая грань горизонта, через которую хочется перейти, и должен ощущаться тот воздух, который хочется вдохнуть полной грудью, а в небе те восходящие токи, по которым можно взлететь на планере». Павел Флоренский называл коктебельские пейзажи Волошина «метагеологией», а сам поэт гордился тем, что первыми ценителями его акварелей явились геологи и планеристы... Это указывает на их точность.

Изучение техники французских импрессионистов и особенно постимпрессионистов привело Волошина к удивительному выбору цвета в его поэтической науке, ориентированному не на внешнее сходство с явлением, а на выражение его скрытой сущности: «лиловые молитвы гор», «зеленый воздух», «желтая тишина». Но может быть главный урок Волошин-художник получил от знакомства с иконописью, изучения символики красок древнерусского искусства, о чем свидетельствует его статья «Чему учат иконы?» (1914). В ней Волошин отмечает: «Господствующими тонами иконной живописи являются красный и зеленый: все построено на их противоположениях, на гармониях алой киновари с зеленоватыми и бледно-оливковыми». При полном отсутствии синих и темно-лиловых, характерных для европейского средневековья и, кстати, активно используемых поэтом в цикле «Руанский собор». «Почти полное отсутствие именно этих красок в русской иконописи... говорит о том, – считает Волошин, – что мы имеем

дело с очень простым, земным, радостным искусством, чуждым мистики и аскетизма». «Совпадая с греческой гаммой в желтом и красном, славянская гамма заменяет черную зеленой. Зеленую же она подставляет всюду на место синей. Русская иконопись видит воздух зеленым...» Отсюда в стихах Волошина «зеленый воздух дня». В целом же в киммерийских стихах поэта преобладают красный (рдяный), зеленый, лиловый (синий), коричневый (бурый) тона. В дневных пейзажах – оранжево-желтый. В акварелях палитра художника постепенно высветлялась, переходила в серебристо-перламутровую гамму.

И еще: напомним проницательному читателю перед входом в нашу «галерею» Киммерийских стихов и акварелей Волошина азы формирующей эстетики Гёте, без которой, по нашему убеждению, невозможно понять глубинно и эстетику нашего поэта (так же как и без влияния на него эстетики французского импрессионистического символизма). Для Гёте искусство – «манифестация тайных законов природы»; то, что творит художник, – это творение природы на более высокой ступени совершенства. Когда художник творит в смысле греков, а именно «по законам, по которым творит сама природа», тогда в его произведениях бывает заключено то божественное, которое можно найти в самой природе. Искусство есть продолжение и человеческое завершение природы, ибо, по словам Гёте, «человек, будучи поставлен на вершину природы, рассматривает себя как целостную природу, которая в свою очередь должна создать вершину. Поэтому он возвышается, пронизываясь всеми совершенствами и добродетелями, прибегает к отбору, порядку, гармонии и значительному и поднимается, наконец, до создания произведения искусства». Принцип гётевской формирующей эстетики сформулировал Рудольф Штейнер в своем эссе 1894 года об эстетике Гёте и Шиллера: «Предмет, который ставит перед нами художник, совершеннее того, каким является он в природном своем бытии; и все же это только его собственное, присущее ему совершенство. В этом поднятии предмета над самим собой, хотя бы и на основе того, что в нем уже было скрыто,

заключается прекрасное... *Прекрасное более истинно, чем природа, поскольку оно выражает то, чем природа хочет, но не может быть* (курсив наш – Г. П.). Прекрасное не есть божественное в чувственно-действительном одеянии; нет, оно чувственно-действительное в божественном одеянии... Действительное нельзя низводить до степени средств выражения (это, кстати, и есть принцип эстетики экспрессионизма – Г. П.): нет, оно должно сохранить свою полную самостоятельность и получить только новый образ, тот образ, в котором оно нас удовлетворяет». По Гёте, всё – природа; от неорганического камня до высших произведений искусства человека. И всё в этой природе управляется теми же «вечными, необходимыми и до такой степени божественными законами, что самое божество ничего не могло бы в этом изменить».

А вот и высочайшие образцы такого гётеистического искусства, то есть творения природы на более высокой ступени совершенства, человеческое завершение этого уголка природы – они в этих ликах киммерийской земли, в циклах стихотворений «Киммерийские сумерки» и «Киммерийская весна». Вот целая галерея имагинативных мыслеобразов волошинской Киммерии, этого «лучшего из наваждений земли», как писал поэт. Так в путь же, в странничество, драгоценный читатель. («Чтобы понять поэта, надо отправиться в страну поэта», – говорил Гёте).

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре.
По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль,
И лежит земля страстная в чёрных ризах и орарях.

Припаду я к острым щебням, к серым срываю размытых гор,
Причащусь я горькой соли задыхающей волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой торжественный Коктебель!
(1907)

К 1907 году «безрадостный» Коктебель Волошин начинает сознавать как свою «горькую купель» и как судьбой предназначенный ему дар. «Киммерии

печальная область», ее выжженные солнцем равнины и скалы, нагорья, заросшие полынью, море, нагая земля – стали панацеей от тяжелых личных переживаний (расставание с женой; атмосфера люциферической одержимости на «башне» Вячеслава Иванова), помогли поэту глубинно прочувствовать «сыновность и сиротство» своего существования в мире. Он начинает воспринимать Коктебель «той землей, где подобает жить поэтам, где есть настоящее солнце, настоящая нагая земля и настоящее Одиссеево море» (письмо к Вяч. Иванову от 18 августа 1907 г.). Земля, добавим мы от себя, где поэт мог пережить и прочувствовать материнский аспект Софии, приобщиться к немым страданиям Матери-земли, вобрать их в свою душу и выразить в слове.

Полынь

Костёр мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

В гранитах скал — надломленные крылья.
Под бременем холмов — изогнутый хребет.
Земли отверженной — застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи
К сиянью древних звёзд, таких же сиротливых,
Простерших в темноту зовущие лучи.

Я сам — уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.

(1907)

Конечно, дело тут не в «соитии» поэта «с природой», как выразился один уважаемый нами критик (Волошин – не Жан Жак Руссо, который как раз и пытался заниматься соитием с природой в жажде опрощения). А дело тут в духовном сопричастии, сопереживании с «горькой душой тоскующей полыни», которую зрит глазами духа поэт, с духами скал и холмов отверженной земли Киммерии, с горечью морских волн, омывающих ее. Ведь поэт призван принять в свою душу мир элементарных духовных существ четырех стихий (земли, воды, воздуха и огня), воспринять их как символы живущих в них идей («Всё преходящее есть только символ» – любимое Волошиным гётевское изречение) и выявить эти идеи в совершенных формах искусства согласно с гётевским требованием точной фантазии, опирающейся на законы самой действительности. И здесь наш поэт в своем Высшем «Я» жертвенно становится глазами и устами этой слепой и немой земли. Он – ее высший дух. Плоть этой земли через поэта становится словом – «гётевским прафеноменом» этой земли. Здесь – алхимическое потенцирование, одухотворение души Киммерии.

А вот еще ряд ликов (ни в коем случае не пейзажей!) Киммерийской земли, увиденные поэтом сквозь призму «нового реализма»: гётевской «точной фантазии», его формирующей эстетики в сочетании с мастерством французской школы художественной изобразительности, через которую прошел поэт в годы пребывания в Париже.

Старинным золотом и жёлчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды как металл.

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках — намёки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,

Вот холм сомнительный, подобный вздутым рёбрам.
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром?

Кто этих мест жилец: чудовище? титан?

Здесь душно в тесноте... А там — простор, свобода,
Там дышит тяжело усталый Океан
И веет запахом гниющих трав и йода.

(1907)

Через двенадцать лет Волошин в одном стихотворении, не вошедшем в Киммерийские циклы, назовет «чудовищ», обитавших в этих местах, а также и тех высоких иерархических духов, которые формировали землю еще в очень далекие времена, когда она существовала в коллоидном состоянии, и облики, отражения которых хранят киммерийские скалы...

С вознесенных престолов моих плоскогорий
Среди мертвых морей и глухих лукоморий
Мне видна
Вся туманом и мглой и тоской повитая
Киммерии печальная область.
Я пасу костяки допотопных чудовищ.
Здесь базальты хранят ореолы и нимбы
Отверделых сияний и оттиски слав,
Шестикрылья распятых в скалах Херувимов
И драконов, затянутых илом, хребты.

Поэт в своем «вещем духе» зрит и слышит в сумерках в ландшафтах Киммерии «лики темные отвергнутых богов» и их зовы.

Здесь был священный лес. Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин.
На месте городов ни камней, ни развалин.
По склонам бронзовым ползут стада овец.

Безлесны скаты гор. Зубчатый их венец
В зелёных сумерках таинственно печален.
Чьей древнею тоской мой вещий дух ужален?
Кто знает путь богов — начало и конец?

Размытых осыпей, как прежде, звонки щепни,
И море древнее, вздымая тяжко гребни,
Кипит по отмелям гудящих берегов.

И ночи звёздные в слезах проходят мимо,
И лики тёмные отвергнутых богов
Глядят и требуют, зовут... неотвратимо.

(1907)

В стихотворении «Внутреннее море» поэту слышатся в «хорах волн» «напевы Одиссеи». Возникает образ одухотворенного Космоса Киммерии:

Вдохну в скитальный дух я власть дерзать и мочь,
И обоймут тебя в глухом моем просторе
И тысячами глаз взирающая Ночь,
И тысячами уст глаголящее Море.

В одном из самых изумительных сонетов Киммерийского цикла³⁶ поэт в своих снах видит свою Киммерию как гомеровскую страну.

Над зыбкой рябью вод встаёт из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней,
Обрывы чёрные, потоки красных щебней —
Пределы скорбные неизвестной страны.

Я вижу грустные, торжественные сны —
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственною дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путём назначенным дерзанья и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампы Семизвездья.

(1907)

Попробуем же и мы сквозь призму своего видения разглядеть этот сонет и уловить, угадать и выразить какие-то едва уловимые оттенки смысла двух терцетов сонета, исходя из целого контекста судьбы поэта, оттенки смысла,

³⁶ Блестящий анализ этого сонета дан в статье Т. А. Кошемчук (Анализ одного стихотворения. Л., 1986. С. 214–225).

которые, возможно, нам только показались, промелькнули в нашем сознании...

«Парус» нашего поэта, в отличие, скажем, от лермонтовского, вовсе не «просит бури» и не считает, что «в бурях есть покой». Отнюдь! Волошинский «парус» только «трепещет древнею таинственною дрожью»... Кроме того, здесь речь идет о «назначенном» (судьбою) нашему поэту «пути дерзанья и возмездья». И тут – ясное дело: за дерзания положено возмездие. Но это ведь путь вовсе не авелитов, а, прямо скажем, каинитов, или, как назовет их позднее (в 1909 г.) Волошин, «изгнанников, скитальцев и поэтов». Но именно они, а не кроткие и смиренные авелиты (так сказать, князья и княжны Мышкины, как мог бы выразиться наш классик Федор Михайлович Достоевский) могут, способны уже за «таинственной дрожью ветров» и «глухой дрожью морей» предчувствовать, предвидеть, предслышать, предощущать надвигающиеся бури, штормы и ураганы и отнюдь не только природных стихий...³⁷

Вспомним здесь первую строку последнего четверостишия в стихотворении «9 января 1905 г.»: «Уж занавес дрожит перед началом драмы...» Та же, по сути, дрожь, драгоценный читатель. А последние три строчки – совсем уж вещей ужас, если припомнить... наши дни:

Уж кто-то в темноте, – всезрящий, как сова,
Чертит круги и строит пентаграммы,
И шепчет вещи заклятья и слова.

А кто-то на Руси ведь явно строит и еще перевернутые пентаграммы: иначе и не творилось бы на ней то, что творится, так что пророчества нашего

³⁷ Хотя, отметим здесь к месту, бури стихийные, природные и, особенно, на море в немалой степени способствовали прозрению духа поэта:

Дрожало море вечной дрожью
Из тьмы пришедший синий вал
Победной пеной потрясал,
Ложась к гранитному подножью,
Звенели звёзды, пели сны...
Мой дух прозрел под шум волны!
(1904–1905)

поэта оказываются совсем не однодневками... Но не будем пугать спящие и добропорядочные души наших потенциальных драгоценных читателей-авелитов...

Сонет этот написан еще в 1907 году. И хотя занавес начал «дрожать перед началом драмы» уже в 1905 году, но тогда еще волны Коктебельского залива «звучали гекзаметром», а «лампады Семизвездья» (светильники Большой Медведицы) «теплились в небе» на своих местах – то есть Макрокосм не был еще в некотором роде поколеблен. (Увы, «проницательный» читатель совсем даже не подозревает, какое иной раз пагубное влияние мы можем оказывать на Макрокосм своей, так сказать, «непроницательностью» в мыслях, чувствах и поступках). Ведь XX век начинался на видимом плане некалендарно, только в августе 1914 года, как верно заметила еще Анна Андреевна Ахматова, которая, к нашему сожалению, так и не смогла понять и оценить индивидуальность и творчество Волошина (так что эта задача не из легких). Но вернемся к волошинской Киммерии.

Вот картина летнего знойного полдня в коктебельской долине, полдня, когда трудно сохранять ясное дневное сознание, когда сам дух этого места смотрит на тебя и ты, вглядываясь в расщелины скал, можешь заметить этот взгляд.

Полдень

Травую жёсткою, пахучей и седой
Порос бесплодный скат извиистой долины.
Белеет молочай. Пласты размытой глины
Искрятся грифелем, и сланцем, и слюдой.

По стенам шифера, источенным водой,
Побеги каперсов; иссохший ствол маслины;
А выше за холмом лиловые вершины
Подъемлет Карадаг зубчатую стеной.

И этот тусклый зной, и горы в дымке мутной,
И запах душных трав, и камней отблеск ртутный,

И злобный крик цикад, и клёкот хищных птиц —

Мутят сознание. И зной дрожит от крика...

И там — во впадинах зияющих глазниц

Огромный взгляд растоптанного Лика.

А вот поэт призывно ворожит, чтобы завлечь на свою землю из Аида
тень Персифоны – дочери Деметры, превратить ее в земную женщину.

Призыв

У излучин бледной Леты,

Где неверный бродит день,

Льются призрачные светы,

Веет трепетная тень,

В белой мгле, в дали озёрной,

Под намётом тонких ив,

Ты, гранатовые зёрна

Тихой вечности вкусив,

Позабыла мир наш будний,

Плен одежд и трепет рук,

Тёмным золотом полудней

Осмуглённый, знойный луг.

Но, собрав степные травы —

Мак, шалфей, полынь и чобр,

Я призывные отравы

Расточу меж горных рёбр.

Я солью в сосуде медном

Жизни жёлчь и смерти мёд,

И тебя по рекам бледным

К солнцу горечь повлечёт.

Время сетью лёгких звений

Оплетёт твой белый путь,

Беглым золотом мгновений

Опалит земную грудь,

И, припав к родному полю —

(Все ли травки проросли?), —

Примешь сладкую неволю
Жизни, лика и земли.

(1908)

В торжественном, мифологическом и в то же время тревожном ореоле живописует поэт закат Солнца – «старшего сына Хаоса» – над своей «горестной землей»:

Колючий ореол, гудящий в медных сферах,
Слепящий вихрь креста – к закату клонишь ты
И гасишь темный луч в безвыходных пещерах
Вечерней пустоты.

На грани диких гор ты пролил пурпур гневный,
И ветры – сторожа покинутой земли –
Кричат в смятении, и моря вопль напевный
Теперь растет вдали.

И стали видимы средь сумеречной сини
Все знаки скрытые, лежащие окрест:
И письмена дорог, начертанных в пустыне,
И в небе числа звезд.

(1907)

Числа звезд?.. Как это? Есть у нашего поэта в цикле «Алтари в пустыне» совершенно завораживающая, гениальная имажинация процесса порождения числового космоса из центра нашей Вселенной. Это его гностический, пифагорейский гимн:

Сердце мира, солнце Алкиана,
Сноп огня в сиянии Плеяд!
Над зеркальной влагой Океана —
Грозди солнц, созвездий виноград.

С тихим звоном, стройно и нескоро,
Возносясь над чуткою водой,
Золотые числа Пифагора
Выпадают мерной чередой.

Как рыбак из малой Галилеи,
Как в степях халдейские волхвы,

Ночь-Фиал, из уст твоей лилеи
Пью алмазы влажной синевы!

(1907)

Алкиан (Альциона) – самая яркая звезда в скоплении Плеяд – центр, вокруг которого вращается, по мнению астрономов, вся наша звездная система. Если Алкиан – ее центр, то логично считать, что этот центр импульсирует и такое важнейшее свойство Космоса Бога-Отца, как число, меру...

Есть и еще одна тайна у этого стихотворения. Оно написано из космического мировоззрения математизма: Волошин – Близнец, он родился 28 мая по новому стилю. Это зодиакальное созвездие инспирирует мировоззрение математизма (точность, научность в самом широком смысле слова). Согласно духовной науке, существуют не просто два основных мировоззрения – материализм и идеализм (как обычно думают читатели), а целых двенадцать – соответственно двенадцати зодиакальным созвездиям. Но о мировоззрениях Волошина как посвященного речь пойдет в конце нашего исследования: требуется определенная и постепенная подготовка просвещенного и «проницательного» читателя (дабы его не сильно травмировать) к раскрытию тайны творчества поэта с помощью методологии... звездного литературоведения (увы, читатель, может существовать и такое, желательно только с этим примириться). Поэт живописует не только вершины (глуби) Макрокосма – звездной, то есть все-таки физической Вселенной, но и переживает, ясновидит образы духовного, ангельского мира, некую лестницу Иакова на закате на нагорьях своей Киммерии.

Я к нагорьям держу свой путь
По полынным лугам, по скату,
Чтоб с холма лицо обернуть
К пламенеющему закату.

Жемчугами расшит покров
И венец лучей над горами —
Точно вынос Святых Даров
Совершается в тёмном храме.

Вижу к небу в лиловой мгле
Возносящиеся ступени...
Кто-то сладко прильнул к земле
И целует мои колени.

Чую сердца прерывный стук
И во влажном степей дыханье
Жарких губ и знакомых рук
Замирающие касанья.

Я ли в зорях венчанный царь?
Я ли долу припал в бессилье?
Осеняют земной алтарь
Огневеющие воскрылья...

(1913)

Хотя поэту в определенном состоянии духа и может открываться ангельская лестница в небо, но ему бесконечно дорога и его земля, которой он пронзительно сострадает, муки которой он принимает в свою душу и просветляет. И к ней он возвращается после всех скитаний, чтобы изжить свои печали.

Моя земля хранит покой
Как лик иконы измождённый.
Здесь каждый след сожжён тоской,
Здесь каждый холм — порыв стеснённый.

Я вновь пришёл — к твоим ногам
Сложить дары своей печали,
Бродить по горьким берегам
И вопрошать морские дали.

Всё так же пуст Эвксинский понт
И так же рдян закат суровый,
И виден тот же горизонт,
Текущий, гулкий и лиловый.

(1910)

Поэт приглашает читателя стать странником по своей Киммерии:

Сквозь облак тяжёлые свитки,
Сквозь ливней косые столбы
Лучей золотистые слитки
На горные падают лбы.
Пройди по лесистым предгорьям,
По бледным полынным лугам
К широким моим плоскогорьям,
К гудящим волной берегам,
Где в дикой и пенной порфире,
Ложась на песок голубой,
Всё шире, всё шире, всё шире
Развёртывается прибой.

(1919)

А теперь, мой драгоценный, просвещенный и пронизательный читатель – два тебе подарка, два самых задушевных, самых экзистенциальных, то есть, тех, где поэт «пасет само бытие», как мог бы выразиться Хайдеггер (до сих пор еще модный философ из больших любителей наводить тень на плетень), и, конечно же, гётеистических стихотворений Волошина из цикла «Киммерийская весна».

И будут огоньками роз
Цвести шиповники, алея,
И под ногами млеть откос
Лиловым запахом шалфея,
А в глубине мерцать залив
Чешуйным блеском хлябей сонных,
В седой оправе пенных грив
И в рыжей раме гор сожжённых.
И ты с приподнятой рукой,
Не отрывая взгляд от взморья,
Пойдёшь вечернею тропой
С молитвенного плоскогорья...
Минуешь овчий кош, овраг...
Тебя проводят до ограды
Коров задумчивые взгляды
И грустные глаза собак.

Крылом зубчатым вырастая,
Коснётся моря тень вершин,
И ты изникнешь, млея, тая,
В полынном сумраке долин.

(1913)

Поэт упоминает здесь «овчий кош», с которым у автора этого исследования связаны глубинные личные переживания Киммерии. Если стать лицом к могиле Волошина, перед тропинкой ведущей к ней – на гору Кучук-Енишар, но не подниматься на нее, а обойти эту гору справа, то у ее подножья до 80 года прошлого столетия можно было еще видеть этот кош. И если тихим ясным вечером, на закате в одиночестве медленно обогнуть гору по довольно широкой песчаной дороге (на пути в Тихую бухту), то в тишине, звон которой постепенно стихает при приближении к этому овчему кошу, можно было пережить такой наплыв перевозданных ощущений и переживаний незапамятной древности, наплыв, при котором ощутило замедляется само течение времени – оно как бы перестает течь. Сознанием и чувствами ты переживаешь только ландшафт этой какой-то уже библейской земли: ты перенесен в нее. А овчий кош, пустовавший обычно по вечерам, когда пастухи еще не пригнали туда овец, зримо и убедительно являл тебе некий образ, след этой незапамятной древности, в которую можно было войти, осязать и обонять ее и даже пробудить прапамять какого-то твоего прошлого существования на подобной земле, хоть и очень смутную. Это переживание длилось совсем недолго, но самое удивительное в том, что ты на мгновение успеваешь ясно ощутить, что твое сознание, твое «я» – древнее этого ландшафта, древнее этой древности и что ты не можешь с ней слиться, затеряться в ней. Но ты уже и не можешь беспamięтно, глупо и бессмысленно пребывать, находиться во времени этого своего воплощения... Вот такое воспоминание о Коктебеле. Потом этот кош снесли – кажется, в 1981 или 1982 году.

И второе стихотворение с настроением, которое, нам кажется, не нуждается в особых комментариях, кроме одного: оно написано в ноябре 1919 года, когда ад Гражданской войны уже разверзлся на земле Киммерии.

Опять бреду я босоногий;
По ветру лоснится ковыль;
Что может быть нежней, чем пыль
Степной разъезженной дороги?..

На бурый стелется ковёр
Полдневный пламень, сух и ясен,
Хрусталь предгорий так прекрасен,
Так бледны дали серых гор!

Солёный ветер в пальцах вьётся...
Ах, жажду счастья, хмель отрав
Не утолит ни горечь трав,
Ни соль овечьего колодца.

Да, все-таки поэт наш в своем Высшем «Я» – о котором речь будет идти позднее – оказался независим от всех апокалипсисов, которые он переживал на своем веку. Вспомним еще в связи с этим и его «Дом Поэта»...

Но вот другой полюс волошинского Коктебеля. Это – древний вулкан Карадаг. Даже днем – это ночной, демонический полюс Киммерии. Здесь приоткрывается вход в глубины земли – в Аид.³⁸ Это как бы древнегреческий полюс, ландшафт Коктебеля.

Карадаг

1

Преградой волнам и ветрам
Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встаёт из сизого тумана.
По зыбям меркнувших равнин,
Томимым неуёмной дрожью,

³⁸ См. об этом: Бужор Е. С. Крымский Аид // Творчество Максимилиана Волошина: Семантика. Поэтика. Контекст. М., 2009. С. 135–145.

Направь ладью к её подножью
Пустынным вечером — один.
И над живыми зеркалами
Возникнет тёмная гора,
Как разметавшееся пламя
Окаменелого костра.
Из недр изверженным порывом,
Трагическим и горделивым,
Взметнулись вихри древних сил —
Так в буре складок, в свисте крыл,
В водоворотах снов и бреда,
Прорвавшись сквозь упор веков,
Клубится мрамор всех ветров —
Самофракийская Победа!

2

Над чёрно-золотым стеклом
Струистым бередя веслом
Узоры зыбкого молчанья,
Беззвучно оплыви кругом
Сторожевые изваянья,
Войди под стрельчатый намёт,
И пусть душа твоя поймёт
Безвыходность слепых усилий
Титанов, скованных в гробу,
И бред распятых шестикрылий
Окаменелых Керубу.
Спустись в базальтовые гроты,
Вглядись в провалы и пустоты,
Похожие на вход в Аид...
Прислушайся, как шелестит
В них голос моря — безысходней,
Чем плач теней... И над кормой
Склонись, тревожный и немой,
Перед богами преисподней...
...Потом плыви скорее прочь.
Ты завтра вспомнишь только ночь,
Столпы базальтовых гигантов,
Однообразный голос вод
И радугами бриллиантов
Переливающийся свод.

(1918)

В 1918 году Волошин пишет стихотворение «Коктебель», где выделяет роль коктебельского ландшафта в становлении его души, его мысли, его стиха, а также характеризует два полюса этого ландшафта:

И сих холмов однообразный строй,
И напряжённый пафос Карадага,
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху – разбег, а мысли – меру дали.

В последних же семи строках Волошин перечисляет уже то, что его Высшее «Я» напечатлело на коктебельский ландшафт:

Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поёт в волнах его прилива...

В двух же заключительных строках поэт отмечает то, что его Высшее «Я» начало творить еще, можно сказать, в незапамятные времена, чтобы преподнести ему в дар это творение, это произведение своего искусства в одном из его воплощений, когда он осядет, поселится в этом уголке Крыма – «лучшем из наваждений земли»:

И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

Но наша судьба всегда – творение нашего Высшего «Я».

Южный склон горы Кок-Кая на Карадаге, обращенный к морю, напоминает профиль Волошина.

А «третий полюс» Коктебеля – культурный, который поэт творил на глазах своих современников – это Дом Поэта, как феномен, первый росток Космоса Свободы и Любви (по Волошину, «человек рожден, чтоб выплавить из мира необходимости и разума – вселенную Свободы и Любви».)

Поэт сочинил и гностический гимн Коктебелю, своей Киммерии –
«лучшему из наваждений земли»:

Выйди на кровлю. Склонись на четыре
Стороны света, простёрши ладонь...
Солнце... Вода... Облака... Огонь... –
Всё, что есть прекрасного в мире...

Факел косматый в шафранном тумане...
Влажной парчою расплёсканный луч...
К небу из пены простёртые длани...
Облачных грамот закатный сургуч...

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в своё странствие странствий
Лучшее из наваждений земли...

(1924)

Какие же «лучшие из наваждений» Коктебельской земли уносит в свое предвечное странствие поэт? На наш взгляд, он сфокусировал эти «Наваждения» в своих имагинативных акварелях и надписях к ним. Но это уже почти эфирные творения (существа) поэта – его дар не только людям, но и Макрокосмосу.

Наше странствие по киммерийской земле могло бы теперь быть дополнено созерцанием акварелей Волошина и стихов на них. Если их воспринимать гётеистически, то они и есть то самое «человеческое завершение природы» Киммерии, «то, чем она хочет быть, но не может», «манифестацией ее тайных законов» (Гёте). Но, увы, предоставить нашему драгоценному читателю возможность созерцать акварели поэта – не в наших силах. Зато надписи к ним – другое дело. В письме к Ю. Л. Оболенской (20.10.1917) Волошин отмечал, что его стихи на акварелях – «вовсе не заглавия акварелей»: «Представьте себе, что Вы идете с раннего утра и до поздней ночи по тропинкам, погруженная в свои мысли и в созерцание, иногда в Вас возникает стих или строфа: она не вполне соответствует тому,

на что Вы смотрите, но она связана с общим настроением пейзажа. Их сочетание не параллельно, иррационально. Возникающий стих вовсе не описывает видимый пейзаж, но загорается от него... Здесь главное стих, акварель служит только музыкальным аккомпанементом... Я очень против параллелизма искусств... Надо искать симфонического, а не унисонного сочетания».

Вот образцы таких стихов на акварелях (их особая красота и прелесть открывается в медитативном созерцании). Вот он – пир метафор серебряного века русской поэзии.

И льнет душа к твоим излогам,
И слышит шорохи шагов
По бледно-розовым дорогам
В молчаньи рдяных вечеров...

* * *

В шафранных сумерках лиловые холмы

* * *

Мерцает бирюзой залив
В пурпурной раме гор сожженных...

* * *

Багряные своды вечерних деревьев
И озера синее око.

* * *

В зелено-палевых туманах
Грустят осенние холмы...

* * *

Сквозь серебристые туманы
Лилово-дымчатые планы
С японской лягут простотой.

* * *

Вдоль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог...

* * *

Вместе с тропинками,
Вместе с деревьями
К далям, ликуя, стремится душа...

* * *

Моей земли панические полдни.

* * *

И горы – призраки на фоне вечеров...

* * *

Мой легкий путь сквозь лунные туманы...

* * *

Пройди по лесистым предгорьям,
По белым песчаным тропам
К широким степным лукоморьям,
К звенящим моим берегам.

* * *

Сквозь зелень сизую растерзанных кустов
Стальной клинок воды в оправе гор сожженных.

* * *

И чудесно возникали
Под крылами облаков
Фиолетовые дали
Аметистовых холмов.

* * *

Седым стеклярусом строений
Просеребрянная гора.

* * *

И озеро меркнет в оправе холмов
Жемчужиной темной и влажной.

* * *

Над полянами – марные горы,
Над горами – гряды облаков.
И уводит в земные просторы
Легкий шелест незримых шагов.

* * *

Клекот орлий, говор птичий,
А внизу среди камней
Обезглавленный возникчий
Гонит каменных коней.

* * *

Сквозь блеск зеленого стекла
Сквозят камень дна
И голубая тишина
На берег прилегла.

* * *

Сквозь желтые смолы полудней
Сквозят бирюзой небеса.

* * *

Отвесный взор вперила высота
И глубина простерла к небу руки.

(Карадаг)

* * *

И розовой жемчужиною день
Лежит в оправе сонного залива.

* * *

Туманные сиянья и лучи,
Кипенье вод, и ртутный блеск парчи,
И гулкий ропот рушащейся пены.

* * *

Поляны снежные под изморозью звезд.

* * *

Тонкой дымкой прикрытые дали
И залитые солнцем холмы.

* * *

Над Карадагом мрачные завесы
И арки триумфальных облаков.

* * *

Молчанье, как полная чаша
В оправе вечерних холмов.

* * *

В багровых сумерках
Литавры и фанфары
И взрывы облаков.

* * *

Холмы, окованные медью,
Сквозь дымно-розовый янтарь.

* * *

Не иссякают сны Шахерезад,
Но рдяный луч колена студит,
Но утр таких, как тридцать лет назад,
Теперь уж нет и более не будет.

* * *

И тусклый свет, как мыльная вода
Омыл полынные долины.

* * *

Берега рассказывают сумеречный сон.

* * *

На дне долин, налитых полынью,
С утра лежит пустая тишина.

* * *

Последней ласкою закат
Дарит сожженные предгорья.

* * *

В желтых закатах заливы...
Башни и стены былых городов.

* * *

Ртутный отблеск и сиянье

Оссиановских ночей.

* * *

Тишина от луны, от холмов и от скал Карадага.

* * *

Волны земли омываются волнами моря.

* * *

Зеркальных утр лучистые кристаллы.

* * *

В какую синюю страну
Ведет цветущее ущелье?

* * *

И волны гор, и зеркало залива
И тишина небес в безмолвии земли.

* * *

Зеленый воздух дня и охра берегов.

* * *

Безмерная журчащая равнина
Бегущая навстречу кораблю.

* * *

Осенней четкостью зеленых янтарей
Морскими далями и окнами развалин
Грустит душа.

* * *

И под дыханием междупланетной стужи
Оцепенелая в отчаянии земля.

Еще в юности на самой грани веков (1900 г.) поэт испытал, пережил, а позже выразил завораживающую, божественную красоту Макрокосма:

Пустыня

И я был сослан в глубь степей,
И я изведаль мир огромный
В дни страннической и бездомной
Пытливой юности моей.

От изумрудно-синих взморий,
От перламутровых озёр
Вели ступени плоскогорий
К престолом азиатских гор,

.....
Когда, овеянный туманом,
Сквозь сон миражей и песков,
Я шёл с ленивым караваном

К стене непобедимых льдов.

.....
А по ночам в лучистой дали
Распахивался небосклон,
Миры цвели и отцветали
На звёздном дереве времён,

И хоры горних сил хвалили
Творца миров из глубины
Ветвистых пламеней и лилий
Неопалимой купины.

(1919)

Но именно в Коктебеле раскрылись Волошину не только глубины земли, ведущие в Аид (переживание Карадага), но и планетарные сферы и звездные выси. Поэту стал слышен в душе «гул звездного певучего пламени», то есть ему открылась на пути посвящения возможность инспиративного восприятия из его Высшего «Я» даров определенных созвездий. Но об этом – опять-таки ниже. И поэт творит возношение «верховным солнцам»:

Ветер с неба хлопья облак вытер,
Синим светом светит водоём,
Жёлтою жемчужиной Юпитер
Над седым возносится холмом.

Искры света в диске наклонённом —
Спутники стремительно бегут,
А заливы в зеркале зелёном
Пламена созвездий берегут.

А вблизи струя звенит о камень,
А внизу полёт звенит цикад,
И гудит в душе певучий пламень
В синеве сияющих лампад.

Кто сказал: «Змеёю препояшу
И пошлю»?.. Ликуя и скорбя,
Возношу к верховным солнцам чашу,
Переполненную светами, — себя...

(1917)

24 июня того же года Поэт сотворит свое знаменитое стихотворение «Подмастерье», где раскроет творческий метод своей «религиозно-поэтической науки или учено-поэтической религии», свой поэтический «символ веры», свой путь посвящения.

Подмастерье

Мне было сказано:
Не светлым лирником, что нижет
Широкие и щедрые слова
На вихри струнные, качающие душу, —
Ты будешь подмастерьем
Словесного, святого ремесла,
Ты будешь кузнецом
Упорных слов,
Вкус, запах, цвет и меру выплавляя
Их скрытой сущности, —
Ты будешь
Ковалом и горнилом,
Чеканщиком монет, гранильщиком камней.
Стих создают – безвыходность, необходимость, сжатость,
Сосредоточенность...
Нет грани меж прозой и стихом:
Речение,
В котором все слова притёрты,
Пригнаны и сплавлены,
Умом и терпугом, паялом и терпеньем,
Становится лирической строфой, —
Будь то страница
Тацита
Иль медный текст закона.
Для ремесла и духа — единый путь:
Ограничение себя.
Чтоб научиться чувствовать,
Ты должен отказаться
От радости переживаний жизни,
От чувства отрешиться ради
Сосредоточья воли,
И от воли — для отрешённости сознания.
Когда же и сознание внутри себя ты сможешь погасить —
Тогда
Из глубины молчания родится

Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознания, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни.
Но знай, что с каждым новым
Осуществлением
Ты умерщвляешь часть своей возможной жизни:
Искусство живо –
Живую кровью принесённых жертв.
Ты будешь Странником
По вещим перепутьям Срединной Азии
И западных морей,
Чтоб разум свой ожечь в плавильных горнах знания,
Чтоб испытать сыновность и сиротство
И немоту отверженной земли.
Душа твоя пройдёт сквозь пытку и крещение
Страстную влагою,
Сквозь зыбкие обманы
Небесных обликов в зеркалах земных вод.
Твоё сознание будет
Потеряно в лесу противочувств,
Средь чёрных пламеней, среди пожарниц мира.
Твой дух дерзающий познает притяженья
Созвездий правящих и волящих планет...
Так, высвобождаясь
От власти малого, беспамятного «я»,
Увидишь ты, что все явления –
Знаки,
По которым ты вспоминаешь самого себя,
И волокно за волокном собираешь
Ткань духа своего, разодранного миром.

Когда же ты поймёшь,
Что ты не сын земли,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду – и в тварях, и в вещах –
Божественное Слово,
Их к бытию призвавшее,
Что ты освободитель божественных имён,
Пришедший изназвать
Всех духов — узников, увязших в веществе,
Когда поймёшь, что человек рождён,
Чтоб выплавить из мира

Необходимости и Разума –
Вселенную Свободы и Любви, –
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

Мысль о назначении поэзии, которая здесь высказана, Волошин выражал неоднократно. Так в предисловии к сборнику «Иверни» он писал: «Во всех вещах и явлениях мира пленено то божественное слово, которое их вызвало к бытию. Цель поэзии найти его: угадать подлинное имя каждой вещи, изназвать все явления, расколдовать вселенную».

Но зададимся провокационным вопросом: разве с таким назначением, с такой вот целью поэзии были бы согласны «светлые лирники», которые «нижут // Широкие и щедрые слова // На вихри струнные, качающие души...» и которых всегда было пруд пруди не только в золотой, но и в серебряный век русской поэзии (да что там говорить – в наш медный век русской поэзии от них некуда деваться, невозможно скрыться...) И все они, дружно и восторженно, даже хором могли бы сослаться на весьма известный ответ «солнца русской поэзии» В. А. Жуковскому о назначении поэзии: «Цель поэзии – поэзия...»

Увы, никакие «светлые лирники» (да и «темные лирники», вроде Ф. Сологуба) не смогли бы, положа руку на сердце, согласиться с такой целью поэзии, какую провозглашает наш поэт, ибо большинство из них (не станем указывать пальцем, нарушая этикет) в основном жаждали самовыражения (и только), то есть были по сути символическими экспрессионистами, для которых «все в мире лишь средство, – как говорил поэт, – для ярко певучих стихов», то есть, чтобы выразить переполняющие их чувства и (редко) мысли, так сказать свое лирическое «я». Но они отнюдь не жаждали выступить сознательно в роли «освободителей божественных имен, // Пришедших изназвать // Всех духов – узников, увязших в веществе...» Они просто были чудесными лирическими поэтами и часто гениальными. И это – прекрасно и удивительно! (Впрочем, иногда они ненароком, бессознательно, не придавая этому особого значения, все-таки высвобождали некоторых

духов – в основном, люциферических – и те с радостью и остервенением набрасывались на читателей и почитателей таких «поэтов-освободителей», кружа им, читателям, головы и гипнотизируя их...) И за отсутствие такого гипнотизирующего, раздирающего лиризма и упрекали горе-критики поэзию Волошина. Однако же, может быть, все-таки стоит разобраться в том, что называет наш Поэт поэзией.

Судя по той миссии, тому назначению поэзии, о котором говорит нам Волошин – это миссия и назначение, условно говоря, той самой «религиозно-поэтической науки», науки посвящения, которая только и может быть воспринята «загадочными» душами на Руси, то есть в месте – вполне заколдованном. Отсюда и важнейшая задача, по Волошину, такой поэзии (а мы скажем «религиозно-поэтической науки») – «освободить божественное слово (дух – Г. П.) во всех вещах и явлениях мира, расколдовать вселенную». Это наука, о которой впервые заговорил В. Одоевский в 40-ые годы XIX века, и именно методологию такой науки, называя ее просто «святым ремеслом», раскрывает нам автор «Подмастерья» – методологию, предполагающую метаморфоз самого творца на пути посвящения, ибо, если этого не происходит, то ученый, пытаясь преобразить мир вокруг себя, становится «рабом своих же гнусных тварей» («Путями Каина»), то есть духов, которых он впрягает в работу и о которых он ничего не ведает.

В своем «поэтическом символе веры» Поэт отмечает, что на пути становления «мастером», то есть на пути посвящения, «подмастерье» (ученик) должен познать своим «дерзающим духом» «притяженье созвездий правящих и волящих планет». О «правлящих созвездиях и волящих планетах» самого поэта непременно еще пойдет речь, а здесь нам хотелось бы обратить внимание на то, что такое познание приносит с собой высвобождение «от власти малого беспамятного «я». И тогда уже своим Высшим «Я», звездным «Я», с которым он входит в контакт, ученик может собирать «ткань духа своего, разодранного миром» и постигать, что он – «путник по вселенным», а «не сын земле»; и он начинает понимать, для чего рожден человек...

В том же 1917 году Волошин в набросках статьи «Демократизация искусства» еще раз в прозе формулирует ответ на этот вопрос: «Задачу человека в мире можно определить так: человек погружен во вселенную мудрости, в которой все связано архитектурой причинности. Его задача оставить после себя вселенную любви».

Но эту задачу невозможно осуществить без науки «святого ремесла», без «религиозно-поэтической науки». В середине 20-х годов Волошин будет мечтать о сотворении «художественных» – физики, химии, геологии, метеорологии, психологии, социологии... И об этом, кстати, мог мечтать только посвященный представитель Софии в ее центральном аспекте – аспекте Истины, знания и смысла всего познаваемого.

Осуществление этой задачи – «выплавить из мира Необходимости и Разума – Вселенную Свободы и Любви» предполагает, что и сама поэзия должна становиться, скажем, – другой. Какой же? Ответ Волошина мы находим в его «Подмастерье».

Рудольф Штейнер об этой «другой» поэзии говорил так: «В наши дни мы вступаем в такой временной цикл, где мы не сможем пойти далее без страшнейших катастроф, если не увидим происходящее в сфере человечества с точки зрения всего Космоса...

В поэзии должно быть передано то, что человек переживает вместе со всей Вселенной, с тем, что добыто из тайн Вселенной. Важно не то, что мы будем воспевать происходящее в мире. Но чтобы то, что звучит в великих законах мира, звучало бы также в форме поэтического произведения...

Поэзия не может быть более поэзией, если она ничего не имеет из того, что было ранее в совместной жизни человека с Космосом...

В Гомере поет не его душа, но та, которая живет в Космосе; в планетах – живут Музы. Эпическая Муза живет в одной из планет ("Спой мне, о Муза, о гневе Ахилла..."), и Гомер чувствует себя подвинутым к этой планете и просит эту Музу спеть ему об Ахилле, Менелее и пр. Так что образы "Илиады" имеют "звездную" перспективу; где в человеческие деяния

вмешиваются боги, там нет просто лягушачьей, земной перспективы, и туда хочет подняться человек...

Поэтическое настроение у древних – это небесное настроение души. Художественное сегодня должно стать таким средством, чтобы поднять искусство к духовному миру, куда оно хочет прийти, если оно хочет быть действительно искусством...

Наука, Искусство, Религия – первоначально имели общую мать. Что пять-шесть тысяч лет назад имели древние народы это – Поэзия. Ясновидчески они могли созерцать человеческие и космические отношения...

Древний человек был убежден, что словом, проистекающим из внутреннего, можно сказать о великих тайнах. Слово было духовным в человеке.

Поэзия не была дитятей фантазии, но плодом духовного созерцания. И в словах учились тому, что становилось достижением других искусств.

Поэтическое выражало нечто такое, что позволяло вступить в душевную общность со сверхчувственным, сверхземным, со звездным. Благодаря этому, человек чувствовал, как мысль, еще не отделившаяся от вещи, в голове получала образное выражение, сама становилась духовным небосводом.

То, что чувствовали как мысль, чувствовали помещенным во весь космос. Отдельные мысли были выражены в той манере, как звезды стояли и двигались относительно друг друга... Человек чувствовал себя перемещенным в звездное пространство... Люди чувствовали себя перемещенными в зодиакальный круг. Они чувствовали двенадцать согласных как образы зодиака, воплощение планетарных движений они видели в семи гласных звуках.

Сегодняшняя речь уже во многом связана с Землей.

Люди хотели выразить через язык не то, что есть на Земле, а то, что душа переживала в Космосе, и тогда язык становился тем, что в древности

было "Поэзией"» (из лекции «Антропософия и поэзия», 1923 г.; машинопись).

Однако обсуждая Космос Волошина, мы незаметно перешли к другой обширной теме – к эстетике Волошина. Давайте ее теперь и поставим в центр нашего рассмотрения.

Глава пятая

Эстетика Волошина

Экзотерические и эзотерические аспекты

Волошин убежден в высокой миссии художника в мире. «Художники – глаза человечества. Они идут впереди толпы людей по темной пустыне, наполненной миражами и привидениями, и тщательно ощупывают и исследуют каждую пядь пространства. Они открывают в мире образы, которые никто не видел до них. В этом назначение художников».³⁹

От символизма Волошин принял его главный эстетическо-мировоззренческий принцип, провозглашенный еще Гёте: «Все преходящее есть только символ». Именно в глубинном понимании и перенесении этой мудрости на искусство и состоит, по Волошину, главная заслуга символизма: «Все в мире – символ, все явления – только знаки, каждый человек – одна из букв неразгаданного алфавита. Вечный и неизменный мир, таинственно постигаемый душою художника, здесь находит себе отображение лишь в текущих и преходящих формах» (61).

Поэтому художник должен любить именно эти формы и в каждой из них, даже самой незначительной и быстро преходящей, прозревать те или

³⁹ Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 212. Далее цитаты из критических работ Волошина цитируются по этому изданию с указанием страниц в скобках.

иные аспекты вечности, мира, сокрытого от нашего постижения в его сущности, в его истинном бытии.

Истинный символизм, согласно Волошину, не отрицает реализм, но углубляет его пониманием того, что в реальном мире все символично, и художник должен уметь показать это. Здесь Волошин по существу солидаризируется с Вячеславом Ивановым и Андреем Белым в понимании того, что они называли реалистическим символизмом. Символизм позволил перенести внимание художника на любой вроде бы незначительный и преходящий элемент реальной действительности. Волошин убежден, что именно эти элементы по принципу контраста с особой остротой выражают вечность. «Поэтому надо любить в мире именно преходящее, искать выражение вечного только в мимолетном. Все имеет значение. Нет случайного и неважного. Каждое впечатление может послужить дверью к вечному» (62). Этот тип искусства Волошин называет новым реализмом, или «неореализмом» и усматривает его у таких писателей, как Андрей Белый, Михаил Кузьмин, Алексей Ремизов, Анри де Ренье и другие.

Для раннего творчества Волошина характерно глубокое проникновение в сущность импрессионизма и символизма. В «Письме из Парижа. Итоги импрессионизма» (1904), отмечая близость импрессионистов природе, их инстинктивное постижение и воспроизведение действительности, Волошин увидел закупоренность, герметичность, непроницаемость их творений для зрителей: в их пейзаж «войти ... нельзя. Между ним и зрителем прозрачное и непроницаемое стекло, о которое мечта бьется, как ласточка, попавшая в комнату». Используя непрозрачности солнечного света и прозрачность теней «они» превратили весь мир в миллионы лучеиспускающих точек, в миллионы трамплинов, отбрасывающих лучи солнца в наш глаз. По мнению Волошина, хотя импрессионисты и «обновили искусство», пустив новые корни в жизнь, хотя они и «удесятерили силу видения», но им нужно «научиться пользоваться этим материалом», «научиться реальностями обогащать свое бессознательное».

Пленяет Волошина и духовный консерватизм латинства, его приверженность форме. «Латинский дух отличается от славянского исторической насыщенностью и способностью быстрой кристаллизации (то именно, что во французском искусстве оказывается чувством формы)», – определяет он в статье «Франция и война». А в лекции «Верхарн» (1916 г.) отмечает «строгие и требовательные рамки латинской традиции и французского вкуса». (Здесь же он называет французское искусство «величайшей драгоценностью Европы – ее цветом, ее чувством, ее мыслью»). В «автобиографии» Волошин признается: «Форме и ритму я учился у латинской расы. Французская литература была для меня дисциплиной и образцом». А в другой биографии конкретизирует, что учился «художественной форме – у Франции, чувству красок – у Парижа, логике – у готических соборов, средневековой латыни – у Гастона Париса, строю мыслей – у Бергсона, скептицизму – у Анатоля Франса, прозе – у Флобера, стиху – у Готье и Эредиа».

Так или иначе, но уроки французского импрессионизма оказали заметное влияние на многие ранние стихи Волошина, в частности на те, что вошли в цикл «Париж». Вот образец волошинского импрессионизма:

Парижа я люблю осенний, строгий плен,
И пятна ржавые сбежавшей позолоты,
И небо серое, и веток переплеты –
Чернильно-синие, как нити темных вен.

Заниматься изобразительным искусством Волошин начал в Париже в 1902 году под влиянием общения с русской художницей Елизаветой Кругликовой, имевшей в Париже собственную художественную мастерскую.

Большое влияние на становление Волошина-художника оказало знакомство с работами классиков японской гравюры – Утамаро и Хокусая, с чьими работами Волошин познакомился, работая в Парижской Национальной библиотеке, в Галерее эстампов.

Большое внимание Волошин-художник придавал символике цвета, используемого в живописи. Выбор того или иного цвета был не случаен, а отвечал его глубоким эзотерическим познаниям в тайне красок и его художественной интуиции.

«Красный, – писал Волошин, – соответствует цвету земли, синий – воздуха, желтый – солнечному свету. Переведем это в символы. Красный будет обозначать глину, из которой создано тело человека – плоть, кровь, страсть. Синий – воздух и дух, мысль, бесконечность, неведомое. Желтый – солнце, свет, волю, самосознание, царственность... Лиловый цвет образуется из слияния красного с синим – «чувство тайны», «цвет молитвы», зеленый – от смешения желтого с синим – «цвет растительного царства, надежды, радость бытия».

В так называемом Дорнахском альбоме акварелей Волошина, созданных во время строительства Первого Гётеанума, содержится целый ряд работ художника, созданных под непосредственным впечатлением от лекций и бесед с Рудольфом Штейнером, и нового, исполненного антропософии понимания живописи.

В воспоминаниях Волошина содержится интересная оценка Рудольфом Штейнером «Дорнахского альбома», видевшего работы художника:

«Я посмотрел внимательно Ваш альбом, – заметил Штейнер во время одной из бесед с Волошиным. – В Ваших рисунках есть личность. Они не похожи на то, как теперь обыкновенно рисуют. Они сделаны не с натуры, а изнутри... Вам надо стараться углубить внутреннюю область видения. Писать из эфирного плана. От форм перейти к движению...»

В символизме Волошина привлекает другая возможность – выразить сверхчувственное за счет внесения «духа музыки», создание мелодий стиха определенного настроения, выразить неуловимость семантических границ образа. Символ у поэта приобретал потенциальную возможность бесчисленного множества значений, становясь всезначным, сопрягающим

«все со всем». В качестве примера приведем только начальную фразу «Corona astralis»:

В мирах любви неверные кометы,
Сквозь горних сфер мерцающий стоjar —
Клубы огня, мятущийся пожар,
Вселенских бурь блуждающие светы, —

Мы вдаль несём...

Вот она эта многозначность символа... Но это же и лики Духов движения (Dinamis).

Ортодоксальный символизм не устраивает Волошина своей тенденцией к усложненным аллегориям, загадкам, шарадам, законченному в себе образу, требующему разгадки. «Закристаллизованный» символ становится мертвым. Русский поэт надолго усвоит творческий принцип Анри де Ренье – «воссоздать, обессмертить в себе самом и вне себя убегающие мгновения».⁴⁰

Сам принцип художественного закрепления текущего мгновения, выхваченного из калейдоскопа жизни, восходит к эстетическим основам импрессионизма. Однако в большей степени Волошина привлекает «логический переход от импрессионизма к символизму; впечатление одно говорит о внутренней природе нашего «я», а мир, опрозраченный сознанием человеческого «Я», становится одним символом»⁴¹.

Вот как широко и глубинно понимает Волошин символизм: «Быть символистом – значит в обыденном явлении жизни провидеть вечное, провидеть одно из проявлений музыкальной гармонии мира.

"Все преходящее есть только символ", – поет хор духов в "Фаусте". Символ всегда переход от частного к общему. Поэтому символизм неизбежно зиждется на реализме и не может существовать без опоры на него.

Здесь лишь одна дорога – от преходящего к вечному».

⁴⁰ Волошин М. Анри де Ренье // Аполлон. 1910, № 4.

⁴¹ Там же.

Все преходящее для поэта есть напоминание и все обыденные реальности будничной жизни, просветленные напоминанием, становятся символами.

«Поэтому по существу своему символизм ясен и прозрачен, и если он является иногда запутанным, темным, то это не вина символизма, а вина либо плохого поэта, либо невнимательность читателя» (446).

Вот что писал поэт о сущности искусства слова в эссе «Hogomedon» (1909):

«Скудную мысль моего сознания я уловляю в четкое и тесное кольцо слов, а они, силою, заключенной внутри их, сами складываются в магические формулы, которым повинуются стихии.

Вещая книга прорицаний Сивиллы, книга заклинаний и чисел, книга, в которой записаны судьбы народов – Словарь моего языка! Как знахарь властный, собирающий травы на ночных полянах, как алхимик над пылающим горном, исследующий души и воли элементов, я в утерянном Раю языка ищу древнейших корней, и, сжигая слова в филологических ретортах, я отделяю ту ослабляющую их волю влагу, которой они напитались в книгах, я исследую строение стебля и рисунок цветка, и, в мудрых синтаксических сочетаниях, сплетаю из них праздничные венки, так, чтобы не только внешняя гармония красок и линий ласкала глаз, но чтобы законченность круга была основана на внутреннем соответствии тех слов, из которых он сплетен.

Так из многих слов я сплетаю единый венок, нахожу одно имя, чистое и произнесенное, и несу его в мир, чтобы узнать, которая из вещей откликнется на него.

Вы же, те, кто видите в слове не живое существо, а лишь мертвый и послушный инструмент, вы не выйдете никогда из границ приблизительного, ваши речи останутся только намеками, проклятием вашим станет тупое перебирание словесных клише, истертых и тусклых, как слепая монета,

утратившая свою заклинательную силу, и ни одна вещь в целом мире не ответит на ваш призыв тихим и радостным гулом.

Надо писать так, чтобы каждая фраза была именем.

Слово для человека цель, а не средство...

Таково влияние поэзии на мир внешних вещей, целиком обросших плотью: она пробуждает в них смутные воспоминания о самих себе, она снимает заклятие косности, она размывает упорные толщи вещества и, обратно развитию мира, в котором слово становится плотью, она вновь превращает в слово то, что уже стало телом.

Но обращенная на внутренний мир поэта, она имеет иные влияния и из заклинательной становится пророческой. Пророчество только намек на возможность события, если же слово равносильно тому, о чем повествует, то оно перестает быть пророчеством, а становится произведением поэзии и этим устраняет возможность иного осуществления.

Каждое слово, в которое я вкладываю свою душу, убивает в будущем некую возможность жизни. Каждый найденный стих говорит не о прошлом, а о будущем, которое уже не осуществится.

Слово – это принесение в жертву самого себя, слово – это отречение от будущего, оно питается живой кровью возможного!

Поэтому только неверные слова могут быть согласованы с поступками, слова же найденные и точные должны находиться в разладе с деяниями по самой природе своей.

Слово не есть ли деяние, спасенное в самой сущности его, деяние, которому я не дал расточиться в напрасном свершении.

Пусть другие усомнившиеся вместе с Фаустом в подлинности текста "в начале было Слово", исправляют: "в начале было дело"... (и уже черный пудель радостно лает в углу комнаты и раздувается в огненное чудовище, и Мефистофель в костюме странствующего студента с насмешкой отвечает на вопрос Фауста об имени: "Легкомысленным кажется мне этот вопрос для того, кто так презирает слова").

Я же с Акселем: "Я слишком много думал, чтобы унизиться до действия!"»

* * *

Волошин не отрицает реализм как метод художественного творчества, ибо убежден, что «символизм неизбежно зиждется на реализме и не может существовать без опоры на него» (446). Просто под обыденными явлениями жизни, интересующими реалиста, символист видит отблеск иной жизни, иных реальностей, провидит вечное, «одно из проявлений музыкальной гармонии мира» (445), и это просветляет и углубляет его творчество. Символизм возник не как отрицание реализма, но в качестве «идеалистической реакции на натурализм» и практически изжил себя в чистом виде. На его основе и возникает теперь «неореализм», соединяющий в себе достоинства реализма и символизма. Реализм Волошин сравнивает с тяжелой живописью масляными красками, а неореализм уподобляет акварели, «из-под которой сквозит лирический фон души» (62). Неореализм лишен тенденции к объективации, в нем видимая реальность пропущена сквозь мир души поэта таким образом, что в ней усматривается нечто большее, чем она сама. В нем «каждое явление имеет самостоятельное значение, из-под каждого образа сквозит дно души поэта, все случайное приведено в связь не с логической канвой события, а с иным планом, где находится тот центр, из которого эти события лучатся» (62). Основы неореализма, убежден Волошин, заложил импрессионизм, понимаемый им как «реалистический индивидуализм», а развили его такие художники, как Анри де Ренье, Клодель, Гоген, в России – символисты, скульптор Голубкина, художник Богаевский и др. Да и свое собственное поэтическое творчество Волошин понимал как неореалистическое.

Вообще в искусстве Волошин видел выражение «темных», подсознательных глубин «я» художника, которыми управляют внешние силы (сверхчувственные существа) иных миров. И выражение этого подсознательного «я» у великих мастеров Волошин, как поэт, наделенный

богатым творческим воображением и художественным прозрением, усматривал не только в их творчестве, но и в пластике их лиц и голов, которые представлялись ему почти их собственными произведениями, выражающими глубинную сущность их творчества: «Голова Родена с крутыми поворотами костей, стремнинами лба и каскадами бороды, не носит ли явные знаки его резца? Старческая голова Винчи – не таит ли в себе мистические утонченности его искусства? Маски Микеланджело и Рафаэля, вне всякого сомнения, кажутся синтезом их творчества. Не явно ли, что те же самые пластические силы, которые творили формы, ими мыслимые, образовали и лики их?» (295).

Волошин как символист считал, что вечность через художника таким пластическим, образным, символическим способом говорит с нами, и эти письма нужно уметь правильно читать. Сам он стремился читать их, непосредственно выражая и в своем творчестве, и в искусстве своих коллег – мастеров литературы, живописи, театра. Остановимся подробнее на такой эстетической категории как «лик творчества», которую – мы можем с уверенностью сказать – открыл и разработал Волошин. В чем же смысл этой новой эстетической категории у Волошина? Но, перед тем как отвечать на этот вопрос, приведем еще один пример – пример символического осмысления «лика творчества» художника Серебряного века Сапунова, утонувшего в Финском заливе: «И теперь, после его смерти что-то выявилось в его картинах. Стала понятна подводность их красок. Это не сумеречный воздух, это зеленоватый кристалл водной глубины дает расплывчатость их линиям, влажность их тону; эти синие текучие отливы, в глубине которых светит отраженное золото высокого земного дня, говорят о призрачно подводном царстве, где давно жила его душа» (291).

* * *

Необыкновенно важно и актуально для современной культуры творчество Волошина – литературного критика, искусствоведа. Особое место

в нем занимают литературно-критические эссе о русских поэтах, писателях и художниках Серебряного века, собранные в его книге «Лики творчества». В них он дает совершенно уникальную, духовную интерпретацию произведений, исходя из «лика» поэта, художника, раскрывает в творчестве каждого из них отражение самого существенного в личности, то есть его сверхличность, отблеск, импульс его Высшего «Я», которое он называет подлинным лирическим «я». Критик создает свой «миф», свою легенду о поэте (писателе, художнике), которая является для Волошина более достоверной, чем его настоящая жизнь. Индивидуальность, неповторимость каждого поэта, его голос и есть содержание его стихов. Волошин совершает путь – от произведения, атмосферу которого он чувствует как художник, к поэту (писателю, художнику), который, по его убеждению, обязательно в нем «отражается», но не своими биографическими данными, а творимым мифом о самом себе. Для Волошина это и есть выявляемое им лирическое «я», или «лик» автора.⁴² И сквозь призму этого «лирического «я» или «лика» Волошин и раскрывает нам духовные глубины произведения поэта (писателя, художника).

В своем ответе Валерию Брюсову, возмущившемуся вмешательством в свой интимный мир, от 4 января 1908 г. в журнале «Русь» (№ 3) Волошин излагает свое отношение к литературной критике:

«Литературная критика для меня наиболее субъективная из всех видов лирики. "Это наиболее интимный род исповеди", – говорит Реми де Гурмон, и я глубоко согласен с его словами. В каждой статье я стремлюсь дать целый "лик" художника. Произведения же художника для меня нераздельны с его личностью. Если я, как поэт, читаю душу его по изгибам его рифм, по интонации его стиха, по подбору его рифм..., то мне как живописцу, не меньше говорит о душе его и то, как сидит на нем платье, каким жестом он скрещивает руки и поднимает голову. Мне мало прочесть стихотворение,

⁴² О том, как понимал «лик» Волошин см. в IV части нашего труда. Но это уже эзотерика его мировоззрения.

напечатанное в книге, – мне надо слышать, как звучит оно в голосе самого поэта; книга мертва для меня, пока за ее страницами не встает живое лицо ее автора...»

Возражение Брюсова относительно того, что Волошин вторгся в его личную жизнь, Волошин парирует следующим образом:

«Не о фактах жизни поэта говорю я. Факты и события интимной жизни не имеют никакого значения для меня, я их не знаю и не стараюсь узнать, потому что в его произведениях, в его лице, в его голосе, в обстановке его рабочей комнаты я читаю то, что для меня безусловнее фактов, реальнее реальностей».

Для Волошина литературная критика является творчеством, подразумевающим психологическую тонкость, интуитивное постижение индивидуума, Высшего «Я» поэта, писателя, художника. В его критику включается и работа художника слова.

Вот как начинается одно из самых вызывающих, дерзких эссе – о Михаиле Кузьмине:

«Когда видишь Кузьмина в первый раз, то хочется спросить его: "Скажите откровенно, сколько Вам лет?", но не решаешься, боясь получить ответ: "Две тысячи".

Без сомнения, он молод, и, рассуждая здраво, ему не может быть больше тридцати лет, но в его наружности есть нечто столь древнее, что является мысль, не есть ли он одна из египетских мумий, которой каким-то колдовством возвращена жизнь и память. Только он не из мумий древнего Египта...

Мне бы хотелось привести Кузьмина в музей Гимэ, подобно тому как следователи приводят подозреваемых преступников в морг, и внимательно следить за каждым изменением его лица и ждать, как задрожат его руки, как вспыхнет огонь в его огромных и мертвых агатовых глазах, когда он узнает в одной из тех, что лежит рядом с Таис, ту, которая танцевала для него "Осу" на зеленой лужайке, узнает в обуглившихся от времени лохмотьях ту

шелковую ткань, которой он одевал ее тонкое тело, узнает те золотые запястья и ожерелья из разноцветных камней, которые он покупал ей, "продав свою последнюю мельницу", и на куске истлевшего папируса прочтет стихи, написанные своею собственной рукой:

Что же делать, что перестану я видеть
Твое лицо? Слышать твой голос?
Что выпьется вино, улетучатся ароматы?
И сами дорогие ткани истлеют через столетье?
Разве меньше я стану любить эти милые хрупкие вещи
За их тленность?

Я знаю, что он быстро овладеет собой и, когда мы выйдем из музея, он будет напевать про себя:

Мы знаем, что все превратно,
Что все уходит от нас безвозвратно.
Мы знаем, что все – тленно,
И лишь изменчивость неизменна.
Мы знаем, что милое тело
Дано для того, чтобы потом истлело.
Вот что мы знаем, вот что мы любим,
За то, что хрупко, трижды целуем!»

Все это нужно Волошину, чтобы подчеркнуть достоверность «Александрийских песен». Он подтверждает принадлежность Кузьмина к древности цитатами и творит новую «вымышленную» биографию Кузьмина – с раннего детства до старости, когда он сидит в библиотеке и работает писарем (что можно увидеть в его «Гимне солнцу»).

Свое эссе об «Александрийских песнях» Кузьмина Волошин заканчивает вопросом, который мог бы подвести вдумчивого читателя к глубинным размышлениям о смерти и... воскресении: «У его Эроса нет трагического лица. В этом мире все знают, что "милое тело дано для того, чтоб потом истлело", и все кончается радостно-грустным призывом:

Кружитесь, кружитесь,
Держитесь крепче за руки!

Он не написал ни одной надгробной эпитафии ни самому себе, ни своим подругам, подобно тому, как их любили писать другие греческие певцы...

Быть может, поэт знал, что он не умрет вместе с эллинской радостью, и ушел из этой жизни не через врата Смерти?

Но почему же он возник теперь, здесь, между нами в трагической России, с лучом эллинской радости в своих звонких песнях и ласково смотрит на нас своими жуткими огромными глазами, усталыми от тысячелетий?

Зачем он со своей грустной эллинской иронией говорит нам жесткие слова:

Солнце греет затем,
Чтобы созревал хлеб для пищи
И чтобы люди от заразы мерли.
Ветер дует затем,
Чтобы приводить корабли к пристани дальней
И чтобы песком засыпать караваны.
Люди рождаются затем,
Чтобы расстаться с милой жизнью
И чтобы от них родились другие для смерти».

Для Волошина созданная поэтом биография лирического героя абсолютно правдива, и он переносит ее на личность самого поэта. И здесь Волошин затрагивает вопрос о соотношении ролевой лирики и лирического героя автора, а также пытается понять, что от самого автора есть в лирическом герое. Но это уже эзотерика этого соотношения.

В лирике поэт может выступать в разных ролях. Но тайна того, что Волошин называет «лирическим героем» автора кроется в Высшем «Я» этого автора, которого поэт представляет нам через его «клик», выраженный в данном воплощении в его творчестве или внешности (то есть уже через миф о нем). Но это «клик» одного из прошлых воплощений автора, и иногда он ярко проявляется. Ведь Высшее «Я» человека включает, согласно Духовной науке, все лики, личины, личности человека в прошлых воплощениях.

Для Волошина личность самого автора и лирический герой его стихотворений – одна и та же индивидуальность, которая говорит сама за себя и чья душа находит выражение в словах стихотворений. Реальный Кузьмин в этом воплощении не житель Александрии, но этот мир точнее выражает его душу, чем житейская суэта, чем биография поэта или «научный» анализ его творчества. Городецкий не фавн, но это – отражение его сущности, которая выразилась в его поэзии.

То есть лирическое «я» поэта становится наиболее точным воплощением самого поэта, которого Волошин понимает как цельную индивидуальность – сквозь призму его Высшего «Я».

Статья об Александре Блоке («Александр Блок, "Нечаянная радость"») передает ощущение какого-то сонного состояния, что, по мнению критика, полностью отвечает особенностям художественного мира Блока. В качестве введения Волошин указывает на несколько поэтов, которых он наделяет определенными чертами характера, не обязательно принадлежащих поэту, но, возможно, человеку любой профессии. Но если встретишь Александра Блока, то не возникает никакого сомнения в том, что он поэт, потому что у него поразительное сходство с поэтами немецкого романтизма. В произведениях Блока слышен его интимный голос. Сон и желание являются темами, которые близки Блоку и о которых он пишет в своих стихах. Его сходство со средневековым бардом позволяет выбирать такие темы. Благодаря этому можно понять и стихотворение «Нечаянная радость», которое похоже на преклонение барда перед прекрасной женщиной. Особенно это заметно в стихах о Прекрасной Даме и «Незнакомке». Волошин водит читателя по улицам Петербурга и дает ему, с помощью многочисленных цитат, возможность поучаствовать в прогулке поэта, который видит все словно сквозь сон. Поэт, темы которого – сон и желание, мечтая, грезя, бродит по улицам тонущего в хаосе Петербурга, не замечая ничего вокруг себя, потому что он ищет Прекрасную Даму, ищет вечную красоту.

Статья о Черубине де Габриак («Гороскоп Черубины де Габриак»), которую Волошин публикует в ноябре 1909 года в журнале «Аполлон», представляет особый интерес, поскольку требует особого понимания контекста, в котором она была написана. Своим появлением на свет поэтесса Черубина де Габриак обязана своему «крестному отцу» – Максимилиану Волошину, его грандиозной во всем Серебряном веке русской поэзии мистификации. (Подробности о ней читатель может узнать из книг Купченко и Пинаева о Волошине). Волошин пишет эту статью, можно сказать, в форме сказки. Он начинает с вопроса о том, что критики (в статье – феи) должны класть в колыбель новорожденной принцессы и заканчивает ответом на этот вопрос: славу. В целом он создает гороскоп, изучая расположение звезд, под которыми родилась поэтесса, и дает объяснение того, что видит. Волошин предсказывает ей трудную судьбу, что и было в действительности.⁴³

«Зарево зорь» – статья Волошина о Бальмонте. Он пишет ее к 25-летнему юбилею поэта, однако эту дату он не воспринимает всерьез. Волошин полагал, что такой поэт, как Бальмонт, стоит вне времени, что нельзя в таком случае праздновать юбилей, поскольку он не соотносим с временными образцами. Поэтому Волошин предлагает считать, что юбилей относится не к Бальмонту, но, скорее всего, к возрождению русской поэзии, что связано с именем Бальмонта. Однако Бальмонт не только поэт, стоящий вне времени, для которого существуют лишь мгновения и вечность. У него есть и другая особенность. Волошин считает, что Бальмонт написал только одно стихотворение, но писал его в разных формах. Несмотря на то что Бальмонт переводил со многих языков, на которых говорил, они являлись для него только отражениями самого себя, а единственным языком, которым он владел и который он понимал, был его собственный. Точно так же неважно, где странствовал Бальмонт, потому что он видел везде только одну Владимирскую губернию, то есть Родину. Тот, кто считает, что Бальмонт повторяется в своих стихах, не понимает его. Бальмонта нельзя измерить,

⁴³ См. в Приложении эссе автора этого труда «Волошин и Черубина де Габриак».

нельзя сказать, что он самый великий из всех поэтов или основатель какой-то новой поэзии, однако он является поэтом особенным, не сравнимым ни с кем другим. Бальмонта можно только любить. И на вопрос, кто такой Бальмонт, Волошин отвечает его же словами: «Зарево зорь...». Волошин не описывает внешность Бальмонта, не придумывает его биографию, не мифологизирует его, но перед глазами читателя возникает образ поэта, который отражает его личность.

В Приложении № 1 мы помещаем отрывки из статей Волошина об Александре Блоке, о Леониде Андрееве и Федоре Сологубе, о «Гамлете».

Здесь же нам хотелось бы еще раз продемонстрировать искусство Волошина интуитивно проникать в самую сущность, в духовное ядро поэта (писателя), не занимаясь при этом его критикой. Вот неопубликованный при жизни Волошина отрывок (набросок) о Ф. Сологубе (1908 г.):

«Если б меня спросили, кто самый значительный из современных беллетристов, то я, не колеблясь, назвал бы Ф. Сологуба. Для меня нет сомнения, что он больше всех других современных романистов и прозаиков имеет шансы остаться в истории литературы.

Язык его совершенен. Темы его произведений значительны и лишены временного характера. Он умен, зол, утончен, неожидан. Он пишет загадками и в то же время всегда кристально ясен. Он ставит читателю капканы и западни. А этого нельзя не ценить.

Но на всех произведениях его лежит печать мертвенности. На всем печать того мертвенного совершенства, которое бывает лишь на произведениях посмертных, произведениях людей, давно умерших, произведениях, на которые время положило свою золотую печать.

Иногда кажется, что он является лишь издателем сочинений какого-то давно умершего поэта...

Его лицо красиво той строгой и нежной красотой, которой красивы лица покойников, – успокоенностью и значительностью смерти.

Но за этой смертной ясностью в его лице таится страшное: это недобрый покойник. Он из тех, кого не принимает земля, из тех, что выходят иногда из могилы.

И мелькнет мысль: не является ли сама смерть для него только маской, быть может, только маской порядочности, которую он надевает, чтобы быть с живыми.

Язык его, стиль его удивительно схожи с лицом – та же мертвенная законченность, успокоенность, та же порядочность смерти, а за ней нарушения, соблазн, тайные отлучки из могилы.

Разговаривать с Сологубом невозможно. В ответ на слова собеседника он повторит его собственные последние слова, повторит три или четыре раза, и каждый раз чуть-чуть меняя интонацию и вкладывая чуть-чуть иной смысл. Сперва это покажется рассеянностью, потом иронией, а наконец станет жутко.

И вот я закрываю глаза и слышу ясно, как Сологуб повторяет своим неторопливым голосом: "Станет жутко... Станет жутко...". Помолчит, еще раз скажет еще тише: "Станет жутко". И тогда по волосам пробежит холодный ветерок.

Однажды я слышал, как он, сидя в углу комнаты, повторял последние слова собеседника: "Блажены плачущие... Блаженны плачущие..." И потом прибавил: "Да... этот человек умел шутить..."

У него личные отношения с Христом. Он не может быть без него и не может простить ему, что он был на земле...

Но в разговорах он редко бывает настолько откровенен и разговорчив. Зато в его произведениях таких оговорок очень много. И ни одна из них не сделана случайно.

Среди современных поэтов нет лица более трагического, более змеиного, чем лицо Сологуба.

Если перед некоторыми художниками, как Кузьмин, останавливаешься в недоумении и спрашиваешь, зачем возникли эти мертвецы из земли, перед

пришествием какого Мессии, то перед Сологубом этого вопроса не может явиться, так очевидно глубоко ненужность и неуместность его совершенства в варварские дни варварского народа.

Кому нужно знать, что в настоящее время живет писатель, который пишет лучшей прозой, которую до сих пор знала русская литература, что он довел русский язык до такого совершенства и утонченности, которых он еще не достигал ни в руках Пушкина, ни Гоголя, ни Тургенева, ни Чехова, что ему по справедливости можно отдать венец первенства в области стиля.

И кто может постигнуть всю тонкость змеиного ведения и тихого отчаяния, скрытого этим прозрачным благоухающим языком. Его искусство прекрасно, велико, утонченно и глубоко не нужно. Не было в России писателя более ненужного для его современников, как Сологуб. Не только для читателей, которые не знают его или не понимают, но и для поэтов, для избранных, которые и понимают, и чувствуют, но не могут ни принять, ни научиться.

И в то же время он говорит нам все время о какой-то другой эпохе, которая наступит в России и когда он будет бесконечно нужен. В нем так мало временного, что даже и теперь, когда он печатает новое произведение, кажется, что это он публикует вновь открытые рукописи, посмертные произведения давно умершего автора.

Хочется сравнить его с искусственным древом познания, лишенным плодов. Он соблазняет, но ничего не открывает. Под сенью его ветвей охватывает сон, который "слаще яду" (характерное для него слово). Сон уводит в смерть.

Слова его проникнуты бывают тончайшей иронией и едкостью, за которыми скрыто слишком много пережитого...

Его мечтания, его "творимые легенды" соблазнительны, но бессильны, в них есть эфирная изменчивость призрака, но они бескровны».⁴⁴

⁴⁴ Волошин М. Собр. соч. Т. 6, кн. 2. С. 594–598.

Как же мыслит себе наш поэт-посвященный сущностную тайну искусства?

«Логическая ошибка, которая ставит нас или перед утилитарной, или перед эстетской альтернативой, лежит в том, что мы смотрим на искусство как на отражение действительности. Этому определению отвечают и зеркало, и фотография.

Искусство только тогда искусство, когда оно является Преображением жизни.

Внутреннее "Я" человека служит этой претворяющей и преобразующей лабораторией искусства. Во внутреннем "Я" человека происходит непостижимое таинство творчества, состоящее в том, что все существующее вне нас как вещество, как плоть, развоплощается: вещество становится чистой своей формой, предмет или существо – своим именем.

Имя – есть духовный эквивалент физического явления...

Назвать – это значит преодолеть во внешнем мире, освободить идею от бремени вещества, расколдовать мысль, заключенную в темнице воплощения. Магия творчества заключается в том, чтобы найти свое освобождающее слово для каждой вещи. Мир нужно изназвать весь – вот первая цель искусства. И говоря о правде искусства, мы всегда говорим лишь о том, насколько данное произведение приблизилось к тому, чтобы стать из описания – именем.

Если мы присмотримся к языку, то увидим, что это итоги уже найденных имен. А текущее искусство – это лаборатория творимого языка, еще сжавшегося и не скристаллизовавшегося до значения имени.

Если мы вправе говорить о конечной цели искусства, то этой целью должно быть полное преобразование мира. Все, что вещество, все, что плоть, должно быть нами осознано, просветлено, должно прорасти в глубине нашего духа.

Все познание, основанное на числе, – и математика, и механика, и астрономия, и химия – будет нами тогда воспринято как музыка.

Все формы природы преобразятся в живопись и скульптуру.

Все, что мы желаем, чувствуем, волим и мыслим, станет словом.

Все внешнее преобразится таким образом во внутреннее.

В этом смысл слов: "Мир спасет красота".

Может ли тогда возникнуть вопрос: свободен ли художник? Он невольник своего творчества.

Наш дух воплощен на земле для того, чтобы спасти вещество, для того, чтобы весь внешний мир прошел сквозь наш внутренний и в нем преобразился, им осветлился.

Поэтому в конечных своих достижениях идеал религиозный и идеал эстетический совпадают...

С точки зрения конечных идеалов вселенной: и молитвенный экстаз, и страстный танец, и прекрасное лирическое стихотворение ведут разными путями, но к одному и тому же преображению плоти».⁴⁵

В связи с этим оригинальные мысли Волошина о рифме и вообще тайне слова в его набросках представляют особый интерес для истинных любителей поэзии, для тех, кто задумывался над этими феноменами:

«Рифма нарушает связь рассказа. Созвучие заставляет искать новые связи между словами.

Сознание стиха вспыхивает между двумя противоположными острями рифм. Чем дальше рифмы, чем несоответственней слова, тем молния стиха ослепительней и шире, преодоление больше. Поэтому рифма несет в себе всегда откровение мысли. Рифма рождает мысль.

Рифма преодолевает ассоциации и несет великое освобождение для мысли. Каждая мысль, вполне найденная между двумя богатыми рифмами, представляет новую и окончательную ступень в области познания.

Между стихом белым и стихом рифмованным существует разница органическая. Белый стих несет в себе последовательность рассказа, либо

⁴⁵ Волошин М. Собр. соч. Т. 6, кн. 2. С. 696–698.

логическое развитие мысли, либо нарастание патетического чувства. Но сам в себе не рождает мысли. Из него нет выхода в подсознательное.

Стих рифмованный – это храм мистических откровений, скрытых в словах. Созвучие слов указывает на их внутреннее сродство в иной сфере, – надо найти путь между ними здесь, в мире пластики и мысли. Здесь разоблачение глубинных тайн слова, к которым иным путем доступа нет.

Путь между двумя рифмованными остриями всегда индивидуален. Только здесь может выявиться истинная сущность поэта.

Поэтому не может быть подражательности, не может быть заимствования рифм. На одинаковых рифмах можно только проверять индивидуальность поэтов, которые никогда не могут совпасть.

Мысль, чувство, образ, оттенок вспыхивают в этой пустоте между двух далеких созвучий, которые соединяют их и дают им сосредоточенность и силу.

Стихотворения на заданные рифмы являются одной из тех игр, которые могут принести не меньшие откровения, чем дым, поднимающийся к треножнику пифии.

Всякое рифмованное стихотворение, если оно хорошо, окажется в своей сущности буримэ.

Но рифмы в буримэ случайны и в самих себе несут случайности безразличные <?>. Рифмы же поэта прочувствованы и рождены его внутренней гармонией. Поэтому необходимы для познания поэзии словари рифм отдельных поэтов...

Форма сонета – неизбежность рифм, рождающая сосредоточенность целой поэмы в четырнадцати канонических строках.

Рифма имеет непосредственное влияние на мысль, но не на чувство, не на стремление стиха, не на волю его».⁴⁶

⁴⁶ Там же. С. 571–572.

Лирическое «я» поэта, то есть его Высшее «Я», находит выражение в звучании его голоса, а потом уже в особенностях его поэзии. Волошин посвятил голосам поэтов отдельное эссе, где мастерски характеризует голоса самых известных поэтов серебряного века:

«Голос — это самое пленительное и самое неуловимое в человеке. Голос — это внутренний слепок души.

У каждой души есть свой основной тон, а у голоса — основная интонация. Неуловимость этой интонации, невозможность ее ухватить, закрепить, описать составляют обаяние голоса.

Лирика — это и есть голос. Лирика — это и есть внутренняя статуя души, возникающая в то же мгновение, когда она создается.

Смысл лирики — это голос поэта, а не то, что он говорит. Как верно для лирика имя юношеской книги Верлена — "Романсы без слов"...

Голоса поэтов пережили на наших глазах большую эволюцию. Старые поэты *пели*. Главное был напев. Напевов было немного. В них вправлялось все личное. Легко составлялся хор — школа. Пушкин в свое время ввел в русский стих четкую и сухую фразу — "прозу", которая подымала напевность соседних стихов до неведомой силы. Но эта благородная пушкинская "проза" в стихе вскоре выродилась в однообразный речитатив, и голоса русских поэтов потонули к 80-м годам в однообразной и чувствительной напевности, синтез которой был дан Надсоном.

Французский "верлибризм" приблизительно в ту же эпоху поднял мятеж против торжественно-однообразного гула Гюго, Леконт де Лиля и парнасцев.

Символизм был борьбой за права голоса, борьбой за более интимное слияние стиха и фразы, которое, в сущности, и создало "свободный стих".

Через это завоевание, совершённое в чужой речи, и русская лирика почувствовала себя внезапно свободной. Сразу зазвучали в русской поэзии, перебивая друг друга, несхожие, глубоко индивидуальные голоса, теперь нам хорошо знакомые.

Раньше всех ужалил ухо новой интонацией голос Бальмонта, капризный, изменчивый, весь пронизанный водоворотами и отливами, как сварка стали на отравленном клинке. Голос Зинаиды Гиппиус — стеклянно-четкий, иглистый и кольчатый. Металлически-глухой, чеканящий рифмы голос Брюсова. Литургийно-торжественный, с высокими теноровыми возгласиями голос Вячеслава Иванова. Медвяный, прозрачный, со старческими придыханиями и полынною горечью на дне голос Ф. Сологуба. Глухой, суровый, подземный бас Балтрушайтиса. Срывающийся в экстатических взвизгах фальцет Андрея Белого. Отрешенный, прислушивающийся и молитвенный голос А. Блока. Намеренно небрежная, пересыпанная жемчужными галлицизмами речь Кузмина. Шепоты, шелесты и осенние шелка Аделаиды Герцык. Мальчишески-озорная скороговорка Сергея Городецкого...

Слияние стиха и голоса зазвучало непринужденно и свободно в поэзии Ахматовой, Марины Цветаевой, О. Мандельштама, Софии Парнок.

В их стихах все стало голосом. Все их обаяние только в голосе. Почти все равно, какие слова будут они произносить, так хочется прислушиваться к самым звукам их голосов, настолько свежих и новых в своей интимности. "Значенье — суета, и слово — только шум, когда фонетика — служанка Серафима", — как говорит Мандельштам. О, это совсем не обработанный голос певца, наполовину ставший инструментом, а именно зацветающий звук голоса, произносящего случайные слова, иногда еще юношески ломающегося, но пленительного, как неожиданная статуя души, растворяемая временем в то самое мгновение, когда она возникает.

Передо мной два сборника стихов Софии Парнок и О. Мандельштама, вышедшие в этом году, волнующие по-разному, но одним и тем же волнением. Волнением голоса, в который хочется вслушаться, который хочется остановить, но он скользит, как время между пальцев...

Среди интонаций С. Парнок останавливают своей глубокой страстностью и пронзительностью все слова, касающиеся любви и ее ран:

"Ты не спросишь в ночи буйные, первой страстью прожжена, чьи касанья поцелуйные зацеловывать должна" или:

Вспомнились эти глаза с невероятным зрачком...
...Но под ударом любви ты — что золото ковкое!
Я наклонилась к лицу, бледному в страстной тени,
Где словно смерть провела снеговою пуховкою.

И рядом с этими нотами исступления и боли в лирическом голосе С. Парнок есть уклоны грации и нежности, достойные греческой антологии: "Ах, как бабочка, на стебле руки моей погостила миг – не боле – твоя рука...", "Когда я твое губами слушала сердце... "

Рядом с этим гибким и разработанным женским контральто, хорошо знающим свою силу и умеющим ею пользоваться, юношеский бас О. Мандельштама может показаться неуклюжим и отрочески ломающимся. Это и есть отчасти. Но какое богатство оттенков, какой диапазон уже теперь намечены в этом голосе, который будет еще более гибким и мощным!

Мандельштам не хочет *разговаривать* стихом – это прирожденный *певец*, и признает он не чтение стихов, а только патетическую декламацию; его идеал — театр Расина, когда "расплавленный страданием крепнет голос и достигает скорбного закала негодованьем раскаленный слог".

В его книге чувствуется напряженная гортань, обозначается горло певца, с прыгающим адамовым яблоком. Часто на протяжении многих страниц он только пробует голос, испытывает его глубину, силу и нажим интонации. Для ценителя лирического пения эти пробы голоса, эти лирические фразы прекрасны:

Осенний сумрак, ржавое железо —
Скрипит, поет и разъедает кровь —
Что мне соблазн и все богатства Креза
Пред лезвием твоей тоски, Господь?..

Или:

Отравлен хлеб и воздух выпит —
Так трудно раны врачевать —

Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать...

Обе эти фразы из начала книги, которая расположена хронологически. Но я беру такое же четверостишие из ее конца. Насколько этот же голос звучит чище, гуще, свободнее:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся...

В любви поэта к патетическому и торжественному нет ничего нового: все поэты начинают с этой любви.

"Как царский скипетр в скинии пророков, у нас цвела торжественная боль", — говорит Мандельштам про старую драматическую поэзию. Оригинально то, что его торжественность не однообразна, что для ее передачи ему надо предварительно изучить тысячи оттенков и модуляций, что в патетическом он любит не самый подъем чувства, а таинственное цветение голоса: "Зловещий голос, горький хмель души расковывает недра: так — негодующая Федра — стояла некогда Рашель". Поэтому он молится:

"Да обретут мои уста первоначальную немоту" — и закликает: "Останься пеной, Афродита, и слово — в музыку вернись". Он старается достигнуть истоков речи: "Она еще не родилась. Она и музыка, и слово и потому всего живого ненарушаемая связь".

Лучшие стихотворения «Камня» посвящены таинствам речи и голоса, которые он прочувствовал глубже всего. И вероятно, поэтому в мире пластическом он сильнее всего чувствует архитектуру; потому что не есть ли архитектура — камень, который стал словом, — и не каждый ли собор звучит своим голосом?..

Голос Мандельштама необыкновенно звучен и богат оттенками и изгибами. Но настоящее цветенье его еще впереди. А этот "камень" пока еще

один из тех, которые Демосфен брал в рот, чтобы выработать себе отчетливую дикцию».⁴⁷

* * *

Есть в эстетике Волошина совершенно особый, уникальный комплекс идей о воздействии искусства, в первую очередь, литературы, на социальную реальность. Он парадоксально (как все у Волошина) выражен в статье «Магия творчества» («Весы», 1904, № 11). В ней Волошин писал о наступлении «минут возмездия». Кто совершает возмездие и за что? «Это действительность мстит за то, что ее считали слишком простой,⁴⁹ слишком понятной!.. Будничная действительность, такая смиренная, такая ручная ощетинилась багряным зверем, стала комком остервенелого пламени, фантастичнее сна, причудливее сказки, страшнее кошмара...

Теперь совершается что-то, к чему нельзя приступить с привычной и испытанной мерой. Преступлена грань реального и возможного. Расчленив кошмар нельзя. От кошмара можно только проснуться. Но проснуться – это значит перейти в иную область сознания».

⁴⁷ Там же. С. 13–21.

⁴⁸ В одном из набросков Волошин глубинно характеризовал подобную простоту и понятность: «В основу научного Европейского познания положены были рассудочные, логические области сознания. Устранены и не приняты в соображение вся подсознательная сторона, то есть 99% из ста. Проверкой из всех пяти чувств принято осязание со всеми его логическими развитиями, то есть понятиями пространственными и числовыми. Благодаря этому условному критерию проверки выпала из области доказуемого вся интуитивная сторона духа, а из области опыта совершенно устранен опыт внутренний, опыт самопознания и самоисследования. Опыт мистический и оккультный, область которого по объему своему тоже бесконечно превышает область осязаемости и измеряемого числом.

В основу классификации социальных учений положен тоже исключительный признак экономической выгоды – то есть жадности, эгоизма, и устранена вся область служения, самоотвержения, коллективного экстаза, религиозных движений и революций.

Вся эта сложная система понятий, которая зовется Европейской Культурой имеет в основе два признака: осязание для познания и эгоизм для строительства. Неверными эти признаки назвать нельзя. В них есть своя доля правды. Но они односторонни – это безусловно. Глядя сквозь очки Европейской Культуры, мы видим Вселенную и события мировой истории в этом двойном искажении этого зеркала». (Волошин М. Собр. соч. Т. 6 (2). С. 982–983).

Именно в этом эссе Волошин развивает идею выхода из «темницы мгновения», с одной стороны, в историю становления человека и человечества, а с другой – проникновения в будущее посредством желания, «нашего зрения в будущее». На выходе из «темницы мгновения» в историю мы остановимся подробнее ниже, когда речь пойдет о Высшем «Я» Волошина, об одном из его шести основных мировоззрений и о его гнозисе.

Здесь же нам важно выделить идею другого, основного выхода из «темницы мгновения» – идею проникновения в будущее посредством желания:

«Первые лучи приближающегося будущего отражаются в нас как желания. Поэтому всякое истинное желание, инстинктивное, бессознательное, когда хочется всем существом, не может не исполниться. Уметь хотеть – это значит предвидеть свое будущее... Неизбежность будущего – проклятие пророков. На рубеже Европейского сознания стоит трагическая фигура Кассандры, с отчаянием видящая все за много дней, все, чем беременно будущее. В ясновидении прервана нить между желанием и осуществлением, благодатная гармония, которая примиряет нас с будущим, разрешает вопрос о свободе воли, и знание будущего перестает быть бессознательным желанием, а становится злым Роком, все давящим, все уничтожающим. Желание есть предчувствие будущего, а в воле есть сила воздействия на будущее... Будущая действительность живет в потенциальном состоянии. Она может быть выявлена мечтой и тогда она не случится в той области, которую называют реальностью жизни. Кому не случалось, со страхом ожидая какого-нибудь события, представлять себе в мечте всевозможные комбинации его, для того чтобы оно не случилось именно так? Это инстинктивная самозащита человека от будущего. Это заклятие будущего мечтой.

Мечта – это великая и страшная сила. Она может быть смертельно опасной для непосвященных и любопытных, которые произнесут "Сезам" перед закрытой дверью, которые повернут ключ в таинственном ларце.

Горе тем, кто истощает свое будущее бесплодной мечтой! Но искусство дает мечте жало змеи и величественность камня.

В этом загадочная власть Слова. Стихия слова – будущее. Если я захочу воплотить в слове то, что я пережил во всей полноте, – это будет только слабым напоминанием прошедшего. Но если я воплощаю в слове то, что живет во мне, как предчувствие, как возможность, то слово само становится действительностью трепещущей и ослепительной. Описание смерти у Достоевского бледно и коротко, а картины безумия широки и ярки...

Те гении, в организме которых заложена чересчур сложная и буйная судьба, неизбежным инстинктом самосохранения торопятся воплотить ее в произведениях искусства. Самосовершенные иногда успевают перелить свою судьбу, все свое будущее в свое творение. Поэтому истинная жизнь художника всегда полнее и вернее воплощена в его творении, чем в биографии.

Этот закон выявления будущего мечтой, незыблемый для отдельного человека, незыблем и для целых народов. Горе тем народам, которые задушили в себе фантазию и любовь к мечте. Горе Макбету, зарезавшему сон!

После двух веков рационализма неизбежно наступает кошмар Террора и сказка о Наполеоне. Наоборот, 48 год, который мог быть таким ужасным в своей кровавости, был ослаблен предшествующим романтизмом.

Русская литература в течение целого столетия вытравляла мечту и требовала изображения действительности, простой действительности, как она есть. На протяжении целого столетия Гоголь и Достоевский, одни, входили в область мечты. И кто знает, какие ужасы остались не осуществленными благодаря им в начале 80-х годов!

Поднимается иная действительность – чудовищная, небывалая, фантастическая, которой не место в реальной жизни потому, что ее место в искусстве.

Начинается возмездие за то, что русская литература оскопила мечту народа».

Здесь Волошиным ставится уже проблема смягчения ужасов надвигающейся на Россию, на мир (1904 г.!) апокалиптической действительности с помощью магии литературы (искусства). И поневоле возникает вопрос, уже в связи с нашей действительностью, насколько способно, например, нынешнее искусство (литература) не только изображать патологию человека, ужасы нашей действительности (хотя, надо признать, что этого рода литература взяла на себя, амортизировала частично те ужасы, к которым могли бы привести события в Москве в 1991 и в 1993 годах), но и воплощать в слове возможность иной действительности – «Новой земли» и «Нового неба», «Нового Иерусалима», не истощая при этом наше будущее «бесплодной мечтой», не впадая в маниловщину? Но ведь для этого творцы такого искусства должны быть уже посвященными, ну хотя бы на уровне нашего Поэта. Но где в наши дни среди «властителей дум» творцы такого искусства (литературы, философии)?! Увы, они почти без исключения испугались что-либо самостоятельно узнать из Духовной науки эзотерического христианства! Но тогда, как говорил Поэт, наступает, снова «начинается возмездие за то, что русская литература (шире – русская мысль) оскопила мечту народа».

* * *

Покровителя искусств Аполлона обычно называют Мусагет – предводитель Муз. Волошин использует применительно к эллинскому богу более редкий эпитет – Горомедон, что означает вождь и распорядитель времени. В третьей строфе стихотворения «Дэлос», написанного, как и статья «Hоромедон», в 1909 году, аполлонические определения суммируются:

Гневный Лучник! Вождь мгновений!
Предводитель Мойр и Муз!
Налагатель откровений,
Разрешитель древних уз!..

В свите Аполлона «хоровод Муз переплетен с хороводами мгновений» («Норомедон»). «Налагатель откровений» – поэтических, божественных. Только искусство, творческое горение духа позволяет человеку ощутить «мгновенья, полные, как годы». Творческое бытие – вне времени и пространства. Миги творческого озарения или любовного единения вбирают в себя вечность. Одно из стихотворений поэта открывается строкой-призывом: «Возлюби просторы мгновенья...» Творческий акт – это мгновение в вечности, устанавливающее связь человека со всем, что было, есть и только намечается.

Единственная ощущаемая форма времени, знак вечности, по Волошину, – это мгновение, остановить которое неподвластно никакому Фаусту. Только поэт, художник может удержать «ускользание мгновения», создать «гробницу формы» для времени, протянув «алмазный мост между бытием и тем, что вне бытия» – жизнью духа, вдохновением, насылаемым Мусагетом... Аполлон Горомедон – это само время, которое, согласно Платону, есть подвижный образ вечности и которое, как и вся Вселенная, – внутри нас, о чем поэт напоминает нам в стихотворении «Подмастерье»:

Когда же ты поймёшь,
.....
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду — и в тварях, и в вещах —
Божественное Слово,
Их к бытию призвавшее,
Что ты освободитель божественных имён,
Пришедший изназвать
Всех духов — узников, увязших в веществе...

Задача поэта – назвать и вызвать «всех духов-узников, увязших в веществе». Сам он «...только гроб, в котором тело бога // Погребено...» Отсюда полемический тезис Волошина: «Живописец, скульптор, архитектор – ты не творец; ты лишь воспитатель вещества...» Ведь «все, прежде чем начать существовать, как воля, как форма, как лик, раньше было словом»,

которое ныне «из глубины темницы подает свой голос поэту и ждет от него своего имени, своего освобождения» (там же). Отсюда роль поэзии. Она «царственная наука слова, которая творит в стихии будущего». Именно поэт, «громко именуя одно за другим явления мира,... пробуждает их от лунного сна».

Аполлинийская стихия, подчеркивает Волошин в статье «Аполлон и мышшь», это стихия сновидения, сонная греза, парящая над грубой действительностью. Творческий импульс возникает от соприкосновения этих «двух бездн». «Душе художника грозит двойная опасность – поверить, что это не сон, и освободиться от сна. Пробудиться от жизни – это смерть, поверить в реальность жизни – это потерять свою божественность».

Не отсюда ли, не из этой ли идеи (эйдоса) развивал Волошин и свою концепцию «театра как сновидения»: «спектакль снится зрителю, а его элементы суть символы или знаки, которые подчиняются логике грез, но не реальности»; «логика сна тождественна с логикой сцены»⁵⁰. Поэзия, как и театральный процесс, основывается, по Волошину, на способности видеть сны. Их назначение сходно: творческое преображение мира, эзотерическая игра, когда «творческий ночной океан... вливается в ... область дневного сознания». В любом случае «это сновидение с открытыми глазами». Разница лишь в том, какой тип игры преобладает: дионисийский или аполлонический. Более того, для Волошина на сны делится земная жизнь человека, история России и мировая история («Грядущее извечный сон корней» – поэма «Россия»). Свою же миссию Волошин усматривал в фиксировании и интерпретации этих снов. В «Истории моей души» читаем: «Если судьба привяжет к России, я буду в глубине своей комнаты добросовестным историографом людей и разговоров, а на площадях газет – толкователем снов, виденных поэтами. Быть толкователем снов и добросовестно записывать свои сны, виденные на лицах современников, – вот моя миссия в России» (запись от 26 сентября 1907 г.).

⁵⁰ Волошин М. Лики творчества. С. 696, 695.

Театр, по мысли Волошина, вырастает из трех видов «взаимно сочетающихся» сновидений: из творческого преображения мира в душе драматурга, из дионисической игры актеров и пассивного сновидения зрителей» (статья «Театр как сновидение», 1912 г.).

И если бы мы захотели проникнуть глубже в историософию поэта, а также в его эстетику, то нам достаточно было бы перенести эти три вида «взаимно сочетающихся» (а также «перекликающихся») сновидений на русскую (или даже всемирную) историю, ибо ведь давно известно, что весь мир – театр (Шекспир), а жизнь есть сон (Кальдерон). Впрочем, такую попытку, по сути дела, уже предпринял известный исследователь творчества и биографии Волошина С. М. Пинаев: «История, как считал поэт, – это вереница воплощений (сновидений) единой непреходящей сути. Это драматическое действие, развивающееся по сценарию небесного драматурга, обращаясь к которому "из недр обугленной России", поэт заявляет: "Ты прав, что так судил". Поэтому даже в кажущемся абсурде революционных событий он находил "указание на провиденциальные пути России". Это мировоззрение побуждало поэта равно приветствовать "и революцию, и реакцию, и коммунизм, и самодержавие"». ⁵¹ Но такой ситуация могла казаться во времена Волошина. В наши же с вами дни, дорогой читатель, Святая Русь очутилась в несколько другой, так сказать, театральной (сновидческой) ситуации.

Во-первых, увы: сценическое действие (сон) развивается пока отнюдь не «по сценарию небесного драматурга», да и в волошинские времена оно развивалось не совсем по такому сценарию – ведь человек с некоторых пор отпущен «Небесным Сценаристом» на свободу (а этой свободой известно кто обычно пользуется), а по сценарию «подземного драматурга», в чьи намерения входит поскорее стать «Князем земли» на ее поверхности, да и вообще начать покорять, прибирать в свои лапы весь Космос..., – то есть тем

⁵¹ Пинаев С. М. «Близкий всем, всему чужой...». С. 160.

самым «князем», который аттестовал себя в известном сонете Волошина следующим образом:

Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я – инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.
.....
Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака.

Во-вторых, «актеры, играющие по сценарию адского драматурга, уже детально разработанному в первую очередь англо-американскими чернокультными ложами церемониальной магии, а также многочисленными парвусами как вне России, так и внутри нее («пятая колонна», продажное, закупленное на корню чиновничество), учли опыт первого, большевистского эксперимента над Россией и настроены весьма коварно и решительно, дабы второй эксперимент не провалился, а удался на славу. Их игры не назовешь уже дионисийскими. Эти игры еще к тому же весьма в новинку для «загадочных», спящих душ. Это новые типы войн: информационные, организационные (менеджмент), экономические, юридические, попкультурные, религиозные, педагогические и, конечно же, психологические и этнические. И хотя в своем гениальном эссе «Россия распятая» Волошин и назвал капитализм (наряду с монархией и социалистическим строем) одним из «видов пламени», проходя через который «перегорает и очищается человеческий дух», но то, что сейчас вытворяют с Россией эти адские духи – не имеет отношения к «строительству» капитализма в России (самого по себе уже погибельного для нее, ибо перечеркивает своим принципом конкуренции и войны всех против всех идеал братской взаимопомощи, идеал Грааля, живущий в глубине души русского народа, идеал нашего Китежа). А имеет отношение к строительству кошмарного сна, того устройства, которое Оруэлл назвал «1984», то есть к смертельному эксперименту над Россией, после завершения которого (если этим «актерам» удастся его завершить)

исчезнет сам русский народ, а с ним и возложенная на него Провидением миссия (см. об этом у Рудольфа Штейнера в книге «О России»⁵²).

И наконец, в-третьих – «пассивное сновидение» зрителей (обитателей-обывателей), добываемых, идиотизированных, зомбированных, дебилизированных вышеупомянутыми «артистами» разных мастей (из лож, орденов, сект, СМИ, церквей) – этот вид сновидений метаморфозируется в виртуальное сновидение – ведь технотронному прогрессу «демонов машин» предела пока не видно. Так что для таких зрителей нет движения истории, да и время – иллюзия, а есть лишь вереница сменяющих снов и мир по-прежнему театр (правда, уже не Шекспира, а Воланда), ну а жизнь – по-прежнему сон, правда уже виртуальный, но это другие игры и другие сны. Ну, а пробуждение – вещь теперь гораздо более трудная и опасная, чем в былые времена, в том числе в старое теперь уже сравнительно «доброе» волошинское время, – разве что на пути христианского посвящения, которым шел наш поэт...

* * *

Искусство, подчеркивал Волошин, не обобщает явления, но индивидуализирует их. В этом его сила. Отсюда вытекала важнейшая эстетическая проблема, которой Волошин уделил немало внимания, – диалектика канона и индивидуализации в искусстве, или искусство личное и священное, безымянное; проблемы имени, почерка и маски в искусстве. Эстетика Серебряного века активно разрабатывала затем многие из этих проблем на самых разных уровнях – эстетическом, философском, художественного символизма и т. п.

Проблема художественного канона и индивидуализации непосредственно связана у Волошина с пониманием двух языков искусства: демотического (общедоступного) и образно-символического, который и составляет «истинный язык искусства», доступный только эстетическому восприятию высокого уровня. Канон способствует формированию,

⁵² Штейнер Р. О России. Из лекций разных лет. Сост. Г. А. Кавтарадзе. СПб., 1997.

сохранению, развитию второго, собственного языка искусства (гиератического). «Канонические формы искусства в своей сущности сводятся к законам этого гиератического языка образов» (258). Канон в искусстве ограничивает только «выдумку» художника и способствует развитию искусства как откровенной «исповеди души». Индивидуализм в искусстве, характерный для европейской культуры последних столетий, возникает только на основе традиций, канона, развитого языка художественных образов и символов. Канон сохраняет глубинные бессознательные родники творчества, и дух художника должен подчиниться канону, усвоить его, творить на его основе. Однако канон жив и плодотворен только тогда, когда с ним ведется творческая борьба. Для индивидуализма он не только корневой базис, но оковы, цепи, которые тот стремится преодолеть. И в процессе этого противонаправленного акта усвоения – борьбы с каноном и возникает настоящее индивидуализированное произведение искусства.

Мечта художника должна воплотиться в его произведении искусства. «Воплотиться, то есть сознательно связать себя каноническими непреложными законами развития живых форм, гранями рождения и смерти, – умалиться для того, чтобы вырасти» (259), стать выше и оригинальнее всех канонических законов, изнутри просветить грубую материю.

Индивидуализм лежит в основе любого великого искусства, убежден Волошин, но индивидуализм не самодовлеющий, а преодолевающий себя, отказывающийся от себя ради плода – произведения искусства. В этом глубинная диалектика каноничности и индивидуализации, на которой основывается любое настоящее («великое») искусство.

Волошин принимает теургические интенции искусства, хотя и не употребляет самого термина «теургия». «Задача искусства лежит не в том, чтобы быть зеркальным отражением своей эпохи, а в том, чтобы в каждый момент преображать, просветлять и творить окружающую природу.

Искусство есть оправдание жизни. То, что отмечено кистью или словом, то оправдано и стало видимо» (265).

Понятно, что библейская концепция творения мира Богом из ничего своим Словом одухотворяет подобное понимание художественного творчества. Не случайно Волошин очень высоко оценивает роль евангельского слова, евангельского текста в искусстве.

Эпоху европейского искусства, когда оно ограничивалось только евангельскими темами, Волошин считает «эпохой наивысшего расцвета» искусства. В Евангелии он видит концентрацию «всемирного мифа» и полагает, что только опора на него позволяет художнику «достичь тончайших оттенков своего чувства и своей мысли» (460).

Опыт новейшего искусства (Сезанна, Ван Гога, символистов) позволил Волошину сделать интересный вывод о трех «психологических» периодах искусства: 1. «условный символизм знака» (Египет, академизм, «условные краски Возрождения»); 2. «период строгого реализма» (средневековые примитивы, Дюрер, импрессионисты); 3. «период обобщения, стилизации» (новейшее искусство прежде всего) (216).

На последнем этапе особенно остро ощущается профетический дух искусства, его почти апокалиптические (для начала XX века) настроения. «На высотах Познания одиноко и холодно» (237). Здесь господствуют такие символисты, как О. Редон, Э. Карьер, у которых «шевелиющийся хаос» Тютчева и Вл. Соловьева стал художественной реальностью, а «некрасивость» ведет к новой красоте. Отсюда и тенденции к освоению недавно открытой архаики у русских художников – Рериха, Боговского, Бакста.

* * *

Важнейшим признаком большого искусства и крупного художника Волошин считал игру, умело применяя этот традиционно эстетический принцип, впервые введенный в эстетику Шиллером, к современному

искусству, усматривая его в творчестве Гогена, Головина, Бенуа, Врубеля и других художников. Этот принцип наиболее основательно Волошин рассматривает в своей театральной эстетике. Но и во всех остальных видах искусства игра представляется ему важнейшим творческим принципом: «Искусство драгоценно лишь постольку, поскольку оно игра. Художники ведь это только дети, которые не разучились играть. Гении – это те, которые сумели не вырасти. Все, что не игра, – то не искусство» (271). Игра осмысливается Волошиным как «органическое переживание духа», и там, где она отсутствует, искусство выглядит сухим, скучным, ограниченным, безрадостным, то есть фактически перестает быть искусством.

Волошин знает, что художественный образ окончательно формируется в душе субъекта восприятия, и поэтому зритель играет не меньшую роль в создании произведения искусства, чем художник. Правильному восприятию искусства, или «пониманию», он уделяет такое же внимание, как и творчеству. Таинство понимания в жизни художественного произведения, убежден поэт, так же важно, как и таинство творчества. Эти два начала искусства он уподобляет мужскому и женскому началам в акте зачатия: «Переживающий радостно созерцания создает не меньше, чем творящий. Понимание – это женская стихия, которая в радостном трепете принимает в себя семя мужественного духа. Произведение же искусства в своем окончательном воплощении рождается уже пониманием» (266–267).

Творчество и восприятие, по Волошину, – два равнозначных и одинаково необходимых процесса в создании произведения искусства: «Творческий акт – это нисхождение духа в материю. Он мучителен и радостен, потому что он крестное нисхождение Бога в материю. Мечта, воплотившись, потенциально пребывает в теле своем. Тогда наступает новый акт творчества – восприятие художественного произведения зрителем или слушателем. Начинается восхождение духа» (235).

Эти мысли, высказанные Волошиным в 1906 году, были очень близки и русским символистам, и русским мыслителям того времени, и основателю

абстракционизма В. Кандинскому, то есть представителям практически всех главных направлений эстетики и искусства Серебряного века. Однако никто из них не придавал столь высокого значения акту восприятия произведения искусства, как Волошин.

«Понимание – это отблеск творчества», – приводит он слова Вилье де Лиль-Адана и развивает их, поднимая на более высокую ступень. «Эти слова только предчувствие истины, потому что то, что мы называем восприятием и пониманием, на самом деле есть самоопределение художественного произведения, которое создало себя в душе зрителя» (265). И в этом смысле акт восприятия-понимания произведения искусства Волошин склонен считать чуть ли не выше акта созидания его, ибо осознавшее себя в душе воспринимающего или в душе целого народа произведение живет полноценной насыщенной жизнью, не зависимой от его творца. Художественное произведение неоднократно и применительно ко всем видам искусства, повторяет Волошин, начинает свое существование «как живая и действующая воля не с того момента, когда оно создано, а с того, когда оно понято и принято» (112). Для подлинного бытия произведения искусства недостаточно одного творческого акта, который является только мужским, осеменяющим. Необходим еще и женский акт вынашивания и рождения произведения – понимание: «Конечно, и вне понимания художественное произведение есть и пребывает. Но бытие его только возможно, и та форма, которую оно примет в истории искусства, зависит от того, кем и как оно впервые воспринято» (646). Этим первым воспринимающим, полагает Волошин, должен быть умный критик, вызывающий произведение к реальной эстетической жизни.

Однако, как бы мы подробно ни останавливались на роли импрессионизма и символизма, сновидений и игры в эстетике Волошина, невозможно не выделить в ней главного. «Потенцирование» пейзажей Киммерии в стихах и акварелях до уровня прафеноменов и прототипов – яркое свидетельство гётеанизма эстетики Волошина (см. цикл

«Киммерийские сумерки» и остальные стихи, посвященные Киммерии). Но это же «потенцирование» до прообразов характерно и для стихов и поэм Волошина о России, ее истории, ее апокалипсиса.

Летом 1917 года поэт создает стихотворение «Подмастерье» – свой «поэтический символ веры», где в его первой половине раскрывает секреты своего мастерства:

Мне было сказано:
Не светлым лирником, что нижет
Широкие и щедрые слова
На вихри струнные, качающие душу, —
Ты будешь подмастерьем
Словесного, святого ремесла,
Ты будешь кузнецом
Упорных слов,
Вкус, запах, цвет и меру выплавляя
Их скрытой сущности, —
Ты будешь
Ковалом и горнилом,
Чеканщиком монет, гранильщиком камней.
Стих создают — безвыходность, необходимость,
сжатость,
Сосредоточенность...
Нет грани меж прозой и стихом:
Речение,
В котором все слова притёрты,
Пригнаны и сплавлены,
Умом и терпугом, паялом и терпеньем,
Становится лирической строфой, —
Будь то страница
Тацита
Иль медный текст закона.
Для ремесла и духа — единый путь:
Ограничение себя.
Чтоб научиться чувствовать,
Ты должен отказаться
От радости переживаний жизни,
От чувства отрешиться ради
Сосредоточья воли,
И от воли — для отрешённости сознания.
Когда же и сознание внутри себя ты сможешь погасить —
Тогда

Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознания, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни.
Но знай, что каждым новым
Осуществлением
Ты умерщвляешь часть своей возможной жизни:
Искусство живо —
Живою кровью принесённых жертв.

В октябре 1918 года Волошин в статье «Поэзия и революция» четко формулирует принципы своей эстетики зрелого периода. И это принципы эстетики не «светлого лирика, что ни жет // Широкие и щедрые слова // На вихри струнные, качающие душу» (а сколько критиков упрекало поэта в отсутствии у него лирического начала, желательно душещипательного и душераздирающего!), – это принципы эстетики, вытекающие из материнского аспекта Софии (отношение Бога-Отца к Софии). Именно принципы такой эстетики позволили поэту изобразить в своей «религиозно-поэтической науке» ужасы русской истории и того апокалипсиса, свидетелем которого он был. Вот тайна этой эзотерической эстетики: «Сущность художественно-творческого процесса заключается в том, что душа человека является магическим кристаллом, через который проходит двойной поток преосуществления реальностей: все материальное, конкретное преобразуется в слово, ищет своего имени, знака; все же духовное, все эмоциональное стремится найти себе материальную незыблемую форму. Запечатленный в четком оттиске, этот процесс дает возникновение произведения искусства. Процесс этот происходит в каждом человеке без исключения, искусство же есть только его кристаллизация.

Пластические искусства – живопись, скульптура, архитектура творят вещественное из нематериального.

Поэзия работает над размыванием твердых пород мира и претворением их в слово – в имя. У поэзии может быть только одна цель – изназвать все вещи и все явления. У поэта – один долг: стать голосом вещей и явлений,

глухонемых по природе своей. Исполняя его, поэт освобождает великих и мятежных духов, плененных в душных вихрях вещества и его страстей, и чистая радость, пронизывающая нас при чтении поэмы, – это отраженное ликование их освобождения».

И здесь невозможно не проиллюстрировать этот, собственно говоря, гётеанистический принцип волошинской эстетики на одном из самых ярких примеров из его поэзии, где поэт становится «голосом явлений, глухонемых по своей природе»:

Полынь⁵³

Костёр мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

В гранитах скал — надломленные крылья.
Под бременем холмов — изогнутый хребет.
Земли отверженной — застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи
К сиянию древних звёзд, таких же сиротливых,
Простерших в темноту зовущие лучи.

Я сам — уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.

⁵³ Повтор одних и тех же стихотворений или их частей, а также отдельных высказываний поэта – принципиальная установка автора труда сего. Ведь их важно воспринять в другом контексте, в другом ракурсе, не говоря уже о том, что никакого вреда читателям автор этим не наносит, да и всем известно, что повторение – мать учения.

Этот эстетический принцип – «быть голосом вещей и явлений, глухонемых по природе своей» – Волошин распространяет и на поэзию гражданскую, социальную: «Космическое дело поэта может иногда совпадать с гражданскими и политическими полезностями, потому что всякая текущая борьба с ее говорливостью является всегда одним из самых глухонемых изо всех глухонемотствующих вихрей этого мира, нуждающихся в имени, но это совпадение еще ничего не говорит о самой художественной сущности произведения, имеющего, как таковое, конечно, и свою полезность и свою целесообразность, но стоящую далеко по ту сторону полезностей государственной и социальной жизни.

Но не будем забывать: "Пока не требует поэта..." Поэт, как и всякий, подвержен всем водоворотам социальных страстей, заблуждений и колебаний, всем неистовствам исторического хмеля, но поэтом он становится, лишь поскольку в этом временном он творит свою вневременную работу».

«Космическое» дело нашего поэта, его «вневременная работа» нашли свое выражение как раз в том, что «текущей борьбе» – то есть «самым глухонемотствующим вихрям этого мира» он «дал имена» и высветлил их глубинный смысл. Достаточно напомнить внимательному читателю такие его вершинные достижения в этой сфере – во «вневременной работе», то есть, собственно говоря, в историософии его «религиозно-поэтической науки», как «Россия» (стихотворение), «Пролог», «Армагеддон», «Усталость», «Ангел мщения», «Трихины», «Святая Русь», «Мир», «Из бездны», «Демоны глухонемые», «Родина», «Китеж», «Дикое поле», «Русская революция», «Благословение», «Неопалимая купина», «Гражданская война», «Северовосток», «На дне преисподней», «Готовность», «Потомкам», «Россия» (поэма), «Поэту», «Доблесть поэта», «Дом поэта», «Владимирская Богоматерь», «Путями Каина». Здесь можно привести комментарий Волошина на стихотворение «Русская революция». В «Автобиографии» он отмечал, что стихотворение «было названо лучшей характеристикой

революции двумя идейными вождями противоположных лагерей (имена их умолчу)».

«Мир», «Благословение», «Северо-восток», «Китеж», «Готовность», «Усталость», «Владимирская Богоматерь», «Путями Каина» – это все, так сказать, проброс в будущее и «космическое дело» нашего поэта. И кто знает, может быть, именно благодаря этим плодам «вневременной работы» поэта (вспомним его эссе «Магия творчества»⁵⁴) нам каким-то образом удастся избежать весьма печального события – нашего искоренения, изничтожения как народа силами тьмы...

А вот изумительная, уникальная характеристика поэтом своих собственных стихов: «Мама, читая мои стихи, говорит: почему же меня это не трогает? Я хочу, чтобы ты меня зажег, потряс. Но я ведь именно не хочу ни тронуть, ни зажечь. Я обращаюсь к пониманию, а не к чувству. Я нарочно ставлю грань между мной и читателем, чтобы оставить ему свободу, чтобы он не мог согласиться со мной, но чтобы нечто от моего осталось, дало бы в нем уже собственный росток».

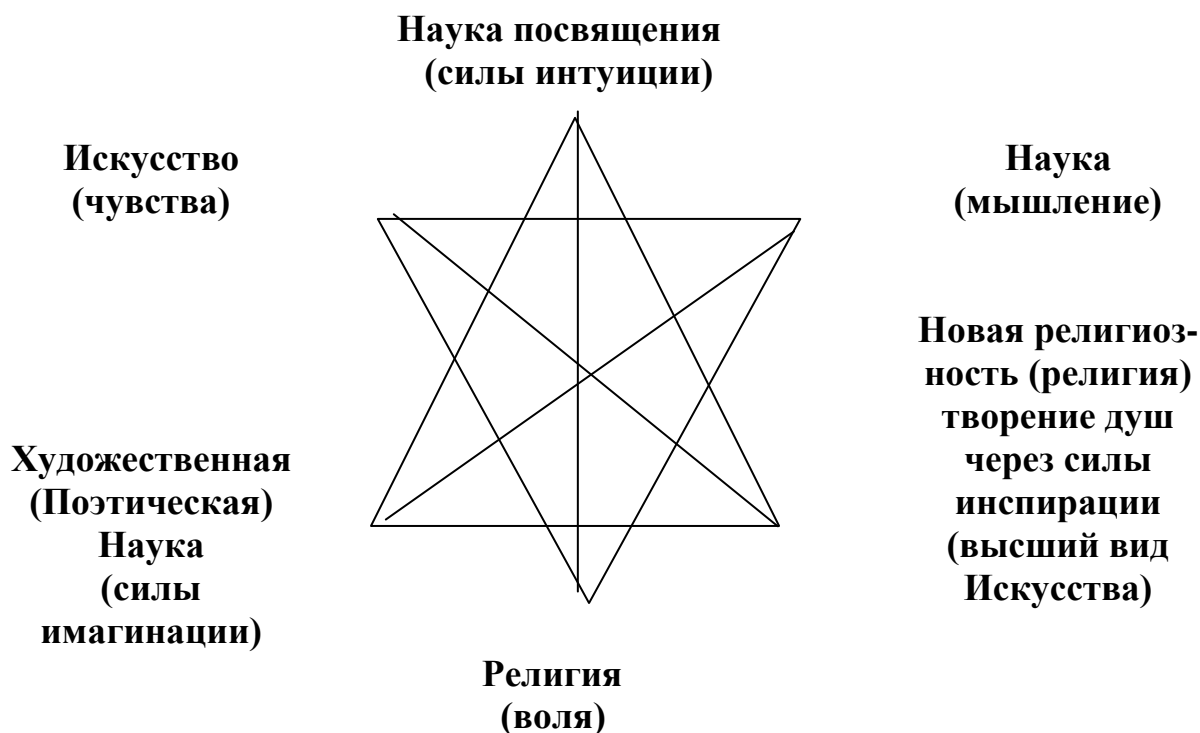
Однако глубинная сущность эстетики Волошина, его творчества, если к ней подойти через «созерцательную способность суждения» все-таки кроется в том, что он явил нам феномен «религиозно-поэтической науки». Попробуем раскрыть это понятие, углубив его до эзотерического уровня с помощью Антропософии. Но вначале зададимся тремя вопросами. Первый – что же есть поэзия, акварели и эссеистика Волошина? Это есть – как это ни парадоксально звучит – его наука, «религиозно-поэтическая наука»! «Но где же тогда его искусство?» – спросит не на шутку возмущенный «проницательный» читатель. Ответ может гласить: о, это ведь его искусство «творения душ», его теургия (вспомним феномен Дома Поэта, и вообще отношение Волошина к людям). Ну, положим... А где же тогда его религия?

⁵⁴ «Слово может создать действительность только из желаемого, но не пережитого... Слово есть чистое выражение воли – эссенция воли. Она замещает действительность, переводит в другую плоскость... В течение столетия только Гоголь и Достоевский входили в область мечты – и кто знает, какие ужасы в начале восьмидесятых годов остались, благодаря им, неосуществленными!» (Волошин М. Магия творчества. О реализме русской литературы // Весы. 1904, № 11).

Его religio – это его индивидуальный путь посвящения! Но какие же силы, мог бы спросить любознательный читатель, стоят за такими превращениями,⁵⁵ метаморфозами как будто давно известных нам трех традиционных сфер культуры – искусства, науки и религии, так далеко разошедшихся друг от друга и парализующих друг друга уже не одно столетие? Попробуем с помощью Антропософии ответить на этот вопрос и показать, как великий посвященный русской культуры метаморфозирует три сферы культуры таким образом, что они в его творчестве выступают в гармоническом единстве.

Нарисуем такую схему и раскроем ее содержание.

ГЕКСАГРАММА:

⁵⁵ Силы, способные преобразовать тупики в современных искусстве, науке и религии – это, согласно антропософской духовной науке, силы имажинативного, инспиративного и интуитивного мышления, то есть ступени высшего познания. (О них см.: Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штейнера. Т. 2. С. 731–747).

Направленный вниз треугольник представляет паралич душевных областей: религии, искусства, науки; треугольник, направленный вверх гласит:

1. **Религия**, которая должна действовать в воле, посредством искусства парализуется, посредством интуиции освобождается, становясь знанием – наукой посвящения;
2. **Искусство**, действующее в чувствах посредством науки парализуется, посредством сил инспирации – освобождается, превращаясь (метаморфозируясь) в **религию** (новая религиозность как отношения между людьми, творение обновленных душ – теургия как высший вид искусства). Вот где смысл высказывания Достоевского «Красота спасет мир».
3. **Наука**, которая действует в мышлении, посредством религии парализуется, посредством сил имажинации – освобождается, становясь художественной, поэтической. (Гётеанизм: религиозно-поэтическая наука В. Одоевского и М. Волошина!)

Глава шестая

Становление эзотерического мировоззрения Поэта

В связи с природным Космосом нашего поэта и лейтмотивами его гётеанистической эстетики, его «религиозно-поэтической науки» закономерно встает вопрос о важнейших вехах становления эзотерического ядра его мировоззрения. Где же мы могли бы узреть в его творчестве теоретическое изложение его мировоззрения в годы, предшествующие Первой Мировой войне? Для нас – это, несомненно, его статья «Теософия» (1912 г.), не утратившая своей актуальности и поныне для пытающихся вступить на путь духовознания. В этой небольшой статье дается четкая и сущностная характеристика «тайного знания», «тайных наук». Мы хотели бы

привести здесь краткие выдержки из нее для наших российских читателей, увлеченных базаровскими науками или религиозной философией Серебряного века и не желающих знать теософию и антропософию:

«Есть "тайное знание" и существуют пути, которые ведут к нему.

Существует иное познание, чем познание научного мышления.

В то время как положительная наука, избрав себе пределом мир, постигаемый внешними чувствами, познала его математически, измерила его числом и утвердила свое господство над ним в ряде химических, механических и физических формул, существует иная, "тайная наука", которая, отказавшись от познания обманных форм внешнего мира, избрала путь погружения внутрь духа своего, и в этих внутренних зеркалах души открыла мир, отраженный иначе, и иную сторону законов, управляющих ими.

На конечных ступенях познания нет и не может быть противоречия между тем, что в настоящее время называется наукой, и оккультизмом. Но в настоящую историческую эпоху они идут разными путями, и между ними существует вражда неотвратимости...

Но когда заходит речь об "оккультизме" и "тайных науках", то прежде всего является неизбежный вопрос: если Истина действительно скрыта в "тайных науках", то почему же облечена она Тайной? Почему с таким трудом и столь немногие посвящаются в знание этой истины?

Ум современного европейца настолько привык к демократизации всякого знания, как и к немедленному практическому применению всякой вновь открытой силы, что не может допустить, не может понять, чтобы из действительного знания делали секрет. Здесь раскрывается одно из главных противоречий между явными и тайными науками: вопрос о равновесии власти и морали.

Каждый вновь открытый закон, каждая новая сила, данная в руки человеку, дает ему новую власть на добро и на зло, власть, по существу,

безразличную, но которая неизбежно становится злой, если применяется с целями личными и эгоистическими...

Но следует различать две области "тайных наук". Одна область – это изучение и развитие своих собственных внутренних сил, изучение законов мира изнутри. Кроме строгой моральной дисциплины, которая является здесь не только запретительным, но и необходимым условием саморазвития, так сказать, гимнастикой духа, от вступившего на этот путь требуется большое физическое здоровье, полное равновесие нервной системы и ясный критический ум, способный взвешивать, судить и анализировать переживание. Слепое доверие, истеричность и экстатичность являются здесь недостатками, которые необходимо преодолеть. Это знание осуждает медиумизм и борется с явлениями ясновидения, возникшими на почве истерии.

Но к "тайным наукам" причисляют обычно еще иную область знаний. Это не живая наука, а остатки, осколки и обрывки древней науки, которая в человечестве предшествовала науке современной...

Древняя магия была такой же наукой о силах природы, как нынешняя наука, но только там, где современная наука постигает законы природы безусловно и математически, там магия видела живую волю стихийных духов, управляющих природой, и вступала в личную борьбу с ними. Там, где наше сознание видит законы чисел и соотношений, древнее сознание, следы которого остались в сказках и мифах, видело воли живых существ...

Пережитки этой древней науки, утратившей ныне свое значение и замененной современным положительным знанием, ни в коем случае не следует смешивать с истинной "тайной наукой", параллельной положительной науке, дополняющей ее и в новом свете являющей ее выводы и обобщения...

В основе "тайных наук" лежит вполне определенный, точный и строго логический метод, нисколько не исключая естественного метода познания, но только пользующийся иными приемами и опытами, а также

инными априорными данными; при знании этого метода разные магические и астрологические данные, на наш взгляд, нелепые, получают смысл и объяснение».

В связи с такой ясной характеристикой теософии и оккультных, тайных наук в этой статье Волошина, здесь уместно остановиться на той характеристике Антропософии, которую дает автор упомянутой нами в начале нашего труда первой серьезной и интересной книги о творчестве Волошина «Близкий всем, всему чужой...» С. М. Пинаев. Можно было бы отдать должное его эрудиции и познаниям в культуре, в поэзии Серебряного века и даже его как будто доброжелательному настрою в отношении к Антропософии. Автор честно пытается разобраться в ней, пересказывает некоторые ее идеи в связи со стихотворениями Волошина и даже в порыве какого-то непонятого энтузиазма предлагает называть Антропософию по-другому – космософией, заимствуя это определение у Бердяева. Все это очень мило и любезно с его стороны. Одна беда: слишком слепо доверяет автор этой книги корифеям, мэтрам нашей философии Серебряного века – Н. Бердяеву, С. Франку, С. Булгакову и другим противникам и критикам Антропософии, которые не очень горели желанием в ней разобраться непредвзято, глубинно и добросовестно или просто ее опасались (как П. Флоренский), да и не имели, так сказать, органа ее восприятия, ибо самозабвенно раскручивали свои собственные религиозно-идеалистические или религиозно-материалистические (С. Булгаков, П. Флоренский) прекраснодушные душе-и-миро-спасательные философии, на что имели полное творческое право...

Но вот после катастрофы XX – начала XXI вв. не мешало бы хоть некоторым интеллигентным, чутким, ищущим душам, может быть чудом еще сохранившимся на «Святой Руси, покрытой Русью грешной» (Волошин), не просто изучать и купаться в прекраснодушных идеях и последних вопросах нашей русской религиозной философии Серебряного века, но и, наконец, поглубже, посерьезнее, что ли, самим, без оглядки на Бердяева и Булгакова,

поинтересоваться, заглянуть в антропософские первоисточники (тем более что многие из них уже изданы), прежде чем солидаризироваться с ее первыми русскими критиками. И не обязательно при этом сразу становиться антропософами, а можно было бы действовать и как апостол Фома – ведь это дело все-таки ответственное перед Духовным миром, а мы, увы, никакой ответственности ни перед кем и ни перед чем не любим (словно дети – нам бы традицию или анархию...)

Да и не мешало бы тут вспомнить совет старого Марка Твена молодому Киплингу: «Молодой человек, советую Вам вначале тщательно изучать факты, а уже потом искажать их, как Вам будет угодно».

Вот самые существенные искажения фактов касательно Антропософии в книге С. М. Пинаева: «И теософия, и антропософия вряд ли могут рассматриваться в качестве принципиально новых, оригинальных учений. Они представляют собой довольно пеструю мозаику взглядов и положений, заимствованных из различных систем мистической философии древности. В оккультных учениях рубежа веков слышатся отголоски индийской "Ригведы", брахманизма и буддизма, Платона и неоплатоников, древнееврейской Каббалы и философии Лао-цзы, позднейшего христианского гностицизма Эккарта и Якова Бёме. Правда, все эти "осколки" в обоих случаях "монтировались" в довольно стройную и цельную систему, в которой смыкались сами учения».⁵⁶

То есть, по сути дела, многоуважаемый автор этого труда утверждает, что Штейнер при создании Антропософии пользовался «методом» первого Демона из волошинского цикла «Два демона»: «Я призрак истин сплавил в стройный бред». Но вызывающая смелость этого утверждения проистекает как раз из того, что автор ну никак не изучал факты, связанные с возникновением Антропософии, ее, так сказать, «источников и составных частей», как говорилось об известном учении в былые годы. И пишет он об Антропософии так, как будто бы ему неведома роль естествознания Гёте,

⁵⁶ Там же. С. 76.

философии Фихте и даже учения материалиста Геккеля об эволюции в ее становлении – с одной стороны, и метаморфозы Розенкрейцерства – с другой (это – по горизонтали). Но вот уж чего не может ведать и себе представить наш автор, ибо нет у него достаточно сильной жажды познания того, что «не снилось нашим мудрецам» (и тут он уже не виноват и мы не в претензии), – так это того, что есть еще главный источник Антропософии, так сказать, по вертикали – это Истинное «Я» Рудольфа Штейнера, этим мы хотим сказать, что источником Антропософии – по вертикали – явились собственные духовно-научные исследования Рудольфа Штейнера, а также духовные знания, полученные им от Духа времени Архангела Михаила, лика Христа в нашу эпоху. (Но это, кажется, уже некорректно – ожидать такого понимания источника Антропософии от автора-неантропософа.)

И еще реплика – по поводу учения Штейнера о перевоплощении. Это учение дается Штейнером из духовной науки эзотерического христианства, а не из буддизма, и его смысл совсем, совершенно другой, чем в буддизме (заинтересованный читатель может это выяснить самостоятельно, ибо многие циклы лекций на эту тему уже изданы). Автор книги «Близкий всем, всему чужой...», к сожалению, являет типичное восприятие теософии и антропософии на уровне души рассудочной, интеллектуальной, а не самосознающей, то есть восприятие, которое не позволяет ему выносить суждения в отношении этих двух духовных течений и различий между ними исходя из «созерцательной способности суждений» (Гёте, Шеллинг), а позволяет только воспринимать их на уровне «осколков» и «монтажа», что он и проделывает (но также, между прочим, он воспринимает и творчество самого Волошина: это вот у Волошина отсюда, а то оттуда).

Что касается теософии Блаватской, то при всей ее эклектичности, а точнее, бессистемности изложения ее учения, «автоматическом письме» (медиумизме) самой Блаватской, непонимании ею Христа и Мистерии Голгофы для эволюции человека, через эту удивительную русскую женщину были приоткрыты грандиозные тайные знания индусских оккультистов,

которые, преследуя свои цели, раскрыли европейскому культурному миру свои эзотерические знания об эволюции мира и человека с определенной духовной высоты в то время, когда европейская культура достигла самой низшей точки погружения в беспросветный материализм.

У Штейнера же, Великого посвященного эзотерического христианства, в центре его духовной науки стоит «философия свободы» и его эзотерическая Христология, и именно из этого центра вытекают, образуются все другие аспекты и грани Антропософии. Но при ее создании ему пришлось пользоваться некоторыми понятиями из Теософии, ибо в европейской науке и философии не было понятий для выражения реальностей сверхчувственного, духовного мира. Отсюда, между прочим, часто возникает и непонимание сущностной разницы между Теософией и Антропософией. И если бы автор книги попытался разобраться в ядре Антропософии (сейчас он имеет возможность заглянуть в новейшую четырехтомную Философскую энциклопедию, но до 1996 г. вышли основные книги Штейнера), то тогда он никак не мог бы написать вот такой пассаж, не соответствующий фактам (которые еще Марк Твен советовал вначале изучать). Прочитав С. Булгакова о том, что в Антропософии человек лишь «скрещение слияний космических Иерархий», а не личность, автор книги о Волошине дальше пишет следующее:

«Вот здесь, пожалуй, намечено главное отличие поэзии Волошина от штейнеровских откровений. Учение Штейнера имперсоналистично. Его теория перевоплощения сводится к отрицанию личного, неповторимого начала в человеке в пользу деперсонализации поэтического "я". Да иначе и быть не могло. Ведь тогда не существовало бы и волошинского творчества, несущего на себе печать неповторимой личности. И это присутствие личностного начала (хотя, конечно же, не только это) делает возможным окончательный переход Волошина к христианским традициям. Ибо, христианство отделяет от комологических и космофических учений категория личности, а также понятия свободы, греха, благодати, о чем

убедительно сказал Н. Бердяев в своей статье "Учение о перевоплощении и проблема человека"». ⁵⁷

Увы, здесь что ни предложение, то, как говорится, совсем не то – заезжает автор не в ту степь и становится за него неудобно, неловко и обидно: как будто сознание автора – интеллигентного, тонкого, блестяще эрудированного, талантливое критика – вдруг на наших глазах расплывается и начинает погружаться в туманную грезу, внушенную эмоциями и протуберанцами Бердяева по поводу антропософии (а вот это и есть грех, о котором упоминает автор). Ведь что означают эти две фразы: «Учение Штейнера имперсоналистично. Его теория перевоплощения сводится к отрицанию личного, неповторимого начала в человеке в пользу расплывчатой космической субстанции». Это значит, что для нашего уважаемого автора не существует индивидуальности человека, вбирающей в себя и опыты многих воплощений (личностей человека) и опыт жизни в духовном мире между смертью и новым рождением, то есть, не существует Высшего «Я» (не говоря уже об Истинном «Я»), а существует только «малое, беспмятное «я» (Волошин), то есть личность в данном воплощении и точка. Но ведь сам Поэт о подобном мировосприятии писал (еще раз можно напомнить нашему автору):

Все бытие случайно и мгновенно,
Явленья жизни – беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознанье – вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Полет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную метель.

Но если это так, то тогда характеристика личности и творчества Волошина и в особенности его антропософских по духу произведений, а тем более самой Антропософии, со стороны автора книги – это попытка с негодным «инвентарем», ибо, как хорошо известно критику, подобное

⁵⁷ Там же. С. 96.

познается подобным. И мы здесь недаром приводили отрывки из волошинской статьи «Теософия»: может быть, они помогут разобраться автору с проблемой «тайных наук». Да и наступила уже пора для наших мудрецов, эрудитов, критиков-литературоведов, психологов, философов, культурологов заглядывать не только в труды тех корифеев постмодернистской мысли, куда они любят заглядывать в качестве «игроков в бисер», но заглянуть в «Философию свободы» и в «Эгоизм в философии» Рудольфа Штейнера, а также в гениальный культурологический труд Андрея Белого «История становления самосознающей души» (может быть, тогда за их собственные труды, при всем блеске их талантов, не пришлось бы огорчаться доброжелательному читателю).

В этих основополагающих философских трудах основателя Антропософии и ее яркого представителя как раз и раскрывается впервые тайна человеческого «я», показано как из Высшего «Я» и Истинного «Я» человека (а не из осколков древних учений) возникает истинная картина мира и эволюции человека, развернутая Великим христианским посвященным нашего времени Рудольфом Штейнером в его Антропософии. Так дело обстоит с «деперсонализацией» и «имперсоналистичностью» учения Штейнера. Но тогда ссылка на традиции и даже на авторитеты русских религиозных философов Серебряного века в качестве критерия истины звучит уже совсем неубедительно перед лицом такого «суперперсонализма».

И обширный астрософический раздел нашего труда о Волошине как раз и посвящен Высшему «Я» Поэта, в котором «скрещивались влияния космических иерархий» (С. Булгаков), то есть импульсов «правлящих созвездий и волящих планет» (Волошин). (Наше Высшее «Я» и состоит из их инспираций, гармонизируемое нашим Истинным «Я» на пути нашего индивидуального посвящения). Поэтому-то мы и имеем волошинское творчество, несущее на себе печать, нет, не личности (у Волошина тысяча ликов-личностей – об этом мы уже писали), а индивидуальности, то есть

самосознающей души, непрерывно уже связанной, имеющей контакт с Высшим «Я».

Как ни забавно это звучит, но из последнего пассажа С. М. Пинаева вытекает, что учение Штейнера угрожало Волошину «деперсонализацией поэтического "я"». И если бы не противостояние этому учению нашего Поэта, то тогда «не существовало бы и волошинского творчества, несущего на себе печать неповторимой личности». Не больше и не меньше. И какое дело тогда нашему автору до утверждения самого Волошина: «Антропософию по существу всю принимаю, но мне ведь приходится все переводить на свой язык, на свой образ... В то же время я знаю, что и до встречи с Антропософией я мыслил исключительно ее категориями и впредь буду мыслить не иначе... Я принимаю ее сущность и только формы перестраиваю для своей души» (письмо Волошина Ю. Л. Оболенской, конец 1914 г.). И ведь это утверждение поэта прозвучало у него, так сказать, в трезвом уме и твердой памяти. Но нашему критику выгодно его не заметить, замолчать его и, фальсифицируя факты, говорить уже об «окончательном переходе Волошина к христианской традиции».

На это можно было бы заметить, что Волошину, как посвященному, просто неоткуда и некуда было «переходить». Если он куда и «перешел», то из занятий поэзией в занятие акварельной живописью, то есть избрал иную форму творчества на своем пути посвящения, иную форму своей «религиозно-поэтической науки» в изменившихся условиях (ведь он же Протей...).

Читатель, наверное, помнит удивительное раннее стихотворение «Она» (1909), рисующее поиски поэтом лика Софии:

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

Она — забытый сон веков,

В ней несвершённые надежды.
Я шорох знал её шагов
И шелест чувствовал одежды.

Тревожа древний сон могил,
Я поднимал киркою плиты...
Её искал, её любил
В чертах Микенской Афродиты.

.....
И я читал её судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг объятия.

Порой в чертах случайных лиц
Её улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Но, неизменна и не та,
Она сквозит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимую улыбкой.

В 1929 году, после 20 лет поисков Поэт находит этот лик:

Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный свой Лик:
Светлый Лик Премудрости – Софии,
Заскорузлый в скаредной Москве,
А в грядущем – Лик самой России –
Вопреки наветам и молве.

.....
В мире нет слепительнее чуда
Откровенья Вечной Красоты!

И дело не в «окончательном переходе»: уходе от... и приходе к... – как легко может подумать современный критик, который судит по себе. В качестве посвященного Волошин понимал всю важность его сотрудничества с русской народной душой, помощи ей в представлении ее идеала и заступницы (Богоматери) в условиях апокалипсиса. Ведь Поэт выбрал не

только «час рожденья, век и царство, область и народ», но и судьбу этого народа:

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

А следовательно, и самые заповедные его святыни. Начало же первой главки поэмы «Святой Серафим» мог написать только христианский посвященный: «Каждый сам находит пред рожденьем // Для себя родителей... // В чреве матери он повторяет пляски Древних солнц в туманных звездовертях».

И наконец, нельзя здесь обойти молчанием образчик явной недобросовестности автора, когда передергивается смысл характеристики Антропософии у Волошина: «Ведь увидел же он в антропософии "досадное малокровие", предпочтя христианство с его "живым творческим символом, немедленно распускающимся в душе"».⁵⁸

А вот как звучат эти же слова в контексте первоисточника, то есть письма Волошина к Ю. Л. Оболенской от 15.11.1917 г.:

«Относительно теософии, Вы знаете, что я с Вами совершенно согласен, но это "досадное малокровие", это "парение в пространстве на одном месте" (это слова Оболенской, которые цитирует Волошин – Г. П.), которое не переходит в полет, как Вы очень верно говорите, – это лежит не в самой теософии, а в том, как она воспринимается: теософское поучение дает отвлеченный остов понятий, *а его надо принять в себе, собою его одеть. Сделать его кинетическим. Полет в самом человеке. А его, наоборот, стараются задержать таким, как оно есть, и боятся что-нибудь прибавить от себя.* (Курсив наш – Г. П.)

Это вина организации "Общества". Вообще само понятие и весь распорядок "Общества" чужд русскому складу души и вся их наставительная

⁵⁸ Там же. С. 196.

литература приспособлена к иному пониманию. Религия дает живой творческий символ, немедленно распускающийся в душе: *теософия же дает отвлеченную истину, лишенную плоти. Это имеет громадное значение, так как заставляет душу совершить дело ее воплощения внутри самой себя* (курсив наш – Г. П.).

Смысл цитирования в первом случае искажен невероятным образом (до наоборот), и нам снова становится как-то неудобно за подмену смысла у интеллигентного автора. Чего же ожидать от менее интеллигентных критиков?

Впрочем, тут, кажется, назрело наше «лирическое отступление» об интеллигенции (из горького опыта сорокалетнего общения с теми, кто причислял себя к ней). Можно сказать, что с уходом из жизни ее наиболее ярких представителей эта тонюсенькая, почти мифическая прослойка удивительных и невозможных в наше время монад, как говорится, почил в бозе. Ее же шумная и тупиковая ветвь – диссиденты добились того, за что боролись и, напорвшись на это самое, спокойно и комфортабельно деградируют. И теперь вот находятся «мудрецы» (уж какие они – неизвестно), которые прямо призывают прекратить всякие разговоры о русской интеллигенции (мол, шовинизм все это).

Наши же современные интеллектуалы-рассудочники (многие физики, инженеры, химики, биологи, медики; гуманитарии: философы, социологи, экономисты, психологи, лингвисты, литературоведы; учителя), глядя на ужасы нашего апокалипсиса – в отдельно взятой стране, блестяще спланированного и весьма успешно осуществленного у нас натуральными консультантами от самого Воланда, готовы пока лишь приспособливаться к «свободному рынку» и к американизации всей страны, то есть к войне всех против всех, или топить зачатки своего самосознания, своего Высшего «Я» в групповой душевности сект или церковных конфессий в надежде хоть как-то одухотворить свой рассудок, интеллект, отдавая его при этом в руки разных

гуру, сомнительных духоводителей, зачастую невежественных, догматических и агрессивных.

А сами они уже неспособны заняться тем, что в старину (начало XX века) называлось духовными исканиями, уже не могут себе представить, что наряду с базаровскими науками, существует и развивается Духовная наука, которая могла бы им помочь, если бы они «приняли ее в душу как зерно» (Волошин), в осуществлении их творческих миссий в мире.

Со старой интеллигенцией уже покончено. наших же сегодняшних интеллектуалов-рассудочников никак уже невозможно отнести к интеллигенции.

Но тогда встает вопрос: неужели будущее народа возможно без истинной интеллигенции, то есть, интеллигенции, причастной к Истине?! Да и что же это за феномен такой? Какой она могла бы быть в XXI веке? И встает вопрос уже не «что делать?» или «кто виноват?», а совсем другой – что есть такое интеллигенция в современном понимании этого слова? И если отвечать на него из Духа времени, то она есть группа братски сотрудничающих между собой посвященных в тайны духовных миров, в тайны эволюции земли и человека, самосознающих индивидуальностей в русской культуре, действующих в союзе и сотрудничестве с божественно-космической интеллигенцией (умами) – с девятью духовно-божественными Иерархиями (от Ангелов до Серафимов) и в первую очередь с Духом времени – архаем Михаилом, ликом Христа в нашу эпоху, а также с Духом (Архангелом) народа, – посвященных, то есть не только глубинно понимающих лики зла в себе, в других, в мире, но и могущих в действительности противостоять злу, претворять его в добро. Прообраз, да и первый росток интеллигента-посвященного, русского гётеаниста мы могли бы при желании узреть в самосознающей индивидуальности и творчестве Волошина.

Но если такого сознания не наступит, если сам принцип посвящения в Духе времени не войдет в относительно близкое время в русскую культуру,

то перед нашими вечными, бессмертными базаровыми всевозможных мастей, которые любят красоваться своими тупиковыми математизированными знаниями, сногшибательными открытиями и беспомощными домыслами в их осмыслении – замаячат лишь две безвыходные альтернативы. Или маниловский блаженный инфантилизм, или демонизация, ариманизация интеллекта.

Но будем все-таки надеяться, что Дух времени, Дух самосознания в конце концов выведет некоторых из наших базаровых на путь духовных исканий. И, может быть, приблизившись к Истине, опять же некоторые из них сами убедятся в правоте слов Великого христианского посвященного XX века, обращенных к русским антропософам: «Я обращаюсь к вам не как западный европеец, не как принадлежащий к той или иной нации; я знаю, что это не так. И, может быть, как раз поэтому мне позволено сказать вам: целебная сила для блага России существует, целебное средство есть, но это благо не должно быть искомо на ложном пути.

И это я говорю не потому, что я люблю Антропософию, а потому, что все развитие человечества учит нас этой истине. Благо для России существует, и имя этого спасительного блага – Антропософия. Для других областей Земли это духовное познание является чем-то прекрасным, чем-то таким, что продвигает людей вперед, для России же духовное познание станет единственным спасением, тем, существование чего необходимо, чтобы русская народность нашла контакт со своей народной Душой, чтобы эта народная Душа не оказалась отозванной к другим задачам, чем те, которые ей предназначены...

В ваших душах может стать деятельной та связь, которая необходима для спасения вашей страны, связь Мистерии Голгофы с человеческим пониманием этой Мистерии. Тогда в ваших сердцах будет вершить тот Дух, который приведет к возрождению вашу страну».⁵⁹

⁵⁹ Штейнер Р. Из напутствия русским антропософам – 1913. // Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штейнера. Т. 2. С. 128.

Заканчивая этот раздел, нам хотелось бы, во-первых, привести здесь слова, которые мы не поставили, по понятным причинам, перед текстом нашего труда: «Посвящается будущим посвященным эзотерического христианства на Руси». А во-вторых, дать сущностную характеристику Антропософии словами Рудольфа Штейнера, дабы наши интеллектуалы, пишущие об Антропософии, все-таки учитывали до некоторой степени, что же под этим именем понимал сам ее основатель:

«Под Антропософией я понимаю научное исследование духовного мира, которое прозревает односторонность как просто природопознания, так и обыкновенной мистики и которое, прежде чем пытаться проникнуть в сверхчувственный мир, сначала развивает в познающей душе бездеятельные в обычном сознании и обычной науке силы; они-то и делают возможным такое проникновение».

«Название Антропософия означает: мудрость, возникающая тогда, когда человек находит себя в своем Высшем "Я"... Если хотят указать на то, что может знать высший человек, то следует говорить не о "познании человека", а о... науке высшего человека, об Антропософии. Антропософия, перенесенная в макрокосмическое, есть Христология».

«Антропософия есть путь познания, желающий привести духовное в человеке к духовному во Вселенной. Она возникает в человеке как потребность сердца и чувства. Свое оправдание она должна находить в том, что она способна утолить эту потребность. Антропософию может признать лишь тот, кто находит в ней искомое из своей души. Поэтому антропософами могут стать лишь те люди, которые подобно голоду и жажде ощущают жизненную потребность в решении известных вопросов о существовании человека и Вселенной».

«Это движение (Антропософия) духовно не зависит ни от каких других движений, и его связи с ними могут быть только внешними. Это движение, которое знает приемы и средства современной науки и действует в полном созвучии с научным сознанием современности... И это движение поистине

полным жизни образом имеет что сказать о жизненных вопросах современности, например, о социальных вопросах...»

«Антропософия по прямой линии восходит к тому, что философски было заявлено в моей "Философии свободы", что было сказано мной в 80-х о сочинениях Гёте... Здесь мне было важно показать, как должна формироваться свобода во внешней жизни... Как она может стать импульсом социальной жизни. Этический индивидуализм строит на интуициях индивидуального духа, и в эпоху, когда зло вступает в склонности человека, он, достигая интуиции, способен претворить злые склонности в добро души сознательной... Если бы тогда поняли свободу, как это имелось в виду в "Философии свободы", то совсем другой тон звучал бы во всем, что сегодня по всему земному шару говорится о том, как навести порядок в мире».

«Для всех живущих душ Антропософия является подготовлением к предстоящему Событию Христа. Это подготовление необходимо».

«По сути говоря, Духовная наука есть не что иное, как провозвестие этого великого факта – Второго Пришествия Христа (в эфирном теле – Г. П.). Со всей скромностью освещать величайшее из событий в земном бытии – в этом видит свою задачу антропософски ориентированная Духовная наука в среде религиозных течений человечества».

«Она не хочет только говорить о Христе, она хочет высказывать то, что Христос хочет высказывать современным людям через человеческие мысли».

«Духопознание... Как провозвестие нового времени, не идет ни на какие компромиссы с другими мировоззрениями... Тем, кто будет стремиться к заключению компромиссов, со всей строгостью будут звучать навстречу слова, которые некогда произнес Христос: "Предоставьте мертвым хоронить своих мертвецов! Вы же следуйте за Мною". Мертвые – это единичные культуры, склоняющиеся к материализму; в них самих уже заложена способность свести себя в могилу».

«Поистине, Духовная наука проникает в жизнь, изменяет инстинкты, вносит в нашу душу побуждения, которые делают нас в жизни более способными, если мы ее лишь только изучаем, но достаточно глубоко».

«Духовная наука требует энергичного овладения ею. Она потому и воспротивилась против себя всю дряблость и вялость времени, что требует ясной духовной силы, а ее-то современник и не хочет, он спотыкается об нее, она ему неудобна».

«Об Антропософии можно сказать: она возрастает только на почве братства, она не может возрастать никак иначе, как только в братстве, где отдельный человек дает другим то, что он имеет и что он может».

«Даваемое ныне в Духовной науке является, по сути дела, лишь лепетом по сравнению с тем, что будущие поколения человечества переживут как Духовную науку».

«Духовная наука станет действительно душевной, духовной и, наконец, также социальной, религиозной, этической человеческой жизнью».

«Дело заключается в том, чтобы мы не просто восприняли в себе знание, но всеми фибрами нашего душевно-духовного существа соединились бы с плодами духовного исследования, чтобы мы научились мыслить в смысле духовного исследования. Тогда мы увидели бы, что повсюду, куда бы карма ни поставила нас в жизни, будут ли наши занятия более материальными или более духовными, – мы сможем во все разветвления жизни действительно вносить то, что в нас спиритуально чувствуется, ощущается, действует».

«Кто однажды со своими привычками мышления вырос в современную научную жизнь, тому, собственно, невозможно просто так перейти к антропософскому пониманию. Поэтому вряд ли стоит ждать, что с этой стороны придет какое-либо согласие с антропософским познанием мира.

Те же, кто своими привычками мышления либо не выросли в научное производство, либо, как молодежь, одновременно с вращением в него из него

в то же время и вырастают, те, главным образом, увидят правомерность антропософского мировоззрения».⁶⁰

Часть II

Социальный Космос

Глава первая

Апокалипсис социального Космоса у Волошина

Но твоей Голгофы не покину...

М. Волошин

Прежде чем перейти ко второй части нашего исследования (подчеркнем еще раз – исследования вовсе не «жизни и творчества Волошина»: до этого, очевидно, весьма нужного, полезного и понятного читателям занятия, мы надеемся, найдется тьма охотников и без нас) – а именно, высветления его историософии в связи с его космофией (его природный космос и космос Любви мы уже в некотором отношении высветлили) и в связи с тайной его индивидуальности, его Высшего «Я» и Истинного «Я», – мы должны, хотя бы пунктиром, обрисовать остальные, наиболее, с нашей точки зрения, выдающиеся «лики творчества» поэта-посвященного, проявившиеся с особой силой после 1914 года, то есть после истинного начала малого апокалипсиса.⁶¹

Еще в 1908 году в «Золотом Руне» появляется эссе Волошина «Демоны разрушения и закона» (в другом варианте: «Демоны разрушения и зла»), где он, опираясь на статьи Метерлинка и Поль де Сен-Виктора, прослеживает

⁶⁰ Anthropos. Опыт энциклопедического изложения Духовной науки Рудольфа Штейнера. Т. 2. С. 530–546.

⁶¹ Прафеноменальное изображение малого апокалипсиса см. в 13 главе «Евангелия от Марка».

эволюцию средств разрушения в европейской истории от «кулака до динамитной бомбы». Поэт за шесть лет до начала Первой Мировой войны, когда в Европе торжествовали иллюзии «прогресса» и «вечного мира», характеризует последствия применения в будущих «войнах и анархиях» таких взрывчатых веществ, которые могут «развеять в воздухе европейское человечество», и пытается проникнуть в тайны демонов этих взрывчатых веществ:

«Демоны огня и демоны взрыва родственны друг другу. Сущность огня стоит очень близко к сущности взрыва. Огонь – это действие длительное, взрыв – мгновенное: горение и сгорание. Вся вечность огня заключена в одном мгновении взрыва.

Жизнь – это горение.

Но еще точнее: жизнь – это ритмическая последовательность сгораний, то есть взрывов. Биение сердца – это взрывы, а не горение.

Чудовищные демоны, о которых говорит Метерлинк, – это отдельные биения какой-то великой космической силы, которую мы можем познать лишь по слабому ее прообразу огня. <...>

Мы привили себе яд огня, и он стал основой всей нашей жизни. Огонь, разъединяющий все материальное, стал для человека цементом духа.

Взрывчатые вещества пришли как новый огонь. Они плетут свое гнездо в страстях человека: в гневе, в ненависти, в жадности, во властолюбии.

Нет сомнения, что древнее пророчество о том, что европейское человечество будет развеяно в воздухе, может исполниться. И войны, и анархии ведут одним путем к исполнению его. Наша древняя, огненная, могучая государственность может не вынести этого нового яда, который устремился на самые слабые и больные органы ее.

Взрывчатые вещества несут с собой страшные нарушения равновесия силы и морали, на котором покоится каждый общественный строй.

Из этих нарушений еще произойдут страшные катастрофы, подобные мировым катаклизмам.

Но с такой же уверенностью можно предсказать, что в следующем цикле человеческого развития взрывчатые вещества заступят древнее место огня и человечество, возросшее в священном трепете перед судящим оком этих новых сил, создаст новую государственность, иную, чем государственность огня. Этот новый строй будет пронизан ритмическим трепетом сил, его породивших, которые, сбросив свои личины демонов, зримые нами, явят свои строгие божественные лики справедливости».

Но не раньше, чем человек осознает, что

Каждой ступени в области познания
Отвечает такая же ступень
Самоотказа;
Воля вещества
Должна уравновеситься любовью.
И магия:
Искусство подчинять
Духовной воле косную природу.

(«Путями Каина»)

Однако в наши дни необходимо вести уже речь о том, как и какие «демоны разрушения и зла» действуют не только во взрывчатых веществах, термоядерном оружии, но и таких «умных», зомбирующих человека машинах, как компьютеры, роботы и так далее, перед которыми человечество становится все более беззащитным.

Позже в «Путями Каина» Волошин развернет картину метаморфоза орудий агрессии и самоистребления Каинова человечества, начиная от кулака до государственной машины уничтожения, которая служит этим «демонам разрушения и зла».

Сегодня эти демоны (уже третий лик Зла – азурические демоны⁶²) не только зомбируют ночные оргии в мегаполисах, но террористов всех мастей, разжигают войну всех против всех, несут с собой, как выражался поэт, «страшные нарушения равновесия сил и морали», тем более что

⁶² См.: Штейнер Р. Происхождение зла и его облик в свете антропософии. СПб., 2000.

общественный строй народов Европы, Америки, не говоря уже о нас, давно на них (этих равновесиях) не покоится.

Отметим здесь и еще один аспект «демонологии» Волошина. Насколько нам известно, он подробно не характеризовал «демонов разрушения и зла», действующих весьма скрытно через узкие, черно-магические, черно-окультиные группы человечества, за кулисами мировой истории, политики и культуры, готовящих катастрофы и приход Князя мира сего во плоти, хотя несомненно кое-что знал о них (см. его стихотворение «Предвестия»).

Пророческое эссе Волошина о демонах разрушения и зла 1908 года незримыми нитями связано также с его лекцией «Жестокость в жизни и ужасы в искусстве», которую поэт прочитает в 1913 году и где он покажет, как эти демоны проникают в жизнь людей и в искусство.

Накануне Первой Мировой войны, за день до ее начала Волошин прибывает в Дорнах. Кармическое, звездное водительство, его Высшее и Истинное «Я» приводит его в центр эзотерического христианства, где он принимает участие в строительстве антропософского центра в Дорнахе – Гётеанума, работая бок о бок с представителями воюющих друг с другом стран Европы, слушает лекции Рудольфа Штейнера, стремится осмыслить катастрофу, постигшую европейское человечество.

Ангел непогоды
Пролил огонь и гром,
Напоив народы
Яростным вином.

Средь земных безлюдий
Тишина гудит
Грохотом орудий,
Топотом копыт.

Преклоняя ухо
В глубь души, внемли,
Как вскипает глухо
Желчь и кровь земли.

(1914)

В 1915 году, переехав уже в свой любимый Париж, он напишет самые глубокие, эзотерические стихи о начале малого апокалипсиса («В эти дни», «Два демона», «Россия», «Пролог», «Армагеддон», «Не ты ли в минуту тоски...», «Усталость»).

В цикле «Два демона» Волошин рисует лики космических демонических существ зла, о которых Рудольф Штейнер много раз рассказывал в своих лекциях, образы которых изобразил в своих драмах-мистериях и скульптурной группе «Представитель человечества». Волошин в своей «религиозно-поэтической науке» творчески изображает их в своем цикле из двух стихотворений:

Два демона

1

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер — небес и поднебесья,
Я гений числ. Я счётчик. Я глава.

Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни — здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я — инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопля. Я в зёрнах мака.
Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака!

2

На дно миров пловцом спустился я —
Мятежный дух, ослушник высшей воли.
Луч радости на семицветность боли
Во мне разложен влагой бытия.

Во мне звучит всех духов лития,
Но семь цветов разъяты в каждой доле
Одной симфонии. Не оттого ли
Отливами горю я, как змея?

Я свят грехом. Я смертью жив. В темнице
Свободен я. Бесси́лием — могуч.
Лишённый крыл, в паренье равен птице.

Клюй, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!
Весь хор светил — един в моей цевнице,
Как в радуге — един распятый луч.

(1915)

Кто же это такие, эти два демона? Человек должен пройти через сонм сомнений и искушений, прежде чем он сможет найти самого себя в своем духовном вечном существе, в своем Высшем «Я». Две духовные силы предстают на этом пути перед его душой. В духовной науке эзотерического христианства они носят имена Люцифера и Аримана.

Люцифер – дух красоты и величия, познания и жара, энтузиазма и гордыни, произвола и эгоизма, дух, соблазняющий человека красотой и величием духовности далекого прошлого и стремящийся оторвать его от земли. Люцифер взывает, в первую очередь, к гордости и амбиции человека, заставляя того думать, что у него нет никаких пределов, подталкивает человека достичь небес, как это выражено в библейской притче о Вавилонской башне, или как это рисуют многочисленные древнегреческие мифы, например, об Икаре, который залетел слишком близко к Солнцу. В то же самое время Люцифер стремится удержать человечество от развития. Он толкает его обратно в его «космическое детство», не давая ему взять на себя ответственность за свою свободу. Люцифер хотел бы, чтобы человечество вернуло свои способности к ясновидению, которыми оно обладало раньше, чтобы оно обратилось к старым религиозным формам, которые опирались на эмоции и бессознательное, к старым философским взглядам, подобным тем, что выражены в философии Древней Индии. И тем не менее именно

Люцифер и направил человечество на его дорогу к свободе, как это выражено в библейской истории о Рае, и в ходе всей истории человека Люцифер преподносил человечеству всевозможные подарки, включая любовь к красоте и искусству. Но Люцифер не хочет, чтобы человек стал по-настоящему сознательным или обрел подлинную самостоятельность.

Другой демон – Ариман, образ которого дан в первом стихотворении, дух лжи и ненависти, холодной логики рассудка, интеллекта, критики и чувства страха, дух смерти, тления, разложения, хаоса, а также дух костенения в самом себе, закабаляющий человека в материю и технику и стремящийся привести его к окончательному забвению своего духовного происхождения.

Ариман сегодня имеет большее значение, чем в прошлом, потому что сознательная душа должна обрести знание земли, которая является царством Аримана в той степени, в какой она материальна. Он – «князь земли». Он беспредельно умен. Зная все о Земле и о том, как использовать это знание, Ариман непрерывно нашептывает человеку эту информацию и все время подсказывает новые «изобретения». В противовес Люциферу, Ариман хочет, чтобы человек развивался с ошеломляющей скоростью, задолго до того, как его эго и моральная природа будут готовы к подобному темпу развития. Ариман внушает человеку, что его будущее уже здесь, что его пределом является небо и что человек может создать земную утопию здесь и сейчас. Ариман хочет сократить путь развития человека с тем, чтобы он никогда не достиг своей настоящей цели, а достиг лишь фальшивой цели наслаждений бесчисленными материальными приобретениями. Ариман хотел бы развить у человека холодный, острый как лезвие бритвы интеллект, способный к пониманию лишь одного аспекта мира, исключая все другие. Ученые, инженеры и изобретатели – все они естественные жертвы Аримана, но и все другие интеллектуалы могут с той же легкостью стать жертвами его лести. Везде, где живут эгоизм и любовь к власти, Ариман проникает очень легко, и очень немногие лидеры человечества могут ему противостоять. Благодаря

власти над ресурсами и изобретениями, которые Ариман открыл людям, они уже обладают силой, способной разрушить Землю и все живое на ней. Божественные силы попытаются любым способом за исключением прямого вмешательства предотвратить такой исход.

Эти две силы, пусть соблазнительные для человека, тем не менее выполняют и позитивные задачи; не от всех их подарков следует отказываться (в особенности, от искусства в случае Люцифера или от науки в случае Аримана). Но подлинный путь человечества лежит посередине между ними, и человек не должен поддаваться ни одному, ни другому.

Таковы два демона, две крайности, живущие в душе человека. Это не аллегорические образы, а реальные духовные существа космического порядка, находящиеся за внешней видимостью, призванные высочайшим прозрением духовно-божественного мира на служение эволюции человечества.

Чтобы развиваться к своему космическому назначению духа Свободы и Любви, человек должен был допустить в свое существо Люцифера и Аримана. И его душа на протяжении тысячелетий и воплощений стала ареной их деятельности.

Но человек призван противопоставить этим двум силам (демонам), третью, величайшую силу – Импульс Христа, принцип любви. Этим высшим началом в себе он способен претворить силы Люцифера и Аримана и уравновесить одного другим; он должен взять лучшее от обоих. Он способен жаром энтузиазма согреть холодную логику рассудка; познанием истины о духе победить заблуждения интеллекта о материи; любовью победить ненависть и эгоизм.

Среди стихотворений 1915 года выделим стихотворение «Россия» как один из уникальных ликов творчества Волошина. Оно – дерзкий, немыслимый вызов всему так называемому «общественному мнению» на Руси того времени, еще более дерзкий, чем его точка зрения на картину Репина «Иван Грозный, убивающий своего сына», – вызов тому угару,

который охватил и вскружил головы многим представителям культурной элиты России в первые месяцы этой войны. Но нет, – для нашего поэта то был не вызов, а естественная позиция:

Россия

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной —
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побеждённой,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветлённой
Всей красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутолённой верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твоё бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твоё.

(1915)

Воистину, как сказал в свое время один великий поэт:

Люблю Отчизну я, но странною любовью...

У нашего поэта любовь, прямо скажем, более чем странная. И хотя он тоже признается в неизбывной любви к России, но тайна-то ее в том, что это любовь поэта-посвященного, то есть воистину ведающего предназначение, миссию, судьбу России, а не любовь, к примеру, Игоря Северянина, Бальмонта или даже Вячеслава Иванова, да и других пиитов. Это связано с тем, как понимал Волошин вражду и «русскую идею», миссию России. Но об этом будет идти речь ниже, так что пусть читатель наберется терпения.

Припомним и еще один не менее вызывающий лик творчества Волошина – Волошина, отказавшегося в силу своих убеждений от военной службы и заявившего об этом своем отказе военному министру.

Мысли, слова, поступки Волошина всегда четко выражали его убеждения, и за свою правду он всегда был готов расплатиться жизнью. При этом его мужество и смелость сочетались с редкой добротой и великодушием. Он никогда не берег себя и не заботился о своем благополучии.

Как ратник ополчения второго разряда весной 1916 года Волошин во время очередного призыва должен был вернуться в Россию. Он не захотел стать дезертиром и эмигрантом и окружным путем вернулся в Россию, чтобы уже никогда не покидать родину. Сохранилось обращение Волошина к военному министру с отказом от военной службы и выражением готовности понести любое возмездие за верность своим убеждениям. Вот этот уникальный в русской, да и во всей европейской культуре документ самосознающей души: «Я отказываюсь быть солдатом, как Европейец, как художник, как поэт: как Европейец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участие в братоубийственной и междоусобной войне <...> Как художник, работа

которого есть созидание форм, я не могу принять участие в деле разрушения форм, и в том числе самой совершенной – храма человеческого тела. Как поэт, я не имею права поднимать меч, раз мне дано Слово, и принимать участие в раздоре, раз мой долг – понимание. Тот, кто убежден, что лучше быть убитым, чем убивать, и что лучше быть побежденным, чем победителем, так как поражение на физическом плане есть победа на духовном, – не может быть солдатом... Один и тот же поступок может быть подвигом для одного и преступлением для другого. Я преклоняюсь перед святостью жертв, гибнущих на войне, и в то же время считаю, что для меня, от которого не скрыт космический, моральный смысл этой войны, участие в ней было бы преступлением».

Волошин не устает повторять ближним: «Это война не национальная, не освободительная... Это борьба нескольких государственно-промышленных осьминогов... Идут на войну и святые, и мученики. Но все это для того, чтобы стать желудочным соком в пищеварении осьминога». «Надо теперь не судить кто прав, кто виноват. А понять, исчислить, анатомировать, расчленив те силы, что составляют войну... Противники слиты в одном объятии. Ее надо одолеть – самую войну, а не противника...» «...Есть у меня враги более важные, чем немцы. Это теперешние орудия разрушения, демоны взрыва, демоны машин, демоны организации».

Волошин не поступился своими самыми высокими идеалами, открыто их провозглашая и в годы гражданской войны, когда силы ада справляли свой шабаш на земле России.

Вспомним, как Волошин с риском для жизни спасал уже в годы гражданской войны десятки людей (как «белых», так и «красных») от расстрела, что волошинские апокалипсические стихи о России в это же время печатают в своих изданиях одновременно как большевики, так и белогвардейцы (те же самые стихи), пытаясь использовать их в своих политических, пропагандистских целях (потом, поняв, что они для этого не годятся, обе стороны их запрещают).

Припомним Волошина, вполне сознательно идущего на сотрудничество с властью, сущность которой он слишком хорошо понимает и не строит себе в отношении ее никаких иллюзий⁶³, но все же идущего на открытое, честное, прямое и творческое сотрудничество с ней в надежде пронизать импульсами любви хотя бы малую частицу того хаоса, из которого в первые же годы революции стал выкристаллизовываться у нас бездуховный, атеистический, материалистический, животный социализм, основанный на классовой ненависти. В противовес ему поэт принимал и рассматривал коммунизм как «моральный императив». Он был убежден в том, что «только тот социальный строй будет благотворен, где каждый работник отдает целиком плоды своего труда, а сам получает все нужное не от тех, кому он отдал» («Заметки», 1917 г.), что полученное надо отдавать «другому и другой монетой», что «всякая заработная плата, долг, благодарность – глубоко безнравственны. Надо уметь давать милостыню, надо уметь принимать ее». В этом весь секрет устройства общества и все противоядие эгоизму, жадности и торговле. В этом Волошин усматривал «основу социальной жизни, коммунизма». Поэтому в 30-м году он подчеркнет: «Коммунизм мною принят не как политическая директива, а как моральный императив». (Что ж, пожелаем молодым проницательным читателям дожить до подобного, похожего социального устройства, ибо ведь все остальные ведут в рабство, ведут к социальному устройству... Большого Брата (см. роман Оруэлла «1984»). Да, да, кроме шуток, драгоценный читатель! И кто знает, может быть, Вы сами в этом еще сможете убедиться воочию?!)

А вот еще один удивительный лик творчества нашего поэта. В 1918 году он пишет стихотворение «Видение Иезекииля». В основе видения – идея

⁶³ В 1920 г. в эссе «Русская бездна» он вскроет самую суть новой власти: «Главная сила большевизма в неотразимой силе его пропаганды. Он побеждает не силой логики и мускулов, а чем-то вроде японских приемов джиу-джитсу... Большевики в совершенстве изучили все болючие сухожилия человеческого мозга и прекрасно знают все центры жадности, стяжательства, эгоизма, которые достаточно придавить, чтобы сразу и безошибочно овладеть психологией пациента.

Успеху большевистской пропаганды способствует единообразное оболванивание ума в гранитной мастерской европейской культуры, так успешно двинувшееся за 2-ю половину XIX века».

кары, постигшей народ Израиля за вероотступничество и идолопоклонство. В своем предисловии к стихотворению Волошин писал: «Не та же ли ревнивая любовь Господа проявляется и в судьбах России – поруганной, обиженной и кинутой на позор перед всеми народами» (не напоминает ли эта ситуация нашему драгоценному читателю что-то слишком ему знакомое – ведь чем-чем, а «любовью Господа» мы никогда не были обижены, только вот ее понимания нам недостает).

Вспомним, что Волошину Калинин в 1923 году подписывает охранную грамоту, призванную охранять его дом в Коктебеле от конфискации, что по личному указанию Ленина в 1921 году ему выделяется академический паек, как выдающемуся представителю русской творческой интеллигенции, которую новая власть пытается перетянуть на свою сторону. Тут кстати вспомнить, что Волошин, который, имея возможность эмигрировать в начале гражданской войны, отклоняет все настоятельные просьбы своих друзей, уже перебравшихся за границу, уехать из России и остается со своим народом в одном из самых кровавых, адских эпицентров гражданской войны (его Коктебель в 15 км от этого самого центра, от Феодосии). Позже он вторично отклоняет настоятельное предложение об эмиграции, исходящее на сей раз уже со стороны представителя советской власти.

Припомним, как Волошин по приглашению Луначарского в 1924 году читает в Кремле, вызывая аплодисменты некоторых членов советского правительства, свои пророческие, провиденциальные, апокалиптические стихи о России, революции и гражданской войне, страшные, вдохновенные, магические стихи, инспирированные, кажется, самой душой истерзанного, одержимого бесами народа. И все сходит ему с рук. С. К. Маковский писал в своих воспоминаниях: «Если бывают чудеса, то это одно из них... Очевидно, неистовому Максиму "мятеж" сходил с рук, потому что кремлевские владыки не считались с ним, прощали ему вдохновенные выпады как никому не опасное и в общем мало вразумительное чудачество». В. Ф. Ходасевич считал, что большевики пощадили Волошина только потому, что не

принимали его всерьез, видели в нем площадного юродивого. Но ведь в России, как хорошо известно читателю, только юродивым и давалось право говорить правду. После революции Волошин прожил еще пятнадцать мучительных лет. Это было медленное умирание – от безмерных унижений, безнадежности, замалчивания, травли, нищеты, болезней. Жил он все годы в невероятной нужде, а после пятидесяти начал быстро глохнуть и слепнуть.

И все это тот же самый Волошин, который открыто в устной и печатной форме провозглашает свой идеал, не разменянный им ни на гарантии собственной безопасности, ни на чечевичную похлебку ленинского пайка, ни на славу среди власть предержащих:

«Мой единственный идеал – это Град Божий. Но он находится не только за гранью политики и социологии, но даже за гранью времен. Путь к нему – вся крестная, страстная история человечества.

Я не могу иметь политических идеалов потому, что они всегда стремятся к невозможному земному благополучию и комфорту. Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего его исторической, всечеловеческой миссии. И заранее знаю, что это путь страдания и мученичества. Что мне до того, будет ли он вести через монархию, социалистический строй или капитализм – все это только различные виды пламени, проходя через которые перегорает и очищается человеческий дух.

Я равно приветствую и революцию, и реакцию, и коммунизм, и самодержавие, так же как епископ Турский Святой Лу приветствовал Атиллу: "Да будет благословен твой приход, Бич Бога, которому я служу". Я могу быть только глубоко благодарен судьбе, которая удостоила меня жить, мыслить и писать в эти страшные времена, нами переживаемые.

А над моей размыканной и окровавленной родиной я могу произнести только одну молитву: это – "Заклятие о Русской Земле"».

С высоты такого Идеала, такого «Неба», с высоты своего Истинного «Я», на пути своего посвящения поэт обретает действенное бесстрашие,

невозмутимость с полным пониманием, отрешенность, некую надмирность («Близкий всем, всему чужой») уже в условиях разверзшейся «русской бездны». Припомним еще раз ключевые для понимания индивидуальности поэта строки из «Звездной короны»:

И бродит он в пыли земных дорог —
Отступник жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущеньи клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена.

.....

Кому ясны идущих дней предтечи,

.....

Кто бремя дум, как плащ, принял на плечи...

Это на одном полюсе. Но нераздельным и неслиянным с этим полюсом мощно проявляется другой полюс – импульс духа Десятой иерархии (как будто «себя забывший бог» вдруг вспомнил и себя частично, на самую малость, реализовал из невообразимо далекого будущего) – импульс духа Свободы и Любви: действенная, конкретная любовь, и помощь, и молитва за палачей, и попытка через свою поэзию раскрыть глубинный смысл происходящего даже главарям бесов, засевшим в Кремле, помощь ближним, над кем нависла беда, а после окончания гражданской войны – вновь попытка творить вокруг себя Космос Свободы и Любви: феномен Дома Поэта – и, одновременно, ежеминутная готовность разделить судьбу, карму своего народа, его лучших представителей.

Готовность

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?

Апокалиптическому Зверю

Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде — верю!

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало:
Господи! Вот плоть моя».⁶⁴

(1921)

Еще в 1921 году, заглянув в глаза Вию русской революции, умирает от ее удушающей атмосферы (да и от сознания своей собственной духовной катастрофы) Блок. Расстрелян Гумилев. Волошин готов к своей Голгофе. Смысл эпохи открывается поэту эсхатологически: каждый из нас (в то или иное воплощение), чтобы воскреснуть в будущем в нетленном теле должен пройти сознательно свою Голгофу – смерть и воскресение.

С каждым днем все диче и все глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.
Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.
Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца – Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь, –
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекнусь.

⁶⁴ Поэтому эта позиция ничего общего не имеет с роменроллановской плоской, интеллигентско-гуманистической позицией «над схваткой», как хотели уверить нас советские критики, которым под стать было заниматься творчеством Демьяна Бедного, Маяковского, Серафимовича или Гладкова.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

Не от этой ли убежденности и готовности взойти на свою Голгофу и неуязвимость поэта в центре апокалиптического, адского циклона гражданской войны, неуязвимость – от непрерывных духовных усилий на пути Посвящения, от стояния на молитве за «белых» и «красных», за палачей, за весь многострадальный народ России, стояние внутри некой невидимой врагам, духовной вертикали, когда само «Небо» поэта, его Истинное «Я», где, как говорил апостол Павел, «не я, но Христос во мне» уже живет и творит в мыслях, чувствах и в воле (деяниях).

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других...

В эссе о Верхарне (1921 г.) поэт сформулирует это еще и так: «Когда происходит битва на земле, надо, чтобы кто-то стоял в своей келье на коленях и молился за всех враждующих: и за врагов, и за братьев. В эпохи всеобщего ожесточения и вражды надо, чтобы оставались те, кто может противиться чувству мести и ненависти и заклинать благословением обезумевшую действительность. В этом религиозный долг, в этом Дхарма поэта».

И есть в религиозно-поэтической науке поэта свидетельство, на пути каких мук и испытаний окреп его дух к началу гражданской войны:

Столетия нового четырнадцати лев
Взошел рыкающий и кинулся на землю
И солнце налилось багровой дымной кровью,
И все народы мира, охваченные страстью,
Сплелись в объятии смертельном и любовном,
Мир сдвинулся и разум утратил равновесье,
Мой дух был опрокинут в кромешной тьме.
И так висящий в беспредельном мраке

Сам внутри себя, лишенный указаний
И не зная в темноте, где верх, где низ,
Я как слепец с простертыми руками
И ощупью найти опору в самом себе
Хочу.

(1919)

И поэт находит опору в самом себе. И это стало возможным потому, что поэт с честью и с блеском (если так возможно сказать) выдержал три известных в оккультизме испытания на пути своего посвящения и выдержал встречу со стражами Порога (малым и Великим) духовного мира. Можно сказать, что сама обезумевшая русская действительность тех лет и стала для нашего поэта испытаниями, путем посвящения и малым стражем Порога духовного мира. Чтобы не быть голословными, заглянем в главу «Посвящение» книги Рудольфа Штейнера «Как достигнуть познания высших миров» (за последние десять лет она издавалась у нас тиражом в десятки тысяч экземпляров, так что инициативный и заинтересованный читатель, которому еще не приходилось открывать эту книгу – в интернете она тоже существует – всегда может при желании заглянуть в нее).

Эти три испытания в оккультизме носят названия – испытания «огнем», «водой» и «воздухом». В этой главе мы читаем (и это имеет самое прямое отношение к пути посвящения Волошина!):

«Для некоторых людей уже сама жизнь является более или менее бессознательным процессом посвящения через испытание огнем. Это люди, которые проходят через богатый опыт, вызывающий в них *здоровый рост* доверия к самим себе, мужества и стойкости, так что они научились с душевным величием и, особенно, со спокойствием и непоколебимой силой переносить страдания, разочарования и неудачи в своих начинаниях. Кто прошел через такого рода опыт, тот нередко, сам того отчетливо не сознавая, бывает уже посвященным; и тогда недостает лишь немногого, чтобы открыть ему его духовные уши и очи, сделать его ясновидящим...»

Второе испытание – «испытание водой»:

«Посвященный должен совершить некое действие, опираясь на восприятия, полученные им на основании знаний, приобретенных на ступени приготовления и просветления... Если он распознает свою обязанность и поступит верно – тогда он выдержал испытание... Это испытание называется "испытание водой", потому что для деятельности в этих высших областях человеку недостает опоры во внешних обстоятельствах, подобно тому как теряется чувство опоры в воде, когда дно уходит из-под ног. Процесс этот должен повторяться до тех пор, пока испытуемый не приобретет полной уверенности в своих действиях...

На этой ступени посвящения для человека особенно важно обладать следующим качеством: абсолютно здоровой и уверенной способностью суждения... Он может идти дальше только в том случае, если он умеет отличать иллюзии, пустые образы фантазии, суеверия и всяческие призраки от истинной действительности... Здесь должны исчезнуть все предрассудки, все излюбленные мнения относительно вещей, с которыми имеешь дело, и одна только истина должна быть путеводной нитью...

Если испытуемый достаточно продвинут в этом отношении, тогда его ждет третье испытание – "испытание воздухом..." Он должен совершенно один, полагаясь на самого себя, найти свой путь. Нет никого и ничего, что побуждало бы его к действию. Ничто и никто, кроме него самого, не может дать ему теперь ту силу, в которой он нуждается... Все, что для этого необходимо, заключается в умении быстро справляться с самим собой, ибо здесь надлежит найти свое Высшее "Я" в истинном смысле этого слова. Нужно суметь быстро принять решение, прислушиваясь во всем к велениям духа. Здесь уже нет времени для каких-либо раздумий, сомнений и т.д. Каждая минута колебания лишь доказала бы, что человек еще недостаточно зрел. Надо мужественно преодолевать то, что мешает внимать духу. Необходимо проявить в этом положении *присутствие духа*. Это и есть то качество, совершенное развитие которого является необходимым условием

на этой ступени развития... Только в себе самом человек может найти единственную точку опоры, за которую он может держаться...

Кто готов к незамедлительному вмешательству при виде грозящего несчастья, между тем как несколько мгновений промедления уже дали бы разразиться беде, и кто превратил эту способность к быстрому принятию решений в свое постоянное качество, тот бессознательно созрел для третьего "испытания"... В оккультных школах это испытание носит название "испытание воздухом", ибо проходя его, испытуемый не может опереться ни на твердую почву внешних побуждений, ни на приобретенное им во время приготовления и просветления...; здесь он может положиться исключительно на самого себя».

Теперь нам, может быть, станет до некоторой степени понятным, почему наш поэт все-таки – и это смеем утверждать в противовес его биографу В. П. Купченко – был, так сказать, «застрахован» от репрессий (но, естественно, не от угроз и нападок) не только в годы гражданской войны, но и до конца своих дней. Ведь он абсолютно осознанно (как самосознающая душа, инспирированная своим Истинным «Я») выполнял свою высокую миссию. Биограф поэта следующим образом излагает один из самых драматических, невероятных, более того, уже ставший легендой, эпизодов противостояния Волошина силам ада (дело происходило в Феодосии в конце 1920 г.):

«В доме Айвазовского, где Максимилиан Александрович тогда жил, размещалась Чрезвычайная комиссия третьей дивизии. Поэт был слишком заметной личностью, чтобы не обратить на себя внимание председателя ЧК. Знакомство состоялось – и Волошин покорила комиссара. Настолько – что тот предложил поэту просматривать списки осужденных и вычеркивать тех, за кого он может поручиться: по одному из каждой партии. Разумеется, Максимилиан Александрович принял это предложение – хотя можно представить, как тяжел был такой выбор. Самое же пикантное, что в первом списке Волошин увидел собственную фамилию!

Судя по всему, именно этот чекист был запечатлен Волошиным в его черновых записях: "Палач – джентльмен. Очень вежливый. Все делает собственноручно, без помощников. Если пациент протестует, он отвечает: "Простите, товарищ, мне некогда. Будьте добры, разденьтесь и лягте. Я вас сперва разменяю, а потом вы будете разговаривать..." Сам обходит лежащих носом в землю со связанными на спине руками, и каждому аккуратно пускает пулю в затылок... Иногда напивался и говорил сестре милосердия: "Ох, лезут, лезут, сестрица, лезут из-под земли".

Слухи об этом неправдоподобном договоре просочились – и впоследствии стали легендой. Роман Гуль, ссылаясь на волошинское письмо 1923 года к Яценко, утверждал, что в доме поэта поселился сам Бела Кун, позволивший вычеркивать из проскрипционных списков каждого десятого. Мария Авинова, слышавшая рассказ Волошина о терроре еще позже, в 1924 году, вспоминала только, что это был комиссар, присланный из Москвы "для ликвидации остатков белой армии", и что он однажды "уступил" поэту двести человек из тысячи осужденных...»⁶⁵

В письме к А. В. Гольштейн (политэмигрантка, писательница, хозяйка салона в Париже) поэт так рассказывал о пережитом и о тайне его воздействия на души палачей: «Мы были свободны от давящего и однообразного ужаса большевистского режима, какой господствует на севере, но зато мы испытали все прелести гражданской войны со всем ее разнообразием. Жестокости расправ с обеих сторон превосходят всякое вероятие и совершаются походя, как самая обычная вещь... В то же время и воображение, и сердце каким-то образом приспособляются, притупляются, а линия индивидуальной судьбы так гнется, что проходишь безопасно и невредимо сквозь тесный строй опасностей». И далее в этом же письме поэт описывает, собственно говоря, свой уникальный опыт прохождения через

⁶⁵ Купченко В. П. Жизнь Максимилиана Волошина. Документальное повествование. СПб., 2000. С. 239.

малого стража Порога духовного мира на своем пути посвящения (см. главу «Страж Порога» в книге «Как достигнуть познания высших миров»).

На Руси этот «малый страж Порога», двойник народной души, как сверхчувственное существо на астральном плане явлен (мы уже упоминали об этом) воочию как кошмар – не только на духовном, но и на физическом плане! Это и есть прохождение целого народа через ситуации смертельного риска, через встречи человека с одержимыми разными демонами людьми, дабы человек мог, встретившись лицом к лицу со злом начать его прорабатывать, претворять его в добро. Поэт свободно и уверенно подходит «к большевику и к монархисту, к матросу и к генералу» и делает из этих встреч весьма эзотерический (то есть парадоксальный для непосвященного) вывод: «...Чем человек более жесток и более обогрел кровью, тем легче с ним иметь дело, если подходишь к нему без злобы, без страха и без осуждения. Проливаемая кровь смягчает волю, делает ее пластичной, как воск, подчиняющейся чужой воле почти как под наркозом. Я это проверил многократно в разных столкновениях с самыми страшными начальниками Контрразведок и Чрезвычайек, когда приходилось отстаивать чужие жизни».

И тут хотелось бы напомнить драгоценному читателю одно совершенно очаровательное, восхитительное признание поэта: «Ко мне все сменяющиеся режимы относились очень хорошо в лице центральной власти – и скверно в лице местных, но они почему-то не решались ничего сделать, – писал поэт в письме к Я. Глотову в конце октября 1919 года. – Я же, относясь ко всем партиям с глубоким снисхождением, как к отдельным видам коллективного безумия, ни к одной из них не питаю враждебности: человек мне важнее его убеждений... Развертывающаяся историческая трагедия меня глубоко захватывает, и я благодарю судьбу, которая удостоила меня чести жить в такую эпоху». (Неужели тут наш драгоценный читатель не почувствовал нечто родное и знакомое, не почувствовал, так сказать, здесь и теперь «глубокого снисхождения» уже к современным многочисленным видам «коллективного безумия», которым его дурачат разные кукловоды в наши

дни?! О, тогда воистину никаких уроков не способны извлекать наши еще недавние властители дум, а нынче просто интеллектуалы из мыслей и опыта великих мудрецов своей культуры. Но зато вот они оказались способными обезьянничать, навязывая своему еще совсем юному народу такие «общечеловеческие ценности», как монетаризм и парламентаризм. Но монетаризм кончается (он уже на последнем издыхании!), и, как отмечал еще гениальный Освальд Шпенглер в финале «Заката Европы», кончается цезаризмом (то есть опять-таки не очень-то и светлым будущим). А парламентаризм на Руси?.. О, наш поэт выражался о нем недвусмысленно и совсем недемократично – ну ни одной нормальной, «общечеловеческой» мысли у него не встретишь, и все-то они у него не как у добрых, демократических людей! Вот открываем его статью «Пути России» и читаем:

«Настоящие государственные деятели никогда не выбираются, а приходят явочным порядком, а затем уже утверждаются или не утверждаются народом у власти.

К числу идеалистических и очень вредных предрассудков русской интеллигенции принадлежит ее вера в парламентаризм и в хорошую систему выборов. Не надо забывать, что парламентаризм – это чисто национальное явление, присущее только англо-саксонской расе. Для того чтобы он мог процветать, необходимо, чтобы каждый гражданин был малым, но сознательным отражением всего государственного строя своей страны целиком. Каждый англичанин – это микрокосм Англии. Уже примененный к континентальным государствам парламентский строй не представляет никакой прелести. Система политических выборов является сложным отбором, в котором выживает наименее стыдливый, наинаглестый, наиадвокатнейший. Народным избранником является тот, кто сумел убедительнее надавать несбыточных обещаний и лучше оклеветать своего противника, потому что иных признаков для предпочтения избираемого вообще нет. Никому не следует верить на слово, особенно в области политики: всегда все следует предварительно испытать самому, а потом уже

выбирать для себя наиболее подходящее. Вся наша революция имеет для нас ценность только как приобретение исторического опыта, которого нам не хватало».

Более того, еще весной 1922 года наш поэт слагает пророческие стихи о нашей защите и опоре – о нашем драгоценном государстве – именно о российском государстве наших дней. Дамы, господа, товарищи, вы только вчитайтесь в них, пожалуйста. Что же это получается?! Ведь это не карикатура, да уже и не пророчество, а так сказать, вполне добротный «критический реализм», который все никак не может устареть в наш век постмодернизма.

Фиск есть грабёж, а собственность есть кража,
Затем, что кража есть
Единственная форма
Законного приобретенья.
Государство
Имеет монополию
На производство
Фальшивых денег.
Профиль на монете
И на кредитном знаке герб страны
Есть то же самое, что отгиск пальцев
На антропометрической листке:
Расписка в преступленьи.
Только руки
Грабителей достаточно глубоки,
Чтоб удержать награбленное.
Воры,
Бандиты и разбойники — одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

* * *

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного —
Единственный критерий

Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступлению.
Поэтому парламентским вождём
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное —
Ей надо
Людей практических,
Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трёх сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.

* * *

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.
Она готовится
Из грязного белья
Под бдительным надзором государства
На все потребности
И вкусы и мозги.
Её обычно сервируют к кофе
Оттиснутой на свежие листы,
Её глотают наскоро в трамваях,
И каждый сделавший укол с утра
На целый день имеет убежденья
И политические взгляды:
Может спорить,
Шуметь в собраниях и голосовать.
Из государственных мануфактур,
Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, спички и табак, —
Из патентованных наркотиков
Газета

Есть самый сильнодействующий яд,
Дающий наибольшие доходы.⁶⁶

* * *

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами,
В чём,
По существу, нет разницы.
Но каждый
Дорвавшийся до власти сознаёт
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.
Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
Активом террора
Покрыть пассив убийц.
Так революция,
Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гаротты
Сжимает туже шейные хрящи.
Благонадёжность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор —
Вот достижения
И гений революций!

(1922)

И тут уже не поможет кричать «караул», чем занимается, например, небезызвестный читателям Караулов на телевидении, развлекая любителей... ужасов, то есть, того, что и происходит на Руси, — тут ведь и должно

⁶⁶ Со времен Волошина к газетам прибавились телевидение, реклама, секты, иллюстрированные модные журналы, компьютерные игры, интернет и, наконец, натуральные наркотики.

твориться то, что обрисовал нам поэт в своих чеканных стихах, с которыми читатель только теперь ознакомился. («Сон в летнюю ночь» столетиями длится на Руси как «в верхах», так и «в низах» при любых катастрофах). И еще более актуально, чем сто двадцать лет назад, звучит в наши дни страшный, и, кажется, теперь на веки вечные – вопрос выдающегося (а может быть, и гениального) русского драматурга и мыслителя А. В. Сухово-Кобылина: «Богом, правдой и совестью оставленная Россия – куда идешь ты – в сопутствии своих воров, грабителей, негодяев, скотов и бездельников?» Конечно же, при этом всплывают и вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», но, к сожалению, почти никогда не всплывает в более или менее мыслящих «загадочных душах» вопрос: «Ну, а как же все-таки устроены человек и мир на самом деле, а не согласно университетским учебникам, трудам профессоров и академиков?»

И разве удовлетворительны ответы на этот вопрос материалистических наук, современной философии или богословия? Духовная, душевная, антропологическая катастрофа, происходящая с самим человеком, говорит нам о том, что эти ответы, мягко выражаясь, – не в Духе времени... Впрочем, выход из нашей нынешней ситуации на Руси наш поэт предлагает, хотя и ошеломляющий, но совсем не устаревший и не такой уж утопический и парадоксальный, как может показаться на первый взгляд:

Ни преступление, ни творчество, ни труд
Не могут быть оплачены: оплата
Труда бессмысленна: лишь подаянье
Есть мзда, достойная творца.
Как дерево — созревшие плоды
Роняйте на землю
И простирайте ветви
За милостыней света и дождя.
Дано и отдано?
Подарено и взято?
Всё погашается возвратом?
Торгаши!
Вы выдумали благодарность, чтобы
Поймать в зародыше

И удушить добро?
Не отдавайте давшему.
Отдайте иному,
Чтоб тот отдал другим:
Тогда даянье, брошенное в море,
Взволнует души, ширясь, как волна.
Вы боретесь за собственность?
Но кто же
Принадлежит кому?
Владельцу вещь?
Иль вещи помыкают человеком?
То собственность,
Что можно подарить;
Вы отдали: и этим вы богаты,
Но вы рабы всего, что жаль отдать.

Если это еще как-то можно выдержать и воспринять у поэта (поэты ведь всегда народ со странностями и разными отклонениями от нормы, так что им еще не то простительно бывает), то вот ведь дальше в поэме «Бунтовщик» (из цикла «Путями Каина») заключительная, весьма скандальная главка имеется. Как с нею-то быть? Вот она:

С собою мы уносим только то,
От обладанья чем мы отказались.
Неужто вы останетесь хранить
Железный хлам угрюмых привидений?
Вы были слизью в лоне океана
И унесли его в своей крови,
Вы отреклись от солнечного света,
Чтоб затеплить во тьме пещер огонь.
Распады утомлённых равновесий
Истратили на судоргу машин,
В едином миге яростного взрыва
Вы источили вечности огня:
Вы поняли сплетенья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены, как мина,
Заряженная в недрах вещества!
Вы — пламя, замурованное в безднах,
Вы — факел, кинутый
В пороховой подвал!
Самовзрыватель, будь же динамитом!

Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней, размах! отжившую планету
Швырните бомбой в звёздные миры!
Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадётся мёрзлая земля?
И в сонмах солнц не вспыхнет новым солнцем —
Косматым сердцем Млечного Пути?

(1923)

Как, драгоценный читатель? Спишем эти стихи по ведомству скоморохов, ведь это же все-таки призывы лирического героя поэмы? А может быть, устроим посмертный уголовный процесс над поэтом (ну, хотя бы в том же Гаагском трибунале по защите демократических ценностей и прав человека) как над первым террористом уже не Европы, а всего мира, более того, – космическим террористом, преступником, пострашнее всяких милошевичей и бенладенов? И разве эти стихи не есть самое неотразимое доказательство грандиозно-преступных намерений, так сказать, лирического «я» поэта?! Или задумаемся, что же хотел сказать этим поэт (разве он не главный бунтовщик и не нарушитель всех порядков при любых режимах?!). Воля ваша, драгоценный читатель. А наша – пока просто рассказывать, сочинять басни про разные лики творчества нашего поэта...

Вот можно здесь напомнить проницательному читателю, например, в чем же этот бунтовщик и «террорист» видел единство России в то времечко, когда это единство даже в ясновиденьи трудно было узреть... А вот наш поэт – узрел! И он уже видит спасение страны и народа, например, в том, чтобы к власти пришел знаменитый и очень талантливый его друг – террорист, очень им уважаемый Борис Савинков (автор апокалиптического романа «Конь блед»). Вот отрывок из письма поэта к своему новому другу: «Я отнюдь не нейтрален, но стремлюсь занять ту синтетическую точку зрения, с которой борьба всех, в настоящую минуту противопоставленных сил, представляется истинным единством России и русского духа».

Право, совсем уж необычайный взгляд на единство России, взгляд, можно сказать, (да простит нас совсем уж пронизательный читатель за злоупотребление этим словечком) – посвященного (тут уж ничего не поделаешь: мы ведь ведем речь не о Демьяне Бедном!).

Позже, в 1925 году Волошин писал: «Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали: я их ожидал давно и в формах еще более жестоких. Напротив, я почувствовал себя приспособленным к условиям революционного бытия и действия... Из самых глубоких кругов преисподней террора и голода я вынес свою веру в человека».

Из самых глубоких кругов преисподней поэт вынес веру не только в человека, но и веру в «праведную Русь»:

Заклинание

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращённых в прах,
Из мук казнённых поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за неё за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Её куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

(1920)

«Заклинание» написано поэтом, когда закончилась лишь пятая часть XX века. «Моститься на костях» в XX веке Русь еще только начинала! Еще впереди назревал «цезаризм» «вождя всех времен и народов»; впереди были коллективизация (уничтожение крестьянства), индустриализация «на костях», ГУЛАГ, Отечественная война, снова ГУЛАГ; еще впереди была

эпоха загнивания ариманического социализма и «демократический» переворот бюрократов и предателей «пятой колонны» и нуворишей (1991 г.), еще впереди первый кровавый бой (1993 г.) с властью бюрократии и олигархов – первый бой грядущей гражданской войны и разворот последствий социально-психологического Чернобыля на Руси. Такие вот «виды пламени», по выражению поэта, нам предстояло еще пройти. И снова, как замечал поэт, «новизны рыгают стариною», правда, уже в несколько ином контексте. И тут наш «проницательный» читатель, даже и не будучи Нострадамусом, мог бы при желании выявить для себя ритмы нашего... топтания на заколдованном месте, а точнее, прохождения всех этапов, через которые мы рвались к «светлому будущему», но в обратном порядке и устремления к точке бифуркации – к ростани дорог, где мы выбрали (или нас заставили!), мягко выражаясь, тупиковый путь. Это мы все к тому клоним, что поэт наш по совместительству, так сказать, оказался и еще окажется в главном непревзойденным пророком. Так что поговорка о пророке, которого нет в своем отечестве, – уже неверна. Он у нас есть, да еще какой! Другое дело, что его затруднительно понимать.⁶⁷

Припомним: Волошин – глубокий знаток русской культуры и истории, в том числе истории русской святости (см. три его поэмы о русских святых: «Протопоп Аввакум», «Сказание об иноке Епифании» и «Святой Серафим»). Он же глубокий знаток русской религиозной философии и русской классической литературы XIX века, творчески воспринявший и развивший их заветы, в особенности Владимира Соловьева и Достоевского, раскрывший глубинный эзотерический смысл «русской идеи» (см. стихотворения «Русская революция», «Европа», «Родина», «Северо-восток», «Благословение», «Русь гулящая», «Китеж», поэмы «Россия» и «Святой Серафим»).

⁶⁷ По этому поводу см. статью: Зорин А. Пророк в своем отечестве // Волошин М. Пути России. М., 1992.

А вот еще один лик его творчества. Волошин – дерзнувший после Первой Мировой войны, революции и гражданской войны в России на переоценку ценностей всей мировой цивилизации, всей ее истории, всей картины Космоса, сложившейся в мировой науке к началу XX века, в своем цикле поэм «Путями Каина» (1923–1926 гг.), написанных белым стихом. Уточним: не на ницшеанско-шпенглеровскую переоценку ценностей, а на апокалипсическую переоценку в истинном значении этого слова, то есть в смысле христианского гнозиса. В этом цикле поэм, в поэме «Космос» Волошин разворачивает смену космологических представлений основных культурных эпох (портреты, лики культур вплоть до научной космологии XX века с ее заикленностью на атомистическом восприятии материи). Волошин раскрывает, как разум человека на путях преображения и завоевания внешнего мира, на «путях Каина», стал «творчеством навыворот» и привел к «трагедии материальной культуры». Этот разум «преобразил весь мир, но не себя, – ...и стал рабом своих же гнусных тварей». Можно сказать, что поэт блестяще изображает тупик базаровских наук в своей религиозно-поэтической науке! Проблемы становления человеческой свободы, прохождения между двумя ликами зла (Люцифером и Ариманом) и преобразования зла в добро, проблемы вины, искупления и преображения человеческого малого «я» в Истинное «Я» представлены в этом цикле поэм как проблемы космической эволюции в определенных ритмах. Подбирая ключи к тайнам природы, зверски ее насилуя, человек в новое время выпустил на свободу ариманических демонов, сдерживающих материю от распада – могущественные «воли», которые и подчинили своим целям самого человека, его цивилизацию. Необратимыми оказались последствия изобретения пороха, паровой машины, электричества. «Овладевши сознанием и страстями человека», каждый из этих демонов стал диктовать человеку свою волю, воплотившись в тела соответствующих машин.

Людам, считает Волошин, необходимо «в самих себе смирить и побороть гнев, жадность, своеволие, безразличье».

Но люди неразумны. Потому
Законы жизни вписаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях истребления и машинах.

Апокалипсис поэт видит не просто как конец мира в адских мучениях, бессмысленную неудачу истории, но именно как сверт истории на физическом плане, как ее метаморфоз, то есть прохождение ее плодов, результатов через пралайю и возрождение их на более одухотворенном уровне бытия, как выход человека на гораздо более духовный уровень эволюции (Воскресение, Новая Земля и Новое Небо) без утраты индивидуального самосознания (см. последнюю главу «Суд»), приобретенного им на «путях Каина», то есть на своем крестном пути на Голгофу... Таковы центральные мотивы цикла «Путями Каина».

Еще важнейший, интереснейший лик творчества нашего поэта. Волошин – ученый: геолог, ботаник, краевед, конкретными и точными познаниями которого в этих областях изумлялись и с ним считались прибывшие в его края после гражданской войны специалисты. В то же время сам Волошин не был удовлетворен состоянием известных ему наук, размышляет о возможностях возникновения художественной геологии, метеорологии, ботаники, зоологии, о художественной социологии (вот они – импульсы к возникновению «религиозно-поэтической науки» нашего поэта!), может быть, не ведая, что в эти годы (в первую половину 20-х годов) великий посвященный эзотерического христианства Рудольф Штейнер читает циклы лекций по конкретным наукам и искусствам, давая импульсы к их одухотворению, к их эзотерическому освещению и новому развитию.

Еще один из многочисленных ликов Волошина: астроном и астрософ, искушенный в тайнах звездного неба, в деяниях духов созвездий и планет; он же врачеватель телесных и душевных недугов, знаток оккультной физиологии человека (см. выше его стихотворение «Заклинание»: «Закрой глаза и разум угаси...»).

Но не только в тайнах звездного неба и оккультизме искушен был наш поэт. И. Березарк вспоминает: «Макс был очень популярен среди местных крестьян не как поэт или художник, а как человек, замечательно знающий свой край, в том числе, его сельское хозяйство. Он давал очень ценные советы по этим вопросам. Я просто поражался, как он знал свою Киммерию, каждый ручеек, каждое деревцо. Это был замечательный краевед. Кстати сказать, в начале 20-х годов вышел в Крыму путеводитель, где отдел Восточного Крыма написал Волошин.

У него были необычайные хозяйственные познания. В частности, он научил коктебельских крестьян делать маленькие ручные домашние мельницы (якобы по античному образцу). Такие домашние мельницы были во всех крестьянских дворах Коктебеля и, кажется, в соседних селениях.

Он был человеком огромных знаний. Впоследствии по его указаниям производились не только археологические раскопки, но и горные разработки. В смысле знания природы, сельского хозяйства родного края он не имел себе равных среди поэтов своего поколения».

Дальше углубляясь в многообразие ликов нашего поэта, обнаруживаем: он же – знаток воздушных течений в районе Коктебеля и активно сотрудничает с первыми советскими летчиками-планеристами, вдохновляет их (среди них будущий генеральный конструктор советских космических ракет Сергей Королев, в конце 20-х годов приобщившийся к уникальной атмосфере Дома Поэта, к импульсам, исходящим от поэта, в непосредственных беседах с ним).

И здесь мы уже подходим к теме: Волошин-теург, одухотворитель душ и один из самых интересных собеседников XX века, гений творческого общения. Биограф поэта В. П. Купченко зафиксировал в своей картотеке, кажется, около полутора тысяч знакомых и друзей поэта, в числе которых многие и многие десятки самых выдающихся деятелей искусства, литературы, науки, философии Европы и России его времени. Среди них можно назвать следующие имена: И. Ф. Анненский, Вяч. Иванов, М. И.

Цветаева, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, А. Ремизов, И. А. Бунин, А. М. Горький, А. Н. Толстой, Н. А. Бердяев, Андрей Белый, К. Д. Бальмонт, В. Брюсов, К. Ф. Богаевский, А. Н. Бенуа, В. И. Суриков, М. Сарьян, А. Блок, Э. Верхарн, Д. Ривера, Рудольф Штейнер и множество других известных деятелей культуры.

Андрей Белый во второй книге своих мемуаров «Начало века» оставил такой отзыв о раннем Волошине:

«Здесь должен сказать: я зарисовываю не "мудреца" коктебельского, Волошина: с опытом жизни, своей сединой пропудренного, а Волошина – юношу...

Его явления, исчезновения всегда внезапные сопровождают в годах меня; нет – покажется странным, что был, что входил во все тонкости наших кружков, рассуждая, читая, миря, дебатирюя, быстро осваиваясь с деликатнейшими ситуациями, создававшимися без него, находя из них выход, являясь советчиком и конфидентом; в Москве был москвич, парижанин – в Париже.

"Свой" многим!

Он – сама борода, доброта, – умел мягко с достоинством сглаживать противоречия; ловко парируя чуждые мнения, вежливо противопоставлял им свое: проходил через строй чужих мнений собою самим, не толкаясь...

Везде выступая, он точно учил всем утонченным стилем своей полемики, полный готовности – выслушать, вобрать, впитать, без полемики переварить; и потом уже дать резолюцию, преподнеся ее, точно на блюде, как повар, с приправой цитат – анархических и декадентских: не дерзко; где переострились углы, он всем видом своим заявлял, что проездом. Что зритель он: весьма интересной литературной борьбы; что при всем уважении к Брюсову, с ним не согласен он в том-то и том-то, хотя он согласен в том, в этом; такой добродушный и искренний жест – примирял; дерзость скромная – не зашибала; его борода, жилет, вид парижанина, не то заправского кучера, русского "парня-рубачи", хотя облеченного в черный цилиндр, прижимаемый

к сердцу под выпяченной бородой "не нашенской" стрижки, начитанность много видевшего, много изъездившего, – отнимали охоту с ним лаяться; наоборот, – вызывали охоту послушать его; он умел так блестяще открыть свой багаж впечатлений, с отчетливо в нем упакованными мелочами: вот – Собор Богоматери, вот – анекдот о Бальмонте... Волошин умно разговаривал, умно выслушивал, жая глазами сверлящими, серыми, из-под пенсне, бородой кучерской передергивая, и рукою, прижатой к груди и взвешенною в воздухе, точно ущипывая в воздухе ему нужную мелочь; и выслушав с тактом вставлял свое мнение.

Он всюду был вхож...

Волошин был необходим Москве; без него, округлителя острых углов, я не знаю, чем кончилось бы заострение мнений... в демонстрации от символизма он был – точно плакат с начертанием "ангела мира"; Валерий Брюсов был скорее плакатом с начертанием "дьявола"; Брюсов – "углил"; М. Волошин – "круглил"; Брюсов действовал голосом. Сухо гортанным, как клекот стервятника; "Макс" же Волошин, рыжавый и розовый, голосом влажным как розовым маслом, мастил наши уши...

Необходима была роль Волошина как умирителя, не вовлеченного в дразги момента». (И это пишет тот же Андрей Белый – самый «скорпионистый» наш гений, который оставил убийственные характеристики – точнее характеристики двойников – своих коллег по символизму: Брюсова, Мережковского, Сологуба, Вяч. Иванова и др.)

Здесь можно отметить, что этот лик поэта тесно связан с его истинным искусством – творением, одухотворением душ, теургией, созданием вокруг себя вселенной свободы и любви из «материала», из хаоса, из несвободы – социально-психологической данности кармически подошедших, подступивших к нему «монад»...

Еще в разгар Первой мировой войны он так определяет свою миссию: «Мы видим вокруг себя вселенную, проникнутую глубокой мудростью: все вокруг глубоко связано и обусловлено законами причинности. А наше дело

создать вселенную, проникнутую любовью... Ведь в этой мудрости нет любви. А нужно, чтобы во всякой частице мира была разлита любовь, и стала его логикой, его причинностью. Мы творим эту вселенную».

И это могли бы подтвердить сотни людей, которые прошли при жизни Волошина через Дом Поэта и которые через всю свою жизнь, тяжелую, трудную жизнь, пронесли импульсы к такому творчеству – импульсы, разбуженные в их душах поэтом (остались благодарные воспоминания простых людей: ученых, инженеров, врачей – о встрече с поэтом, и автору этого труда посчастливилось слушать и читать их воспоминания в Коктебеле еще в 60–70-х годах: они, даже при всей их наивности и незатейливости, – впечатляют).

Что же это за искусство, которым в такой степени владел поэт?

И здесь было бы к месту напомнить, но уже весьма просвещенному (то есть, эзотерически просвещенному, почти посвященному) читателю (и да не вознегодует на нас читатель вовсе не просвещенный, не посвященный в этом отношении), интереснейшую таблицу соответствий между девятью членами существа человека как микрокосма и семью искусствами, таблицу, которую нам хотелось бы привести здесь без всяких толковательных комментариев, дабы воздвигнуть хоть какие-то препятствия перед «проницательным читателем» на пути его понимания того, о чем идет здесь речь.

Вот эти соответствия:⁶⁸

⁶⁸ Ведь, в конце концов, читателям имеет смысл поинтересоваться не только разного рода философиями, которые, конечно, необходимо знать и ведать, но и Духовной наукой эзотерического христианства – Антропософией. Впрочем, это их сугубо свободное и личное дело, а наше дело – использовать результаты, плоды духовно-научных исследований в нашем частном и скромном исследовании индивидуальности и творчества нашего поэта, который имел некоторое отношение к Антропософии, использовать их – плоды Антропософии, ведь подобное – не устанем мы повторять – познается подобным, а не теми знаниями, которыми обладают наши «мудрецы». Ибо признак культурного человека в наши дни – это не только знание трудов таких недавних корифеев мысли и «властителей дум» наших интеллектуалов, как Аверинцев, Бахтин, Лотман, Библиер, Мамардашвили, Сартр, Хайдеггер, Фуко, Барт, Бодрийяр, Делёз, Деррида, Гваттари, Лиотар и «прочих всяких шведов». В том-то и дело, что теперь культурный человек мало что потеряет, если не станет слишком усердно изучать их мудреные труды, зачитываться, зашориваться ими. Но вот если этот так называемый «культурный человек» не поинтересуется философскими трудами Рудольфа Штейнера и хотя бы несколькими основными книгами этого автора уже по Антропософии, то такого человека мы не решились бы считать достаточно культурным и образованным. Увы, все течет, все меняется, замечал в свое время один известный

Физическое тело – архитектура

Эфирное тело – скульптура

Астральное тело

Душа ощущающая – живопись

Душа рассудочная – музыка

Душа самосознающая

Самодух – поэзия

Жизнедух – эвритмия

Духочеловек – искусство социальной гармонизации, «свободная теургия» (Вл. Соловьев) – высшее из всех возможных искусств, одухотворение душ, творение новых, братских отношений между людьми.

Если мы припомним, какими дарами была наделена личность нашего поэта, к каким искусствам он имел отношение, а потом заглянем в эту таблицу, то проступает весьма интересная картина. Во-первых, астральное тело и душа ощущающая поэта инспирируют (вдохновляют его) на удивительную и прафеноменальную (в смысле учения Гёте о прафеномене) живопись; его душа самосознающая и Самодух вдохновляют его поэзию, точнее «религиозно-поэтическую науку или учено-поэтическую религию», где единство науки, религии и искусства явлены самым органичным образом в русской культуре XX столетия; наконец, импульс из самого высокого духовного члена человеческого существа – из Духочеловека инспирирует его истинное искусство (не его поэзию и живопись!), – искусство одухотворения, творения людских душ, подступивших к нему по карме, попытки раскрытия их Высших «Я», творения братских отношений между ними на основе развития в них творческих импульсов, моральной фантазии, то есть искусство «свободной теургии», о которой мечтал Владимир Соловьев. Маленький и еще слабый росток, но именно этого высочайшего

каждому культурному человеку очень современный и одновременно весьма древний автор – можно сказать, древний постмодернист. Так что разве может нам быть помехой нежелание ученых современников что-либо знать и ведать о Духовной науке или подсознательный страх перед ней?!

искусства и явил нам в своем житетворчестве, в своем Космосе Свободы и Любви, в феномене Дома Поэта изумительный посвященный русской культуры Максимилиан Александрович Волошин.

Но этот лик поэта неразрывно связан с его манихейским гнозисом. В легенде манихейства рассказывается, что некогда духи тьмы хотели атаковать царство света. И действительно, они подошли к границе царства света и хотели его завоевать. Однако они не могли сделать ничего против царства света, и теперь должны были быть наказаны им. Но в царстве света не было ничего каким-либо образом злого, а только доброе. И демоны тьмы могли быть наказаны только чем-либо добрым. Что же произошло? Произошло следующее: духи царства света взяли часть своего собственного царства и смешали с материальным царством тьмы. Посредством того, что теперь часть царства света была смешена с царством тьмы, в этом царстве тьмы возникла как бы закваска (бродило), которая привела царство тьмы в хаотический вихрь, через который оно получило новый элемент, а именно смерть. Так что оно постоянно пожирает само себя и несет в себе зародыш собственного уничтожения. Затем рассказывается, что именно благодаря тому, что все это произошло, и возник человеческий род. Прачеловек является именно тем, что было послано из царства света, чтобы смешаться с царством тьмы и преодолеть посредством смерти то, чего в этом царстве не должно быть, преодолеть в самом себе.

Глубокая мысль, которая заложена в этой легенде, состоит в том, что царство тьмы должно быть преодолено со стороны царства света не через наказание, а через милость; не через противостояние злу, а через соединение со злом. Благодаря тому, что часть света входит в злое, само злое преодолевается.⁶⁹

В 1910 году Волошин печатает статью «Судьба Льва Толстого», где раскрывает тайну важнейшего жизненного противоречия Толстого: жажды

⁶⁹ Штейнер Р. Манихейство. // Легенда о Храме и Золотая легенда как символическое выражение прошлых и будущих тайн развития человека. М., 1998. С. 48–49.

жертвы, страдания и неизменного житейского благополучия. Волошин увидел корни этого противоречия в отношении Толстого «к тайне Зла на Земле»⁷⁰:

«Причина здесь лежит лишь в одностороннем понимании слов: "Не противься злему"», – пишет Волошин. И далее развивает, гениально формулирует принцип своего манихейства: «Если я перестаяю противиться злему вне себя, то этим создаю только для себя безопасность от внешнего зла, но вместе с тем и замыкаюсь в эгоистическом самосовершенствовании. Я лишаю себя опыта земной жизни, возможности необходимых слабостей и падений, которые одни учат нас прощению, пониманию и приятию мира... Не противясь злу, я как бы хирургически отделяю зло от себя, и этим нарушаю глубочайшую истину, разоблаченную Христом: что мы здесь на земле вовсе не для того, чтобы отвергнуть зло, а для того, чтобы преобразить, просвятить, спасти зло. А спасти и освятить зло мы можем, только принявши его в себя и внутри себя его освятить».

В его «учено-поэтической религии» наиболее ярким выражением принципа манихейства являются такие стихотворения, как «Склоняясь ниц, овеян ночи синью», «Русская революция», «Иуда-апостол», «Мир знает не одно, а два грехопаденья» и, конечно же, пятая главка поэмы «Бунтовщик» (из цикла «Путями Каина»). Некоторых из них мы еще коснемся в следующих частях нашего исследования.

А здесь нам хотелось бы не дать заснуть над, так сказать, «рукописью, найденной в Сарагоссе» нашим добропорядочным, демократическим,

⁷⁰ В скобках здесь заметим, что Толстой никак, ни при какой ситуации не мог бы удовлетворить свое желание – принести себя в жертву ради своих идей еще и потому, что он нес в себе импульс Софии в аспекте святости, что к тому же он прославился на весь мир не только своим художественным творчеством, но и своим чудовищно эгоистическим, как показал Волошин, учением о непротивлении злу насилеи: это непротивление можно понять только у настоящих святых. Но именно из причастности его к аспекту святости и следует, вытекает его идиотичность в понимании зла (курение, алкоголь, женщины, мясоедение, социальные институты), с этим связана и его полная неспособность к восприятию Христа (как Бога-сына, Богочеловека) и Мистерии Голгофы. Впрочем, следует заметить, что, слава Богу, не все представители этого аспекта (святости) Софии походят на Толстого в этом отношении или на князя Мышкина... Есть и те, которые кое-что знают, что творится с миром и человеком, и молятся за мир, который во зле лежит.

«проницательным» читателям, более того, – вызвать их возмущение – только не нами, грешными, а «бунтовщиком» Волошиным. Впрочем, Боже упаси, «проницательного» читателя воспринимать нижеследующее как некий завуалированный донос на Волошина: на него столько доносили и при жизни, и после смерти, что пора с этим кончать (даже при будущем режиме!) и начинать искать пути его понимания.

Закон нет — есть только принужденье.
Все преступленья создаёт закон.
Преступны те, которым в стаде тесно:
Судить не их, наказывать не вам.
Перед преступником
Виновно государство,
Не пресекайте, но готовьте русла
Избытку сил.
Поймите сущность зла.
Не бойтесь страсти.
Не противьтесь злему
Проникнуть в вас:
Всё зло вселенной должно,
Приняв в себя,
Собой преобразить.
А вы построили темницы и запреты:
Суд гасит страсть,
Правительство — мятеж,
Врач гасит жизнь,
Священник гасит совесть,
Довольно вам заповедей на «не»:
Всех «не убий», «не делай», «не укради»,
Единственная заповедь «ГОРИ».
Твой Бог в тебе,
И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле:
Проверь
Весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви:
Её источник — Ты!
Бог есть любовь,
Любовь же огонь, который
Пожрёт вселенную и переплавит плоть.
Прислушайся ко всем явлениям жизни:

Двойной поток:
Цветенье и распад.
Беги не зла, а только угасанья:
И грех и страсть — цветенье, а не зло:
Обеззараженность
Отнюдь не добродетель!

Внимательный читатель мог бы отметить, что в этом отрывке почти все мысли есть дерзкий вызов... русской религиозной философии и почти всей морализирующей классической русской литературе XIX века (кроме творений Лермонтова). В особенности вызов звучит в этих трех строчках:

Твой Бог в тебе,
И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле...

Вот философский комментарий к выделенным нами трем строкам поэта: «... кто постиг, что сущность всех вещей заключается в "Я", только в "Я", находит и законы своих поступков. Если "Я" действительно и по существу пронизывает его действия, тогда оно чувствует себя их повелителем. До тех пор, пока мы верим в некую чуждую нам мировую сущность, нам предстают чуждыми и законы наших действий. Они господствуют над нами; то, что мы совершаем, мы делаем под их давлением. Если же из чуждых нам существ они преобразуются в исконную деятельность нашего "Я", насилие прекращается. Оно претворяется в нашу собственную сущность. Закономерность господствует уже не над нами, а в нас над исходящим из нашего "Я" свершением. Реализация какого-либо процесса в силу некой закономерности, лежащей вне самого того, кто его реализует, есть акт несвободы, реализация его через самого себя — значит действовать как свободный индивидуум. Рассмотрение процесса познания показывает человеку, что только в себе самом он может найти законы своих действий...»

Понимающее само себя "Я" не может зависеть ни от чего иного, кроме себя. И ему не перед кем отвечать, кроме как перед самим собой. После этих рассуждений представляется почти излишним сказать, что под "Я" может

подразумеваться только воплощенное, реальное "Я" единичного человека, а не некое всеобщее, отвлеченное от него "Я".⁷¹

Именно в нашем Истинном «Я», если мы до Него дорастаем (а не в малом, повседневном, рассудочном, эгоистичном, «беспамятном», как выражался поэт) и возможна теперь встреча со Христом «в духе и истине». Но Христос и есть Истинное «Я» каждого человека, хотя Он пребывает также и вовне, пронизывает Свои Духом весь Космос и ожидает нашего движения навстречу к Нему из нашей полнейшей свободы...

Но нам кажется неимоверно трудным на этом пути обрести Христа, то есть наше Истинное «Я». Что ж, водительство душ к Истинному «Я» на Руси давно уже началось – с 1914 года. Этот «малый апокалипсис» и есть теперь наше вечное водительство, наша, так сказать, единственная надежда и наше вечное «светлое будущее».

Поясним: в Духовной науке «малым апокалипсисом» принято называть наше время (начиная с XX века). Вот как характеризует Рудольф Штейнер строки из Евангелия от Марка (гл. 13), относящиеся к «малому апокалипсису»: «Если мы духовно правильно постигнем следующие ниже слова, то мы сможем отнести их к нашему времени и к ближайшему будущему: "Ибо в те дни будет такая скорбь, которой не было от начала творения, которое сотворил Бог, и не будет". Мы должны применить эти слова к пониманию человека: вся скорбь предстоит тому будущему, которое выразит истинное в его духовной правде. "И, если Господь не сократит тех дней, ничто не спасется для принятия того, что будет пищей духовной; но ради избранных сократил Он эти дни". И за этим следует: "Тогда, если кто скажет: вот здесь Христос, – или: вот там, – не верьте". Евангелие от Марка указывает этим на возможное материалистическое понимание Христа. "Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вы же берегитесь; вот, Я наперед сказал вам все". Так силен будет удар материализма, что человеческим

⁷¹Штейнер Р. Эгоизм в философии. М., 2003. С. 96–97.

душам будет необходимо развить в себе всю крепость, чтобы действительно выдержать слова: "Восстанут лжехристы и лжепророки!" И когда скажут: "Вот здесь Христос!" – то человек, который верно воспринял Духовную науку, сможет последовать призыву: "Тогда, если кто скажет вам: вот здесь Христос! – не верьте"». ⁷²

Началось в том же XX веке и Второе Пришествие Христа в эфирном теле ангела; его, как и следовало ожидать, не заметили (силы тьмы сделали все возможное и невозможное для этого) и готовят его грандиозную имитацию, подделку, а наши души тоже проспали это событие. Но оно будет длиться еще долгое время, и многие души на Земле его увидят в своем ясновидении. Остается тогда надежда, что уж пришествие самого Сатаны (Аримана) в физическом теле и, естественно, на цивилизованном Западе в ближайшее время все-таки многие души как-то заметят и начнут пробуждаться, продирают глаза от наркотической спячки (все-таки уж очень много симптомов подготовки к его приходу)...

О мистерии же Второго Пришествия Христа в эфирном теле у нашего поэта есть гениальное, но незаметное на первый взгляд стихотворение, написанное им еще в разгар Первой мировой войны. Собственно, это стихотворение о действии нашего Истинного «Я» в наших душах, в наших малых «беспамятных» «я» во времена Второго Пришествия, которое началось, согласно антропософской Духовной науке, в 1933 году и будет длиться еще полторы тысячи лет.

Усталость

И тогда, как в эти дни, война
Захлебнётся в пламени и в лаве,
Будет спор о власти и о праве,

⁷² Anthropos. Опыт изложения духовной науки Рудольфа Штейнера. Т. 2. С. 163.

И ранее, и здесь, и далее мы приводим обширные цитаты из Рудольфа Штейнера, рискуя вызвать самые негодующие обвинения в безмерном цитатничестве и начетничестве. Но мы не боимся подобных нападок и приводим необходимые идеи Великого христианского посвященного с возможной полнотой, так как, по нашему убеждению, волошинские идеи высветляются именно через Антропософию, а также и потому, что приводимые мысли весьма важно знать и ведать проницательному читателю.

Будут умирать за знамена...

Он придёт не в силе и не в славе,
Он пройдёт в полях, как тишина;
Ничего не тронет и не сломит,
Тлеющего не погасит льна
И дрожащей трости не преломит.
Не возвысит голоса в горах,
Ни вина, ни хлеба не коснётся —
Только всё усталое в сердцах
Вслед Ему с тоскою обернётся.
Будет так, как солнце в феврале
Изнутри неволит нежно семя
Дать росток в оттаявшей земле.

И для гнева вдруг иссякнет время,
Братской распри разомкнётся круг,
Алый Всадник потеряет стремя,
И оружие выпадет из рук.

(1915)

Пришествием (сошествием в нас) нашего Истинного «Я» завершается и цикл поэм «Путями Каина»:

... небо
Разодралось, как занавес,
Иссякло время,
Пространство сморщилось
И перестало быть...

6

И каждый
Внутри себя увидел солнце
В Зверином круге...

7

. . . И сам себя судил.

(1915)

И еще одна грань блистательной, невероятной, невозможной, уже мифической для нас индивидуальности поэта: Волошин – стоически

выдержавший травлю околосовременных советских бесов в середине 20-х годов – так называемых «напостовцев», сотрудников редакции журнала «На посту», объявивших поэта изгоем, врагом народа и внутренним эмигрантом. Он все это понимал и понимал, какова в этих условиях его роль:

Правду оплатят тебе клеветой, ругательством, камнем.
Будь изгоем при всех царях и народоустройствах.
Совесь народа – поэт: в государстве нет места поэту!
(1923)

И наконец, последняя в нашем перечне ликов грань индивидуальности поэта-посвященного. Волошин – чувствующий к началу 30-х годов (уже после перенесенного инсульта) завершенность своей миссии в русской культуре, своего земного странствия в этом воплощении и открыто говорящий об этом своим друзьям, которых к этому времени становится все меньше и меньше, дает духовному миру свое согласие на уход с физического плана. Еще в 1914 году в одной из своих статей в журнале «Аполлон» Волошин заметил: «Смерть наступает только тогда, когда дух дает внутреннее, тайное согласие на прекращение своих земных действенных проявлений». Поэт мужественно со смирением встречает свою кончину, до конца перетерпев свои мучительные страдания (он умирает от воспаления легких и астмы 11 августа 1932 г.).

И самый последний штрих к этому совсем уже затянувшемуся перечню ликов поэта. Если мы эти лики, эти грани, эти личности его Индивидуальности, эти аспекты его самовыражения не станем рассматривать статично, то есть в качестве застывших противоречий, как это сделал, например, Илья Эренбург в литературном портрете поэта и как это проделывали и проделывают еще многие критики Волошина,⁷³ а строим их с

⁷³ Марина Цветаева заметила: «Это был прежде всего человек событийный. Как вся его душа – прежде всего – сосуществование, которое иные, не глубоко глядящие, называли мозаикой, а любители ученых терминов – эклектизмом, – то единство, в котором было все, и то все, которое было единством».

места, приведем в движение, дадим им пульсацию, жизнь, ритм, как это делал сам поэт, то мы начнем ощущать, воспринимать некий центр этой индивидуальности, этой самосознающей души, то есть, некое «само», ее Высшее «Я», из которого излучаются, через которое гармонизируются эти тысячи ликов, граней Индивидуальности поэта-Протея, поэта-Солнца (ведь был же во Франции король-Солнце, а у нас вот был поэт-Солнце!), почувствуем импульсы, действующие как из его Высшего «Я», так и из его Истинного «Я». Об этом его стихотворение «Солнце»:

Солнце

Святое око дня, тоскующий гигант!
Я сам в своей груди носил твой пламень пленный,
Пронизан зрением, как белый бриллиант,
В багровой тьме рождавшейся вселенной.

Но ты, всезрящее, покинуло меня,
И я внутри ослеп, вернувшись в чресла ночи.
И вот простерли мы к тебе — истоку Дня —
Земля — свои цветы и я — слепые очи.

Невозвратимое! Ты гаснешь в высоте,
Лучи призывные кидая издалёка.
Но я в своей душе возжгу иное око
И землю поведу к сияющей мечте!

(1906)

Глава вторая

Лики творчества Поэта времен Апокалипсиса

И тут снова встает вопрос (не кантовский: как возможно познание), а как возможен такой Волошин, даже в Серебряном веке русской культуры. Да, конечно же, он такой, каким мы его представили (сочинили, нафантазировали), – невозможен. Но коль он в действительности такой невозможен, то он должен быть современным мифом, по крайней мере, для «базаровых» всякого рода. Но это же прекрасно и удивительно. И пусть он им и пребывает...

А вообще-то при исследовании творчества нашего Поэта, в особенности его стихов о России и «Путями Каина», необходимо помнить о «Небе» Поэта, о его «Башне», как он выражался, о его идеале Града Божьего, т. е. Нового Иерусалима. Именно с этого уровня, с этой высоты он судит о человеке, России и путях человечества. Мировую духовную культуру он претворяет в своей «религиозно-поэтической науке» по-своему, как и положено космическому, космогоническому поэту в духе Шеллинга. Так что все наиболее глубокие и даже спорные идеи, мысли и духовные течения в европейской культуре ему подходят для творения его собственного Космоса, каким он его видит.

И вполне возможно Волошина числить посвященным «по ведомству» даже не Атлантической, не Лемурийской, а Гиперборейской культуры. Вот куда махнули, чтобы «приватизировать» Волошина в пику всем его интерпретаторам, некоторые «русские мальчики»⁷⁴. Имеют законные права на Волошина и теософы (см. его мудрое эссе «О теософии»), а также масоны (ведь штудировал масонскую литературу и в 1905 г. был принят в Париже в масонскую ложу). При желании даже можно объявить Волошина учеником Агни-йоги (ведь целая поэма в цикле «Путями Каина» посвящена огню!). Сторонники нудизма также могли бы зачислить поэта в свои ряды (водился за нашим поэтом грех: летом в Коктебеле, бывало, купался в чем мать родила). Ну, а некоторые наши ученые уже давно его поэзию почему-то

⁷⁴ См. Приложение № 6. Весьма забавное и даже небезынтересное.

объявили «научной поэзией», наверное, из-за его уничтожающей критики ариманической науки:

Мы существуем в Космосе, где все
Теряется, – ничто не создается;
Свет, электричество и теплота –
Лишь формы разложения и распада;
Сам человек – могильный паразит, –
Бактерия всемирного гниения.
Вселенная – не строй, не организм
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть – только случай
Посреди необратимых струй.
Бессмертья нет. Материя конечна
Число миров исчерпано давно...
Все бытие случайно и мгновенно.
Явления жизни – беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.

И почему-то этот тип «научности» вызывает восторг и умиление ученых мужей. Но, если придерживаться такого вот, с позволения сказать, мировоззрения, то его творцов не спасет и морализирующая максима нашего поэта: «Воля вещества должна уравновеситься любовью» («Путиами Каина»). Увы, никакая любовь к человечеству и к отдельным его представителям не поможет уже ученым мужам. Требуется неустанный духовный поиск и хотя бы знакомство с Антропософией, чтобы изменилась сама картина мира... Требуется метаморфоз души и духа. Иначе ведь апокалипсис примет самые немыслимые и невероятные формы. Еще божественный Гете предчувствовал такой поворот событий и выразил его недвусмысленно: «Я предвижу наступление времени, когда человечество не будет уже более радовать Творца, и Он должен будет все разрушить, чтобы обновить творение. Я твердо уверен, что все идет к этому и что... уже назначены времена и сроки, когда наступит эпоха обновления». Наука о живой природе, о живом Космосе начинается с науки Гёте, но ученые мужья не собираются в нее заглядывать – ведь с поэта взятки гладки. Но Бог им судья.

Вернемся же к нашему тысячеликому поэту. Все лики творчества поэта (в том числе и те, которых мы еще коснемся) нам дороги, но за ними затруднительно разглядеть «слона» (того самого, из индийской притчи, сущность которого пытались ухватить и характеризовать слепые, ощупывая его хвост, хобот, ноги). Но в том-то и дело, что «слон» нашего поэта и есть его «Небо», его «Башня», его Высшее «Я». И он творил, выстраивал свой Космос как посвященный, с высоты этого «Слона» (с большой буквы), о тайне которого мы заведем речь ниже. Другое дело, что подобное всегда познается подобным, и тайну уже самого «Слона» можно познать лишь сквозь призму Духовной науки, а не с помощью разнообразных и прогрессирующих базаровских наук. Так что недаром гласит прибаутка, что Россия – родина слонов (в каждой шутке есть только доля шутки!). И кто знает, может быть, в недалеком будущем появятся еще и другие «Слоны» на Руси, кроме Владимира Соловьева, Бердяева, Андрея Белого, Волошина и Даниила Андреева, то есть монады, сознательно и тесно связанные со своим Высшим «Я». Но на них начнется интенсивная охота разного рода больших и малых инквизиторов и тогда, как говорится, да поможет им Христос выстоять...

Однако есть все-таки одна резко выраженная, но таковой лишь кажущаяся, антиномия в ликах творчества нашего поэта. И она не носит кантовского, формального, статичного характера. Имеется у него два потрясающих стихотворения. Одно посвящено Рудольфу Штейнеру. Вот оно:

Снова
Мы встретились в безлюдьи. И, как прежде,
Черт твоего лица
Различить не могу. Не осужденье
Но пониманье
В твоих глазах.
Твое уединенье меня пугает.
Твое молчание горит во мне.
Ты никогда ни слова
Мне не сказал, но все мои вопросы
В присутствии твоём

Преображались
В ответы...
Ты встречный, ты иной,
Но иногда мне кажется,
Что ты –
Я сам.
Ты приходил в часы,
Когда отчаяние молчанием просветлялось,
Тебя встречал я ночью, или
На закате... и ветер падал.
Ты живешь в пустынях,
Пути усталости вели всегда к тебе.
О, если б иначе тебя увидеть,
Если б ты пришел
В момент восторга,
Чтоб разглядеть я мог
Твое лицо.

(1914)

Путь к этому стихотворению у Волошина был не гладкий. За шесть лет до его написания Волошин, знакомый со Штейнером с 1905 года, бывавший на его лекциях в Париже, изучавший некоторые из них, в 1908 году взбунтовался против его метода изложения, преподнесения слушателям готовых истин Духовной науки, добытых им в своих исследованиях, в форме лекций: поэт не учитывал, что пришло время раскрытия этих истин, и в первую очередь для тех, кто жаждал их знать. Но, кроме того, ведь Рудольф Штейнер одновременно дал и метод, так сказать, верификации, самостоятельной проверки этих истин, раскрыв путь посвящения, на котором они могут быть познаны. И тем не менее факт творческого, мы бы сказали чудесного, прекрасного «бунта» – налицо. В записной книжке Волошина за 1908 год читаем: «Ты – знающий, носитель откровений, щедро осыпающий своими дарами, ты ушел, а я распростерт во прахе, изнасилованный истинами, ослепший от чуда, с душой, выжженной прикосновением безжалостного огня. Кто вернет мне мое похищенное "Я", мое потерянное неведение? Росток моего знания, проросший во тьме, истлел в огнях, взвивающихся на твоём пути. Мне нет места в огне твоём и нет возврата в мою творческую ночь. Ещё глубже должен вернуться я в недра вещества и

снова растить там слабый росток своего огня, который один будет моим путем».

Поэт после соприкосновения с духовным знанием такой глубины ощущает себя «изнасилованным истинами», чувствует, что его «Я» куда-то похищено, а так необходимое почти для любого поэта, художника, ученого, даже философа «неведение» (при котором большинство из них предпочитают оставаться на всю жизнь – отсюда и тотальная катастрофа европейской культуры и цивилизации XX века) – потеряно, и ему нет возврата в его «творческую ночь», из которой он сам хотел бы пробиться к свету Истины. Для нашего поэта это целая драма! Но он с честью выходит из нее: за шесть лет творческого «самостоянья» (Пушкин) и развития своей самосознающей души поэт-таки «вырастил слабый росток своего огня» – огня, который стал его путем и которому уже было нестрашно «прикосновение безжалостного огня» Рудольфа Штейнера.

Но одновременно с продвижением по своему пути проступил и «путь усталости» (проступила дантовская закономерность середины жизни путника):

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!

Но вот «дремучий и грозный» лес нашего поэта-странника:

Я быть устал среди людей,
Мне слышать стало нестерпимо
Прохожих свист и смех детей...
И я спешу, смущаясь мимо,
Не подымая головы,
Как будто не привыкло ухо
К враждебным ропотам молвы,
Как будто грязи едкий вкус

И камня подлого укус
Мне непривычны, незнакомы...
Но чувствовать еще больней
Любви незримые надломы
И медленный отлив друзей,
Когда, нездешним сном томима,
Дичась, безлюднеет душа
И замирает, не дыша
Клубами жертвенного дыма
(1913)

И этот «путь усталости» снова приводит поэта ко встрече с Рудольфом Штейнером в 1914 году, накануне мировой войны. Он едет в Дорнах. За время, прошедшее с 1908 года, произошел на пути его собственного посвящения метаморфоз души и духа поэта: он стал воспринимать Антропософию не из лекций и книг Доктора, а как живое сверхчувственное существо – из импульсов своего истинного «Я», где она пребывает в каждом человеке. (Но связь с истинным «Я» человек может в наше время установить лишь на пути христианского посвящения.) В 1914 году он пишет Ю. Л. Оболенской: «Антропософию по существу всю принимаю, но мне ведь приходится все переводить на свой язык... Мне это нужно для того, чтобы быть свободным и творческим... В то же время я знаю, что и до встречи с Антропософией я мыслил исключительно ее категориями и впредь буду мыслить не иначе. Я принимаю ее сущность и только формы перестраиваю для своей души». И в том же году поэт отражает эту встречу с сущностью, с существом Антропософии (и в первую очередь с тем, кто её воплощал на земном плане – с Рудольфом Штейнером) в своей « религиозно-поэтической науке или учено-поэтической религии». Отсюда эти строки:

Но иногда мне кажется,
Что ты –
Я сам.

И другие красноречивые строки:

Ты никогда ни слова
Мне не сказал, но все мои вопросы

В присутствии твоём
Преображались
В ответы...

Через 15 апокалипсических лет, свидетелем и летописцем которых Волошин стал, он напишет другое стихотворение, посвященное «Премудрости Софии», воздав в нем должное Софии в ее материнском аспекте. Оно посвящено иконе Владимирской Богоматери – заступнице русского народа, его предстательнице перед Христом. Вот этот шедевр поэтической науки Волошина.

Не на троне – на ее руке
Левой ручкой обнимая шею, –
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Не мею –
Нет ни сил, ни слов на языке...
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где закат пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг
Как живой меняет выраженье.
Кто разверз озера этих глаз?
Не святой Лука – иконописец,
Как поведал древний летописец,
Не Печерский темный богомаз:
В раскаленных горнах Византии
В злые дни гонения икон
Лик Ее из огненной стихии
Был в земные краски воплощен.
Но из всех высоких откровений,
Явленных искусством, – он один
Уцелел в костре самосожжений
Посреди обломков и руин.
От мозаик, золота, надгробий,
От всего, чем тот кичился век, –
Ты ушла по водам синих рек
В Киев княжеских междоусобий.
И с тех пор, в часы народных бед
Образ Твой над Русью вознесенный,

В тьме веков указывал нам след
И в темнице – выход потаенный.
Ты напутствовала перед концом
Ратников в сверканьи литургии...
Страшная история России
Вся прошла перед твоим лицом.

.....
От лесов, пустынь и побережий
Все к Тебе за Русь молиться шли:
Стража богатырских порубежий...
Цепкие сбиратели земли...
Здесь, в Успенском – в сердце стен Кремлевых
Умилясь на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялось светлою слезой!
Простирались старицы, черницы,
Дымные сияли алтари,
Ниц лежали кроткие царицы,
Преклонялись хмурые цари...
Черной смертью и кровавой битвой
Девичья святилась пелена,
Что осьмивековой молитвой
Всей Руси в веках озарена.
Но слепой народ в годину гнева
Отдал сам ключи своих твердынь,
И ушла Предстательница – Дева
Из своих поруганных святынь.
А когда кулашные помосты
Подняли перед церквами крик –
Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный свой Лик:
Светлый лик Премудрости – Софии,
Заскорузлый в скаредной Москве,
А в грядущем – Лик самой России –
Вопреки наветам и молве.
Не дрожит от бронзового гуда
Древний Кремль и не цветут цветы:
В мире нет слепительнее чуда
Откровенья вечной Красоты!

(1929)

Как же примирить эту, казалось бы непримиримую для наших «проницательных» читателей и критиков антиномию двух стихотворений? Для них ведь встает настоятельный вопрос: «Так кто же Вы все-таки, "доктор

Зорге?"» (так, кажется, назывался фильм об известном в свое время разведчике, который показывали в 60-е годы) – «Признавайтесь же нам сразу: Вы штейнерианец или Вы после своих "блужданий духа" возвратились наконец, словно блудный сын, в лоно Православной церкви?»

О, с уровня своего «Неба», своей «Башни», своего Истинного «Я» нет возврата к «малому беспмятному «я»... Об этом Волошин пишет в письме к А. М. Петровой от 10.01.1918 г.: «Что касается религиозной жизни, то хотя я в церковь не хожу и не крещусь, но живу очень религиозно сосредоточенно и вижу современность только с религиозной, а не с политической точки зрения». Эта особенная религиозность, переплавленная на антропософских путях, рождает стихотворение об иконе Владимирской Богоматери: поэт через пристальное и долгое созерцание ее выходил непосредственно на контакт с Высоким существом, изображенным на иконе. Поэтому он и нашел такие берущие за душу слова. Ведь эта икона – «в грядущем – лик самой России», ибо без помощи и заботы этого Высокого существа невозможно представить себе историю, само существование русского народа – ведь она его Небесная Покровительница, Заступница и, может быть, скоро в годину очередных наших бед многие из нас станут свидетелями Ее явления на Руси, Ее защиты беспомощных.

Как же Волошин-посвященный, связанный с Софией не только в аспекте Истины, но в материнском Ее аспекте (что проявлено в стихотворении о Владимирской иконе), Волошин – величайший пророк России – мог не преклониться перед этим образом Богоматери?!

Не только на путях традиционной церковности можно благоговейно почитать Богоматерь и преклоняться перед этим Высоким существом. Но и на пути нового христианского михаэлического посвящения, на котором, подобно Волошину, можно приблизиться к своему Истинному «Я». (Но там уже не «я», а «Христос во мне» и там же в нашем Истинном «Я» пребывает и существо эзотерического христианства, то есть само сверхчувственное существо Антропо-София – наш истинный человек или, как выражался

Владимир Соловьев о Софии, – «наш нормальный человек».) Внутри импульса Христа, органично сотрудничают архай Михаэль (через своего Посвященного даровавший миру Антропософию) и Богоматерь (Существо выражающее, воплощающее Софию в материнском аспекте). Так что с высоты этого «Неба», этой «Башни» у нашего поэта нет противоречия в обращении и к Рудольфу Штейнеру, и к Существу (а не только к иконе, к образу) Богоматери. Ведь Мудрость и Любовь осеняются самим Христом и должны идти рука об руку, а не противостоять – и особенно это важно для русского народа, чтобы он не только мог выжить, но и в весьма отдаленном будущем, если он сохранится, – выполнить свою миссию носителя Святого Духа, посылаемого человеку Христом.

Для этого и сама Православная церковь должна бы радикально изменить свое отношение к эзотерическому христианству нашей эпохи – Антропософии и взять у нее то, что так ей необходимо.

Но вернемся к сакраментальному вопросу, который прозвучал в начале этого пассажа: «Кто Вы, "доктор Зорге": антропософ или православный, в конце концов?» – вопросу, который мог бы заинтересовать некоторых «проницательных» читателей. Что ж, на него замечательный ответ мы нашли у мудрого и блестящего французского поэта и мыслителя Поля Валери (нам нет нужды оправдываться, что этот ответ относится к Гёте). И этот ответ Поля Валери гласит: «Наименее сумасшедший из людей»... на Руси, добавим мы: нашему поэту просто некуда было сходить с ума – ведь был он посвященным по всем направлениям, ну а в Германии им был Гёте.

Глава третья

Лики русской бездны. Социальные идеи Поэта.

Его Идеал. Его пророческий дар.

В 1923 г. Волошин дает непревзойденную, на столетия – чеканку «русской идеи», раскрывая, какой ценой реализуется, воплощается миссия России (русского народа) в мировой драме-мистерии всемирной истории и какова эта миссия. В этом апокалиптическом откровении поэта внимательный читатель найдет и пророчество о судьбах любых «демократических» преобразований и «реформ» (т. е. катастроф) на Руси, ибо здесь поэт (через свою инспирацию-яснослышание) доносит до нас, так сказать, Голос самого Провидения (как выразился бы Лев Толстой) в стиле монолога ветхозаветных поучений Ягве:

Благословение

Благословенье мое как гром!
Любовь безжалостна и жжет огнем.
Я в милосердии неумолим:
Молитвы человеческие — дым.

Из избранных тебя избрал я, Русь!
И не помилую, не отступлюсь.
Бичами пламени, клещами мук
Не оскудеет щедрость этих рук.

Леса, увалы, степи и вдали
Пустыни тундр — шестую часть земли
От Индии до Ледовитых вод
Я дал тебе и твой умножил род.

Чтоб на распутьях сказочных дорог
Ты сторожила запад и восток.
И вот, вся измененность земного дна
Тобой, как чаша, до края полна.

Ты благословлена на подвиг твой
Татарским игом, скаредной Москвой,
Петровской дыбой, бредами калек,
Хлыстов, скопцов — одиннадцатый век.

Распластанною голой на земле,
То вздернутой на вышку, то в петле, —
Тебя живьем свежуют палачи —

Радетели, целители, врачи.

И каждый твой порыв, и каждый стон
Отмечен Мной, и понят, и зачтен.
Твои молитвы в сердце я храню:
Попросишь мира — дам тебе резню.

Спокойствия? — Девятый взмою вал.
Разрушишь тюрьмы? — Вырою подвал.
Раздашь богатства? Станешь всех бедней? —
Ожидовеешь в жадности своей!

На подвиг встанешь жертвенной любви? —
Очнешься пьяной по плечи в крови.
Замыслишь единенье всех людей? —
Заставлю есть зарезанных детей!

Ты взыскана судьбою до конца:
Безумием заквасил я сердца
И сделал осязаемым твой бред.
Ты — лучшая! Пощады лучшим нет.

В едином горне за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз.
А из тебя, сожженный Мной народ,
Я ныне новый выплавляю род!

(1923)

За что же такие напасти на этот многострадальный, большой, героический (в отличие от малых героических) народ, — мог бы спросить «проницательный» читатель. Ответ Провидения (отнюдь не Волошина!) гласит: «Из избранных тебя избрал я, Русь! // И не помилую, не отступлюсь...» И тут уже ничего не поделаешь — тут выбор Провидения! А далее еще более парадоксальная «логика» у этого Провидения: «Ты — лучшая! Пощады лучшим — нет!». Тогда все несогласные с первой половиной данного утверждения (а их будут тьмы и тьмы), естественно, постараются не давать пощады этому народу, пока он не окажется сожженным (т. е. они призваны успешно работать на замысел Провидения!).

Но тут еще возникает вопрос к самому Провидению: на основании каких свойств и качеств, какой такой «информации», да и за что считать этот самый, мягко выражаясь, странный народ – лучшим? Это что еще за расизм такой у Провидения (Волошина)? А не пора ли тащить Его (Провидение, конечно) в какой-нибудь Гаагский трибунал по правам народов и доказывать Ему там, что все народы равны, за исключением, конечно, всем известных, которые должны быть гораздо более равны, чем другие, и имеют более равные права в «правовом поле»... О, мы не станем ничего доказывать или отвечать на вопросы за Провидение – пусть Оно само «отвечает» и «доказывает» и пусть «проницательный» читатель сам догадывается об этих «ответах» и «доказательствах». Нам же важно здесь подчеркнуть, что путь посвящения этого народа – это крестный путь на Голгофу. И на нем нет долгих передышек и уютных бивуаков. Все иллюзии должны быть изжиты до конца (в том числе и иллюзии православной маниловщины: «Молитвы человеческие – дым»), все виды «очистительного пламени» (Волошин) – все «измы» должны быть пройдены. Только тогда возможно Воскресение. В наши же дни мы переживаем лишь этап «раздачи богатств» всем проходимцам, добавим от себя, и их перманентный передел. И вследствие этого, естественно, становимся «всех бедней» и, кажется, весьма успешно, по слову поэта, «жидовеем в своей жадности» (можно, конечно, надеяться, что этот период дан нам в испытание не на веки вечные).

В современной же, так сказать, формулировке волошинское «благословение» (в контексте наших дней) звучит следующим образом (уже в прозе). Тут «волошинское Провидение» действует через колониальную администрацию (власть) на Руси: «Народ беззащитен перед властью, которая, измываясь и глумясь, все двадцать лет делает с ним все, что пожелает. Теряя, словно на мировой войне, по миллиону в год одними убитыми, народ истребляется властью – его то бьют наотмашь дубиной на улице, то изводят хитроумным ядом с телеэкранов, то губят в Чечне, то топят в наводнениях, то травят газами, то морят холодом и голодом.

Власть, словно заядлый вивисектор, изобретает все новые средства для истребления собственного народа. Что бы еще изобрести такое, чтобы народ, наконец, сгинул с лица земли?

Он пытается выкарабкаться? Забить его преступностью, бытовухой и маньяками, трахнуть в подъезде, зарезать в пьяной драке, а труп расчленить!

Слишком живуч? Придавить его наркотой, открыть границы для героина, распропагандировать отраву в модном журнале, принести шприц в школу!

Голову поднимает? Так развратить его телесно и духовно, совратить его детей и дев, растоптать его последние святыни, лишить сил в мороке тотального предательства, "общечеловеческих ценностей" и пивных фестивалей.

Еще дышит? Тогда повально лишить работы, учебы, лекарств, жилья. Парней бросить в кавказскую мясорубку, девок – в турецкие бордели, неродившихся младенцев – в абортарий, стариков – в крематории! И – как дустом сверху, чтобы ничего не росло и даже духом русским не пахло – экономической деградацией, "шоковой терапией", приватизацией, дефолтом и новыми "реформами смерти".

Сиротливый народ забит, запуган, скукожился, пытаюсь увернуться от методичных ударов властного сапога. Не смеет роптать, одурманен тотальным пиаром, что, словно патока, залепляет очи. Он безмолвствует, апатичен, загнан в духовное подполье. Он лишен будущего и не знает, ради чего рожать детей, ради чего продолжать прозябать самому и все глядеть на упадок и измену...».⁷⁵

Вот такое не совсем благозвучное, можно сказать, «стихотворение в прозе», вовсе не похожее на подобный жанр у Тургенева (да и совсем не тургеньевские словечки встречаются: «бытовуха», «трахнуть», «наркота», «абортарий», «приватизация», «дефолт», «скукожился»). Но и это не беда, дело поправимое: эстетически привередливый читатель мог бы при желании

⁷⁵ Денис Тумаков. Геноцид народа // Завтра. № 40, 2003. С. 2.

расположить этот, казалось бы, прозаический текст... «лесенкой» Маяковского, и вот вам пожалуйста, чем не поэзия, чем не гражданская лирика на тему: «Выдь на Волгу, чей стон раздается...» и «Ты проснешься ль исполненный сил, // Иль судеб, повинуюсь закону, // Все, что мог, ты уже совершил... // И духовно навеки почил?..» Впрочем, народ давно уже у нас не стонет – отучили, – а смиренно вытягивает ноги, и это, как ни странно, залог нашего Воскресения в некоем отдаленном будущем...) Вот, правда, до космического, волошинского уровня и, следовательно, смысла все-таки не дотягивает это замаскированное «стихотворение в прозе» (как мог бы заметить «проницательный читатель», нас волнует в произведениях искусства не отдельно их так называемое «идейное содержание», но и форма; потому-то мы и не упускаем случая лишний раз напомнить читателю, что какой же поэт этот Волошин, какая там у него «поэзия»; да разве это поэзия?!)

Следующий этап, который нас ожидает, поэт тоже от нас не скрыл:

На подвиг встанешь жертвенной любви?
Очнешься пьяной по плечи в крови.
Замыслишь единенье всех людей?
Заставлю есть зарезанных детей.
Ты взыскана судьбою до конца:
Безумием заквасил я сердца
И сделал осязаемым твой бред.

Можно заметить, что все основное происходящее на Руси и что описывал поэт в своей «поэтической науке», происходит в ритме повторов и возвращений с поправками на новый контекст. Ведь, согласно видению поэта, время – остановилось (см. его цикл «Когда время останавливается») и уже (уточним мы) начало двигаться в некотором отношении... в обратном порядке, направлении, то есть стал заметен не только поток времени, который устремляет нас в «светлое» и, так сказать, «психотронное» будущее, но и поток времени, если внимательно присмотреться, идущий из будущего в прошлое. Он-то и будет сносить все, что «прогрессивное и демократическое»

человечество, а точнее властители дум и водители, понатворили и возвели тупикового в умах, науках, социальных структурах, в культуре, цивилизации, глобализации и т. д. в последние два-три века – будет сносить – к «Новому средневековью», по выражению Н. Бердяева, а мы бы дерзнули выразиться точнее – в бездну, в тар-тара-ры...⁷⁶

Но тогда, добавим мы от себя, неизбежен повтор основных этапов, по которым мы ударными темпами продвигались в «светлое будущее», – только в обратном порядке и в метаморфизированных формах: НЭП – новая экономическая политика (наша так называемая перестройка); следующий этап – гражданская война (тоже между богатыми и бедными, но уже не только на идеологической, а на национальной и религиозной основе (ее симптомы, признаки в стихотворении Волошина: «Очнешься пьяной по плечи в крови» и «Заставлю есть зарезанных детей»); затем следующий короткий этап – революция, потом перманентная мировая война (а точнее, война всех против всех), если, как отмечал Рудольф Штейнер, человечество не придет к познанию и сотрудничеству с Духовными мирами, не придет к эзотерическому христианству (по крайней мере, европейское человечество). Таково водительство Провидения.

В результате «вразумления» и водительства (а с нами ведь просвещением, увещеваниями да беседами, докладами да лекциями и даже постиндустриальными соблазнами потребления, развращением и добиванием ну никак до конца не справиться – такой мы уникальный, в основном, из фауны (смотри Гоголя и Щедрина), да из князей и княжон Мышкиных, состоящий народ) – из нас, по замыслу Творца, и должен через весьма долгий

⁷⁶ И тут мы не одиноки! Вот и доктор философии Рудольф Штейнер в свое время высказывал весьма схожие идеи. И да познает их «проницательный» читатель: «Смертью должно будет стать все, что не оплодотворится из духовного мира. Вводите в эту эпоху души сознательной демократию, парламентаризм, технику, новейшее финансовое дело, новейшую индустрию, вводите национальный принцип во всем мире... Но если все это вы не хотите оплодотворить импульсами сверхчувственного мира, то вы только способствуете смерти». В другом месте он разъясняет: «Все зависит от того, откроет ли человечество сердце и чувства тому, что идет из науки посвящения... Либо это произойдет, либо человечество упадет в бездну». (Anthropos. Опыт энциклопедического изложения Духовной науки Рудольфа Штейнера. Т. 2. С. 36).

промежуток времени выплавиться некий «новый род». Очевидно, другие народы, по мнению Провидения, мало подходят для этой Его цели: могут не выдержать выплавки (переплавки): мы-то уже и то висим на волоске: вот-вот бездыханные рухнем в бездну (как только «реформаторы» у нас «реформы» до победного конца, до второй перестройки доведут), а что же говорить об остальных «цивилизованных» народах!

Но об этом «новом роде» нам уже более подробно, чем наш поэт рассказывает Великий посвященный эзотерического христианства, основатель Духовной науки – Рудольф Штейнер:

«Начиная с IX, X-го века в одной из областей цивилизованного мира была создана возможность возникновения непосредственно Христова народа, того народа, который получил особую внутреннюю способность нести откровения Христа в будущие столетия... Принадлежащие к области европейского Востока люди держали свои души открытыми навстречу непрекращающемуся струению в них Христова Импульса, навстречу беспрестанному, непрекращающемуся присутствию Христова веяния. Произошло так, что эта особая метаморфоза была отеснена на Восток, и этим русский народ в самом широком смысле слова стал в европейской цивилизации народом Христа. Знать это исключительно важно в настоящее время. Только не говорите, что такая истина выглядит странно по отношению к событиям наших дней. Говоря так, вы отвергли бы основное правило спиритуальной мудрости, состоящее в том, что внешние события часто парадоксальным образом противоречат внутренней истине свершений...»

Эти слова Рудольфа Штейнера абсолютно применимы и к современной ситуации на Руси, ибо сама эта ситуация является наиболее убедительным и неоспоримым доказательством – от обратного! – того, что русский народ и есть народ Христа, ибо такой страшной мистерии ни с каким народом не происходит, не творится, ибо он ведь один проходит свой крестный путь на Голгофу. Остальные норовят его самыми разнообразными и даже изощренными способами добить, инспирированные силами тьмы и зла, да и

сам он, этот «загадочный» народ мазохистским образом преуспевает в этом занятии – самодобивании.

«Христос, – отмечал Рудольф Штейнер, – все время присутствует в этом народе как проникающая мышление и чувство этого народа внутренняя аура. Особенно сильное доказательство этого можно найти во Владимире Соловьеве. Чистейшим, прекраснейшим представителем Христова народа является философ Владимир Соловьев». И далее об этом народе Христа и Самодуха (то есть, индивидуализированного Св. Духа) Штейнер говорит следующее: «На русский народ, как на народ, перенесена миссия: до 6-го послеатлантического периода так разработать сущность Грааля как религиозную систему, чтобы она смогла затем стать ферментом культуры всей земли... Настроение Грааля живет полностью в русском народе. И на существующей в этом русском как таковой непобедимой настроенности Грааля как раз и покоится то будущее значение русского народа для 6-ой послеатлантической культуры».⁷⁷

Но Доктор Штейнер был, нам кажется, в этом отношении все-таки большой оптимист: он знал и верил, что приблизительно через 1500 лет миссия этого народа состоится (хотя и предупреждал, что если мы за это время не воспримем Эзотерическое Христианство,⁷⁸ то Дух народа может отлететь от нас). Так что нам все же желательно (хотя бы полдюжине известных ученых мужей, «инженеров человеческих душ» на всю Россию) непредвзято заглянуть в Духовную науку эзотерического христианства (у

⁷⁷ Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штейнера. Т. 2. С. 127–128.

⁷⁸ «Я обращаюсь к вам не как западный европеец, не как принадлежащий к той или иной нации; я знаю, что это не так. И, может быть, как раз поэтому мне позволено сказать вам: целебная сила для Блага России существует, целебное средство есть, но это благо не должно быть искомо на ложном пути. И это я говорю не потому, что я люблю Антропософию, а потому, что все развитие человечества учит нас этой истине. Благо для России существует, и имя этого спасительного блага – Антропософия. Для других областей Земли это духовное познание является чем-то прекрасным, чем-то таким, что продвигает людей вперед, для России же духовное познание станет единственным спасением, тем, существование чего необходимо, чтобы русская народность нашла контакт со своей народной Душой, чтобы эта народная Душа не оказалась отозванной к другим задачам, чем те, которые ей предназначены...» (Р. Штейнер в кн.: Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штейнера. Т. 2. С. 128).

кого духу хватит, кто не поленится и не побоится добросовестно это сделать). Тогда бы нам, может быть, и открылись пути выхода из нашей Бездны. Но ведь не многих известных деятелей культуры за последние двадцать лет Антропософия заинтересовала. Это, конечно, ничего не говорит об Антропософии, а только о том, насколько безумны и демонизированы сейчас наша культура и ее выразители.

Но вот зато есть у нас забавный пример, как талантливый человек, который «забыл» заглянуть в Духовную науку, хотя о ней и давно знает (с 60-х годов), ради красного словца... поспешил возвести Русскую бездну в метафизический статус вечности («Запредельной Бездны»), а заодно и Россию – в статус «Вечной России». (Вот до чего можно додуматься, если десятилетиями упорно изучать Веданту.) О, это наш современник и соотечественник весьма известный (и не только у нас, а и в Европе, и в Америке) писатель, философ, метафизик, большой эрудит и большой черный юморист, автор «Шатунов» – Юрий Мамлеев. Так вот он на досуге о нашей миссии, нашем призвании, назначении целую доктрину, а мы бы сказали поэму в прозе сочинил (раскрутил) – поэтическую доктрину Вечной России. Ну и что же тут в этом неладного? – мог бы спросить «проницательный» читатель. Да нет же, не в этом дело. Дело в том, что после стихов, поэм и эссеистики Волошина о России эта «запредельная» басня Юрия Мамлеева могла бы заморозить простодушных читателей своей космической маниловщиной. А вот наша обязанность перед драгоценным читателем все же не завораживать его метафизическими баснями, а самые что ни на есть суровые если не истины, то вещи ему рассказывать.

Так вот суть этой «запредельной» утешительной басни о «Вечной России» нашего, в некотором роде, прямо-таки уникального доморощенного мудреца в том и состоит, что Россия не просто «родина слонов», а русские не просто «слоны», но Россия – Космическая Родина Космических Слонов, одним боком вечно пребывающая в вечности (между Абсолютом и Запредельной Бездной). И эта Вечная Космическая Россия непременно

проявляется, проступает в разных видах и формах в разных... манвантарах (проницательному читателю, знакомому с учением и космологией Веданты, мы надеемся, нет необходимости объяснять это понятие, остальные же драгоценные читатели да пребудут во тьме и невежестве касательно этого понятия, ежели они не захотят познакомиться с философией Веданты), – но в формах, сохраняющих при этом связь со своим Метафизическим Архетипом, Центром, то есть, с Вечной Россией.⁷⁹

Тут можно было бы вспомнить, что у Даниила Андреева в его «Розе мира» мы находим описание затомиса Небесной России. Но это, так сказать, верхняя Русская Бездна. Однако если бы мы захотели получить представление о нижней Русской Бездне,⁸⁰ то нам следовало бы в первую очередь обратиться к стихам и эссеистике Волошина времен революции и Гражданской войны. Не будем же торопиться, раз мы уже вновь, в наши дни, драгоценный читатель, летим в эту нижнюю Русскую Бездну кверху пятками (как поется в народной песне: «Ямщик, не гони лошадей: мне некуда больше спешить...») и полюбуемся-ка мы с вами на заключительную главку поэмы Волошина «Россия».

⁷⁹ Наиболее яркие отрывки из этой «поэмы в прозе» мы приводим в Приложении № 3.

⁸⁰ Вообще-то пора завести речь о новой, слегка приоткрытой здесь нами, науке – безднологии. Основатель ее и творец, конечно же, – автор «Божественной комедии». Основы этой науки следовало бы, по нашему мнению, преподавать факультативно, ну хотя бы во всех серьезных вузах Руси, на 3-м или 4-м курсе, дабы не росла молодежь наша – такая славная, веселая, беззаботно-карнавальная совсем уж в неведеньи счастливом об этой весьма интересной стороне бытия (ведь не имеет смысла всю жизнь пребывать инфантильной жертвой шоу-бизнеса). А эта наука только на Руси славна уже именами таких классиков как Достоевский («Бесы» и остальные его романы); Леонид Андреев («Бездна», «Тьма» и многие другие рассказы); конечно же, Максимилиан Волошин (стихи и эссе о Первой Мировой войне, революции и Гражданской войне); Андрей Белый («Серебряный голубь», «Петербург», «Москва»); Пимен Карпов («Пламень»); Андрей Платонов («Чевенгур», «Котлован»); Даниил Андреев («Роза мира»); А. Солженицын («Архипелаг ГУЛАГ»); В. Шаламов (все его рассказы); Юрий Мамлеев («Шатуны», «Вечная Россия», ряд рассказов); А. Дугин («Русская вещь»); В. Ерофеев («Попугайчик», «Энциклопедия русской души»); Э. Лимонов («Другая Россия»); Александр Потемкин («Человек отменяется»); Александр Проханов «Виртуоз»; Максим Калашников («Спецназ Всевышнего»); Ю. Линник (эссе и стихи о Верхней Бездне) и др. Но все сие – экзотерика этой науки. Действительная же тайна Бездны, ее эзотерика покоится в тайне и доступна лишь высочайшим Посвященным.

Крыжанич жаловался до Петра:
«Великое народное несчастье
Есть неумеренность во власти: мы
Ни в чем не знаем меры да середины,
Всё по краям да пропастям блуждаем,
И нет нигде такого безнарядья,
И власти нету более крутой».

Мы углубили рознь противоречий
За двести лет, что прожили с Петра:
При добродушии русского народа,
При сказочном терпении мужика —
Никто не делал более кровавой —
И страшной революции, чем мы.
При всём упорстве Сергиевой веры
И Серафимовых молитв — никто
С такой хулой не потрошил святыни,
Так страшно не кощунствовал, как мы.
При русских грамотах на благородство,
Как Пушкин, Тютчев, Герцен, Соловьёв, —
Мы шли путём не их, а Смердякова —
Через Азефа, через Брестский мир.

В России нет сыновнего преемства
И нет ответственности за отцов.
Мы нерадивы, мы нечистоплотны,
Невежественны и ущемлены.
На дне души мы презираем Запад,
Но мы оттуда в поисках богов
Выкрадываем Гегелей и Марксов,
Чтоб, взгромоздив на варварский Олимп,
Куриль в их честь стираксою и серой
И головы рубить родным богам,
А год спустя — заморского болвана
Тащить к реке привязанным к хвосту.

Зато в нас есть бродило духа — совесть —
И наш великий покаянный дар,
Оплавивший Толстых и Достоевских
И Иоанна Грозного. В нас нет
Достоинства простого гражданина,
Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности, — рядом
С любым из европейцев — человек.

У нас в душе некошеные степи.
Вся наша непашь буйно заросла
Разрыв-травой, быльём да своевольем.
Размахом мысли, дерзостью ума,
Паденьями и взлётами — Бакунин
Наш истый лик отобразил вполне.
В анархии всё творчество России:
Европа шла культурою огня,
А мы в себе несём культуру взрыва.
Огню нужны — машины, города,
И фабрики, и доменные печи,
А взрыву, чтоб не распылить себя, —
Стальной нарез и маточник орудий.
Отсюда — тяж советских обручей
И тугоплавкость колб самодержавья.
Бакунину потребен Николай,
Как Пётр — стрелцу, как Аввакуму — Никон.
Поэтому так непомерна Русь
И в своеволии, и в самодержавьи.
И в мире нет истории страшней,
Безумней, чем история России.

Так почему же так с нами выходит? Почему же мы «по краям, да пропастям блуждаем», да в «Русскую Бездну» срываемся?! О, на эти вопросы метафизического ответа у Волошина мы не найдем. Но зато этот метафизический ответ есть в поэме в прозе Юрия Мамлеева «Вечная Россия». И ее можно было бы счесть за метаморфозу, за, так сказать, потенцирование поэмы Волошина до уровня «прафеномена» (Гёте), до уровня Космического Архетипа, где уже содержится мифологический (впрочем, для кого-то и философский), но и «запредельный» ответ на эти вопросы, а не на уже ставшие идиотичными вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?». Виновные все всегда известны, а ответ на вопрос «Что делать?» тоже появился не сегодня, а точнее в 1913 году, когда Рудольф Штейнер встретился с русскими антропософами и ответил на их вопросы.

А «запредельная» басня Мамлеева, замешенная на космогонии Веданты, может быть, кому-то важна и нужна, кого-то развлечет, а кого-то и утешит,⁸¹

⁸¹ См. Приложение № 3.

особенно в наши дни, когда снова раскрывается «русская бездна». Но вот малоутешительные строки на эту тему из одноименного эссе Волошина:

«Воистину в судьбах России скрыта тайна, вызывающая ужас и головокружение. Прикосновение к сердцу ее – для чужеземца смертельно...

Россия – бездна.

Россия – омут.

Россия – болотная топь...

Психологический омут безумия и бесноватости, разверзшийся в России, куда страшнее стихийных бедствий физического характера... От бесноватости нельзя избавиться путем хирургическим...

Свойство бесов – дробление, множественность.

"Имя мне легион".

Изгнанный из одного одержимого, бес становится множеством, населяет целое свиное стадо, а свиное стадо увлекает своих пастухов вместе с собою в бездну.

Перегонять бесов из человека в свинью, из свиньи в бездну, из бездны опять в человека – это значит только способствовать бесовскому коловращению, вьюжной метели, заметающей русскую землю.

Только внутренним самоочищением и молитвой можно бороться против бесноватости.

Достоевский, как никто другой почувствовавший органическую сущность России, оставил точное и подробное описание того, что совершается с нами теперь. Это бред Раскольникова в Сибирском остроге: предпоследняя страница, заключающая собою "Преступление и наказание"».

И далее Волошин цитирует описание сна Раскольникова и дает к нему свои комментарии. Напомним и мы читателю начало описания этого сна: «Ему чудилось, что весь мир осужден в жертву неслыханной и невиданной моровой язвы, идущей из глубины Азии на Европу: появились какие-то новые трихины – существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но

эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими...»

Еще раз вернемся к вещим словам Волошина о «русской бездне», дав им фокусировку, и затем попытаемся вскрыть их конкретный, глубинный, то есть духовный, эзотерический смысл с помощью Антропософии.

«Воистину в судьбах России скрыта тайна, вызывающая ужас и головокружение...

Россия – бездна.

Россия – омут.

Россия – болотная топь...

Психологический омут безумия и бесноватости, разверзшийся в России, куда страшнее стихийных бедствий физического характера...

Великая русская равнина – исконная страна бесноватости».

Еще и еще раз поэт проводит перед нами «страшную, безумную» «судьбу России», раскрывая нашу историософию, указывая на эзотерическое направление нашего движения на физическом плане – с юго-запада (Карпаты) на северо-восток (территория будущей шестой славянской культуры Самодуха):

Северо-восток

*Да будет благословен приход твой –
Бич Бога, Которому я служу,
и не мне останавливать тебя.*

*Слова Св. Лу, архиепископа
Турского, обращенные к Аттиле*

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек –
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный Северовосток.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов,

Красных туч и пламенных годин.
Этот ветер был нам верным другом
На распутье всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль – на Северовосток.
Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба;
В этом ветре вся судьба России –
Страшная, безумная судьба.

В этом ветре – гнет веков свинцовых,
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса –
Чертогона, вихря, свистопляса –
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья?
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах – дурь самодержавья,
Взрывы Революции – в царях.
Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества –
Тот же хмель и та же трын-трава.

Ныне ль, даве ль? – все одно и то же:
Волчьи морды, машкеры и рожи,
Спертый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенов и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров.

Сотни лет тупых и зверских пыток,
И еще не весь развернут свиток,
И не замкнут список палачей,
Бред Разведок, ужас Чрезвычайек –
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик
Не видали времени горчей.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами –
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идем по ледяным пустыням –
Не дойдем... и в снежной вьюге сгинем
Иль найдем поруганным наш храм.
Нам ли весить замысел Господний,
Все пойдем, все вынесем любя –
Жгучий ветер полярной Преисподней –
Божий Бич! – приветствую тебя!

(1920)

Ну а как же, каким же манером действуют «трихины» Достоевского (бесы) в этой «Русской бездне» в наши дни? – мог бы спросить любопытный читатель. Как они готовят новую гражданскую войну (уже не только на социальной почве, но и на национально-религиозной) и вообще «войну всех против всех»? Первый их прорыв в социум не мог быть никакой перестройкой (они ведь духи лжи и насилия), а только сразу «катастрофкой» (А. Зиновьев), сразу – социально-психологическим Чернобылем, – грандиозным, тотальным, невиданным и неслыханным в истории России предательством интересов народа, с одной стороны, интеллектуалами «пятой колонны» (впрочем, на то она и «пятая колонна»), с другой стороны – предательством разложившихся всех эшелонов власти (сверху донизу) – нашего родного, то есть, вышедшего из народа чиновничества («трихины» легко завладели туловищами и головами этих бессмертных персонажей Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Сухово-Кобылина), превращением чиновничества, бюрократии в колониальную администрацию Запада. За годы «катастрофки» итогом, результатом этого предательства, разложения и «оккупации» бесами, «трихинами» оболочек нашего чиновничества, представителей криминалитета и так называемого бизнеса явились – безмыслие, безволие, невежество, животная жадность, коррупция, продажность (понятие «эгоизм» здесь уже не подходит), наглость, агрессивность, разгул преступности, оскотинение (настоящий «скотный двор» из романа Дж. Оруэлла). Вот они – плоды, с одной стороны, более чем

150-летней базаровщины, то есть вульгарного материализма и нигилизма почти всего чиновничества, всех властей предержавших сверху донизу – их абсолютная беспомощность что-либо изменить в «положении дел» (Салтыков-Щедрин) в лучшую сторону. С другой стороны – мы имеем «плоды просвещения» (Л. Толстой) нашей православно-византийской «соборности», стремящейся к возрождению Руси как Третьего Рима с помощью доктрины неовизантизма.⁸² С третьей стороны, силы тьмы и зла на Руси ныне раскрывают ворота ада настужь: тотальная алкоголизация населения (народа-то уже почти не осталось), наркотизация всех видов (в особенности, подавляющая «я»-сознание и все светлые духовные импульсы); изуверские, сатанинские секты; фактическое свертывание даже базаровской медицины и замещение ее «медициной» экстрасенсов, колдунов, ведьм, серых и черных магов; небывалый бум игорного бизнеса, компьютерные игры, и вообще, компьютерная одержимость как форма интеллектуальной наркомании; монетизация и политизация всей страны (в реальности, тотальное ограбление через чудовищный, сатанинский процент кредитования и изничтожение народа), навязывание конкуренции, политической борьбы и потребления как высших целей и ценностей существования и смысла жизни;

⁸² Современный религиозно-политический философ Аркадий Малер так характеризует миссию Руси как Третьего Рима: «Миссия Третьего Рима невозможна до тех пор, пока сам Третий Рим не вернется в свое подлинное историсофическое состояние. И для этого необходимо соблюсти три абсолютных условия: 1) воцерковление интеллектуальной культуры («неопатристический синтез»); 2) православно-имперская экспансия (предполагающая, как минимум, возвращение утраченных российских территорий); 3) новое воцерковление Российского Государства, возвращение ему византийского, симфонического смысла» (Малер А. М. Духовная миссия Третьего Рима. М., 2005. С. 192–193). И тут встает вполне роковой вопрос для остатков русской интеллигенции (точнее – «образованщины»): неужели она готова отстаивать и навязывать народу византийскую государственность? Не самоубийственный ли это выбор, даже под предлогом борьбы Третьего Рима с Третьим Карфагеном (США)? Неужели хоть некоторые представители этой интеллигенции не прислушаются к словам Великого посвященного эзотерического христианства XX столетия. Вот к этим словам: «Россия – сплав трех элементов: остатки византийской религиозной культуры, нормано-славянская кровь и азиатский деспотизм, в разных видах действовавший на Востоке Европы. Но все это лишено духовной продуктивности, эти три элемента совсем не то, что исходит от самой русской души. Они не показательны для того, что действительно живет в русской душе...

Что является величайшей мыслимой противоположностью принципа эмансипации личности? Византийский элемент. Можно представить себе, что если бы византийский элемент в русском православии распространился бы еще шире, так что эта смерть всего индивидуального, личного действовала бы еще гораздо интенсивнее – все равно не могло бы произойти ничего другого, кроме сильнейшей тяги к эмансипации личности» (Штейнер Р. О России).

организационная и психологическая война озверевшей от жадности, тупости и безнаказанности так называемой «элиты» со своим народом, «элиты», взрастившей упырей-олигархов; «элиты», развалившей самое элементарное воспитание, образование и просвещение народа (это ее преступление привело уже к необратимым последствиям – см. сериал «Школа»); американизация, дебилизация и сексуализация (как идеалы) всей так называемой культурной жизни; культ насилия и тотальная криминализация уже самой жизни, а не только там каких-то государственных или общественных структур; судебная система, неумолимо пополняющая новый ГУЛАГ из невольных преступников, порожденных такой социальной системой, при которой тирания и беспредел озверевших чиновников всяких рангов и ведомств на местах, сросшихся с криминалом, превращается в опору нового, на сей раз сатанинского феодализма с идеалом «золотого тельца»; наконец, попытка построения царства «матрицы» – царства оккультного материализма, ариманического сверхума – компьютерного, на фантастической уже основе. Управление психикой и поведением двуногой биомассы, превращение ее в биороботов и подавление любых протестов и любых попыток установить связь с Духовно-божественным миром, с Христом Второго Пришествия. Подавление на уровне мыслей (как идеал), под видом борьбы с терроризмом. Таковы некоторые конкретные проявления агрессии Люцифера и Аримана в нашу эпоху.

Так что теперь под угрозой само будущее шестой германо-славянской культуры, о которой говорил Рудольф Штейнер. А ведь еще не вечер... Вечер и ночь «нового средневековья» еще впереди... А перед этим еще можно ожидать и расцвета Кащеева царства – ведь оно еще, так сказать, в младенческом состоянии, на подъеме, может быть, и ему предстоит пройти свой этап (цикл) «цветущей сложности», как любил выражаться наш знаменитый и гениальный неовизантиец XIX века Константин Леонтьев.

И уже не могут утешительным образом (если, конечно, ничего такого малопонятного и космического, вроде 2012 г., не случится) звучать как

раньше слова великого народного поэта XIX века о том, что, мол, народ «вынесет все и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе...», ибо может и не остаться при таком «положении дел» и остатков (останков) этого самого народа. (Хотя герои и воины Св. Георгия и архая Михаила непременно объявятся и в конце концов одержат победу над Змеем Горынычем, ведь недаром же с детских лет у некоторых из нас все же осталось это воспоминание-призыв: «Товарищ, верь, взойдет она – звезда...») Неважно уже, кто кинул этот призыв и к кому он был обращен (в школе на это уже, кажется, перестали обращать внимание)... Теперь важно еще и другое: чтобы не просто верить стали (в том числе и во всякие призывы), а кое-что узнали бы серьезное эти романтически, а может быть, и реалистически настроенные юноши, «русские мальчишки» и из этих знаний Духа времени попробовали бы творчески действовать... в пику Змею Горынычу. «Вот в чем вопрос, – как говорил Гамлет, – ... Остальное – тишина...»

Впрочем, тут к месту, нашему любопытному и «проницательному» читателю будет небезынтересно узнать и еще об одной немаловажной напасти на Руси – особенности некоторых ее элементарных, природных духов и о том, как именно они – «сукины дети» – энергично добивают этот «великий и могучий» народ, который до сих пор и не подозревает (ни нюхом, ни ... чем) об их существовании.⁸³

И чтоб уже бесповоротно убедить читателя в том, что наша земная Родина (а стоит помнить, что есть у нас и Небесная Родина) действительно пока все еще «бездна», «омут», «болотная топь», «полярная преисподняя», а не просто какой-нибудь там город Глупов или есенинская Русь с ее березками и «розовыми конями», или даже «неосуществимый сон» – подводный Китеж, – нам здесь придется, оскорбив до некоторой степени эстетические чувства драгоценных читателей, привести, так сказать, «инварианты» описания этого феномена «русской бездны» и тех самых

⁸³ О них – см. Приложение № 4.

«трихин» Достоевского в «учено-поэтической религии» нашего поэта. Вот эти «инварианты» (во всей русской литературе ничего подобного не сыскать, и это не постмодернистские страшилки о деяниях философствующих шатунов и бомжей; этими стихами недаром возмущался эстет Бунин):

Бойня

(Феодосия, декабрь 1920)

Отчего, встречаясь, бледнеют люди
И не смеют друг другу глядеть в глаза?
Отчего у девушек в белых повязках
Восковые лица и круги у глаз?

Отчего под вечер пустеет город?
Для кого солдаты оцепляют путь?
Зачем с таким лязгом распахивают ворота?
Сегодня сколько? полтораста? сто?

Куда их гонят вдоль чёрных улиц,
Ослепших окон, глухих дверей?
Как рвёт и крутит восточный ветер,
И жжёт, и режет, и бьёт плетью!

Отчего за Чумной, по дороге к свалкам
Брошен скомканный кружевной платок?
Зачем уронен клочок бумаги?
Перчатка, нательный крестик, чулок?

Чьё имя написано карандашом на камне?
Что нацарапано гвоздём на стене?
Чей голос грубо оборвал команду?
Почему так сразу стихли шаги?

Что хлестнуло во мраке так резко и чётко?
Что делали торопливо и молча потом?
Зачем, уходя, затаили песню?
Кто стонал так долго, а после стих?

Чьё ухо вслушивалось в шорохи ночи?
Кто бежал, оставляя кровавый след?
Кто стучался и бился в ворота и ставни?

Раскрылась ли чья-нибудь дверь перед ним?

Отчего пред рассветом к исходу ночи
Причитает ветер за Карантином:
— «Носят вёдрами спелые грозды,
Валят ягоды в глубокий ров.

Ах, не грозды носят — юношей гонят
К чёрному точилу, давят вино,
Пулемётом дробят их кости и кольем
Протыкают яму до самого дна.

Уж до края полно давило кровью,
Зачервленели терновник и полынь кругом.
Прохватит морозом свежие грозды,
Зажелтеет плоть, заиндевеют волоса».

Кто у часовни Ильи-Пророка
На рассвете плачет, закрывая лицо?
Кого отгоняют прикладами солдаты:
— «Не реви — собакам собачья смерть!»

А она не уходит, а всё плачет и плачет,
И отвечает солдату, глядя в глаза:
— «Разве я плачу о тех, кто умер?
Плачу о тех, кому долго жить...»

(1921)

Что ж, кажется, эти последние две строки нашего истинного пророка XX века начинают звучать все более актуально (ведь ничего и никем не было сделано на Руси, чтобы они стали архивным изречением поэта) и XXI век уже изготовился явить нам ситуацию, при которой эти слова могут надолго стать кошмарной явью: «Разве я плачу о тех, кто умер? // Плачу о тех, кому долго жить...»

Эта ситуация может оказаться и такой, например, когда нам точно указывают, куда двигаться: «Россия — вперед!» — то бишь, к нанотехнологическому и правовому государству или к Третьему Риму. Но тогда встает вопрос, а стоит ли вообще плакать о тех, кто умер или о тех, кому долго жить в таком царстве-государстве. Однако два демона, уже

известных нашему пронизательному читателю не повторяют в своих играх уже использованные и не сработавшие ходы – они ищут и находят всё новые...

И это может быть совсем не ГУЛАГ, а, к примеру, война всех против всех в правовом государстве или в обществе потребления и «спектакля» с непременным контролируемым хаосом в мозгах и, следовательно, в социуме. Но тогда вопрос только в том, чтобы нашлись те немногие, кто мог бы плакать о тех, кто умер, да и о тех «кому долго жить» в таких доселе небывалых условиях.

А вот и еще примеры симптоматологии (зияния) «русской бездны» у Волошина, примеры, которые не имеет права обходить мало-мальски мыслящий и ищущий Истину читатель на Руси (как бы метафизически ни пудрил ему мозги своей концепцией Запредельной Бездны творец тошнотворных русских страшилок господин Мамлеев). Увы, даже когда раскрывается на Руси действительная адская бездна, и уже не только на уровне бомжей, мы не желаем ничего о ней знать и ведать; а нашему «мудрецу», загипнотизированному Ведантой, так подавай в придачу (после всяческой патологии) непременно «Запредельную Бездну и Вечную Россию» уже в качестве утешения. А вот Волошин был в реальной русской бездне (где водителем его было его Истинное «Я») и нам о ней поведал, дабы мы не только, так сказать, метафизикой Бездны занимались, а искали пути к выходу из нее, к ее реальному познанию и просветлению.

Террор

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин.
Сгоняли на тёмный двор.

Снимали с них обувь, бельё, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.

Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарём.
Полминуты работали пулемёты.
Доканчивали штыком.

Ещё недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землёй.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.

А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жёны, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.

(1921)

И если какой-нибудь «проницательно» настроенный читатель вдруг (любимое словечко Федора Михайловича!) подумает, что это все вытворяли какие-то там инородцы (ну, к примеру, латыши какие-нибудь), то он будет радикально не прав. Ведь, в самом деле, не могли же инородцы (к примеру, евреи) «потом с широкою русскою песней возвращаться в город домой»; да инородцы почти все на руководящих постах всегда на Руси пребывали, а «загадочный» народ в основном только и делал, что смиренно выполнял указания начальства – любого.

Но вернемся к вполне, так сказать, натуралистическим и вовсе не метафизическим описаниям «русской бездны» у нашего поэта.

Красная Пасха

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей. И стаи псов
Въедались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах.
А по ночам стучали пулемёты,
Свистя, как бич, по мясу обнажённых
Мужских и женских тел.
Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались недоноски
Безрукие, безглазые... Не грязь,
А сукровица поползла по скатам.
Под талым снегом обнажались кости.
Подснежники мерцали точно свечи.
Фиалки пахли гнилью. Ландыш — тленьем.
Стволы деревьев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными. А зелень злаков
Была опалена огнём и гноем.
Лицо природы искажалось гневом
И ужасом.
А души вырванных
Насильственно из жизни вились в ветре,
Носились по дорогам в пыльных вихрях,
Безумили живых могильным хмелем
Неизжитых страстей, неутолённой жизни,
Плодили мщенье, панику, заразу...

Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

(1921)

Здесь натуралистическая эстетика словесности поэта мощно работает на идею произведения. А ведь еще не так давно поэт обличал Репина (1913 г.) за натурализм его картины «Иван Грозный убивает своего сына». Впрочем, прав, прав был Бунин, ужасаясь таким стихам! Это действительно не поэзия. Но тогда что же? А разве «проницательный» читатель до сих пор не понял, что это исследование в жанре «религиозно-поэтической науки» —

исследование «русской бездны», «русского ада», кошмара, инспирированного Малым Стражем Порога русского народа, когда этот Страж стал, так сказать, видимым народу через кошмар. Ведь духовный мир совсем приблизился к душам людей в это время, но они ничего не захотели о нем знать и ведать. Но тогда одухотворение душ начало совершаться уже на иных путях – путях кошмара...

Мог ли Волошин, понимая все это, бежать от кошмара в Европу, куда его звали друзья, то есть, уклониться от пути посвящения, по сути дела. Истинный посвященный народа не бежит, а остается с народом, понимает, познает зло и заклинает тьму.

Русь гулящая

В деревнях погорелых и страшных,
Где толчётся шатучий народ,
Шлендит пьяная в лохмах кумашных
Да бесстыжие песни орёт.

Сквернословит, скликает напасти,
Пляшет голая — кто ей наказ?
Кажет людям срамные части,
Непотребства творит напоказ.

А проспавшись, бьётся в подклетьях,
Да ревёт, завернувшись в платок,
О каких-то расстрелянных детях,
О младенцах, засоленных впрок.

А не то разинет глазища
Да вопьётся, вцепившись рукой:
«Не оставь меня смрадной и нищей,
Опозоренной и хмельной.

Покручинься моею обидой,
Погорюй по моим мертвецам,
Не продай басурманам, не выдай
На потеху лихим молодцам...

Вся-то жизнь в теремах под засовом..
Уж натешились вы надо мной...

Припаскудили пакостным словом,
Припоганили кличкой срамной».

Разве можно такую оставить,
Отчураться, избыть, позабыть?
Ни молитвой её не проплавить,
Ни любовью не растопить...

Расступись же, кровавая бездна!
Чтоб во всей полноте бытия
Всенародно, всемирно, всезвездно
Просияла правда твоя!

(1923)

А вот и другое заклинание:

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений –
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.
(1920)

Увы, «праведная Русь» может возникнуть не так скоро как хотелось бы и уж тем более не так скоро просияет «всенародно, всемирно», да еще и «всезвездно» ее правда.⁸⁴ Но вот горькая правда истории XX столетия

⁸⁴ Да и у поэта нашего после всего пережитого появился более философический настрой по отношению к России: ему так и не дано было учуять существование ни Запредельной Бездны (ведь он в ней побывал и вернулся), ни Вечной России (тут он мыслил в созвучии с Гераклитом):

Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет все – Европа и Россия,

состоит в том, что эти наши «преступления», «исступления», это наше исконное, отечественное беснование было инспирировано, развязано черно-магическими деяниями разных оккультных «дядей» из лож, не проживавших на территории Святой Руси. Они-то, как известно проницательному читателю (без кавычек), и поставили грандиозный и жесточайший эксперимент в XX столетии над самым юным, можно сказать, младенческим народом, дабы отворотить беду от себя. Максимилиану Александровичу кое-что было известно на эту тему. Но как поэт и посвященный, не желающий иметь отношение к политике, он все-таки не стал называть эти черно-оккультные круги Запада (англо-саксонские ложы черной церемониальной магии), которые и направили «призрак коммунизма» бродить по Святой Руси. То, что он тут натворил, нам предстоит расхлебывать еще долго. Но, несомненно, Волошин понимал, что катастрофу Первой мировой войны и тем более революцию в России творили не одни «демоны машин», или «трихины» Достоевского, не одни отечественные бесы. Но об этом немного позже. А сейчас нам хотелось бы коснуться демонического аспекта «русского бесовства», «русской бесовщины» у Волошина.

«Лики» русского апокалипсиса, «Русской бездны» выявлены поэтом с гениальной художественной фокусировкой, эзотерической глубиной и пророческой, ясновидческой прозорливостью в разделе «Пути России», в третьей книге стихотворений «Неопалимая купина».

В «Предвестиях» – это «лик» событий 9 января 1905 года – «лик» Кровавого воскресенья. В нем нет описания самих событий, но дан скрытый, тайный «лик» этих событий:

Гражданских смут горячая стихия
Развееется... Расставит новый век
В житейских заводах иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек.
Но небо и земля – извечно те же...
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

(То есть Родина человека посвященного – его Высшее и Истинное «Я», а не «Вечная Россия»).

В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик втройне,
И каждый диск сочился, точно рана...
И выступила кровь на снежной пелене.

А ночью по пустым и гулким перекрёсткам
Струились шелесты невидимых шагов,
И город весь дрожал далёким отголоском
Во чреве времени шумящих голосов...

Уж занавес дрожит перед началом драмы,
Уж кто-то в темноте — всезрящий, как сова, —
Чертит круги, и строит пентаграммы,
И шепчет вещи заклятья и слова.

В стихотворении «Ангел мщенья» поэт создает «лик» незримого физическим очами люциферическо-ариманического двойника русского народного духа, двойника его Архангела, всенародного Стража Порога. Он выступил в художественном ясновидении поэта как «лик» зримого кошмара недалекого будущего и даже как «лик» демонического существа, инспирирующего войну всех против всех:

Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой — Справедливость!»
И враг прочтёт: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красоту,
И в душу мстителя вольётся страстный бред.
Меч справедливости — карающий и мстящий —
Отдам во власть толпе... И он в руках слепца
Сверкнёт стремительный, как молния разящий, —
Им сын заколет мать, им дочь убьёт отца.
Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух».
И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,
И звать других... Но каждый будет глух.
Не сеятель сберёт колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

«Лики» демонических существ – вестников Господнего Суда над Россией очерчены Волошиным в стихотворениях «Трихины» и «Демоны глухонемые». Особенно впечатляют эти «лики» в последнем стихотворении:

Они проходят по земле,
Слепые и глухонемые,
И чертят знаки огневые
В распахивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещей луч...
Их судьбы — это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.

(1917)

Однако некоторые демонические существа, действовавшие в русской истории, не были «слепыми и глухонемыми» демонами, а воплощались во вполне конкретных исторических личностях, которые вновь могут воплощаться в периоды смут на Руси. И Волошин воссоздает их «лики» в стихах «Demetrius-imperator» и «Стенькин суд».

В письме к А. М. Петровой от 18 января 1918 года он писал: «Мне, может, удастся выявить после и лики русских демонов, не только бесов. Пока у меня единый русский демон – "Димитрий-Император". Он уже историческое выявление демонизма, в свое время распыленного тоже между тысячами бесов ("имя ему – легион")».

О Самозванщине в лекции «Россия распятая» Волошин рассказывал: «Наравне с Разиновщиной, еще более жуткой загадкой ближайшего, может быть, завтрашнего дня, вставала Самозванщина на фоне Смутного времени. Мне показалась заманчивой и благодарной идея написать все Смутное время,

как деяние одного и того же лица, много раз убиваемого, но неизбежно воскресающего, неистребимого, умножающегося».

И в той же лекции мы находим и замысел стихотворения «Стенькин суд»: «Когда в октябре 1917 года с русской революции спала интеллигентская идеологическая шелуха и обнаружился ее подлинный лик, то сразу начало выявляться ее сродство с народными движениями давно отжитых эпох русской истории.<...> Прежде всего проступили черты Разиновщины и Пугачевщины и вспомнилось старое волжское предание, по которому Разин не умер, но, подобно Фридриху Барбароссе, заключен внутри горы и ждет знака, когда ему вновь «судить русскую землю... Самая идея Страшного Суда, вершащегося над Русской землей темными и мстительными силами, раздавленными русской государственностью и запечатанными в гробах церковной анафемой, внушили мне поэму "Стенькин суд"».

Финал поэмы – недвусмысленное предостережение поэта-посвященного – «русской государственности», если она доводит дело до смуты:

И как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь,
Так за то на расправу на правую
Сам судьёй на Москву ворочусь.
Рассужу, развяжу — не помилую, —
Кто хлопы, кто попы, кто паны...
Так узнаете: как пред могилою,
Так пред Стенькой все люди равны.
Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому — всяк.
Тут пойдут их, голубчиков, миловать,
Приласкают московских собак.

Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех.
Пообрубят им рученьки-ноженьки:
Пусть поползают людям на смех.
И за мною не токмо что драная
Гольтьба, а казной расшибусь —
Вся великая, тёмная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.

Мы устроим в стране благолепье вам, —
Как, восставши из мёртвых с мечом, —
Три угодника — с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой придём Пугачём.

(1917)

Поэма «Китеж» – это воплощение «лика» «Святой Руси, покрытой Русью грешной». Поэма выражает глубинный, историософский смысл русской истории, парадоксально заостряет вопрос о нашем идеале, о нашей теологической цели, к которой (к которому) «нет путей» («И нет в тот град путей, // Куда зовет призывный и нездешний // Подводный благовест церквей»). Почему же нет туда путей? С ответа на этот невысказанный вопрос начинается стихотворение:

Вся Русь — костёр. Неугасимый пламень
Из края в край, из века в век
Гудит, ревет... И трескается камень.
И каждый факел — человек.

И далее следует знаменательный вывод:

Ни Сергиев, ни Оптиная, ни Саров —
Народный не уймут костёр:
Они уйдут, спасаясь от пожаров,
На дно серебряных озёр.

То есть поэт констатирует бессилие Святой Руси преобразить нарастающее зло – ту самую «окаянную» Русь, о которой он вел речь в «Стенькином суде». Идеал Святой Руси – Китеж погрузился «на дно души» («На дне души гудит подводный Китеж // Наш неосуществимый сон!»). К идеалу (к цели нашей) «нет путей»:

Не в первый раз, мечтая о свободе,
Мы строим новую тюрьму.
Да, вне Москвы — вне нашей душевной плоти,
Вне воли медного Петра —
Нам нет дорог: нас водит на болоте
Огней бесовская игра.

Тогда есть ли надежда, что когда-нибудь «со дна души» поднимется и воплотится наш «неосуществимый сон»? Поэт надежды и веры в это не теряет:

Но и теперь, как в дни былых падений,
Вся омрачённая, в крови,
Осталась ты землёю исступлений —
Землёй, взыскующей любви.

В цикле «Пути России» Волошин творит и «лик» русской революции в одноименном стихотворении. За внешним выражением этого «лика» поэт раскрывает нам и ее эзотерический смысл:

Русская революция

Во имя грозного закона
Братоубийственной войны
И воспалённые, и красны
Пылают гневные знамёна.

Но жизнь и русская судьба
Смешала клички, стёрла грани...

.....

России душу омрачая,
Враждуют призраки, но кровь
Из ран её течёт живая.

Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Её погибельные тропы.
Пусть бунт наш — бред, пусть дом наш пуст,
Пусть боль от наших ран не наша,
Но да не минет эта чаша
Чужих страданий — наших уст.
И если встали между нами
Все бреды будущих времён —
Мы всё же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.
Тончайшей изо всех зараз,
Мечтой врачует мир Россия —

Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия.

(1919)

В лекции «Россия распятая» Волошин так объяснял эту свою точку зрения: «Россия – социально наиболее здоровая из европейских стран – совершает в настоящее время жертвенный подвиг, принимая на себя примерное заболевание социальной революцией, чтобы, переболев ею, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе».

Эта точка зрения совпадает с некоторыми мыслями Рудольфа Штейнера о жертвенной роли России, о несении ею креста мировой кармы материализма. Но Рудольф Штейнер, как посвященный Духа времени Архая Михаила, раскрыл в своих лекциях и роль черно-оккультных англосаксонских лож в подготовке и проведении этого первого эксперимента над Россией.⁸⁵ Можно здесь также отметить и несовпадение точек зрения Волошина и Штейнера на большевизм. Если Штейнер подчеркивал радикальную чуждость большевизма самому душевно-духовному строю русского народа и раскрывал, кто, почему и как готовил русскую революцию и большевистский эксперимент над Россией, то Волошин при самом трезвом понимании того, как действовали большевики, оболванивая народ, все же считал, что «большевизм оказался глубокой правдой о России» (см. его эссе 1920 г. «Россия распятая»). Увы, наш поэт – это надо признать в данном случае – не учитывал до конца роль кукловодов самого большевизма, которые, преследуя свои цели, сыграли на некоторых свойствах, качествах, особенностях русского народа (как на самых возвышенных, так и на самых звериных, но, в первую очередь, на его детской доверчивости, отсутствии самосознания у большей части народа, ибо это народ не «я»-сознания, но откровения). В эссе «На весах поэзии» Волошин писал о большевизме: «Большевизм на весах поэзии – явление национальное. Это определение,

⁸⁵ См.: Прокофьев С. О. Духовные судьбы России и грядущие мистерии Святого Грааля. М., 1997.

конечно, не может встретить сочувствующих ни по ту, ни по сю сторону фронта, потому что для добровольцев большевизм может быть только заговором злоумышленников-германцев или евреев безразлично, а для самих большевиков он – начало Всемирной Революции, то есть явление интернациональное, а отнюдь не национальное.

Суть в том, что древняя, темная, историческая жизнь России, так долго скрываемая под спудом империи, сразу выступила из берегов, как только большевистская пропаганда (от кого бы и во имя чего бы она ни исходила) обратилась с призывом к жадным, мрачным и разбойничьим сторонам русской души.

Тогда из народной глубины поднялись страшные призраки XVI и XVII веков, которых мы считали давно похороненными.

Но оказалось, что они живы и переполнены сил, что все это время они жили рядом с нами, задыхаясь под железными обручами, которыми их сковала Петербургская Империя.

Большевизм оказался неожиданной и глубокой правдой о России, которую предстоит связать со всем нашим мирозерцанием и идеологическим отношением к России.

Поэтому большевизм является и, вероятно, останется самой глубокой и плодотворной темой для Русской поэзии».

Увы, поэт, как нам кажется, все-таки перепутал здесь «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», «страшных призраков XVI и XVII веков», то есть люциферические импульсы, которые действительно во многом, можно сказать, явления национальные, особенно если весить их на «весах поэзии» («Dmetris-Imperator», «Стенькин суд»), с чисто ариманическим импульсом большевизма, который невозможно поэтизировать (конец Есенина, Маяковского, уничтожение скольких еще неугодных поэтов!), который лишь воспользовался в своих целях «жадными, мрачными и разбойничьими сторонами русской души». И, конечно же, не мог оказаться большевизм «глубокой правдой о России» (даже в смысле «спасения» ее от

анархии и гибели в те дни!), и нет никакого повода (особенно в наши дни) связывать его «со всем нашим мирозерцанием». И не стоит путать большевизм (от которого одним махом отделилась прогнившая верхушка высшего эшелона власти в 1991 году, перекинувшись на службу тем, кто к этому времени уже подготовил и разработал во всех деталях второй эксперимент над Россией, над русским народом, дабы не поднялся он с четверенек во веки вечные) с идеями истинно справедливого социального устройства (можно было бы условно назвать его и духовным социализмом),⁸⁶ основанного не на уравниловке, а на братстве людей в хозяйственной жизни, на свободе в духовной сфере и равенстве в правовой сфере (а также, равенстве возможностей в сфере образования), – с идеями, которым еще только предстоит прокладывать дорогу в жизнь, если найдутся носители этих идей...

Сам Волошин писал о подобных идеях как идеалах Града Господня: «С точки зрения Града Господня буржуазия и пролетариат – едины, так как основаны на том же идеале благополучия и комфорта. В общежитии силой сцепления и строительства обладает самоотреченность, только то, что делается для других без мысли о самом себе и без ожидания награды. "Здоровый эгоизм" личный и классовый, на котором строится весь современный строй (и капиталистический, и социалистический) – это яд, разлагающий единение и свободу». (Единственный подходящий «социальный строй» для «здорового эгоизма» – это, конечно же, война всех против всех.)

⁸⁶ О современном ему ариманическом социализме Волошин писал: «Социализм является явлением отрицательным, потому что для направления настоящего он недостаточно практичен, а для выявления будущего его идеал слишком мелок.

В настоящем он ограничивает свою роль справедливым распределением плодов производства, не заботясь ни о практическом, ни о моральном упорядочении его.

В будущем он ставит неприглядный и легко достижимый идеал сытого и комфортабельно обставленного человека. Это делает социалистов избранными носителями того рабьего духа, который распространяют в мире демоны машин, которые подобно всякой силе, данной в руки человеку, стремятся не работать на него, а стать его господином». (Увы, стать господами человечества и увести его в свои царства стремятся не только «демоны машин», но и, так сказать, самые продвинутые и приближенные из демонов в человеческом облики – продвинутые и приближенные к трем Верховным Космическим демонам: Ариману, Люциферу и Зорату.)

«Строй Града Господня будет заключаться в том, что каждый будет работать на других безо всякой мысли об оплате, а все нужное для себя будет получать от других в виде милостыни. Все будет благодеянием и милостыней. В основе экономического строя будет лежать не пролетариат, а нищенство. Нищенство будет только моральным, а не экономическим, потому что тогда и машина, и промышленность будут на благо, а не на зло человечеству». («Заметки», 1917 г.)

А что если Поэт вдруг окажется прав и единственной альтернативой «порядку вещей» (Щедрин), то есть строю олигархов, строю самого Князя мира сего, то есть, альтернативой войне всех против всех окажется именно то «моральное нищенство», о котором нам и говорит здесь Поэт? Что тогда? Неужели не попытаемся разобраться в этом социальном идеале Поэта, понять его?

А дальше в лес – больше дров, драгоценный читатель, ибо у нашего поэта имеются мысли, которые вряд ли вызовут восторг или тем более понимание у «проницательного» читателя, так как весьма затруднительно станет ему «проницать» эти мысли, проникать в них: «То, что получаешь от одного, отдай сторицей, но никогда тому, от кого получил, а всегда другому». Ну как, читатель, Вы теперь убедились, что Поэт наш еще и Большой Шутник, в дополнение к его 1000 ликам? Однако не торопитесь с выводами: далее он развивает эту свою мысль вполне серьезно – ведь он же «парадоксов друг» (Пушкин). «Только тогда ни одно доброе дело не пропадет для человечества, а будет расти неудержимо, как лавина. Только тогда добро получит ту наступательную силу, которая в нашей культуре является исключительной привилегией зла.

На вратах нашей эпохи написано:

Добро отдай за меру мерой,
А злом за зло отдай без мер».

«Чтобы возможно было жить, надо переставить эти понятия, то есть признать злом два краеугольных камня нашей порядочности: благодарность и возвращение долгов»

Или вот еще в том же духе: «Многие понятия, популярные в нашей культуре как идеалы – Справедливость, Равенство, Благодарность, – имеют моральную ценность лишь постольку, поскольку они являются полутенью любви. Взятые же как самодовлеющий идеал, они становятся источником всяческих заблуждений и социальной отравой.

Равенство со стороны духовно высшего к низшему прекрасно и необходимо, но идея равенства в сознании низшего по отношению к высшему – источник всяческого зла, так как ведет к равнению по ничтожнейшему и ограниченнейшему.

Справедливость как миг, как порыв любви, как мятеж против беззакония прекрасна как акт (не как последствия). Справедливость судящая, наказывающая – зло. Нет закона справедливого для двух людей, потому что моральные пути не совпадают и героический поступок одного явился бы преступлением для другого. Социальный закон только тогда хорош, когда он имеет в виду полезность, а не справедливость...»

А вот заметки поэта о праве собственности, о благотворном социальном строе, о функции судов и, наконец, ответ на вопрос: куда должна идти Россия, в сторону какой революции:

«Собственность священна – это право дара. Мое только то, что я могу пожертвовать. Собственностью может быть только то, что неповторимо... Все единственное, все индивидуальное, все отмеченное печатью духа, каждое произведение искусства... Старый дом – собственность, и он неотчуждаем. Но произведение искусства может висеть в общественной галерее и быть моим неотъемлемо, так как я понимаю его глубже и полнее других.

Человеку принадлежит только то, что он отдает. Он нищ собственностью.

Борьба между вещью и человеком: кто кому принадлежит? Если владделец не может расстаться со своей собственностью – это значит, что он только ее прислужник.

– * –

Время как денежная единица. Это единственная ценность в жизни. Час есть основной знак. Но важна интенсивность часа...

– * –

Только тот социальный строй будет благотворен, где каждый работник отдает целиком плоды своего труда, а сам получает все нужное не от тех, кому он отдал».

Здесь Волошин дает краткую формулировку сути основного социального закона, сформулированного Рудольфом Штейнером еще в 1905 году в статье «Духовное знание и социальный вопрос». Вот что писал об этом Штейнер:

«"Социальная наука" считается только с внешней стороны человеческой жизни, а не с более глубоко залегающими силами... Можно указать на истинные законы совместной жизни и работы людей и показать, какие разумные социальные возможности откроются для того, кто познал эти силы, законы. Полное понимание дела может получить только тот, кто усвоит основанное на оккультизме мировоззрение...

Основной социальный закон, который указывается оккультизмом, гласит: *благо сообщества работающих вместе людей тем больше, чем меньше отдельный человек притязает для себя на плоды своей работы, то есть, чем больше он отдает из этих плодов другим соратникам, и чем больше его потребности удовлетворяются не из его собственной работы, а из работы других.* Все учреждения внутри какого-нибудь сообщества людей, противоречащие этому закону, так или иначе неизбежно порождают с течением времени бедствия и нужду. Этот основной закон господствует в социальной жизни с такой же безусловностью и необходимостью, как любой закон природы во всякой определенной области природной жизни. Мы не

должны думать, будто достаточно признать за этим законом всеобщее моральное значение или же превратить его в убеждение, что каждый должен работать на своих собратьев. Нет, в действительности этот закон живет должным образом только тогда, когда какому-нибудь сообществу людей удастся создать такие учреждения, в которых никто никогда не может притязать для себя на плоды своей собственной работы, но эти плоды по возможности без остатка идут на пользу всего сообщества. За то и каждый член его, в свою очередь, должен поддерживаться работой своих братьев. Итак, дело в том, чтобы работа на ближних и достижение известной прибыли были строго разделены друг от друга.

Те, кто мнят себя "практическими людьми", конечно, только улыбнутся, – оккультист может быть в этом уверен, – над таким "невероятным идеализмом". И тем не менее указанный закон практичнее всякого другого, когда-либо измышленного и введенного в действие "практиками"... Та часть человеческих учреждений, которая создавалась "практиками" в расчете на свой собственный или на чужой эгоизм, неизбежно оказывалась непрактичной.

Но дело не может состоять, конечно, только в том, чтобы понять этот закон; настоящая практика начинается с вопроса: как обратить его в действительность? Ясно, что этот закон утверждает не более и не менее, как то, что благо людей тем больше, чем меньше эгоизм. Таким образом, при осуществлении его надо помнить, что мы имеем дело с людьми, ищущими пути выхода из эгоизма. Но это совершенно неосуществимо практически, если мера блага и бедствия отдельного человека будет определяться его работой. Кто работает для себя, тот неизбежно впадает в эгоизм. Только тот, кто работает всецело на других, может стать мало-помалу неэгоистическим работником.

Но для этого необходима еще одна предпосылка. Когда человек работает на другого, он должен видеть в этом другом основание для своей работы; и если кто-нибудь хочет работать на сообщество, он должен тогда чувствовать

и ощущать ценность, сущность и значение этого сообщества... Оно должно быть таким, чтобы каждый сказал себе: оно правильно, и я хочу, чтобы оно было таким. Человеческое сообщество должно иметь духовную миссию, и каждый отдельный человек должен содействовать исполнению этой миссии. Все неопределенные абстрактные идеи прогресса, о которых говорят обыкновенно, не могут представлять собой подобной миссии... Задача настоящего времени – привести людей в такое положение, чтобы каждый по своему внутреннему побуждению совершал работу для сообщества...

Трезвая экономическая теория не может быть никогда средством против эгоистических сил... Единственное, что может помочь – это духовное мировоззрение, которое само собою, а также и тем, что оно может дать, вливается в чувства, в волю, словом, во всю душу человека».⁸⁷

Вот еще несколько разрозненных мыслей Волошина по социальному вопросу из его «Заметок 1917 года» и из эссе «Пророки и мстители» (1905 г.):

«Государство ответственно перед преступником.

Суд становится распределителем сил. Он ищет для преступника занятие, где его силы применимы, ибо каждое преступление – это избыток сил.

— * —

Будущее выявляется верой, действительность – скептицизмом.

— * —

Россия должна идти к религиозной революции, а не к социальной. Преображение личности.

— * —

И каждый из нас лично ответственен теперь за все действия нашего правительства.

Санкция закона – в имени, от которого он исходит, будь это закон от Иеговы или закон от Наполеона.

Во имя безымянной идеи нет закона, будь это непорочная идея самой справедливости или успокаивающая идея государства-мещанства...

⁸⁷ Штейнер Р. Из области духовного знания или антропософии. М., 1997. С. 168–171).

Русская революция – это только один частичный кризис, который в душе Достоевского выявил тайны последнего и величайшего безумия человеческого рода, который погибнет весь в этих моральных конвульсиях, кроме тех немногих избранных, которым предназначено начать новый род людей, новую жизнь, обновить и очистить землю, *перенести внешний закон внутрь человеческой души* (курсив наш – Г. П.)

Тогда нынешнее – звериное сознание общественного организма, которое ниже нашего личного сознания, станет равным ему и тождественным.

Но прежде чем человечество придет к этому полному и безусловному единству личности и общества, надо до самого конца пройти времена безумия. Надо все видимое, все познаваемое рассечь лезвием меча на добро и зло, правду и ложь».

Имеющий уши – да слышит!

А теперь несколько слов о заклинаниях наших либерально-демократических «мудрецов» на тему о «первоначальном накоплении» (капиталов) на Руси и о том, что от народа лишь требуется терпение, дабы этот неприятный, но неизбежный период пройти смиренно, без всяких бунтов и возмущений. Ну, а потом все образуется, разовьется «мелкий бизнес», появится у нас «средний класс» и заживем мы припеваючи. Увы, эти самые «мудрецы», а тем более наш «простой и незатейливый» народ не подозревают, что тут уже сам Князь мира сего (Ариман) нагло издевается над нами. Ибо накопление (капиталов в собственные карманы) у очень богатых на Руси никогда не кончается: у них не может быть здесь никакого предела – одержимость жадностью не может иметь пределов кроме пропасти, катастрофы. Ведь если души заражены здесь накоплением и финансовыми играми (так сказать, игроманией), то ведь ясно, что у нас они сами перед пропастью остановиться не смогут. И никогда эти твари не станут здесь решать социальный вопрос и не позволят никаких серьезных реформ проводить, никаких «прорывных» инноваций устраивать просто потому, что они демонизированы и зомбированы «золотым тельцом». В их власти и

нужное им «законодательство» – другое просто у нас уже не будет действовать, пока не пробудится у народа совесть(!). И они-то уж постараются, чтобы бедных не существовало вообще (кроме рабов и прислуги). Это тоже и их социальный идеал. Только достигать они его собираются (это уже становится ясным) не каким-то оригинальным и сложным методом, а более простым и, кстати, уже опробованным (читатель, видимо, уже догадался, что речь идет о некоем холокосте в применении к бедноте – вначале с помощью «реформ», а не печей – то есть, к примерно шести «не золотым» миллиардам человек). На такие «социальные расходы» они скорее всего готовы и раскошелиться... Если же замысел их сорвется, они со всеми их капиталами, которые легко вывозимы, устремятся в свободный для них мир. Такие вот у нас уже богатенькие завелись, да и не только у нас. Ну, а конкретные примеры движения их в этом направлении мы можем наблюдать при желании каждый день в наших самых либеральных и демократических в мире СМИ.

Так что следовало бы духовно мыслящим и ищущим душам начинать искать другое социальное устройство. И это вполне мог бы быть тот, условно говоря, «духовный социализм», о котором говорил и писал Рудольф Штейнер в своих трудах по социальной трехчленности социального организма и Максимилиан Волошин с его эскизом «благотворного социального строя». И еще – не помешало бы нам начать прилагать усилия и к сотворению того самого «союза добрых людей», о котором мечтал еще такой прекрасный и удивительный человек на Руси – Пьер Безухов. (Боже, так и хочется сравнить именно этого человека, а не персонажа, с нашим Поэтом. Да ведь они же духовные братья! А по внешности-то как разительно схожи, да и по душевной конституции. Неужели до сих пор на это никто внимание не обратил?)

А вот уж совсем необычные, но нельзя сказать, чтобы утопические мысли нашего поэта о... государственном строительстве, о котором у нас

нынче много шумят и пустословят, ибо не могут же наши чиновники, так сказать, «зреть в корень». А вот наш Поэт мог:

«Государство строится отказом от личных страстей и инстинктов, то есть самоотречением и самопожертвованием. Всякий эгоизм ведет не к закреплению общности, а к ее разрушению.

Для того чтобы личность не погасла в массе, возникает индивидуализм. Но для того, чтобы индивидуализм не принял чисто разрушительных (анархических) форм, он должен быть просветлен законом жертвы: в этом возможности христианского государства. Самопожертвование – вот фундамент, на котором может строиться общность и качество, которым должен обладать каждый, призванный к управлению или к представительству. Между тем в современном парламентском строе система подбора общественных деятелей строится как раз на обратном: на выживании приспособленнейшего, эгоистичнейшего. Доступ к общественным должностям должен быть обусловлен возрастающим рядом обетов и отречений, подобных монашеским».

Да, тут действительно требуется «племя младое, незнакомое», чтобы должным образом воспринимать и воплощать подобные, мягко выражаясь, необычные идеи Поэта. Ну, да ведь и наш Поэт-то сам необычным оказался с его «Путями Каина» – один на всю русскую культуру такой (впрочем, Андрей Белый с его «Историей становления самосознающей души» и Даниил Андреев с его «Розой Мира» нас тоже могли бы удивить, если бы мы не утратили способность удивляться).

В отношении же всех современных ему социальных устройств Волошин стоял на незыблемой позиции:

«Мой единственный идеал – это Град Божий. Но он находится не только за гранью политики и социологии, но даже за гранью времен. Путь к нему – вся крестная, страстная история человечества. (Такова Верхняя Бездна Волошина – Г. П.).

Я не могу иметь политических идеалов потому, что они всегда стремятся к невозможному земному благополучию и комфорту. Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего его исторической, всечеловеческой миссии. И заранее знаю, что этот путь – путь страдания и мученичества. Что мне до того, будет ли он вести через монархию, социалистический строй или через капитализм – все это только различные виды пламени, проходя через которые перегорает и очищается человеческий дух.

Я равно приветствую революцию, и реакцию, и коммунизм, и самодержавие, так же как епископ Турский святой Лу приветствовал Аттилу:

"Да будет благословен твой приход, Бич Бога, которому я служу, и не мне останавливать тебя!"

Поэтому я могу быть только глубоко благодарен судьбе, которая удостоила меня жить, мыслить и писать в эти страшные времена, нами переживаемые...»

Можно считать, что сейчас мы с Вами, драгоценный читатель, уже оказались (нежданно-негаданно, вдруг, как любил выражаться Федор Михайлович) в другом «виде пламени» – в олигархически-зверином капитализме (вот уж воистину – из огня да в полымя), в котором и должны, по мысли Поэта, «перегорать и очищаться наши души». Что ж, будем надеяться (если не сгорим синим пламенем, а шансов сгореть на сей раз имеется гораздо больше), что так и будет происходить, как напроорочил нам Поэт.

Но ведь над нами снова не только Бич Божий свищет и на спины наши опускается (что такую Божественную любовь мы заслужили – об этом см. у Поэта «Благословение»), но ставят, ставят черти над нами уже другой эксперимент – круче первого. Но не хотелось их приветствовать как Аттилу... И уж этот эксперимент рассчитан на сей раз на полную победу над Иванушками-дурачками (наркоты да соблазнов тогда еще не было таких,

какие теперь появились), чтобы без осечки, как первый раз, чтоб уже не трепыхались...

И этот второй эксперимент над нами начался не в 1991 году, как мог бы предположить «проницательный» читатель, а сразу после нашей Победы в 1945. Вот его, так сказать, генеральный план, и он имеет авторство. Это – доктрина Аллена Даллеса, директора Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США (1945 год):

«Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь и ресурсы на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые... Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного угасания его самосознания.

Из литературы и искусства мы... постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием... тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство, наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх... и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества...

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них космополитов».

Что ж, можно теперь сказать, что план перевыполнен!

И если с «призраком коммунизма» (в стихотворении «Русская революция» обратим внимание на слова: «враждуют призраки») эксперимент не удался и потому был свернут теми же силами, о которых речь шла выше – англо-саксонскими оккультными ложами, то в наши дни они же с безоглядным рвением начали уже новый, так сказать, «капиталистический» (по сути дела тот же сатанинский) эксперимент (после провала «коммунистического»). Самая трагическая поэтесса XX столетия Анна Баркова в стихах так выразила это состояние мира и уже в тоне веселого отчаяния: ведь весь мир стал теперь объектом сатанинского эксперимента.

Слепцы, очки наденьте!
Весь мир эксперимент,
А ты в эксперименте –
Танцующий момент.

И, может быть, кто знает – осталось совсем недолго ждать, когда произойдет явление, так сказать, самого Самогó Главного Экспериментатора и эта монада выступит во всем блеске своего могущества перед сильно изумленными и ошарашенными телезрителями планеты (и совсем не в виде чудищ Босха) и, что весьма возможно, пообещает еще не продравшей глаза аудитории навести действенный порядок и благоденствие во всемирном бардаке и, более того, отменно наказать всяческих преступников, воров, бандитов, олигархов, чубайсов, гайдаров, грефов, кудриных, и прочая, и

прочая, мошенников всех рангов и любого статуса, а заодно и всех, кто эту монаду не станет слушаться, к вящему удовольствию и неопишуемому восторгу «детей разных народов» (если выразиться словами из популярной песенки за мир 60-х годов прошлого века), «детей», готовых на любую чипизацию их душ, лишь бы «камни» кем-то превращались в «хлебы»... Но это так – одни невеселые предположения... Важно подчеркнуть, что существует к этому тенденция... Но, кстати, не мы первые в жанре подобного «предположения» тут выступаем, а в русле доброй традиции, идущей, если не так далеко заглядывать, от «Трех разговоров» нашего Платона – Владимира Сергеевича Соловьева.

Однако вот что пишет по поводу уже другого, якобы капиталистического, эксперимента над нами выдающийся русский антропософ нашего времени Сергей Прокофьев: «Начатый в 1917 году на Востоке Европы "социалистический эксперимент" может – по прошествии семидесяти двух лет – рассматриваться как неудавшийся во всех отношениях. Основная причина неудачи в том, что большевикам так и не удалось при помощи марксистской идеологии и различного рода насильственных государственно-экономических мероприятий (приведших к мученической смерти десятков миллионов людей) создать тип так называемого "нового человека", новую человеческую расу, состоящую лишь из одних носителей ариманической инспирации в душе сознательной. Однако в том случае, если по решению уже почти два столетия действующих совместно западных лож и иезуитов "социалистический эксперимент" будет, наконец, окончательно прекращен, то Восточная Европа тотчас столкнется с новым искушением, окажется вовлеченной в новый "эксперимент", который откроет два одинаково роковых для восточно-славянских народов пути дальнейшего "развития".

С одной стороны, это будет искушение "американизмом", постепенно превращающим Восток Европы в сырьевой придаток экономически развитых и ведущих в политическом отношении западных держав, одновременно с

экономическим порабощением затопляющих его всеми "достижениями" и "плодами" сверхматериализма. А с другой – напротив, искушение вследствие неприятия этой мощной и непреодолимой волны и страха перед ней обратиться вспять, к традиционной духовности прошлого.

И действительно, хотя "американизм" и сможет предоставить восточно-европейцам в сравнительно короткие сроки все наиболее "земные" материальные блага, практически недоступные для них в течение последних семидесяти двух лет, то дать им хоть какие-то духовные идеалы или перспективы развития он не сможет по самой своей антидуховной природе. Когда же среди растущего материального благоденствия, сопровождающегося все большим разрушением моральных и духовных основ человеческого бытия, жажда высшего духовного идеала делается, наконец, непреодолимым жизненным устремлением восточнославянских народов, то в ответ на это сможет с успехом выступить Римско-католическая церковь, которая предпримет попытку соблазнить их собственными многовековыми идеалами, чтобы заполучить в сферу своего влияния их могучий духовно-религиозный потенциал. Не исключено даже пронизание римским католицизмом самой Православной церкви с помощью униатского или какого-нибудь еще, совсем нового, экуменического движения.

Тогда восточно-европейские народы подвергнутся новому, одновременно духовному и социально-экономическому эксперименту, совместно проводимому западными державами и связанными с течением иезуитизма ведущими кругами Римско-католической церкви. А состоять он будет в попытке разделить восточнославянские народы, а в дальнейшем и все человечество по указанному принципу на две различные расы (вначале, естественно, лишь в духовно-душевном отношении): на расу, подпавшую соблазнам сверхматериализма, и расу, стремящуюся к духовному, но лишь в традиционных, крайне односторонних формах, совершенно чуждых основным задачам пятой послеатлантической эпохи... И если в результате этого нового эксперимента искусственное расщепление восточнославянских

народов на две "расы" будет достигнуто хотя бы в начальной стадии, то тогда в их среде никогда не сможет начаться шестая эпоха, а ведущий их архангел будет вынужден отказаться от своей миссии и будет отозван от ведомых им народов. Последнее явится величайшей трагедией не только для самих восточнославянских народов, но и для всей Европы, а в конечном счете и для всего человечества. Ибо будущее Европы – "в русском народном духе, в народном духе Востока [Европы]" (Штейнер)».⁸⁸

Во всяком случае таковы планы тех оккультных кругов, которые служат исправно Князю мира сего, так сказать, не за страх, а по свободному выбору. И Поэт наш как истинный пророк XX века на Руси не мог не понимать, что, начиная с 1917 года, история России – это уже прямой путь на Голгофу. В эссе «Гражданская война» (1920 г.) он с горькой иронией и сарказмом пророчески писал о будущих экспериментаторах над Россией: «Мы были правы, отказавшись продолжать войну внешнюю и предпочитая ей гражданскую. Она систематически прорабатывает всю территорию страны, шире захватывает все классы населения, глубже перерождает личность и этим подготавливает из России прекрасную вспаханную и унавоженную трупами почву для будущего англо-германского, американского, а может быть и монгольского (японского) посева».

Так что был, был на Руси Великий Пророк – какими-то незримыми нитями связанный с Нострадамусом, а мы его так и не заметили, на свой манер да со своим «багажом» все его толковали, (а «манер» и «багаж»-то наш был годен все эти годы в основном, чтобы... в творчестве и личности Демьяна Бедного разбираться), то есть не пытались мы узнать, то, что Поэт знал и ведал. А ведь, к примеру, чтобы такое написать в 1920 году, надо было уже тогда увидеть не только «цезаризм», о котором он писал, как о ближайшем будущем России, но и увидеть разложение этого «цезаризма», то есть, всю социальную тупость, дебилизм, олигофренизм, кретинизм

⁸⁸ Прокофьев С. О. Духовные судьбы России и грядущие мистерии Грааля. М., 1997. С. 320.

(Хрущев, Брежнев, Ельцин), продажность, цинизм, животность, оголтелое вранье, предательство, всю чертовщину – бесовщину в буквальном смысле слова – нашей правящей чиновничьей верхушки, которая сменила у власти тирана, и с которой легко было управляться заокеанским и местным кукловодам через свою «пятую колонну». Впрочем, все это поэту-посвященному не трудно было предвидеть. Но неужели и сейчас мысли Великого Посвященного Земли Русской о «государственном строительстве» будут проигнорированы и не найдут ни у кого отклика, кроме как у нескольких чудаков?!

* * *

Интересно было бы задаться вопросом: а высказывал ли Волошин в своей «поэтической науке» явно спорные идеи? Наверное. На наш взгляд, по крайней мере, две таких идеи он выразил в своей «поэтической науке»: о роли Константинополя для России и о роли Иуды как самого верного ученика Христа. На вопросе трактовки образа Иуды в творчестве Волошина мы подробно остановимся в IV части в связи с его манихейством.

Что касается первой идеи – о значении Константинополя для России, то в письме А. М. Петровой в 1915 году (когда русская армия имела шанс освободить Константинополь от турок) Волошин писал: «В Константинополе я вижу прежде всего религиозный центр для России – именно там вижу моральное кипение, из которого выплывит нравственный облик славянства».

Но здесь уместно было бы предположить, что идея о таком значении Константинополя в религиозной жизни России возникла у Волошина в связи с тем, что он знал о тайне сокровища, возможно еще хранившегося в Константинополе в начале XX века, – знал легенду о Палладиуме.

Вот как излагает эту легенду Рудольф Штейнер в своем цикле лекций «Антропософия как космофизия» (20-я лекция, 1921 г.): «Солнечная тайна ощущалась (в древности) как величайшее духовное сокровище человечества.

И это было символизировано через так называемый Палладиум. Одно время он был в Трое, и жрецы Мистерий в Трое должны были видеть в этом Палладиуме то, что они открывали людям сакраментально, культово, что составляло сущность Солнца. Затем он был перенесен в Рим, и это составляло тайну посвященных Рима, что Палладиум хранится в Риме. Рим хранил Палладиум. И, по сути говоря, посвященные жрецы Рима и первые римские императоры, а именно еще Август, работали, действовали в мире из сознания, что Рим хранит у себя величайшее сокровище мира, по меньшей мере внешне – символически. Он хранился в сокровеннейшем из римских храмов под основанием стен, и о нем знали лишь те, кто знал величайшие тайны римской жизни. Духовно же он стал известен тем, кто нес в мир Христианство. И знание о том, что Рим хранит сокровище Палладиума, вызвало первый поход на Рим. Причина здесь была спиритуальная.

Когда же при Константине Христианство секуляризировалось, Палладий у Рима был изъят. Константин основал Константинополь, и под колонной, которую он там себе воздвиг, он повелел положить Палладиум. Римское Христианство должно было далее развиваться так, что у него знание о солнечных тайнах было отнято именно теми императорами, которые Христианство утвердили в Риме внешне, в форме его жесткого механизма. Во внешнем, мировом утверждении Христианства через Константина Христианство утратило мудрость мира, что внешне выразилось в перенесении Палладиума в Константинополь.

В некоторых частях славянского мира люди толкуют все это в своем смысле. Вплоть до начала XX века там господствовала вера, что в не таком отдаленном будущем Палладиум из Константинополя будет перенесен в один из славянских городов. <...> Да, Палладиум был перенесен на Восток, где жила пришедшая в упадок древняя мудрость, охватываемая темнотой. И в дальнейшем развитии мира все зависит от того, будет ли сокровище Палладиума освещено мудростью, находимой в сокровищнице познания Запада, подобно тому, как Солнце является отражением света, даваемого ему

из Универсума. Палладиум, древнее наследие, был в Трое, Риме, затем в Константинополе и далее должен быть унесен во тьму Востока; Палладиум, солнечное сокровище, должен ждать, пока духовно на Западе темное сокровище обычного познания природы освободят от сумерек. Так со святейшими традициями связано европейское развитие. <...> Солнце исчезло в подосновах человечества. С помощью духовно-научного развития мы должны Солнце найти вновь. Человечество должно вновь найти Солнце, иначе Палладиум исчезнет в темноте Востока. Сегодня грехом является говорить: *Ex orient lux* (свет с Востока). – Свет с Востока больше не может приходить. Восток в упадке. Но он ждет – ибо он будет обладать сокровищем, солнечным сокровищем; хотя и в темноте, он ждет свет с Запада. <...> Флюоресцирующим телом, темным в себе является Палладиум; если его пронизывает свет, то он вспыхивает. Так будет с мудростью Востока; темная в себе, она засветится, станет флюоресцировать, если ее пронизает мудрость Запада, духовный свет Запада». ⁸⁹

В 1918 году поэт развивает уже идею Федерации южнославянских народов, «славянской южной империи», под именем Славии. Вот как он это формулирует в своей лекции «Россия распятая» (1918 г.): «Мне представляется возможным образование Славии – славянской южной империи, в которую, вероятно, будут втянуты и балканские государства, и области южной России. <...> Славия будет тяготеть к Константинополю и проливам и стремиться занять место Византийской империи». Эта же идея Славии нашла отражение в стихотворении «Европа» (1918 г.) – этом образце художественной истории и художественной географии (о развитии, о появлении которых мечтал поэт) Волошина. Приводим образец такой истории и географии полностью. Стихотворение написано в форме рассказа (а точнее, совмещенного урока географии и истории), урока, который ведет «ангел времен», обращаясь к поэту:

⁸⁹ Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штейнера. Т. 2. С. 82.

Европа

Держа в руке живой и влажный шар,
Клубящийся и дышащий, как пар,
Лоснящийся здесь зеленью, там костью,
Струящийся, как жидкий хризолит,
Он говорил, указывая тростью:

— Пойми земли меняющийся вид:
Материков живые сочетанья,
Их органы, их формы, их названья
Водами Океана рождены.
И вот она — подобная кораллу,
Приросшая к Кавказу и к Уралу,
Земля морей и полуостровов,
Здесь вздутая, там сдавленная узко,
В парче лесов и в панцире хребтов,
Жемчужница огромного моллюска,
Атлантикой рождённая из пен —
Опаснейшая из морских сирен.
Страстей её горючие сплетенья
Мерцают звёздами на токах вод —
Извилистых и сложных, как растенья.
Она водами дышит и живёт.
Её провидели в лучистой сфере
Блудницею, сидящею на звере,
На водах многих с чашею в руке,
И девушкой, лежащей на быке.

Полярным льдам уста её открыты,
У пояса, среди сапфирных влаг,
Как пчельный рой у чресел Афродиты,
Раскинул острова Архипелаг.
Сюда ведут страстных желаний тропы,
Здесь материе органы Европы,
Здесь, жгучие дрожанья затая, —
В глубоких влуминах укрытая стихия,
Чувствовалище и похотник ея, —
Безумила народы Византия.

И здесь, как муж, поял её Ислам:
Воль Азии вершитель и предстатель —
Сквозь Бычий Ход Мехмет-Завоеватель
Проник к её заветным берегам.
И зачала и понесла во чреве

Русь — третий Рим — слепой и страстный плод:
Да зачатое в пламени и в гнев
Собой восток и запад сопряжёт!

Но, роковым охвачен нетерпением,
Всё исказил неистовый Хирург,
Что кесаревым вылушил сеченьем
Незрелый плод Славянства — Петербург.
Пойми великое предназначенье
Славянством затаённого огня:
В нём брезжит солнце завтрашнего дня,
И крест его — всемирное служенье.
Двойным путём ведёт его судьба —
Она и в имени его двуглава:
Пусть SCLAVUS — раб, но Славия есть СЛАВА:
Победный нимб над головой раба!
В тисках войны сейчас ещё томится
Всё, что живёт, и всё, что будет жить:
Как солнца бег нельзя предотвратить —
Зачатое не может не родиться.
В крушеньях царств, в самосожженьях зла
Душа народов ширилась и крепла:
России нет — она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!

(1918)

Однако позднее, в связи с изменившейся обстановкой, поэт уже не станет указывать на Константинополь как «религиозный центр для России», а точно укажет в 1920 году в стихотворении «Северо-восток» (о нём – см. выше) истинное, то есть, эзотерическое направление движения, распространение импульса русской культуры (ее исконных носителей) – от Карпат на север-восток Европы (Архангельск, северный Урал, Таймыр, Сибирь), то есть к месту (к центру) будущего расцвета шестой славянской культуры Самодуха, к месту, которое в ту эпоху, естественно, будет иметь и другой климат.

* * *

А теперь, драгоценный читатель, мы с вами затронем тему – только, ради Бога, не пугайтесь – «Великий русский посвященный Волошин и...

еврейский вопрос». Ну, посудите сами: ведь тема «Волошин и Русская бездна» не может быть высветлена сколько-нибудь полно без такого важнейшего ее аспекта. Мы бы просто оказались фарисеями в глазах большинства читателей, если бы не затронули, хотя бы по касательной, этого «вопроса». Ибо Русская Бездна не может существовать без него: ведь ей надо многое поглощать. Да и без него Она не была бы Бездной, а так... полеты во сне и наяву в верхнюю Бездну – в ...Девахан (см. «Теософский словарь»). Именно этот «вопрос» и придает ей весомость. Этот пресловутый «вопрос» – прямо-таки необходимый «дух препятствий» для нашего же развития на пути к шестой послееатлантической германо-славянской культуре. Но вернемся к нашему Поэту. В «Рассказе о генерале Н. А. Марксе» (1932 г.) Волошин вспоминает: «В эти тяжелые и опасные времена (1919) единственные люди, которые пришли ко мне на помощь – это были феодосийские евреи. В то время Феодосия была убежищем для ряда советских писателей, как молодежи, так и для пожилых и маститых... У хасидов был собственный литературный кружок, который назывался «Унзер Винкель». Ко мне пришли представители этого кружка и сказали: «У вас, верно, сейчас очень трудные дни, вы, наверное, сидите без денег. Хотите, мы устроим для вас литературный вечер?» Я, конечно, с радостью согласился. Это было для меня честью, потому что не-евреи в «Унзер Винкель» не допускались. Чтения там были на древнееврейском языке или на жаргоне. И когда я начал серию своих стихов «Видением Иезекииля», то публика вся поднялась с места и пропела мне в ответ хором торжественную и унылую песню на древнееврейском языке. А когда я спросил о значении этой песни, то мне объяснили, что этой песней обычно приветствуют раввинов, а в моих стихах аудитория услышала подлинный голос древнего пророка иудейского и потому приветствовала как рабби. Так я был почтен еврейской национальной гордостью, и мои стихи о России, запрещенные при добровольцах так же, как они были позже запрещены при большевиках, впервые читались с эстрады в еврейском обществе «Унзер Винкель». «Богом и жизнью зачтется Максимилиану

Волошину, – добавляет в своем послесловии к «Видению Иезекииля» и этой выдержке из «Рассказа о генерале Н. А. Марксе» редактор «Меноры», Иерусалимского журнала (1973, № 1, стр.130), – что в обличении людской лжи он не терял жалости и любви к заблудшим людям, что он находил в себе силы молиться за них. Многогранно одаренной, изумительно цельной натуре великого русского поэта Сущее открывалось как нечто родственное, родимое, ему подобное. Щедро наделенный любовью, он сумел постигнуть глубину трагической реальности. Не каждый может при таких жесточайших событиях управлять своей отзывчивостью, сохранить веру в Неизменное и Вечное».

Имеется потрясающее письмо Волошина к «Киммерийской сивилле» – А. М. Петровой от 17 октября 1919 г., в котором он, в частности, разъясняет свою принципиальную позицию по еврейскому вопросу в связи с ее письмом, где она остерегает поэта от чрезмерного влияния на него евреев: «Опять пересмотрел Ваше письмо: о евреях. Боюсь, что мы ни о чем с Вами не договоримся. Вспомните слова Соловьева о том, что евреи всегда относились к христианам согласно требованиям их иудейской религии, но что христиане никогда не относились к евреям так, как того требовало учение Христово. Я хочу только христианского отношения к расе, которой мы обязаны истоками своей веры и которая вся целиком, рано или поздно, согласно словам Апостола Павла, придет ко Христу и спасется. Я ничего лучшего не желаю, как ценить евреев точно и верно. Но весить их на весах христианских, а не на весах "иудейских", как это делают обычно христиане. Погром, насилие, экспатриирование – все это плохие средства для пропаганды христианской идеи. Они создают то, что сейчас, несмотря на все грехи иудеев, их надо защищать изо всех сил. Не случайно евреи живут на русской территории: мы взаимно должны многому друг от друга научиться, оставаясь самими собою. Впрочем, я ничего не имею против того, чтобы иудеи становились христианами, и не хочу, чтобы русские "жидовствовали" и сами делали все то, в чем они упрекают евреев.

Роль евреев во время революции очень значительна и интересна, но ее сейчас не оценишь: нет ни материалов, ни разбега для перспективы. Рано или поздно я подойду к этому со стихом: без этого цикл моей книги о революции не будет замкнут».

8 сентября 1919 года Волошин записал в «Творческой тетради» «заготовку» стихотворения для цикла «Личины» под названием «Коммунист («еврей»)), где формулировал: «Он один из племени обездоленного своей извечной избранностью, измученного ревнивой и карающей любовью Библейского Бога. Он козлице отпущения между народами. На него вылили всю грязь, возложили все отбросы христианской культуры и выгнали в пустыню. <...> И он в пустыне, окружавшей его, выносил мечту о спасении мира, об экономическом благополучии и справедливости. <...> Он вырос в России. Он к ней привязан и любит мучителя неотступной любовью жертвы. На что ему Русь, рядом с той мечтой, которой он преобразует мир? Она для него только средство, а не цель».

А вот что говорил Волошин в своем докладе «Россия распятая» о роли евреев в экспериментах над Россией: «При старом режиме запрещенным деревом познания добра и зла была политика. Теперь, за время революции, пресытившись вкусом этого вожаемого плода, мы должны сознаться, что нам нужна не столько свобода политических действий, сколько свобода от политических действий. Это мы показали наглядно, предоставляя во время революции все более ответственные посты и видные места представителям других рас, государственно связанных с нами, но обладающих политическим темпераментом.

Поэтому нам нечего пенять на евреев, которые как народ, более нас склонный к политической суете, заняли и будут занимать первенствующее положение в русской государственной смуте и в социальных экспериментах, которым будет подвергаться Россия (курсив наш – Г. П.)».

Нет, вы только полюбуйтесь, драгоценный читатель, что прозревал наш Нострадамус! Это ведь уже о нынешнем, втором эксперименте над нами! А

перед этим-то, что было сказано, помните: «Он (коммунист-еврей – Г.П.)... выносил мечту о спасении мира, об экономическом благополучии и справедливости... Он вырос в России... Он к ней привязан и любит мучителя любовью жертвы. Но что ему Русь, рядом с той мечтой, которой он преобразит мир? Она (Россия) для него только средство, а не цель». Да-а-а. Пожалуй, лучше и не скажешь. Уточним только некоторые детали в связи с новым историческим контекстом, хронотопом, как любят выражаться структуралисты: кажется, такой вот удивительный «коммунист» уже «преобразил» «своей мечтой» не только своего «мучителя» – Россию, но и весь мир, то есть можно сказать, реализовал свою «мечту». И нынче бедная «жертва» весьма успешно, умело и расчетливо пользуется плодами такого, с позволения сказать, «преображения» России, да и остального мира, во зле, так сказать, лежащего. Но уж тут надо прямо сказать, что такая «мечта» нашего «коммуниста» оказалась сильнейшим ариманическим искушением, оказалась не коммунизмом, а... монетаризмом. И, между прочим, тем самым искушением – превращением «камней в хлебы». Хотя, с одной стороны, давно известно, что «не хлебом единым жив человек», а с другой стороны, тоже известно, что проблема «хлеба» могла бы успешно решаться на совсем других, человеческих путях, а не на путях таких вот «коммунистов».

Конечно же, в последней инстанции виновник такого соблазна – Ариман (тот самый, первый Демон из цикла «Два демона», который, согласно Поэту, «кинул шарики планет в огромную рулетку Зодиака» и который, по всем признакам, «при дверях», а может быть, уже и, так сказать, вошел «в двери»). Ну, а «дяди» разных народов, а не только «избранного», которые его соблазнам поддались и поддаются, как будто и не ведают, что творят. Но в том-то и дело, что в наше время пришла уже пора начинать это ведать, а то ведь плохо всем будет и этим «дядям» в том числе).

Ну, а про судьбу самого «избранного» народа, точнее, про апостола Иуду, наш поэт, наш неисправимый гностик и манихей в 1929 году скажет

следующее: «Для меня Иуда – это еврейский народ, который, как самый старший апостол Христа и принял на себя все зло мира».⁹⁰

Однако пожелаем же вместе с дорогим читателем этому удивительному, древнему и многострадальному народу, коль он «принял все зло мира на себя», осуществить свой идеал, о котором говорил еще Великий христианский посвященный XX века Рудольф Штейнер: «Можно сказать так: поскольку все то, что делали евреи, в настоящее время сознательным образом могли бы делать все люди, евреям не остается ничего лучшего, как войти в остальные народы, смешаться со всем остальным человечеством так, чтобы еврейство просто прекратилось в качестве народа. Вот то, что было бы идеалом... И на вопрос о том, выполнил ли еврейский народ свою миссию в человеческой познавательной эволюции, необходимо ответить так: он ее выполнил, потому что народ, культивирующий известный монотеизм, единобожие, должен был существовать здесь раньше. Но в настоящее время монотеизм должен выступать в форме духовного познания. Вот почему миссия является исполненной. Вот почему эта еврейская миссия как таковая, именно как еврейская, больше не нужна в эволюции и единственно правильным было бы, если бы евреи в результате ассимиляции с другими народами растворились в других народах».⁹¹

А духовно ищущим представителям этого народа пожелаем еще и подойти к Антропософии, с тем чтобы помогать не только себе, но и тем народам, среди которых они обитают, одухотворять их интеллект. На этом нам хотелось бы закрыть здесь эту важную тему.

* * *

А теперь поговорим о пророческом даре Волошина. Есть у него стихотворение, о котором нам хотелось бы сказать несколько слов особо. Это «Мир». И хотя оно написано по конкретному поводу – заключению

⁹⁰ Дневник М. С. Альтмана. Запись от 12 августа 1929 г. Рукопись. Личный архив.

⁹¹ Штейнер Р. История человечества и мировоззрения культурных народов. М., 2004. С. 226–228.

пришедшими к власти большевиками позорного для России Брестского мира (конец 1917 г.), но звучит как яростный, гневный голос ветхозаветного пророка (гнев же великих пророков обычно неумолимо обрушивается на головы тех, кто его вызвал, и гнев нашего Поэта-пророка тут оказался не исключением). Вот выплеск этого гнева:

Мир

С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,

Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.

О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,

Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

(1917)

В эссе «Россия распятая» о мотивах написания этого стихотворения Волошин писал: «Россия, как государство, еще не имела права заниматься исключительно своими внутренними делами: вплетенная в напряженную борьбу Великой Европейской войны, которую она сама же отчасти и вызвала, она не была предоставлена самой себе. Тут-то и обнаружилась вся государственная беспочвенность русской интеллигенции... Поэтому я далек от мысли возлагать всю ответственность за Брестский мир на одних большевиков. Для них он был только ловким политическим ходом, и история показала, что они были правы. Но это нисколько не снимает тяжелой моральной ответственности со всего русского общества, которое несет

теперь, несет на себе все заслуженные последствия его. В день начала брестских переговоров я написал это стихотворение...

Эти слова относятся к определенному историческому моменту и вызваны порывом негодования. В них нет необходимой исторической перспективы и понимания».

Увы, здесь ошибка – в них (в словах этого стихотворении) оказались и «историческая перспектива», и «понимание», о которых и не подозревал наш Поэт-пророк. Теперь, когда согласно планам разных чертей из-за океана, и не только, и по милости нашей «пятой колонны», мы втянуты в еще более для нас смертельный эксперимент, то этот стих Поэта-пророка можно было бы увидеть в совершенно другом ракурсе, никакого отношения к Брестскому миру не имеющем... Но тогда гнев и негодование нашего Великого пророка как никогда актуальны и, самое страшное, – действенны!

Благодаря некоторым известным и малоизвестным свойствам нашего действительно «загадочного» народа, о которых мы здесь не станем распространяться, те, кто у власти, да и все, кому не лень (мало ли у нас Остапов Бендеров на всех уровнях – имя им легион), изумительно ловко пользуются этими свойствами и особенностями безропотного, смиренного, спящего, искалеченного и добываемого ими народа в своих самых омерзительных целях и интересах, измываясь над ним под видом приобщения его к цивилизации и глобализации, как им вздумается, точнее, как они наметили, умножая его «Иудин грех» (то есть, его, народа, соучастие во всех безобразиях, творимых разного рода бесами во плоти, культивируя готовность продать за «тридцать сребреников» буквально всех и всё...) И никакого пока сопротивления этой сатанинской системе монетаризма, патронируемой у нас представителями «пятой колонны», гайдарями, кудриныными, грефами и иже с ними. Благодаря всему этому народ уже поставлен перед гамлетовской дилеммой: «Быть или не быть». А что если из остатков последних сил этот, так сказать, «коллективный Гамлет», слегка поразмыслив, очнется от наркоза, в который его погружают, и пусть

разрозненно и даже индивидуализированно, но начнет действовать наподобие шекспировского Гамлета (ведь чем черт не шутит!) Сладко ли придется тогда всяким «дядям Клавдиям», то есть, всяким узурпаторам его законного трона?.. Ведь рано или поздно Иванушка-дурачок попытается стать Иваном-царевичем. Что же касается, к примеру, тех сотен «законов» в месяц, принимаемых, утверждаемых некой Думой, состоящей из клавдиев рангом пониже, то ведь это паноптикум... Мы ведь не «народ закона», а народ Христа. И все, что с нами сейчас творится, только лишь неопровержимое доказательство (от обратного!) того, что мы есть народ Христа, Богоматери и Святого Духа, ибо больше мы такие никому не нужны!

Так что ситуация на Руси всегда, во все мыслимые (то есть, исторические) времена, увы, должна оставаться почти безнадежной и безысходной (до истечения времен и сроков), как неперемное условие нашего Воскресения во славу Христа. Теперь мировая Голгофа переместилась к нам. Мы ее эпицентр.

Отметим только, что наш Поэт-пророк (автор «Благословения») клеймит, как право имеющий, свой до самопожертвования (вспомним его «Готовность»: «Я не сам ли выбрал час рожденья...») любимый им народ, призывая на него Божий гнев и, можно сказать, очистительные кары (до Страшного Суда, конечно). И, увы, никак нельзя утверждать, что гневные строки Поэта-пророка устарели, принадлежат прошлому. Да разве после просмотра только нескольких телевизионных передач Караулова «Момент истины» (которые точнее следовало бы назвать «Русская Бездна», ибо в них, естественно, не может быть раскрыта истина) особенно за весну и лето 2004 года, даже если бы мы ничего другого не знали о том, что творится на Руси, – разве одни только эти передачи не могли бы исторгнуть у многих смотревших их гневные волошинские слова:

О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,

Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

Самое же потрясающее в этом волошинском стихотворении «Мир» состоит в том (теперь мы это уже можем видеть), что гневные «пожелания» Поэта-пророка постепенно, но неуклонно исполняются. «Германцы с запада» уже у нас побывали (пиррову победу мы одержали за счет не столько «гениальности» наших полководцев, сколько за счет десятков миллионов солдатских тел, брошенных в мясорубку войны, то есть лучшего генофонда народа и молитвами верующих).

«Господь» не так давно «разверз» и «расточил» нас, «отдал» в крепостное рабство всяческим наглейшим бесам, чтобы мы не только грезили и спали наяву, но иногда и просыпались. То есть, конечно же, наше начальство (чиновничество) отдало нас на откуп всем желающим купить нас (такова карма советской империи): весьма цинично и уже совсем недавно еще раз Россия, по выражению поэта, была «...распродана на улицах: не надо ль // Кому земли, республик да свобод, // Гражданских прав?» – и была заложена в фундамент не капитализма на Руси (его у нас не может быть, потому, что не может быть никогда: какой капитализм среди... Нового Средневековья.⁹² Ведь время в некотором роде покатило и назад (об этом мы уже, кажется, упоминали), ибо должен происходить откат из тупиков, коль мы в них (нас в них) «заехали». Нужный всем этим разным бесам закон о земле принят! Так что процесс закабаления, то бишь «реформ», по указке из-за океана, а также строительство всякого размера замков небаронами пошли у нас более чем успешно. И вот теперь настало самое время для наших бесов ситуацией воспользоваться и внести через Думу ряд поправок в закон о земле и, в первую очередь, поправку, дающую право владельцам замков приватизировать всех обитателей-обывателей, проживающих на

⁹² Как отдельного «вида пламени», через который «проходит, перегорая, душа», мы не нашли у нашего Поэта упоминания Нового Средневековья, но дело не в культурологических ярлыках, а в сути, то есть, в пламени Апокалипсиса.

прилегающих к замкам землям (о радиусе их приватизации возможны споры и уточнения, в том числе – силой). Следующая поправка, логически вытекающая из первой, это – закон о «барщине старинной», обязательной для всех этих обитателей-обывателей с правом сечки и лупки розгами, мочеными в огуречном рассоле, всех провинившихся и непокорных, например, по субботам в вечернее время (не доводя, конечно, при этом эту совершенно необходимую для воспитания народа процедуру до крайностей знаменитой Салтычихи из XVIII века). Впрочем, кто из необаронов погуманнее, те могли бы (имели узаконенное право) барщину «оброком легким заменить». Тогда, глядишь, и непременно их «раб судьбу благословит», – как выражался в свое время классик. И наконец, совершенно необходима к этим серьезным поправкам совсем маленькая, незначительная, мы бы сказали, и незаметная поправочка – о праве «первой ночи» для владельцев замков, на что наша Дума при подавляющем большинстве сильного пола в ней может и согласиться, то есть, принять большинством голосов эту поправочку (но может быть тут и потребуется помощь либерально-демократической фракции и, в особенности, ее вождя), тогда, глядишь, и население у нас постепенно начнет прибавляться (хотя до демографического взрыва дело может и не дойти). Так что выгоды нового на сей раз компьютерного феодализма с более или менее «человеческим лицом» наш драгоценный читатель может оценить теперь самостоятельно: это вам не какая-нибудь декоративная монархия или тоталитарный социализм, или звериный капитализм, а нечто другое... (Да и необароны, хоть и будут играть в войну, но при этом в этой же атмосфере и на этом фоне могут появиться и самые разные общины, в том числе и общины мудрых, посвященных, сильных духом и добродетельных монад...)

Ну, а возвращаясь к гневу нашего Поэта, можно еще сказать, что в «огне, язвах и бичах», как он выражается, мы никогда не испытывали недостатка (однако перевоспитание нас этим способом из-за нашей тупой покорности, смирения и сонливости шло до сих пор весьма медленно). Не хватает нам

еще только «монгол с востока», как пророчил нам Поэт. Но за этим дело не станет: «гостей» этих, может быть, уже недолго осталось ждать...

Так что с великими поэтами-пророками, драгоценный читатель, шутки плохи: они на прямой связи, так сказать, с Небесной Канцелярией: чего напророчат, то и исполняется по первому пожеланию. И если не внимать их обличениям и не страшиться их гнева, или даже не ведать об их существовании (как в конкретном случае с нашим Поэтом-пророком), то ведь «Божьих кар» народу не избежать: они будут валиться на него, так сказать, автоматом, ибо, сказано ведь о нашем времени в Книге книг: «Вот пришел гнев Божий и время судить мертвых».

Но, наряду с гневом «ветхозаветного пророка», с особой силой и надеждой звучат волошинские «Заклятие о русской земле» и «Заклинание от междоусобиц»:

Заклятье

Лежит Русь —
Разорённая,
Кровавленная, опалённая
По всему полю —
Дикому — Великому —
Кости сухие — пустые,
Мёртвые — жёлтые,
Саблей сечены,
Пулей мечены,
Коньми топтаны.

Ходит по полю железный Муж,
Бьет по костям
Железным жезлом:
«С четырёх сторон,
С четырёх ветров
Дохни, Дух!
Оживи кость!»

Не пламя гудит,
Не ветер шуршит,
Не рожь шелестит —
Кости шуршат,

Плоть шелестит,
Жизнь разгорается...

Как с костью кость сходится,
Как плотью кость одевается,
Как жилой плоть зашивается,
Как мышцей плоть собирается,
Так —
встань, Русь! подымись,
Оживи, соберись, срастись —
Царство к царству, племя к племени.

Куёт кузнец золотой венец —
Обруч кованный:
Царство Русское
Собирать, сковать, заклепать
Крепко-накрепко,
Туго-натуго,
Чтоб оно — Царство Русское —
Не рассыпалось,
Не расплавилось,
Не расплескалось...

Чтобы мы его — Царство Русское —
В гульбе не разгуляли,
В пляске не расплясали,
В торгах не расторговали,
В словах не разговорили,
В хвастне не расхвастали.

Чтоб оно — Царство Русское —
Рдело-зорилось
Жизнью живых,
Смертью святых,
Муками мученных.

Будьте, слова мои, крепки и лепки,
Сольче соли,
Жгучей пламени...
Слова замкну,
А ключи в Море-Океан опущу.

(1919)

Заклинание

(От усобиц)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращённых в прах,
Из мук казнённых поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за неё за всю молось
И верю замыслам предвечным:
Её куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

(1920)

Часть III

«Путями Каина»

как апокалипсическая мистерия

Симфония эпитафий

Я их чувствую все рукописями, запечатанными в бутылку при кораблекрушении. Может, выплывут и кому-то станут нужны. Но когда? Кому?

М. Волошин о цикле поэм «Путями Каина»

*Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье
Творящий ритм мятежного огня.*

М. Волошин «Путями Каина»

Разум

*Есть творчество навыворот, и он
Вспять исследил все звенья мироздания,*

.....

*Преобразил весь мир, но не себя
И стал рабом своих же гнусных тварей.*

М. Волошин «Путями Каина»

*Настало время новых мятежей
И катастроф: падений и безумий.
Благоразумным: «Возвратитесь в стадо!»
Мятежнику: «Пересоздай себя!»*

М. Волошин «Путями Каина»

*...и вот мы на пороге
Клубящейся невероятной ночи,
И видим облики чудовищных теней,
Неназванных, немислимых, которым
Поручено грядущее земли.*

М. Волошин «Путями Каина»

*Поймите сущность зла.
Не бойтесь страсти,
Не противьтесь злему
Проникнуть в вас;
Все зло вселенной должно
Приняв в себя
Собой преобразить.*

.....

*Бог есть любовь,
Любовь же – огонь который
Пожрет вселенную и переплавит плоть.*

М. Волошин «Путями Каина»

Наше «кораблекрушение», так сказать, в разгаре. «Рукописи» Волошина под заголовком «Путями Каина» – «выплыли», бутылка с ними «распечатана» (они растиражированы). Результат: за более чем пятнадцать лет при полной свободе слова, то есть при полном словоблудии и безмыслии, «рукописи» эти оказались, по большому счету, ненужными, невостребованными, да и не по зубам ни одному волошиноеду (а их за двадцать лет накопилось многие десятки, судя по конференциям в Коктебеле и Москве), ни одному философу, ни одному историку, ни одному культурологу – то есть ни одного доклада, ни одной публикации, специально посвященных этому циклу поэм! Что ж, в определенных ситуациях скромность может украшать исследователей жизни и творчества нашего поэта, кто бы они ни были – «лирики» (то есть гуманитарии) или «физики». Ибо нам понятно, как им всем (без разницы) трудно подступиться с базаровским мировидением (мы не говорим: с интеллектуальным багажом – он может быть и самым блистательным) к таким вот «рукописям».

Но мы попытаемся тут быть «нескромными» и дерзнуть проявить интерес к этой «рукописи» (ибо время пришло, и если не мы, то кто же?) Именно нам эти «рукописи» и оказались нужны: это ответ на вопрос Макса «когда?» и «кому?», ни в коем случае не претендующий на исчерпывающую их «расшифровку». Хотя бы дерзнуть прочитать их герменевтически вместе с читателем. И обнаружить в этом цикле поэм пласт смыслов, имеющих отношение не к первой четверти XX века, а к вечности, то есть к Апокалипсису, ибо он-то и призван длиться вечно, ибо вечна устремленность человека (а точнее Каина-Фауста) к Новой Земле и Новому Небу, к познанию откровений, к творчеству и вечна его неуспокоенность даже и после Страшного Суда...

Эта метапоэма, состоящая из пятнадцати поэм, – некий, образно выражаясь, «Очерк тайноведения» «религиозно-поэтической науки или учено-поэтической религии» Волошина, написанный белым стихом. И это суперпоэма не о природе вещей (как у Лукреция Кара), а о природе Огня, как

глубинной сущности человека и вещей, о ритмах трагического пути Каинова человечества, о космической и исторической, а точнее, апокалипсической его инициации (посвящении). Поэт разворачивает перед нами центральную мифологему Огня-Каина, призванного истребить материальную культуру человечества, если она не будет одухотворена, ибо культура может быть только духовной, и карма материалистической культуры – это «огонь поедающий», самоуничтожение (отсюда ее трагедия).

И тут нам приятно будет напомнить искушенному в структурализме читателю (неискушенный пусть это перетерпит), что мифологема в структуре образов символического текста – это метонимический символ, основанный на реальной прямой связи (а не на связи по сходству) между персонажами (предметами), то есть символ, основанный на употреблении названия одного предмета вместо названия другого предмета при наличии внешней или внутренней связи между ними. Становясь (уже на основе метафорических связей по сходству) обозначениями тех или иных персонажей или ситуаций символического текста, мифологемы актуализируют потенциально заложенные в них «сюжетные значения» и оказываются программой сюжетного поведения героев или развертывания ситуации «текста-мифа». Одновременно они, как и символы-метафоры, несут в себе и всю полноту «статических» признаков отображаемого ими целостного образа или ситуации. Их основная функция – быть знаками-заместителями целостных ситуаций и сюжетов, нести в себе память о прошлом и будущем состоянии образов, вводимых в символический текст.

Припомним здесь и знаменитое определение мифа у Алексея Лосева: «Миф есть развернутое чудесное (магическое) имя» («Диалектика мифа»). А теперь, драгоценный читатель, давайте развернем это действительно магическое имя Каина, то есть проследим его путь, ибо человечество идет путями Каина. Если начальная точка развертывания мифологемы Огня-Каина – это мятеж, который оказался... Богом, то, так сказать, конечная точка разворота – это его преобразование в огонь Любви, в «пожарище любви»,

которое «пожрет вселенную и переплавит плоть». Ну, а между началом (мятежом) и концом этого цикла с человечеством Каина происходят по карме много разного рода неприятностей и даже ужасов. И об этом-то метапоэма Волошина. Удел же самого автора – это удел Иова. Но это, так сказать, разворот пунктиром. А теперь нам предстоит вживаться в эту поэму-мистерию и, как говорил поэт, становиться «грустней и зорче, чем мы есть», ибо это ведь неперемное условие развития нашего самосознания.

Поэт начинает разворачивать мифологему Каина с мятежа – все точно. С космического мятежа Люцифера.

1

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога
И Бог был мятежом.
И все, что есть, началось чрез мятеж.

Первая поэма «Мятеж» в концентрированном, конденсированном виде содержит прочерк «творящих ритмов мятежного огня» сквозь всю историю человека до наших дней. Для поэта человек – это его «Я», где тлеет сплавляющий материю огонь. Поэма сотворена в ритме семичленной логики Духовной науки эзотерического христианства, впрочем, как и остальные четырнадцать поэм и как вся метапоэма в целом. Первые три ступени этой логики совпадают с трехчленной диалектической гегелевской логикой (тезис, антитезис, синтез), но можно их еще характеризовать более конкретно, исходя из имажинативной логики Якова Бёме и гётеанистической логики метаморфоза растений.

Итак, первая ступень – тезис, бытие, обретение первосуществом своего первообраза, замкнутого в себе («В начале был мятеж... И Бог был мятежом...»), в понятии гетевского метаморфоза растений – это семя.

Вторая ступень логики метаморфозы – это почва, поглощение первосуществом своей противоположности по Бёме; небытие, антитезис, борьба и единство противоположностей в понятиях гегелевской логики:

2

Из вихрей и противоборств возник
Мир осязаемых
И стойких равновесий.
И равновесье стало веществом.
Но этот мир разумный и жестокий
Был обречен природой на распад.

Третья ступень метаморфоза – это, согласно Бёме, третий образ первосущества, рожденный в борьбе покоя и движения, смерти и жизни, эта борющаяся в себе жизнь получает проявление – огонь. У Волошина – образ огня, тлеющего в «Я» человека, становление образа огня; в гётевской логике метаморфоза растений – это росток; в гегелевской логике – синтез, отрицание отрицания:

3

Чтобы не дать материи изникнуть,
В нее впился сплавляющий огонь.
Он тлеет в "я", и вещество не может
Его объять собой и задушить.
Огонь есть жизнь.
И в каждой точке мира
Дыхание, биенье и горенье.
Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье –
Творящий ритм мятежного огня.

Четвертая ступень логики метаморфоза (ее и последующих ступеней уже нет в абстрактной диалектической логике Гегеля) – проявление борющейся в себе жизни, это среда, рост и развитие; в понятии духовно-научной гносеологии это ступень интеллектуального созерцания, развертывание сознания в самом мышлении, отказ от чувственных восприятий и представлений, стремление сделать свое мышление душевным органом осязания, преобразование и повышение душевных сил до степени органов высшего познания, уплотнение представлений до образов, носящих символический характер, вспых идей свободы. Вот эта четвертая ступень метаморфозы мятежа в поэме Волошина:

Мир – лестница, по ступеням которой
 Шел человек.
 Мы осязаем то,
 Что он оставил на своей дороге.
 Животные и звезды – шлаки плоти,
 Перегоревшей в творческом огне:
 Все в свой черед служили человеку
 Подножием,
 И каждая ступень
 Была восстаньем творческого духа.

Пятая ступень метаморфозы (мятежа). Ее можно коротко охарактеризовать как покоящуюся в себе борьбу частей, внутреннее движение противоположностей, как уже сформировавшееся «древо познания». На этой ступени открывается и тот самый гётевский прообраз (прарастение в мире органической природы) – прообраз европейского человека – Фауста, бесконечно устремленного к познанию и преобразению мира. Вот волошинский Фауст (как уже некая метаморфоза Каина).

Лишь два пути раскрыты для существ,
 Застигнутых в капканах равновесья:
 Путь мятежа и путь приспособленья.
 Мятеж – безумие;
 Законы природы – неизменны.
 Но в борьбе за правду невозможного
 Безумец –
 Пресуществляет самого себя,
 А приспособившийся замирает
 На пройденной ступени.
 Зверь приноровлен к склонениям природы,
 А человек упорно выгребает
 Противу водопада, что несет
 Вселенную
 Обрато в древний хаос.
 Он утверждает Бога мятежом,
 Творит неверьем, строит отрицаньем,
 Он зодчий,
 И его ваяло – смерть,

А глина – вихри собственного духа.

Шестая ступень метаморфозы мятежа – это, по Бёме, познание первосуществом себя через органы чувств, цветение «древа познания»; по Рудольфу Штейнеру обретение первоначальной идеей (то есть в конкретном случае идеей мятежа) индивидуального выражения. Путь человека Каина-Фауста – это путь мятежника и безумца, путь «пресуществления самого себя» (Волошин). Но если он не пресуществляет самого себя, то есть не становится на путь христианского посвящения, то познание и его инструмент – разум – открывается, оборачивается Каиновым деянием – убийством (всего живого), но об этом подробнее ниже в связи с разворотом мифологемы Каина. И путь такого (уже конкретного) представителя Каинова человечества («опаснейшего и злейшего из зверей») ведет его к рабству у сотворенных им же «гносных тварей»:

6

Когда-то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком –
Опаснейшим и злейшим из зверей –
Безумным логикой
И одержимым верой.
Разум
Есть творчество навыворот. И он
Вспяты исследил все звенья мироздания,
Разъял вселенную на вес и на число,
Пророс сознанием до недр природы,
Вник в вещество, впился, как паразит,
В хребет земли неугасимой болью,
К запретным тайнам подобрал ключи,
Освободил заклепанных титанов,
Построил им железные тела,
Запряг в невероятную работу:
Преобразил весь мир, но не себя
И стал рабом своих же гносных тварей.

Седьмая ступень метаморфоза первосущества (мятежа): первосущество, согласно Бёме, обретает вновь само себя как дух, на основе чувственных

восприятий; приносит плоды и семена; первоначальная идея, по Штейнеру, обретает самобытие, рождает новую жизнь. Но эта седьмая ступень метаморфоза первосущества является и октавой – она же первая ступень развития новой идеи эйдоса, ее первообраза. Смысл седьмой части поэмы Волошина: человеку-Каину не свойственно быть рабом, поэтому наступает «время новых мятежей»:

7

Настало время новых мятежей
И катастроф: падений и безумий.
Благоразумным:
"Возвратитесь в стадо",
Мятежнику: "Пересоздай себя".

Но если мятежники не пересоздают себя, если принцип христианского посвящения не войдет в европейскую культуру, то апокалипсис, то есть откровение существ духовного мира, примет самые чудовищные, немислимые формы. Таков, так сказать, «краткий курс» истории человечества, идущего «путями Каина», высветленной Поэтом-посвященным в его цикле «Путями Каина» (наша же так называемая «народная» интеллигенция внимать его грандиозному предупреждению уже не способна по самой своей природе: почти у каждого из ее представителей «свои» идеи о том, как внедрить «демократию» и «права человека» на Руси, как ее американизировать, или как ее снова советизировать, а некоторые «мичуринцы» даже думают о том, как вывести из этого жизнеспособный гибрид...).

* * *

Однако продолжим разворот мифологемы мятежа через ее радикальную метаморфозу – огонь. Вторая поэма цикла так и называется «Огонь». В ней также семь ступеней метаморфоза самого огня. Мы не будем на них подробно останавливаться: читатель при желании может их теперь уже четко выделить и охарактеризовать сам в ритме семичленной духовнонаучной

логики. Мы выделим лишь узловые моменты этой поэмы, которые коррелируют с ритмом (также семичленным) всего цикла поэм в целом.

О человеке в этой поэме сказано:

Путем огня он шел через природу.
Кровь – первый знак земного мятежа,
А знак второй –
Раздутый ветром факел.

Далее в пятой части этой поэмы читаем: «есть два огня...». Тайна огня велика есть. Но мы не станем в нашем комментарии уводить читателя ко временам древнеиндийской «Ригведы», которая наполнена гимнами Агни. Мы вспомним того же Якова Бёме, который сравнивает вечный процесс имманентного самообнаружения Бога (причем Бог рождает в себе природу, а из нее самого себя как сознательный дух) – с процессом огня. Огонь как истребляющий представляет принцип разделения, раздвоения бытия для себя, отрицательности в Боге, влечение, вечную природу; свет, исходящий от огня, любовно и кротко распространяющийся и сообщающийся, представляет принцип положительности, вечное единство и свободу, которая из огня природы, куда влечение заключило ее, снова освобождается и в этом освобождении, в этом отдалении от огня обнаруживается как свет. Вот как пишет об этом Яков Бёме в своей книге «Выбор благодати» (гл.2, §33,35): «Как при зажигании огня мы разумеем две сущности – одну в огне, а другую в свете – и, таким образом, два принципа, так же мы должны понимать Бога. Огонь в своей мучительности обозначает нам природу во влечении, а свет означает божественный огонь любви, ибо свет есть тоже огонь, но огонь дающий, ибо он передается всем вещам и в своем деянии есть жизнь и сущность. В огне есть смерть. Как вечное ничто умирает в огне, а из смерти выходит святая жизнь, и это не смерть, так из мучительности возникает жизнь любви. Таким образом, ничто или единство принимает в себя вечную жизнь, чтобы быть чувствующим. Но снова выходит из огня как ничто; и мы видим, что свет, исходящий от огня, все-таки есть не что иное, как любящая,

дающая, действующая сила. Таким образом, под огнем (в разделении влечения, когда разделяются огонь и свет) следует разуть вечную природу. В ней говорит Бог, что он гневный, мстительный Бог и поедающий огонь, который называется не святым Богом, но его ревностью, ибо истребляет то, что влечение включает в себя как разделенность».

В поэме Волошина «Огонь» эти два вида огня характеризуются так:

5

Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузнечных горнов, топок и печей,
Огонь сердец – невидимый и темный,
Зажженный в недрах от подземных лав...
И есть огонь поджогов и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь, лизавший ведьм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей,
Неукротимый факел Прометея,
Зажженный им от громовой стрелы.

6

Костер из зверя выжег человека
И сплавил кровью первую семью,
И женщина – блюстительница пепла
Из древней самки выявила лики
Сестры и матери,
Весталки и блудницы.
С тех пор, как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага –
Пещера стала храмом,
Трапеза – таинством,
Огнище – алтарем,
Домашний обиход – богослуженьем.
И человечество питалось
И плодилось
Пред оком грозного
Взыскующего Бога.

.....

Тысячелетья огненной культуры
Прошли с тех пор, как первый человек
Построил кровлю над гнездом Жар-птицы

.....
И человек сознал себя огнем,
Заклепанным в темнице тесной плоти.

* * *

Третья поэма цикла – «Магия» – собственно о том, как постепенно угасали магические способности древнего человека и как он становился из ясновидящего и яснослышающего духовно слепым и глухим, но при этом до некоторой степени свободным и своевольным существом. Магия – это, по Волошину, «искусство подчинять духовной воле косную природу». Кроме того, проницательному читателю отлично известно, что магия бывает белой и черной и что независимо от того, какая она, контактов с ней и ее носителями следует избегать. Однако мы рискнем сделать здесь обширные выписки из поэмы как бы в подарок нашим разного рода базаровым (доцентам, профессорам, академикам разнообразных, так называемых точных наук), ибо многие из них по простоте душевной все еще уверены, что человек во все времена походил на них, то есть наиболее выдающиеся особи среди человеков всегда, то есть с тех пор, как труд сделал из обезьяны человека, мыслили, думали и воспринимали мир приблизительно так же, как и эти самые, то есть состоящие из атомов ученые мужи. Увы, наш поэт рассеивает это недоразумение, показывая, собственно, истоки всемирной, неизбежной и даже на какой-то период необходимой... базаровщины.

1

...Освободить и разнуздать не трудно
Неведомые дремлющие воли:
Трудней заставить их себе повиноваться.

Человек, говорится в поэме,

2

....вступал в борьбу и в договоры

С живыми волями, что раздували
Его очаг, вращали колесо,
Целили плоть, указывали воду, –
Тогда он знал, как можно приневолить
Себе служить Ундин и Саламандр,
И сам в себе старался одолеть
Их слабости и страсти.

3

Но потом,
Когда от довременных снов
Очнулся он к скупому дню, ослеп
От солнечного света и утратил
Дар ясновидения
И начал, как дитя,
Ощупывать и взвешивать природу,
Когда пред ним стихии разложились
На вес и на число – он позабыл,
Что в обезбоженной природе живы
Все те же силы, что овладевают
И волей и страстями человека.

От человека постепенно отступают жизнеобразующие, формообразующие силы, когда нарушено равновесие и гармония человека с природой. Демоны и элементарные стихийные духи начинают противостоять человеку, поработать его, ибо он начинает действовать по своей воле, точнее, слепому произволу.

4

А между тем в преображенном мире
Они живут.
И жадные Кобольты
Сплавляют сталь и охраняют руды.
Гнев Саламандр пылает в жарких топках,
В живом луче танцующие Эльфы
Скользят по проволокам
И мчатся в звонких токах;
Бесы пустынь, самумов, ураганов
Ликуют в вихрях взрывов,
Дремлют в минах
И сотрясают моторы машин;
Ундины рек и Никсы водопадов
Работают в турбинах и котлах.

5

Но человек не различает лики,
 Когда-то столь знакомые, и мыслит
 Себя единственным владыкою стихий:
 Не видя, что на рынках и базарах,
 За призрачностью биржевой игры
 Меж духами стихий и человеком
 Не угасает тот же древний спор;
 Что человек, освобождая силы
 Извечных равновесий вещества,
 Сам делается в их руках игрушкой.

Далее – разворот «трагедии материальной культуры»:

6

Поэтому за каждым новым
 Разоблачением природы ждут
 Тысячелетья рабства и насилий,
 И жизнь нас учит, как слепых щенят,
 И тычет носом долго и упорно
 В кровавую расплзшуюся жижу,
 Покамест ненависть врага к врагу
 Не сменится взаимным уваженьем,
 Равным силе
 Когда-то сдвинутой с устоев человеком.
 Каждой ступени в области познания
 Ответствует такая же ступень
 Самоотказа;
 Воля вещества
 Должна уравновеситься любовью.
 И магия:
 Искусство подчинять
 Духовной воле косную природу.

Интересно, какой же физик и химик способен эту мудрость воспринять всерьез?! Ведь для этого требуется нешуточная встреча с Духовной наукой эзотерического христианства. Но много ли найдется таких храбрецов среди наших базаровых?!

У Волошина имеется ответ на этот вопрос в заключительной части поэмы «Магия»:

Но люди неразумны. Потому
 Законы жизни вписаны не в книгах,
 А выкованы в дулах и клинках,
 В орудьях истребления и машинах.

* * *

Разворот мифологемы Каина через орудия убийства в истории поэт изображает, начиная с IV поэмы «Кулак».

1

Из кулака родилось братство:
 Каин первый
 Нашел пристойный жест для выраженья
 Родственного чувства, предвосхитив
 Слова иных времен: враги нам близкие.
 "И тот, кто не оставит
 Отца и мать, тот не пойдет за мной".
 Он понял истину, что первый встречный
 Нам больше брат, чем близкие по крови.

2

Он – первый земледелец – ненавидел
 Кровь жертвенных животных и принес
 Плоды и колос вспаханного поля
 В дар Богу,
 Жаждавшему испарений крови,
 Но был отвергнут его бескровный дар,
 И он убил кочевника,
 Топтавшего посева.
 "А эта кровь – тебе угодна, Ягве?"
 И прочь ушел с пылающим клеймом:
 "Отмстится всемеро тому,
 Кто тронет отныне Каина".

Антропософский автор Эмиль Бок в своем исследовании Ветхого Завета так раскрывает эзотерический аспект мифа о Каине (машинописная рукопись перевода с немецкого):

«Благодаря проникновению в смысл космического развития нам удастся подняться над обычным моральным пониманием, то есть простым

осуждением братоубийства, отображенного в страшной легенде о Каине и Авеле.

После грехопадения человек перестает быть всего лишь органом для высшей, струящейся через него, Божественной воли; в нем зарождается собственная воля...

Авель несет в своем существе наследие грехопадения. Он – нормальный человек в своей жизни, который знает, что есть добро и есть зло, что его существование отделено от божественного бытия. В нем живет тоска по утраченному "раю" и стремление к воссоединению с Богом, благоговейное почитание Его. Таким образом, Авель есть первый религиозный человек. Жертвоприношение Авеля есть начало истории религий.

В Каине же действуют законы доисторического прошлого человека. Он родился, придя как бы из "рая", а не в результате грехопадения; поэтому он не знает, что есть добро и что есть зло. Изначальные космические силы наполняют его существо, несмотря на то что его телесность является уже уплотненной, и поэтому он также причастен к связанной с этим индивидуализации человека. Каина называют "тем, кто может". Магическое могущество воли, которым обладали (тогда еще на божественный лад) люди "райской" ранне-лемурийской эпохи, проявляется у Каина более человеческим образом, у Авеля же отняты были солнечного происхождения возможности воли; они превратились в нем в «лунные» силы сознания. "Древо жизни" засохло в нем для того, чтобы могло вырасти "Древо познания", но несет его в мир человеческого своеволия и произвола, – в мир, куда уже получила доступ смерть. В результате возникает человеческая магия, которая есть, в высшей степени, обоюдоострое оружие. Она может принести как великое благо, так и страшные беды. Авель знает, что есть добро и что есть зло. Каин же этого не знает, но зато он владеет сверхчеловеческой силой, которая может содейть как добро, так и зло.

Миф повествует о том, как Каин принес для жертвоприношения плоды полей, а Авель первенцев своего стада. Суть в том, что Каин, принося дары

солнечного происхождения, то есть плоды растений, служит тому Высокому Духу, который тогда уже отступил от водительства человечеством. Солнечное Божество Элогимов передало руководство космическим развитием Ягве, высокому духовному Существо Луны. Поэтому дары, принесенные Каином, принадлежали уже ушедшему в прошлое "зону", они не отвечали требованиям современности. Лунного же происхождения принесение в жертву животных, совершенное Авелем, наоборот, отвечало духу времени. Не находящая себе выхода, магическая волевая сила Каина превращается в нем в страшный гнев; он убивает Авеля.

Трагедия Каина усугубляется еще тем, что принесенные им и отвергнутые Ягве плоды полей являют собой тем не менее важнейшее преобразование в питании людей, знаменуют будущий прогресс культуры... Авель был пастухом. Каин же жил в родственном ему мире растений. Но эти последние теперь уже изменились и сами больше не давали того, в чем нуждался человек. Стала требоваться обработка почвы, посев, уход за всходами и, наконец, сбор урожая. Благодаря своей силе Каин мог осуществить это и тем самым внести в человеческое существование новое содержание. К бродячему образу жизни кочевников-скотоводов присоединился оседлый образ жизни земледельцев. А к еде лунного происхождения прибавилась еще другая – солнечного происхождения. Так Каин, пользуясь древними творческими силами, созидает будущее. И это является пророческим знамением, когда Каин противопоставляет кровавому принесению в жертву животных, совершенному Авелем, свое бескровное жертвоприношение плодов растений. Если ему, Каину, и не принадлежит настоящее, то за ним – будущее. Плоды полей указывают на будущее причастие хлебом и вином.

Через человека магии – Каина пришло в мир убийство. Но должен ли человек потому, что это может принести зло, вообще отказываться от солнечной по своему происхождению силы Каина?

Библия сама свидетельствует о ее огромной ценности. Божество гласит, что убийца Каина подвергся бы в семь раз более тяжкому проклятию, чем убийца Авеля ("Генезис" 4, 15). Двигавшееся по пути поступательного развития человечество сделалось в массе человечеством Авеля. Только некая малая часть его осталась носителем Каиновой силы.

При переходе от заканчивающейся лемурийской эпохи к атлантической в судьбах человечества произошел важный поворот: Каиновы силы были сконцентрированы в неких особых местах, где было исключено их неправомерное применение, могущее привести к братоубийству, и где они могли быть развиты и применены для блага людей. Возникают места мистерий.

Если в "Генезисе" говорится о судьбе, предстоящей потомкам Каина, как судьбе безродных бродяг, то это указывает на то, что одной малой части человечества предстояло отказаться от своей родины и, не заботясь о собственном благосостоянии, неустанно служить прогрессу человечества. Каиновы магические силы нужно было превратить в различные и важные умения и искусства. Возделывание культурных растений, селекция и выведение домашних животных, обработка металлов, изготовление музыкальных инструментов принадлежат плодам мистерий тех времен. Потомки Каина были людьми, исполненными мужества, не боящимися риска изобретателями. Тубалкаин из Каинова рода научил людей добывать и обрабатывать всяческие металлы и железо, иначе говоря, начаткам техники, которая гораздо позднее стала столь обоюдоострым оружием в руках людей – особенно в наше время...

В мифической дали атлантического человечества можно различить два главных течения – Каиново и Авелево; первое из них действует более скрыто, а второе выступает отчетливо на виду у всех. Магическое каиново течение исполнено мужества и готовности рисковать. Оно не печалится об утраченном, не признает границ между добром и злом, между Богом и человеком. Из божественных сил оно выковывает человеческое земное

умение, человеческое искусство. Кузнецы, строители и художники выходят из его школ. Другое же течение – течение мудрости – чувствует границу между "верхним" потусторонним и "нижним" посюсторонним миром, оно умеет отличать добро от зла. Из среды этого течения выходят учителя, которые наставляют людей на путь благочестия, и воспитатели, которые руководят моральной жизнью людей...

Каиново магическое течение порождает такие достижения, которые чисто земной природы и поэтому готовят почву для развития в более поздние времена эгоизма. Но тогда человечество было еще далеко от пробуждения "я". А следовательно, и от заблуждений самости. Пагубной в те доисторические времена магия потомков Каина делалась тогда, когда она поступала в обладание людей, которые не умели властвовать над самими собой, и в особенности когда она проникала в область религиозных и культовых установлений. Человеческие "я" сами тогда еще не могли впасть в заблуждения, но они могли в результате злоупотребления магией в религиозно-культовой области привлекать и делать действительными такие сверхчувственные существа, которые являются врагами благих Божеств. Когда древние магические силы прилагались к мертвой материи, то возникала земная культура. Но если они направлялись в сверхчувственный мир, то возникала черная магия, служба демонам».

А вот как характеризует Волошин в поэме «Кулак» Каина:

3

Порвавши узы кровного родства,
Он понял хмель одиночества
И горький дух свободы.
Строитель городов – построил первый
тюрьмы;
Ковач металлов –
Сковал он первый плуг, топор и нож;
Создатель музыки, –
Прислушиваясь к ветру,
Он вырезал свирель
И натянул струну;

Ловец зверей – он на стенах пещеры
Обвел резцом
Виденья разгоряченных снов:
Бизонов, мамонтов, кабанов и оленей.

4

Так стал он предком всех убийц,
Преступников, пророков – зачинатель
Ремесл, искусств, наук и ересей.

Проблема Каина – это и проблема глубинного познания мира и его сущности. И еще более потрясающую глубину вскрытия мифа о Каине мы находим в цикле лекций Рудольфа Штейнера «Значение оккультного развития человека для его оболочек и "я"» (1918).⁹³

«Благороднейшие элементы духа, когда они обращены в противоположное, становятся самыми страшными явлениями физического мира. В глубинах человеческой души, благодаря извращению благороднейшей жажды самопожертвования, может возникнуть желание убить своего ближнего. Начиная с этого момента, мы понимаем смысл библейского сказания о Каине и Авеле, которое есть не что иное, как изложение оккультного переживания. До того момента в развитии земли, который отвечает сказанию о Рае, Каин воспринимал высшую инспирацию, он хотел быть стражем-хранителем внутренних высших сил в себе. После искушения в раю жертвенная готовность Каина становится желанием убить Авеля. И крик души, вопль протеста Каина, о котором повествует Библия: "Разве я сторож брата моего?" – есть отражение инспирации: "Я поставлю тебя на земле быть стражем-хранителем другого".

Человек в том виде, в каком он предстоит перед нами на земле, есть извращение того, чем он некогда был. Только теперь люди могут узнать, что обратным отражением высокой жертвы является сказание о Каине и Авеле

⁹³ Мы надеемся, что проницательный читатель все-таки знаком с такими основными понятиями Духовной науки как эфирное и астральное тела, и поэтому не даем здесь характеристик этих понятий, отсылая его к основополагающим трудам Рудольфа Штейнера «Теософия» и «Очерк тайноведения».

(Страж Порога закрыл это, и этому отвечает имажинация изгнания из Рая). Физическое и эфирное тело человека были так проникнуты погашающими силами, что желание убивать заглушено. Но едва заметное ощущение этих желаний, которые были бы ужасны, если бы человек мог переживать их целиком в их истинной форме, является действительным процессом человеческого познания на земле (это желание метаморфизировалось в процессе познания).

Это есть определение и сущность человеческого земного познания. Оно есть притупленное, заглушенное стремление к разрушению и уничтожению.

Внутренние позывы и стремления должны были быть ослаблены для того, чтобы то первоначально страшное, в чем господствует Ариман (ибо первоначально Ариман пробуждает это желание убивать), было так ослаблено и чтобы человек не изживал Аримана и не делал себя в силу этого постоянным служителем Шивы. Совокупность этих сил должна была быть так понижена, они в такой форме существуют в человеке, что он со своими понятиями и идеями может, не разрушая другие существа, перенестись в них. Когда мы хотим с помощью понятий проникнуть в другое существо другого человека, то это представление есть притупленное оружие Каина, которым он пронизывает Авеля.

В эволюции человек, умножая свои познания, метаморфизует, сублимирует эту жажду разрушения и убийства в предметное познание, потом в имажинативное познание, которое еще дальше переходит в существо "не-Я", в инспиративное познание, и, наконец, в интуитивное познание, которое целиком проникает, входит в это "не-Я" и духовно живет вместе с ним.

Так постепенно мы пробиваемся к пониманию того, что такое это человеческое "Я". Астральное тело по своей внутренней природе – великий эгоист. "Я" – больше чем эгоист, оно хочет только себя, даже в другом существе. Оно еще хочет перейти в "не-Я", распространить все, что "Я" есть,

далеко за его пределы – в "не-Я". Познание есть потенцирование эгоизма за пределы "Я".

Если вы обратите внимание на эту природу и происхождение человеческого познания, вам станет ясно, что всюду существует склонность и возможность злоупотреблять познанием; ибо тотчас, когда познание уклоняется от истинного пути, оно становится злоупотреблением. Только тем путем, что мы духовно продвигаемся вперед, все духовней и духовней проникаем в существо "не-Я" и в силу распространенного до пределов мировых интересов астрального тела мы приходим к тому, что отрекаемся от какого бы то ни было проникновения в "не-Я", когда мы оставляем в полной неприкосновенности это «не-Я». Только этим путем мы созреваем для того, чтобы подняться выше в познании.

Переживание истинного астрального тела и истинного "Я" при наличии духовной и моральной незрелости ведет к развитию разрушительных инстинктов, к воле вредить и причинять боль, то есть к черной магии. Хотя пути этой последней и различны, последствием ее всегда является союз с Ариманом, или с Шивой.

Внутренняя природа астрального тела есть эгоизм; идеалом же должно быть: иметь право на эгоизм, когда мировые интересы становятся личными. Идеалом также должно быть: иметь право погрузиться в другое существо, когда имеется воля не искать в нем себя со своими интересами, но найти другое существо более значительным, чем самого себя.

Самовоспитание состоит в том, что мы так постепенно претворяем себя, что нас больше не согревают наши аффекты, наши инстинкты и страсти, но вживаясь в свое астральное тело, мы вживаемся в ледяное одиночество. Источник же тепла открывается нам в том теплом интересе, который течет из другого существа и соединяется с благословляющими силами, исходящими от этого существа. Этим дан исходный пункт для поднятия к высшим иерархиям в их истинном образе».

Однако вернемся к IV поэме из цикла «Путями Каина» – «Кулак»:

5

Кулак – горсть пальцев, пять руки,
Сжимающая сручье иль оружие, –
Вот сила Каина.

6

В кулачном праве выросли законы
Прекрасные и кроткие в сравненьи
С законом пороха и правом пулемета.
Их равенство в предельном напряженьи
Свободных мускулов,
Свобода – в равновесьи
Звериной мощи с силами природы.

7

Когда из пламени народных мятежей
Взвивается кровавый стяг с девизом:
"Свобода, братство, равенство иль смерть"
Его древкó зажато в кулаке
Твоем, братоубийца Каин.

Но откуда само «пламя народных мятежей» с «кровавым стягом» и подобным девизом? Дело в том, что два уже известных читателям Демона, инспирируя каиново человечество, искажают саму природу этих величайших социальных ценностей (вспомним определение зла у Штейнера: «зло – это добро не на своем месте»), прилагая их к сферам, где они неправомерны. Правомерное же их воплощение следующее: свобода в сфере культуры (а вовсе не в сфере «свободного рынка»), братство в хозяйственной, экономической сфере; равенство – в правовой сфере.

* * *

Далее мифологема Каина разворачивается через орудия убийства и порабощения человека в истории, которым посвящены соответствующие поэмы: «Меч», «Порох», «Пар», «Машина», «Война», «Ганоб», «Государство», «Левиафан».

Вот первая и последняя части поэмы «Меч»:

1

Меч создал справедливость.

7

О, правосудие,
Держащее в руках
Весы и меч! Не ты ль его кидало
На чашки мира: "Горе побежденным!"
Не веривший ли в справедливость
Приходил
К сознанию, что надо уничтожить
Для торжества ее
Сначала всех людей?
Не справедливость ли была всегда
Таблицей умноженья, на которой
Труп множили на труп,
Убийство на убийство
И зло на зло?
Не тот ли, кто принес "Не мир, а меч",
В нас вдунул огонь, который
Язвит и жжет, и будет жечь наш дух,
Доколе каждый
Таинственного слова не постигнет:
"Отмщенье Мне и Аз воздам за зло".

Следующая ступень прогресса в средствах уничтожения или даже
распыления человекoв раскрывается в поэме «Порох»:

1

Права гражданские писал кулак,
Меч – право государственное, порох
Их стер и создал воинский устав.

2

На вызов, обращенный не к нему
Со дна реторт преступного монаха,
Порох
Явил свой дымный лик и разметал
Доспехи рыцарей,
Как ржавое железо.

5

Стирая в прах постройки человека,
Дробя кирпич, и камень, и металл,

Он вынудил разрозненные толпы
Сомкнуть ряды, собраться для удара,
Он дал ружью – прицел,
Стволу – нарез,
Солдатам – строй,
Героям – дисциплину,
Связал узлами недра темных масс,
Смесил народы,
Сплавил государства,
В теснинах улиц вздыбил баррикады,
Низвергнул знать,
Воздвигнул горожан,
Творя рабов свободного труда
Для равенства мещанских демократий.

7

Но черный порох в мире был предтечей
Иных еще властительнейших сил:
Он распахнул им дверь, и вот мы на пороге
Клубящейся невероятной ночи,
И видим облики чудовищных теней,
Неназванных, немислимых, которым
Поручено грядущее земли.
Им кончился не только век меча,
Но все расцветы огненной культуры:
На месте Агни воцарился взрыв,
И вихрь над устьем динамитной бомбы
Стал символом разверзшихся времен.

О, тут нельзя не отдать должное предвидению, прозорливости Поэта-пророка. Вспомним еще раз заключительные строки его раннего эссе «Демоны Разрушения и Зла» (1908): «Взрывчатые вещества пришли как новый огонь. Они плетут свое гнездо в страстях человека: в гневе, в ненависти, в жадности, во властолюбии.

Нет сомнения, что древнее пророчество о том, что европейское человечество будет развеяно в воздухе, может исполниться. И войны, и анархия ведут одним путем к исполнению его. Наша древняя, огненная, могучая государственность может не вынести этого нового яда, который устремился на самые слабые и больные органы ее.

Взрывчатые вещества несут с собой страшные нарушения равновесия силы и морали, на котором покоится каждый общественный строй.

Из этих нарушений еще произойдут страшные катастрофы, подобные мировым катаклизмам».

Теперь эти страшные катастрофы происходят на наших глазах.

А вот еще одно пророчество нашего Поэта 1917 г.: «Только в последние века своего существования человечество получило новую силу, превосходящую силу огня, – силу взрыва. Вернее, силу внезапного увеличения объема, высвобождения энергии, находящейся в состоянии пассивного равновесия. Оно получило ее... в виде взрывчатых веществ, далеко превосходящих порох... Но до первоисточка этого порядка материальных сил – до интроатомной энергии мы еще не дошли. Катастрофические колебания человечества достигнут наибольшей степени напряженности, когда эта абсолютная материальная сила, а вместе с нею и власть над рождением и смертью материи, будет дана в руки человека: наши битвы народов будут, по сравнению с теми, казаться такой же спортивной идиллией, как нам кажутся теперь битвы античного мира». (Заметки к статье «Демократизация искусства»).

Демоны разрушения и зла, о которых писал Волошин в 1908 году, теперь уже, после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки (1945 г.), после многолетних и многочисленных испытаний ядерного оружия во всех сферах, когда была продырявлена эфирная оболочка земли и ее первый, минеральный слой, эти бесы хлынули, устремились на поверхность земли из почти всех уже девяти сфер ада и более чем полвека беснуются на земле, заселяя несметное число (имя им легион) пустых (вследствие господства чудовищного материализма) человеческих оболочек, лишенных «я» сознания, превратившихся в ту самую – апокалипсическую «саранчу», расплзающуюся по земле. Используя ее как инструмент для достижения своих целей черно-окультиные круги англо-саксонских стран и транснациональные корпорации с ее помощью наркотизируют и

терроризируют беззащитных и невежественных в оккультизме обывателей-обитателей западного потребительского общества и уже очумелое от «катастрофки» население Руси, дабы не встало оно никогда с пуза (уже не с колен!). Терроризирует обывателей эта «саранча» пока еще взрывчатыми веществами, хотя и весьма мощными, но, так сказать, тактическими. А что, если в ее лапы попадут чемоданчики с «абсолютной материальной силой», как выражался наш Поэт, с «интроатомной энергией» и, не дай Бог, подложит она («саранча») их под нас с вами, драгоценный читатель. О, тогда даже нашему «проницательному читателю» не трудно будет себе представить, что из этого может произойти...

Такова метаморфоза этих «демонов разрушения и зла» в наши дни. Но это лишь один полюс антиномии. Но есть же и другой полюс ее, о котором мы, наконец, должны вспомнить! Этот полюс – образ борьбы с Драконом архангела Михаила. И исход этой битвы будет зависеть от людей, которые ясно понимают, что кругом происходит и как возможно противостоять этому Дракону в эпоху Второго Пришествия Христа.

Однако же не в наших интересах запугивать наших драгоценных читателей (а то вдруг кто-нибудь из них возьмет да и бросит читать на этом месте наш труд, хотя самое интересное в нем еще впереди!). Запугивать, обличать и бичевать иронией спящие души – это ведь неузнанная миссия нашего Поэта-пророка, почти все пророчества которого, к сожалению, имеют склонность сбываться. А наша вина пусть будет только в том, что мы его внимательно, герменевтически, так сказать, стремимся прочесть, понять и экспонировать перед взором любопытного и бесстрашного читателя.

* * *

Следующая поэма «Пар» – совсем идиллическая картинка:

2

Лишь век назад хозяин догадался
Котел, в котором тысячи веков
Варился суп, поставить на колеса,
И, вздев хомут, запрячь его в телегу.

Пар выпер поршень, напружил рычаг,
И паровоз, прерывисто дыша,
С усилием сдвинулся
И потащил по рельсам
Огромный поезд клади и людей.

3

Так начался век пара. Но покорный
Чугунный вол внезапно превратился
В прожорливого Минотавра:
Пар послал
Рабочих в копи – рыть руду и уголь,
В болота – строить насыпи, в пустыни –
Прокладывать дороги:
Запер человека
В застенки фабрик, в шахты под землей,
Запачкал небо угольной сажой,
Луч солнца – копотью,
И придушил в туманах
Расплесканное пламя городов.

4

Пар сократил пространство, сузил землю,
Сжал океаны, вытянул пейзаж
В однообразную, раскрашенную
Ленту
Холмов, полей, деревьев и домов,
Бегущих между проволок;
Замкнул
Просторы путнику;
Лишил ступни
Горячей ощупи
Неведомой дороги,
Глаз – радости открытых новых далей,
Ладони – посоха и ноздри – ветра.

7

.....
И, вынув душу, вдунул людям пар.

А вот поэма «Машина» уже может насторожить внимательного читателя и направить его внимание на демонов машин, на сущность машинной цивилизации как царства Князя мира сего – Аримана, а не на ошеломляющие

достижения комфорта, удобств, «покорения природы» этой цивилизацией как неизбежного плода научного прогресса.

2

Пока рука давила на рычаг,
А воды
Вращали мельничное колесо –
Их силы
Не нарушали древних равновесий.
Но человек
К извечным тайнам подобрал ключи
И выпустил плененных исполинов.

3

Дух, воплощаясь в чреве, строит тело:
Пар, электричество и порох,
Овладевши
Сознанием и страстями человека,
Себе построил
Железные тела
Согласно
Своей природе: домны и котлы,
Динамо-станции,
Моторы и турбины.

Вот тайна и один из неназванных, потаенных источников «непобедимого учения»: производительные силы сами строят нужные им производственные отношения, тогда как культура превращается в «увеличение числа потребностей», надстройку, некое «архитектурное излишество».

Вот любопытный набросок «Демонизм машины» (1909 г.) на эту же тему:

«Взгляды древних на законы природы как на волю стихийных духов. Разницы нет. Наше знание только измерило числа и эту волю.

Правила вызывания и управления стихийными духами. Концентрация воли – волшебная палочка. Воля и самоотречение. Моральный закон – овладеть тем недостатком, к которому склонны они: гномы – жадность,

эльфы – легкомысленность, вода (ундины) – холодность, огонь (саламандры) – страстность.

Иначе вызвавшие сами подпадут под власть демонов. Как человеку тех времен представился бы современный мир.

Машина – из стали железа, питающаяся каменным углем, – это создание скупых гномов, и рабами ее становятся скупцы. Динамит – воздух и огонь – легкомыслие и гневливость – то, что должно отличать анархистов.

Европейцы вызвали к жизни новых демонов, но не могут управлять ими и подпали под их деспотическую власть.

Дисциплина. Знание – власть. Она дается лишь тому, кто достоин и не воспользуется во зло.

Огонь в руки тому, кто не сожжет дома. Средство целения тому, кто сам не убьет. В науках – то же посвящение и даже та же особая присяга для докторов и адвокатов на хранение тайны.

Вся наша обыденная жизнь обусловлена и окружена вещами и машинами. Мы живем в неразрываемом кольце, которое целиком охватывает нас. Все зависит в нашей жизни от вещей, созданных человеческими, но не нашими собственными руками – от вещей, чуждых нам духовно и ничем внутренне с нами не связанных. Все зависит от целого ряда могучих машин, мертвых по существу, но одаренных несомненной жизнью, призрачной жизнью, мертвой жизнью, но жизнью, имеющей неотвратимую власть над нашей душой.

И мы не знаем, кто они – эти мертвые вещи и мертвые машины.

Они повинуются нам, как рабы, и беспрекословно исполняют все наши желания. Но проходит время, и мы вдруг начинаем сознавать, что совсем не они наши рабы, а что мы безвозвратно продали им в рабство свою вольную душу. Что они – эти мертвые твари человека – правят нашей жизнью и диктуют нам свои законы.

Что они похожи на дьявола, которому человек продает свою душу, и дьявол служит ему, беспрекословно исполняет все его желания,

пресмыкается перед ним как перед владыкой, и, наконец, становится полновластным властелином его вольной, божественной души.

И вот мы видим, что город, который мы создали своим гением и своими руками, город – это громадная демоническая республика вещей и машин, которая живет своею собственной, нам непостижимой жизнью.

Мы допущены в эту жизнь вещей, но не мы правим ею, а она нами. Без нас эта жизнь существовать не может, но мы в ней не более как каменный уголь, как дрова, поддерживающие этот фантастический организм, – мы сгораем и гибнем в какой-то огненной печи, и ничего не знаем о конечной воле железных и каменных демонов, из нашего духа зародившихся, в наших желаниях и страстях обретших себе жизнь, но устремленных куда-то к целям, нам неведомым и явно враждебным нашей судьбе и нашей воле...

Ходячий взгляд на машину гласит, что человек ее замыслил и создал своим гением. И каждый из ничтожных рабов города, уже десятки лет живущих милостью стальных демонов, считает себя тоже творцом и повелителем машины и утешен этой мечтой о своей власти.

О машинах мы знаем только то, что нам сообщил о них механик, осуществивший их бытие в цифрах и чертежах. Это знание плотной завесой скрывает от нас истинную сущность машины, а надменная вера в свой человеческий гений не дает нам заметить самых кричащих фактов обыденной жизни.

Механик и ученый, что они сами знают о воле, затаившейся в машине? Они исчислили ее душу и построили ее тело, но, совершив это, они создали еще нечто иное, ускользнувшее от их расчетов, призвали к бытию силы, о которых сами не имеют никакого понятия.

Ученые, в прикладные отрасли науки низводящие законы, познанные чистым знанием,... лишь открывают какие-то тайные двери, через которые в нашу жизнь вторгаются неведомые и страшные силы – Демоны, само бытие которых неуловимо для их (ученых) метода познания...

Для уха ученого эти слова о городе, о машине, о Демонах вещей должны звучать так же наивно, как для специалистов по нервным болезням исповедь влюбленного юноши или лирическое стихотворение современного поэта.

Это неизбежно.

Научное познание законов, по которым движется Вселенная, и художественное наблюдение над отражением их в глубине нашей души – это две области, для нас одинаково важные, одинаково для нас необходимые и в пределах научного познания безусловно несовместимые.

Каждый из нас, однако, так или иначе должен совместить в своей душе это объективное познание с субъективным восприятием вселенских законов, являющихся совершенно иной вид в этом аспекте.

Поэтому я не буду бояться, совершенно не будучи ученым, касаться вопросов химии, физики и механики. Я буду говорить об этих предметах только как поэт, и ссылки мои не будут ссылками на ученые сочинения, а лишь на произведения поэтов, прикасавшихся к этим областям.

Не ищите в моих словах никакой законченной теории. Я вовсе не буду стремиться вас убедить в чем-нибудь, ни искать вашего согласия с моими мыслями.

Я вам дам ряд парадоксов, ряд загадок, которые, быть может, еще не возникали перед Вами, ряд неожиданных сопоставлений, ряд новых освещений явлений, давно всем знакомых.

Не ищите и не требуйте от меня никаких доказательств: нет ничего более навязчивого, скучного и обременительного, чем доказательства, чем эгоистическое желание убедить во что бы то ни стало.

Я дам Вам мысли, слова, образы. Те, что понравятся Вам, – Ваша память запомнит, а Ваш мозг сам тотчас же найдет для них доказательства несравненно более убедительные и неоспоримые, чем те, что я мог бы предложить ему...

Я постараюсь по мере возможности вывести Вашу мысль из современного строя мышления и к явлениям современности подойти с иных

точек зрения при помощи иных методов познания, в настоящую эпоху оттесненных естественнонаучным методом исследования.

Как видите, я предлагаю Вам игру, очень серьезную, интересную, требующую напряженного внимания, гибкости ума, восприимчивости, остроумия и исторических знаний.

Действующими величинами в этой игре будут и научные факты, и моральные идеи, и социальные законы, и проявления сил природы, и чудеса современной техники, и данные оккультных наук, и сведения по истории культуры. И вы увидите, что все эти разнородные шахматные фигуры, передвигаемые по разграфленной доске нашей логики, будут сочетаться в комбинациях интересных, неожиданных и всегда поучительных».⁹⁴

Наш Поэт частично выполнил эту программу в «Путями Каина». Автор же данного труда дерзнул по-своему, на свой лад это намерение Поэта развить в своей работе «О "демонических" и "моральных" технологиях настоящего и будущего и о втором пришествии тамплиеров». Реферативное эзотерическое эссе (М., 2008).

В этой работе покорный слуга своих проницательных и драгоценных читателей напоминает им, что в наши дни необходимо вести речь уже о том, какие «демоны разрушения и зла» и каким образом действуют не только во взрывчатых веществах, но и в таких «умных» зомбирующих человека машинах, как компьютеры, роботы, в новейших так называемых нанотехнологиях и так далее, перед которыми человечество становится все более беззащитным. В труде этом автор пытался раскрыть одно из наиболее распространенных заблуждений нашего времени, состоящее в том, что компьютеры, действующие на основе бинарного принципа, разработаны людьми и служат человечеству. В действительности они служат другим целям. Они не просто машины – они существа. И их непрерывно растущая сеть лишь наиболее внешнее физическое проявление некоего чудовищного зла. Бинарные компьютеры были разработаны ариманическим двойником в

⁹⁴ Волошин М. Собр. соч. Т. 6 (2), М., 2008. С. 599– 605.

человеке, чтобы служить Зорату (Солнечному демону) – третьему лику Зла, который выступит открыто только в будущем. Человек был в этом случае лишь инструментом деятельности ариманического двойника. Только ариманические существа (ариманические ангелы) понимают все тонкости того, что происходит в компьютерной технологии. Люди же усыплены и убаюканы видением, грезами о знании и силе.

Но человек должен пройти через сонм сомнений и искушений, прежде чем он сможет найти самого себя в своем духовном вечном существе, в своем Высшем «Я».

Однако возвратимся к поэме «Машина» нашего Поэта-посвященного, к ее пятой части:

5

Машина – победитель человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углем и принимать помет.
И стали ей тогда необходимы:
Кишащий сгусток мускулов и волю,
Воспитанных в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.

6

Машина научила человека
Пристойно мыслить, здраво рассуждать.
Она ему наглядно доказала,
Что духа нет, а есть лишь вещество,
Что человек такая же машина,
Что звездный космос только механизм
Для производства времени, что мысль
Простой продукт пищеваренья мозга,
Что бытие определяет дух,
Что гений – вырождение, что культура
Увеличение числа потребностей,
Что идеал –
Благополучие и сытость,
Что есть единый мировой желудок
И нет иных богов, кроме него.

Осуществление всех культурных грез:
 Гудят столбы, звенят антенны, токи
 Стремят в пространство звуки и слова,
 Разносит молния
 Декреты и указы
 Полиции, правительства и бирж –
 Но ни единой мысли человека
 Не проскользнет по чутким проводам.
 Ротационные машины мечут
 И день и ночь печатные листы,
 Газеты вырабатывают правду
 Одну для всех на каждый день и час:
 Но ни одной строки о человеке –
 О древнем замураванном огне.

 И нищий с оскопленной душой,
 С охолощенным мозгом торжествует
 Триумф культуры, мысли и труда.

* * *

И тогда зреет Бунт в недрах этой ариманической цивилизации. Следующая поэма «Бунтовщик» могла бы смутить «проницательного» читателя, если бы такой нашелся. Неужели это не просто люциферический противоположус ариманической цивилизации, но и в некотором роде alter ego автора, его заветные мысли? Но тогда следует вникнуть в эту поэму. Вот ее текст.

Бунтовщик

1

Я голос вопиющего в пустыне
 Кишащих множеств, в спазмах городов,
 В водоворотах улиц и вокзалов –
 В безлюднейшей из всех пустынь земли.

2

Мне сказано: "Ступай на рынки" –
 Надо,
 Чтоб каждый раб был призван к мятежу.
 Но не мечи им истин, а взрывавай
 Пласты оцепенелых равновесий:

Пусть истина взовьется как огонь
Со дна души, разъятой вихрем взрыва.
Беда тому, кто убедит глупца!
Принявший истину на веру –
Ею слепнет.
Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой:
Насилье истиной
Гнуснее всех убийств:
Кто хочет бунта – сей противоречья,
Кто хочет дать свободу – соблазней,
Будь поджигателем,
Будь ядом, будь трихиной,
Будь оводом, безумящим стада.

3

Вы – узники своих же лабиринтов!
Вы – мертвецы заклепанных гробов!
Вы – суеверы, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы,
Вы мыслите разрушить динамитом
Все то, что прорастает изнутри –
Из вас самих с неудержимой силой.
Я призываю вас к восстанью против
Законов естества и разума:
К прыжку из человечества –
К последнему безумью –
К пересозданию самого себя.

4

Кто написал на этих стенах кровью:
"Свобода, братство, равенство
Иль смерть"?
Свободы нет.
Но есть освобожденье,
Среди рабов единственное место,
Достойное свободного, – тюрьма!
Нет братства в человечестве иного,
Как братство Каина.
Кто связан кровью
Еще тесней, чем жертва и палач?
Нет равенства – есть только равновесье,
Но в равновесьи – противоупор,
И две стены, упавши друг на друга,

Единый образуют свод.
Вы верите, что цель культуры – счастье,
Что благосостоянье – идеал?
Страдание и голод – вот резец,
Которым смерть ваяет человека.
Не в равенстве, не в братстве, не в свободе,
А только в смерти правда мятежа.

5

Закона нет – есть только принуждение.
Все преступленья создает закон.
Преступны те, которым в стаде тесно:
Судить не их, наказывать не вам.
Перед преступником
Виновно государство,
Не пресекайте, но готовьте русла
Избытку сил.
Поймите сущность зла.
Не бойтесь страсти.
Не противьтесь злему
Проникнуть в вас:
Все зло вселенной должно,
Приняв в себя,
Собой преобразить.
А вы построили темницы и запреты:
Суд гасит страсть,
Правительство – мятеж,
Врач гасит жизнь,
Священник гасит совесть,
Довольно вам заповедей на "не":
Всех "не убий", "не делай", "не укради",
Единственная заповедь "ГОРИ".
Твой Бог в тебе,
И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле:
Проверь
Весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви.
Ее источник – Ты!
Бог есть любовь,
Любовь же огонь, который
Пожрет вселенную и переплавит плоть.
Прислушайся ко всем явлениям жизни:
Двойной поток:

Цветенье и распад.
Беги не зла, а только угасанья:
И грех и страсть – цветенье, а не зло:
Обеззараженность
Отнюдь не добродетель!

6

Ни преступление, ни творчество, ни труд
Не могут быть оплачены: оплата
Труда бессмысленна: лишь подаянье
Есть мзда, достойная творца.
Как дерево – созревшие плоды
Роняйте на землю
И протирайте ветви
За милостыней света и дождя.
Дано и отдано?
Подарено и взято?
Все погашается возвратом?
Торгаши!
Вы выдумали благодарность, чтобы
Поймать в зародыше
И удушить добро?
Не отдавайте давшему.
Отдайте иному,
Чтоб тот отдал другим:
Тогда даянье, брошенное в море,
Взволнует души, ширясь, как волна.
Вы боретесь за собственность?
Но кто же принадлежит кому?
Владельцу вещь?
Иль вещи помыкают человеком?
То собственность,
Что можно подарить;
Вы отдали: и этим вы богаты,
Но вы рабы всего, что жаль отдать.

7

С собою мы уносим только то,
От обладанья чем мы отказались.
Неужто вы останетесь хранить
Железный хлам угрюмых привидений?
Вы были слизью в лоне океана
И унесли его в своей крови,
Вы отреклись от солнечного света,
Чтоб затеплить во тьме пещер огонь.

Распады утомленных равновесий
Истратили на судоргу машин,
В едином миге яростного взрыва
Вы источили вечности огня:
Вы поняли сплетенья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены, как мина,
Заряженная в недрах вещества!
Вы – пламя, замурованное в безднах,
Вы – факел, кинутый
В пороховой подвал!
Самовзрыватель, будь же динамитом!
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней, размах! отжившую планету
Швырните бомбой в звездные миры!
Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля?
И в сонмах солнц не вспыхнуть новым солнцем –
Косматым сердцем Млечного Пути?

(1923)

Да, здесь много самых заветных, сокровенных мыслей поэта, высказанных с огненной страстью. Недаром первоначальное название поэмы «Пророк». Сам Волошин в письме к Вересаеву характеризовал поэму так: «Голос пророка, призывающего к мятежу против вещества». Надо сказать, что идея такого метафизического мятежа была необычной для того времени, в котором жил поэт, да и сейчас мятежи свирепствуют все еще против чего угодно и кого угодно и в самых корыстных интересах, но отнюдь не «против вещества» как такового. Но, как говорится, лиха беда начало. И здесь пророческий дар Поэта проявляется с удивительной мощью. Достаточно сослаться на доктрину мятеже-войны, разработанной полковником Генерального штаба Евгением Месснером (1891–1974), одним из крупнейших представителей военной мысли Русского Зарубежья. Он всесторонне разработал теорию и спрогнозировал развитие данного типа войны в таких работах как «Мятеж – имя третьей всемирной», «Всемирная

мятеже-война», изданных в 60-е годы в Буэнос-Айресе и Нью-Йорке. Вот как описывает автор этот феномен: «В двух всемирных войнах и во многих местных родилась и развивалась Всемирная Революция, войны сплелись с мятежами, мятежи с войнами, создалась новая форма вооруженных конфликтов, которую назовем мятеже-войной, в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения... Такую смесь, путаницу идеологий, безыдейной злобы, принципиального протеста и беспринципного буйства нельзя было не назвать Мятежом... После Второй Всемирной войны... мятеж не умолкал. Он ширился, развивался и приобретал такую силу, напряженность и повсюду – применяемость, что я увидел в нем новую форму войны... Мятеже-война – психологическая война... Это война всех против всех, причем врагом бывает и соплеменник, а союзником – и иноплеменный. У каждого человека должен быть колчан с психологическими стрелами и психологический щит».⁹⁵ (Пример такой войны в наши дни – мятеже-война на Северном Кавказе). Это так близко к тому, что провозглашает вначале и волошинский бунтовщик:

Кто хочет бунта – сей противоречья,
Кто хочет дать свободу – соблазняй,
Будь поджигателем,
Будь ядом, будь трихиной,
Будь оводом, безумящим стада.

Но таким «сетевым» формам мятежа противостоит такая же «сетевая» стратегия и тактика подавления мятежей, разработанная в логове Аримана – ЦРУ и Военном министерстве США. Но тогда можно сказать, что история уже необратимо пошла по самому разрушительному, чудовищному пути, о котором предупреждал в последние годы своей жизни Рудольф Штейнер,⁹⁶ и который ясно предвидел еще в 1922 году Волошин в своих поэмах

⁹⁵ «Война против России без линии фронта» // «Знание – Власть!». Концептуальное приложение. 2004, сентябрь. С. 1– 2.

⁹⁶ Но он надеялся на то, что импульс Духовной науки эзотерического христианства войдет в культуру Центральной Европы к концу XX века и европейское человечество не свалится в бездну, его, так сказать, «минует чаша сия».

«Бунтовщик», «Война», «Таноб», «Государство», «Левиафан». Но бунтовщик, которого изображает Волошин, – с небывалой программой «преображения» человека, Земли и Вселенной, это уже какой-то суперлюциферический импульс. Он, по мысли Волошина, призван преобразить бунтовщика и мятежника Каина, подвигнуть его «к последнему безумью – к пересозданию самого себя». Но не через эволюцию, метаморфоз, а через «очаг взрыва» (Кстати, недаром такую глубинную симпатию питал наш поэт к знаменитому террористу и писателю, его другу Борису Савинкову и возлагал на него надежды на спасение России от большевизма, когда тот на короткое время стал в 1917 году военным министром Временного правительства).

Нам понятно, что такого рода надежды нынче могли бы смутить благонамеренного читателя, который уже и так напуган не метафизическими, а самыми натуральными взрывами, гремящими в наших городах. (Увы, это лишь реализация нашей кармы и осуществление пророческих видений нашего безумного гения Андрея Белого из его романов «Петербург», «Москва под ударом» и «Маски»). Но в этих взрывах задействован не тот бунтовщик, о котором ведет речь наш Поэт, а тот самый Доктор Доннер – черный оккультист из романа «Москва под ударом» и всяческая апокалиптическая «саранча» – то есть уже духи третьего лика Зла, азуры...

Однако зададимся вопросом: как понимать клич волошинского Бунтовщика:

Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней, размах! отжившую планету
Швырните бомбой в звездные миры!
Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля?
И в сонмах солнц не вспыхнуть новым солнцем –
Косматым сердцем Млечного Пути?

Но ведь это призыв героя поэмы – Люцифера! А уж его-то вряд ли можно схватить, притащить в Гаагский международный трибунал и привлечь

к ответственности за звездный терроризм, за нарушение не просто прав человека, а и «нового мирового порядка». Но в то же время в этих строках поэмы нет, так сказать, дыма без огня. Согласно «Очерку тайноведения» Рудольфа Штейнера, в далеком будущем, когда человечество одухотворится радикальным образом по сравнению с нынешним его состоянием (то есть станет эфирным), Земля, как она в далеком прошлом выделила из себя Солнце, снова примет его в себя, то есть, можно сказать «вспыхнет новым солнцем». Как посвященному, нашему Поэту это было известно. Но это его космогония.

А каковы все же его, так сказать, «политические» пристрастия? Они таковы: «Я примкнул к политической партии, которая возникнет лет через пятьдесят и будет составлять крайнюю левую в том парламенте, где анархисты станут консервативным большинством» (что это слова Волошина, мы ручаемся, но, к сожалению, не удалось пока установить источник). Да, это парадоксальная реакция на ариманические плоды русской революции: ведь всякие интеллигентские иллюзии о начале какой-то духовной революции, надежды на нее были развеяны уже к концу Гражданской войны, даже еще до отплытия «философского парохода» (1922), увозившего русских философов серебряного века вон из России. Волошин уже в то время понимал, что в России в ближайшие годы начнет формироваться «цезаризм» (см. «Россия распятая»). Этот «цезаризм» у нас оказался тесно связанным с ситуацией перехода народами России Порога духовного мира, прохождением через «Малого Стража порога» (см. соответствующие главы в книгах Рудольфа Штейнера «Очерк тайноведения» и «Как достигнуть познания высших миров»). А ведь «вождь и учитель всех времен и народов», который у нас всплыл, отчасти исполнял и эту функцию – «Малого Стража порога» духовного мира, – наводя кошмар в одной шестой части планеты. Он вовсе не был случайным тираном, извергом, диктатором, ловко захватившим власть на Руси, досадной помехой на пути строительства «светлого будущего». Он был не только генеральной репетицией Антихриста, как о том

повествует нам Даниил Андреев в «Розе мира». Его неосознанной им миссией было – провести через Порог (Смерти!) в Духовный мир как можно больше (десятки, а то и сотни миллионов) материалистически настроенных, вожделеющих устроиться без Христа на земле человеческих душ на Руси! И поневоле, не желая того, – дать им импульс к одухотворению через страдания, и тем самым, – ко встрече с Эфирным Христом Второго Пришествия – в духовном мире. Такова оккультная картина нашей новейшей истории.

Волошин понимал и то, что власть «цезаря» (Антихриста; вспомним здесь и Владимира Соловьева с его «Краткой повестью об Антихристе») в России, независимо от форм социального устройства (бездуховный социализм или криминальный капитализм), будет не так-то просто свергнуть и начать «революцию духа», о которой мечтали и по поводу которой строили безоглядные иллюзии даже самые выдающиеся деятели русской культуры (да тот же Андрей Белый на первых порах). Знал Волошин и то, что Люцифер в своей борьбе с Ариманом (в особенности, на Руси) – передовой боец, мятежник и Бунтовщик (есть у него и такой лик, такой аспект, наряду с другими). Поэтому-то Поэт и рисует нам в этой поэме крайние, вплоть до, так сказать, «космического терроризма» формы его бунта. Но, как понимает драгоценный читатель, это вовсе не позиция самого Поэта. О ней – позднее, когда мы вскроем библейское сказание об Иове, как «мифологему» самого Поэта.

Плоды этого противостояния Люцифера Ариману (и одновременно союз с ним) мы имеем в симптоматологии нашей «катастрофы», в чудовищном разложении «государства российского», в тотальном саботаже всех ариманических реформ на Руси, в разложении душ, умов народа, которого лишили всяких идеалов и уничтожают физически. Попытки же реанимировать импульс централизации, люциферическо-ариманической государственности, какими бы лозунгами, программами и призывами они (эти попытки) не прикрывались, при необратимом процессе распада душ и

прогнивших старых социальных структур уже неспособны надолго привести к реставрации иерархической централизованной государственной системы, инспирируемой, по терминологии Даниила Андреева «уицраором» российской государственности из адских сфер. Этому разложению и вакууму истинная альтернатива – трехчленность социального устройства общества, предложенная Рудольфом Штейнером еще в 1918 году.⁹⁷ В основу этого устройства должны быть положены новые взаимоотношения между тремя сферами социального организма – хозяйственной, правовой и культурной. И три великих идеала человечества – свобода, равенство и братство должны воплощаться в соответствующих им сферах: в хозяйственной должна развиваться не конкуренция, а истинное братство через ассоциации, в государственно-правовой – действительное равенство, а в культурно-религиозной – истинная свобода. При этом важно, чтобы импульс Антропософии вошел в русскую культуру. Вот что писал еще в 1918 году о значении Антропософии для России известный русский антропософ, писатель, поэт, переводчик драм-мистерий Штейнера, автор вдохновенной книги «Религия творческой воли» (1916) Николай Белоцветов в своей «Книге о русском Граале» (текст по машинописи). Его слова остаются более чем актуальны и в наши дни:

«Хотя в России имагинативный опыт имеется решительно у всех, но, чтобы осмыслить его, России нужна Антропософия. Только Антропософия способна претворить этот опыт в живую и действенную силу. И если Антропософия не сделает этого, Россию ждет ужасное будущее. Ибо непонятная, непретворенная в жизнь имагинация разлагается и истлевает и, как зловонная гангрена, разлагает душу...

Вот почему без Антропософии русская душа будет обречена на быстрое и отвратительное разложение.

⁹⁷ См.: Штейнер Р. Основные черты социального вопроса в жизненных потребностях настоящего и будущего. Ереван, 1992.

Безнадежность, уныние, цинизм, разврат, все формы сатанизма и безбожия разовьются тогда в чудовищных размерах. Разделение на две расы будет отмечаться все явственнее.

Предвидя это, можем мы теперь в буквальном смысле понять грозные и вещие слова Рудольфа Штейнера, произнесенные им в Гельсингфорсе в 1913 году: "Для других стран Антропософия нужна, для России же Антропософия – единственное спасение".

Да, единственное. Ибо без Антропософии процесс разложения непонятого и непретворенного опыта заразит нас всех губительной проказой и, быть может, тела наши станут больными. Без Антропософии Россия разложится не только астрально, но и эфирно; она станет зловонной массой. Как бы трупом грузного кита, напоровшегося на риф и осевшего на нем всей своей чудовищной тушей. И иностранцы, как хищные рыбы, будут пожирать этот труп...

Ибо если с одной стороны, ни одной стране не грозит подобное разложение, если другие страны и без Антропософии смогут влачить свое тусклое существование, то с другой стороны, Антропософия нигде не сможет достичь столь широкого распространения, как именно у нас в России...

Рудольф Штейнер неоднократно говорил, что Антропософия в России должна стать жизнью. Эти слова нужно понимать буквально. Жизнь в России действительно антропософична, а Антропософия жизненна. Русская действительность, понятая как Путь Посвящения, и есть Антропософия, ставшая жизнью в нас, новая Антропософия...

Как ни могуч Ариман, как ни бесплодны попытки наши вынести светоч Антропософии на темные площади, как ни неподатлив Малый Страж Порога, мы, русские антропософы, должны твердо помнить о том, что духовный подвиг разумения иногда гораздо реальнее, чем несвоевременная проповедь или бесплодная внешняя работа».

И если хотя бы незначительное число мыслящих, духовно ищущих в духе времени русских людей в своих духовных поисках не выйдут, не

прорвутся к науке христианского посвящения (Антропософии), не узнают то, что живет в их истинном «Я», не осмысляют в духе этой науки реальность, не начнут творчески действовать в ее духе, то в современных условиях люциферическое сопротивление Ариману (полюс Бунта, часто «бессмысленного и беспощадного» на Руси) примет самые разрушительные формы. Это сопротивление будет формироваться уже в «сетевых» «мятежевойнах», так сказать, «Всемирной революции» (а не эволюции!), в мятежах разного рода, в терроре, в войне всех против всех, где сквозь лик Люцифера начнет проступать третий лик Зла – азурический лик, который и подведет самый разрушительный итог ариманическо-люциферической цивилизации. Об этом Великий христианский посвященный Рудольф Штейнер предупреждал еще в 1919 году в цикле лекций «Миссия архангела Михаила. Откровение собственных тайн человеческого существа»:

«Если ход мирового развития (такой, как он есть теперь), продолжится и дальше, тогда вырождающаяся, восточного происхождения духовная жизнь, которая в своем начале являла самые возвышенные истины, провалится в преисподнюю и в своем конце сделается ужаснейшей ложью...

Мы должны найти путь от теоретизирования о духе к духу творящему. Это мы можем сделать только тогда, когда постараемся вместо государственной духовной жизни развить свободную духовную жизнь, которая тогда возымеет силу опять пробудиться к жизни. Ибо ни духовная жизнь, связанная путами, наложенными церковью, ни духовная жизнь, благонадежность которой охраняется государством, ни духовная жизнь, которая задыхается под давлением экономики, не может быть плодотворной для человечества; плодотворной может стать только на самой себе зиждущаяся духовная жизнь...

В то время как это первое течение впадает в ложь, второе течение впадает в эгоизм...

Вторым течением в составе запутанного клубка, каким является современное общество, оказывается государственное, или правовое течение.

Это второе течение есть своего рода дубинка, действующая в нашей культуре. Деятели этого течения являются, например, наш почтенный судья, восседающий на своем судейском месте и вместе с присяжными заседателями выносящий приговоры за преступления и провинности, или государственный чиновник, ведающий вместе с его бюрократическим штатом управлением в нашем цивилизованном мире, – на горе управляемых им людей. Все то, что мы называем государством, и все то, что возникает из связи государства с юриспруденцией как политика, – это и есть второе течение.

А третье течение – хозяйственная жизнь, вроде англо-американской. Достигающая мирового господства, – если она не затормозится, не даст пронизать себя самостоятельной духовной жизнью и самостоятельной государственной жизнью, то обрушится в третью из бездн человеческой жизни. Первая бездна есть ложь – вырождение человечества под влиянием Аримана. Вторая бездна есть эгоизм – вырождение человечества под влиянием Люцифера. Третья бездна на физическом плане есть болезнь и смерть, а в сфере культуры – болезнь и смерть культуры.

Англо-американский мир смог достигнуть мирового господства. Если не будет введено трехчленное строение социального организма, то в результате этого мирового господства на весь человеческий мир изольется болезнь и смерть культуры, – а она есть дар азуров, подобно тому, как ложь есть дар Аримана и эгоизм есть дар Люцифера. Эта третья великая опасность, достойная стать в ряд с обеими другими, есть дар азурических сил!

Из знания этих вещей надо почерпнуть энтузиазм, вдохновляющий человека действительно стараться разъяснить их как можно большему числу людей. Это и есть сегодня задача благоразумия: разъяснение этих вещей человечеству... В настоящее время это есть важнейшая социальная работа».⁹⁸

Болезнь и смерть культуры, этот дар азуров, эта третья великая опасность имеют теперь уже свою идеологию и на Руси. Самыми яркими на

⁹⁸ Штейнер Р. Миссия архангела Михаила. М., 2000. С. 251, 240, 238, 252.

сегодняшний день идеологами этой третьей опасности, грозящей человечеству, выступают трое не бесталанных, даже в своем роде блестящих российских писателей-пророков Александр Дугин («Русская вещь» и «Философия войны»), Гейдар Джемаль («Революция пророков») и вечно юный, артистический, бесстрашный бунтовщик – Эдик Лимонов («Другая Россия»). Творчество этих «трех мушкетеров» самым убедительным образом доказывает всему миру, что именно Россия (а не Америка, Китай или Индия) всегда была, есть и будет «родиной слонов». Вот что пишет к вящему ужасу и кошмару всех наших обывателей-обитателей один из этих «слонов» (или если угодно «мушкетеров») – Эдик Лимонов. Тут-то и проступает новый лик Бунтовщика и новый лик блоковских «Скифов» – «Русской Бездны». И здесь просьба к драгоценному «проницательному» читателю – набраться терпения и оценить весьма обширную, но ни в коем случае не скучную, выписку из нового, так сказать, варианта «Моей борьбы», выписку, мало напоминающую «Утопию», а скорее, наоборот: то есть картину нашего будущего при определенных условиях могущую стать реальностью:

«Современного человека приучили к тому, что ему всё нельзя, что он должен только работать как дурной всю свою жизнь и потом, не бунтуя, умереть. Качественной считается жизнь сытого раба. Идеал: семья – живущая в браке пара. Так быть на самом деле не должно. Существо, с самого рождения обречённое умереть, не должно быть каким-то дурным выючным мулом или той слепой лошадыю, что ходит запряжённая по кругу, вынимая из реки воду и выливая её в арыки и на поля. Нужно взбунтоваться. Нужно придумать, вычислить для нас, для нашей группы, для тех людей, кого мы считаем своими, другую модель жизни и навязать её. Но, прежде всего, нужно создать новую нацию. Вокруг всё время говорят: "русские", "мы – русские", "я – русский", "для русских". А под этой этикеткой скрываются самые разные люди. И Ельцин оказывается русский, и сизый алкаш, и грязный бомж, и активный сперматозоид Кириенко. Если они – русские, то я тогда не русский. Что же надо делать? Надо отбирать людей для новой

нации. Пусть она будет называться как-то иначе, пусть не русские, но, скажем, "евразийцы" или "скифы". Не суть важно, но новую нацию надо создавать на других принципах, не по цвету волос или глаз, а по храбрости, верности принадлежности к нашей общине.

Нужны будут дети от новых людей. Много детей нужно будет, чтобы нация быстро выросла. Потому нужно разрешить многие виды семьи: те, что ведут к небывалому размножению. Разрешить полигамию, свободные содружества. Женщины должны бесконечно беременеть и приносить плоды. Детей же будет содержать и воспитывать община. И жить и воспитываться они будут среди взрослых. И уже с возраста, ну, скажем, десяти лет. Сейчас детей гноят в скучных школах, снабжая их мозги и память насильно на хер ненужной никому пылью. Образование станет коротким и будет иным. Мальчиков и девочек будут учить стрелять из гранатометов, прыгать с вертолётов, осаждать деревни и города, освежёвывать овец и свиней, готовить вкусную жаркую пищу, и учить писать стихи. Будут спортивные состязания, борьба, свободный поединок без правил, бег, прыжки. Читать будут стихи Николая Гумилева и книги Льва Гумилева, целые поколения будут согласно заветам Константина Леонтьева выучены любить Восток. Понимать красоту синей степи и рыжих гор. И всю мерзость бетонных бараков в снегах, мерзость московских спальных районов.

Будем ли мы производить оружие? Конечно, будем. Будем вести войны. Но не такие, как прежде, не фронт на фронт. Наши будут просачиваться на их территории, знакомить их людей с нашим образом жизни и идеями, и самые здоровые и сильные из них станут нашими, нашей нацией. А потом будут вторгаться наши отряды и добивать несогласных.

Нам нужна будет земля. Мёрзлая Россия захвачена лапами нетворческих тупых администраторов, нищих духом. Нужно будет уйти из России, свить гнездо на свежих центральных землях, отвоевать их и там дать начало новой невиданной цивилизации свободных воинов, сплоченных в вооруженную общину. Кочующих по степям и горам, воюющих в южных государствах.

Многие типы людей вынуждены будут исчезнуть. Алкогольные дяди Васи, менты, чиновники и прочий бракованный материал, потеряв свои корни в обществе, вымрут. Вооруженную общину можно будет назвать «Государство Евразия». Так осуществляются мечты евразийцев 30-х годов. С нами захотят быть многие. Возможно, мы завоюем весь мир. Люди будут погибать молодыми, но это будет весело. Трупы героев будем сжигать.

А какой смысл совершать революцию, если её цель – только захватить министерские посты, вульгарные кабинеты. Мы должны будем сменить всё. И придумать себе Нового Бога, возможно, какой-нибудь тунгусский метеорит или железную планету в холоде Космоса. Нашим Богом будет тот, кто даровал нам смерть...

Маньяки чувствуют загадку человека, и в своем, конечно, духе, пытаются её разгадать, безжалостно потроша мясную куклу, возможно, ищут душу, ищут смысл, и каждый раз бывают разочарованы. Также как туземцы с островов Фиджи, обнаружившие, что Бог – капитан Кук – кровоточит от брошенного ими камня.

Разгадка предназначению человека какая-то есть, представить, что мы зря здесь болтаемся каждый свой срок, было бы отчаянно горько.

Человек ничего не знает. Он лишь пользуется чудесами, но в суть чудес он не проник. Он пользуется электроэнергией, энергией расщепленного ядра урана, но тайны этих энергий он не открыл, не понял. Потому ему нужен Бог.

Бог неисчислимого множества миров, холодный, шершавый, каменно-металлический и неумолимый, должен иметь облик какой-нибудь планеты Сатурн, страшной и отдаленной. И безразличной. Когда мне хочется помолиться, признаюсь, я представляю себе ледяные миры, черные дыры, пространства световых лет, шершавые бока страшных планет, всю эту вертящуюся космогонию, и я молюсь Сатурну. Еще хорошо молиться тунгусскому метеориту – части космоса. Мусульмане, молящиеся черному метеориту Каабы ближе нас к истине...

А если уж человеку нужен особый *его Бог*, для человек, то следует молиться семени человеческому. Вот где воистину чудо, единственное чудо жизни. Его подделывать не надо, это и есть каждый раз Воскресение, Бессмертие.

Размалеванные как Диснейленды многочисленные дома Господа пусты, там только жирная челядь делает пассы. Впрочем, всегда находятся немудрящие души, готовые принять эти пассы за общение с Богом. В простом компьютере сегодня больше загадочности, чем в христианстве.

Думая о тайнах Вселенной, представь себе шершавые бока мрачной планеты Сатурн. Слей свое семя в девушку-нацбола и родится Человек. Разве от христианства, от церкви что-нибудь родилось? Никогда, ничего.

Наш Бог – планета Сатурн. Носи на груди осколок метеорита...

Основным принципом старой цивилизации является протестантский принцип труда во имя производства. Человеку обещается сытая жизнь до глубокой старости, жизнь умеренно работающего домашнего животного. Основным принципом новой цивилизации должна стать опасная, героическая, полная жизнь в вооружённых кочевых коммунах, свободных содружествах женщин и мужчин на основе братства, свободной любви и общественного воспитания детей.

Большинству важны мизерные прибавки в рублях и долларах. Меньшинству необходима прибавка в свободе, в возможности задействовать свою агрессивность. Поэтому мы станем ориентировать нашу цивилизацию на агрессивное меньшинство – на маргиналов. Они есть соль земли. Мы призовём их во Вторую Россию, не только русских. Всех.

Мы объявим о создании своего – Второй России. Не суть важно, кто объявит, Лимонов или его приемник. Я верю в это, и моей вере придают убедительность звуки тюрьмы, звяканье ключей, стук колёс тележек, развозящих тюремный ужин, шаги часовых. Я не только чувствую, что пишу пророческие фразы, я знаю: судьба избрала меня объявить будущее. Будет

Вторая Россия: прибежище новой цивилизации, свободная земля обетованная.

Вооружённые коммуны будут выглядеть как изначальные племена. Это будет наш традиционализм. Коммунами будет управлять Совет Коммун. Вместе коммуны могут называться Орда. (Вот только теперь, наконец, становится понятным лозунг «талантливейшего» поэта революции, «агитатора, горлана, главаря» – «Коммунизм – это молодость мира и его возводить молодым». А то ведь красовался этот лозунг в центре Москвы и мало кто его разумел. – Г. П.). Не следует бояться противоречий, которые могут возникнуть между вооружёнными коммунами, не следует бояться столкновений. Творческая агрессивность сепаратизмов предпочтительнее тюремного порядка глобализма.

Но не следует понимать новую цивилизацию как прыжок назад в прошлое. Не следует понимать так, что мы проповедуем борьбу против развития науки, борьбу против удобных и умных достижений технического прогресса. Нет. Будем развивать и Интернет, и генетику, и новое сверх-телевидение. Телевидение и Интернет будут связывать воедино вооружённые коммуны в единую цивилизацию свободных граждан.

Что касается способа разрушения старой цивилизации, то разрушение это будет достигнуто, конечно, не прямым лобовым столкновением со старой цивилизацией. Противостояния армии на армию – траншей, танков или ядерных ударов они не дождутся. Даже не будет как у талибов. Будет захват изнутри. Создание сразу нескольких десятков очагов восстаний изнутри традиционных стран. Так будем действовать. Удручаться сегодняшним их могуществом не следует. В духовном внутреннем смысле их цивилизация мертва. Она духовно износилась до прозрачности».⁹⁹

Таков итог «духовных» поисков и находок нашего бравого нацбола Эдички Лимонова. Но кто знает, сколько молодых «мушкетеров» при

⁹⁹ Лимонов Э. Другая Россия. М., 2003. С. 8– 10, 214– 216, 266, 267, 269.

современном уровне их, так сказать, «воспитания» и «образования» он увлечет своим незамысловатым проектом?!

И снова нависает над нами угроза... начинающего сбываться пророчества нашего Поэта:

Русь! Встречай роковые години:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц...
.....
Все, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
.....
Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь.
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь.

Однако же вернемся к поэме «Бунтовщик». В ней есть и зерно, и даже росток, из которых могут появиться силы для метаморфозы зла, тьмы и смерти. Вот, к примеру, созвучие в поэме с идеями, выраженными Поэтом еще в «Заметках 1917 г.»:

Ни преступление, ни творчество, ни труд
Не могут быть оплачены: оплата
Труда бессмысленна: лишь подаянье
Есть мзда, достойная творца.
.....
Не отдавайте давшему.
Отдайте иному,
Чтоб тот отдал другим:
Тогда даянье, брошенное в море,
Взволнует души, ширясь, как волна.
.....
То собственность,
Что можно подарить;
Вы отдали: и этим вы богаты,
Но вы – рабы всего, что жаль отдать.

Эти идеи восходят к основному социальному закону, выведенному Рудольфом Штейнером еще в 1905 году. Поэт жил согласно этому закону все годы своего пребывания в Коктебеле.

А вот созвучие с импульсом манихейства:

Поймите сущность зла.
Не бойтесь страсти,
Не противьтесь злему
Проникнуть в вас;
Все зло вселенной должно
Приняв в себя
Собой преобразить.
.....
Беги не зла, а только угасанья:
И грех и страсть – цветенье, а не зло:
Обеззараженность
Отнюдь не добродетель!

Отсюда вытекает и выстраданная Поэтом установка на творческое взятие истины:

Принявший истину на веру –
Ею слепнет.
Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой:
Насилье истиной
Гнуснее всех убийств.

* * *

Разворот, ритм борьбы (и союза) Люцифера и Аримана в новейшей истории человечества дан Волошиным в последних поэмах цикла: «Война», «Государство», «Таноб», «Левиафан».

Апокалипсис Первой мировой войны Поэт изображает в поэме «Война» с воистину эпическим размахом. Вот она – «Война и мир» XX столетия! Но персонажи волошинской эпопеи ничем не напоминают нам персонажей знаменитой эпопеи классика XIX века (даже такие человеческие персонажи как «ученые», «политики», «мыслители», «женщины»). Главные же

действующие лица этой эпопеи – демоны машин во главе с «Демоном бездны» (то есть с Ариманом), которые вершат судьбы человечества. И Поэт творит чудовищную панораму их расправы над европейским человечеством, картины их гнева и ярости, достойные кисти самого Иеронима Босха:

Война

1

Был долгий мир. Народы были сыты
И лоснились, довольные собой,
Обилием и общим миролюбьем.
Лишь изредка, переглянувшись, все
Кидались на слабейшего, и разом
Его пожравши, пятились, рыча
И челюсти ощеривая набок, –
И снова успокаивались.
В мире
Все шло как следует:
Трильон колес
Работал молотами, рычагами;
Ковали сталь,
Сверлили пушки,
Химик
Изготавливал лиддит и мелинит;
Ученые изобретали способ
За способом для истребления масс;
Политики чертили карты новых
Колониальных рынков и дорог;
Мыслители писали о всеобщем
Ненарушимом мире на земле,
А женщины качались в гибком танго
И обнажали пудреную плоть.
Манометр культуры достигал
До высочайшей точки напряженья.

2

Тогда из бездны внутренних пространств
Раздался голос, возвестивший: "Время
Топтать точило ярости! За то,
Что люди демонам,
Им посланным служить,
Тела построили
И создали престолы,
.....

За то освобождаю
Плененных демонов
От клятв покорности,
А хаос, сжатый в вихрях вещества
И в пляске вихрей,
От строя музыки!
Даю им власть над миром,
Покамест люди
Не победят их вновь,
В себе самих смилив и поборов
Гнев, жадность, своеволие, безразличие..."

Здесь интересно отметить созвучие этого места в поэме Волошина с тем местом в четвертой картине первой драмы-мистерии Рудольфа Штейнера «Врата посвящения», где на вопрос доктора Штрадера: «Почему содрogaются глубины, почему угрожают выси?» Дух Стихий, указывая на лишенный благоговения перед природой язык современной науки, отвечает:

Вы верите, будто Вы истине
Возвышенные храмы строите,
Но действие работы вашей
Развязывает силы бурные
В глубинных мирах первозданных...
И духи разрушать миры должны,
Чтоб ваше суетное творчество
Никак бы в Вечность не вносило
Опустошение и смерть...

(перевод Н. Белоцветова)

То есть Дух Стихий указывает на истинные причины всемирных стихийных бедствий и катастроф.)

3

И Демон бездн воскликнул, издеваясь:
"Снимается проклятье Вавилона!
Языков разделенью
Пришел конец: одни и те же речи
Живут в устах врагов,
Но смысл имен и емкость слов
Я исказил внутри.
Понятыя спутались, язык же стал
Безвыходно-единым. Каждый мыслит

Войной убить войну
И одолеть жестокостью жестокость.
И мученик своею правдой множит
Мою же ложь.
Мудрость,
Бесстыдно обнажившись, как блудница,
Ласкает воинов,
А истины, сошедшие с ума,
Резвясь, скользят по лужам
Оледенелой крови. Человеку,
Достигшему согласия во всем,
Не остается ничего иного,
Как истреблять друг друга до конца!"

4

И видел я: разверзлись двери неба
В созвездье Льва, и бесы
На землю ринулись.
Оставив дома,
Сгрудились люди по речным долинам,
Означившим великих царств межи,
И, вырывши в земле
Ходы змеиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливых чудовищ:
Сами
И пастыри, и пища.

5

Время как будто опрокинулось,
И не крещенным водами Потопа
Казался мир: из тины выползали
Огромные коленчатые гады,
Железные кишки пауки,
Змеи глотали молнии,
Драконы извергали
Снопья огня и жалили хвостом;
В морях и реках рыбы
Метали
Икру смертельную,
От ящеров крылатых
Свет застилался, сыпались на землю
Разрывные и огненные яйца;
Тучи насекомых,
Чудовищных строением и размером,
В телах людей

Горючие личинки оставляли, –
И эти полчища исчадий,
Получивших
И гнев, и страсть, и злобу от людей,
Снедь человечесью жалили, когтили,
Давили, рвали, жгли,
Жевали, пожирали.
А города, подобно жерновам,
Без усталости вращались и мололи
Зерно отборное
Из первенцев семейств
На пищу демонам.
И тысячи людей
Кидались с вдохновенным исступлением
И радостью под обода колес.
Все новые и новые народы
Сбегались и сплетались в хоромы
Под гром и лязг ликующих машин.
И никогда подобной пляски смерти
Не видел исступленный мир.

6

Еще! Еще! И все казалось мало...
Тогда раздался новый клич: "Долой
Войну племен, и армии, и фронты:
Да здравствует гражданская война!"
И армии, смешав ряды, в восторге
С врагами целовались, а потом
Кидались на своих, рубили, били,
Расстреливали, вешали, пытали,
Сдирали скальпы, резали ремни,
Сквернили церкви, жгли дворцы, взрывали
Пути, мосты, заводы, города,
Уничтожали склады и запасы,
Ломали плуги, угоняли скот,
Гноили хлеб, опустошали села,
Питались человечиною, детей
Засаливали впрок – была разруха,
Был голод. Наконец пришла чума...

Здесь надо отметить, что это место в «Путями Каина», которое имеет непосредственное отношение к России, это, так сказать, чисто русская глава всего цикла поэм.

Безглазые настали времена.
Земля казалась шире и просторней,
Людей же стало меньше.
Но для них
Среди пустынь недоставало места,
Они горели только об одном:
Скорей построить новые машины
И вновь начать такую же войну.
Так кончились предродовые схватки,
Но в этой бойне не уразумели,
Не выучились люди – ничему.
(1923)

Здесь мы находим у поэта-пророка пророчество и о Второй мировой войне.

«Передовая схватка» кончилась, но если люди так и не уразумели ее глубинных причин и ничему не выучились, то наступают другие времена, и они будут длиться до тех пор, пока люди не победят «в себе самих...гнев, жадность, своеволие, безразличье». Об этих временах, то есть уже о нашем времени Рудольф Штейнер писал: «Вся наша европейская культура... направлена к катастрофе... Неспокойная, насильственная, слишком торопящаяся, подобная потоку, который хочет конца, который не может опомниться, который боится опомниться».

Анализируя причины, которые привели народы Европы к ужасному кризису 1914 года и разразившейся вследствие этого Первой мировой войне, Рудольф Штейнер говорит: «Нам должно быть ясно, что вновь могут наступить времена... когда вообще не захотят мира, а война станет жестокой, может быть, более жестокой, чем когда-либо, когда ни с одной стороны нечему будет выступить, чтобы помешать жестокости...».

И в другом месте он добавляет: «Пожелай люди и дальше жить, руководствуясь своими иссушенными материальными телами, из этих иссушенных, материализованных тел измыслят такое, что через 15–20 лет приведет к конфликту, подобному тому, в который Европа впала с 1914 года. (Здесь предвиденье Второй мировой войны вплоть до года ее начала: 1918 +

20 = 1938(!) – Г. П.) Либо новое понимание Христианства, как его дает Духовная наука, будет принято человечеством, либо разрушительные элементы примут ужасающий масштаб».

Далее Штейнер предупреждает: «Останься еще лет на 30 обучение таким, каким оно существует теперь в высшей школе, останься еще лет на 30 тем же самым мышление о социальных преобразованиях – и через 30 лет Европа будет опустошена. Любые идеалы будут напрасны, если не произойдет преобразование фундамента человеческой души, если из мышления не будет найдено отношение этого мира к духовному миру. Если в этом направлении не переучатся, не передумают, то на Европу придет моральный потоп!»

Глубоко трагическим пророчеством звучат слова Рудольфа Штейнера, прозревающего в грядущее и видящего, к каким последствиям ведут усиленно развивающиеся тенденции нашего времени: «За бесконечно трагическими событиями современности лежит борьба материализма против спиритуализма. Эта борьба должна решаться боем. Различные формы будет принимать она, но решаться она должна боем, ибо люди должны научиться выносить все то, что необходимо вынести, чтобы выработать спиритуальное мировоззрение для шестой послеатлантической эпохи. И можно сказать: многое должно быть выстрадано, ибо из боли и страданий проистекает то, что действительно связывает познание с нашим "Я"; ибо, с другой стороны, материалистические воззрения в мире... примут бесконечно ужасные формы».

Обращаясь к будущему Европы, Штейнер рисует картину ужасающих последствий, к каким ведет все возрастающая власть материализма и атеизма: «Если в мире и в человеческих головах будут действовать внешние материалистические импульсы, то ужасной рабской цепью будет поистине опоясана не только Германия, средневропейские страны и Россия, но вся цивилизованная Земля...».

* * *

В поэме «Космос» поэт рисует портреты (лики) культур, начиная с поэтической концепции сотворения мира по Каббале (книга «Зогар») и кончая современной ему европейской культурой.

Волошин так определял тему поэмы: «Эволюция космогоний от Каббалы до теории относительности и современной физики» (письмо к Ю. Л. Оболенской от 25 декабря 1923 г.). О влиянии на «Космос» книги Шпенглера «Закат Европы» поэт писал Вересаеву 15 июня 1923 г. «Тема портретирования культур – близко подходящая к Шпенглеру. Я начал писать «Космос» до знакомства с ним, а заканчивал, уже прочтя. Но полезен мне он оказался только в нескольких строках о Греции и в мысли об относительности математических познаний. Но вдохновения и новых мыслей дал он много». Е. К. Герцык писала Волошину о поэме: «Вы делаете то, чего никто не делал еще в поэзии, и потому творите новые ценности».

Здесь необходимо сразу подчеркнуть, что эволюция и инволюция мифопоэтического Космоса и историософии в «религиозно-поэтической науке» Волошина творчески, художественным образом отображает, преломляет картину эволюции, инволюции, метаморфозу Космоса, человека, Земли, известную из Антропософии, хотя Волошин как космогонический поэт XX века и привлекает, использует ряд других источников для создания своей уже не столько мифопоэтической, сколько, мы бы сказали, Христо-поэтической картины Космоса и своей историософии.

В основе космозофии и историософии Волошина лежит, с одной стороны, система равновесий противоположностей, а с другой – постоянное нарушение этих равновесий. (Вспомним, что двоица – принцип миростроительства и равновесия в мировоззрении Близнецов, а именно в математизме, то есть в основном мировоззрении Волошина). Вот начало творения Человека в поэме:

1

Созвездьями мерцавшее чело,
Над хаосом поднявшись, отразилось
Обратной тенью в безднах нижних вод.

Разверзлись два смеженных ночью глаза,
И брызнул свет. Два огненных луча,
Скрестясь в воде, сложились в гексаграмму.
Немотные раздвинулись уста,
И поднялось из недр молчанья Слово.
И сонмы духов вспыхнули окрест
От первого вселенского дыхания.

.....
И двойники — небесный и земной —
Соприкоснулись влажными ступнями.
Господь дохнул на преисподний лик,
И нижний оборотень стал Адамом.

Теперь проследим ритм, метаморфоз послееатлантических культур,
высветленных поэтом через «портреты» их космогоний и космологий:

Адам был миром, мир же был Адам.
Он мыслил небом, думал облаками,
Он глиной плотствовал, растением рос,
Камнями костенел, зверел страстями,
Он видел солнцем, грезил сны луной,
Гудел планетами, дышал ветрами.
И было всё — вверху, как и внизу, —
Исполнено высоких соответствий.

Здесь описание Адама в некотором отношении соответствует Пуруше – человеку-макрокосму древнеиндийских «Упанишад» и «Ригведе», то есть поэт высветляет мировоззрение первой послееатлантической культуры – древнеиндийской, не называя ее, а используя библейскую мифологию (Адам).

Далее поэт рисует нам «портрет» халдео-египетской космологии, как квинтэссенции этих культур, также используя библейскую мифологию (Каина), то есть раскрывает мировоззрение второй культуры (древнеперсидской) и третьей культуры (халдео-вавилонской и египетской):

Вневременье распалось в дождь веков,
И просочились тысячи столетий.
.....
С высоких башен, сложенных людьми

Из жирной глины тучных межиречий,
Себя забывший Каин разбирал
Мерцающую клинопись созвездий.
Кишело небо звездными зверьми
Над храмами с крылатыми быками.
Стремилось солнце огненной стезей
По колеям ристалищ Зодиака.
Хрустальные вращались небеса,
И напрягались бронзовые дуги,
И двигались по сложным ободам
Одна в другую вставленные сферы.
А в дельтах рек — Халдейский звездочет
И пастухи Иранских плоскогорий,
Прислушиваясь к музыке миров,
К гуденью сфер и к тонким звездным звонам,
По вещим сочетаниям светил
Определяли судьбы царств и мира.
Всё в преходящем было только знак
Извечных тайн, начертанных на небе.

«Портрет» древнегреческой культуры, когда человек еще глубже погружается в материю, выглядит следующим образом:

Потом замкнулись прорези небес,
Мир стал ареной, залитою солнцем,
Под куполом из черного эфира,
Опертым на Атлантово плечо.
На фоне винно-пурпурного моря
И рыжих охр зазубренной земли,
Играя медью мускулов — атлеты
Крылатым взмахом умощенных тел
Метали в солнце бронзовые диски
Гудящих строф и звонких теорем.
И не было ни индиговых далей,
Ни уводящих в вечность перспектив:
Всё было осязаемо и близко —
Дух мыслил плоть и чувствовал объем.
Мял глину перст, и разум мерил землю.
.....
Цвета земли понятны были глазу,
Ослепшему к небесной синеве,
Забывшему алфавиты созвездий.
Когда ж душа гимнастов и борцов
В мир довременной ночи отзывалась

И погружалась в исступленный сон —
Сплетенье рук и напряженье связок
Вязало торсы в стройные узлы
Трагических метопов и эподов
Эсхиловых и Фидиевых строф.
Мир отвечал размерам человека,
И человек был мерой всех вещей.

* * *

Далее поэт утверждает Мистерию Голгофы как поворотный, центральный момент эволюции Земли и человека, как «последнюю надежду бытия», ибо человек достиг в своей эволюции низшей точки погружения в материю и дальнейшее его нисхождение грозило бы ему, означало бы его пленение и гибель в демонизированной материи, то есть утрату космической миссии человека и Земли. Тогда, согласно воле Богов, и происходит откровение, вочеловечивание Логоса-Христа, Сына, и творится Его жертва – Мистерия Голгофы (Ее глубинные тайны раскрыты человечеству Антропософией). И Мистерия эта происходит как раз в середине четвертой послееатлантической культурной эпохи, на стыке античной и средневековой культур, когда в европейском человечестве развивалась душа рассудочная. Каиново человечество проходит мимо Голгофы. Теперь Она будет открываться ему в «грозе и буре», в, так сказать, перманентном Апокалипсисе...

Космологию и мировоззрение Средневековья, то есть второй половины четвертой послееатлантической культуры Волошин рисует поистине дантовскими мазками в четвертой части поэмы (и особенно в следующий за поэмой «Космос» – поэме «Ганоб»).

Сгустилась ночь. Могильники земли
Извергли кости праотца Адама
И Каина. В разрыве облаков
Был виден холм и три креста — Голгофа —
Последняя надежда бытия.
Земля была недвижимым темным шаром.
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд и Первосилы,

И всё включал пресветлый Эмпирей.
Из-под Голгофы внутрь земли воронкой
Вел Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окружностью, а центром — Дьявол,
Распяленный в глубинах вещества.
Неистовыми взлетами порталов
Прочь от земли стремился человек.
По ступеням империй и соборов,
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья иерархий
И громоздились Библии камней —
Отображенья десяти столетий:
Циклоны веры, шквалы ересей,
.....
Вселенский дух был распят на кресте
Исхлестанной и изъязвленной плоти.

Пятая и шестая части поэмы «Космос» рисуют картину космологии новой и новейшей истории. С эпохи Ренессанса начинается пятая послеатлантическая культурная эпоха становления души самосознающей, которая будет длиться еще много столетий – до эпохи Самодуха, славянской культурной эпохи...

Эта пятая послеатлантическая культурная эпоха характеризуется появлением и расцветом материалистической (ариманической) науки (а также господства и воплощения в физическом теле первого демона – Аримана из волошинского цикла «Два демона»). Здесь Волошин гениально рисует метаморфоз средневековой космологии в космологию науки нового времени, – то есть в космологию первого демона.

5

Был литургийно строен и прекрасен
Средневековый мир. Но Галилей
Сорвал его, зажал в кулак и землю
Взвил кубарем по вихревой петле
Вокруг безмерно выросшего солнца.
Мир распахнулся в центильоны раз.
Соотношенья дико изменились,
Разверзлись бездны звездных Галактей,
И только Богу не хватило места.

Пытливый дух апостола Фомы,
Воскресшему сказавший: «Не поверю,
Покамест пальцы в раны не вложу», —
Разворотил тысячелетья веры.
Он очевидность выверил числом,
Он цвет и звук проверил осязаньем,
Он взвесил свет, измерил бег луча,
Он перенес все догмы богословья
На ипостаси сил и вещества.
Материя явилась бесконечной,
Единосущной в разных естествах,
Стал Промысел — всемирным тяготеньем,
Стал вечен атом, вездесущ эфир:
Всепроницаемый, всетвердый, скользкий —
«Его ж никто не видел и нигде».
Исчисленный Лапласом и Ньютоном,
Мир стал тончайшим синтезом колес,
Эллипсов, сфер, парабол — механизмом,
Себя заведшим раз и навсегда
По принципам закона сохранения
Материи и Силы.

Человек,

Голодный далью чисел и пространства,
Был пьян безверьем — злейшею из вер,
А вокруг него металось и кишело
Охваченное спазмой вещество.
Творец и раб сведенных корчей тварей,
Им выявленных логикой числа
Из косности материи, он мыслил
Вселенную как черный негатив:
Небытие, лоснящееся светом,
И сущности, окутанные тьмой.
Таким бы точно осознала мир
Сама себя постигшая машина.

6

Но неумный разум разложил
И этот мир, построенный на оцупь
Вникающим и мерящим перстом.
Всё относительно: и бред и знанье.
Срок жизни истин: двадцать-тридцать лет,
Предельный возраст водовозной клячи.
Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости, ни смысла тяготенья,

Ни масс планет, ни формы их орбит,
На вызвездившем небе мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера».
Нет вещества — есть круговерти силы;
Нет твердости — есть натяженье струй;
Нет атома — есть поле напряженья
(Вихрь малых «нет» вокруг большого «да»);
Нет плотности, нет веса, нет размера —
Есть функции различных скоростей.
Всё существует разницей давлений,
Температур, потенциалов, масс;
Струи времен текут неравномерно;
Пространство — лишь разнообразье форм;
Есть не одна, а много математик;
Мы существуем в Космосе, где всё
Теряется, ничто не создается;
Свет, электричество и теплота —
Лишь формы разложения и распада,
Сам человек — могильный паразит,
Бактерия всемирного гниенья.
Вселенная — не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть — только случай
Посреди необратимых струй,
Бессмертья нет, материя конечна.
Число миров исчерпано давно.
Все тридцать пять миллионов солнц возникли
В единый миг и сгинут все зараз.
Всё бытие случайно и мгновенно,
Явленья жизни — беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознанье — вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Пролет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную метель.

Увы, в наши дни картина такой, с позволения сказать, «космологии»
вовсе не устарела в основных своих чертах. Первый демон лишь дополнил ее
радужной и веселой перспективой «звездных войн» в процессе покорения
Космоса, дабы человечество, обустроившись на Земле в духе оруэлловского
«1984 года», могло идеалы Старшего Брата нести «от звезды до звезды...»

И тут мы не можем удержаться, чтобы не посвятить, не подарить вышеприведенные части (5-ю и 6-ю) поэмы «Космос» нашим гениальным и не очень, и совсем не гениальным ученым мужам, нашим драгоценным кандидатам, докторам, академикам, лауреатам всяческих премий в естествознании, чтобы хоть некоторые из них (ну, единицы) призадумались, кто их истинный Хозяин и куда он их толкает, нашептывая им «гениальные» изобретения, инспирируя их исследования и теории мироустройства. А ведь в свое время (1915 г.) через гениального космологического поэта, давшего ему право голоса, этот их Хозяин высказался вполне откровенно и открытым текстом – без всякой люциферической, символической зауми, без всяких там шифров и кодов (вроде «Кода Леонардо»):

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер – небес и поднебесья,
Я гений числ. Я счетчик. Я глава

Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни – здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

Я друг свобод. Создатель педагогик
Я – инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопли. Я в зернах мака.
Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака.

Тут встает смешной вопрос: что же с таким поэтическим «знанием» делать ученым мужам? Неужели так никто из них и не пожелает проявить интерес к Духовной науке и будут они до Страшного Суда продолжать «игры в бисер» – в свои собственные гипотезы мироустройства, свои космогонии и свои космологии, свои «системы мира», так и не вступая на путь посвящения в Духе времени? – «Страшно, соотечественники, страшно» (Н. В. Гоголь).

Тогда воистину:

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнания.
Системы мира - слепки древних душ,
Зеркальный бред взаимоотражений
Двух противопоставленных глубин.
Нет выхода из лабиринта знания,
И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит.

Остается внимать призыву поэта:

Так будь же сам вселенной и творцом,
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.
Будь дерзким зодчим вавилонских башен
Ты, заклинатель сфинксов и химер.

(Но ведь, с другой стороны, известны и судьбы вавилонских башен...)
Однако зададимся вопросом: что же это за «лабиринт знания», из которого человеку нет выхода, и куда бы мог вести выход, если бы он у него был? На эти вопросы отвечает нам Рудольф Штейнер: «...есть и духовные существа, которые освобождаются в природе, когда природа духовно не постигается, когда природу рассматривают только так, чтобы в качестве природных постигать атомистические процессы. Тогда отрекаются от духа в природе. Затем прямо навстречу человеку устремляются так называемые ариманические духи, действующие в природе, и они окружают человека всевозможными образами так, чтобы человек мог быть введен в эту оккультную тюрьму благодаря этим ариманическим духовным существам.

И большая часть того, что сегодня – не факты науки, которые хороши, – но то, что сегодня называют научным рассмотрением, есть не что иное, как образы некоего универсального, обрушивающегося на человечество в качестве опасности оккультного плена. Такая опасность наступающего оккультного плена имеется в наличии повсюду благодаря атомистичным и молекулярным образам. Такой оккультный плен окружает этими образами человека, и тогда отсюда нельзя взглянуть на свободные духовные и звездные

образы, потому что предстает образ мира атомов, как душевные стены, духовные стены тюрьмы, в которой духовно находится человек...

Факты естествознания везде плодотворны и выводят в духовные дали, если к ним не подходят с предубеждением оккультного плена, в котором сегодня, в сущности говоря, находится наука».¹⁰⁰

В самом конце поэмы «Космос» снова возникает мифологема Каина-Фауста, тема его свободного творчества («Так будь же сам вселенной и творцом...»). Но здесь уже мифологический процесс метаморфизуется в теогонический, в ходе которого Бог исторически (историософски) обнаруживается через человеческое сознание и творчество (об этом см. у Шеллинга в его «Философии откровения»). И это второй полюс поэмы «Космос» – полюс свободы.

Но еще и еще раз с новой силой и детальным изображением полюс несвободы, «оккультного плена» по Штейнеру, поэт раскрывает нам в следующей поэме – «Таноб», которую он собирался включить в цикл «Путями Каина» и которая тесно связана с поэмой «Космос».

Таноб (темница) – это обитель для кающихся монахов в Фиваиде; описана в трактате Иоанна Лествичника, византийского религиозного писателя. Его книга «Лествица, возводящая к небесам» содержит триста бесед о различных ступенях духовного восхождения к совершенству. Волошин перелагает пятую ступень «Лествицы». Поэт определял тему поэмы как «аскетизм науки». В письме к В. В. Вересаеву от 14 февраля 1924 г. он уточнял: «Сейчас работаю над главой «Таноб» («Путями Каина») – аскетизм религиозный и научный, в конце концов, оправданный, как исконная форма мятежа». Однако в действительности идея поэмы гораздо шире и глубже и имеет непосредственное отношение к проблеме кризиса теории и практики познания в наши дни. В этой поэме Волошин снова возвращается к прообразу, сущности средневекового мирозерцания в связи с проблемой

¹⁰⁰ Штейнер Р. Познание инициации. Духовное и физическое развитие мира и человека в прошлом, настоящем и будущем с точки зрения Антропософии. Одесса, «Новое время». С. 220– 221.

познания мира и человека – как оно (это познание) вставало перед Каиновым человечеством в эпоху исторического христианства и перехода от средневековья к новому времени. И снова поэт являет нам жуткую картину насилия этого Каинового человечества над природой, собственно картину ее убийства через ариманическую науку. И снова в качестве второго полюса, появляется в поэме надежда на «взрыв», на «мятеж» человеческого духа против отстроенного ада «своих систем» и «торчащих фактов, терминов и цифр», против «таноба» ариманического видения!

2

Горючим ядом было христианство.
Ужаленная им душа металась
В неистовстве и корчах: совлекая
Отравленный хитон Геракла – плоть.
Живая глина обжигалась в жгучем
Вникающем и плавящем огне.
Душа в борьбе и муках извергала
Отстоенную радость бытия
И полноту языческого мира.
Был так велик небесной кары страх,
Что муки всех прижизненных застенков
Казались предпочтительны. Костры
Пылали вдохновенно, очищая
От одержимости и ересей
Заблудшие, метущиеся души.
Доминиканцы жгли еретиков,
А университеты жгли колдуний.
Но был хитер и ловок Сатана:
Природа мстила, тело извивалось,
Могучая заклепанная плоть
Искала выходы. В глухом подполье
Монах гноил бунтующую плоть
И мастурбировал, молясь Мадонне.
Монахини, в экстазе отдаваясь
Грядущему в полночи жениху,
В последней спазме не могли различить
Иисусов лик от лика Сатаны.
Весь мир казался трупом, Солнце – печью
Для грешников. Спаситель – палачом.

3

Водитель душ измученную душу
Брал за руку и разверзал пред ней
Зияющую емкость преисподней
Во всю ее длину и глубину.
И грешник видел пламя океана
Багрового и черного, а в нем
В струях огня и в огневертях мрака
Бесчисленные души осужденных,
Как руны рыб в провалах жгучих бездн.
Он чувствовал невыносимый смрад,
Дух замирал от серного удушья
Под шквалами кошунств и богохульств;
От зноя на лице дымилась кожа,
Он сам себе казался гнойником;
Слюна и рвота подступали к горлу.
Он видел стены медного Кремля,
А посреди на рдяно-сизом троне
Из сталактитов пламени – Царя
С чудовищным, оцепенелым ликом
Литого золота. Вкруг сонмы сонм
Отпадших ангелов и человечесий
Мир, отданный в управу Сатане:
Нет выхода, нет меры, нет спасенья!
Таков был мир: посередине – Дьявол –
Дух разложенья, воля вещества,
Князь времени. Владыка земной плоти –
И Бог, пришедший яко тать в ночи –
Поруганный, исхлестанный, распятый.

Какова же в этом аду была последняя надежда грешника?

В последней безысходности пред ним
Развертывалось новое виденье:
Святые пажити, маслины и сады
И лилии убогой Галилеи...
Крылатый вестник девичьих светлиц
И девушка с божественным младенцем.
В тщете земной единственной надеждой
Был образ Богоматери: она
Сама была материей и плотью,
Еще не опороченной грехом,
Сияющей первичным светом, тварью,
Внесенной выше ангелов, землей,
Рождающей и девственной, обетом,
Что такова в грядущем станет персть,

Когда преодолет разложение
Греха и смерти в недрах бытия.
И к ней тянулись упования мира,
Как океаны тянутся к луне.

А дальше происходит нечто совсем неожиданное, никак не вытекающее из средневекового христианского мирозерцания – невиданное, негаданное, совершенно необъяснимое, даже с помощью «Суммы теологии» Фомы Аквинского (как квинтэссенции мудрости, теологии средневековья). Волошин в своей религиозно-поэтической науке рисует точную и образную картину того, что произошло. Но причины произошедшего лежат не на поверхности (о них – ниже). На поверхности же произошло вот что:

4

Мечты и бред, рожденные темницей,
Решетки и затворы расшатал
Каноник Фраунбергского собора
Смирнейший Коперник. Галилей
Неистовый и зоркий вышиб двери,
Размыкал своды, кладку разметал
Напористый и доскональный Кеплер,
А Ньютон – Дантов Космос, как чулок
Распялив, выворотил наизнанку.
Все то, что раньше было Сатаной,
Грехом, распадом, косностью и плотью,
Все вещество в его ночных корнях,
Извилиных, наростах и уклонах –
Вся темная изнанка бытия
Легла фундаментом при новой стройке,
Теперь реальным стало только то,
Что можно было взвесить и измерить,
Коснуться пястью, выразить числом.
И новая вселенная возникла
Под пальцами апостола Фомы.
Он сам ощупал звезды, взвесил землю,
Распялил луч в трехгранности стекла,
Сквозь трещины распластанного спектра
Туманностей исследовал состав,
Хвостов комет и бег миров в пространстве,
Он малый атом ногтем расщепил
И стрелы солнца взвесил на ладони.
В два-три столетия был преображен

Весь старый мир: разрушен и отстроен.
На миллионы световых годов
Раздвинута темница мироздания,
Хрустальный свод расколот на куски,
И небеса проветрены от Бога.

5

Наедине с природой человек
Как будто озверел от любопытства:
В лабораториях и тайниках
Ее пытал, допрашивал с пристрастьем,
Читал в мозгу со скальпелем в руке,
На реактивы пробовал дыханье,
Старухам в пах вшивал звериный пол.
Отрубленные пальцы в термостатах,
В растворах вырезанные сердца
Пульсировали собственной жизнью,
Разъятый труп кусками рос и цвел.
Природа, одурелая от пыток,
Под микроскопом выдала свои
От века сокровеннейшие тайны:
Механику обрядов бытия.
С таким же исступлением, как раньше,
В себе стремился выжечь человек
Все то, что было плотью, так теперь
Отсюду вытравлял заразу духа,
Охолощал не тело, а мечту,
Мозги дезинфицировал от веры,
Накладывал запреты и табу
На все, что не сводилось к механизму:
На откровенье, таинство, экстаз...
Огородил свой разум частоколом
Торчащих фактов, терминов и цифр
И до последних граней мироздания
Раздвинул свой безвыходный Таноб.

6

Но так едка была его пытливость,
И разум вскрыл такие недра недр,
Что самая материя иссякла,
Истаяла под оцупью руки...
От чувственных реальностей осталась
Сомнительная вечность вещества,
Подточенная тлєю Энтропии;
От выверенных Кантовых часов,

Секундами отсчитывающих время –
Метель случайных вихрей в пустоте,
Простой распад усталых равновесий.

.....
И разум, исследивший все пути,
Наткнулся сам на собственные грани:
Библейский змий поймал себя за хвост.

Таково подробное изображение «оккультного плена» современной материалистической науки, то есть Таноба, в религиозно-поэтической науке Волошина. Поэт убедительно показывает, что наука нового времени не порождение культуры христианского средневековья. Ренессансом, то есть возрождением интереса к античной культуре, ее появление тоже не объяснишь. В античности не было науки в понимании нового времени (см. например, поэму Лукреция Кара «О природе вещей»). Уже в самом конце средневековья (XIII – XIV вв.) начало восходить солнце одухотворенной, христианизированной науки розенкрейцеров и тамплиеров, но ее задушили в зародыше силы тьмы, ей противостоящие. Но откуда же тогда пришел в Европу импульс чисто материалистической науки, с христианством ничего общего не имеющий? Это нам объясняет уже Антропософия. В цикле лекций «Космическая предыстория человечества» (14 лекция) Рудольфа Штейнера мы находим объяснение этой загадки истории: «Вся ученость древнего мира, сосредоточенная в греческих философских школах, из которых вышли Анаксагор, Гераклит, позже Сократ, Платон и Аристотель, была упразднена указом императора Юстиниана в 529 году... И ученейшие люди, хранители древней науки, поскольку они еще не находились под влиянием христианства – то есть в V и VI столетиях нашего христианского летоисчисления, – должны были скитаться. Они обосновались затем в Персии и основали там Академию Гондишапура... В Гондишапуре уже изучали то, что представляет собой величайшую мыслимую противоположность тому, что исходит от События Голгофы. И мудрецы Гондишапура испытывали величайшее стремление. Они стремились создать всеобъемлющую науку, которая должна была заменить усилия самой души сознательной, но которая сделала бы

человека просто земным человеком, лишила бы его будущего, возможности дальнейшего развития в духовном мире. Появились бы мудрые люди, но материалистически мыслящие, чисто земные люди. Они могли бы глубоко всматриваться также в духовное земное, в сверхчувственно-земное; но они были бы совершенно отрезаны от того развития, которое было предопределено их создателями, развития в направлении Самодуха, Жизнедуха, Духочеловека. И кто имеет хотя бы некоторое представление о мудрости Гондишапура, тот признаёт хотя и опасный для человечества, но в то же время чрезвычайно могущественный феномен. И было намерение затопить этой ученостью не только соседние области, но весь цивилизованный мир Азии и Европы.

Была проведена соответствующая подготовка. Но то, что должно было исходить из Гондишапура, было заглушено, до некоторой степени сдержано духовными силами, которые были связаны с импульсом Христа, хотя и образовали ему своего рода оппозицию. Прежде всего, все исходящее из Гондишапура было заглушено появлением Мухаммета (Магомета). Поскольку Мухаммет распространял свое фантастическое религиозное учение прежде всего в тех областях, в которых должно было распространяться гностическое учение Гондишапура, он, так сказать, лишил почвы гностическую мудрость Гондишапура... В этом проявилась мудрость мировой истории; и только тогда можно правильно понять магометанство, если, помимо прочего, знать, что магометанство было предназначено для того, чтобы смягчить гностическую мудрость Гондишапура, лишить ее собственной, сильно искушающей ариманической силы, которая иначе овладела бы человечеством... Величайший учитель, имя которого осталось неизвестным, бывший величайшим противником Иисуса Христа, потерпел неудачу в достижении своей цели, которую он в Гондишапуре излагал своим ученикам, но все же было достигнуто нечто другое... То что я сейчас скажу, не отрицают также добросовестные историки. Современный естественнонаучный образ мышления вовсе не развивался по прямой линии

из христианства; он в действительности не имеет никакого отношения к христианству. Можно шаг за шагом проследить, как, хотя и неявно, гностическая мудрость Гондишапура проникала через южную Европу, Испанию, Францию, Англию, распространялась по всему континенту, именно косвенным путем через монастыри; можно проследить, как изгонялось сверхчувственное и оставалось только чувственное, укреплялась эта тенденция; и из этой приглушенной гностической мудрости Гондишапура постепенно образовывалось западное естественнонаучное мышление... То, что человек сегодня склонен рассматривать все в естественнонаучной ориентировке, с христианством как таковым не имеет ничего общего, но является результатом вышеописанной ситуации».¹⁰¹

Что же касается «призрака истин», который первый демон (вспомним первый сонет из цикла «Два демона») «сплавил в стройный бред», то есть оградил человеческий разум «частоколом // Торчащих фактов, терминов и цифр», то об этом «призраке» Рудольф Штейнер подробно говорит в той же 14-й лекции вышеупомянутого цикла. И так как, по нашему убеждению, эти его мысли весьма важно знать всяким гондишапуровским мудрецам нашего времени в сфере современного естествознания, то мы приводим далее эти мысли Штейнера: «Познание природы, которым особенно гордится сегодняшнее человечество, ведет, собственно говоря, к представлениям, которые являют нам не природу, но ее призрак. То, что человек знает о природе, это не истинная природа, но призрак, он так же относится к полноценной природе, как призрак к полноценной действительности. Но только естествоиспытатель не знает, что его знание является призрачным, что то, что он знает о человеке, суть не гомо, но гомункулус. Тот характер развития человечества, который оно приобрело, начиная с XV столетия и которое будет продолжаться до конца III тысячелетия, определяется тем, что человек все более и более будет оцениваться по своим достижениям в области, например, естествознания, насколько он приблизился к

¹⁰¹ Штейнер Р. Космическая предыстория человечества. М., 2004. С. 295– 299.

действительности посредством этого естествознания. Человек должен будет стремиться к познанию, и он должен преодолевать препятствия, которые он встретит на своем пути. И самым главным препятствием является то, что естественнонаучная эпоха, дитя Гондишапура, достигает только призрачного знания о человеке, поскольку она создает представления о природе, из которых исключено духовное. И мы можем спросить: почему так поступает современный человек? Ибо тогда мы сможем получить представление о том, что человек бессознательно стремится к призрачному познанию природы, и к тому же гордится и чванится этим призрачным познанием природы. Почему?

В тот момент, когда сознают, полностью сознают, что это познание природы является только призраком природы, чувствуют побуждение проникнуть в действительность, стоящую за этим призраком. Тогда хотят иметь действительную природу... И тогда изобретают различные понятия – атомы, молекулы и т. д., которых не существует и которые являются чистым изобретением; изобретают различные законы, такие как сохранение силы, сохранение вещества, которые не соответствуют действительности, строят всевозможные гипотезы относительно того, чего не существует, относительно того, что естествознание представляет в отношении призрачных законов природы. Почему естествознание это делает? Потому, что в глубинах души существует уже упомянутый нами тайный страх; только человек ничего не знает об этом страхе, поскольку это страх бессознательный. Я мог бы назвать его трусостью. Ибо что произошло бы, если бы человек мужественно сказал себе: ты хочешь иметь понятие о природе, а не о призраке природы, ты хочешь найти путь к действительности? Тогда ты найдешь не атомы, не молекулы, не понятия Освальда, Геккеля, но ты найдешь Аримана с его свитой! Тогда все станет духовным. Те, кто посредством истинного естествознания проникают в реальность, находят Аримана. Но этого и боятся люди, ибо они опасаются низвергнуться в пропасть, если они там, где просто искали вещество, которого в действительности нет, найдут дух. Ибо прежде всего является

дух, которому нельзя молиться, но от которого нужно защищаться и которого нужно встречать с полным сознанием.

(Вспомним еще раз строки поэта:

И разум вскрыл такие недра недр,
Что самая материя иссякла,
Истаяла под оцупью руки...
От чувственных реальностей осталась
Сомнительная вечность вещества,
Подточенная тлєю Энтропии... – Г. П.)

Наше познание природы останется призрачным, пока мы не наберемся мужества искать духовное; но тогда мы столкнемся с Ариманом».¹⁰²

Но такой же «призрак истин», а точнее, ослепление порождает в науках о человеке второй демон: «И наше познание души также не дает нам истинного знания души, но только образ души. В принципе то, что сегодня в академиях и университетах изучают как психологию, все это дает только образ души. И этот образ ослепляет нас в отношении реальности, ибо если продолжить исследования на том пути, на каком был найден этот образ, то мы придем к Люциферу. Это то ближайшее к нам духовное, которое мы можем найти».¹⁰³

В чем же видит поэт выход из тупиков материалистического познания мира и человека? Да снова в том, с чего начиналась первая поэма цикла:

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И все, что есть, началось чрез мятеж.

Увы, в истории снова повторяется ситуация мятежа. И теперь эта ситуация ожесточенной борьбы (и сговора) двух демонов, затягивающих в эту борьбу несметное количество человеческих душ. И так до тех пор, пока люди «не победят... в себе самих смилив и поборов // Гнев, жадность,

¹⁰² Там же. С. 301– 303.

¹⁰³ Там же. С. 303. Подробно об Аримане и Люцифере см.: Штейнер Р. Происхождение зла и его облик в свете Антропософии. СПб., 2000.

своеволие, безразличие...», пока в культуру не войдет принцип христианского посвящения, пока в Апокалипсисе не явится человеку «Новая земля» и «Новое небо»...

А до тех пор мятежный дух Люцифера вновь будет бросать вызов Ариману. Вот седьмая, последняя часть поэмы «Таноб»:

7

Строители коралловых атоллов
На дне времен, среди безмерных вод –
В ограде кольцевых нагромождений
Своих систем – мы сами свой Таноб.
Мир познанный есть искажение мира,
И человек недаром осужден
В святилищах устраивать застенки,
Идеи обжигать на кирпичи,
Из вечных истин строить казематы
И вновь взрывать кристаллы и пласты
И догматы отстойной культуры –
Познание должно окостенеть,
Чтоб дать жерло и направление взрыву.
История проникнута до дна
Коллоидальной спазмой аскетизма,
Сжимающею взрывы мятежей.
Свободы нет, но есть освобождение!
Наш дух – междупланетная ракета,
Которая, взрываясь из себя,
Взвивается со дна времен, как пламя.

* * *

И далее две других поэмы цикла «Путями Каина» («Государство» и «Левиафан») отображают ритм взаимодействия импульсов двух демонов в современной и будущей истории. Поэма (глава) «Государство» рисует попытку Аримана прибрать к рукам уже не только методологию познания природы, то есть науку, но само социальное устройство человечества. Поэт воссоздает грандиозную панораму усилий Аримана на этом поприще – усилие сотворить социальное устройство, схожее с оруэлловским «1984» годом... Но во времена Волошина делались первым демоном лишь начальные шаги в этом направлении (особенно в Германии и России):

1

Из совокупности
Избытков, скоростей,
Машин и жадности
Возникло государство.
Гражданство было крепостью, мечом,
Законом и согласием. Государство
Явилось средоточьем
Кустарного, рассеянного зла:
Огромным бронированным желудком,
В котором люди выполняют роль
Пищеварительных бактерий. Здесь
Все строится на выгоде и пользе,
На выживанье приспособленных,
На силе.
Его мораль – здоровый эгоизм.
Цель бытия – процесс пищеварения.
Мерило же культуры – чистота
Отхожих мест и емкость испражнений.

2

Древнейшая
Из государственных регалий
Есть производство крови.
Судья, как исполнитель Каиновых функций,
Непогрешим и неприкосновенен.
Убийца без патента не преступник,
А конкурент:
Ему пощады нет.
Кустарный промысел недопустим
В пределах монопольного хозяйства.

Третья часть поэмы «Государство» посвящена, пожалуй, самому страшному, тягчайшему преступлению, творимому человеком над людьми, – воспитанию. И это ни в коем случае не следует воспринимать как один из парадоксов Поэта, который щедрою рукой рассыпал их в своей эссеистике. Тут мы могли бы просто сослаться на горький опыт в большинстве своем невежественных в проблемах воспитания родителей тех детей, которых в невероятных количествах и повсеместно духовно и душевно калечат с самого младенческого возраста (в семье, детском саду, школе, вузах), создавая систему воспитания и образования на основе материалистического

(животного) образа человека, ничего общего не имеющего с его истинным образом. И создавая при этом армию невежественных, не желающих учиться всю жизнь воспитателей, учителей, педагогов, которые по получению педагогических дипломов и устроившись на работу по профессии, способны лишь коверкать судьбы детей, ибо их страх перед детьми, часто переходящий в садизм, или, в лучшем случае, в безразличие, – сегодня уже становится почти неразрешимой проблемой, катастрофой. Тогда мы имеем плоды воспитания, да и просвещения, изображенные в сериале «Школа». Конечно, здесь в первую очередь вина этой ариманической социальной системы, правящей у нас бал. Встречаются и счастливые исключения из этого «положения дел» в педагогике... Многие сейчас слышаны о вальдорфской (штейнеровской) педагогике и хотели бы что-то заимствовать из нее и даже претворить некоторые ее принципы в жизнь, но не решаются по разным причинам...

Но тогда остается в силе то, что писал наш Поэт о смысле современного воспитания.

3

Из всех насилий,
Творимых человеком над людьми,
Убийство – наименьшее,
Тягчайшее же – воспитанье.
Правители не могут
Убить своих наследников, но каждый
Стремится исковеркать их судьбу:
В ребенке с детства зреет узурпатор,
Который должен быть
Заранее укрощен.
Смысл воспитания:
Самозащита взрослых от детей.
Поэтому за рангом палачей
Идет ученый комитет
Компрачиков
Искусных в производстве
Обеззараженных
Кастрированных граждан.

В поэме две части (4 и 5) посвящены прафеноменальному и, следовательно, точнейшему описанию буржуазной демократии, но и нашей, так называемой «перестройки» – ее первым двум десятилетиям. И это написано в 1922 году! Не может этого быть! – воскликнет недоверчивый читатель, ведь Волошин при всем его пророческом даре все-таки не Нострадамус. (Впрочем, это как кому видится. Один знакомый автора, глубокий антропософ, который исследовал предыдущее воплощение Волошина, считает, что он – инкарнация сына Нострадамуса, и он тоже небезуспешно занимался предсказаниями.)

Вот пусть полюбуется проницательный читатель:

4

Фиск есть грабеж, а собственность есть кража,
Затем, что кража есть
Единственная форма
Законного приобретения.
Государство
Имеет монополию
На производство
Фальшивых денег.
Профиль на монете
И на кредитном знаке герб страны
Есть то же самое, что оттиск пальцев
На антропометрической листке:
Расписка в преступлении.
Только руки
Грабителей достаточно глубоки,
Чтоб удержать награбленное.
Воры,
Бандиты и разбойники – одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

5

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного –
Единственный критерий

Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступлению.
Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное –
Ей надо
Людей практических,
Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.

Государство всегда – орудие Аримана. Но сегодня у первого демона появились уже новые заходы и методы реализации его глобального проекта (его глобализации). На первой стадии – это приманка «общества потребления», а вовсе не ГУЛАГ. Война же против Высшего «Я» и истинного «Я» человека, война против Импульса Христа (Второго Пришествия) развернута двумя демонами на всех фронтах (во всех сферах цивилизации и культуры): оккультном, научном, технологическом, информационном, социальном, экономическом, организационном, психологическом, педагогическом, культурном, моральном, виртуальном, национальном, этническом, религиозном... Мировая война (четвертая, пятая, шестая – какая по счету?) давно бушует в этих сферах и, в первую очередь, против России. Наконец, в открытую идет подготовка к войне горячей – так сказать, военной войне с применением фантастических видов вооружения. Как никогда актуально звучит предупреждение Р. Штейнера: «Катастрофа войн будет повторяться вновь и вновь через короткие периоды до тех пор, пока люди не воспримут это как сигнал повернуться к духу. Будет много ужасных нападений, и чаще всего их целью будет продолжение войны Люцифера и Аримана против Импульса Христа». Все сильнее начинает

проступать и третий лик Зла – азурический, который во времена Волошина еще только зарождался. Широкие интеллектуальные же круги всех европейских народов пребывают в ослеплении, параличе, деморализации и разложении. Предательство с их стороны высших духовных ценностей европейской культуры и своих народов – неизбежный результат не только американизации Европы, но и результат того, что эти круги проигнорировали, отвергли импульс Антропософии. Импульс христианского посвящения (эзотерики) не вошел глубоко в культуру Европы. И если внимательно созерцать симптомы социального и культурного заболевания Европы, то за трескотней поп-культуры «общества спектакля» (Ги Дебор) и речей о демократии и правах человека можно увидеть, как события неуклонно движутся в сторону гражданской войны и революции – особенно в России (мы уже говорили об обратном порядке этих феноменов в наше время), а далее к войне империй, к «1984» Оруэлла...

Вот седьмая заключительная часть поэмы «Государство»:

7

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами,
В чем,
По существу, нет разницы.
Но каждый
Дорвавшийся до власти сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.
Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
Активом террора
Покрыть пассив убийств,
Так революция,
Перетряхая классы,

Усугубляет государственность:
При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гаротты
Сжимает ту же шейные хрящи.
Благонадежность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор –
Вот достижения
И гений революций!

Здесь особо выделим строки «революция, // Перетряхая классы, // Усугубляет государственность».

Далее следует поэма «Левиафан» – предпоследняя в цикле. В ней выступает импульс второго демона – Люцифера в том аспекте государственной власти, где он действует не столько в борьбе, сколько в союзе с Ариманом. Поэме предпослано два эпитафия. Первый из «Книги Иова»: «Сердце его жестко, как камень, и твердо, как нижний жернов... На все высокое глядит он смело. Он царь над всеми сынами гордости». И второй – из книги английского философа XVII века Томаса Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651): «Множество, соединенное в одном лице, именуется Государством – Civitas. Таково происхождение Левиафана, или, говоря почтительнее, – этого Смертного Бога». В мифологии Левиафан – морское чудовище, олицетворяющее первобытный хаос, враждебный Богу и некогда Богом покоренный.

Смысл поэмы Волошин раскрывает в письме А. М. Петровой от 19.01.1918 г.: «Не понимаю, почему Вы говорите об "отживших принципах империализма": они более живучи, чем когда-либо. Я ненавижу "левиафана", но что он восторжествует теперь так, как никогда, не сомневаюсь. И даже считаю вредным бороться прямо против него, потому что его надо преобразить изнутри, "окрестить" его, как кто-то из Фиваидских отшельников окрестил Великого Сфинкса».

Поэма строится на взаимодействии мифологем Левиафана и Иова.

В поэме Волошин отождествляет себя с героем «Книги Иова», подвергнутого Богом испытанию, с героем, который выдержал это испытание.

1

Восставшему в гордыне дерзновенной,
Лишенному владений и сынов,
Простертому на стогнах городов
На гноище поруганной вселенной, –
Мне – Иову – сказал Господь:
"Смотри:
Вот царь зверей – всех тварей завершенье,
Левиафан!
Тебе разверзну зренье,
Чтоб видел ты как вне, так и внутри
Частей его согласное строенье
И славил правду мудрости моей".

2

И вот, как материк, из бездны пенной,
Взмыв Океан, поднялся Зверь зверей –
Чудовищный, огромный, многочисленный...
В звериных недрах глаз мой различал
Тяжелых жерновов круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцание зеркал,
И беглый огонь, и молний излученье.

А теперь прервем на этом месте текст поэта и попытаемся раскрыть духовнонаучный смысл библейской истории об Иове, опираясь на вскрытие Ветхого Завета известным антропософом, исследователем Библии, другом Рудольфа Штейнера – Эмилем Боком. Приводим отрывок из его книги как подарок нашим читателям:

«В Талмуде задается вопрос: "Когда собственно жил Иов?" Следует ряд ответов, которые помещают Иова во все времена, наступившие после всемирного потопа. Отсюда делается вывод, что Иов либо не жил вовсе, или он жил всегда. Такого рода предание отмечает общечеловеческий характер фигуры Иова. Само имя "Иов" означает человека, "преследуемого судьбой, испытываемого ею". Это – человек послеатлантической эпохи. Страшные

несчастья и страдания поражают Иова. К ним присоединяется еще полное внутреннее одиночество, совершенная предоставленность самому себе. С разных сторон подступает к Иову искушение, пытающееся сломить его волю, его внутреннее чувство "Я". В лице его жены выступает земная часть души Иова, отдающаяся земной жизни и подвластная смерти. Труднее бороться с другим внутренним голосом, воплощенным в речах трех друзей Иова. Они склоняют его к тому, чтобы смириться перед Богом и признать испытываемые страдания справедливой карой за совершенные им, Иовом, грехи.

Друзья Иова олицетворяют собой тот уровень человеческого сознания, при котором религия отождествляется с моралью; классическим выражением его является ветхозаветная "религия закона". Здесь на вопрос о смысле страдания дается один единственный ответ: оно есть кара за совершенный греховный поступок. Но Иов своим религиозным сознанием поднялся гораздо выше этого уровня простой человеческой моральности. Для него религия больше, чем мораль. Он имеет внутреннее ощущение космического происхождения и характера человеческих страданий и черпает отсюда свою уверенность и стойкость. Он имеет мужество остаться при убеждении, что не сам он лично виновен в обрушившихся на него несчастьях. И если страдание проистекает не из человеческих намерений и поступков, но имеет более высокое происхождение, то тогда из этой же высшей сферы Божественной Воли может прийти и избавление от него.

Думая так, Иов касается истинной причины страданий. Никогда человек еще не был оставлен Божественной Мудростью. Может ли нынешний человек, Иов, найти путь, снова ведущий к ней? И каким образом?

Тут к Иову подступает еще одно лицо. Юноша Элигус закликает Иова признать свое ничтожество и свою беспомощность перед Богом, о всемогуществе которого свидетельствуют стихийные силы природы. И действительно, вслед за этим в сверкании молний и раскатах грома звучит, обращаясь к Иову, Божественный голос.

Он задает Иову уничтожающие вопросы: "Где ты был, когда я создавал Землю?... Отверзты ли для тебя врата мира Смерти?... Каковы пути, на которых превращается Свет и где пребывает Тьма?.." и так далее (Книга Иова, 38,39).

В чем смысл этих вопросов? Неужели в том, чтобы указать человеку на его ничтожество, принудив его к сознанию этого и к смиренному молчанию перед Ликом Божиим? Дается ли в них суждение о самом существовании человека? Человек не всегда должен был отвечать на такие вопросы подобно Иову: "Я могу только зажать рот своею же рукою" (40,4). В доисторические времена человек, подобный Эноху, был в состоянии с полным правом ответить на такие вопросы, исходящие от Бога, и сметь сказать, что он измерил все глубины бытия и что врата мира Смерти отверзты для него.

Если некогда человек достоин был быть причастен божественному величию и мудрости, то это значит, что он не навсегда обречен быть смиренным Иовом. Он должен, он сможет в будущем снова обрести то, что ныне им утрачено. Потрясающие вопросы, задаваемые Божественным голосом в грозе и буре, имеют в виду пробудить сознание человека, напомнив об утрате им первооткровения и вызвав в нем жажду снова иметь его, а также сообщив ему уверенность в достижимости этого в будущем. Некогда в "раю", человек обладал "книгой Адама". Каким образом можно снова обрести ее? Предчувствие о смысле страданий проникает в душу Иова. Человек обречен страдать потому, что он низвергся с сияющих высот Божественной Мудрости. Но, может быть, страдания как раз так изменяют человеческую душу, что она в результате снова может обрести утраченное?

Снова, но уже по-иному звучит Иову Божественный голос. Теперь это – новое Откровение. Чудовищные образы встают перед душою Иова – "Бегемота, кости которого как железные трубы", и извергающего пламя "Левиафана".

Раздаются таинственные слова, гласящие, что чудовищный "Бегемот есть начало Божьего пути".

Энох знал также и эту тайну. Там, где он пророчествует о Пришествии Мессии (60-я глава большой "Книги Эноха"), он говорит как раз о грядущем явлении двух страшных чудовищ – "Бегемота" и "Левиафана". О них же позднее будет речь в "Апокалипсисе" Иоанна (гл. 13).

Это – тайна Порога духовного мира. Два чудовищных Существа стремятся ужаснуть здесь человека и удержать его в путях заблуждений. Подобный железной, все перемалывающей машине, "Бегемот" – это Ариман. А огнедышащий "Левиафан" – это Люцифер. Это два лика космического Зла; в греческих мифах они фигурируют как Сцилла и Харибда, а в германских – как Волк Фенрис и Змея Мигдрид. Человек, приближающийся к Порогу духовного мира, должен бороться с ними обоими, можно сказать, на два фронта. Вот почему встреча с ними у Порога действительно есть для человека "Начало Божьего пути". Иов видит их чудовищные образы и убеждается, что может вынести это, то есть может переступить через Порог духовного мира. Что же другое, как не испытанные страдания, придало ему силы для этого?

Вопреки обычному представлению, Иов в конце пережитой им страшной драмы – не смиренный кающийся грешник. Он устоял. Он может даже сказать, что достиг цели, – что у него открылось око для восприятия мира Духа (42,5). Имагинативные образы конца книги Иова (они еще более развернуты в "Завещании Иова") показывают, что в лице Иова человек снова достигает утраченной им божественности и целостности своего существа: у Иова снова 7 сыновей и 3 дочери. Десять "Зефиротов" человеческого существа снова образуют единую гармонию.

Послеатлантическое человечество живет в страданиях, которые вторглись в мир. Но эти страдания – не кара за содеяние греха. Они – двигатель внутреннего прогресса людей. В храмах мистерий ученики в процессе посвящения проходили через тяжелые испытания и страдания, которые никоим образом не проистекали из их собственных судеб (кармы). Но они сами возлагали их на себя для того, чтобы на этом "пути очищения"

стать вождями человечества. Страдания за других образуют ступени "страстей" пути посвящения. Результаты, которые они приносят человеческой душе, позволяют почувствовать смысл также и личных – собственных – страданий человека; они тогда воспринимаются как залог будущего избавления.

Грядущие события бросают перед собою тень. Такой тенью будущих страданий (за других) на Голгофе Иисуса Христа являются страдания Иова» (машинопись).

Об испытаниях нашего поэта-Иова «огнем, водой и воздухом» – успешном испытании – мы рассказывали выше. О том, с каким мужеством и пониманием Волошин переносил свои страдания, известно всем, кто изучал его биографию.

И, конечно же, эти страдания не кара за грехи, а те самые «страдания за других», которые образуют «ступени страстей (страданий) на пути посвящения». Поэт знал эзотерическую истину, что посвящение – страдание.

В третьей части поэмы Господь продолжает описание Левиафана и раскрывает поэту-Иову свой замысел в отношении него:

3

"Он в день седьмой был мною сотворен, –
Сказал Господь, –
Все жизни отправления
В нем дивно согласованы.
Лишен
Сознания – он весь пищеваренье.
И человечество издревле включено
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нем оно
Великий жернов сердца.
Тусклым, косным
Его ты видишь.
Рдяною рекой
Струится свет, мерцающий в огромных
Чувствилищах.
А глубже – в безднах темных
Зияет голод вечною тоской.
Чтоб в этих недрах, медленных и злобных,

Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существ, ему подобных,
И дам им власть друг друга пожирать".

Здесь важна идея, что любовь и мысль могут вспыхнуть и в недрах Левиафана, среди существ ему подобных и пожирающих друг друга. Любовь и мысль рождаются в обстановке войны всех против всех – вот она глубинная манихейская идея поэта.

Далее следует бунт Иова-Волошина:

4

И видел я, как бездна Океана
Извергла в мир голодных спрутов рать:
Вскипела хлябь и сделалась багряна.
Я ж день рожденья начал проклинать.

5

Я говорил:
"Зачем меня сознаньем
Ты в этой тьме кромешной озарил
И, дух живой вдохнув в меня дыханьем,
Дозволил стать рабом бездушных сил,
Быть слизью жил, бродилом соков чревных
В кишках чудовища?"

И грандиозный ответ Господа нашему Иову-поэту:

6

В раскатах гневных
Из бури отвечал Господь:
– Кто ты,
Чтоб весить мир весами суеты
И смысл хулить моих предназначений?
Весь прах, вся плоть, посеянные мной,
Не станут ли чистейшим из сияний,
Когда любовь растопит мир земной?
Сих косных тел алкание и злоба
Лишь первый шаг к пожарищам любви...
Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,
Я сам томлюсь огнем в твоей крови.
Как я тебя – так ты взыскуешь землю.
Сгорая – жги!

Замкнутый в гроб – живи!
Таким Мой мир приемлешь ли?

Седьмая часть поэмы состоит лишь из одного слова, но слова истинного манихея (какая разница с позицией Ивана Карамазова!) –

– «Приемлю...»

Вспомним еще раз и другой «ответ» поэта Господу – «ответ» современного посвященного Иова:

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести огня и вод?
Апокалипсическому Зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и смраде – верю!
Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!»
Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало:
«Господи! Вот плоть моя».

(1921)

Поэт в предпоследней поэме цикла как бы невольно склоняется к мысли, что в «недрах обугленной России», в недрах «Левиафана» бóльшее значение имеет разворот не мифологемы Каина-Фауста, а мифологемы Иова (святого человека, жертвенно переносящего страдания ради других), хотя о России в «Путями Каина» не сказано ни слова. Манихейский импульс Фауста больше характерен для культуры центральной Европы, а для Восточной Европы актуальна еще и мифологема Иова. В любом случае михаэлический и манихейский импульсы совместно в наши дни начинают свое активное

противостояние тьме и просветление тьмы, которая сгустилась над человечеством.

Заключительная поэма цикла «Суд» – это переложение новозаветного пророчества о Страшном Суде. У поэмы есть эпиграф: «И отдала земля мертвых, бывших в ней» (Откровение Святого Иоанна XX, 13). Описание воскресения мертвых здесь даны в стиле микеланджеловского натурализма. Но это не должно смущать проницательного читателя. Ведь он знает, что воскресение будет происходить в нетленном теле (в фантоме, форме, заполняемой эфирной субстанцией), то есть в таком, в котором восстал из гроба Иисус Христос. Об этой Мистерии Воскресения в нетленном физическом теле воскресения читатель при желании может узнать из Духовной науки. Для нас же важно, чтобы читатель понял эзотерику шестой и седьмой частей поэмы:

6

И каждый
Внутри себя увидел солнце
В Зверином круге...

7

...И сам себя судил.

«Солнце внутри себя» – это Истинное «Я» человека, где не «Я», а Христос. Звериный круг – это круг Зодиака, образующий Высшее «Я» человека. В центре Высшего «Я» человека – его Истинное «Я», то есть Импульс Космического Христа в нас как второго лица Троицы, гармонизирующего все космические силы, все Божественные Иерархии. Христос, начиная со своего Второго Пришествия в эфирном теле с 30-х годов XX столетия, становится и владыкой нашей кармы...

Часть IV

Импульсы шести зодиакальных созвездий в творчестве

Поэта

1. Близнецы

Как давно уже догадался наш проницательный читатель, Волошин – поэт космический в том смысле, что его «придумал», «помыслил»... Космос. И хотя всех нас «придумывает» Космос, но не во всех случаях так с ходу об этом можно догадаться. Мы ведь привыкли к мысли, что мы приходим не из Космоса, а от папы с мамой. Увы, большинство из нас уже действительно происходит лишь от папы с мамой, а скоро и от клонов станем происходить...

С Максом же Волошиным произошел совсем невероятный, немыслимый случай. Да вот пусть в этом наш драгоценный читатель сам убедится, дабы не обвинял он нас в голословных утверждениях и придумках.

Да, я помню мир иной –
Полустертый, непохожий,
В вашем мире я – прохожий,
Близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил.
Как ядро к ноге прикован
Шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.

А помнит ли кто из драгоценных читателей – а ведь теперь каждый читатель на вес золота! – как он когда-то смотрел «вниз на звезды»? Честно признаться, мы такого момента не помним. Но это вовсе не означает для нас, что этого «не может быть никогда». Мы уверены, что кто-то и помнит. И

Волошин для нас несомненно один из них. И тут вот что удивительно: несмотря на то что поэт спустился к нам из надзвездных миров, он оказался «близкий всем». Как это возможно? А вот как:

Мне так радостно и ново
Все обычное для вас –
Я люблю обманность слова
И прозрачность ваших глаз.

Ваши детские понятия
Смерти, зла, любви, грехов –
Мир души, одетый в платье
Из священных лживых слов.

Гармонично и поблекло
В них мерцает мир вещей,
Как узорчатые стекла
В мгле готических церквей...

В вечных поисках истоков
Я люблю в себе следить
Жутких мыслей и пороков
Нас связующую нить. –

Как прекрасно все-таки, что поэт любит наши воистину «детские понятия // Смерти, зла, любви, грехов» и что нас с ним связывает «нить» «жутких мыслей и пороков». Вот посему-то он нам всем и близок... Ну, а почему же тогда он здесь «всему чужой»? Да ведь он помнит, хотя и смутно, тот мир, из которого он к нам спустился, изошел. (Мы-то его не помним, отсюда у нас и «детские понятия...». Вот когда-нибудь мы вспомним о своем пребывании в духовных мирах, – тогда у нас и не только детские понятия об этих вещах появятся.) А это ведь мир вечности:

Когда уж уйду я в вечность снова?
И мне раскроется она,
Так ослепительно ясна,
Так беспощадна, так сурова
И звездным ужасом полна!

И с этого уровня «беспощадной» и «суровой» вечности, полной «звездного ужаса», поэт воистину «всему чужой» – всему, что он видит в нашем мире.

А вот и еще одно «доказательство», что поэт наш – совершенно космический, что его, можно сказать, «выдумал» Космос:

Твой дух дерзающий познает притяженье
Созвездий правящих и волящих планет...

Нашему пронизательному читателю хорошо известно, что «правлящие созвездия и волящие планеты» лишь тела девяти Духовно-Божественных Иерархий и трех ликов Троицы и что их притяжения всегда имеются, они, так сказать, на лицо, хотим мы этого или нет, знаем мы об этом или нет. Но не всегда мы обладаем «дерзающим духом», дабы познать это «притяженье» и со знанием дела свести до минимума их детерминирующее начало, взяв лучшие дары созвездий, а не импульсы их двойников. Ведь человек призван стать десятой Иерархией – Иерархией Свободы и Любви:

Когда же ты поймешь,
Что ты не сын земле,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду – и в тварях, и в вещах – томится
Божественное Слово...
Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума –
Вселенную Свободы и Любви, –
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

Но когда мы лишь начинаем познавать «притяженье созвездий правящих и волящих планет», мы познаем и то, что мы «мыслимся» из Космоса, что Космос мыслит нами! Об этом Рудольф Штейнер так говорит в четвертой лекции цикла «Человеческая и космическая мысль» (1914 г.):

«Мы сами во всем своем существе представляемся сущностям Высших Иерархий как их мысли... Мы являемся существами, представляющими из себя то, что космические Иерархии готовят себе для отображения своих мыслей. В известном отношении мы им служим для того, чтобы они при помощи нас могли думать.

Можно сказать, что в отношении Космоса мы можем чувствовать себя так, как малая часть нашего мозга могла бы себя чувствовать в отношении нас самих. Сколь мало, однако, духовно-душевно мы являемся тем, что из себя представляет наш мозг, столь же мало, конечно, и сущности Духовных Иерархий являются нами. Поэтому мы являемся самостоятельными в отношении сущностей Высших Иерархий.

Человеческая мысль управляет мозгом, *космическая мысль управляет так, что мы сами, со всем своим существом, принадлежим тому, что она должна выполнить.* Так как, однако, в силу нашей кармы, Космос не всегда может в одинаковой степени обратить на нас все свои мысли, то мы должны быть построены по их логике. У нас есть своя логика, у Духовных Иерархий – своя...

Мы можем, таким образом, бросить взгляд внутрь того, на что должны были бы взирать только с известным благоговением, со священным трепетом, потому что этот вопрос подводит нас до известной степени к тайнам человеческих индивидуальностей. Мы учимся понимать, что взор сущностей Высших Иерархий как бы блуждает по отдельным человеческим индивидуальностям и эти индивидуальности являются для них тем, чем для нас являются отдельные буквы книги, в которой мы читаем. Мы подслушиваем мыслительную деятельность Космоса.

В наше время покрывало, скрывающее эту тайну, должно быть, до известной степени, приподнято, потому что законы, указанные в качестве законов космических мыслей, проявляют свою деятельность и в человеке. И познание их может вызвать в нас понимание жизни, и через это понимание жизни мы научимся понимать самих себя и плодотворно работать в своих

мировоззрениях (конstellациях), а остальное познавать с помощью духовной науки...

В двенадцати духовно-зодиакальных знаках, мировоззрениях, в семи мирозерцательных настроениях заключаются понятия Иерархий, а то, чем являются люди, – это космические суждения (мифы), которые вытекают из этих понятий. Так чувствуем мы себя в логике Космоса, в логике космических Иерархий, чувствуем себя как души, погруженные в космические мысли, точно так же, как свою маленькую мысль, которую мы думаем, мы чувствуем погруженной в нашу душевную жизнь» (машинопись).

Теперь попытаемся понять Волошина в этой логике (в понятиях космических Иерархий). Волошин родился 28 мая (по новому стилю) 1877 года. Следовательно, под созвездием Близнецов. Из Духовной науки эзотерического христианства известно, что путь посвящения человека пролегает между тем созвездием, под которым он родился, и предыдущим созвездием (как раз посередине между ними), и из этих двух созвездий человек на пути своего посвящения выходит к двум полярно противоположным созвездиям (точнее, тоже посередине между ними). Оказывает также влияние и последующая, в отношении основной, ось созвездий. Тогда он имеет возможность воспринять все лучшие, позитивные духовные свойства и качества, инспирируемые шестью созвездиями (на трех пересекающихся осях) в виде их «даров», а также выйти через свое полярно-противоположное созвездие на позитивные качества, дары всех остальных зодиакальных созвездий. Зодиакальные созвездия – это астральные тела девяти Духовных Иерархий и трех ликов Святой Троицы. Они являются инспираторами двенадцати основных мировоззрений и двенадцати чувств (их не пять, а двенадцать). Что касается «волящих планет», то их влияния инспирируют соответствующие настрои духовно-душевной жизни человека (их семь, по числу основных планет). Все эти влияния созвездий и планет (а они действуют из Высшего «Я» человека) могут изживаться на пути

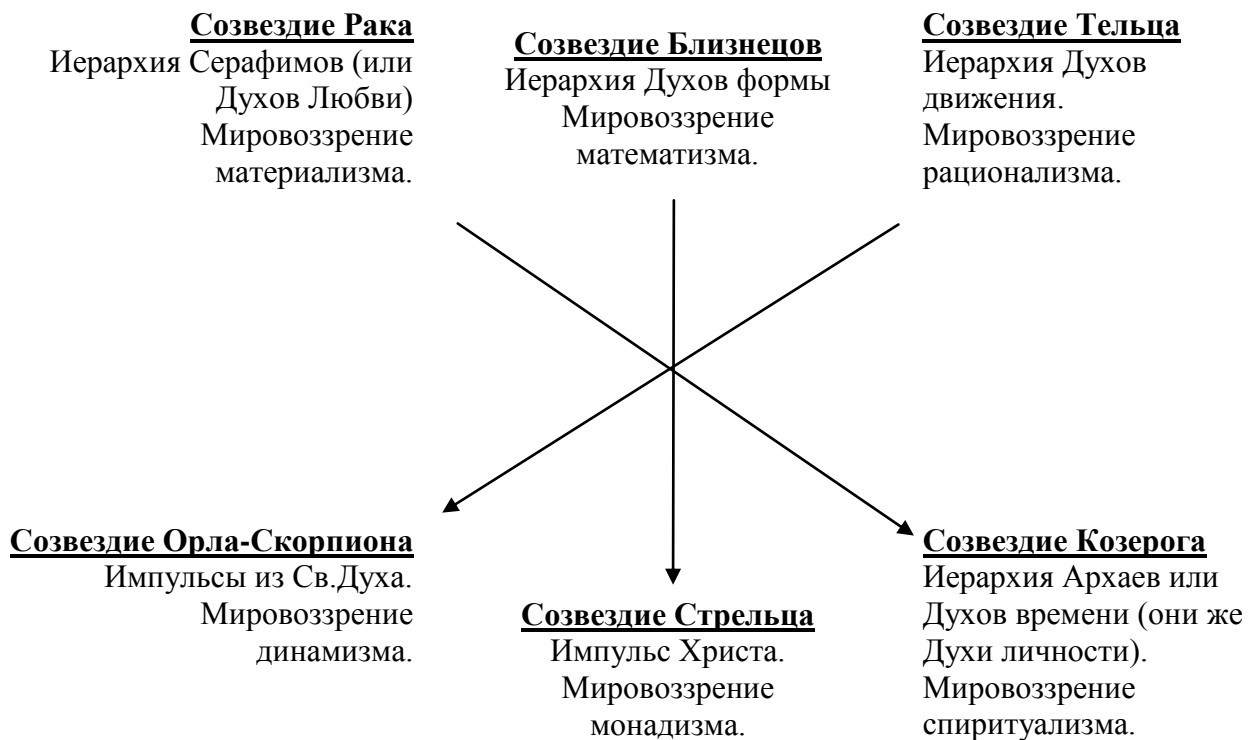
посвящения в Духе времени с помощью данной человечеству Михаэлем (ликом Христа) Духовной науки эзотерического христианства.

Вот как еще характеризует Высшее «Я» (или Другое «Я») Рудольф Штейнер в своей книге «Порог духовного мира»:

«"Другое Я" и есть именно то, что ведет душу через поступки, через частности ее жизненной судьбы и пробуждает в ней способности, склонности, задатки и т. д. Это "другое Я" живет во всей жизненной судьбе человека, взятой в ее целом. Оно шествует наряду с тем "Я", бытие которого замкнуто между рождением и смертью, и слагает человеческую жизнь со всем, что входит в нее радостного, возвышающего и горестного. Встречаясь с этим "другим Я", ясновидческое сознание научается называть "Я" всю совокупность жизненной судьбы, подобно тому как физический человек говорит "Я" в применении к своему собственному существу. То, что определяют восточным словом «карма», срастается, таким образом, с "другим Я", с "духовным существом Я". Жизнь человека является инспирированной его собственным вечным существом, переходящим от жизни к жизни; и инспирация происходит таким образом, что жизненные судьбы последующего земного существования оказываются результатом предшествующих земных жизней».¹⁰⁴

Тогда Высшее «Я» Волошина-посвященного в логике его «правлящих созвездий» (о его «волящих планетах» будет сказано позднее), то есть в логике космических Иерархий и импульсов из Ликов Святой Троицы можно предварительно, еще не конкретизируя, представить себе в виде такой схемы-образа.

¹⁰⁴ Штейнер Р. Путь к самопознанию человека в восьми медитациях. Порог духовного мира. Афористические рассуждения. Ереван, 1991. С. 105–106.

Центральная ось для Волошина: Близнецы – Стрелец.

Предыдущая ось: Телец – Скорпион-Орел.

И последующая ось: Рак – Козерог.

Далее мы будем опираться на книгу известного в Европе немецкого антропософского автора Сигизмунда фон Гляйха «Истина как свод двенадцати мировоззрений», цитировать, пересказывать нужные нам фрагменты из нее. Книга эта пока, увы, существует лишь в несовершенном машинописном переводе.

Начнем с характеристики мировоззрения созвездия Близнецов, под которым родился Волошин, и тех «даров», которыми оно одаривает своих посвященных. Мировоззрение, инспирируемое созвездием Близнецы, – это математизм. Математизм покоится на «матезисе». Это греческое слово, от которого происходит название математики, означает не что иное, как науку или познание. В своем первоначальном значении это есть чистое мышление.

Наука о мышлении, «наукоучение», есть главный аспект «математизма», а математическое в строгом узком смысле слова есть лишь особое выражение этой науки. Поистине философия является наукой всех наук. Она есть в сущности осуществление матезиса. Но основной наукой всякой философии является учение о познании, наука о существовании знания, «наукоучение». И, подобно любой науке, эта основная наука не может быть иной, кроме как изучающей, испытующей, критической. Точка зрения наивности должна отпасть. Это основной принцип всей теории познания. Научность есть сознательность. Полная обдуманность и сознательность – признаки чистого мышления.

Созвездие Близнецов – космический прообраз чистого мышления. Критическое мышление, исследование начинается непосредственно с сомнения, с вопрошания и проверки. И здесь выступает дуально-близнецовый характер научного мышления. В процессе исследования, вопрошания выступает решающая роль внимания – «ищущее прицеливание подвижного представления и фантазии, ведомое напряженным интересом к предмету познания» (Шеллинг, «Философия искусства»). Здесь встает уже прообраз Созвездия Стрельца. Здесь встает уже возможность духовно-научного познания.

Гносеологические основания своей духовной науки Р. Штейнер изложил в работах «Истина и наука» и «Философия свободы». Оба эти труда являются образцовым примером математизма в широком смысле слова.

Есть два источника познания: восприятие и мышление. Восприятие открывает «истину», ибо чувства не лгут. Но оно не дает нам знание полной действительности. К этому еще должна присоединиться «наука» или мышление (матезис). «Одаренная мышлением душа есть тем самым действительный научный принцип. Не столько знающей является она, а скорее, самим знанием (наукой в смысле матезиса)», – сказал Шеллинг. И Фихте усмотрел в «Я» (чистой мыслительной деятельности) принцип «наукоучения». Понятия действительно приводят к сознанию

конструирующие силы форм, которые сообщают вещам их облик. Облики чувственных вещей суть кристаллизации и осуществления в вещественном (пространственном) тех формосуществ, мыслительную сущность которых человеческий дух приводит к сознанию в понятиях вещей. Эти формосущества (Духи формы), стало быть, приходят к явлению двояким образом: снаружи и изнутри. Они осуществляют себя в пространстве, формируя вещество во внешние пространственные облики чувственных вещей, и они внутренне запечатлеваются в мыслеформах благодаря мышлению.

Если, следовательно, мышление совершенно определенным образом вычленяет из хаоса данности отдельных вещей и понятийно определяет их, то оно производит формы, в точности соответствующие действительности, соответствующие оформляющим в пространстве чувственные вещи формосуществам, – и именно потому, что формирующая (мыслящая) Я-сущность в действительности живет совместно с этими формосуществами.

В конечном счете эти формы происходят от Божественного Духа: о Космосе Платон говорил, что он постоянно геометризует. Это и есть Духи формы. Они действуют через созвездие Близнецов.

Только если мышление опирается на себя самое, может из познания взойти творческая свобода. Но для этого еще необходимо, чтобы критическая функция мышления была оживлена, оплодотворена противоположной силой. Это интерес чувствующей души, почитание и благоговение, любовная преданность предмету познания – доверие мышлению.

Способности эти мы можем заключить в слово «вера», отвлекаясь при этом от какого-либо догматизма. «Сомнению» должна быть придана сила «веры», тогда познание будет плодотворным, тогда из него взойдет истинная свобода. Сомнение есть принцип математизма, его прообразом является созвездие Близнецов. *Вера представляет собой принцип монадизма, прообраз которого – созвездие Стрельца. Только этой силой доверия или «веры» обретает мышление живое, вполне человеческое познание –*

отношение к вещам и процессам. Но там, где царит одна вера, без сопутствующего ей критического сознания, там легко она слепнет и в сочетании с эмоцией и фантазией обращается в догматизм и фанатизм, точно так же, как, с другой стороны, испытание и сомнение без настоящей веры обрушиваются во тьму скептицизма и агностицизма.

Когда ясное мышление проникается теплом и чувствованием, а критическая рассудительность наполняется преданным доверием к духу, тогда только и становится возможной истинная наука, живая философия. И где вера просветлена критической рассудительностью и бодрствующим мышлением, там чувствование становится действительной религиозностью. Образец такой связи душевных сил и дает нам Волошин. Из взаимодействия двух противоположных душевных импульсов он привел к синтезу диаметрально противоположные мировоззрения – математизма и монадизма.

Это духовно-научное описание мировоззрения математизма мы могли бы проиллюстрировать (невероятно, но факт!) стихами 17-летнего Волошина:

Мысль и форма

Когда в уме твоём родится мысль внезапно,
Не торопись её скорее выражать.
Дай ей в душе твоей созреть и укрепиться,
Лелей и береги, как любящая мать.
Когда же ты её почувствуешь родную,
Когда она с тобой составит одно,
Ты можешь дать в словах ей выраженье
И мысль бесплотную облечь во естество.
И слово каждое ты взвесь, обдумай,
Почувствуй музыку и тайный смысл стихов.
И только лишь тогда твоё произведение
Восстанет в красоте и стройной и простой
И стих твой прозвучит, как звонкий голос меди,
Пленяя всех могучей красотой.

* * *

Мысль и форма должны находиться в гармонии полной,
Другую одна дополняет и делает лучше и выше.
Мысль – это то же, что дух в человеческом теле.

Форма же – тело само, оживленное духом бессмертным.

* * *

Форма должна быть достойна в ней сказанной мысли.
Может только художник представить нам мысль таковою.

(1894)

Не удивительные ли стихи мы здесь имеем? Ведь вряд ли отыщется еще какой-нибудь 17-летний поэт на Руси, кроме нашего Макса, кто умудрился бы сотворить нечто подобное. В 17 лет, насколько нам известно, такие опусы не пишут... А пишут, ну, к примеру:

Из-за тебя, из-за меня
Все совершается и движется.
И дышат Небо и Земля
И друг на дружку не надышатся.

Но продолжим духовно-научное описание мировоззрения математизма.

Благодаря действительному сплавлению силы веры с мышлением само мышление преобразуется таким образом, что достоверность своей истинности несет в себе самом. Из такого мышления можно прийти к сознанию, что человеческое мышление содействует мировому мышлению. Тогда это будет настоящий математизм, который из чувственной сферы трансцендентально переходит в «эфирное царство понятий», о котором толкует философия Рудольфа Штейнера, в сферу космической интеллигенции, о которой он так много говорил в конце своей жизни. И основное настроение такой философии можно выразить медитативной формулой из драмы-мистерии Рудольфа Штейнера: «В твоём мышлении живут Вселенной мысли».

А вот что пишет еще о созвездии Близнецов известный опять-таки в Европе антропософский автор Эрнст Юлиус в своей работе «Язык образов Зодиака и созидание новой общинной жизни»: «У Близнецов, детского существа, мы можем научиться открывать чудо во всех вещах. Мы лишь должны совсем тонко наблюдать и быть постоянно готовыми отдаться

совсем простым явлениям. Мы должны уметь переноситься в иное, должны разворачивать предельно нежную душевную игру с вещами. Тогда все наше окружение расцветает и открывает нам вещи, относительно которых мы не должны были бы дремать. Истинный интерес – как чистый волшебный свет, который в своем сиянии дает засверкать неисчислимым тайнам. Благодаря этому мы можем узнать, что в каждой вещи – сколь бы она ни была незначительна – таится нечто драгоценное.

Но есть гораздо более серьезные задачи, на которые нам указывают Близнецы. В мире повсюду все могущественнее свирепствуют темные, разрушительные силы. Преступления нарастают так, что иногда почти кажется, что некоторое время спустя в мире уже не останется места для благородного воления. Даже самые тяжелые наказания больше не помогают. Как может удержаться от такого рода заблуждений кто-либо, для кого не существует возможности где-либо обрести правый путь? В нашей современной культуре мы страждем от той тяжелой судьбы, что интерес направлен больше на материю и технику. Через это человеческая душа слишком связана с тяжестью, с физическим и слишком отделена от световой области, из которой она происходит. В такой культуре зло должно выступить в неизмеримой силе. Если добираться до сути зла с той же грубой силой, основательно искореняя все пороки, то таким путем была бы достигнута еще большая власть зла. В нравственной области сила не может быть уничтожена силой. Здесь господствует нечто вроде закона сохранения энергии. Если власть зла подавляют в одной области, она заново и тем сильнее разворачивается в иной. Это – сила, которая должна быть преодолена, но также и преображена и использована в созидании. Природа учит нас, как нам при этом приступить к делу. Растения – это существа, которые полностью ведут борьбу против власти тянущей все вниз тяжести. У них все есть созидание и возрастание. Способностью к этому они обязаны нежнейшей и благороднейшей силе природы – свету.

По отношению к темным силам в моральной области можно достигнуть чего-либо лишь посредством позитивности и доверия. Великая сила зла должна быть покорена, и дурное действие обращено во благо. Нельзя никогда забывать, что в подосновах даже худшей порочности еще живет глубокая тоска по воссоединению с высочайшим божественным, от коего она обособилась некогда. Но только тот, кто находит доступ к глубинам, в которых живет томление, тоска, может действительно обратить нечто в добро. А вход туда находят лишь наичистейшие силы, и прежде всего силы ребенка. Если, будучи взрослым, снова вызываешь в себе дитя и передаешь ему зрелую силу, тогда тебе удастся преодолеть зло. Наше время, кажется, как никакое другое, хочет уничтожить детскость, несмотря на то что в руках ребенка – будущее. Лишь дитя в человеке сможет возжечь свет во мраке и повести нас навстречу светлому будущему» (машинопись).

Вся эта духовно-научная, астрософическая характеристика импульсов, инспирируемых созвездием Близнецов, имеет самое прямое и непосредственное отношение к глубинной тайне индивидуальности и творчества Волошина.

Вспомним здесь еще раз призыв поэта вызвать в себе самом силы ребенка натовой души, то есть наичистейшие силы в своей душе, способные возжечь свет во мраке, вспомним этот гимн ребенку:

Пройдёмте по миру, как дети,
Полюбим шуршанье осок,
И терпкость прошедших столетий,
И едкого знания сок.

Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней.
Ребёнок — непризнанный гений
Средь буднично-серых людей.

(1903)

Вспомним здесь отзыв Маргариты Сабашниковой о Волошине как о «большом ребенке»; припомним его эссе «Откровение детских игр»;

вспомним о бесконечной позитивности и доверии поэта, о его интересе к вещам, элементарным духам, камням, растениям, животным, людям, которых он встречал на своем жизненном пути (см. Марина Цветаева «Живое о живом»), наконец, об огромном интересе к сверхчувственным существам духовно-божественных Иерархий.

Из инспираций мировоззрения Близнецов – математизма – написаны большинство его стихотворений, поэм, эссе, акварелей.

Только теперь становятся нам понятными таинственные, завораживающие строки его стихотворения «Сердце мира, солнце Алкиана»:

Над зеркальной влагой Океана —
Грозди солнц, созвездий виноград.

С тихим звоном, стройно и нескоро,
Возносясь над чуткою водой,
Золотые числа Пифагора
Выпадают мерной чередой.

Вот заметка поэта в его записной книжке за 1907–1909 гг., которая, кстати, и проясняет суть последних четырех стихотворных строк: «Математика – свойство человеческого ума, быть может, потенциальное – животного, но она не больше как формула тех граненых зеркал, в которых отражается внешний мир. Открывая законы математики, мы открываем лишь законы отражений в нашем мозгу, а не законы внешнего мира, по математике о них можно только догадываться. Так вся математика не более чем изучение перспективы, причем за единицу принимается наше "Я", символизируется ли оно точкой, линией, кругом или шаром. Я вижу будущую эволюцию сознания как чувственное восприятие чисел и формул».

В созвездии Близнецов коренится и содержательная тайна творческого лика Волошина. Эта тайна заключается в инспирации Духами формы,

действующими из региона созвездия Близнецов, то есть созвездия, под которым происходило его становление как посвященного.¹⁰⁵

Важнейшей категорией эстетики Волошина является «лик». В своей записной книжке 1907–1909 годов Волошин так характеризует значение и роль лика и формы в познании и творчестве: «Мудр всей земной мудростью только тот, кто, познав в себе свою бессмертную душу, поймет, что только в преходящем лике жива она и что только ликом утверждается дух в мироздании.

Слово создает лик во мгновении. Бессмертие лика основано на ритме смерти. Смерть должна быть экстазом жертвы. Дух воплощается ради того, чтобы получить лик. Человек живет на земле ради лика, а не ради духа. Надо заботиться о спасении лика, а не о спасении души. Но надо всегда помнить, что бессмертие лика – в смерти и в воскрешении. Лик познается зеркалом. Во всех явлениях мы видим только свой лик и во всех людях. В других познавай свой лик и сам будь зеркалом для других. Будь пониманием. В том "как" и в том "что" отражает зеркало нашего понимания, заключается категорическое обязательство для того, кого мы отражаем. Своим пониманием мы творим других людей. Своим пониманием мы творим создания искусства...

Искусство живет пониманием и творится пониманием. Искусство – это таинственное зеркало, которое отражает лик тех, кто хочет видеть в нем себя. Ничего, кроме своего собственного лика, никто не может никогда увидеть в зеркале искусства. Но лицо это будет всегда ново и неожиданно для смотрящего. Надо хотеть увидеть, чтобы увидеть лицо, а не пустую глубину...

Мир форм и ликов требует высшей последовательности и постепенности в своем развитии.

¹⁰⁵ Не путать, ради Бога, с соответствующим знаком Зодиака, в котором обычно «застревает» на всю жизнь обыкновенный человек, не желающий становиться на путь своего собственного посвящения. В этом случае человек начинает инспирироваться уже не дарами своего созвездия, а его двойником. И тогда из людей получают те самые гоголевские «мертвые души».

"Понимание" допускает в этот мир только те явления, что постигнуты через лик...

Поэтому во всех исканиях без-образного надо склониться перед формой, обоготворить форму. Ликом познается безликое. К лику стремится искусство. К лику стремится Красота. Лик – оправдание безликого. В лике высшая тайна. Все ищет в себе лика, и безобразный мир стучится в душу художника, чтобы через него найти свое воплощение. Человек – та мгновенная точка, через которую одна вечность перетекает в другую, мгновение становится вечностью и вечность – мгновением. Поэтому-то "в лике – высшая тайна"».

Волошин называл ликом некий синтетический образ человека, преимущественно творческого, в котором его духовно-душевные особенности выступают во внешних проявлениях – в его облики, в событиях его жизни, в его судьбе, в творчестве. Найти самое характерное во внешности человека или страны или даже сверхчувственного существа, свести это многообразие черт к одной формуле и воплотить эту формулу в красках или слове – вот задача художника.

Но самый эзотерический аспект понятия «лика» у Волошина связан с выявлением (в форме легенды или мифа) предыдущих земных воплощений духа (того или иного писателя XX века) – носителя кармической памяти. Смотри «лики» – мифы о Брюсове, Кузьмине, Блоке, Сологубе, А. Герцук, Л. Андрееве и др. (см. Приложение № 1).

А теперь, рискуя утомить внимание просвещенного и благосклонного читателя, развернем целую вереницу конкретных примеров действия импульсов Духов формы в творчестве Волошина, ворох даров этих самых духов – поэту, даров, урожай которых наш поэт собирал со звездных «полей» своего созвездия, а также и других созвездий, о которых речь впереди, – конечно же, на пути своего посвящения. (Другими путями подобные дары нам так просто не даются.)

Отметим, в первую очередь, что именно из мировоззрения, инспирируемого созвездием Близнецов, как прообраза чистого мышления, то есть из математизма (матезиса) Волошин, изживая его, выходит на духовно сродное ему (подобное познается подобным) духовное течение – Антропософию – еще при самом ее зарождении на земном плане. Отсюда становится понятным его странный для нас отзыв о роли и значении Антропософии в его духовной мыслительной жизни: «...я знаю, что и до встречи с Антропософией я мыслил исключительно ее категориями и впредь буду мыслить не иначе...» (Из письма Ю. Л. Оболенской, 1914 г.).

И из «даров» уже не только созвездия Близнецов, но и Антропософии, и пяти других зодиакальных созвездий (о них пойдет речь ниже) Волошин как творческая индивидуальность черпает силы (это силы имагинативного мышления) для сотворения уже своей «религиозно-поэтической науки». Тогда понятна и другая часть его высказывания об Антропософии в том же письме: «Антропософию по существу всю принимаю, но мне ведь приходится все переводить на свой язык... Мне это нужно для того, чтобы быть свободным и творческим... Я принимаю ее сущность и только формы перестраиваю для своей души».

И эта «религиозно-поэтическая наука» (или «свой язык», «формы для своей души») выступает у Волошина в виде (в формах) поэзии, эссеистики (критики), бесед, лекций, акварельной живописи.

Приведем примеры сотворения «ликов» в его поэзии. Да какие тут могут быть примеры?! Вся поэзия Волошина, вся эссеистика (критика), все его акварели – это (да воспримет это своим «созерцающим суждением» наш драгоценный читатель) не что иное, как сплошная, так сказать, «иккебана» из «ликов» – «ликов творчества» как самого поэта, так и того (тех), кого (что) он изображал. Все стихотворения, которые мы приводили в I части нашего труда есть «лики»! Можно добавить к этому и еще примеры в стихах и прозе.

В первой книге стихотворений «Годы странствий» большинство стихотворений – «лики», в особенности в цикле «Париж». Во II части книги,

посвященной Маргарите Сабашниковой, можно выделить такие «лики», как «Портрет», «Письмо», «Таиах», «В мастерской». В III разделе «Звезда Полынь» – это «лики» трех воплощений Земли: «Сатурн», «Солнце», «Земля», «лик» Руанского собора. Здесь в особенности завораживает цикл стихотворений «Киммерийские сумерки», где представлены «лики» «безрадостного» Коктебеля:

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках – намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,
Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам.
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? Титан?..

В стихотворении «Полынь» лик самого поэта сливается с «ликом» Праматери-Земли:

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи
К сиянию древних звёзд, таких же сиротливых,
Простерших в темноту зовущие лучи.

Я сам — уста твои, безгласные, как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

А вот «лик» грозовых облаков и грозы над Коктебелем, воссозданный в безупречном сонете – в этом мастерски граненном бриллианте:

Облака

Гряды холмов отусклил марный иней.
Громады туч по сводам синих дней
Ввысь громоздят (всё выше, всё тесней)
Клубы свинца, седые крылья пиний,

Столбы снегов, и гроздьями глициний
Свисают вниз... Зной глуше и тусклей.
А по степям несётся бег коней,

Как тёмный лёт разгневанных Эринний.

И сбросил Гнев тяжёлый гром с плеча,
И, ярость вод на доли расточа,
Отходит прочь. Равнины медно-буры.

В морях зари чернеет кровь богов.
И дымные встают меж облаков
Сыны огня и сумрака — Ассуры.

(1909)

А вот драматический «лик» любви в момент слияния любящих, переживающих безысходность земной любви, если нет в ней ослепительного самозабвения и зачарованности или сострадательной жертвенности:

Сочилась жёлчь шафранного тумана.
Был стоптан стыд, притуплена любовь...
Стихала боль. Дрожала зыбко бровь.
Плыл горизонт. Глаз видел чётко, пьяно.

Был в свитках туч на небе явлен вновь
Грозящий стих закатного Корана...
И был наш день — одна большая рана,
И вечер стал — запёкшаяся кровь.

В тупой тоске мы отвратили лица.
В пустых сердцах звучало глухо: «Нет!»
И, застонав, как раненая львица,

Вдоль по камням влача кровавый след,
Ты на руках ползла от места боя,
С древком в боку, от боли долго воя...

(1909)

В IV разделе книги «Алтари в пустыне» поэт творит «лики» созвездий («Созвездия») и «лик» Софии Премудрости Божьей («Она»). Венок сонетов «Corona astralis» – это уже «лики» Духов движения...

Во второй книге стихов «Selva oscura» мы встречаем «лики» духовно-душевных блужданий поэта, «лики» Киммерии (весь цикл «Киммерийская

весна»). И здесь поэт творит шедевры «ликов» Коктебеля («Моя земля хранит покой...», «Опять бреду я босоногий...», «Карадаг», «Ветер с неба клочья облак вытер...», «Пустыня», «Выйди на кровлю...»). Цикл стихотворений «Облики» – это «лики» любимых женщин, друзей, знакомых. Здесь же выделяется цикл из двух сонетов «Два демона», являющих нам «лики» Аримана и Люцифера. В цикле «Пляски» – венок сонетов «Lunaria» – гениальное гностическое изображение «лика» Луны.

Наконец, в V разделе второй книги стихов мы видим программное стихотворение «Подмастерье». Это «лик» эстетики поэта и «лик» его пути посвящения.

Третья книга стихов – «Неопалимая купина» – сплошные «лики». В I разделе это «лики» войны и всемирного Апокалипсиса – «Россия», «Пролог», «Армагеддон», «Не ты ли...» и др. В первом же стихотворении не оставляет равнодушным пронизательного читателя тот «лик» России, который люб поэт:

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной –
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всею красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

.....
Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

(1915)

Замыкает I раздел стихотворение «Усталость», где явлен лик Христа Второго Пришествия – эфирного Христа, тайну которого начал открывать миру Рудольф Штейнер с 1909 года.

В III разделе третьей книги содержится и важнейшее пророческое произведение поэта «Благословение» (эссеистический комментарий к нему см. выше).

В стихотворении «Неопалимая купина», завершающем этот раздел, «лик» России дан афористично и фокусировано в первом и последнем четверостишиях:

Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
Была ли ты? Есть? Или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...
.....
Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая Купина!
(1919)

«Лик» России как «бездны», «омута», «безумия» и «бесноватости» мы встречаем и в гениальном эссе «Русская бездна» (1919) (см. выше), которое, кажется, так никогда и не сможет устареть, потому что не сможет устареть никогда. То есть, как догадывается проницательный читатель, – пока существует Россия. Впрочем, в стихотворении «Дом Поэта» Волошин предвидит наступление времени, когда «минет все»: «Европа и Россия» и «...расставит новый век // В житейских заводях иные мрежи». А пока актуальность этого эссе поэта только нарастает с каждым годом и не в последнюю очередь за счет второго эксперимента над Россией. Явно провозглашенному с 1985 года.¹⁰⁶

¹⁰⁶ Об этом втором эксперименте тайных, оккультных кругов англо-американской «демократии» и «прочих всяких шведов» (Маяковский) см.: Прокофьев С. О. Духовные судьбы России и грядущие мистерии Святого Грааля. М., 1997.

В V разделе третьей книги своих стихотворений поэт изображает личины гражданской войны («Красногвардеец», «Матрос», «Большевик», «Феодосия», «Буржуй», «Спекулянт» (весьма актуальная личина и наших дней). Здесь изображены не лики, а именно личины, демонические искажения, бесы этого явления (гражданской войны).

В VI разделе третьей книги поэт творит самые страшные «лики» гражданской войны и «русской бездны» – «Бойня», «Террор», «Голод» (см. выше), «Красная пасха», «На дне преисподней», «Готовность», «Потомкам».

2. Стрелец

А теперь настало самое время охарактеризовать астрософическим образом противополож созвездия Близнецов – созвездие Стрельца, которое также щедро одарило нашего поэта на пути его посвящения и творчества (то есть смог он воспользоваться и многими его дарами). Это – созвездие, инспирирующее мировоззрение монадизма. Математизм Близнецов нуждается в восполнении своим противоположным полюсом – монадизмом Стрельца.

В монадизме человек переживает душевно-духовный мир прежде всего как множество индивидуальностей. Монады являются душевно-духовными существами, располагающимися на различных ступенях сознания, с различными способами представления и импульсными силами, которые имеют нечто общее со способностью творящей фантазии и имагинации; их порядок регулируется отношениями, в которых они находятся друг с другом. Почти все известные представители монадизма были убеждены в том, что монады различаются групповым и частным образом по степени ясности и охвату их сознания. Уже Лейбниц со всей четкостью различал в четырех царствах природы сонно-подвижные, бессознательно-живые, грезяще-ощущающие и мыслительно-бодрствующие души. (Да простит нас тут проницательный читатель за грустный юмор, но нам видится, что эта

классификация великого монадолога приложима не только к природному царству, но первые три категории монад имеют прямое отношение еще и к царству (теперь уже – населению)... «загадочных душ». А вот четвертая категория монад встречается среди этого населения до того редко, что это грозит ему прямо-таки исчезновением).

Более того, отдельные мыслители предчувствовали бытие сверхчеловеческих монад, не будучи, правда, в силах дать отчетливое представление о присущих им более высоких формах сознания. Но все же многие представители монадизма вполне сознавали, что горизонт сознания сверхчеловеческих монад значительно превышает человеческий и является совершенно космическим. Но духовно-научное познание способно дать в научно-значимых понятиях «теорию познания» высших духовных сущностей – Иерархий. В Духовной науке Рудольфа Штейнера дано различие сверхчеловеческих сущностей по их ступеням сознания и образу действий, что актуально для всех наук о культуре и истории.

Поскольку монадическое воззрение исходит из множества и многообразия духовных сущностей, единство бытия должно стать для него главной проблемой. И тут мы приходим к центральному принципу монадизма. Это категория отношения, выделенная еще Аристотелем. Если бы отдельные существа или монады не находились в живых отношениях друг с другом, тогда не могло бы возникнуть их единство и общность. Тогда все обратилось бы в хаос.

Если монадизм имеет духовное прозрение в множество индивидуальных отдельных существ, связанных отношениями друг с другом, тогда следующей за единством второй главной проблемой является для него тот способ и манера, в которой выражаются (оформляются) эти отношения. Можно, конечно, абстрактно распространить один и тот же способ отношений на все области бытия. Но принципу монадизма совершенно чуждо такое одностороннее обобщение. Во всем намеревается он войти в индивидуальные различия.

Радикальные индивидуалисты склонны, пожалуй, усомниться в реальности единства человеческого царства, поскольку столь очевидны разлады и противоречия между людьми и человеческими группами. Но это значит предаваться иллюзии, если рассматривать душевную индивидуальность человека как абсолютно отдельное существо на том основании, что он знает себя как собственное «Я» и живет обособленно в своем теле. В действительности каждая человеческая индивидуальность совместно с многими другими образует невидимый, сверхчувственный, но очень реальный организм отношений. Мы должны каждую человеческую душу рассматривать как члена широкого или узкого организма отношений («организм отношений» Волошина, по данным его биографа Владимира Купченко, включал в себя более полутора тысяч (!) друзей и знакомых, в том числе и многие десятки наиболее известных и самых выдающихся деятелей культуры России и Европы). Ибо через бесчисленные связи, жизненные отношения, чувства, идеи, отношения судьбы каждый человек очень глубоко, почти неразрывно связан со многими другими ближними и даже с вещами. Это будет только абстракция, если я создаю себе образ человека, пренебрегая общим кругом его друзей и судьбы – тем, что есть часть его существа.

Новейшая философия приходит к живым и конкретным представлениям о человеке. Здесь можно было бы сослаться на высказывание Николая Гартмана: «Индивидуальность идентифицирует себя не только с самой собой в своем внутреннем единстве, но также с некоторой определенной "выкройкой" из мира, с которой она чувствует себя в потоке свершения связанной узами судьбы или же активно связывается с нею целью своего стремления. То, что разыгрывается в этом кругу, она ощущает как нечто затрагивающее ее как судьба... Ключом к пониманию этого магического круга являются трансцендентальные акты личности, в которых она преступает границы внутреннего сознания, протягивает нити живой связи, вступает в отношение к миру, посредством которого часть мира становится ее собственностью и так же миру принадлежит она сама» («Этика»).

Монадизм имеет дело с сущностями земного царства и в особенности с собственно земной иерархией – человеческим царством, а не с божественной интеллигенцией сфер. Поэтому Рудольф Штейнер дал однажды следующую характеристику земного царства: «Земля – сфера Я-сознания. И человечество, иерархия земной звезды, десятая или в другом отношении двенадцатая иерархия, должна стать духовным царством «свободы и любви», тем самым царством духовных существ, которые из свободы Я-сознания творят добро в любви к деянию. Местонахождением этой нижайшей иерархии царства иерархических духов является Созвездие Стрельца, из которого притекают к нам инспирации монадизма». Теперь становится понятным, проясняется и еще одна тайна индивидуальности Волошина – тайна его как духа десятой Иерархии «свободы и любви», начавшего творить свой микрокосм «свободы и любви» через феномен Дома Поэта.

Гения же, или духо-индивидуальность, мы можем назвать индивидуальностью, поскольку она познавательно воспринимает в себя часть макрокосма и мировой мудрости (принцип созвездия Девы), поскольку она в большей или меньшей мере «воплощает» в себе, в своем духовном круге, духовный Универсум, поскольку горизонт ее сознания распространяется над духовным бытием. Очень метко характеризует Николай Гартман этот индивидуальный человеческий дух, могущий стать всеобъемлющим гением: «Он основательно нацелен на все то, что выступает ему навстречу, он в гораздо большей мере мирознание, чем самосознание. В этом состоит его открытость миру, в котором он себя находит. Иначе был бы он замкнут в себе самом. Не то есть дух, что он понимает в себе, а то, что постигает он о мире. Поскольку он сам принадлежит миру, в этом заключено его возможное самосознание. Он есть по сути экспансивное существо, которое, вращаясь в мир, не теряет, однако, себя самое, а скорее формирует и осуществляет себя по настоящему. Посему действительное самопознание также только опосредуется отношением личности к миру» (Там же).

Более высокие Иерархии являются сверхсубъективными, сверхиндивидуальными мировыми и душевными духами, как бы сверхгениями, которые своим духовным взором охватывают гораздо большее мировое содержание, чем это доступно гениальнейшим из людей.

В себе самой живущая душа может распространяться к Всеобщему Духу только по мере того эмоционального интереса, с которым она подходит к окружающему ее миру. А без этих отношений никакое миропознание невозможно.

Чем более преданным становится отношение человека к познанию, тем более преобразуется рефлексивная, просто отражательная способность представления в продуктивную и точную фантазию (имагинацию). Этот любвеобильный интерес, эту душевную преданность другому, это живое перенесение себя в отношение к действительности апостол Павел называл верой. Как посвященный, Павел христианизировал аристотелевскую категорию отношения и несказанно ее углубил. Вера есть орган отношения христианина, она полярна сомнению.

Ныне эта вера на новый лад должна ожить внутри самого познания, и именно как исполненный любви интерес, как самоотверженное исследование, как основное настроение души – благоговение, как доверие мышлению. Чье мышление холодно дистанцируется от вещей и критически взирает на них, тот никогда не проникает в глубину вещей и потому легко подпадает сомнению. Напротив, тот, кто в мышлении развивает эти силы самоотверженности, приходит к целеустремленному, надежному мышлению. Без критической рассудительности не может быть ясных понятий, ясных различий, строгой научности. Без самоотверженности и благочестия в мышлении все мысли остаются пустыми, холодными, безжизненными, абстрактными, теньвыми, недействительными, поверхностными, проблематичными. Без проверки и сомнения не может быть никакой науки, но без самоотверженной преданности немислимы живая созерцательность и плодотворность познания. Блаженство познания неведомо также и тому, кто

не может постичь глубочайшего. Здесь мы еще раз сталкиваемся с полярностью принципов Близнецов и Стрельца.

Если с кристаллической ясностью чистого мышления сочетается живая душевная преданность чувства, определенное благоговение и религиозное тепло, то подобное мышление исполняется художественной фантазией и ведет к живому созерцанию бытия. Некоторые поэты-мыслители владели этим имагинативным мышлением, которое Гете называл «точной фантазией». Именно этот поэтический орган познания, хотя он еще в существенном определен душевно-субъективным элементом чувства и потому еще не является имагинацией в строгом смысле слова, особенно предрасположен к постижению подобного ему – индивидуально-душевного.

Также и здесь действует правило: подобное познается подобным. Только мышление, несущее полноту и полный накал индивидуальных сил, а не тусклая рассудочная рефлексия или просто субъективное чувство может иметь орган для индивидуального. Лишь ярко выраженные личности располагают органом познания для индивидуального дифференцирования и структурирования сверхчувственного. Монадизм имеет дело со сверхчувственными сущностями не в том смысле, что все они имеют нечто общее, а в том, что они различаются по степеням их сознания и соответствующим особенностям внутреннего мира, по степеням их зрелости и силы. Он истолковывает при этом всех сущностей более или менее в соответствии со ступенями душевных способностей человеческого существа.

Принцип монадического иерархического порядка – образ лучника на лошади (прицеливающаяся деятельность внимания). Образное содержание имагинации: более высокая монада, я-монада, восседает на более низкой и управляет ею. Речь идет о несении низшим высшего (человек – Ангел – Архангел и т.д.). Все более высокие монады, опирающиеся на низшие, являются далее импульсаторами, управителями, движителями несущих монад, хотя в некотором отношении они от них зависят, но те испытывают на себе определяющее влияние «восседающих монад». Выражаясь

имагинативно (образно): понукая лошадь, лучник метит в совершенно определенную цель. Космический прообраз импульсации, всякого приведения в действие есть Стрелец. Но как астраломонады мы в равной мере всадники и кони, ибо астраломонады образуют только нижайший член более высоких монад, импульсирующих мировую историю, «восседающих на нас».

Вот как воспринимал Поэт из импульсов созвездия Стрельца свой собственный образ. Это образ «свободного кентавра»:

Для всех людей одни вериги:
Асфальты, рельсы, платя, книги,
И не спасётся ни один
От власти липких паутин.
Но мы, свободные кентавры,
Мы мудрый и бессмертный род,
В иные дни у берега вод
Ласкались к нам ихтиозавры.
И мир мельчал. Но мы росли.
В нас бег планет, в нас мысль Земли!

(1904).

Моральная фантазия является состоянием сознания, благодаря которому человек в связи с вполне сознательной моральной интуицией может созерцать духовные цели, которые нас импульсируют к действию. Однако каждый человек имеет при этом свое особое отношение к духовному миру, свой особый познавательный подход.

Мыслительное движение человека преобразуется в созерцательную силу точной фантазии по мере того, как он развивает в мышлении силы самоотверженной преданности. Фантазия – это представительница царственно-юпитериальной созерцательной способности, или имагинации. Фантазия, стало быть, есть «основной принцип мирового процесса». Сверхчувственный мир есть царство монадических душевных существ, которые через многообразно проявляющуюся силу мировой имагинации образуют упорядоченное мировое целое.

Монадизм исходит от индивидуального единства каждой вещи и существа и приходит к плюрализму, к признанию некоторого множества вещей и индивидуальных существ, которое он опять-таки заключает в конкретное единство. Математизм исходит от множества чувственных вещей и становится монизмом, когда обобщая и умозаключая, восходит он ко все более высоким единствам, пока наконец не достигает Первоединства всего бытия, единого Бога. Однако единства эти остаются абстракциями, не вмещающими всей полноты существ, если математизм не обратится к монадизму.

Исчисляющее, абстрагирующее, суммарно-централизующее мышление деспотически правит во всех областях научной и общественной жизни. Но все же неспособно оно на конкретное и живое постижение многообразия явлений и процессов. Мир и человечество ни в коей мере не являются просто счетными машинами. Многообразие жизненных явлений никогда нельзя абстрактно-монистически свести к одному принципу. Поэтому прежде всего в области социологического мышления необходимо категорически отказаться от количественного и централистского мышления и от абстрактных тенденций к единству. В конечном счете они ведут к бездуховным шаблонам, униформизму и уравниловке. Они уничтожают всякое индивидуальное своеобразие и свободу. На месте централистского мышления надлежит развивать мышление федералистское, которое с пониманием вникает в индивидуальное многообразие различных областей и ветвей социальной жизни и стремится к единству при соблюдении различий, а не к унифицированному абстрактному единству. Просто исчисляющее, централистское мышление необходимо преобразовать в имажинативно-созерцающее. Если через точную фантазию мышление превратится в имажинацию, тогда откроются новые источники познания. Тогда из теней точных понятий человек войдет в световые потоки эфирного мира, в которых духовные импульсы Иерархий возвещают о себе в образных воззрениях. (Недаром Волошин во второй половине 20-х годов говорил, мечтал о

художественной социологии, художественной биологии, художественной ботанике, о художественной геологии!)

Сегодня Центральная Европа от Швейцарии до Скандинавии развила такую светоносную силу юпитериального мышления, что простое мышление в понятиях снова переходит в созерцание в эфирном мире.

Подобно тому как отдельные душевные силы центрированы в Я, так божественным центром сознания всех небесных иерархий является Божественное Я мира, Логос-Христос, Властелин царства Небесных сфер. В образе Иеговы переживали израильты особенный отблеск этого высшего Существа единства. Его имя поэтому – я тот, который Я есмь.

Только те из человеческих душ воистину достигнут бессмертия, которые на Земле через живое отношение ко Христу, вступившему во все человечество, индивидуально оживят в себе христианство. Тогда прозвучит тема апостола Павла: не я, но я, поскольку я воспринял в себя Христа.

Чем в большей мере происходит это преобразование сознания, тем более человек обретает способность познавать Духовные Иерархии. И ему открывается в эфирном мире Существо, Которое некогда явилось Павлу перед Дамаском. Имя Этого Существа «Я есмь». Высшее «Я» человека, пронизанная Христом десятая Иерархия среди других царств небесных воинств, – вот высшая Мистерия Созвездия Стрельца.

Но мы знаем из Духовной науки, что десятая Иерархия – это Иерархия Свободы и Любви, которой человечеству еще только предстоит становиться. И импульс становления этой Иерархии запечатлен у Волошина в образе Второго Пришествия Христа – Эфирного Христа, которое началось на эфирном плане с 1933 года, когда на Земле бушевал ад и силами Зла было сделано все возможное, чтобы отвлечь внимание людей от этого центрального события XX столетия, события, которое будет продолжаться, проявляться на этом плане еще более 2000 лет. Вот образ Второго Пришествия, который творит Поэт из импульсов, даров созвездия Стрельца:

Усталость

*Трости надломленной не преломит
И льна дымящегося не угасит...*

Исаия 42, 3

И тогда, как в эти дни, война
Захлебнётся в пламени и в лаве,
Будет спор о власти и о праве,
Будут умирать за знамена...

Он придёт не в силе и не в славе,
Он пройдёт в полях, как тишина;
Ничего не тронет и не сломит,
Тлеющего не погасит льна
И дрожащей трости не преломит.
Не возвысит голоса в горах,
Ни вина, ни хлеба не коснётся —
Только всё усталое в сердцах
Вслед Ему с тоскою обернётся.
Будет так, как солнце в феврале
Изнутри неволит нежно семя
Дать росток в оттаявшей земле.

И для гнева вдруг иссякнет время,
Братской распри разомкнётся круг,
Алый Всадник потеряет стремя,
И оружие выпадет из рук.

(1915)

3. Телец

Теперь, когда мы характеризовали основные аспекты (импульсы) созвездий Близнецов и Стрельца, их «дары» в жизни и творчестве Волошина (а сама его жизнь, его становление как Великого посвященного русской культуры, – разве не непрерывное творчество?!), мы можем перейти к характеристике другой оси созвездий – Телец и Скорпион-Орел (двойное созвездие), которые с радостью, наперебой, так сказать, «кидались» наделять

своего любимца своими «дарями» (импульсами, свойствами, качествами), коль он так успешно продвигался на своем собственном пути посвящения и вполне сознательно вырабатывал в себе определенные духовно-душевные качества и способности. И тут уже не могло быть и речи о влиянии на поэта двойников этих созвездий (они обычно, так же как и двойники планет, действуют с необоримой силой, когда люди застревают в своих знаках Зодиака на всю жизнь). В случае же с Волошиным истинное «Я» Поэта (то есть то «Я», в котором действует Импульс Христа и само сверхчувственное существо Антропософии) гармонизировало импульсы, влияния, исходящие из его Высшего «Я», то есть из импульсов этих шести созвездий. Более того, через эти шесть созвездий Поэту открывались влияния («дары»), мировоззрения остальных шести созвездий с соответствующими им Духовно-божественными Иерархиями и импульсами из ликов Троицы. Но рассмотрение этих влияний на становление индивидуальности и творчества Волошина увело бы нас слишком далеко. Тут мы приведем только один пример. Три стихотворения из его «религиозно-поэтической науки»: «Она», «Гимн Богоматери» (начало поэмы «Святой Серафим») и «Владимирская Богоматерь» инспирированы созвездием Девы (Софии Премудрости Божьей).

1915–1917 годы были для Поэта во многом переломными годами. Исследователи дружно отмечают, что начиная с 1917 года мы имеем какого-то другого, нового Волошина, существование которого никак нельзя было предположить до 1917 года. Он становится неузнаваемым по грандиозности и масштабам творчества и жизненных деяний. Тайна этой метаморфозы кроется, на наш взгляд, в том, что начиная с 1917 года («Подмастерье»), а точнее, с начала малого апокалипсиса в 1914 году, его пребывания в Дорнахе и встречи со Штейнером – в его жизни и творчестве начинают с особой силой и интенсивностью действовать импульсы (дары), инспирации созвездий оси Телец-Скорпион-Орел (двойного созвездия), и тогда мы имеем неузнаваемого Волошина («Пролог», «Армагеддон», «Два демона», «Усталость» и, наконец, «Подмастерье»). Тогда, уже после 1917 года, мы

имеем его стихи о революции и Гражданской войне, тогда мог поэт спасти белых и красных от расстрела, оставаясь невредимым в эпицентре ада (Феодосия, 1919–1921 гг.). Тогда начало складываться невиданное в европейской поэзии, после «Божественной комедии» и «Фауста», творение – «Путями Каина». Это трагедия не только «материальной культуры», но и творца этой культуры Каина-Фауста. Ведь это же третья часть «Фауста», которую не мог еще написать Гёте, ибо апокалипсис в его времена еще только назревал. У Волошина это трагедия уже ослепшего Фауста, который «...преобразил весь мир, но не себя, // И стал рабом своих же гнусных тварей», – Фауста времен апокалипсиса, уже не видящего, что вытворяет в мире Мефистофель.¹⁰⁷ И это же – драма Фауста-бунтовщика, инспирированного Люцифером, Фауста, еще не пришедшего к Духовной науке эзотерического христианства (в этом отношении показательна поэма «Таноб»). Мы хотели бы здесь подчеркнуть, что речь у Волошина идет именно о Каине-Фаусте европейской культуры, никакого русского Фауста, увы, быть не может... И в своих знаменитых «Русских ночах» Владимир Одоевский выдавал в лице главного героя страстно желаемое за действительное, ибо из «русских мальчиков» могут, скорее, получаться Гамлеты, но уж никак не Фаусты, ибо Фауст – это отнюдь не прообраз русского духа.

И если Фауста у нас трудно ожидать, то зато может быть русский Иов, о чем Волошин самым наглядным образом свидетельствует и в «Путями Каина», и в некотором роде даже в жизни! Фауст, шествующий в наше время «путями Каина», – так увидел этот прообраз европейского человека наш поэт, хотя нигде в цикле он его так и не называет.

Ссылки же на Каббалу, Библию, Метерлинка, Шпенглера – кого еще – тех волошиноведов, которые выискивают, откуда взял поэт те или иные идеи, образы – это, мягко выражаясь, писаревщина в литературоведении,

¹⁰⁷ Впрочем, в XX веке творил в Европе всевидящий и все ведающий «Фауст». Звали его Рудольф Штейнер!

никуда, кроме тупика, не ведущая: материя исследования рассыпается на атомы и микрочастицы и исчезает, и не получается даже «стройного бреда» (см. первый сонет из цикла «Два демона»). А поэт тогда становится просто искусным плагиатором.

И еще: почему нас потрясает изумительная историософия и мощь «Путиами Каина» – этой вершины «религиозно-поэтической науки» Волошина? Потому что, создавая это полотно, поэт получал инспирации (дары) одновременно всех шести созвездий: Близнецов, Стрельца, Тельца и Скорпиона-Орла (двойного созвездия), Рака и Козерога.

Однако возвратимся ко второй оси созвездий его становления и рассмотрим астрософическую характеристику созвездия Тельца, ибо путь посвящения Поэта проходил как бы посередине между созвездиями Близнецов и Тельца – в точку середины их противоположных полюсов, то есть, между Стрельцом и Скорпионом-Орлом.

Созвездие Тельца, согласно Гляйху, инспирирует мировоззрение рационализма.

Разумно-правильное есть одновременно и морально-правильное; прозрение разума есть корень всякого добра. Добро есть вместе с тем и практическое, полезное, требуемое жизнью. Высшим добром является добродетельная сила осуществлять правое из разумного убеждения. Мировоззрение Тельца – мировоззрение истинно-доброе, и оно есть рационализм. Если в ком-либо пробуждается чувство для разума, которому сопутствует истина, совесть, тогда из него говорят не личные мнения, но объективность мирового разума, Божественно-рациональное, Логос. Предпосылкой этого является то, что мы в бескорыстии и любви уходим от суетного тщеславия, от всякого субъективного произвола. Это необходимо также в познании. Только когда познание совершенно бескорыстно и ориентированно морально, тогда-то и может говорить в нас истина и добро творящего Логоса. Поскольку произнесенное слово есть воплощение Духовного Слова (Логоса), выражение Божественного разума,

постольку оно пробуждает также и разум в человеке. Почти перевелись люди, в словах которых живет еще производящая сила, те, кто еще убежден в творческой силе произносимого слова. Но только такие натуры могут быть провозвестниками жизненных истин. Они являются призванными проповедниками и пророками, «рыцарями Духа», остро отточенным мечом слова побеждающими врагов человечества. Гердер – этот классический рационалист в одной из глав своего труда «Идеи по истории человечества» говорит: «Тот, в чьей душе рождаются собственные мысли и чье тело образует себя самое, он, который видит не одними только глазами, но и зрит духом и указывает не одним лишь языком, но душой, Он которому удалось подслушивать Природу в творческой ее мастерской, Он и есть собственно человек, и поскольку является он редкостью, Он, стало быть, бог среди людей... Он говорит, и другие играют с тем, что он вызвал к жизни». Разве это не точная характеристика мистического рационализма Волошина!

Наряду с чувственным представлением и рефлекторно-исчисляющим мышлением, человек одарен способностью непосредственного понимания или узнавания объективных духовных культурных ценностей. Философы ценностей характеризуют эту способность даже как разновидность некоего морального ясновидения, как наполовину инспирированное чувство ценностей или интуитивное созерцание. Существенным в этой способности духа является выход за пределы субъективно-душевного. Силой этого органа человек может стать творцом культуры, когда он «расслышит» некоторые объективные духовные ценности в своем моральном духовном мире и посредством самодеятельной инициативы реализует их в истории.

Человек может как бы физиогномически прочитывать смысл, содержание и ценность культурных достижений. Правда, лишь в той мере, в которой обнаруживается определенная адекватность, родство познающего духа с высказывающейся в культурных достижениях духовностью. Исходя отсюда человек может также понимать качественный язык процессов природы. Он также становится способным к «яснослышательному»

восприятию «зова» тех объективных духовных ценностей истинного, прекрасного и доброго, которые еще не осуществились в культурном прогрессе. Это «яснослышательное восприятие» и «зов» Духовной науки эзотерического христианства – Антропософии, еще только когда она зарождалась.

«Чувство ценностей имеет форму некоторого узнавания (слышания); оно близко первичному смыслу разумного слова. И имело бы смысл понимать практический разум как узнавание (внутренним слухом) ценностей» (Николай Гартман «Этика»).

Ныне, после длительного промежутка времени, когда все духовные инспирации из мира моральных ценностей умолкли и все моральное стало конвенциональным и традиционным, начинается обратное движение. Из морально нейтрального (в лучшем смысле) интеллектуализма и абстрактного рационализма человек постепенно поднимается вновь к полуинспиративному чувствованию ценностей. Но при дальнейшем следовании этой духовной стезей человек созреет до способности инспиративно-творчески порождать величайшие культурные ценности из духовно-морального мира. Культурные ценности становятся действительностью, если имеются человеческие духи, которые их узнают и осуществляют. Это деяние лежит в сфере свободы личности...

Только благодаря особому духовному воспитанию Дух может обрести такую независимость от телесного бытия, которая позволит ему возвыситься яснослышательное чувствование ценностей к полной инспирации, в полноте сознания постигающей те «разумные символы», которые как бы ожидают в сфере мировой нравственности зачатия и осуществление через свободных человеческих духов.

Действительное, конгениальное понимание и оживление культурного достояния прошлого доступно только таким духам, в которых это историческое прошлое индивидуально-жизненным образом внедряется в современность, ибо в одной из предшествующих земных жизней они были

сотворцами тех культурных достижений, которые поэтому адекватны им и которые могут быть ими поняты и возобновлены. Занятие этим прошедшим становится их жизненной потребностью и стимулом к тому, чтобы пробудить его в «живом духе», на более высокой ступени воссоздать прошедшее вновь.

Поскольку как индивидуальные духи они обладают кармическим родством с тем или иным духовным течением прошлого, им доступно внутреннее непосредственное «понимание» культурной объективации прошедшего. Подобное познается только подобным.

Напомним драгоценному читателю, что «яснослышательное чувство ценностей» было в высшей степени присуще нашему поэту, а «действительное, конгениальное понимание и оживление культурного достояния прошлого», когда это прошлое «индивидуально жизненным образом внедряется в современность» было, можно сказать, творческим методом поэта, с помощью которого он пытался понять и осознать современную ему культуру, а также современную ему апокалиптическую действительность. Достаточно вспомнить такие его стихи, поэмы, эссе, как «Руанский собор», «Таиах», «Одиссей в Киммерии», цикл «Алтари в пустыне», «Lunaria», стихи, посвященные Французской революции, «Китеж», «Dimetrius-Imperator», «Видение Иезекииля», три поэмы о русских святых, весь цикл поэм «Путями Каина» и другие, а также эссе «Апофеоз мечты», «Пророки и мстители», «Чему учат иконы» и т. д.)

«Культурное достояние прошлого», то есть высшие ценности древнегреческой культуры, ветхозаветной и евангельской истории, русской истории и культуры, «индивидуально-жизненным образом» вносились Волошиным в современную культуру. Но конкретно это означает, что, воплощаясь в разные эпохи и «проходя» через те или иные духовные течения прошлого, индивидуальность (дух, Высшее «Я») Волошина приобретала кармическое родство с этими духовными, культурными течениями. Отсюда и непосредственное «понимание культурных объективаций прошедшего».

В двух полюсах обнаруживается творческая сила в человеке, физически и духовно, внизу и вверху телесного организма: как сила воспроизводящая и как сила речи. Под этой силой слова подразумевается не только овладение языком в ораторском и поэтическом искусстве, но прежде всего внутреннее слово, морально-разумная творческая сила, которая может творить истинно доброе и прекрасное. Если силы телесного воспроизведения останутся связанными с самоотверженной любовью, из которой они изначально возникли, тогда они заявят себя не только в физической продуктивности, но косвенным образом в продуктивности духовной, усиливая творческие жизненные чувствования и настраивая их к художественной инспирации.

Самоотверженная, бережная любовь Волошина к людям, о которой мы подробно рассказывали в первой части книги, изумительно раскрылась в продуктивности духовной и через силы инспирации дала ему возможность творить в сфере его истинного искусства – теургии, т. е. одухотворения человеческих душ, в чем он оказался среди его современников непревзойденным художником. Вплоть до воздействия, влияния на души... палачей из контрразведок, из чрезвычайек, из кремлевской адской канцелярии его времени.

В этом смысле человек всеми особенно высокими творениями обязан силам созвездия Орла-Скорпиона (о его дарах поэту – речь впереди). Но если эти силы физического воспроизведения отчуждаются от своих духовных истоков и разворачиваются в эгоизме и корысти, то они становятся разрушительными силами. Жизнь и смерть, Орел и Скорпион.

В созвездии же Тельца мы находим прообраз силы слова. Слово, исходящее из уст человека, также является обоюдоострым мечом. На службе самоотверженной любви оно становится духовным прасеменем и первооткрывателем во всякой человеческой культуре. Напротив, на службе самолюбия, эгоизма, оно превращается в «черную магию слова», ужасающие

образы которой показали диктаторы, делается страшной разрушительной властью, проклятием человечества.

Из созвездия Тельца действует та Небесная Иерархия, которую апостол Павел называл Динамис, Силы (Виртутес) или Духи движения. Но это и мужские добродетели (Латинское слово *Dinamis* мы можем перевести также как «добродетели» – «Духи добродетельности»). Динамис являются субстанциональными силами Космоса, с Сущностными Божественными добродетелями, моральными инспираторами. Они пронизывают все Божественные Иерархии сверху донизу. Это те сущности, из природы которых по их образу и подобию возник морально-душевный план человеческого существа – астральное тело. Моральные качества человека находятся преимущественно в астральном теле. Какие же это добродетели? Духовная наука выделяет 12 основных добродетелей, которые способствуют развитию соответствующих им качеств (по месяцам):

	<u>Добродетели</u>	—————>	<u>Качества</u>
Январь	Мужество	—————>	Спасительная сила
Февраль	Молчание	—————>	Медитативная сила
Март	Великодушие	—————>	Любовь
Апрель	Благоговение	—————>	Жертвенность
Май	Равновесие	—————>	Движение вперед
Июнь	Выдержка	—————>	Верность
Июль	Самоотверженность	—————>	Катарсис
Август	Сострадание	—————>	Свобода
Сентябрь	Учтивость	—————>	Тактичность сердца
Октябрь	Удовлетворенность	—————>	Невозмутимость
Ноябрь	Терпение	—————>	Благоразумие

Духи движения представляют в царстве небесных сил центральную Иерархию, действующую в союзе с Духами воли и Духами мудрости (все эти три Иерархии являются Иерархиями Христа). Эта иерархия Духов движения действует преимущественно из сферы Марса. Ей обязан человек, наряду с другими, душевной силой речи, тогда как физический орган речи образован этой Иерархией из региона созвездия Тельца.

Теперь обратимся к индивидуальности поэта. Разве не Духи движения инспирировали его странствия, блуждания, искания, одиночество среди массы друзей и знакомых, близость всем и чуждость всему?! Вечные блуждания, странствия по звездным и земным путям, по мирам идей и мыслей, по «ликам» людей, вещей, явлений, по зонам земной и космической истории. Вот некоторые его «страннические» стихи и поэмы: «Я – вечный жид. Мне люди братья...», «Блуждая в юности извилистой дорогой...», «Как некий юноша в скитаньях без возврата...», «Снова дорога...», «Мы пятый день плывем...», «Опять бреду я босоногий...», «Она», «Выйди на кровлю...» и, наконец, его шедевры из шедевров – «Corona astralis» и «Путями Каина». И вот поистине гётевский девиз поэта, инспирированного Духами движения («Я глазами в глаза вникал...», 1915):

Чтобы вечно сгорать и быть –
Надо рвать без печали звенья.

Но в этом же стихотворении мы имеем гениально приоткрытую тайну взаимодействия Духов формы и Духов движения, тайну пронизания последними – первых, и тайну метаморфозы – той самой – гётевской:

Я стремился чертой и словом
Закрепить преходящий миг...
Но мгновенно плененный миг
Угасает, чтоб вспыхнуть новым.

Я боялся, – узнав, – забыть...

Но в стремлении нет забвенья.

Тогда в жизни, как вечном стремлении, и проявляется ритм метаморфозы, гётевское «Умри и будь»:

Чтобы вечно сгорать и быть—
Надо рвать без печали звенья.

Необходимо здесь также указать на особое объемлющее значение Духов движения (Добродетельности) и для исторической жизни человечества. Они суть инспираторы огромных культурных периодов (эпох). Одаряя человека одушевленным и одухотворенным словом, они дают импульс ко всякому культурному развитию и историческому прогрессу. Они являются теми сущностями, которые инспиративно правят единством семи культурных эпох и самими Духами этих эпох. При этом речь идет о семи связанных с различными уже планетарными сферами Духах движения, которые, как инспираторы величайших духовных течений, действуют через Бодисатв или Великих Посвященных. Этому возвышенному духовно-культурному водительству противостоит другое, исходящее от тех Духов движения, которые отстали в своем развитии. И хотя они находятся в некоторой оппозиции к собственно Божественному водительству, они оказывают великое влияние на исторические события. Это люциферические Духи движения. Вот где – теперь это можно раскрыть – коренится последняя тайна шедевра мировой поэзии – венка сонетов Волошина «Corona astralis». Отсюда и признания этих Высоких Духов: «В нас тлеет боль внежизненных обид» и «Грааль скорбей несем по миру мы».

Из импульса созвездия Тельца выступает нам навстречу учение Будды таким образом, что его можно назвать моральным рационализмом. Манера, в которой Будда возвестил четыре великие истины о страдании, в точности напоминает рассудительно-рациональную манеру Сократа. Ко всестороннему развитию человек придет, учит Будда, по восьмичленной тропе, объединяющей следующие правила: правильное мнение

(представление); правильное решение (суждение); правильное слово (речь); правильный образ действий (поведение); правильная позиция (в жизни); правильные привычки; правильная память; правильное созерцание.

Рудольф Штейнер говорил: «Чем духовнее миры, в которые вступаешь, тем более совпадают моральные законы и то, что для этих миров можно назвать Законами природы». Это совпадение проявляется особенно ярко в мире инспирации, в сфере Духов движения, в которой, с одной стороны, коренятся культурные ценности всех эпох человеческого развития, а с другой – в творческом движении и превращении господствуют духовные праформы, прообразы природы.

Вспомним здесь грандиозную поэму «Космос» – это «портретирование культур», «лики» их высших ценностей, данные через метаморфоз картин мироустройства (космогоний) Древнего Востока, Египта, Древней Греции, Средневековья и Нового времени, а также новейшей абсолютно материалистической картины мира в физике начала XX века. Волошин так определял тему поэмы: «Эволюция космогоний от Кабалы до теории относительности и современной физики».

«Творческое движение, превращение» духовных праформ и прообразов природы особенно чарующе изображено поэтом в стихотворении «Полынь»:

Костер мой догорал на берегу пустыни,
Шуршали шелесты струистого стекла,
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

Ведь эта «душа полыни» – это «праполынь» (гётевское прарастение): поэт поднялся в созерцании на тот уровень сознания, лучше сказать ясновидения, на котором он воспринимает ее горечь, настроение и движение. И далее сам поэт, его Высшее «Я», переживает себя окаменевшей немой Праматерью – землей Киммерией. Он видит себя как её глаза и уста и сопереживает её страданиям. Он видит не только её окаменевшее тело, но и

ее душу, её «духовные праформы», т. е. «прафеномен» (Гете), находящийся в творческом движении и превращении. И тогда возникают три тысячи акварелей его любимой Киммерии.

Но вернёмся к нашей характеристике Духов движения. Смысл, значение, ценность и моральное содержание природы и человеческой истории, – все это, в конечном счете зиждется на Божественном слове, которое высказывается через космические добродетельные силы или Виртутэс (Духов движения), высказывается с созидательной силой, наделяя вещи и события их характером и добродетелями.

Но кто сам творит добро из живого постижения истинного, тот переживает мир с точки зрения подлинного и сливается воедино в инспиративном восприятии ценностей с мировой сферой добродетельных сил.

Если ты засвидетельствуешь силу добра в мире,
То в слове и деле Тельца вершит Истина.

В словах и делах Великого посвященного русской культуры XX века Максимилиана Волошина самым непосредственным образом вершила Истина. И мы это теперь, наконец, можем увидеть, если пожелаем. Но если не пожелаем, тогда, увы, опять прав окажется наш «архискверный» «скорпион» (по созвездию) Федор Михайлович Достоевский: «Мы, русские, прежде всего боимся истины, то есть и не боимся, если хотите, а постоянно считаем эту истину чем-то слишком для нас скучным и прозаичным, недостаточно поэтичным, слишком обыкновенным, и тем самым, избегая её постоянно, сделали ее, наконец, одной из самых редких вещей в нашем русском мире... Таким образом, у нас совершенно утратилась аксиома: что истина поэтичнее всего, что есть на свете, особенно в самом чистом своём состоянии; мало того, даже фантастичнее всего, что мог бы награть и напредставлять себе повадливый ум человеческий. В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический» («Дневник писателя», 1873). Поэтому-то, добавим мы от себя, она и воспринимается здесь в основном в

поэтической, художественной форме, поэтому-то «Поэт в России больше, чем поэт».

Слишком долго и упорно мы, по своей слепоте, симпатиям и антипатиям, обломовщине и инфантилизму, сну разума обставляли себя со всех сторон самыми различными, конечно же, часто навязанными нам кумирами, имеющими весьма относительное отношение к Истине или вообще его не имеющими. Но вот теперь наконец появилась возможность, увы, совпавшая со временем так называемой «свободы слова и мнений», то есть со временем, когда прекращается свобода мысли, – возможность узреть (хотя бы для немногих, на путях духовных поисков), узнать деяния того духа в русской культуре, кто имел прямое и действенное отношение к Истине, то есть являл Её собой на пути своего посвящения, в самой своей жизни и в творчестве свидетельствуя о Ней через любовь, добро, красоту.

Именно Истина, являемая как Путь и Жизнь (особенно на Руси), может теперь действенным образом встать на пути еще невиданного Зла и метаморфизировать его в добро. Но святость в наши дни без понимания Истины, без понимания Зла нашего времени, без Духовного знания, без эзотерического христианства – это подготовка стада овец для Великого Инквизитора. Святость в будущем, если она не желает быть беспомощной перед Злом, должна становиться Путем Посвящения – христианского посвящения.

Тут читатель мог бы возмутиться и спросить: а как же тогда быть с дивными поэмами Волошина «Святой Франциск», «Святой Серафим», «Протопоп Аввакум», «Сказание об иноке Епифании»? Ведь их Волошин творил из импульсов, инспираций созвездия Тельца (а точнее на оси Телец-Орел, откуда исходят инспирации Святого Духа), то есть того региона звездного неба, Созвездия как грандиозного духовного существа, где коренятся и через которое открывается, как пишет в своём труде Гляйх, «инспирированное чувствование ценностей» – не только будущих, но и отошедших эпох. И в данном случае «лики» этих высочайших духовно-

душевных ценностей переданы поэтом через «лики» прошлого, ну а сами духи святых в каждую эпоху, если они решают воплощаться, имеют уже другие лики и миссии. Эти поэмы Волошина, конечно, можно и следует переживать глубинно – всей душой и духом. Тогда мы сами убеждаемся, что нет более прекрасного и высокого для русской души явления святости, чем явление великого русского святого – Святого Серафима Саровского – этого Духа Любви, стоящего ближе всех ко Христу и Богородице. Но когда так вот, с помощью «созерцающей способности суждения», а не грезящим сознанием переживаешь эти поэмы, то становится ясным, что этот путь одухотворения души принадлежит уже прошлому (надо в этом только самому убедиться), когда души народа были еще младенческими (ощущающими), а зло еще пребывало вот в таких, сентиментальных формах:

Бес уныния приходит в полдень
И рождает беспокойство духа,
Скуку, отвращение, зевоту,
Голод и желанье празднословить.
Гонит прочь из кельи, точно хворост
Ветрами носимый, иль внушает:
То почистить, это переставить,
Ум бесплодным делая и праздным.
Бес вечерний сердце жмет и тянет
Горестной, сладимой истомой,
Расстиляется воспоминаньем,
Соблазняет суетою неизжитой.
Бес полунощный наводит страхи,
Из могил выходит мертвецами,
Шевелится за стеной, стучится в окна,
Мечет вещи, щелкает столами,
На ухо кричит, колотит в двери,
Чтоб отвлечь сознание от молитвы.
Бес же утренний туманит мысли
Теплым телом, манит любострастьем,
Застилает мутным сном иконы,
Путает слова и счет в молитвах.
.....
Русский бес паскудлив и озорист,
Но ребячлив, прост и неразумен.
Ибо плоть славянская незрела

И не знает всех глубин гниенья.

(«Святой Серафим»)

Конечно, эти бесы и нынче, как говорится, пребывают в добром здравии и веселии. Эти бесы, – как бы это выразиться, чтобы насмешить драгоценного читателя, – «славянофилы» что ли. Но теперь-то бес пошел еще и совсем другой. Они теперь «западниками» «американцами» заделались и нашпигована ими Русь в высших, так сказать, эшелонах власти до отвала. Попробуйте-ка молиться за нашу чиновничью, мафиозную фауну – пустое! «Ни молитвой её не проплавить, ни любовью не растопить...», – как выражался наш Поэт, правда, о Руси в ее темном лике в целом. Во времена Волошина, который имел обыкновение, когда надо было, молиться за палачей, те еще работали грубо и примитивно – все через расстрелы и ГУЛАГ – потому в чем-то в определенный момент «слабинку» проявляли, мягкотелыми становились, и тогда удавалось поэту выцарапать некоторые жертвы из их лап. А вот нынче палачи пошли – крепкий орешек, без всяких «слабинок»: эти «новые российские палачи» все через свои, нужные им и их заокеанским покровителям, спонсорам, «реформы» да наркотизацию всей страны в самом широком смысле (как метаморфоз электрификации) – своих целей добиваются. И попробуйте-ка молиться за гайдаров, чубайсов, березовских, абрамовичей, кудриных, фрадковых, ясиных да грефов... Увы, вы только убедитесь, что они уже, так сказать, неуязвимы для молитвы стали. Не тот палач пошел. Даже преподобный Серафим только и мог бы сказать им то, что он сказал, согласно легенде, некоему декабристу, когда тот захотел к нему приблизиться: «Иди откуда пришел!» Так что здесь уже начинается прерогатива действия не святости, а михаэлитов и манихеев... Вспомним, что еще Достоевский посылал своего Алешу Карамазова в мир, а не в келью. Ну, а в миру, мы согласны с вами, дорогой проницательный читатель, следует искать свой собственный путь к Духу, ко Христу-Богу... А пока горький опыт школы жизни на Руси нам все не впрок.

И тут нам не остается ничего другого, как приоткрыть драгоценному читателю эзотерические аспекты деяний духов препятствий, действующих как на Западе, так и на Востоке, духов, которые в значительной степени способствуют формированию зловещих ситуаций (социальных, психологических, культурных) на Западе и Востоке таким образом, чтобы не дать осуществиться правомерному духовно-божественному водительству человечества в Духе времени. В цикле лекций 1920 г. «Новая духовность и переживание Христа в XX столетии» Рудольф Штейнер так характеризует деятельность этих духов препятствий: «В духовном развитии нового времени все стремится к тому, чтобы возвысить индивидуальность: индивидуальность на Западе – на западный манер, на хозяйственный манер; индивидуальность в Середине – на ставший ныне антикварным государственно-политически-милитаристский манер; индивидуальность на Востоке – на антикварный манер старой духовности, пришедшей в полный упадок. Из духовного мира вносится это и будет внесено благодаря тому, что как на Западе, так и на Востоке – скажем пока только об этих двух областях – наступят исключительные, глубоко значительные события. Они будут заключаться в том, что там родится множество людей, по крайней мере сравнительно много людей, нерегулярного хода перевоплощений».

«Выступающее перед нами как человек в человеческой форме не всегда может быть тем, что являет внешняя видимость. Внешняя видимость может быть именно видимостью. Нам могут встретиться люди в человеческой форме, которые лишь по внешней видимости являются людьми, подлежащими постоянно повторяющимся земным жизням. В действительности это человеческие тела – физические, эфирные и астральные тела, – но в них воплощены другие существа, которые пользуются людьми, чтобы действовать через них. В действительности это обстоит так, что, например, на Западе имеется большое число таких людей, которые по сути являются не перевоплощенными людьми, они представляют собой носителей существ преждевременного пути развития, которые лишь в

более поздней стадии развития должны выступить в человеческой форме... В современных людях действует, я бы сказал, совершенно другая духовность. И особую задачу составляет способность занять позицию по отношению к жизни с этой точки зрения. Не следует абстрактно верить, что бесчисленное число людей вообще подлежит перевоспложению».

«Имеется три вида существ подобного рода действующих в системе обмена веществ, в ритмической системе и в нервно-чувственной системе...

Первый вид существ не позволяет выделиться такой хозяйственной жизни, которая в социальном организме поставила бы себя самостоятельно рядом с государственно-правовой и духовной. Второй вид существ развивает поверхностность, фразерство, ложь: они не хотят возникновения рядом с хозяйственной жизнью самостоятельной демократической государственной жизни. И третий вид существ, подавляющих индивидуальные способности... работает против эмансипации духовной жизни».

«Третий род существ, действующий на Земле, ставит себе задачу заставить человека забыть о том, чем являются его индивидуальные способности, которые мы приносим с собой из духовного мира, входя через зачатие и рождение в физическое бытие, – и человека сделать более или менее шаблоном его индивидуальности. Это составляет особую задачу третьего вида этих духовных существ: не позволять человеку придти к индивидуальной духовности... Этот последний род существ инкарнирует через головную систему, через нервно-чувственную систему на Западе... Я мог бы сказать, что хозяйственная жизнь составляет то основание, почву, из которой может произрасти подобное. И что же, собственно, за задачу ставят себе эти существа тотально? Они ставят себе задачу всю жизнь свести к хозяйственной жизни, искоренить постепенно все другое, что пребывает здесь, исходя из духовного мира, и именно там, где жизнь особенно подвижна, ужать её в абстрактности пуританизма, искоренить духовную жизнь, постепенно притушить политико-государственную жизнь и все высосать через хозяйственную жизнь. На Западе эти люди, выступающие

таким образом в мире, собственно, и являются врагами и противниками импульсов социальной трехчленности».

«Восточный человек, вплоть до России, находится в своеобразном раздвоении, поскольку, с одной стороны, он все еще живет в наследии старого спиритуального элемента, а с другой – на него воздействует всё то, что в современную эпоху входит в человечество как тренировка индивидуальности. Этим обусловлен сильный декаданс человечества на Востоке, то, что человек там, в определенной мере, не может стать полностью человеком, что на шее у него сидит, у этого восточного человека – вплоть до России, – духовное наследие прадревних времен. Этим обусловлен тот факт, что когда у этого восточного человека сегодня притухает сознание, когда он спит или видит сны или приходит в одно из очень частых на Востоке медиумических состояний, то он и не может взять в свою телесность, как на Западе, другое существо, но это существо может действовать в его душевном и определенным образом являться ему. В то время как на Западе имеются три вида преждевременных существ, на Востоке действуют запоздалые существа, достигшие своей зрелости, полноты в прошлом, но отставшие, которые теперь в медиумическом состоянии, во сне являются людям на Востоке или приходят и без сна и медиумизма, просто благодаря тому, что входят в сон, а в бодрственном состоянии инспирируют человека, то есть, человек днем переживает последствия действий, произведённых этими существами в нем ночью.

И опять-таки, есть три вида таких существ, что действуют на Востоке и обладают сильным влиянием. В то время как на Западе можно прямо указать на отдельных людей, через которых инкарнируют эти существа, на Востоке приходится указывать на некий род иерархии, которая может являться различным людям. Опять-таки, речь идет о тройках существах, но это не такие существа, что инкарнируют через человека, но они являются человеку, инспирируют его после ночного сна.

Первый вид этих существ мешает человеку полностью овладеть своим физическим телом, мешает человеку соединиться с хозяйственными, с внешними отношениями современности вообще. Это существа, желающие удерживать от развития хозяйственную жизнь, какой она должна быть в трехчленном социальном организме. Второй вид существ такой, что он хочет внести уже сверхиндивидуальную суть, некий род – если выразиться парадоксально – неэгоистического эгоизма в крайне рафинированной форме, часто встречающийся у людей на Востоке, в силу которого человек вырабатывает всевозможное бескорыстие, самоотречение, но это бескорыстие оказывается рафинированным эгоизмом. Такие люди хотят стать столь хорошими, каким только может быть человек. Это также эгоистическое чувство. Это нечто такое, что можно выразить именно парадоксально: неэгоистический эгоизм, из *бескорыстия* *проистекающий эгоизм*. Третий вид существ, являющийся людям на Востоке, стремится духовную жизнь удержать вдали от Земли, он распространяет среди людей некую душевную мистическую атмосферу, которую теперь особенно можно встретить на Востоке.¹⁰⁸

¹⁰⁸ А теперь, драгоценный проницательный читатель, позвольте Вас немного развлечь и позабавить, напомнив Вам, что с прекрасным описанием подобных существ, точнее самого высокого из их Иерархии, хорошо знаком каждый школьник на Руси (т. е. Вы тоже, читатель: ведь были же и Вы в юные Ваши годы, смеем предположить, школьником или школьницей):

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои

Эти три вида существ, действующие из духовного мира не инкарнированы в людях, и они являются врагами трехчленного социального организма. Трехчленность "зашнурована" с духовной стороны на Востоке и с человеческой стороны на Западе».

«На Востоке имеются ведущие личности, которые стоят под влиянием имажинативно являющихся существ прошлого и исполняют то, что хотят внести эти существа в современное культурное развитие»¹⁰⁹.

Из этого описания манеры действий духов препятствий проницательный читатель мог бы сам при случае и при желании узреть массу конкретных примеров в истории, в культуре Руси, подтверждающих это духовное исследование Великого христианского посвященного XX столетия. (Что же касается понятия «трехчленного социального организма», то мы коротко уже рассказывали о нем выше в связи с социальными взглядами Волошина. О социальном учении Рудольфа Штейнера – то есть о социальной

Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
"Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Ну и как, драгоценный читатель? Мы всё-таки смеем надеяться, что, хотя некоторые из вас и были в свое время томимы духовной жаждой, но не настолько же, чтобы с Вами могло произойти такое вот происшествие, что ничего такого ужасного, непоправимого в смысле этого стихотворения, что никакого нападения на вас со стороны подобного существа (даже во сне), вроде описанного поэтом, так и не произошло, и вы пребываете в добром здравии и трезвом уме и не собираетесь «глаголом жечь сердца людей» даже на Руси, а не то чтобы где-то там за морями-океанами. Ведь иначе о Вашей несанкционированной деятельности стало бы сразу известно, и Вами заинтересовались бы весьма компетентные органы по обе стороны известного океана... Но нас в данном случае интересует другое: неужели познакомившись пристально с этим шедевром русской поэзии, Вы, драгоценный читатель, по-прежнему станете третировать доктора Штейнера, доктора не только философских наук, но творца Духовной науки, как беспочвенного, злого фантазера и выдумщика? Ведь он вряд ли был хорошо знаком именно с этим произведением русского поэта и строил на нем свои «выдумки». И тут же напрашивается другой вопрос: не был ли автор данного стихотворения в некотором роде стихийно, неосознанно посвященным, нет, не в современное ему масонство, а в более глубокие уровни бытия?

¹⁰⁹ Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штейнера. Т. 2. С. 88–89.

трехчленности – читатель может узнать подробнее в книгах и циклах лекций Штейнера, которые издавались в России в 90-е годы XX столетия. Можно только подчеркнуть, что в наше время со стороны социологов, историков, экономистов, юристов игнорировать это учение – значит способствовать социально-экономической и культурной катастрофе Европы и России – не более и не менее!

На бесперспективность обращения в настоящую эпоху к прежним, традиционным источникам духовности и на научную необходимость современной духовно-научной работы Рудольф Штейнер еще в 1912 году особенно энергично указывал русским последователям антропософии на встрече с ними в Гельсингфорсе: «... все духовные импульсы прошлого, все, что могло быть дано людям в прошлом из духовных импульсов, исчерпано, понемногу изживает себя и не может уже вносить новые зачатки в развитие человечества. Если бы продолжали действовать только старые импульсы, то ныне наступило бы, быть может, не только торжествующее над людьми (торжествующее во внешнем смысле), но просто оглушающее доминирование, преобладание чисто внешней техники и гибель всякого религиозного, научного, философского, художественного, а также в высшем смысле нравственного интереса – ибо все это уйдет из человеческой души. Люди сделались бы своего рода живыми автоматами, если бы сегодня не пришли новые духовные импульсы, человечество нуждается в новых импульсах».¹¹⁰

Что ж, это «непредвидимое» теперь наступило и «гибель» под воздействием ариманической техники «всякого религиозного, научного, философского, художественного, нравственного интереса в душе человека» произошла в таких масштабах, что уже, кажется, приобрела необратимый характер, ибо души, особенно в последнее десятилетие, перестают воспринимать «новые духовные импульсы» – они уже основательно встроены в люциферически-ариманическую (виртуальную) культуру. Но

¹¹⁰ Штейнер Р. О России. С. 9–10.

работать на разрушение такой, с позволения сказать, «культуры» теперь (вот она гегелевская «ирония истории») начинают уже духи третьего лика зла – азуры. Но не будем тут пугать драгоценного читателя (он нам действительно дорог: прочтет нашу книгу и вдруг вдохновится идеями из своего собственного Высшего «Я» и начнет действовать, а не только писать книги, глядишь, и зарницы Ренессанса начнут озарять нашу тьму египетскую). А что касается азуров, то при жизни Волошина они еще только, так сказать, начинали свою «карьеру». В наши же дни «идеология» этого третьего лика Зла весьма талантливо выражена в некоторых произведениях Александра Дугина («Русская вещь», «Философия войны») и Эдика Лимонова («Другая Россия»).

4. Скорпион-Орел

А теперь нам пора переходить к характеристике противоположуса созвездия Тельца – к двойному созвездию Скорпиона-Орла.

Прообраз божественной крепости или силы, могущества и власти, но также и жажды власти и ярости уничтожения мы находим в направлении созвездия Орла-Скорпиона. В нем правит звезда войны – Ant-Ares – Антарес (Контр-Марс). Это главная звезда в созвездии Скорпиона. По-гречески Skorpizein означает расчленять, разрывать, разрушать. Динамизм – мировоззрение, инспирируемое силами созвездия Скорпиона. Всюду, где волевые силы чувственно-инстинктивного эгоизма оказывают влияние на мышление, оно с неизбежностью становится субъективно-произвольным, неустойчивым, насильственным. Тогда мышление усваивает склонность третировать истину как ему заблагорассудится. Поэтому антигуманизм и нигилизм являются практическими жизненными следствиями динамизма. Механистическое мировоззрение убивает сначала (для познавательной способности) все живое, душевно-качественное в мире и, наконец, также и

душевное в силах человека. После того как у нашей способности представления отнимаются все ценности и все великолепие феноменального мира, неизбежно гаснет и сознание ценностей внутреннего мира, сознание моральной сущности и достоинство человека. Так действует ужасное жало скорпиона. Это и жало Аримана.

Вспомним еще раз сонет из «религиозно-поэтической науки» Волошина, посвященный этому Демону:

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер — небес и поднебесья,
Я гений числ. Я счётчик. Я глава.

Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни — здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я — инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопля. Я в зёрнах мака.
Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака!

(1915)

А вот как описывает поэт из инспираций созвездия Скорпиона космос современной науки — тот самый «призрак истин», который этот демон (Ариман) «сплавил в стройный бред»:

Всё относительно: и бред и знание.
Срок жизни истин: двадцать-тридцать лет
Предельный возраст водовозной клячи.
Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости, ни смысла тяготенья,
Ни масс планет, ни формы их орбит,
На вызвездившем небе мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера».

Нет вещества — есть круговерти силы;
Нет твердости — есть натяженье струй;
Нет атома — есть поле напряженья
(Вихрь малых «не» вокруг большого «да»);
Нет плотности, нет веса, нет размера —
Есть функции различных скоростей.
Всё существует разницей давлений,
Температур, потенциалов, масс;
Струи времен текут неравномерно;
Пространство — лишь разнообразье форм;
Есть не одна, а много математик;
Мы существуем в Космосе, где всё
Теряется, ничто не создается;
Свет, электричество и теплота —
Лишь формы разложения и распада,
Сам человек — могильный паразит,
Бактерия всемирного гниенья.
Вселенная — не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть — только случай
Посреди необратимых струй,
Бессмертья нет, материя конечна.
Число миров исчерпано давно.
Все тридцать пять миллионов солнц возникли
В единый миг и сгинут все зараз.
Всё бытие случайно и мгновенно,
Явленья жизни — беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознанье — вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Пролет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную метель.
.....
Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнания.

В наши дни этот «стройный бред» «граней незнания» ни в чем существенном не изменился (о чем, кстати, убедительно свидетельствуют недавние ночные научные тусовки академика Сергея Капицы на четвертом канале телевидения, собирающего светил нашей науки на свои интервью). Да и не мог этот научный бред по существу измениться, какие бы удивительные

открытия ни делались в самой науке (не в интересах этого Демона метаморфизировать такую картину мира и его эволюцию в истинную). Она становится лишь все более материалистической – на сей раз оккультно-материалистической (в смысле инспирируемого созвездием Скорпиона мировоззрения динамизма).

Еще один из последних представителей благородной гуманистической философии XIX – начала XX вв. Герман Гримм глубоко ощущал нечто постыдное и недостойное человека в картине мира небесной механики, которая изглаживает из Универсума и жизнь, и душу, и дух.

Но продолжим характеристику этого динамизма далее. Сначала от динамизма исходит сильный импульс к разворачиванию свободной и сильной личности, но его последствия ведут к уничтожению свободы «Я». Личностный принцип в динамизме оборачивается гипериндивидуализмом, а принцип свободы – произволом, и оба упраздняют себя. (Вспомним здесь судьбу и творчество Ницше.) Последний теоретический принцип динамизма – это железная необходимость во всяком механическом протекании природных процессов, а его последнее практическое следствие – нигилизм, который вызывает к жизни тотальное всевластие государства, в котором с железной необходимостью гибнет всякая индивидуальная свобода.

А теперь – подарок проницательному читателю и государственнымникам всех мастей – волошинский «гимн» государству (из «Путями Каина») и, как нам кажется, в первую очередь – российскому. А комментарии тут, как говорится, излишни, особенно, если мысленно пробежать по нашей истории XX века, да и начала XXI. Ведь видит и судит этот феномен «тотального всевластия» (и импульс созвездия Скорпиона за ним проступающий) наш Поэт как настоящий библейский пророк, свыше право имеющий:

Государство

Из совокупности
Избытков, скоростей,
Машин и жадности
Возникло государство.
Гражданство было крепостью, мечом,
Законом и согласием. Государство
Явилось средоточьем
Кустарного, рассеянного зла:
Огромным бронированным желудком,
В котором люди выполняют роль
Пищеварительных бактерий. Здесь
Всё строится на выгоде и пользе,
На выживанье приспособленных,
На силе.
Его мораль — здоровый эгоизм.
Цель бытия — процесс пищеваренья.
Мерило же культуры — чистота
Отхожих мест и ёмкость испражнений.

2

Древнейшая
Из государственных регалий
Есть производство крови.
Судья, как исполнитель Каиновых функций,
Непогрешим и неприкосновенен.
Убийца без патента не преступник,
А конкурент:
Ему пощады нет.
Кустарный промысел недопустим
В пределах монопольного хозяйства.

4

Фиск есть грабёж, а собственность есть кража,
Затем, что кража есть
Единственная форма
Законного приобретения.
Государство
Имеет монополию
На производство
Фальшивых денег.
Профиль на монете
И на кредитном знаке герб страны
Есть то же самое, что оттиск пальцев

На антропометрическом листке:
Расписка в преступлении.
Только руки
Грабителей достаточно глубоки,
Чтоб удержать награбленное.
Воры,
Бандиты и разбойники — одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

5

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного —
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступлению.
Поэтому парламентским вождём
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное —
Ей надо
Людей практических,
Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трёх сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.

6

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.
Она готовится
Из грязного белья
Под бдительным надзором государства
На все потребности

И вкусы и мозги.

.....

Из патентованных наркотиков
Газета
Есть самый сильнодействующий яд,
Дающий наибольшие доходы.

7

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами,
В чём,
По существу, нет разницы.
Но каждый
Дорвавшийся до власти сознаёт
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.
Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
Активом террора
Покрыть пассив усобиц,
Так революция,
Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гарроты
Сжимает туже шейные хрящи.
Благоннадёжность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор —
Вот достижения
И гений революций!

(1922)

Нельзя поддаваться опасной иллюзии, что там, где доминируют
воззрения выродившегося в нигилизм динамизма, не будут снова и снова

предприниматься попытки осуществить его в действительности как государственный принцип. Тогда радикальное зло возымеет самые большие шансы во всемирно-историческом масштабе.

Идея распыления Бога – это типичная идея Скорпиона, и физическое самоубийство есть удостоверение этого мировоззрения смерти. И Ницше говорил о том, что Бог умер. И сегодня это является убеждением миллионов людей.

Стоит ли какая-либо истина за этим мировоззрением? Древняя мистериальная мудрость указывает, что даже в подобных воззрениях мы имеем дело с истиной, хотя и болезненно искаженной и радикально односторонней. То, что как истина лежит в основе столь трагической мысли, – это воззрение на мировую драму Бога в его мировом творчестве, которая была убеждением посвященных древних мистерий.

«Не в чем ином заключалась эта драма, как во спасении зачарованного Бога. Где Бог? Вот вопрос, который ставил в душе своей мист. Бога нет, но есть природа. В природе надо обрести Его. В ней нашел Бог свою зачарованную гробницу. В высшем смысле понимал мист слова: "Бог есть любовь". Ибо Бог довел эту любовь до ее высшего предела. В бесконечной любви Он пожертвовал собой; Он излил себя; Он раздробил себя в многообразие вещей: они живут, а Он не жив, Он покоится в них. И человек может пробудить Его. Если он хочет вызвать Его к бытию, он должен творчески освободить Его. Теперь человек смотрит внутрь себя самого. Как сокровенная творческая сила, еще лишенная бытия, действует в его душе божественное. И есть в его душе та область, где может вновь ожить зачарованное божественное. Душа есть мать, которая от природы может зачать божественное. Пусть душа оплодотворится природой, и она родит божественное. Оно рождается от брака души с природой. И тогда Оно уже больше не "сокровенное", а явленное божественное. Оно обладает жизнью, жизнью ощутимой, обитающей среди людей. Это расколдованный дух в человеке, Отпрыск зачарованного божественного... Отец покоится в

сокровенном; для человека из собственной его души рождается *Сын*. Тем самым мистическое познание является реальным событием в мировом процессе. Оно есть рождение Отпрыска Бога, – событие столь же действительное, как и любое природное событие, но только на высшей ступени».¹¹¹

Тем самым обозначен переход от темных смертельных аспектов динамизма (как мировоззрения Скорпиона) к его сокровенным жизненным высям. Позади темного созвездия Скорпиона мы можем предчувствовать в самых возвышенных духовных высях Орла (созвездие евангелиста Иоанна).

Если динамизм поднимается к этим высочайшим высям, то из него родится следующее знание: все проявления волевой крепости и творческой силы в природе и человеке, телесные и духовные, сила воспроизведения и сила художественно-творческая, все то суть лишь различные уровни манифестации первотворчества Мирового Художника, божественного Мирового Зодчего, Первоотца, в сокровенном живущего.

Но сей «первый принцип», как говорил Бёме, творчески открывается в принципе втором, в Сыне, в Слове, или Логосе. В этой особенности Его Существо открывает Евангелист Иоанн (Орел): «В начале всех начал было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Как высоко также и это творческое Существо вознесено над всем остальным: в Нем пребывает через Слово божественное бытие человека, Макро-Антропос. Поэтому имеется единственное имя, косвенно указывающее на это Существо, имя человека: Я есмь, который есмь Я, который был Я и который будет Я.

Он, Творец, есть Первожизнь. Посему это также Отец, который воскрешает Сына из смерти. Орел – подходящая для такой космической силы имагинация.

Но высшее творчески умирает в мире. И с того момента угрюмый господин смерти Ариман тщится целиком завладеть миром, превратить его в

¹¹¹ Штейнер Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991.

мертвый механизм слепых, холодных, безжалостных сил. На эту реальность указывает другая астральная имагинация того небесного направления – Скорпиона с его смертоносным ядом. Соответственно этой двуполярности имеются один темный, смертельно опасный для культурной жизни человечества аспект динамизма, но также – и другой аспект, аспект воскресенья.

Двое из просветленных Двенадцати (Бодисатв) содейали величайшее для развития человечества, для развития добра и для преодоления зла. Один за несколько столетий до рождества Христа Иисуса, Спасителя мира, а другой несколько столетий спустя. И оба образуют полярность – Гаутама Будда, первоучитель нравственности, и Мани или Манес, преодолитель зла путем его преобразования в силу добра, в добро как силу.

В 272 году по Рождеству Христову Мани, выступивший против декаданса жречества сассанидских «заратустрианцев», отвергавших Солнечного Духа Христа, был распят на кресте в Гондишапуре в Персии.

Перед духом этого Великого посвященного вставала грандиозная перспектива духовно-морального развития. Хотя в Христе Иисусе светлый Солнечный Дух соединился с померкшей звездой Земли, все же в будущем часть человечества подвергнется опасности последовать не за Христом, а за Ариманом. Под влиянием ариманической власти в изживании чувственно-эгоистических инстинктов и холодной интеллектуальности эта человеческая группа разовьет совершенно невероятные силы, в особенности в сфере низшей личности. Но это зло может и должно быть преобразовано в «добро-силу», которое превзойдет то добро, которое в беге времени проистекает из следования моральным импульсам Гаутамы Будды. Ученичество Мани и было посвящено этой цели. Тот, кто присоединится к нему, в отдаленном будущем станет обладателем прямо-таки магически действующих сил в направлении добра. Единственно таким образом возможно будет воздействовать на падших в радикальное зло людей, чтобы отвратить их от Аримана и сделать сильнейшими служителями Христа. После того как люди

этого рода чрезвычайно усилят свои душевные силы в последовательном развертывании зла, они могут преобразовать их в наиболее могущественные силы добра. Таким образом, в человечестве станет действовать «сила-добро» (сильнейшее добро).

И тут встает вопрос, где же у Волошина мы можем найти импульсы манихейства, хотя бы в виде ростков. Импульсы манихейства в жизни поэта мы находим в его удачных попытках духовной работы с палачами: представителем (начальником) белой контрразведки и представителем (председателем) большевистской Чрезвычайной комиссии в Феодосии во время Гражданской войны, когда надо было спасать от расстрела знакомых и друзей, попавших в беду (об этом мы подробно писали в I части книги). Конечно же, Волошин не мог ставить задачи радикально преобразить души этих палачей. Но духовное влияние на них он оказал все-таки существенное: они отпустили тех, за кого просил поэт или кого он вычеркивал из списков приговоренных к расстрелу (каждого десятого).

И здесь, на наш взгляд, уместно выразить наше недоумение по поводу интерпретации, которую дает этим драматическим эпизодам из жизни поэта один современный и весьма тонкий критик-юнгианец, ставя эти деяния Волошина ему... в вину. Вот как разворачивает он эту «мифологему» «вины» поэта, а точнее, дискредитацию его деяний в связи со спасением многих людей от расстрела и вообще его жертвенной установки на манихейство.

«В чаду тех лет М.Волошину ниспослано было испытание»¹¹². Далее критик цитирует В. П. Купченко: «В 1921 году, знакомый с председателем ЧК 3-ей дивизии, Волошин покорила комиссара. Настолько, что тот предложил поэту просматривать списки осужденных и вычеркивать тех, за кого он может поручиться: по одному из каждой партии. Разумеется, Максимилиан Александрович принял это предложение»¹¹³.

¹¹² Лютова С. Марина Цветаева и Максимилиан Волошин: эстетика смыслообразования. М., 2004. С. 170–172.

¹¹³ Купченко В. П. Жизнь Максимилиана Волошина. Документальное повествование. СПб., 2000. С. 239.

Далее С. Лютова пишет: «По данным В. Купченко, просматривая один из таких чекистских списков, Волошин был вынужден поручиться за самого себя, увидев свою фамилию».

Но в том-то и дело, что никаких конкретных документальных данных у В. Купченко на этот счет не могло быть (иначе он, как добросовестный исследователь биографии поэта, сослался бы на них). Но можно предположить, что Волошину, коль скоро он вошел в доверие и даже «покорил» комиссара, не было нужды «ручаться за самого себя» и самому вычеркивать себя из расстрельного списка. Он мог только указать на свое имя в этом списке, и комиссар его имя мог просто вычеркнуть. А остальных (ходили и такие слухи) Волошин мог вычеркивать с завязанными (закрытыми) глазами. А если же это было не так и он вычеркивал имена, согласно условию, глядя в списки, то естественно, что родственники и знакомые других, не вычеркнутых им, если до них доходили слухи о такого рода выборе Волошина, питали к нему, понятное дело, весьма недобрые чувства (в чем, кстати, признавался и сам поэт). Но карму такого выбора Волошин сознательно брал на себя и нес как свой крест. В этом и состояли его, так сказать, практические шаги в направлении его будущего манихейства.

Естественно, что наш критик-юнгианец ничего такого не хочет знать, он совершенно глух к Духовной науке эзотерического христианства (а ведь только с ее помощью можно приблизиться к истинному, глубинному пониманию деяний Волошина). Он (то есть она) увлеченно строит свои домыслы и спекуляции о, так сказать, «договоре» поэта с Дьяволом, о «вине» и «муках совести» Волошина, основываясь на «данных» (!?) Купченко: «Не стал ли этот договор, обросший легендами и, вероятно, преувеличениями, который М. Волошин («разумеется»?) заключил, критической точкой, моментом истины, экзистенциальным пределом – проверкой на практике этического принципа преодоления зла посредством принятия? Тем самым, что спасает "одного из" (но как упустить такой шанс?!), спаситель

собственноручно подписывает смертный приговор остальным. Тем страшнее, если "одним из" назначает себя (но кто бы не?!).

Выбор был дан и сделан. Соблазн выбора не отвергнут, ответственность (неизбежного) злодеяния принята на себя. Философ-экспериментатор Волошин сознательно заразил себя бациллой зла, как "трихинами" революции себя – его Россия.¹¹⁴ Но преобразилось ли зло, освящено ли было в нем самом? Ответ на этот частный вопрос есть решение вопроса о состоятельности Руси-мессии, по Волошину...»

Так пишет С. Лютова в том же тексте. Что ж, не слабо лютует автор с такой «говорящей» фамилией, ставя вопрос таким образом! И ответ наш таков: Волошин взятое им в себя зло – преобразил. Что же касается преобразования «его России», то тут наш критик-юнгианец явно торопится: нужен срок, не сравнимый с жизнью даже нескольких поколений, – см. волошинское «Благословение».

А далее этот критик – госпожа Лютова – подводит под, так сказать, «муки совести» поэта философское и психоаналитическое обоснование. И, казалось бы, красноречиво и убедительно на первый взгляд подводит (но так и хочется сказать: «Аркадий, не говори красиво»): «"Момент истины", экзистенциальный кризис – может быть, одна из масок творческого мгновения, что пугают людей прошмыгнувшей аполлинической мышью. Такое мгновение, как мы помним, – вне времени. И вне морали. Задачи, которые оно ставит, не имеют правильного решения. Но любое решение их всегда имеет последствия – экзистенциальные, если бы только бытийные!

В порядке бытийных последствий можно рассматривать потребность в сеансах психоанализа, которые Волошин прошел в 1926 году. Затем чрезмерно усилились невротические симптомы, М. Заболоцкая (когда-то не

¹¹⁴ Увы, у автора этого текста нет возможности без духовной науки понять, что такое жертвенное «заражение» России «трихинами революции» сознательно происходило на высочайшем духовном плане, на уровне Духа народа с его согласия, а не просто, не только на уровне обычного физического сознания людей, ее населяющих. На этом уровне над ними ставили свой ариманический эксперимент англо-саксонские черные оккультные круги. Но ведь для критика существуют лишь юнговские «архетипы» бессознательного, а не какие-то там Духи народа или оккультные круги.

чуждая психиатрии), волевым решением прекратила лечение "Маси". А ведь психоанализ шел успешно (????!! – Г. П.) и необычайно стремительными темпами! "Неврастения – вовсе не болезнь, в 1911 году написал Волошин, – вовсе не признак вырождения – это мучительное состояние духа, беременного новыми силами. Как только эти силы находят себе исход – неврастения прекращается"». ¹¹⁵

А затем критик на наших глазах из, можно сказать, утонченного юнгианца превращается в правоверного, ортодоксального фрейдиста. Он бесцеремонно трактует сон, описанный Волошиным в «Истории моей души» ¹¹⁶ как неотразимое доказательство «злодеяния, принятого на себя» поэтом и не преобразованного в добро. Вот отрывок из описания сна Волошиным: «...Херсонес. Из какой-то ямы вынимают ряд перебитых черепов. Как будто бы слова матери: "Хорошо бы достать цельный". Воспоминания – ближайшее о той пещере вблизи Херсонеса... Образ фигуры, заслоняющий вход в пещеру, <...> напоминает того мужчину из детского сна, который ведет за руку мальчика и девочку, а потом стреляет в них... Пещера – это подвал развалившегося очень старого дома. <...> Фигура у входа как будто мужская, смотрящая вниз на меня... <...> Странная, растущая сонливость, глубокий сон, наступающий ежеминутно. Делаем перерыв занятий на 10 дней». ¹¹⁷

А вот фрейдовский психоанализ этого сна: «Тут подросла Маруся, оберегла сон, убаюкала усталое сердце Макса, отогнав Фрейдových (или Сартровых?) мух. "Хорошо бы достать цельный"... "Хорошо бы достать цельный"... череп. Хорошо бы достать еще цельный череп... из того списка!» То есть: хорошо бы достать еще цельный череп из того расстрельного списка за счет простреленного черепа нашего поэта. Таковы плоды «творческого» применения психоанализа нашим юнгианцем!

¹¹⁵ Лютова С. Марина Цветаева и Максимилиан Волошин: эстетика смыслообразования.

¹¹⁶ Волошин М. История моей души. С. 240–250.

¹¹⁷ Там же.

И этим психоаналитическим трюком критик пытается перечеркнуть самую манихейскую установку поэта на «принятие зла в себя». Даже задает риторический вопрос: «Но преобразилось ли зло, освящено ли было в нем самом?» Но ведь все творчество и деятельность Волошина после 1921 года и до его кончины в 1932 году являют нам процесс успешного преобразования зла, взятого им в себя. Но если что-то и осталось непреобразенным, то Волошин понимал, что этот остаток возможно преобразить в следующих воплощениях, о чем наш такой умный и эрудированный критик не смеет даже и подумать. Он не доверяет и пронзительным, вещим словам поэта, предлагающего всего себя в жертву Высшим силам.

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести огня и вод?

Апокалиптическому Зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и смраде – верю!

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!»

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало:
«Господи! Вот плоть моя».

(1921)

Однако все-таки спросим себя, зачем согласился Волошин на сеансы психоанализа вообще? Очевидно, тут имеется не одна причина. И это не обязательно его «самоупреки» в отношении его «выборки» из расстрельных списков 1921 года, но и мучительные отношения с матерью, сложные отношения с любимыми им женщинами, или, наконец, интерес к новому, модному в России в те годы течению в психологии. Нам важно здесь другое.

Представитель Софии в ее материнском (на эзотерическом уровне – манихейском) аспекте, он и это модное тогда духовное течение зла – фрейдовский психоанализ (вспомним слова нашего критика: «Затем чрезмерно усилились невротические симптомы») – *принял в себя*, и его – этот психоанализ – в себе в конце концов преобразил через духовную работу, страдания, творчество, наконец, через непосредственное общение с Софией (в лике иконы Владимирской Богоматери – но об этом ниже).

Да, конечно же, были периоды, когда поэт переживал «мучительные состояния духа». Но они, как писал Волошин, были «беременны новыми силами». И эти силы до самых последних лет не покидали поэта, находили себе исход в творчестве космоса свободы и любви (Дом Поэта). И «мучительные состояния духа» (неврастения) обычно отступали без сеансов фрейдовского психоанализа (в те годы – середина, конец 20-х годов психоанализ в России не мог никого приводить к душевной гармонии и просветлению, да он и не был создан для этого). Другое дело, что в последние годы жизни (1929–1932) поэт переживал «мучительное состояние духа», но не из-за неврастения или из-за того что якобы вычеркнул себя из расстрельных списков вместо кого-то другого (такое понимание «вины» Волошина навязывает нам критик своей интерпретацией его сна), а из-за той ситуации, которая складывалась в стране в то время (ситуации прихода к власти сатанинских сил и выступления предсказанного им «цезаризма») – ситуации, которая грозила ему и многим не согласным с тиранией (это он прекрасно понимал) – уничтожением, но не просто через расстрел, как в гражданскую войну, а через муки лагерей, пытки и надругательства.

Предчувствуя такой поворот событий, Волошин в 1929 году обращает свой духовный взор и свое творческое душевное внимание к иконе Владимирской Богоматери, и через нее его духовный взор его устремлен к «теплой заступнице мира холодного» («Молитва» Лермонтова) к «Светлому лику Премудрости – Софии», а в грядущем – «Лику самой России» («Владимирская Богоматерь»). И здесь, в этом стихотворении мы имеем

пророческое предчувствие, предвидение Волошина – предвидение той роли Заступницы и Утешительницы, в которой Богородица выступила на Руси за пытаемых и истязаемых, когда начала являться им, облегчая их страдания (наряду с явлением Эфирного Христа) в небе над соловецким концлагерем и другими лагерями ГУЛАГа в конце 20-х – начале 30-х годов, когда там происходили чудеса, в том числе и связанные с воскрешением из мертвых. (Волошин еще не знал об этом, а нам предстоит еще узнать в ближайшие годы кое-что об этом особом секторе ада на земле и заступничестве Богородицы.)

Так обстоит дело с пугающим критика-юнггианца моментом «принятия зла в себя» и «преобразования и освящения его в себе» у Волошина, если не морочить голову читателям психоанализом, «архетипами коллективного бессознательного» и «экзистенциальными последствиями выбора».

Это все касается «претворения зла» в аспекте личностного манихейства поэта. Но наш критик дерзает приписать Волошину еще и «вину» выбора, сделанного другими, весьма известными фигурами в русской истории: «Кто знает, не пугающий ли момент «принятия зла в себя» поэтом Волошиным предопределил (вспять) неизбежный выбор, сделанный Владимиром – Иоанном – Борисом – Гришкой – Стенькой – Петром – Емельяном... – и снова Владимиром – всем, по определению Волошина, «революционным русским самодержавием» (там же). Но такой дешевый финт не имеет никакого отношения к Волошину как великому посвященному русской культуры в аспектах Манихейства и Антропософии. А перечисленные критиком в данном пассаже фигуры никакого отношения не имели к посвящению в эзотерическое христианство, но были в основном одержимыми силами зла. И вот таким образом принципиальная установка Волошина на манихейство (то есть на «принятие зла в себя» и его претворение в добро) дискредитируется юнггианским критиком. Как говорится, что и требовалось доказать. Но юнггианство и эзотерическое христианство (то есть – истинное Манихейство, Антропософия и истинное

Розенкрейцерство) – несовместимы! Да и на большее, чем анализ «психологических типов», «компенсаторных механизмов», «архетипов коллективного бессознательного» (отнюдь не на всю глубину и высоту индивидуальности!) юнгианство не может претендовать по своей *экзотерической* природе.

Есть и еще несколько явных и потрясающих свидетельств манихейских импульсов у Волошина. 19 декабря 1917 года в письме Аделаиде Герцык поэт пишет: «Я живу очень уединенно и очень в работе: только так можно целиком противопоставить себя совершающемуся во внешнем мире. Нельзя ничего видеть и понимать, находясь в кипении событий. А действительность можно заклинать только пониманием...

Внутренняя мысль все время сосредоточена только на одном: на алхимии зла. Какой комбинацией понимания и чувства можно зло превратить в чистое золото? Но об этом не могу говорить, это чувство, это состояние, а не мысль».

И еще: одной из своих корреспонденток поэт 26 января 1918 года дает совет: «Не надо отрицать плоть, а надо понять смысл ее. Ради нее мы воплощены. Не отринуть, не презирать, а собою ее преобразить, просветлить, спасти. Не бежать от греха и порока, а идти ему навстречу в самом себе, побеждать не отрицанием, а любовью. (Кстати, здесь уже речь идет не о метаморфозе идей, прообразов, а обликов! – Г. П.) Подумайте о смысле слов: "Кто захочет спасти свою душу – погубит, а кто погубит – тот спасет". Отнесись ко злу в мире внешнем или внутреннем как к добру, и оно преобразится в добро. В этом таинственная алхимия души».

В приведенных таинственных словах Волошина как раз и сокрыта, на наш взгляд, его «самотайна», о которой писала Марина Цветаева в очерке «Живое о живом». И эта тайна действительно глубже его розенкрейцерства и антропософии (то же упоминала Цветаева), ибо эта тайна уходит своими корнями в манихейство будущей шестой послеатлантической (Славянской) культуры.

Из импульса своего манихейства Волошин гениально вскрывает тайну судьбы Льва Толстого в одноименной статье: «В обстоятельствах смерти Толстого даны указания, по которым можно найти эти первоисточки: то, что круг безопасности не был разомкнут для Толстого и самую смертью, указывает на то, что причина этого не только была, но и пребывала в нем. Причина эта лежала в отношении его к тайне Зла на земле. А отношение это выражено в толстовском учении о непротивлении.

Зло Толстой понимал крайне просто и верил в то, что существует какое-то одно средство против всякого зла и что стоит только людям условиться применить его всем вместе, и зла не станет.

Формула всемирного исцеления от зла проста: не противься злу, и зло не коснется тебя.

Толстой провел ее в своей жизни последовательно и до конца. И ужас в том, что все исполнилось буквально. Как только он перестал противиться злу, как тотчас же вокруг него замкнулся круг благополучия и безопасности. Сразу притупились все жала зла, которые могли бы быть направлены против него. Образовалась безопасность, подобная непереносимой безбольности парализованного члена тела, когда больной вскрикивает от радости при первом ощущении боли.

Чем можно объяснить этот не христианский, а чисто магический эффект, столь сходный с третьим искушением Христа, вдруг возникший от буквального применения евангельских слов?

Мне думается, что причина здесь лежит лишь в одностороннем понимании слов: "не противься злу". Если я перестаю противиться злу вне себя, то этим создаю только для себя безопасность от внешнего зла, но вместе с тем и замыкаюсь в эгоистическом самосовершенствовании. Я лишаю себя опыта земной жизни, возможности необходимых слабостей и падений, которые одни учат нас прощению, пониманию и приятию мира. "Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее". Не противясь злу, я как бы хирургически отделяю зло от себя и

этим нарушаю глубочайшую истину, разоблаченную Христом: что мы здесь на земле вовсе не для того, чтобы отвергнуть зло, а для того, чтобы преобразить, просвятить, спасти зло. А спасти и освятить зло мы можем, только приняв его в себя и внутри себя, собою его освятим.

Толстой не понял смысла зла на земле и не смог разрешить его тайны. И потому сбылось с ним по слову Писания: "Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя..."».

Наконец, следы манихейства проступают в двух стихотворениях Волошина, которые должны возмутить всякого благочестивого, благочинного и благонравного читателя. И действительно, детям до 28 лет, да, может быть, и другим категориям лиц, например, со слабой нервной системой, мы не рекомендовали бы заглядывать в эти два текста поэта – опасно, вредно и губительно для наивных, младенческих душ может это оказаться. Это стихотворения «Иуда апостол» и «Мир знает не одно, а два грехопаденья...».

Иуда апостол

И когда приблизился праздник Пасхи,
В первый день опресноков в час вечерний
Он возлёт за трапезу — с ним двенадцать
В горнице чистой.
Хлеб, преломивши, роздал:
«Это тело Моё, сегодня в жертву приносимое.
Так творите».
А когда окончили ужин,
Поднял Он чашу.
«Это кровь Моя, за вас проливаемая.
И рука прольющего между вами».
Спор возник между учениками:
Кто из них больший?
Он же говорит им:
«В этом мире цари первенствуют:
Вы же не так — кто больший, будет как меньший.
Завещаю вам Своё царство.
Сядете судить на двенадцать тронов,
Но одним из вас Я буду предан.

Так предназначено, но предателю горе!»
И в смущеньи ученики шептали: «Не я ли?»
Он же, в соль обмакнув кусок хлеба,
Подав Иуде
И сказал: «Что делаешь — делай».
Тот же, съев кусок, тотчас же вышел:
Дух земли — Сатана — вошёл в Иуду —
Вещий и скорбный.

Все двенадцать вина и хлеба вкусили,
Причастившись плоти и крови Христовой,
А один из них земле причастился
Солью и хлебом.
И никто из одиннадцати не понял,
Что сказал Иисус,
Какой Он подвиг возложил на Иуду
Горьким причастием.

Так размышлял однажды некий священник
Ночью в древнем соборе Парижской Богоматери
И воскликнул:
«Боже, верю глубоко,
Что Иуда — Твой самый старший и верный
Ученик, что он на себя принял
Бремя всех грехов и позора мира,
Что, когда Ты вернёшься судить землю,
И померкнет солнце от Твоего гнева,
И сорвутся с неба в ужасе звёзды,
Встанет он, как дымный уголь, из бездны,
Опалённый всею проказой мира,
И сядет рядом с Тобою!
Дай мне знак, что так будет!»

В то же мгновенье
Сухие и властные пальцы
Легли ему на уста. И в них узнал он
Руку Иуды.

(1919)

Пересказывая легенду об Иуде Собора Парижской Богоматери, Волошин излагает радикальное еретическое воззрение секты каинитов, для которых Иуда был «самым сильным, чистым и самым посвященным из всех учеников Христа» (ибо своим предательством, – без которого невозможна

была жертва Христа, – именно он «принял на себя грехи мира»). В 1907 году Волошин обращается к этой трактовке образа Иуды в незаконченной статье «Евангелие от Иуды» (1908), а также в статье о творчестве Леонида Андреева «Некто в сером», связывая «нравственную проблему, скрытую в личности Иуды», с современностью.

И тут мы должны подчеркнуть, что мы не можем солидизироваться с этой точкой зрения на Иуду, не можем принять ее (хотя бы потому, что мы антропософы, а не каиниты). Действительную тайну Иуды раскрывает нам не каинистский миф об Иуде, а Рудольф Штейнер: «Ариман воспользовался Иудой Искаротом... Лишь со стороны, где действовал Иуда, можно было подступить к Христу Иисусу... Нашелся один, который предоставил себя в услугу Ариману и который действительно только из-за одних денег пришел к предательству. Христос Иисус был связан с Иудой из-за того, что случилось при искушении... – Он не знал, что только на Небе человеку не нужны камни (деньги) для хлеба. И поскольку Ариман оставил это жало, то и произошло предательство. А затем Христос еще должен был пройти через господство смерти, поскольку Ариман есть господин смерти. Такова связь истории искушения и Мистерии Голгофы с предательством Иуды» (Рудольф Штейнер. Пятое Евангелие).

Штейнер подчеркивает, что «Иуда только из-за одних денег пришел к предательству». То есть никаких более высоких мотивов у Иуды не было. Он оказался слепым орудием Аримана...

Теперь перенесемся на минуту в наше время и место и оглянемся вокруг. И вот, как говорится, «здесь и теперь» мы могли бы, если мы не ослепли, увидеть, как творится эта «мистерия Иуды», мистерия Скорпиона, мистерия предательства из-за одних денег: предательства со стороны сотен тысяч чиновников всех рангов и мастей, предательства интеллектуалов, которым нет дела до высших духовных ценностей культуры, до эзотерики культуры.

Об этом страшном предательстве пророчески писал еще Пушкин в 1824 году, можно сказать, предвидя нашу «катастрофку»:

И горд, и наг пришел Разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет свободы,
И им поверили народы.
И безразлично в их речах
Добро и зло, все стало тенью –
Все было предано презренью,
Как ветру предан дольний прах.

Здесь Поэт очень точно называет три столпа предательства: Разврат; борьба за власть и злато. Предательство в грандиозных масштабах у нас стало свершившимся фактом, и теперь на его фоне разворачивается второй, более смертельный для нас, чем даже первый, эксперимент над нами (о нем мы уже писали)...

Но нам не следует забывать вещице слова из медитации Штейнера «Доверие»: «Будьте уверены: то, что происходит, должно происходить. И последствия этого в каком-либо из направлений будут положительными». То есть Божественно-духовные Иерархии попытаются претворять зло в добро и помогать человечеству преодолевать все три искушения Христа в пустыне.

Предательство, о котором шла речь, – это жало Аримана. Оно связано с искушением «превращать камни в хлеба», которое человечество до сих пор не могло преодолеть. Но для преодоления этого искушения (предательства из-за денег) человечеству в XX веке дана была Антропософия с ее учением о социальной трехчленности. И если люди проигнорируют предложенный спасительный путь, то наступят тяжелые времена (прообраз которых дан в 13 главе Евангелия от Марка).

Но если мы не можем принять в отношении Иуды позицию поэта, то мы можем хотя бы попытаться ее понять – через его гностический, манихейский импульс, как позицию, имеющую отношение к двойному созвездию Скорпиона-Орла. Иуда – Скорпион по знаку Зодиака. Но манихейский импульс, инспирируемый Орлом, призван метаморфозировать и спасти падшее созвездие Скорпиона и, следовательно, в конечном счете, скорпиона

Иуду (хотя здесь и требуется помощь импульсов из созвездий Девы и Рака). Отсюда эта установка Волошина, который воплощает ее через легенду и воззрения на Иуду секты каинитов. Возможно, что в одном из своих прошлых воплощений Волошин соприкасался каким-то образом с этой сектой или даже был ее членом. Недаром и его центральное произведение – цикл поэм об эволюции человечества носит название «Путями Каина», где вся послеатлантическая история человечества разворачивается сквозь призму мифологемы Каина.

В заключительной части лекции «Пути Эроса» (1906 г.) Волошин так раскрывал свое видение, свою позицию в отношении Иуды – на начальном этапе осмысления:

«Христос — это меч, пронзивший бездну звездную и бездну человеческую в одно мгновение от заката до восхода мира. В этот момент луч божества, погасший на дне праматери-материи, засветился и стал восходить к Богу.

Древнее обетование креста исполнилось во Христе.

Эрос — Христос — это восхождение человечества к своей предвечной прародине.

Но рядом с человеком Христом стоит человек Иуда.

Рядом с жертвой Христа подвиг Иуды. В этом указание и великий символ.

Христос — Эрос. Иуда — материя.

Иуда – охранитель и собиратель. Но он становится высшим среди двенадцати, самым мощным, самым посвященным из Апостолов. Божественный Агнец должен быть заклан на Алтаре рукою жреца, и рука эта должна быть чиста и тверда.

"Один из вас предаст Меня" — это не упрек, а вопрос: кто из вас примет на себя бремя заклания? И каждый из Апостолов робко спрашивает: "Не я ли, Господи?" Тогда Христос обмакивает хлеб в соль, что обозначает передачу своей силы, и дает Иуде.

Иуда выходит из собрания Апостолов, приняв на себя подвиг высшей жертвы и высшего смирения.

Вся гордость, мудрость и мощь законов, образующих и живящих материю, в лице Иуды принимает на себя великую жертву уничижения, смирения и позора, ибо подвиг Иуды – в его позоре и поругании.

Иуда должен предать Христа, чтобы Христос мог умереть и воскреснуть.

В каждом человеке живет Христос и Иуда, и в каждом человеке Иуда приносит в жертву Христа, плоть предаёт Эроса, и только благодаря ей Эрос – Христос может воскреснуть. Поцелуй любви — поцелуй Иуды Христу.

Человечеству предстоит понять и принять подвиг Иуды: высшее смирение физической природы перед преступлением, перед грехопадением, во имя единения в духе, во имя Эроса — Воскресителя, во имя Христа.

Прими причастие Иудино – кусок хлеба, омоченного в соль, и исполни, что задумал»¹¹⁸. Страшные слова поэта-каинита. Впрочем, в стихотворении, которое будет завершено через тринадцать лет, позиция поэта несколько иная, о чем говорят финальные строки. В конце стихотворения можно узреть, что ответа на просьбу к Иисусу о знаке, подтверждающем правоту священника Собора Парижской Богоматери в его оправдании Иуды, Иисусом не было дано. Вместо этого священник получил знак от Иуды – призыв к молчанию.

Что касается второго «скандального» стихотворения Волошина, то тут, можно предположить, выступает самая крайняя установка манихейства: уже не на спасение Иуды (что там Иуда!), а на спасение самих Дьявола и Сатаны. Держу пари, драгоценные читатели, что мало кто из Вас об этом задумывался. Наш же поэт задумался над этим в сентябре 1919 (!) и вот что получилось:

Мир знает не одно, а два грехопаденья:
Грехопаденье ангелов и человека.

¹¹⁸ Волошин М. Пути Эроса. (Мысли и комментарии к Платонову «Пиру»). В кн.: Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. II т. СПб., 1999. С. 33–34.

Но человек спасен Голгофой. Сатана же
Спасенья ждет во тьме. И Сатана спасется.

То, что для человека сотворил Христос,
То каждый человек свершит для Дьявола.
В мире дело идет не о спасеньи человека,
А о спасеньи Дьявола. Любите. Верьте.

Любите Дьявола. Одной любовью
Спасется мир. А этот мир есть плоть
Страдающего Сатаны. Христос
Распят на теле Сатаны. Крест — Сатана.

Воистину вам говорю: покамест
Последняя частица слепого вещества
Не станет вновь чистейшим из сияний,
«Я» человека не сойдет с креста.

Зло — вещество. Любовь — огонь. Любовь
Сжигает вещество: отсюда гарь и смрад.
Грех смраден потому, что в нем огонь любви.
Где нет греха, там торжествует Дьявол.

И голод, и ненависть — не отрицанье,
А первые ступени любви.
Тех, кто хотят спастись, укрывшись от греха,
Тех, кто не горят огнем и холодом,
Тех изблюю из уст Моих!

(1919)

О том, что Сатана обратится к Богу и будет спасен, учил раннехристианский мыслитель Ориген. Но у Волошина подчеркивается решающая роль человеческой Любви в спасении Дьявола и Сатаны. Волошин здесь четко проводит разницу между этими двумя существами (читатель уже знает, что в эзотерическом христианстве это соответственно Люцифер и Ариман). Строку «Где нет греха, там торжествует Дьявол» следует понимать так, что Люцифер, носитель безблагодатного света, желал бы видеть человека моральным автоматом, у которого нравственность не вырабатывается собственными усилиями из противостояния злу, из свободы

и любви, а происходит из послушания и подчинения авторитетам и традиции, различным люциферическим духам.

Здесь следует отметить, что именно сквозь призму импульсов созвездия Скорпиона-Орла (с его центральной звездой – Антаресом) Волошин изображает начало апокалипсиса XX века: Первую Мировую войну, русскую революцию и гражданскую войну («Пролог», «Армагеддон», «Мир», цикл «Усобица», «Благословение», «Таноб» и «Война» из «Пути Каина», поэма «Россия», эссе «Пророки и мстители», «Россия распятая», «Русская бездна» и др. Наши комментарии к некоторым из этих произведений см. выше, во второй части книги).

Лики высоких Иерархических духов, инициирующих апокалипсис, изображены в стихотворениях «Пролог» и «Армагеддон». В первом это Вестник, призванный «пасти мир жезлом железным», ибо «все прорастающее в мире // Давно завершено внутри». Мир не может далее развиваться без войн, потрясений и катастроф, так как люди и их правители не воспринимают импульсов Духа времени. Поэту же дано быть «причастным творческому замыслу Драматурга» (Волошин «Россия распятая»). Вот как звучит у Поэта-пророка пролог к апокалипсису XX века (его же прообраз – Апокалипсис Иоанна Богослова, чье созвездие – Орел).

Пролог

Андрею Белому

Ты держишь мир в простёртой длани,
И ныне сроки истекли...
В начальный год Великой Брани
Я был восхищен от земли.

И, на замок небесных сводов
Поставлен, слышал, смуты полн,
Растущий вопль земных народов,
Подобный рёву бурных волн.

И с высоты непостижимой
Низвергся Вестник, оку зримый,

Как вихрь сверлящей синевы.
Огнём и сумраком повитый,
Шестикрылатый и покрытый
Очами с ног до головы.

И, сводом потрясая звездным,
На землю кинул он ключи,
Земным приказывая безднам
Извергнуть тучи саранчи,
Чтоб мир пасти жезлом железным.

А на вратах земных пещер
Он начертал огнём и серой:
«Любовь воздай за меру мерой,
А злом за зло воздай без мер».

И, став как млечный вихрь в эфире,
Мне указал Весы:
«Смотри:
В той чаше — мир; в сей чаше — гири:
Всё прорастающее в мире
Давно завершено внутри».

Так был мне внешний мир показан
И кладезь внутренний разъят.
И, знаньем звёздной тайны связан,
Я ввержен был обратно в ад.

Один среди враждебных ратей —
Не их, не ваш, не свой, ничей —
Я голос внутренних ключей,
Я семя будущих зачатий.

(1915)

Позиция поэта, выраженная в последнем четверостишии, – это ведь импульс созвездия Орла в чистейшем виде. Но именно в связи с импульсами этого созвездия встает вопрос, какими же силами зло может быть преобразовано в силу-добро? Ведь здесь речь идет не об искоренении зла, но о его преобразовании, и не только в себе, но и в других. Это должны быть в лучшем смысле магические силы, то есть силы мощные, почти всемогущие.

В первую очередь речь может идти о целительно-магических силах искусства, но искусства высокого, инспирированного.

Искусство является целительно оправданной магией. Ибо оно зачаровывает дух в веществе и расколдовывает погрязшие в чувственном эгоизме, скованные земным человеческие души. С другой стороны, магия является первоискусством, высшей из всех духовных способностей. По преданию, Манес, основатель манихейства, о котором речь шла выше, был художником...

Что присуще «высокой» культуре? Ей чуждо тщеславное отображение собственной ограниченной субъективности в произвольных озарениях, так как она представляет собой бескорыстное откровение сокровенных тайн мирового и человеческого бытия. О ней, рассматривая в Италии произведения греческого искусства, Гете сказал: «Все произвольное, надуманное отпадает. Это необходимость, это Бог». Разумеется, такая необходимость не тождественна механической необходимости природы! Зачаровывая дух, искусство пробуждает к жизни мертвое вещество. Оно одушевляет, одухотворяет, возвышает, проясняет все чувственно-наглядное, все вещественное. Оно преобразует вещества и вещи чувственного мира так, что мы учимся в них духовно воспринимать чувственно-моральные качества красок и тонов, по-новому оценивая их и наслаждаясь ими. Волшебная власть искусства перемещает даже мертвое царство минерального в царство действительной свободы, когда оно из вольной художественной интуиции напечатлевает ему знак божественной необходимости. Акварели Волошина ярчайший тому пример.

Если высокое искусство уже сегодня может быть магическим, исцеляющим, преображающим души, то насколько возрастет эта сила, когда в будущем художественная инспирация будет развиваться все сознательнее и сознательнее. Такая перспектива вставала перед духовным взором Рудольфа Штейнера в те дни, когда, работая в первом Гётеануме, он сам создал нечто великое в изобразительном искусстве. «Напрасно люди, – говорил он в те

дни, – возлагают надежды на устранение преступности и аморальности посредством внешних мер и организаций: настоящее преобразование зла в добро в будущем будет состоять в том, что истинное искусство будет посылать в души и сердца людей эти целительные духовные флюиды».

Здесь нам хотелось бы немного пофантазировать. Представьте себе на миг, драгоценный читатель, что в клубных залах наших исправительных учреждений (а они не должны походять на камеры пыток и издевательств, походять на ад на земле) – такие залы должны быть там непременно – висели бы на стенах добротные репродукции с акварелей Волошина, а на вечерах художественной самодеятельности заключенных читались бы волошинские стихи и поэмы о России и эссе «Русская бездна», наряду со стихами Есенина, Высоцкого и других поэтов. Конечно, это не всех преступников проймет, но уже заинтересует, затронет их сердца – это точно. И кто знает, какой переворот к лучшему мог бы произойти в душах многих из них...

Как объяснить, что искусство способно осуществлять подобные магические чудесные действия? Чувственный эгоизм есть корень всякого зла. Не стремление к самостоятельности является злом, а только стремление к чувственности. Высокое искусство воздействует на душу так, что оно глубоко волнует и властно возвышает самочувствие и творческую силу художника или зрителя (слушателя), но при этом усиленное самочувствие одновременно проникается несокрушимой уверенностью: это объективно-истинное, что возвещает художник и что высоко возносится над всякой субъективностью и произволом. Если он создает именно такое произведение, – это «необходимость – это Бог!» (это и есть основа эстетики «религиозно-поэтической науки» Волошина, эстетики, о которой мы вели речь и которую подробно характеризовали в первой части книги).

Этот непосредственный, глубоко захватывающий опыт освобождает душу от оков чувственности, от ее произвольной субъективности, одухотворяет чувственную самость и возносит ее в более высокий и чистый мир, в котором стремление к усилению самости является не злом, но благом

и даже необходимостью. Только внутри чувственного бытия и по отношению к нему стремление к возвышению, расширению и усилению самости (именно как чувственной самости) является злом. Но кто хочет с полным сознанием вступить в духовный мир, тот должен в духовном направлении работать над усилением и повышением сил своего бытия. Не умерщвление плоти, – ослабляющий метод, а усиление духа – «укрепляющий метод» (Новалис) является, так сказать, методологией работы. Ибо лишь потому, что мы слишком слабы, чтобы выдержать непреодолимо-могущественную творческую силу божественно-духовного мира, мы сознательно заслоняемся перед его зрелищем или даже боимся признать его реальность.

Но если, благодаря переживанию высокого искусства, самость усиливается, повышается и одухотворяется таким образом, что внутри чувственного переживает сверхчувственный мир как укрепляющую жизненную силу, тогда сила самостности из праисточника зла преобразуется в силу творчески созидать добро. Высочайшее искусство – магия мудрых!

Это путь, на котором темная и смертельная форма динамизма преобразуется в свою светлую, пробуждающую жизнь противоположность. Через «действительную волевою силу» и «пробуждение искусств», как предчувствовал Ницше, динамизм может стать большим благословением для человеческой культуры, ибо он может быть метаморфизирован через Святой Дух, исходящий из созвездия Орла. Это – аспект Орла и характер воскресения динамизма нашего времени. Нечто от этого характера воскресения несет в себе «магический идеализм» Новалиса. Здесь высшее искусство как магия мудрых претворяется в высокую жизнь познания. То была глубокая трагедия Ницше, что он не смог раскрыться импульсам Орла. В русской культуре импульсам Орла в высшей степени был открыт Волошин.

Телец – созвездие силы Слова (языка, речи). Орел – созвездие творческой силы.

Эта духовная сила морального не могла бы развернуться, если бы Христос не преодолел смерть. С той поры стало возможным импульсы

Скорпиона претворять в импульсы Орла. Охваченный этими силами Воскресения, Лазарь-Иоанн написал свое Евангелие – Благовествование Орла и Апокалипсис.

Из импульсов созвездия Орла Волошин пишет свои поэмы о святых «Святой Франциск», «Святой Серафим», «Протопоп Аввакум», «Сказание об иноке Епифани» и из двойного созвездия Скорпион-Орел свой, так сказать, русский апокалипсис, с которым мы уже познакомили читателя.

Из чистейших импульсов созвездий Тельца и Орла написаны Поэтом «Подмастерье», «Поэту», «Доблесть Поэта», «Дом поэта». Первое – своего рода поэтический «символ веры» Поэта, его путь посвящения, который мы кратко характеризовали в первой части книги в связи с эстетикой его «религиозно-поэтической науки»:

Когда же ты поймешь,
Что ты не сын земле,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду – и в тварях, и в вещах – томится
Божественное Слово...
Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума –
Вселенную Свободы и Любви, –
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

5. Рак

Рассмотрим теперь третью ось зодиакальных созвездий, которая также имеет непосредственное отношение к Высшему «Я» Волошина (к становлению его индивидуальности и творчеству). Это ось: Рак – Козерог, то есть ось последующая (после оси Близнецы – Стрелец).

В труде Гляйха дается эзотерическая, то есть духовная характеристика этих созвездий.

Звездная мудрость древности ведала еще и то, каковы космические силы, которые ведут все сущности через рождение в материальное бытие. Еще в манихействе Созвездие Рака называли вратами рождения, через которые души с небес сходят в инкарнацию. Из этого зодиакального направления действуют импульсы, ведущие к пространственному бытию.

Рак есть созвездие, прообраз всякой материализации или рождения существа в пространстве. Но нам следует сказать еще и о других вратах рождения. Физиологически – это материнская утроба, но духовно – это сфера Луны, микрокосмическим эквивалентом которой является материнская утроба. Через лунную сферу из сфер небесных нисходящие души человеческие вступают в пространственный мир Земли.

Под влиянием особенно сильного лунного импульса образовалось односторонне связанное с мозгом мышление, которое должно было привести к естественной и вещественной науке. Эта естественная наука в XVIII и XIX веках достигла своей вершины в биологических воззрениях на наследственность и происхождение видов и в учении о развитии, которое, в свою очередь, стало исходным пунктом и оплотом материалистического мировоззрения.

Изначальный импульс всех материалистических воззрений на мир коренится в том обстоятельстве, что человеческие души благодаря матерям рождаются в пространственный мир. От латинского слова «мать», *mater*, происходит слово «материя». Материя – это лунно-материнское, попросту хаотически бесформенное, и вместе с тем это принцип бесконечной восприимчивости к форме, в отличие от солнечно-духовного принципа Духов формы (Властей).

У Волошина в его «религиозно-поэтической науке» лунно-материнскому принципу, теме зарождения человека из Духовного мира посвящены венки

сонетов «Lunaria», стихотворения «Пещера нимф», «Грехопадение», «Пещера», «Материнство».

Вот те места в венке сонетов, где Поэт высветляет этот принцип, этот архетип:

2

Лампада снов! Владычица зачатий!
Светильник душ! Таинница мечты!
Узывная, изменчивая — ты
С невинности снимаешь воск печатей,

Внушаешь дрожь лобзаний и объятий,
Томишь тела сознаньем красоты
И к юноше нисходишь с высоты
Селеною, закутанной в гиматий.

От ласк твоих стихает гнев морей,
Богиня мглы и вечного молчанья,
А в недрах недр рождаешь ты качанья.

Вздуваешь воды, чрева матерей,
И пояса развязываешь платий,
Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!

5

С какой тоской из влажной глубины
Всё смертное, усталое, больное,
Ползучее, сочащееся в гное,
Пахучее, как соки белены,

Как опиум волнующее сны,
Всё женское, текучее, земное,
Всё тёмное, всё злое, всё страстное,
Чему тела людей обречены, —

Слепая боль поднятой плугом нови,
Удушливые испаренья крови,
Весь Океан, пленённый в руслах жил,

Весь мутный ил задушенных приятий,

Всё, чем я жил, но что я не изжил —
К тебе растут сквозь мглу моих распятий.

6

К тебе растут сквозь мглу моих распятий
Цветы глубин. Ты затеплила страсть
В божнице тел. Дух отдала во власть
Безумью плоти. Круг сестёр и братьев

Разъяла в станы двух враждебных ратей.
Даров твоих приемлет каждый часть...
О, дай и мне к ногам твоим припасть!
Чем дух сильней, тем глубже боль и сжатей...

А вот самый ранний сонет, посвященный тайне Эроса и зарождения человека – «Пещера нимф». Оно было навеяно, по словам Волошина, трактатом античного философа неоплатоника Порфирия «О пещере нимф». Волошин пояснял (письмо к М. С. Цетлин, сентябрь 1915 г.): «...Мне кажется, что эти темы, касающиеся тайны рождения, должны быть предметом поэзии, если они взяты достаточно глубоко».

Грот нимф

Сергею Соловьёву

О странник-человек! Познай Священный Грот
И надпись скорбную «Amor et dolori».
Из бездны хаоса, сквозь огненное море,
В пещеры времени влечёт водоворот.

Но смертным и богам отверст различный вход:
Любовь — тропа одним, другим дорога — горе.
И каждый припадёт к сияющей амфоре,
Где тайной Эроса хранится вещей мёд.

Отмечен вход людей оливою ветвистой —
В пещере влажных нимф, таинственной и мглистой,
Где вечные ключи рокочут в тайниках,

Где пчёлы в темноте слагают сотов грани,
Наяды вечно ткут на каменных станках
Одежды жертвенной пурпуровые ткани.

В основе стихотворения «Грехопадение» лежат теософские идеи. В тетради выписок Волошина они формулированы так: «Дух должен пройти через грехопадение. Духовное существо, как говорит Гете, должно быть помрачено и ограничено. Это необходимо для полного вочеловеченья». В письме к Е. П. Орловой от 26 января 1918 г. Волошин так трактовал эту идею: «Не надо отрицать – надо понять смысл плоти. Ради нее мы воплощены. Не отрицать, не презирать, а собою ее преобразить, просветить, спасти. Не бежать от греха и порока, а идти ему навстречу в самом себе, побеждать не отрицанием, а любовью».

Замер дух — стыдливый и суровый,
Знанием новой истины объят...
Стал я ближе плоти, больше людям брат.

Я познал сегодня ночью новый
Грех... И строже стала тишина —
Тишина души в провалах сна...

Чрез желанье, слабость и склоненье,
Чрез приятье жизненных вериг —
Я к земле доверчивей приник.

Есть в грехе великое смирение:
Гордый дух да не осудит плоть!
Через грех взыскует тварь Господь.

В стихотворении «Пещера» Волошин, отталкиваясь от трактата Порфирия «О пещере нимф», дает антропософское толкование деторождения. 28 марта 1907 г. Волошин писал Сабашниковой: «Дух должен причаститься плоти <...>. Надо войти в таинственную Пещеру Нимф, где водные нимфы ткут пурпурную пряжу жизни, где один вход для богов и один выход для людей. Это святая пещера зачатий». В письме к М. С. Цетлин (15.09.1915 г.) Волошин пояснял: «Мне кажется, что в мировой гармонии у чувственности – явления по самому существу противоположному любви, нет иного объяснения, кроме того, что так в нашем мире проявляется чье-то желание воплощения».

Пещера

Сперва мы спим в пурпуровой Пещере,
Наш прежний лик глубоко затая:
Для духов в тесноту земного бытия
Иные не раскрыты двери.

Потом живём... Минуя райский сад,
Спешим познать всю безысходность плоти;
В замок влагая ключ, слепые, в смертном поте,
С тоской стучимся мы назад...

О, для чего с такою жадной грустью
Мы в спазмах тел палящих ищем нег,
Устами льнём к устам и припадаем к устью
Из вечности текущих рек?

Нам путь закрыт к предутренней Пещере:
Сквозь плоть нет выхода — есть только вход.
А кто-то, за стеной, волнуется и ждёт...
Ему мы открываем двери.

Не мы, а он возжаждал видеть твердь!
И наша страсть — полёт его рожденья...
Того, кто в ласках тел не ведал утоленья,
Освобождает только смерть!

Толчком к написанию стихотворения «Материнство» послужил сон матери поэта Е. О. Кириенко-Волошиной, рассказанный ею сыну в письме от 27.06.1915 г. «Она видела, что она будто меня настойчиво спрашивает: "Макс, скажи мне свое имя?... имя?.." – писал Волошин 9 сентября 1915 г. Ю. Л. Оболенской. – Спрашивает много раз, с отчаянием. А я молчу». 16 августа 1915 г. Волошин писал Петровой, что этот сон «даже не символичен, а вполне реален. Это общая формула и всех наших с ней отношений».

Материнство

Мрак... Матерь... Смерть... созвучное единство...
Здесь рокот внутренних пещер,
Там свист серпа в разрывах материнства:
Из мрака — смерч, гуденье дрёмных сфер.

Из всех узлов и вязей жизни — узел
Сыновности и материнства — он
Теснее всех и туже напряжён:
Дверь к бытию водитель жизни сузил.

Я узами твоих кровей томим,
А ты, о мать, — найду ль для чувства слово?
Ты каждый день меня рождаешь снова
И мучима рождением моим.

Кто нас связал и бросил в мир слепыми?
Какие судьбы нами расплелись?
Как неотступно требуешь ты: «Имя
Своё скажи мне! кто ты? назовись».

Не помню имени... но знай: не весь я
Рождён тобой, и есть иная часть,
И судеб золотые равновесья
Блюдёт вершительная власть.

Свобода и любовь в душе неразделимы,
Но нет любви, не налагавшей уз...
Тягло земли — двух смертных тел союз...
Как вихри мы сквозь вечности гонимы.

Кто возлюбил другого для себя,
Плоть возжелав для плоти без возврата,
Тому в свершении расплата:
Чрез нас родятся те, кого, любя,

Связали мы желаньем неотступным.
Двойным огнём ты очищалась, мать, —
Свершая всё, что смела пожелать,
Ты вознесла в слиянье целокупном

В себе самой возлюбленную плоть...
Но как прилив сменяется отливом,
Так с этих пор твой каждый день Господь
Отметил огненным разрывом,

Дитя растёт, и в нём растёт иной,
Не женщиной рождённый, непокорный,
Но связанный твоей тоской упорной —
Твоею вязью родовой.

Я знаю, мать, твой каждый час — утрата.
Как ты во мне, так я в тебе распят.
И нет любви твоей награды и возврата,
Затем, что в ней самой — награда и возврат!

Мы привели в качестве примеров ряд произведений Поэта, инспирированных созвездием Рака. Однако мы еще не раскрыли, как на пути посвящения преодолевается само мировоззрение, импульсируемое этим созвездием, – материализм.

Рождение духовного в пространстве есть его умирание. Творческое перводеяние Бога было актом высочайшего самопожертвования. Мы можем, пожалуй, обозначить это как выход из себя и как расположение вне себя самого существующего в себе единого, первопункта, Божественного первосущества в открытом, проявленном бытии, в множественности.

Первопункт есть абсолютное в-себе-бытие, интуитивное единение с самим собой. Когда Первосущество решает творчески обнаружить себя, тогда Оно в любви наряду с собой, и все же оставаясь в себе самом, полагает другое. Первопункт множится, единство становится множеством, не отменяя, однако, принципа единства. Именно этим актом была создана первоначальная предпосылка к тому, чтобы одно соотносилось с другим. Но пространство есть самая всеобщая форма существования вне – и наряду друг с другом и вместе с тем первая предпосылка стягивания всех обособленных существ; оно есть одновременно форма внеположенности и взаимосвязи или единства обособленных вещей.

Вместе с тем была создана предпосылка для развертывания принципа любви, единения и сплочения разделенного. Ибо обособленные существа являются не просто существами для себя, но также и друг для друга и в связи друг с другом. В принципе пространства, в принципе взаимосвязи и единства, всеобщей соотнесенности друг с другом мы в действительности имеем дело с существом любви, коренящимся в объединении и единстве. Высшая форма любви есть интуиция, телесным отображением которой

является продолжение рода. Разновидность физической интуиции – любовное единение рождающих.

Если пространство со своим первопунктом есть начало созидательного пути Бога, то материя в трехмерном пространстве есть «конец пути Бога». Теософски настроенный теолог Фр. Отингер мог произнести эти слова, опираясь на традицию розенкрейцеров, которые были глубоко посвященными в мистерию материи. И недаром же Марина Цветаева в своем воспоминании о Волошине «Живое о живом» обмолвилась удивительной, из интуиции пришедшей ей фразой: «И, может быть, когда-нибудь там, на коктебельской горе, где он лежит, еще окажется – неизвестно кем положенная – мантия розенкрейцеров».

Эта естествоведческая мудрость средневековья была христианским возрождением герметической мудрости Египта. В первые века христианской эры гнозис¹¹⁹ сделал противоположное тому, что пытается сделать материалистический агностицизм наших дней.

Блестящую и убийственную характеристику этого материалистического агностицизма мы находим в поэме «Космос» (цикл поэм «Путями Каина»). И тут мы не можем не доставить себе удовольствие еще раз, так сказать, инсталлировать этот отрывок, дабы как-то вывести из себя наших современных базаровых и всякого рода постмодернистов, поставив перед ними зеркало их научных и философских «достижений»:

Всё относительно: и бред и знанье.
Срок жизни истин: двадцать-тридцать лет

¹¹⁹ Внешним образом гнозис можно было бы охарактеризовать как религиозно-философское течение поздней античности, выступившее одной из культурных форм связи оформившегося христианства с мифо-философским эллинистическим фоном и верованиями иудаизма, зороастризма, вавилонских мистериальных культов. Эзотерическое же определение гнозиса мы находим у Рудольфа Штейнера. Гнозис, согласно Р.Штейнеру, есть не что иное, как отзвук древних ясновидческих понятий. С его помощью люди пытались понять Мистерию Голгофы. Но позже восприятие этих ясновидческих представлений было утрачено и остались абстрактные понятия. Древнее ясновидчески-понятийное постижение было (в эпоху Мистерии Голгофы) пронизано люциферизмом, и эта люциферизированная древняя ясновидческая система понятий и есть гнозис. Люциферизация гнозиса привела к тому, что его представители утратили понимание принципа Отца, понимание материального. Поэтому развитие христианства в первые столетия является борьбой с гнозисом.

Предельный возраст водовозной клячи.
Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости, ни смысла тяготенья,
Ни масс планет, ни формы их орбит,
На вывездившем небе мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера».
Нет вещества — есть круговерти силы;
Нет твердости — есть натяженье струй;
Нет атома — есть поле напряженья
(Вихрь малых «нет» вокруг большого «да»);

.....
Мы существуем в Космосе, где всё
Теряется, ничто не создается;
Свет, электричество и теплота —
Лишь формы разложения и распада,
Сам человек — могильный паразит,
Бактерия всемирного гниенья.
Вселенная — не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть — только случай
Посреди необратимых струй.
Бессмертья нет, материя конечна.
Число миров исчерпано давно.
Все тридцать пять миллионов солнц возникли
В единый миг и сгинут все зараз.
Всё бытие случайно и мгновенно,
Явленья жизни — беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознание — вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Пролет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную метель.

И если материалистический агностицизм (по существу кощунственно) пытается объяснить «духовное» из вещества или вообще сомневается в нем, то гностики отважились описать те иерархические самооткровения высочайшего Божественного Существа, в самом конце которых последовало возникновение материи. Поэтому гностики говорили о длинной цепи эманаций или «вырождений» Божественно-духовного «сверху» «вниз» вплоть до перехода нижних эонов в «несуществующее» вещественного. Но

чтобы прозревать мистерию материи, необходим наивысший гнозис, необходим спиритуализм.

Материализм следует признать конечным пунктом Божественных эманаций. Настоящий материализм должен был бы стать знанием о порождениях и рядах развития высшего духовного вплоть до перехода в свою противоположность, до живого самопожертвования Бога.

Классический материализм теоретиков XIX века принял во внимание лишь самые последние звенья невероятно огромной цепи эволюции – только процессы происхождения видов и продолжения рода чувственных живых существ. Но они проистекают из инстинктуальных сил эфирно-элементарной лунной сферы, которая есть истинное материнское чрево всех природных существ. Задачей все более совершенствующейся естественной науки должно стать как раз восхождение от этих последних звеньев в ряду Божественных «вырождений» или эманаций. От телесных генеалогических древ перейти надо к духовным, от поколений чувственных (облеченных в материальное тело) предков – к иерархическим зонам и духовным праотцам в смысле гнозиса.

Тайна материи разоблачается только в свете спиритуализма, нового гнозиса. Это природопознание образуется в свете дальнейшего развертывания розенкрейцерства. В этом смысле Рудольф Штейнер говорит следующее: «Столь необыкновенным это может показаться: придут физики и химики, которые будут учить физике и химии не так, как учат сегодня под влиянием отставших египетско-халдейских духов, но которые будут учить: материя построена в том смысле, как ее постепенно аранжировал Христос. Будут находить Христа вплоть до законов физики и химии. Спиритуальная химия и спиритуальная физика – вот что придет в будущем».¹²⁰ (Вспомним: Волошин мечтал о художественной физике, о художественной геологии, о

¹²⁰ Штейнер Р. Духовное водительство человека и человечества. Калуга, 1992. С. 49. Здесь вместе с Духом Христа Р. Штейнер одновременно подразумевал деятельность Элогимов, Духов форм и Света, которые фактически «аранжируют» неоформленное.

художественной метеорологии и т. д., когда в середине 20-х годов принимал у себя в Доме Поэта ученых и инженеров.)

Но что в наши дни препятствует нам от вещественного и его метаморфоза апеллировать к сверхчувственному процессу становления? Что за сила сковывает нас во тьме вещественного? Это инертность, не вещества, нет, а вялость, неуклюжесть и изнеженность удобствами нашего мышления, которое еще так сильно связано с мозгом. Наряду с этой инертностью имеется слабость и боязливость души и, не в последнюю очередь, некоторый безлюбивый холод в мышлении, – все это мешает нам пойти по намеченному пути познания. Словом, это «дух тяжести», «отец всех препятствий», демон черствого эгоизма: Мефистофель-Ариман, который приютился в нашем мышлении незаметно для нас самих и пытается все больше приковать его к веществу, к мозгу. Он охотно бы пошел на то, чтобы все человечески-духовное умерло в мозгу, чтобы с помощью закона субстанции¹²¹ стало вечным все вещественное снаружи, то есть чтобы материальное не могло одухотвориться в процессе эволюционного развития.

Не сама материя есть произведение духа тьмы и ненависти, а только односторонний материализм, который хотел бы исключить восполняющий его полюс – спиритуализм.

До тех пор, пока мы находимся в незрелой власти этого владыки вещества, пока «темный Ариман», заглушая мудрость, пытается распространить мрак хаоса, до тех пор душевное положение человека, предающегося материалистическому мировоззрению, можно характеризовать следующим образом:

Когда прикасаешься ты к строению
вещества в пространстве,
То, словно рак, ползешь во тьму Земли.

¹²¹ Этот закон, выдвинутый Геккелем гласит, что сумма вещества, наполняющего мировое пространство и сумма энергии, действующая в нем, является абсолютными и неизменными.

6. Козерог

Чем спиритуальнее человек, тем с большей ясностью представляется ему, что мысли и идеи вступают в сознание как позабытые духовные воспоминания из прошлых воплощений или приходят к нему из реального духовного мира.

В 11-м сонете «Corona astralis» о своем опыте припоминания Волошин напишет изумительные строки:

Кому земля — священный край изгнанья,
Того простор полей не веселит,
Но каждый шаг, но каждый миг таит
Иных миров в себе напоминая.

В душе встают неясные мерцанья,
Как будто он на камнях древних плит
Хотел прочесть священный алфавит
И позабыл понятий начертанья.

И бродит он в пыли земных дорог —
Отступник жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущеньи клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена.

Инкарнация и рождение приковывают человеческую душу к телу и чувственности, благодаря чему создается исконное предрасположение к материалистическому рассмотрению мира. Ему противостоит спиритуализм – мировоззрение созвездия Козерога. Он зиждется на некотором освобождении духа от тела, которое происходит также и нормальным образом при естественном процессе экскарнации в старости.

Взяв в руки «Очерк тайноведения» Рудольфа Штейнера, читатель найдет в нем, как из духовно-припоминающего созерцания повествуется о том, что было, что есть и чему быть суждено – Антропософия дает захватывающее обозрение миров. В «Очерке тайноведения» легко усматривается обращенное

оживление того, что еще гностики говорили о происхождении мира и его возрастах из отзвучавших дохристианских ясновидческих сил мистериального посвящения...

Между тем в человечестве созрел пробудивший человеческое «Я» к новой жизни Христов Дух, и в XX веке некоторые великие индивидуальности из импульса воскресения Христа смогли самостоятельно вновь достичь знания о минувших и будущих возрастах мира, причем обогащенного познанием Мистерии Голгофы.

Из ясновидческого духо-воспоминания созерцали гностики эманации или порождения Иерархий или Богов (эонов) в сверхчувственном, Иерархий, которые в конечном счете привели к возникновению чувственно-материального мира. В конце концов, у гностиков речь всегда шла о Начале всех начал, о Первопринципе, эонах мирового становления. Конечно, они в той или иной мере созерцали при этом Плерому – общую полноту небесных Иерархий. Как показал в «Очерке тайноведения» Рудольф Штейнер, Иерархия Архаев или Первоначал положила начало всему мировому становлению (в состоянии Сатурна); она, интуитивно пронизанная 12 Престолами из 12 Эонов, дала возникнуть «времени»¹²².

Поскольку же эти сатурнические принципы (сущности) во всяком возрасте Вселенной вносят решающий вклад в основоположение и формирование принципа личности, Рудольф Штейнер называет их не просто Духами времени, но Духами самости или личности. Они поистине представляют собой принцип индивидуализации, но, правда, в связи с первопринципом физического тела, который в мире Сатурна был излит Престолами или Духами Воли.

¹²² Время есть выражение для выступления внешних явлений из чисто внутреннего вечного пребывания существенного, выражение для перехода бытия в становление и развитие, а также в бренность чувственного. Внешний образ времени – линия, которая является первым измерением пространства.

Согласно Духовной науке, именно через созвездие Козерога действует Иерархия Архаев – Духов времени, или Духов личности. Это созвездие и инспирирует мировоззрение спиритуализма.

Спиритуальное сознание на более низкой ступени еще не различает отчетливо множества божественно-духовных отдельных сущностей и их творческого сорабничества, а получает только общее впечатление одной божественной духовности. Но чем глубже духовное переживание, тем с большей отчетливостью учится оно различать в море имагинативной духовности разнообразные отдельные духовные сущности и иерархические группы. Это мировоззрение, которое имеет дело не только со всеобщей духовностью, с некоторым божественным Вседухом, но и с многочисленными духами,¹²³ Рудольф Штейнер именно поэтому назвал спиритуализмом.

Может сложиться впечатление, что представителями спиритуализма могут быть только настоящие провидцы – как Бёме, апостол Павел или Штейнер. Но в действительности это не так. Ибо также и данное мировоззрение имеет свой исконный принцип – многообразие индивидуальных духов – выражать с различной степенью реальности, так что возникают более или менее образно-явственные или абстрактно-интеллектуальные представления об этих сущностях. Также и неясновидческие мыслители, если их мышление не связано телесностью и некоторым образом окрашено инспиративно и интуитивно, могут создавать спиритуалистические мировоззрения.

Среди великих античных философов, которые еще непосредственно связаны с существом мистерий, наиболее проникновенно говорили о наполненном Богами Космосе три величайших первооткрывателя философии: Эмпедокл, Пифагор, Гераклит. Как провидцы и посвященные, были эти мудрецы убеждены в вечности и перевоплощении человеческих

¹²³ При этом исключается, разумеется, спиритизм.

духов. Эта же уверенность яркой вспышкой проявляет себя в религиозно-поэтической науке Волошина:

Неисто щимо семя духа
И плоть моя — росток огня:
Пусть капля жизни в море канет —
Нерастворимо в смерти Я.
Не соблазнится плоть моя,
Личина трупа не обманет,
И не иссякнет бытиё
Ни для меня, ни для другого:
Я был, я есмь, я буду снова!
Предвечно странствие моё.
(1910)

Добрая половина цикла «Алтари в пустыне» – это ярчайшее поэтическое откровение Поэта о его воплощении в Древней Греции («Зовы», «Дэлос», «Дельфы», «Призыв» и др.).

В каждом человеке имеется вечная несущая судьбу самость, абсолютно индивидуально-своеобразное существо, гений, который именно в ряду инкарнаций формирует себя в совершенно определенную духовную индивидуальность. Исконной сущности каждого человека соответствуют также те положения судьбы, в которых он себя застаёт. И восходя над царством человеческих духов, можно сказать: согласно духовным моральным законам каждая индивидуальность находится внутри мирового целого в положении, отвечающем собственному ее существу. Это распространяется на человека и в том случае, если его субъективное суждение о том будет звучать совершенно иначе. В положении, в особенной конstellляции, в которой находится существо человека ко всем остальным людям, выражается именно его своеобразие, особенная одаренность его гения. Здесь мы имеем дело с аристотелевской категорией «положение».

Среди философов XX века, плодотворно занимавшихся формирующей самое себя личностью человека, хорошо осветил категорию «положение» Николай Гартман: «Жизнь личности есть единственно неразрывная цепь ситуаций, в которых она должна ориентироваться. Личность не выискивает

ситуаций; они приходят незвано и неожиданно, без выбора, роковым образом. Однажды попав в ситуацию, человек не может избежать ее. Он должен деятельно пройти ее насквозь. Так ситуация принуждает его к решению. Как он должен решить, этого ситуация ему не говорит.

Он имеет некоторое игровое пространство, чтобы действовать так или иначе. В этом, следовательно, состоит его свобода. Ситуацией принужден он к решению. Но к решению свободному. Он принужден ею, следовательно, к свободе. Отсюда можно даже дать центральное определение существа личности. Личность есть то, что попадает в ситуации и должна ориентироваться в них. Личность есть то самое существо, которое во всякое время принуждается новыми ситуациями к свободному решению» («Этика»).

Чем более многоплановы и богаты жизненные положения, в которых разворачивается судьба человека, тем более объемлющей является его индивидуальность. В этом плане, как уже, наверное, убедился наш драгоценный читатель, индивидуальность Волошина просто уникальна.

Эмпирическая личность никоим образом не выискивает, как справедливо указывает Гартман, своих ситуаций. Они проходят над нею «неожиданно и незвано, роковым образом».

Вот как изображает эти роковые силы Поэт:

Демоны глухонемые

Они проходят по земле,
Слепые и глухонемые,
И чертят знаки огневые
В распахивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещей луч...
Их судьбы — это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.

(1917)

Но вечная индивидуальность в ее духовной жизни перед рождением, между последней смертью и новым рождением, из плодов деяний предшествующих воплощений направляет свою жизненную судьбу в созвучии с моральными законами мировой справедливости (кармы), которой правят Небесные Иерархии. Существо судьбы, которое приводит нас в жизненные положения, есть, следовательно, мы сами, это наш гений, наш самодух. «Гений человека есть его судьба». Гений, или божественный демон человека, есть сверхиндивидуальное внутри личности.

Вот свидетельство гения, самодуха Волошина о самом себе. Еще раз приведем здесь цитированное нами стихотворение:

Готовность

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?

Апокалиптическому Зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде — верю!

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало:
Господи! Вот плоть моя».

(1921)

В течение всей земной жизни человека этот гений осеняет его главу; обычно он не погружается полностью в тело: не отождествляется с мозгом.

Почему в чувственном сознании не имеем мы знания о нашей вечной сущности судьбы. Спиритуальность той или иной индивидуальности зависит от степени той жизненности, с которой личное душевное сознание пронизано инспирирующей силой его духовной самости. Людей, у которых эта степень духовной самости достигает максимальной силы, мы называем гениальными, пророческими, инспирированными или демоническими в лучшем смысле этого слова.

Дух человека есть вечный, уже до рождения существующий гений, божественное в нем. Он представляет собой нечто индивидуально напечатленное в каждом отдельном человеке. Это собственно индивидуальное ни в коем случае нельзя вывести из элементов наследственности, родителей и предков. Как нечто исконно собственное присоединяется оно к унаследованному.

В обычном сознании, которое нам вообще известно, духовное все-таки крепко связано с телесной организацией. И все же истинные сверхчувственные способности духа возвещают о себе в высоких духовных достижениях человека, в гениальных концепциях идей, в художественных инспирациях и религиозных опытах и откровениях. Эти способности становятся свободнее и свободнее в визионерно-пророческих и инспирированных исключительных состояниях душевной жизни.

В земной жизни гений может и должен развешивать все более свободно свое сверхчувственное духовное созерцание. Философия благодаря этому одухотворяется в теософию и антропософию. Когда вечный дух в человеке постигнет самого себя, тогда он одновременно переживет себя в Боге.

При этом восприимчивыми к возвышенному вообще являются только такие люди, в душевной жизни которых гений в большей степени обрел «форму», чем у обыкновенных людей. Чтобы пережить возвышенное, необходимо быть способным в некотором роде вознестись над своей чувственно-связанной и субъективно-ограниченной душевной жизнью. Но с другой стороны, возвышенное в природе, истории или произведении

искусства воздействует на дремлющего гения, когда он запечатлевает в душе возвышенно-духовное.

Все земное, телесное, вещественное может быть понято только тогда, когда в нем прозревают существенное отображение духовного, Космически-Иерархического. Спиритуализм был бы осужден на совершенную беспочвенность, если бы он не умел сводить духовное к вещам и процессам чувственного мира. Материализм и спиритуализм принадлежат друг другу именно потому, что они образуют крайние полярности. Ни в одной зодиакальной оппозиции противоположность не выражается столь красноречиво уже посредством звездной имажинации, как именно в Раке и Козероге. Рак ползает в низинах Земли и боится света. Козерог поднимается все выше к ясной горной вершине. С обеими точками зрения связаны полярно противоположные искушения. В знаке Рака человек может подпасть демону вещества и духу тьмы Ариману. В Козероге, знаке высшей одухотворенности, ему угрожает обольщение от несущего надменность неверного света Люцифера.

В наши дни Рудольф Штейнер действовал в смысле настоящего розенкрейцерства, когда он Антропософию воздвиг на твердой почве естественной науки. В качестве Духовной науки ее следует характеризовать как спиритуализм, как настоящий гнозис. Как таковая, она радикально преодолевает пагубный агностицизм. Но она не является исключительно спиритуализмом. Наряду с розенкрейцеровскими инспирациями, живут в ней другие духовные импульсы, которые суть члены универсальной мудрости, но не в эклектически-синкретическом смысле, а как изначальное творение универсального духовного организма. В нем мы находим также те самые импульсы мудрости, которые в дохристианские времена изошли от великих индивидуальностей – от Заратустры, Ману и Гермеса, от Авраама, Будды и Моисея, – и в раннехристианские времена от Иисуса, Иоанна, Павла и Манеса. Все эти течения мудрости соохвачены в Антропософии и развиты в соответствии с эпохой, с Духом времени.

Этот всеобъемлющий характер Антропософии дает возможность узнать, каким образом каждое из двенадцати мировоззрений со своей точки зрения внедряется в царство Истины.

Антропософия неотделима от всех прошлых познаний истины, хотя она возникла не от них. Поэтому она может быть действительно постигнута в ее универсальности только в том случае, если представляется во взаимосвязи со всеми культурными достижениями человечества.

Само собой разумеется, что каждый человеческий дух, в соответствии с его наклонностями, его судьбой и направленностью мировоззрения, находит свой особенный, индивидуально обусловленный подход к Антропософии. Вследствие этого, он будет понимать ее в особых душевных нюансах и станет разрабатывать и представлять ее в определенных направлениях. И здесь можно было бы вспомнить, как Волошин находит свой особенный подход к антропософии. В 1914 году в письмах к Ю. Л. Оболенской поэт так характеризовал свое отношение к Антропософии (напомним здесь еще раз): «Антропософию по существу всю принимаю, но мне приходится все переводить на свой язык, облекать в свои образы... В то же время я знаю, что и до встречи с антропософией я мыслил исключительно ее категориями и впредь буду мыслить не иначе... Я принимаю ее сущность и только формы перестраиваю для своей души». Принимая Антропософию по существу, как жизненную силу, Поэт оставляет за собой право давать Антропософии свою индивидуальную интерпретацию, искать формы выражения для Антропософии свободным, творческим образом.

Иерархических Существ, регулирующих движения звезд, Штейнер называет «духами круговорота времен». Это Архаи, Первоначала и Духи времени, которые вместе с Иерархией Престолов творили состояние древнего Сатурна. Но с той поры Архаи для всех существ являются одновременно инспираторами самости и личности. Одной из главных особенностей человеческого духа является также и стояние в жизненном положении и необходимости, с которыми он должен справиться через свободное решение.

И Архаи – это те самые Духи, которые, как движители звезд, приводят судьбу человека к выражению во внешних конstellациях положения и которые одаряют человечество силой личности, с тем чтобы оно в свободе из собственного внутреннего опыта могло вызвать инспирации импульсов времени, образующих историю.

Именно от Духов времени и личности – Архаев исходили мощные импульсы историософии в творчестве Волошина во времена Первой Мировой войны и Гражданской войны в России и в последующую эпоху (поэма «Россия», поэмы о трех русских святых, «Путиами Каина» и др.).

Вот что писал о значении истории в творчестве Волошина выдающийся русский антропософ С. О. Прокофьев в эссе «Максимилиан Волошин – человек, поэт, антропософ»:

«В творчестве Волошина... история – это попытка проникнуть в тайну того, что несет в себе дух человека, воплощаясь в различных культурах и цивилизациях, постепенно собирая в них ту мудрость, о которой он затем должен вспомнить, чтобы претворить ее в любовь. Это, без сомнения, одна из основополагающих идей всего творчества Максимилиана Александровича, выраженная в конце его программного стихотворения "Подмастерье". И эта идея почти дословно передает заключительные слова Рудольфа Штейнера в "Очерке тайноведения", в которых указывается на эту перспективу развития человека, имеющего своей целью вобрать в себя всю мудрость мира, а затем в своем свободном "Я" претворить ее в новую творческую силу – силу любви...

Во весь свой духовный рост встает Максимилиан Александрович после своего второго духовного рождения в 1917 году. Вы все знаете слова из "Биографии по семилетиям", где он говорит о том, что ни война, ни революция, ни Гражданская война его ничем не испугали и не разочаровали. Он ожидал их в формах еще более жестоких...

Макс оказался полностью подготовленным ко всем испытаниям и ужасам революции. Посмотрите на его современников – почти все они

совершенно растеряны. Они беспомощно мечутся от принятия революции к ее неприятию. Их жизненная позиция нередко подобна замороженному взглядом удава кролику... И посреди всего этого хаоса линий, истерических выкриков, лжи и самообмана стоит, непоколебимо возвышаясь, как скала его Карадага, Волошин. Он один все понимает с самого начала, все видит совершенно ясно... Для него вся атмосфера России в это время пронизана ложью. А ложь – всегда предвестник террора, предвестник большой крови. И террор наступает... Когда же его час настает, Максимилиан Александрович становится во весь свой духовный рост, непоколебимо: он один знает, что делать; он знает, что теперь надо говорить; он знает о чем необходимо писать. Возникают его неповторимые стихи о России.

Русская поэзия знала прекрасные, проникновенные стихи о России, но стихов такой словесной силы, такого проникновения в события и поистине апокалиптического их понимания она еще не видела... И если мы присмотримся к позиции, которую Максимилиан Волошин занимает в этих стихах о России, то увидим: это все тот же «Близкий всем, всему чужой» – извечная позиция поэта и пророка в апокалиптические времена, взгляд на события в их общечеловеческой перспективе, в перспективе эволюции всего человечества. А это значит – высшее понимание и полное приятие страшных испытаний, ниспосланных России для того, чтобы она, пройдя через их горнило, смогла выполнить в будущем свою мировую миссию. И в то же самое время, хотя в иных словах, в далекой Швейцарии об этом говорит и Рудольф Штейнер. Поэтому позиция Волошина – это тайная, сокрытая от непосвященных, антропософская позиция. <...>

Это урок человека, сумевшего принять в себя Антропософию так, что она перестала быть в его душе только учением. В этом, может быть, и состоит главный парадокс Волошина-антропософа: она умерла в душе его как учение и воскресла в его жизни как поступок, как реальное деяние из духа. А ведь это именно то, что Рудольф Штейнер особенно подчеркивал, говоря об основном характере будущей Славянской культуры. <...> Он был

действительно таким, как его поэзия! Поэтому в начале XX века он, как никто другой, самой своей личностью и человеческой судьбой оказывается подлинным представителем Шестой культурной эпохи. А это значит, что он несет в себе некоторые отличительные черты, которыми человечество будет обладать лишь в весьма отдаленном будущем. В этом, быть может, для всех нас, связанных с Россией, и состоит главный урок его жизни и творчества, позволяющий соприкоснуться с тайной его необычайной судьбы. <...>

Мы видим, как в личности Максимилиана Волошина высший идеал Антропософии совпадает с самыми интимными устремлениями его индивидуальности и достигает в его жизни определенной степени осуществления. Тем самым жизнь и творчество Волошина могут стать для нас живым духовным импульсом, своего рода путеводной звездой, указующей путь не только в XXI столетие, но и в гораздо более отдаленное будущее.

Этот высокий идеал земного и человеческого развития Волошин выразил в простых и чеканных строках, подобным мантрическим, завершив ими свое стихотворение "Подмастерье":

Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и разума –
Вселенную Свободы и Любви, –
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

Таким Мастером был Максимилиан Александрович Волошин». ¹²⁴

* * *

Духовоспоминание или ясновидческая память – вот с чем мы имеем дело, если вживаемся в интуиции Архаев и в потоке временного становления возвращаемся к первоначалу. Вот еще несколько ярких примеров, где проявились интуиции Архаев у нашего Поэта, обращенные к прошлому:

¹²⁴ Максимилиан Волошин – поэт, мыслитель, антропософ. Сборник статей. М., 2007. С. 33–46, 215.

1

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось чрез мятеж.

2

Из вихрей и противоборств возник
Мир осязаемых
И стойких равновесий.
И равновесье стало веществом.
Но этот мир разумный и жестокий
Был обречён природой на распад.

3

Чтобы не дать материи изникнуть,
В неё впился сплавляющий огонь.
Он тлеет в «я», и вещество не может
Его объять собой и задушить.
Огонь есть жизнь.
И в каждой точке мира
Дыхание, биенье и горенье.
Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье —
Творящий ритм мятежного огня.

(Начало «Путями Каина»)

Еще один пример – фрагмент малоизвестного и незавершенного стихотворения «Русь» (истоки):

Мы все родились с вывихом сознания.
Наш ум пленен механикой машин,
А наше «Я» в глухих просторах дремлет.
Одни из них шаманят новый день
За полночью дряхлеющей Европы,
Другие же не вышли до сих пор
Из века мамонтов, из ледниковой стужи,
Звериных шкур, кремневых топоров.
Наш дух разодран между «завтра» мира
И неизжитым предками «вчера».

На западе язык, обычай, право

Сложились розно в каждой из долин,
А мы – орда. У нас одна равнина
На сотни верст – единый окоем.
У нас в крови еще кипят кочевья,
Горят костры и палы огнищан,
Мы бегуны, мы странники, бродяги,
Не знавшие ни рода, ни корней...
Бездомный ветер колючий и морозный
Гоняет нас по выбитым полям.

Безмерная российская равнина –
Земное дно – Россия и Сибирь.
Наш дух течет, как облачное небо,
Клубясь над первозданною землей,
Чуть брезжущей из тьмы тысячелетий.

Здесь можно было бы отметить, что чем сильнее и более зрелой является духовная индивидуальность, воспринявшая дары созвездия Козерога и с ними импульсы Иерархии Архаев, тем больше она может вынести из того, что ей открывается в предвидении и тем в большей мере разрывается для нее, так сказать, вуаль грядущего. Вот примеры, где эти интуиции Поэта обращены к будущему:

Из избранных тебя избрал я, Русь!
И не помилую, не отступлюсь.
Бичами пламени, клещами мук
Не оскудеет щедрость этих рук.

.....

Твои молитвы в сердце я храню:
Попросишь мира — дам тебе резню.

Спокойствия? — Девятый взмою вал.
Разрушишь тюрьмы? — Вырою подвал.
Раздашь богатства? — Станешь всех бедней,
Ожидовеешь в жадности своей!

На подвиг встанешь жертвенной любви?
Очнешься пьяной по плечи в крови.
Замыслишь единенье всех людей?
Заставлю есть зарезанных детей!

Ты взыскана судьбою до конца:
Безумием заквасил я сердца
И сделал осязаемым твой бред.
Ты — лучшая! Пощады лучшим — нет.

В едином горне за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз,
А из тебя, сожженный Мной народ,
Я ныне новый выплавляю род!

(1923)

Заклинание

(От усобиц)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращённых в прах,
Из мук казнённых поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за неё за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Её куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

(1920)

Европа

Пойми великое предназначенье
Славянством затаённого огня:
В нём брезжит солнце завтрашнего дня,
И крест его — всемирное служенье.
Двойным путём ведёт его судьба —
Она и в имени его двуглава:
Пусть SCLAVUS — раб, но Славия есть СЛАВА:
Победный нимб над головой раба!
В тисках войны сейчас ещё томится
Всё, что живёт, и всё, что будет жить:

Как солнца бег нельзя предотвратить —
Зачатое не может не родиться.
В крушеньях царств, в самосожженьях зла
Душа народов ширилась и крепла:
России нет — она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!

(1918)

Вживаясь в интуиции Духов времени, Поэт пророческим образом взирает здесь на мировую миссию России в грядущую Шестую культурную эпоху, как бы мы сказали в антропософской терминологии, а в терминологии Волошина – на Славия. Он смотрит на будущую славянскую духовную культуру и говорит о грядущей Славии. И сквозь призму ее бытия, ее истории, ее будущего взирает на грядущие судьбы всего человечества.

Но Волошин знает, что Россией не заканчивается мировая история, что мировая драма человечества выходит за пределы истории России. Поэтому, чтобы понять Россию, нужно не только глубоко познать Европу, но нужно выйти на еще более высокий уровень познания, с которого открывается конечная, апокалиптическая перспектива мировой истории, то есть на Духа времени и личности.

В своем итоговом стихотворении «Дом поэта» Волошин так сформулировал эту мысль:

Как Греция и Генуя прошли,
Так минет все – Европа и Россия...

Всеми своими корнями Волошин связан с духовной миссией России. И, несмотря на то что он, как никто другой, так проникновенно говорил и писал о России, мы нигде не найдем у него ни малейшей ноты русского национализма. Ведь он также хорошо знал, что в мировой эволюции, как и в историческом развитии человечества, Россия имеет свою миссию лишь в определенную историческую эпоху. Она не вечна. То, что единственноечно – это индивидуальный человек. Человек как духовное существо.

И, пожалуй, самый яркий, наглядный пример инспирации Духа времени и личности у Волошина мы находим в его поэме «Четверть века» (1900–1925), где с помощью импульсов спиритуализма из созвездия Козерога он творит поэтическую историософию своего времени:

Каждый рождается дважды. Не я ли
В духе родился на стыке веков?
В год изначальный двадцатого века
Начал головокружительный бег.

.....

Я со ступеней тысячелетий,
С этих высот незапамятных царств,
Видел воочью всю юность Европы,
Всю непечатую ярь её сил.
Здесь, у истоков Арийского мира,
Я, преклонившись, ощупал рукой
Наши утробные корни и связи,
Вросшие в самые недра земли.
Я ощутил на ладони биенье
И напряженье артерий и вен —
Неперекушенную пуповину
Древней Праматери рас и богов.
Я возвращался, чтоб взять и усвоить,
Всё перечувствовать, всё пережить,
Чтобы связать половодное устье
С чистым истоком Азийских высот.
С чем мне сравнить ликование полёта
Из Самарканда на запад — в Париж?
Взгляд Галилея на кольца Сатурна...
Знамя Писарро над сонмами вод...
Было... всё было... так полно, так много,
Больше, чем сердце может вместить:
И золотые ковчеги религий,
И сумасшедшие тромбы идей...
Хмель городов, динамит библиотек,
Книг и музеев отстоенный яд.
Радость ракеты рассыпаться в искры,
Воля бетона застыть, как базальт.
Всё упоение ритма и слова,
Весь Апокалипсис туч и зарниц,
Пламя горячки и трепет озноба
От надвигающихся катастроф.

Я был свидетелем сдвигов сознания,
Геологических оползней душ
И лихорадочной перестройки
Космоса в «двадцать вторых степенях».
И над широкой излучиной Рейна
Сполохов первых пожарищ войны
На ступенях Иоаннова Зданья
И на сферических куполах.

.....

Верный латинскому духу и строю,
Сводам Сорбонны и умным садам,
Я ни германского дуба не предал,
Кельтской омеле не изменил.
Я прозревал не разрыв, а слиянье
В этой звериной грызне государств,
Смутную волю к последнему сплаву
Отъединённых историей рас.
Но посреди ратоборства народов
Властно окликнут с Востока, я был
Брошен в плавильные горны России
И в сумасшествие Мартобря.
Здесь, в тесноте, на дне преисподней,
Я пережил испытанье огнём:
Страшный черёд всероссийских ордалий,
Новым тавром заклеивших наш дух.
Видел позорное самоубийство
Трона, династии, срам алтарей,
Славу «Евангелия» от Маркса,
Новой враждой разделившего мир.
В шквалах убийств, в исступленьи усобиц
Я охранял всеединство любви,
Я заклинал твои судьбы, Россия,
С углем на сердце, с кляпом во рту.
Даже в подвалах двадцатого года,
Даже среди смрада голодных жилищ
Я бы не отдал всей жизни за веру
Этих пронзительно зорких минут.

.....

Стремя у стремени четверть пробега,
Век — мой ровесник, мы вместе прошли.

(1927)

Далее нам следовало бы здесь просветить наших проницательных читателей о соотношении «правлящих созвездий и волящих планет» в гороскопе Волошина. Эта информация астрософического характера (не путать с астрологической!) могла бы, как нам кажется, показаться небезынтересной для них. Однако мы не решаемся привести ее в тексте книги, ибо тогда не всем читателям она могла бы оказаться легко доступной, а наш труд должен быть «ясным как солнце сообщением», то есть предназначенным «для всех и ни для кого», и поэтому мы и помещаем эту информацию в Приложении № 7 к нашему труду.

Заключение

В заключение хотелось бы остановиться на трех стихотворениях поэта, в которых он касается темы кредо (заповеди) поэта, роли поэта на Руси в апокалиптические времена («Поэту», 1925; «Доблесть поэта», 1925) и подводит итог своим жизненным деяниям и достижениям («Дом поэта», 1926). В них мы находим удивительную, даже потрясающую переключку их основных мотивов (естественно, в метаморфизированном виде) с лейтмотивами трех Пушкинских шедевров на эти же темы – «Поэту», «Из Пиндемонти», «Памятник». Какие же это лейтмотивы? Это, в первую очередь, истинная свобода поэта. У Пушкина: «Ты царь: живи один. // Дорогою свободной // Иди, куда влечет тебя свободный ум... // Ты сам свой высший суд...», «Зависеть от царя, зависеть от народа? // Не все ли нам равно?..» У Волошина: «Будь один против всех: молчаливый, тихий и твердый...», «Будь изгоем при всех царях и народоустройствах: совесть народа – поэт». А теперь воспроизведем полностью стихотворение «Поэту» Пушкина и стихотворение под тем же заглавием Волошина. Конечно же, разница в духе времени имеется: во времена Пушкина малый апокалипсис

был отложен: в 1825 году 1917 год так и не наступил. Отсюда и «заветы» поэту мы имеем в самой мягкой форме:

Поэту

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

У Волошина другие времена – другие «заветы»:

Поэту

1

Горн свой раздуй на горе, в пустынном месте над морем
Человеческих множеств, чтоб голос стихии широко
Душу крылил и качал, междометья людей заглушая.

2

Остерегайся друзей, ученичества шума и славы.
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.
Только противник в борьбе может быть истинным
другом.

3

Слава тебя прикуёт к глыбам твоих же творений.
Солнце мёртвых, — живым она намогильный камень.

4

Будь один против всех: молчаливый, тихий и твёрдый.
Воля утёса ломает развёрнутый натиск прибоя.
Власть затаённой мечты покрывает смятение множеств!

5

Если тебя невзначай современники встретят успехом, —
Знай, что из них никто твоей не осмыслил правды:
Правду оплатят тебе клеветой, ругательством, камнем.

6

В дни, когда Справедливость ослепшая меч обнажает,
В дни, когда спазмы любви выворачивают народы,
В дни, когда пулемёт вещает о сущности братства —

7

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

И еще к этой теме строки из «Доблести поэта»:

В трезвом, тугом ремесле — вдохновенье и честь поэта:
В глухонемом веществе заострять запредельную зоркость.

2

Творческий ритм от весла, гребущего против течения,
В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем; не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой — ты не актёр и не зритель,
Ты соучастник судьбы, раскрывающий замысел драмы.

В дни революции быть Человеком, а не Гражданином:
Помнить, что знамена, партии и программы
То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.
Быть изгоем при всех царях и народоустройствах:
Совесьть народа — поэт. В государстве нет места поэту.

Здесь Волошиным дается необыкновенно высокий «завет» поэту: быть не частью, а всем, не актером и зрителем, а соучастником судьбы (кармы),

раскрывающим замысел драмы, которую ставит Твор на сцене Истории, постигать целокупность событий. Здесь же мы можем увидеть тайну его одиночества посреди тысяч его друзей и знакомых.

Второй лейтмотив – лейтмотив воздвигнутого памятника себе (за определенные заслуги перед людьми, народом, за отстаивание высших ценностей культуры и жизни):

У Пушкина:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

В данном случае, как известно читателю, «нерукотворный памятник» – это творчество поэта и этот памятник – выше рукотворного, то есть Александрийского столпа на Дворцовой площади перед Зимним дворцом.

Волошину же такой «нерукотворный» памятник уже воздвигнут с незапамятных времен, и о нем поэт не раз говорил в стихах:

Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поёт в волнах его прилива...
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

Вон там — за профилем прибрежных скал,
Запечатлевшим некое подобье
(Мой лоб, мой нос, ощёчьё и подлобье),
Как рухнувший готический собор, ...
Встаёт стена...

Кто же сотворил нашему поэту такой грандиозный памятник? Неужели природа? Но драгоценный проницательный читатель, наверное, еще не забыл со школьной парты знаменитую сентенцию Базарова о том, что «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Юмор этой сентенции заключается в том, что она верна в отношении Волошина, точнее, его

Высшего «Я», которое все знает наперед, творит будущее и может работать впрок (так же как и Высшее «Я» каждого из нас, – другое дело, что не каждый из нас имеет связь со своим Высшим «Я»). Ведь это именно Оно действительно сформировало образ (лик) и «работало» над еще первозданной материей и напечатлело в субстанции профиль нашего поэта вот таким образом в те давние времена, когда природа этого уголка Крыма еще не была столь застывшей и окаменелой. Так что Высшее «Я» поэта из Девахана, то есть из высшего духовного мира «поработало» на славу, заведомо зная, что личность поэта в данном воплощении узрит такой вот «памятник» себе (то есть Высшее «Я» готовило это его воплощение и привело его в это место).

Похожая история произошла здесь и с профилем Пушкина, только он его, кажется, не заметил, проплывая в свое время мимо этих берегов. Во всяком случае, в Коктебеле любой экскурсовод вам его покажет в районе Сюрю-Кайа, и вам ничего не останется делать, как ясно его увидеть... Вот так обстоят дела с «нерукотворными» памятниками этих поэтов в этом месте – памятниками особого рода...

Далее этот мотив памятника получает естественное развитие у обоих поэтов. За что же, встает вопрос, за какие заслуги эти два поэта воздвигли себе такие вот монументальные «памятники», сотворить которые не решился бы даже Микеланджело.

Послушаем же самих поэтов.

Пушкин:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Волошин:

Но тени тех, кого здесь звал Улисс,
Опять вином и кровью напились
В недавние трагические годы.
Усобица, и голод, и война,

Крестя мечом и пламенем народы,
Весь древний Ужас подняли со дна.
В те дни мой дом, слепой и запустелый,
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер, —
Фанатики непримиримых вер —
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять,

И тут же у Волошина возникает мотив второго «памятника», к которому «не зарастет народная тропа» – мотив Дома поэта:

Но в эти дни доносов и тревог
Счастливый жребий дом мой не оставил.
Ни власть не отняла, ни враг не сжѐг,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом как дар
Нечаянный, — мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлѐн землёю.
Всей грудью к морю, прямо на восток,
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь её течѐт, не иссякая.

Войди, мой гость, стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...

С тех далеких лет много гостей перебивало в Доме поэта. Но кто знает, многие ли из них задумались над смыслом увиденного и услышанного там, начали свои духовные поиски. Ведь казалось бы, сам интерьер этого второго, уже рукотворного «памятника» мог бы способствовать, так сказать, «пробуждению» хоть некоторых из немалочисленных гостей дома поэта:

Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.
Мой кров убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.

Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шёпот
Не заглушит ни зимний ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот...

И, наконец, заключительный мотив пушкинского «Памятника» возвращает нас к теме «заповеди» поэту, к теме его независимости от дольного мира и послушанию Высшим Божественным силам:

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Волошин в «Доме поэта»:

Мои ж уста давно замкнуты... Пусть!
Почётней быть твердым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я — мы все имели честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я не изгой, а пасынок России.
Я в эти дни — немой её укор.
И сам избрал пустынный сей затвор
Землёю добровольного изгнания,
Чтоб в годы лжи, паденья и разрух
В уединеньи выплавить свой дух
И выстрадать великое познание.

Далее у поэта звучит уже вполне эпическая нота:

Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет всё — Европа и Россия,
Гражданских смут горячая стихия
Развеется... Расставит новый век
В житейских заводях иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля — извечно те же.

Странный настрой: ведь вот же говаривал любимый философ поэта, что «все течет, все меняется», так неужели же «небо и земля» исключение, неужели они не вертятся и не крутятся на всех планах, или в вечности все по-другому? Да и гражданские смуты, как хорошо было известно поэту, все еще имеют обыкновение ритмично возвращаться. И вот в самом конце волошинского «Памятника» возникает излюбленный лейтмотив поэта: полноты жизни, вечности в мгновении (вспомним его эссе «Аполлон и мышь»):

Поэтому живи текущим днём.
Благослови свой синий окоём.
Будь прост, как ветер, неистошим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далёкий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Что ж, чудесный совет для подавляющего числа россиян, в том числе и тех, что посещали Коктебель. Они, кстати, и пользовались этим мудрым советом все эти годы. Ведь советы мудрецов воспринимаются нашим детским народонаселением вполне буквально. Однако же вот и теперь, сейчас, да и всегда остается тревожный вопрос: неужели больше уже никаких гостей Дома поэта не могла бы прельщать перспектива: «В уединеньи выплавить свой дух // И выстрадать великое познание». Познание человека, его мира, природы, истории культуры – и не только такое, которым нас пичкают в наших университетах, а которое передал нам непосредственно из духовного мира великий посвященный XX века Рудольф Штейнер. Кто знает? Будущее покажет...

Вот такие параллели у двух поэтов пришлось обнаружить. Закономерные параллели, потому как источник их... звездный: оба поэта пришли к нам не совсем от папы с мамой (хотя, конечно, через них и с их помощью) и не с Луны свалились (хотя через эти «врата рождения» и проходили – см. венок сонетов Волошина «Lunaria»), а пришли к нам и тот и

другой из созвездия Близнецов. А вы, драгоценный и проницательный читатель, уже, кажется, слегка познакомились выше с его особенными дарами. Но это, кстати, вовсе не означает, что все монады, родившиеся под этим созвездием непременно становятся Пушкиными и Волошиными. Отнюдь! Это касается лишь тех, кто вступил на путь не только просвещения, но и посвящения, ну а нам с вами, драгоценный читатель, дай Бог в наши времена хоть в чем-то приблизиться к своему пути Посвящения.

Разница же между двумя поэтами в том, что «солнце нашей поэзии», Пушкин не был особенно посвященным (то есть, не был, скажем, розенкрейцером, а всего лишь навсего масоном, но и то сказать, кто тогда из «властителей дум» на Руси не был масоном) и свое малое «я» направил не столько в сторону Высшего и Истинного «Я», а в свой, так сказать, «нижний астрал» (который, конечно же, почти в каждом из нас нуждается в просветлении). Все это, естественно, не лишило его гениальности в поэзии, а вот из своей жизни он сковал себе тяжелую цепь препятствий, в которых виновно было не одно только российское самодержавие, не один Дантес... и преждевременно ушел от нас. Однако же вот, в «Руслане и Людмиле» (да и в своем, так называемом «тайном завещании», о котором ходят легенды), если поэму расшифровать эзотерически, в духе времени, он в качестве русского посвященного, но весьма еще бессознательно посвященного, оставил, передал нам еще в годы своей молодости (где-то с 1819 по 1824 гг.), указание (в игровой форме) на выход из социальных катастроф на Руси (но не будем здесь дразнить гусей – то есть слишком уж «проницательных» читателей). Кстати, в его позднем историософском шедевре – «Капитанская дочка» – Пушкин указывает на то, как можно было бы смягчить наше перманентное пребывание в состоянии вечной катастрофы, которая, кажется, уже стала нашим незыблемым социальным устройством.

Теперь становятся понятными те любовь, трепет и благоговение, с которыми относился к своему, так сказать, «брату-близнецу» наш великий посвященный русской культуры, творивший уже в XX столетии. И тому

доказательство известное стихотворение Волошина, как освящающее тот уголок Крыма, где он основал свой мистериальный очаг:

Коктебельские берега

Эти пределы священны уж тем, что однажды под вечер
Пушкин на них поглядел с корабля по дороге в Гурзуф.
(1926)

Закруглим же в кольцевую композицию наш затянувшийся труд и напомним читателю набросок к неоконченному стихотворению Волошина «И нет в мирах страшнее доли...» (1912). Набросок, который мы приводим в начале нашего труда – в симфонии эпитафий. В этом наброске, в котором тоже можно было бы увидеть своеобразный и впечатляющий «Памятник», так же как и в окончательной редакции стихотворения, отразился древний (и он же из далекого будущего) гностический, каинитско-манихейский импульс, глубинно живущий в самосознании Поэта, посвященного в этом воплощении уже в мудрость Духа нашего времени – Михаэля, но осознавшего свою роль и значение в русской культуре именно в материнском (манихейском) – жертвенном аспекте Софии Премудрости Божией:

Я соль земли. В горючей соли
Вся мудрость горькая земли,
Кристаллы зла и темной боли
В ней белым снегом процвели.

Сквозь воскресенье, сквозь могилу
Я пронесу святую боль.
Ведь если соль утратит силу,
Кто сделает соленой соль?

(1981–2010 гг.)

Волошин о ликах поэтов-современников

Вот несколько примеров гениально очерченных «ликов» из эссеистики Волошина, его критических статей, воспоминаний (мы бы хотели провести читателя через экспозицию избранных нами «ликов» из книги «Лики творчества»). Можно начать с «лика» Александра Блока.

«...Лицо Александра Блока выделяется своим ясным и холодным спокойствием, как мраморная греческая маска. Академически нарисованное, безукоризненное в пропорциях, с тонко очерченным лбом, с безукоризненными дугами бровей, с короткими вьющимися волосами, с влажным изгибом уст, оно напоминает строгую голову Праксителя Гермеса, в которую вправлены бледные глаза из прозрачного тусклого камня. Мраморным холодом веет от этого лица.

Рассматривая лица других поэтов, можно ошибиться в определении их специальности: Вячеслава Иванова можно принять за добросовестного профессора, Андрея Белого за бесноватого, Бальмонта за знатного испанца, путешествующего инкогнито по России без знания языка, Брюсова за цыгана, но относительно Блока не может быть никаких сомнений в том, что он поэт, так как он ближе всего стоит к традиционно-романтическому типу поэта – поэта классического периода немецкой поэзии.

Стих Блока гибок и задумчив. У него есть свое лицо. В нем слышен голос поэта. Это достоинство редко и драгоценно. Сам он читает свои стихи неторопливо, размеренно, ясно, своим ровным, матовым голосом. Его декламация разворачивается строгая, спокойная, как ряд гипсовых барельефов. Все оттенено, построено точно, но нет ни одной краски, как и в его мраморном лице. Намеренная тусклость и равнодушие покрывают его чтение, скрывая, быть может, слишком интимный трепет, вложенный в стихи. Эта гипсовая барельефность придает особый вес и скромность его чтению.

Блок напоминает старый, ныне вышедший из моды тип поэта-мечтателя. Острота жизненных ощущений, философская широта замыслов и едкая изысканность символической поэзии сделали этот тип отжившим и смешным. Сами слова – мечты и сны потеряли свою заклинательную силу и стали в поэзии прискорбными общими местами. Но для Блока и мечты и сон являются безвыходными состояниями духа. Его поэзия – поэзия сонного сознания. В таком состоянии духа живут созерцатели, охваченные религиозной мечтой; так чувствовали себя испанские мистики XVII века, отдавшие культу Девы Марии, и средневековые трубадуры, посвятившие себя служению Прекрасной Даме.

Поэзия Блока и есть служение Вечной Женственности, кумир Прекрасной Дамы. Как сомнамбула с закрытыми глазами и простертыми руками, он идет по миру и не находит. Мир для него страшен и раздроблен. Нормальное состояние души его формируется в этих словах:

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

Поэт проходит по улицам и площадям реального города, и несомненно, что город этот Петербург, и Петербург наших дней. Толпа толкает, затирает его; он слышит и ружейные залпы, и проповедь агитатора, и гул голосов, и шум фабрик; он присутствует на демонстрациях и митингах, но все это отделено от него тихим лунным туманом, и все происходящее вокруг него он ощущает и переживает не здесь, а в невидимом граде мечты своей. Все, что приходит извне, претворяется сквозь сонный кристалл его сознания.

– Все ли спокойно в народе?
– Нет. Полководец убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.
– Все ли готовы подняться?
– Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:

Бродят и песни поют.
– Кто ж он, народный смиритель?
– Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его – и ослеп.

Смутность эта напоминает притчу Платона о рабах, прикованных в пещере у стены, и они имеют понятие о мире только по тем теням, которые скользят по сводам, но кто проходит там у них за спиной, за стеной и какой огонь бросает отблеск на своды их пещеры, они не знают. Таково наше познание мира. Не передана ли высшая реальность души в этих смутных тенях, бегло зачерченных поэтом сонного сознания?»¹²⁵

А вот еще изумительный образец, нет, не критики, не литературоведения, не эссеистики, а искусства творения «ликов» – «ликов» творчества двух художников слова в сравнительном плане (и да извинит нас читатель за обширность этой выписки):

«Сологуб и Леонид Андреев несколько не противоречат и не уничтожают друг друга, они не олицетворяют двух каких-либо полюсов в русской литературе, они никак друг другу не соответствуют, они иррациональны.

...Та безвыходность отчаяния, которая одинаково живет в обоих этих писателях, в Леониде Андрееве является нам в виде звука, т. е. крика во "Тьме", а в Сологубе в виде света, озаряющего целую систему темной вселенной...

В то время как Сологуб захватывает всю семицветную радугу света от

¹²⁵ Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 485–486, 489–490.

Интересно отметить как близко подступает здесь Волошин при восприятии этого стихотворения Блока к видению его Даниилом Андреевым в «Розе мира». Волошин писал это в 1907 году и не мог еще увидеть в этом стихотворении пророчество о «цезаризме» на Руси, о котором он писал в 1920 году в эссе «Россия распятая». Даниил Андреев же увидел и осознал, как помнит читатель «Розы мира», в этом стихотворении Блока предчувствие, предвиденье тирании «вождя всех времен и народов» на Руси, но уже задним числом (в конце 40-х – начале 50-х годов XX века). Но Волошин точно указал в каком состоянии сознания увидел это Блок: «сквозь тихий лунный туман... не здесь, а в невидимом граде мечты своей», то есть, по Даниилу Андрееву, в мире подфизического, астрального Петербурга, который подробно описывает автор «Розы мира».

ультракрасных до ультрафиолетовых лучей, Леониду Андрееву доступны только высшие ноты напряжения звука... потому что голос его надорван от крика.

Этот хриплый и прерывающийся крик надрывает сердце своим отчаяньем. В этом, а не в искусстве письма тайна того впечатления, которое производит Андреев.

Художник прежде всего музыкант.

Художник познает законы жизни, т. е. гармонию ее, независимо от его личного приятия или неприятия мира.

У Сологуба, например, познание музыкальной гармонии мира доведено до высших ступеней, но мира он не принимает и жаждет сладкого небытия, мед смерти предпочитает желчи жизни.

С этой точки зрения Андреев совсем не художник. Он не ищет тех внутренних законов, по которым строится жизнь и по которым вырастает Дух.

Собственное свое слепое чувство, не сознавая и не претворяя его, он переносит в мир объективный, украшая обилием реалистических подробностей, цель которых – заставить поверить читателя, убедить в том, что все так и есть...

Всю свою художественную наблюдательность, которая очень велика у него, он употребляет не на постижение законов, а на собиранье импрессионистических подробностей.

Он злоупотребляет ими, совершенно не зная чувства меры, и каждая картина его пестрит нестерпимо тысячами ярких бликов.

Это происходит оттого, что у Леонида Андреева нет живых людей, а есть манекены, которых он заставляет разыгрывать драму своей собственной души, но при этом старается их украсить всеми качествами реальности, сделать их преувеличенно четкими и выпуклыми.

Как пример обратного творчества можно привести Бальзака, который, взяв определенный характер, ставил его в известный круг обстоятельств

и с холодным вниманием ученого, наблюдающего химическую реакцию, отмечал все движения души и действия своего героя.

Тот же метод, но бессознательнее и гениальнее был у Достоевского.

Поэтому нет ничего ошибочнее, как сопоставление Леонида Андреева с Достоевским, которое так невольно напрашивается...

Леонид Андреев вовсе не стремится прозреть в частном общее, а напротив – всякое отвлеченное понятие низводит до частного, снабжая его реалистическими и часто совсем необоснованными признаками.

У хаоса – мятая рожа; у сна – шерстистые щеки; у звуков музыки – безволосые головки.

Все это не символы, не образы, не аллегии, даже не олицетворения, а... бумажки от карамельки, которые он наклеивает не только на подошвы сапог своих трупов, но и на душевные состояния и на отвлеченные понятия.

И вот что выходит: он, будучи по природе своей проповедником, который в покаянном экстазе бьет себя в грудь, кается в своих грехах и обличает других, и вопит и зовет, он вместо этого замыкается в тысячах ненужных реалистических деталей...

Образы, в которые одевает он свои душевные страдания, мертвят и душат то, что он хочет сказать, а сами приобретают ту дьявольскую, мертвенную живость, которой горели глаза гоголевского "Портрета".

Поэтому все его произведения не освобождают, а пригнетают, не дарят, а отнимают...

Не художник нас потрясает в Андрееве, потому что он совсем не художник, не проповедник, потому что он не умеет проповедовать, – потрясает темная и мятежная душа, надрывающая своим косноязычием, невозможностью найти свой ритм, свои слова.

В любом рассказе Леонида Андреева видишь сразу и средоточие его души, и окружность его творчества.

Как личность он сказывается целиком в каждом своем произведении и замыкается в правильный круг.

У Сологуба нечто иное: в каждом из его произведений видишь только один отрезок, окружность, и лишь по изгибу его мысленно представляешь себе, где его центр, но не можешь ни обозреть сразу всего круга, ни коснуться его срединного огня.

Несмотря на свою видимую прозрачность, Сологуб поэт бесконечно сложный, и для того чтобы познать его душу, надо вычислить орбиты всех его произведений.

И тот, кто сделает это, увидит, что он стоит посреди своих планет, подобно Пламенному Змию, который служит для него неизменным символом Солнца.

Как фигуры на гробницах Медичи, мир его нечеловечен, но живет.

Быть может, это одна из возможностей, одно из долженствований мира.

Он прекрасен, строен и создан по тем же законам музыкальной гармонии, что и Божий мир, но только все в нем наоборот и сам он в небе своем, как несправедливое светило – Антисолнце.

"Навыи чары" Сологуб начинает словами:

"Беру кусок жизни грубой и бедной и творю из него сладостную легенду, ибо я поэт. Косней во тьме тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром, – над тобой, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую мною легенду об очаровательном и прекрасном".

Не этими ли словами Светоносец Змий обольщал Еву в раю?

Но сладки обольщения поэта, и очарованию его нельзя противиться...

Но Сологуб сумел достичь того, что сказке его хочется верить, а прочтя "Тьму", – против самой очевидности повторяешь: "Нет, не видел. Ничего этого не было и не может быть".

Со змеиным искусством и неотразимой убедительностью Сологуб развенчивает, опрозрачивает и будничную действительность обывательской жизни, и она становится похожа на серый волнующийся призрак, на наваждение знойного полудня...

"Сознание есть великий разрушитель реальностей", – гласит индусская книга "Голос молчания".

Сознанием этим в высшей степени обладает Сологуб. Он умеет совлекать с жизни покров реальностей и из мечты создавать реальности новые. Что может быть страшнее и реальнее, чем его описание прохождения мертвых по "Навье тропе", и что более похоже на сон, чем споры его социал-демократов и массовка ночью в лесу?

Сологуб умный и недобрый колдун. В своем новом романе он завел огромную колдовскую игру, в которой замешаны силы земные, небесные и дьявольские.

И трудно оторваться от его полуденных наваждений и навьих чар».¹²⁶

В третьей, последней статье о творчестве Леонида Андреева Волошин делает, так сказать, манихейский жест в его сторону, предпринимая трогательную попытку метаморфизировать, потенцировать его мировоззрение и тем самым «лик творчества»:

«В заключение я позволю себе, обращаясь лично к Леониду Андрееву, привести ряд мыслей Вилье де Лиль-Адана из его гениальной трагедии "Аксель". Они дают ответ именно на те вопросы, которые так мучают автора "Жизни Человека" и кажутся ему такими неразрешимыми:

"Ты – только то, что ты мыслишь: мысли же себя вечным. Разве не чувствуешь ты, что твоя непогибающая сущность сияет по ту сторону всех сомнений, по ту сторону всех ночей? Будь цветком самого себя. Будь подобен лавине, которая есть только то, что она уносит с собой.

...Ты выходишь из незапамятного. И вот ты воплощен в одежде плоти, в темницу относительного. Привлекаемый магнитами желания – первичным притяжением, ты уплотняешь охватившие тебя узы, когда уступаешь им. Ощущение, ласкающее дух твой, превращает твои нервы в свинцовые цепи. Каждый раз как ты любишь – ты умираешь.

¹²⁶ Там же. С. 443–449.

...Индивидуальность твоя – это долг, который ты должен уплатить до последнего волокна, до последнего ощущения, если ты хочешь обрести самого себя в неизмеримой нищете грядущего.

...Мир никогда не будет иметь для тебя иного смысла, кроме того, который ты сам даешь ему. Расти же под покровами мира, просветляя его тем высшим смыслом, в котором мы сами найдем свое освобождение! Не умаляй себя сам, подчиняясь рабьим чувствам, которыми он ощупывает и оковывает тебя. И так как никогда не сможешь ты стать вне той иллюзии, которую ты сам себе создаешь о вселенной, то избери наиболее божественную».¹²⁷

Наконец, наглядные, так сказать, иллюстрации в прозе к импульсу, влиянию созвездия Близнецов и Духов формы, действующих через Высшее «Я» Поэта, можно было бы здесь закончить «ликом» Гамлета:

«Трагедия Гамлета сходна с трагедией Эдипа, с тою разницей, что не он убил своего отца и не он женился на своей матери, а его дядя. Преступление, о котором он узнает так же постепенно, как Эдип, для него не личное, а родовое. Он из сына должен стать судьей своей матери. Вина его облегчается, но ответственность усложняется. Но в нем нет того единства воли, чувства и мысли, которое свойственно героям античных трагедий.

В Гамлете вложена душа человека XVI века. Это поворотный момент в развитии европейского духа. Им начинается гипертрофия мысли, отмечающая современную Европу.

В этом веке Дон-Кихот, в котором воля и чувство действуют вне руководства мысли, впервые начинает быть смешным; это век самых жестоких нравов и самых изысканных предательств. И Гамлет пророческий выродок своего века. Он связан с ним, но лишь как одно из отдаленнейших его последствий. В нем мысль пронизывает чувство и парализует волю. Чувство, пронизанное сознанием, – это совесть. "Гамлет" –

¹²⁷ Там же. С. 463. Даны также «лики» братьев Карамазовых у Достоевского, «лик» Черубины де Габриак, лики Бакста, Рериха, Богаевского и лик Ислама.

трагедия совести и в этом смысле прообраз тех трагедий, которые суждено пережить славянской душе, которая переживает распадение воли, чувства и сознания. Это делает судьбу Гамлета особенно понятной и пророческой для России. "Гамлет" для России почти что национальная трагедия. В каких бы вариантах и толкованиях она ни изображалась, ей трудно не захватывать сердце русской толпы».

Приложение № 2

Г. Пархоменко «Волошин и Черубина»

(ответ одному критику)

Здесь нам придётся сделать обширное отступление отнюдь не лирического свойства, дабы развеять дикое обвинение Волошина в «окультурном преступлении», выдвинутое одной учёной дамой, весьма эрудированной в оккультизме, в русской софиологии и даже в Антропософии, но в настоящее время по всем признакам клонящейся к Православию.

Вот так звучит несправедливое клеветническое обвинение в «окультурном преступлении» великого посвященного русской культуры, связанное с историей «Черубины де Габриак»: «Особенно ярко мифотворческий дар Волошина – дар сообщать творимым им "Лицам" действительную жизнь проявился в истории с "Черубиной де Габриак". Если во всех остальных случаях Волошин как бы извлекал миф о писателе из материала его творчества и биографии, ставя затем этот миф перед судом читателя, то здесь цель его была противоположной. Волошин задался целью как бы имплантировать выдуманный им образ в душу живого человека и затем поглядеть, что из этого получится. То, что обыкновенно квалифицируют как мистификацию, карнавальную игру, на деле было оккультным экспериментом, окончившимся для его жертвы жизненным

потрясением, почти что катастрофой. Миф продемонстрировал свою реальную силу – власть над человеческой душой...

Болезненная, с расшатанной психикой Дмитриева охотно пошла навстречу волошинским внушениям. Однако, когда мистификация раскрылась, она пережила страшное потрясение, сопровождавшееся решением расстаться с Волошиным.

"Я стою на большом распутье, – писала она ему 15 марта 1910 года. – Я ушла от тебя. Я не буду больше писать стихи. Я не знаю, что я буду делать. Макс, ты выявил во мне на миг силу творчества, но отнял её от меня навсегда".

Кризис Дмитриевой имел не просто психологическую, но и онтологическую природу. Знаком множества эзотерических учений, Волошин не мог не знать о том, что имя тесно срастается с «я» человека. Будучи живой, самостоятельной сущностью, имя при именовании «вселяется» в душу и начинает изнутри формировать человеческую душу. Приняв волошинский псевдоним, сжившись с ним, Дмитриева, действительно, родилась заново – родилась в миф о самой себе; личность её при этом претерпела онтологическую трансформацию. А после разоблачения мистификации она испытала подобие смерти: в ней реально отмерла та часть её внутреннего существа, с которым было связано имя исчезнувшей навсегда Черубины, иными совами – авторство знаменитых стихов в "Аполлоне".

По-видимому, нельзя утверждать, что в истории с Черубиной Макс "развлекался", как считает один из волошинских мемуаристов. Но как же всё-таки расценить тактику его поведения по отношению к Дмитриевой? Как декадентскую игру? Или в качестве нравственного проступка? Или, скорее, как оккультное преступление? Хуже всего здесь то, что сходные вещи коктебельский мифотворец практиковал не только в случае с Дмитриевой. Свою духовную власть ему хотелось распространить на Марину Цветаеву... Однако благодаря силе своей личности и нерастраченному тогда ещё запасу душевного здоровья, Цветаева соблазну не поддавалась, хотя вряд ли

догадывалась о грозящей ей опасности. В аналогичной ситуации Дмитриева оказалась слабее. Весьма тёмные вещи, жившие в душе Волошина, она приняла, по-видимому за "дружбу, бережность, терпение, внимание, преклонение и сотворчество" (М. Цветаева "Живое о живом"). Между тем Волошиным двигала, надо полагать, та страсть, которой он не распознал бы в Брюсове, не будь он подвержен ей сам, – а именно – воля к власти».¹²⁸

Что ж, на первый взгляд, наша учёная дама оперирует фактами, от которых как будто никуда не денешься. Но это только на первый – самый поверхностный взгляд. Попробуем же проникнуть в суть отношений Волошина с Елизаветой Ивановной Дмитриевой во время истории с «Черубиной», а также в симптомы её духовного и творческого роста после этой истории и в характер её отношений с Волошиным после их расставания с позиции эзотерической духовно-научной психологии (без фрейдистского психоанализа и православного морализирования) на материале писем и дневников как Волошина, так и самой Дмитриевой (в том числе и её стихов 20-х годов). Вникнем, не торопясь с выводами, не занимаясь упрощением, наблюдая, как они творили свои отношения, свои «лики творчества» из своих Высших Я.

Попытаемся всё же непредвзято разобраться в обвинениях Волошина в «окультурном преступлении», «в тёмных вещах, живущих в его душе», в его «воле к власти над душами», привлекая при этом тот материал, который критикессе или неведом, или она не захотела его знать.¹²⁹

Вот что пишет другая исследовательница жизни и творчества Дмитриевой о мистификации с «Черубиной де Габриак»:

«Что же касается этической стороны мистификации, то элемент провокации и скандала, который она таила в себе, преобразовался в своём

¹²⁸ Бонецкая Н. К. Русская Сивилла и её современник. Творческий портрет Аделаиды Герцык. Дом-музей М. Цветаевой. М., 2006. С. 96–99.

¹²⁹ Впрочем, здесь надо отметить, что наша негативная оценка не относится к её достаточно глубокому и убедительному анализу в этой же работе некоторых аспектов эстетики Волошина и его философии времени в эссе «Аполлон и мышь».

мифотворческом аспекте в активизацию личных творческих сил и собственной судьбы. Волошин и Дмитриева разделяли страсть к провокации, которую они видели как пробуждающую творческую силу, взрывающую творческий и духовный застой и рождающую новое. Отсюда влечение Волошина к мистификациям, маскараду, шуткам и его теории искусства, в которых двигательной силой творчества он считает игру. Поэтому Дмитриева так легко решается на опасный для неё самый эксперимент с Черубиной и прекрасно выполняет свою роль. Близкая Волошину по внутреннему складу, Дмитриева стала тем необходимым соавтором-поэтессой, какой ни до, ни после он уже не смог себе найти.

Ещё одно значение, значение мистификации как жизнетворческого акта было связано с личными отношениями Волошина и Дмитриевой. Для обоих авторов создание Черубины явилось неким выходом их любви, мифическим ребёнком, которого в реальной жизни у них не было и мечты о котором много лет спустя отразились у поэтессы в стихах о Веронике...

Мистификация таила в себе очевидную опасность скандала и разрушения литературной карьеры. Однако более важной для поэтессы оказалась возможность перенести теорию поэзии, мифотворчество, в практику, сотворить собственный миф, миф о своей судьбе». ¹³⁰

Вот уже непредвзятая, а потому и более глубокая характеристика причин и мотивов этой совместной мистификации. И такое виденье этой мистификации способно вызвать гораздо большее доверие у непредубежденного читателя, чем стряпанье почти уголовного дела об «окультурном преступлении» чародея и чуть ли не «чёрного мага» Волошина, загубившего навеки душу и индивидуальность – кого?! Любимой им женщины!

Но продолжим далее описание ситуации с «падением Черубины», как это видит непредвзятая исследовательница жизни и творчества Елизаветы Ивановны Дмитриевой: «В те дни Волошин ещё не понимал, каким ужасным

¹³⁰ Ланда М. С. Миф и судьба // Черубина де Габриак. Исповедь. М., 1998. С. 20.

для Дмитриевой оказалось падение Черубины, и думал, что она вернётся к поэзии: «Теперь Лиля уже сама сможет создать свою поэтическую индивидуальность, которая гораздо крупнее и глубже. Но Черубина – тот ключ, которым я попытался открыть глубоко замкнутые родники её творчества».

Если Волошин видел в своей мистификации упражнение в формировании поэтической индивидуальности, то для Дмитриевой Черубина стала частью её собственной жизни.

Он недооценивал психологических последствий своей выдумки, той творческой и личной катастрофы, которой она, в конечном счёте, обернулась для поэтессы». ¹³¹

Отметим, что первая исследовательница жизни и творчества Дмитриевой – М. С. Ланда никакого «окультурного преступления» со стороны Волошина в их совместной мистификации и творении мифа о Черубине не видит, и упрёки её состоят в том, что он «недооценил» психологические последствия своей выдумки. Это вполне возможный и понятный упрёк со стороны добросовестного исследователя-экзотерика, который не обязан разбираться в кармических нюансах и тонкостях их взаимоотношений. Хотя и этот упрёк поэту и последующее её (М. С. Ланды) утверждение о творческой и личной катастрофе Дмитриевой, связанной с разоблачением мифа о Черубине, мы всё-таки поставим здесь под сомнение.

Пока отложим на некоторое время речь о «творческой катастрофе» поэтессы, катастрофе, которой не было. Однако, как ни странно, никто из критиков этого так и не заметил. И поистине пророчески и в наши дни, а не только для XIX и XX веков, звучат слова автора «Русских ночей», нашего Фауста, князя Владимира Одоевского о том, что «русская критика – позор русской литературы». Конечно же, добавим мы от себя, за исключением некоторых эссе русских символистов.

¹³¹ Там же. С. 38.

Но вот что пишет сама Дмитриева о своей личной катастрофе в своей «Исповеди» (1926), посвященной Евгению Архипову: «Судьбе было угодно свести нас всех троих вместе: его (Николая Степановича Гумилёва – Г. П.), меня и Максимилиана Александровича – потому что самая большая любовь моя в жизни, самая недостижимая, это был Максимилиан Александрович. Если Н. С. был для меня цветением весны, "Мальчик", мы были ровесники, но он всегда казался мне младше, то М. А. для меня был где-то вдали, кто-то никак не могущий обратить свои взоры на меня, маленькую и молчаливую...

То, что девочке казалось чудом, – свершилось. Я узнала, что М. А. любит меня, любит уже давно – и к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего. Он мне грустно сказал: "Выбирай сама. Но если ты уйдёшь к Гумилёву – я буду тебя презирать". Выбор уже был сделан, но Н. С. всё же оставался для меня какой-то благоуханной, алой гвоздикой. Мне всё казалось – хочу обоих, зачем выбор! Я попросила Н. С. уехать, не сказав ему ничего. Он счёл это за каприз, но уехал, а я до осени сентября жила лучшие дни моей жизни. Здесь родилась Черубина. Я вернулась совсем закрытая для Н. С.

Мучила его, смеялась над ним, а он терпел, и всё просил меня выйти за него замуж. А я собиралась выходить замуж за Максимилиана Александровича. Почему я так мучила его? Почему не отпускала его от себя? Это не жадность была, это тоже любовь. Во мне есть две души, и одна из них верно любила одного, а другая другого.¹³²

О, зачем они пришли и ушли в одно время! Наконец, Н. С. не выдержал, любовь ко мне уже стала переходить в ненависть. В "Аполлоне" он

¹³² Вот он, так сказать, момент истины! «Хочу обоих, зачем выбор!» Обе исследовательницы истории с Черубиной не обратили никакого внимания на этот момент исповеди Дмитриевой и дружно объявили Волошина виновником её «личной» и даже «творческой» катастрофы, ссылаясь на её письмо от 15 марта 1910 года, когда она стояла на распутье, уже освобождённая от люциферических чар «Черубины» – лишь одного из ликов её творчества, и готовая сама принять ответственность за свою судьбу от своего Высшего «Я». Именно отсюда такая праведная уверенность Волошина, которая и оказалась пророческой: «Теперь Лиля уже сама сможет создать свою поэтическую индивидуальность, которая гораздо крупнее и глубже» (письмо к А. М. Петровой от 29 ноября 1909). Но об этом пойдёт речь ниже.

остановил меня и сказал "Я прошу Вас последний раз: выходите за меня замуж". Я сказала: "Нет!".

Он побледнел. "Ну, тогда Вы узнаете меня".

Вот и всё. Но только теперь, оглядываясь на прошлое, я вижу, что Н. С. отомстил мне больше, чем я обидела его. После дуэли (между Волошиным и Гумилёвым 22 ноября 1909 г. – Г. П.) я была больна, почти на краю безумия. Я перестала писать стихи, лет пять я даже почти не читала стихов, каждая ритмическая строчка причиняла мне боль. Я так и не стала поэтом: передо мной всегда стояло лицо Н. С. и мешало мне.

Я не могла остаться с Максимилианом Александровичем. В начале 1910 г. мы расстались, и я не видела его до 1917 г. (или до 1916-го?) Я не могла остаться с ним, и моя любовь и ему принесла муку.

А мне? До самой смерти Н. С. я не могла читать его стихи, а если брала книгу – плакала целый день. После смерти стала читать, но и до сих пор больно. Я была виновата перед ним, но он забыл, отбросил и стал поэтом. Он не был виноват передо мной, даже оскорбив меня, он ещё любил, но моя жизнь была смята им – он увёл от меня и стихи и любовь...

И вот с тех пор я жила неживой: шла дальше, падала, причиняла боль, и каждое моё прикосновение было ядом. Эти две встречи всегда стояли предо мной, заслоняли всё: я не могла остаться ни с кем.

Две вещи в мире всегда были для меня святыми: стихи и любовь. И это была плата за боль, причиненную Н. С.: у меня навсегда были отняты и любовь и стихи. Остались лишь призраки их...» (1926 г.).¹³³

И ещё одно откровение поэтессы – конец её автобиографии 1927 года: «В самой себе я теперь гораздо ближе к православию. Дороже всего для меня Флоренский, как большая поэма, точно дантов "Рай".

В нашей стране я очень, очень люблю русское, и все в себе таким чувствую, несмотря на то, что от Запада так много брала, несмотря на то, что я Черубина. Всё пока... Всё покров...

¹³³ Исповедь // Черубина де Габриак. Исповедь. С. 274–276.

Я стану Елисаветой (курсив наш – Г. П.).

Между Черубиной 1909–1910 годов и ею же с 1915 года и дальше лежит очень резкая грань. Даже не знаю – одна она и та же или уже та умерла. Но не бросаю этого имени, потому что чувствую ещё в душе преемственность и не приемлю ни прежней, ни настоящей Черубины, взыскую грядущей. Я ещё даже не знаю, поэт я или нет. Может быть, мне и не дано будет узнать это. Одно верно – нечто от Сивиллы есть во мне, только это горечь уже: в наше время нести эту нить из прошлого. Сивиллину муку настоящего, потому что ей не дано ясного прозрения, но даны минуты ясного сознания, что не в её силах удержать истоки уходящего подземного ключа.

Так в средние века сжигали на кострах измученную плоть для вящей славы духа.

Теперь от мира я иду в неведомую тишину и не знаю, приду ли. И странно, когда меня называют по имени... И я знаю, что я уже давно умерла, – и всё вы любите умершую Черубину, которая хотела всё воплотить в лике... и умерла. А теперь другая Черубина, ещё не воскресшая, ещё немая.... Не убьёт ли теперешняя, которая знает, что колдунья, чтобы не погибнуть на костре, должна стать святой. Не убьёт ли она облик девушки из Атлантиды, которая всё могла и ничего не сумела?

Не убьёт ли?

Душа уже надела схиму».¹³⁴

Если быть непредвзятым, то есть духовно-научным исследователем, то из «Исповеди» и из «Автобиографии» трудно сделать вывод об оккультном преступлении Волошина, о его вине в «личной катастрофе» Дмитриевой, о тёмных вещах, живших в душе Волошина и о его чуть ли не демонической «власти над душами». Но из этой «Исповеди», а также из «Автобиографии» можно заключить, что не история с Черубиной и не разоблачение этой совместной мистификации (мифа) Волошина и Дмитриевой были причиной

¹³⁴ Автобиография // Черубина де Габриак. Исповедь. С. 271–272.

«личной катастрофы» Елизаветы Ивановны, а её те самые «две души, из которых одна верно любила одного и другая другого». Жизнь её, по её же признанию, была смята Н. С. Гумилёвым, а не Волошиным. Именно Гумилёв увёл от неё, как она пишет, «и стихи и любовь». И ещё стоит обратить внимание на одно признание Дмитриевой в её «Автобиографии»: «нечто от Сивиллы есть во мне, только это горечь уже: в наше время нести эту нить из прошлого». Такое знание о себе предполагает и смирение, и сознательное изживание этого мучительного состояния души и своей кармы, что мы и видим в жизненном пути поэтессы после «конца» Черубины.

Что же касается Волошина, то после расставания с Дмитриевой он напишет стихотворение, где проявилось его понимание кармической ситуации, возникшей после «Черубины».

Твоя душа таит печали
Пурпурных снов и горьких лет.
Ты отошла в глухие дали, –
Мне не идти тебе вослед,
Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам –
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным словам...
(1910)

Но это ещё и в ответ Дмитриевой, которая писала ему перед его отъездом из Петербурга 4 февраля 1910 г. «Не знаю, когда приду, только ты меня жди». Поэт с полным пониманием принимает её свободное решение уйти от него. Это по поводу его, как выражается критикесса, «власти над душами». И тут следует подчеркнуть, что Волошин не властвовал над душами в своём окружении (в отличие, скажем, от Вячеслава Иванова или Брюсова), а в некотором роде творил души, пытаясь приподнять их над самими собой, дать возможность их Высшим «Я» действовать в них. В этом заключалась его высшее искусство – искусство теургии.

Но на чём же всё-таки основывалась надежда Волошина, что «Лиля теперь уже сама сможет создать свою поэтическую индивидуальность,

которая гораздо крупнее и глубже» (лика Черубины)? Это ведь, по сути, надежда, что Высшее «Я» и Истинное «Я» Дмитриевой претворит, метаморфизирует тяжёлое душевное состояние, идущее из её прошлых жизней, что её самосознающая душа окрепнет и сможет управлять разными ликами своего творчества. Эта надежда основана на очень близком ей мирочувствии, мироощущении (т. е. на родстве душ) гениально выраженном Волошиным в 13 и 14 сонете его непревзойдённого во всей русской и европейской поэзии по глубине, таинственности и мастерству венке сонетов «Corona astralis», посвященному именно ей!

13

Тому в любви не радость встреч дана,
Кто в страсти ждал не сладкого забвенья,
Кто в ласках тел не ведал упоенья,
Кто не испил смертельного вина.

Страшится он принять на рамена
Ярмо надежд и тяжкий груз свершенья,
Не хочет уз и рвёт живые звенья,
Которыми связует нас Луна.

Своей тоски – навеки одинокой,
Как зыбь морей пустынной и широкой, –
Он не отдаст. Кто оцет жаждал – тот

И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберёт,
А тёмные восторги расставанья.

14

А тёмные восторги расставанья,
А пепел грёз и боль свиданий – нам.
Нам не ступать по синим лунным льнам,
Нам не хранить стыдливого молчанья.

Мы шепчем всем ненужные признанья,
От милых рук бежим к обманным снам,
Не видим лиц и верим именам,
Томясь в путях напрасного скитанья.

Со всех сторон из мглы глядят на нас
Зрачки чужих, всегда враждебных глаз
Ни светом звёзд, ни солнцем не согреты,

Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы, –
В себе несём своё изгнание мы –
В мирах любви неверные кометы!
(1909)

Это мирочувствие, мировидение находит подтверждение, ответный импульс в стихотворении Дмитриевой «Золотая ветвь», в стихотворении, где выражен импульс Высшего «Я» самой поэтессы, которое могло бы творить, на что надеялся Волошин (да и творило, как мы постараемся показать), не один её «лик творчества». Вот где следовало бы критикам искать тайну её кармических отношений с Волошиным и, конечно же, тайну ее собственного творчества (её несколько «ликов творчества»).

Золотая ветвь

Моему учителю

Средь звёздных рун, в их знаках и названьях
Хранят свой бред усталые века,
И шелестят о счастье и страданиях
Все лепестки небесного венка.
Но в них горят рубины алой крови;
В них грустная в мерцающем покрове,
Моя любовь твоей мечте близка.

Моя любовь твоей мечте близка
Во всех путях, во всех её касаньях,
Твоя печать в моих воспоминаньях,
Моей любви печать в твоём лице,
Моя любовь в магическом кольце
Вписала нас в единых начертаньях.

Вписала нас в единых начертаньях
В узор судьбы единая тоска;
Но я одна, одна в моих исканьях,
И линия Сатурна глубока...
Но я сама избрала мрак агата,

Меня ведёт по пламеням заката
В созвездье Сна вечерняя рука.

В созвездье Сна вечерняя рука
Вплела мечту о белом Иордане,
О белизне небесного цветка,
О брачном пире в Галилейской Кане...
Но есть провал в чертах моей судьбы...
Я вся дрожу, я вся ищу мольбы...
Но нет молитв о звёздном океане.

.....
Пусть наша власть над миром велика
Ведь нам чужды земные знаки власти;
Наш узкий путь, наш трудный подвиг страсти
Заткала мглой и заревом тоска.

Заткала мглой и заревом тоска
Мою любовь во всех её сверканьях;
Как жизни нить мучительно тонка,
Какая грусть в далёких очертаньях!
Каким бы мы ни предавались снам,
Да сбудется завещанное нам
Средь звёздных рун, в их знаках и названьях.

Средь звёздных рун, в их знаках и названьях
Моя любовь твоей мечте близка,
Вписала нас в единых начертаньях
В созвездье Сна вечерняя рука.
Но нет молитв о звёздном океане.
И наших дум развёрнутые ткани
Заткала мглой и заревом тоска.

Высшее «Я» поэтессы точно видит как общность их судеб, то, что их единит, – так и свой путь добровольного одиночества (см. второе и третье семистишие). И если у Волошина его одиночество «изгнанника, скитальца и поэта», так сказать, раздвоено: он, по его выражению, «близкий всем, всему чужой», его Высшее «Я» (через душу самосознающую) несёт в себе тысячу «ликов творчества», обращённых к людям, к существам духовного мира, – то Высшее «Я» и самосознающая душа Дмитриевой может проявить в этом воплощении лишь ограниченное число «ликов творчества» и для неё существует опасность замкнуться в одном из них (девушки из Атлантиды,

Сивиллы, Черубины, древнекитайского поэта). И она пытается противостоять этой опасности. Она пытается сознательно изживать в этом воплощении лики её прошлых жизней. Поэтому она, её Высшее «Я» избирает трудную судьбу.

Весной 1911 г. Дмитриева выходит замуж за Всеволода Николаевича Васильева, меняет фамилию и уезжает из Петербурга. По профессии инженер-гидролог, Васильев работал над различными проектами в Средней Азии, и молодая чета отправляется в длительное путешествие по Туркестану.

Оставив поэзию, как ей казалось тогда, навсегда, Елизавета Ивановна Васильева выбрала новый жизненный путь – путь духовного познания. Она проводит несколько лет в Швейцарии и Германии у Штейнера, возвращаясь в Россию на короткие промежутки времени. Её занятия антропософией были настолько успешны, что уже к 1913 году она становится первым официальным представителем Антропософского Общества в России. С 1915 года Дмитриева снова начинает писать стихи.

И здесь нам хотелось бы напомнить читателю те слова Волошина (из письма А. М. Петровой), где он, после раскрытия мистификации с Черубиной, высказывал уверенность, что «теперь Лиля уже сама сможет создать свою поэтическую индивидуальность, которая гораздо крупнее и глубже» (чем один из ликов её творчества – Черубина).

И действительно, с 1913 года Е. И. Дмитриева-Васильева, избавившись, наконец, от люциферического наваждения Черубины, тесно соприкасается с Антропософией, развивает свою самосознающую душу. И «глубоко замкнутые родники» её творчества, «раскрытые ключом Черубины» дают удивительные и прекрасные плоды в русской поэзии, плоды абсолютно не замеченные, проигнорированные всеми критиками, писавшими о её творчестве.

С 1915 года она снова начинает писать стихи, сначала как антропософские упражнения или стихи с антропософской тематикой, а затем более личные, лирические стихи, наполненные новым глубоким

философским смыслом, в том числе и смыслом того, что происходит с Россией и её загадочными душами.

Вот несколько примеров таких стихотворений.

* * *

Божья Мать на иконе –
Не спокоен тёмный лик,
И зажата в ладони
Свечка гаснет каждый миг.

В сердце нету отголоска.
Все молитвы расточа,
Сердце тает, как из воска,
Воска жёлтого свеча.

Сердце тает, в сердце жалость,
Может быть, к себе самой.
И последняя усталость
Опустилась надо мной.

Только слышу чей-то голос...
На иконе словно мгла:
«Колосится Божий колос...
Разве ты не поняла?

Я тебя послала жницей.
Только тот, кто нерадив,
Может плакать и томиться,
Ничего не завершив.

Если ты боишься муки,
Я сама свершу свой путь».
И тогда, ломая руки,
Я шепчу ей «Позабудь...

Позабудь мой грех невольный,
Отпусти мой тяжкий грех
Сердцу стало слишком больно
За себя. За нас, за всех...

Я не буду малодушной,
Только снова улыбнись...»
Пахнет воском воздух душный,
Вечереет в окнах высь...

В мягких отблесках заката
Умирают скорби дня...
Ангел грустный и крылатый
Тихо смотрит на меня.
(1921)

* * *

Как в этом мире злых подобий
Была душа искажена.
В сомненьях, ревности и злобе
Как долго мучилась она!

И шли часы без перемены,
И мрак и бездна впереди!
Но вот раздвинул кто-то стены
И властно мне сказал: «Гляди!»

Мои глаза привыкли к мраку,
Какой непостижимый свет!
Но я гляжу, покорна знаку,
И прежней боли в сердце нет.

Иль боль моя, дойдя до крика,
Уже не чувствует себя?
Нет, это ангел светлоликий
Пришёл, о грешнице скорбя.

Он говорит, что путь сомненья
И двоедушен и лукав,
Что мы познаем воскресенье
Лишь смертью смерть в себе поправ...

И тает прежнее неверье
В восторге видящей души
И блещут ангельские перья
И говорю я: «Поспеш!»

Ты осенил меня победой,
Но обо мне скорбит мой друг.
К нему спешу, ему поведай,
Что мой окончился недуг!»
(1922)

России

Господь, Господь. Путей России
Открой неведомый конец...
Наш первый храм – был храм Софии
Твоей Премудрости венец.

Но дух сошёл в темницу плоти
И в ней доселе не потух.
В языческом водовороте
Блуждает оскорблённый дух.

И восхотела стать крылатой
Землею вскормленная плоть,
И младший брат восстал на брата,
Чтоб умереть и побороть.

И шли века единоборства,
И невозможно сосчитать
Земли тяжёлое упорство
И роковую благодать.

В двойном кощунственном соблазне
Изнемогали времена.
И, вместе с духом, – лютой казни
Была земля обречена.

И мы пошли «тропой Батыя»
И нам не позабыть нигде,
Как все места для нас святые
Мы жёлтой предали орде...

Мы душу продали татарам
В незабываемый полон
И был навек под Светлоярм
Твой храм престольный погребён.

И мы – одни в огне и дыме
Неутоляющего зла,
И всё больней, всё нестерпимей
Звучат твои колокола.

Господь, Господь. Наш путь неправый.

В глазах – любовь. В ладони – нож.
Но облик наш двойной, лукавый,
Весь до конца лишь Ты поймёшь.

Мы любим жадною любовью,
И, надругавшись до конца,
Мы припадаем к изголовью,
Целуя губы мертвеца...

Земной наш облик безобразен
И навсегда неотвратим...
Кто наш заступник – Стенька Разин?
Иль преподобный Серафим?

Никто из нас себе не верен,
За каждым следует двойник...
Господь Ты сам в любви безмерен
В нас исказился Твой же лик.

Ты нам послал стезю такую,
Где рядом с бездной – высота,
О вечной радости взыскуя,
Твердят хуления уста.

Перед крестом смятенный Гоголь
Творит кощунственный обет,
И жжет в огне во имя Бога
Любовь и подвиг многих лет.

Мы все у огненной купели,
Мы до конца себя сождем.
Приди, приди. Мы оскудели
Скорбя об имени Твоём.

В Тебе, Тебе спасенье наше.
В последней битве – Ты оплот,
В Твоих руках – святая чаша,
Да каждый с миром отойдёт.

Да осветится это место,
Где попирали дух и плоть...
Россия – скорбная невеста.
Её возьмёт один Господь.

Освободит от поруганий,

Целуя в грешные уста,
И браком в Галилейской Кане
Её вернётся чистота.

И станут светлыми глубины
Её замороженных рек,
И ветви горькие рябины,
И на полях – весенний снег.

Преображённые, другие,
Пойдём за ней, не помня зла,
Когда к небесной литургии
Нас призовут колокола.

(1922)

* * *

Страна моя. В тебе единой
Моей судьбы веретено...
В твоих лесах, в твоих равнинах
Любовью сердце крещено.
И от тебя – звериный голод
И чуда жаждущая кровь...
Дай пронести сквозь мрак и холод
Такую русскую любовь.

(1922)

* * *

1

То не ветер в полях над ракитою
Снежной россыпью вьётся вокруг,
То не сердце вздыхает убитое –
Обо мне запечалился друг...

Не поможешь словами волшебными,
Не утопишь в заморском вине,
Не замолишь в соборе молебнами,
Не забудешь во сне.

Плачет девица в тесовой горнице,
Плачет днём и ночами не спит, –
Так ко мне ли, убогой затворнице,
Ты стучишься в покинутый скит.

Коли горем не тронулся девичьим,
Так моей ли слезой изойдёшь,
Обернулся Иваном-Царевичем,
А взглянула, за поясом нож.

Не курила крещенским я ладаном,
Не кропила святою водой,
Предречённым пришел, да негаданным,
Ничего, что такой.

Где уж быть нам святыми и чистыми,
Как прикинемся, так и живём...
Мчимся в тройке с звонками да свистами
Полыхая бесовским огнём...

Будто мороком сердце ужалено,
Только морок желанней, чем явь,
По морям, по лесам, по прогалинам,
Вскачь и вплавь.

В очи бесы нам машут рябинами,
Рассыпаются звоном в ушах...
Крылья, крылья блестят лебединые
В камышах...

Эх, не молодцу с тройкой управиться,
Если руки от хмеля дрожат...
То не белая лебедь-красавица...
Обернешься ли, милый, назад.

Мы с тобою не цепью прикованы,
Обручились единым крестом...
Эти губы не в церкви целованы –
Постучи под девичьим окном.

Оба, оба с тобой мы бездомные, –
Белой Лебеди в очи смотри,
А зелёные очи, аль тёмные
Всё равно не видать до зари.

Разольётся ночами бессонными
Неуемный разбойничий хмель...
Буду ночью стоять пред иконами,
Расплетая твою же кудель.

Неизбывную радость узнала я,
Только радость зовётся тоской...
Нитка жёлтая, синяя, алая,
А узор-то мудрёный какой.

Не порву всё по нитке распутаю,
Двух концов узелком не свяжу,
За твою ли за душу беспутную
Все молитвы, как песню, твержу.

2

Господи, помилуй нас.
Все мы крещенные,
Да не тем крестом,
Души у нас непощенные,
Распаленные
Дьявольским огнём.

Молимся, не поднимая глаз...
Господи, помилуй нас.
Не проходит хмель...
Огненная купель:
Душу опалила...
Господи, помилуй....

С Твоих вершин
До наших глубин
Опусти ангельские мечи...
Господи, растопчи...

Со святыми упокой...
А его-то душу сделай такой,
как слеза умильная....
Охрани ото зла.

Сердце моё – зола
Каильная,
Тлен и прах...
Свет зажги Ты в его очах...
Грешного не отжени,
Сохрани...

3

И зовёт, зовёт за окном метель,

И поёт, поёт под рукой кудель...
Нитка тянется,
Свечка теплится...

А грехи твои все замолены
Словом святых
Кровью мучеников...
(1922)

* * *

Казалось тебе – за высокой оградой
Цветущий весенний сад...
Ты раньше не знал такого сада?
Ведь это ад!

Листья на деревьях – черны как уголь,
Вода в канавах – горький яд...
В этом саду потеряешь друга,
Изорвёшь о камни брачный наряд.

А на чёрном дереве – серая птица
Поёт о том, что вечен закат,
О том, что милый любимый рыцарь
Не возвратится назад.

За высокой оградой о радостном чуде
Глупые люди зря говорят...
Но здесь никогда ничего не будет.
Здесь только ад!

(1925)

* * *

Весь лёд души обстал вокруг,
Как отраженная ограда,
А там совпал полярный круг
С кругами Ада.

Там брата ненавидит брат...
В немом молчанье стынут души,
А тех, кто обращён назад.
Змеей воспоминанье душит.

И громоздятся глыбы льда...
Но кротко над вратами Ада

Неугасимую лампадой
Горит полярная звезда.

(1927)

Подорожник

Вот облака закрыли журавли—
Куда их бег?
Не уходи от горестной земли,
Останься, человек!

Останься здесь, где есть песок и камень,
Он расцветёт.

Все ночи жди, и будет ожиданье
Напряжено, как молнии в грозу, —
Где ты видал цветы благоуханней,
Чем здесь, внизу?

Пусть ты устал, пусть нет воды и хлеба,
Пусть ты один и негде ночевать.
Он голубой, он голубее неба...
Ты будешь ждать?

(1928)

Все эти приведённые нами стихотворения – разве не на уровне лучших лирических шедевров Цветаевой и Ахматовой? Так о каком же упадке творчества Е. И. Дмитриевой-Васильевой после конца «Черубины» идёт речь у критиков? Может быть, можно вести речь об их слепоте? Ведь не увидели, проглядели «поэтическую индивидуальность, которая гораздо крупнее и глубже Черубины».

Вот ещё некоторые важнейшие вехи её творческой биографии в изложении исследователя её жизни и творчества М. С. Ланды.

В апреле 1927 года, в разгар кампании Советской власти против антропософов Васильеву арестовывают по статье 58, параграф 11: «активная борьба с рабочим классом при царском правительстве и при белых». Все книги, бумаги и письма пропали при обыске. Произведения Е. И. Васильевой, как это было тогда принято, больше не публиковались и не

переиздавались. Только её пьесы получили долгую читательскую жизнь, потому что издавались под именем Марианны...

В июне 1927 года Васильеву выслали этапом на Урал, а к августу она добралась до Ташкента, где работал её муж. Тяжелые обстоятельства ареста и дороги по этапу, ссылка, которая лишила её любимых друзей, города и оторвала её от активной творческой деятельности, были жестоким испытанием. Она мечтает навестить Волошина в Коктебеле, но уехать из Ташкента ей не удаётся. Но и в ссылке Елизавета Ивановна находит друзей и творческую работу. Она продолжает заниматься антропософией и проводит ознакомительные лекции среди местных теософских групп, состоящих в основном из ленинградцев, занесённых судьбою в Среднюю Азию. Сохранились анонимные воспоминания о Васильевой одной из слушательниц этих лекций: «Большие её глубокие чёрные глаза всматривались в каждого, и, казалось, проникали в самое сердце. Глаза эти потрясли меня... Васильева говорила образно, ярко, с огромным подъёмом, который я с нею вместе переживала. Она умела создать в беседе такую уютную теплоту, такой накал и контакт, что вся моя душа с трепетом и благоговением раскрывалась перед ней».

Проездом из Японии в Ташкент заехал Ю. К. Щуцкий (друг Е. И. Васильевой, синолог, полиглот, музыкант, антропософ), и неожиданно Елизавета Ивановна создаёт цикл стихов «Домик под грушевым деревом». Для этих стихов, которые стали её последними, она избрала авторское «я» не менее поразительное, чем псевдоним её первых стихов: цикл написан от лица вымышленного ссыльного китайского поэта Ли Сян Цзы. Так путь её поэтического творчества начался и закончился слиянием в искусстве автора и мифа, само-мифотворчеством.

Поэтично уже само Предисловие к циклу, написанное с помощью Юлиана Щуцкого в духе китайских поэтов.

В образе китайского поэта-философа звучит лирический голос настоящего автора: «В 1927 году от Р. Х., когда Юпитер стоял высоко в небе,

Ли Сян Цзы за веру в бессмертие человеческого духа был выслан с Севера в эту восточную страну, в город камня.

Здесь, вдали от родины и близких друзей, он жил в полном уединении, в маленьком домике под старой грушей. Он слышал только речь чужого народа и дикие напевы жёлтых кочевников. Поэт сказал: "Всякая вещь, исторгнутая из состояния покоя, звучит". И голос Ли Сян Цзы тоже зазвучал. Вода течёт сама собой, и человек сам творит свою судьбу: горечь изгнания обратилась в радость песни».¹³⁵

И если здесь вернуться к началу нашего эссе – к обвинению Волошина в смертных грехах со стороны Н. Бонецкой, то странная выходит история: как же это наша критикесса не догадалась обвинить на сей раз уже Юлиана Щуцкого (ведь не простой синолог, а переводчик «Книги перемен», китайской библии!) в точно таком же «окультурном преступлении» и «жажде власти» над доверчивой женской душой?! Ибо ведь он, несомненно, вдохновил, инспирировал её на этот «китайский цикл, пытаюсь лишить её – её истинного имени». Да и умерла она, можно ведь предположить, в следующем, 1928 году, возможно, именно из-за того, что опять-таки не учла опыт с «Черубиной» и под чужим влиянием вжилась в чуждое ей имя псевдокитайского поэта (Ли Сян Цзы)! Ведь, согласно имяславию, «nomen est omen». Однако оставим эти смелые домыслы – Н. Бонецкой.

Но вот избранные нами стихи (их немного) из псевдокитайского ссыльного поэта. Они не совсем, так сказать, о ностальгии по родине (хотя есть в них и это).

Они (в тайне своей) о её, Елизаветы Ивановны, неизбывной любви (может быть, читатель сам догадается, к кому именно), об угрозе панмонголизма и, что совсем уж удивительно в «китайском цикле», о михаэлическом импульсе духа, подступившем к Елизавете Ивановне в конце её земного пути, после стольких лет страданий и испытаний на пути её посвящения.

¹³⁵ Черубина де Габриак. Исповедь. С. 187.

Ведь она с честью выдержала все три основные испытания: «огнём», «водой» и «воздухом» (см. «Очерк Тайноведения» Рудольфа Штейнера).

Чего же более мог бы желать себе истинный антропософ в наши дни?!
Вот эти стихи.

Старая книга

Как для монаха радостны вериги,
Ночные бденья и посты –
Так для меня (среди этой пустоты!)
Остались дорогими только книги,
Которые со мной читал когда-то ты!
И, может быть, волшебные страницы
Помогут мне не ждать... и покориться.

Вожатый

На пороге гость крылатый:
Строгий облик. Меч и латы...
Под землю – змей –
Источает смрад и пламя,
Вниз с открытыми глазами
За крылатыми шагами
Вниз иди смелей.

Тень героя

Здесь всюду мчался белый конь
Молниеносного героя,
И среди пыли, вихря, зноя
Звучат рога его погонь.
И как запекшийся огонь
Стал цвет земли тёмно-лиловым.
О, странник, к битве будь готовым.

Земля

В пустыне знойной нет дорог...
Последний бой был здесь проигран...
Как будто жёлтой шкурой тигра
Покрыт трепещущий Восток.
Но кровь текла... И Джин Проклятый
Забрызгал кровью весь песок –
И стала шкура полосатой.

Человек

Ему нет имени на небе.
И на земле, куда пришёл.
Поняв, как дар, позорный жребий,
Он оправдания не нашёл.
Здесь каждый встречный горд и зол.
Мой брат, ищи Его внутри,
Не забывай Его – гори.

И, наконец, последнее по порядку, но не по важности. Поэтесса в последний год своей жизни, за три месяца до смерти, откликнулась на ожидание Волошина, на строки из его прощального стихотворения. Напомним читателю эти строки:

Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам—
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным слова...

Елизавета Ивановна успела сказать эти слова. Вот концовка из её письма к нему от 08. IX 1928:

«Ты всегда помни, Макс, что я тебя люблю.
Мне сейчас тихо и радостно внутри. Болезнь многое изменила. (...)
Крепко целую Марусю –
И тебя, дорогой Макс!
Твоя Лиля».¹³⁶
Далее, как говорил Гамлет, – молчание...

¹³⁶ Там же. С. 317.

Мамлеев о Вечной России и Русской Бездне

Позволим себе развлечь нашего драгоценного читателя и дадим наконец высказаться самому автору завораживающе поэтической Доктрины Вечной России (пусть только читатель наберется доброжелательного терпения). Вот наиболее яркие отрывки из этой, можно сказать, поэмы в прозе и одновременно шедевра метафизического юмора, на наш взгляд. Да станут они рефреном, контрапунктом, приятной убаюкивающей мелодией, сопровождающей наш основной текст о Русской Бездне.

«Обратим внимание сначала на одну, казалось бы, вполне объяснимую хотя и противоречивую особенность русского начала — любовь к своей земле и уход от нее в беспредельность, в трансцендентные сферы. Иными словами, любовь к земле и к Духу надмирному одновременно... Сама "земля", то есть бытие русской земли, России имеет провиденциально-трансцендентный смысл, означающий, что эту землю нельзя просто бросать ради Неба, что "русская земля" и Небо вступили между собой в какие-то особые отношения. Эти отношения не означают просто, что "земля" должна быть освящена Духом для жизни на ней (или служить мостом между субстанцией и чистым Духом), — в этом случае земля все равно "вторична" по отношению к Небу и служит лишь для манифестации Духа в природном мире, мире Великой Материи. Такая ситуация вполне нормальна с точки зрения Духовной Традиции, но в данном случае наивысший уровень интерпретации русского отношения между "землей" и "духом" выходит за эти пределы таким образом, что "земля", "Родина", "Россия" оказывается любимой, по крайней мере, в той же степени, как и Небо, но не потому, что "земля" так же дорога, как и Небо, а в трансцендентном, запредельном смысле. "Земля" нужна Небу (или Россия — Духу) для выражения некоей духовной тайны, причем Небо и земля как бы слиты в единой запредельности, в едином трансцендентном отношении, и в этом смысле

Небо было бы "неполным" Небом без Земли. Высшей манифестацией этого равнотрасцендентного отношения является равная сила любви, стремления русских одновременно и к земле и к небу. Это особенно проявляется и в русской культуре, когда "земля" трансформируется уже в Россию — в полном смысле этого слова. Уход к Духу, любовь к Нему — на одной стороне русской истории; а на другой — любовь к России, и обе эти "полярности" не просто одинаково равноценны, уравнивают друг друга, но они вступают между собой в эзотерические отношения, оказываются связанными силой одинаковой любви в нечто единое. Само Небо в душе русских как бы говорит: не бросай Россию, это тайна... Совершим еще один мистический круг. Этот круг — русская тоска... Именно эта тоска (без "объекта" тоски), эта тревога при полноте бытия является указанием на то, что русский ум хочет выйти за пределы реальности, реальности вообще, реальности Абсолюта, Первоначала. Мы не говорим сейчас о тоске религиозной неутоленности, которая тоже, конечно, есть в России, а именно о Чистой Тоске (Тоска при вере в бессмертие, в Бога, тоска не по какой-либо видимой причине). Эта тоска имеет фундаментальное метафизическое значение, и она всегда присутствовала в русской реальности. Именно о такой внеонтологической тоске писал один из русских поэтов-пророков, Волошин: "Твоей тоске причаститься", — ибо такая Тоска имеет действительно собственную метафизическую Реальность, отвечает некоей последней тайне. И к ней необходимо быть причастным. Эта Тоска указывает на стремление выйти из тюрьмы Реальности вообще (ибо она не основана на тоске по чему-то "реальному") и не только на это: раз тоска по Внереальности существует, значит, есть и возможность выхода "туда"...

Вся эта в высшей степени парадоксальная Бездна, точнее, намек на нее с редкой силой выражен у другого нашего поэта — Георгия Иванова в знаменитом стихотворении:

Россия счастье. Россия свет.
А может быть, России вовсе нет.

Здесь проявлено мистическое переживание России, во-первых, как Света, Счастья (следовательно, и присутствия в ней Бога), и, во-вторых, России как Отсутствия, России, которая внутренне ушла во Внереальность, и потому ее как бы "нет" (конечно, не в буквальном смысле). И неудивительно, что великие русские поэты и писатели метафизически переживали и такое. В этом тайноведческом стихотворении есть еще строчка: "А может быть, Россия – только страх" (и о смысле страха перед Россией мы скажем потом) и, наконец, строчки о "музыке, сводящей с ума". Это действительно так, ибо самые эзотерические "мотивы" русской музыки, включая особенно стихи народных песен с их "подводными" интонациями, вообще весь "подтекст" русской музыки прямо ведут в ту бездну, в которую ведет и беспредметная Русская Тоска ("черная музыка" Блока). А это и есть тот тайный уровень, то тайное ядро, которые присутствуют и во второй реальности Русской жизни, и в ее великой и не познанной еще культуре, и в ее будущей метафизике. Указанием на эту крайнюю степень трансцендентности (которую и обычные люди могут носить в себе, не сознавая ее) в России являются и такие сугубо российские мистические переживания, как "лишенность" и "обездоленность". Все это присутствует в России "почти везде": и в ее природе, отражающей Русскую Душу, и в ее поэзии, и в жизни...

(Вспомним здесь хотя бы эти тютчевские стихи:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа! – Г. П.)

"Лишенность" эта имеет те же качества, что и Чистая Тоска, то есть она не лишенность чего-либо (что, разумеется, является другим видом "лишенности", которая есть везде), а "лишенность" сама по себе, "лишенность" как качество самого бытия (как будто бытие хочет перейти в иное) – и в русском изобразительном искусстве это особенно, почти непередаваемо выражено в некоторых пейзажах, картинах русской природы. Самое главное, что такого рода "лишенность", "обездоленность", "тоска" на

этом уровне имеют явно выраженный позитивный смысл — и это надо понять...

Несомненно, всем этим реалиям может сопутствовать страдание — но в данном случае это, конечно, метафизическое страдание, то есть страдание, вытекающее из причин не от мира сего, причем это страдание, которое существует не из-за отсутствия метафизической полноты, а, наоборот, именно из-за ее присутствия. В идеале это "страдание", которое присутствует при Взгляде в Бездну, по ту сторону Реальности...

Поэтому совершенно естественно, что русские "любят" страдание, ибо оно связано с их высшей тайной, и все это находит полное подтверждение в особом характере русской культуры.

Вспомним опять слова Достоевского о потребности нашем в страдании: "У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье для него не полно". Это очень точно сказано, именно наличие "счастья" и "страдания" одновременно, во всем этом чудовищно-русском парадоксе и есть намек на присутствие "тревоги", "тоски" даже в ситуации наполненного бытия, счастья, благополучия...

Мы жаждем "уютю", "покою", "земли", устойчивости, но мы и не можем отделаться от страсти к бесприютству и бескрайнему сиротству (это при нашем-то Боге, Боге Отце — "сиротство": вот еще пример нашего высшего метафизического "безумия", открывающего то, что совершенно недоступно другим существам, и видимым и невидимым). Нам действительно остается искать приют в Запредельной Бесконечности, стоять на ногах на нашей родной земле, а сознанием своим уходить в "необъятность", которая тоже дана нам как символ и на физическом уровне: как "необъятность" нашей земли. (Как-то неловко становится здесь за автора этой поэмы: как-то он умудрился не обратить внимание, увлекшись, очевидно, мудростью Веданты, — см. ниже — на то, что мы, в некотором роде, при всей нашей бесовщине, при всем окаянстве, еще и народ Христа (отсюда наша Голгофа) и Святого Духа, да и вообще народ Троицы, а не только Бога-Отца, Запредельной

Бесконечности (Бездны), в которой и пребывает (чуть ли не как четвертая ипостась Троицы, но впрочем за Троицей), Россия Вечная. То есть, по автору – за адской бездной и за Бездной Троицы! Вот уж где, воистину, как выражались средневековые номиналисты, «умножение сущностей без надобности» и как выразился только что наш автор, «пример нашего высшего метафизического "безумия"». – Г. П.)

Другая наша особенность, тоже подводящая нас к "неуловимому ядру", то есть к "последнему отношению" с Абсолютом, это та особенность, о которой не раз писалось, но которая представляет собой нечто иное, чем "чистая тоска".

Это то тайное, скрытое желание (в нашей душе) "взорвать" мировую гармонию (вспомним здесь в первую очередь «подпольного» человека Достоевского и его «бесов» – Г. П.).

Этот "взрыв" (недаром Волошин писал о культуре "взрыва" в России) фактически направлен на то, чтобы, так сказать, открыть за далью даль, то есть смять, уничтожить "старую" фиксацию на "старом мире" (из которого ушел дух), чтобы прорваться в новую реальность (в стихии знаменитых строчек Андрея Белого: "В пространствах таятся пространства"). Иными словами, отстранение одного мира ведет к открытию другого. Но это – на экзотерическом уровне. На высшем тайном уровне – "отстранение мировой гармонии" может быть связано именно со взглядом в Бездну, в своем пределе в Бездну, которая "по ту сторону Абсолюта" (то есть во Внереальность, которой "нет")» (а может быть, в Бездну более простую и примитивную – люциферическую?! – Г. П.).

Во всяком случае, здесь возникла необходимость напомнить еще раз нашему просвещенному читателю строки Волошина из его поэмы «Бунтовщик» («Путями Каина») как раз о «культуре взрыва» в России:

Век Прометея кончился – на смену
Пришел век взрыва. В горне очага
Паялся род, алтарь и государство,
Но очагом отныне будет взрыв,

Что сплавит мир иным вселенским сплавом.

.....

Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены, как мина,
Заряженная в недрах вещества!
Вы – пламя, замурованное в безднах,
Вы – факел, кинутый
В пороховой подвал!
Самовзрыватель, будь же динамитом!
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней, размах! отжившую планету
Швырните бомбой в звездные миры!
Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля?
И в сонмах солнц не вспыхнет новым
Солнцем,
Косматым сердцем Млечного Пути?

Впрочем, если это помнит просвещенный читатель, и самые зрелые романы другого гения – Андрея Белого – «Петербург» и «Москва» посвящены этой самой «культуре взрыва». (И пусть не сильно возмущается наш «проницательный» читатель, наш «премудрый пескарь», – тут уж теперь с этим ничего не поделаешь...)

«С этим аспектом "взрыва мировой гармонии", что является также и проявлением Сакрального Хаоса в нашей Душе, связан тот уровень, о котором много говорилось, – именно русская "апокалиптичность"... Смысл нашей "апокалиптичности" во взрыве в неизвестное, в желании открыть (прорыть щель в Иное, оставить пространство, пусть и "бездное", для прорыва в то, что назрело в глубине национальной души и что нуждается в объективизации. Из-за этого стремления к прорыву в наше бесконечное — такая ненависть, отвращение, отмеченное у нас и иностранными наблюдателями, историками, ко всякой фиксации, ко всякому "правовому государству", ко всякой оформленности, которые мешают такому прорыву.

То, что на каком-то подпольно-тайном последнем уровне нашего бытия создает в нас скрытую духовную тревогу, может быть выражено как напряжение, контраст между чувством Бога и русской тоской, между Богом и

Бездной, между стремлением нашим уйти к Божеству, к Отцу, и желанием остаться с Россией, с ее неприкаянностью и непонятными прорывами в Неизвестное...

Так о чем же идет речь? Речь идет об особом тайном качестве России, не выходящем пока на поверхность ее бытия и истории, но таком скрытом качестве (или качествах), которое непосредственно связывает ее с началами, о которых человечество не имеет никакого представления.

Эти "силы" на самом деле выражают ту Внереальность, (а теперь, читатель, внимание, просыпайтесь, если вы дремали, – начинаются самые интересные, прелестные места этой феерической Басни-поэмы! – Г. П.), которая выходит за пределы концепции Абсолюта, Бога в Самом Себе, и которая трансцендентна по отношению к Абсолюту, к Реальности и Божественному Ничто, метафизической Полноте. Эта сфера истинно запредельного, истинно трансцендентного, по ту сторону всего, что есть Реальность и на чем покоится Реальность. Эта сфера (в отличие от Божественной) нам не дана и которой как бы "нет" (в нашем понимании). Это — Бездна, которая как бы "окружает" Реальность, Истину и Безмолвие, то есть Абсолют, Бога в Самом Себе, соприкасаясь с Ним или "соприкасаясь" особым образом...

Говоря о выходе за пределы Абсолюта, мы говорим об истинно трансцендентном, о "сфере" (важно помнить, что слова здесь уже имеют относительное значение) по ту сторону всего, что есть Реальность, о "сфере", которой "нет", которую невозможно "реализовать" и в которую невозможно войти (напротив, сфера Божественного открыта и дана нам в реализации Абсолюта, согласно адвайте-веданте и ее практике), в которой все становится как бы потусторонним самому себе. Но эта недоступность Запредельной Бездны (так наиболее адекватно можно выразить эту сферу), принципиальная невозможность ее "реализации", "вхождения" в нее должна быть понята позитивно, иными словами, вступить в "контакт" с тем, чего "нет", можно только на основании принципа "тоски" и абсолютной лишенности

(лишенности не чего-либо, а лишенности как метафизического принципа). Поэтому "обладать" тем, чем "обладать" невозможно, можно только отказавшись от принципа "обладания", который действителен только в мире Абсолюта, в мире Реальности... Мы не можем выразить, каково есть "содержание" Запредельной Бездны — ибо подход к этому на уровне "мира Абсолюта", на уровне Реальности абсурден и невозможен: "там", в Бездне, все иное, и все "ценности" иные. Запредельная Бездна по ту сторону и Реальности и Нереальности, она — Внереальность по ту сторону Абсолюта. И Абсолют, по существу, является лишь "телом" истинно трансцендентного, а не его "сущностью" и "духом"; он "окружен" Запредельной Бездной, как Океаном, и является лишь "лодкой" в этом Океане ("лодкой", в которой находимся и мы; разумеется, эта Бездна, как она трактуется в "Последней доктрине", не имеет отношения ни к шуньяте, ни к нирване буддистов, ни к Ниргуна-Брахману ведантистов, ибо состояние нирваны, например, нельзя "описать", но можно "достичь", по отношению к Запредельной Бездне ни о какой реализации принципиально не может быть и речи, но "контакт" с Нею может дать больше, чем любая реализация).

"Контакт" с Запредельной Бездной предполагает сначала реализацию Абсолюта (то есть достижения бессмертного Бытия), но одновременно предполагается некоторый "отрыв", "отлив" от Центра (при сохранении ключей "бессмертия") на Периферию, в мир, ибо только там — в страдающем мире — возможно перепонимание всех негаций, страданий, лишений (которые концентрируются и символизируются в понятии "смерти"), как неких "щелей" в Запредельную Бездну. Во всяком случае, только на Периферии возможно найти определенные "щели", определенные "дыры" в Бездну (что невозможно в сфере полного Блаженства и Покоя). Иными словами, посвящение в Бездну не отменяет традиционное посвящение в Абсолют. С другой стороны, сам мир, где становится возможным "контакт" с Запредельной Бездной, мир, на котором лежит "отсвет" Бездны — такой мир приобретает иные, "необычные" черты.

На наш взгляд, именно Россия, (среди всех иных Вселенных, видимых и невидимых) имеет к этому очевидное отношение, но, конечно, в том смысле, что Россия является носителем некоего "тайного качества", в котором "отражается" эта Бездна, ибо, естественно, Она не может быть "выражена" ни в чем, с чем обычно имеет соприкосновение человечество, тем более в том, что заключено в так называемой мировой истории, ибо никакая "мировая история" этого не вместит, да и Она не может быть выражена на таком низком уровне. Единственное Ее выражение, и оно есть именно в России, это выражение в форме некоего тайного метафизического "качества" или "качеств", которые при их раскрытии делают возможным "контакт" с Бездной и тем самым превращают Россию в "иную" страну. (Вот, наконец, дан ответ на мучивший нас так долго вопрос: куда же несется гоголевская птица-тройка, – куда же несется Русь? Вот теперь только и дан тебе, «проницательный» читатель, ответ – несется она не просто ко всем чертям, как ты мог бы подумать по наивности, не просто в Бездну, – в Запредельную. – Г. П.)

То, что эта Бездна начинает себя "отражать" (особым образом, конечно), очевидно как раз на примере России, как носительницы "тайного качества". Следовательно, эта Бездна как бы "курирует" Россию. Это может означать весьма и весьма многое, но вовсе не только и не обязательно "Защиту" в банальном смысле этого слова. (А тут-то теперь нам и становится понятным, почему нас так и не могут «защитить» ни царь, ни Бог и ни герой, – Г. П.) Смысл этих отношений (между Россией и Бездной) настолько грандиозен, что выходит за пределы всякой мировой истории, поэтому неизбежно Россия перерастает рамки человеческой истории, и она, следовательно, есть космологическое явление. Иными словами, Россия неизбежно должна существовать (и существует на всем необъятном космологическом уровне, а не только в пределах манвантар, то есть человечеств космических циклов, о которых говорится в индуистской космологии).

Конечная тайна этого "последнего отношения" между Бездной и Россией как будто бы "непостижима", но это как раз такая "непостижимость", которая может раскрыться, ибо если Бездна "показывает себя" или "отражается" в мире — значит, что-то кардинально меняется во Вселенной.

Кроме того, поскольку такого рода "отношения" неизбежно могут разворачиваться на метафизическом пространстве Космического и Сверхкосмического — то в самой исторической России заложено зерно Ее расширения до "Сверхкосмического уровня"...

Следующий, и последний, кардинальный вопрос — о том, почему такая "Запредельность" связывает себя с тем, что существует всего-навсего на манифестационном уровне, на уровне мира, на уровне Периферии (по отношению к Центру, то есть к Богу).

Бездна по ту сторону Абсолюта, при всей Ее "инаковости" по отношению к Центру, с ее принципом Трансцендентной лишенности, только и должна "проявляться" на Периферии, ибо Центр (то есть Бог) — полностью самодостаточен, и только в ситуации удаленности от "самодостаточности", то есть на Периферии, в мире, может быть "понята" Запредельная Бездна.

Иными словами, на Периферии могут быть метафизические качества, которых нет в Центре, то есть на Периферии (в России) "есть" то, чего нет в Центре. Ясно, что это уже выходит за пределы обычной духовной Традиции (которая имеет дело только с Абсолютом и "его" мирами), ведь Бездна того, чего "нет", как раз и является Иным по отношению к Абсолюту. Очевидно также, что "смысл" присутствия этого Иного в "мире Абсолюта" (в нашем мире) выходит за пределы познания в обычной всемирной духовной Традиции (включая ее самую богатейшую ветвь — индуистскую). Можно, конечно, понять это таким образом, что в этом случае мы имеем дело с попыткой Абсолюта "познать" то, что выходит за пределы Его "природы" посредством того, что находится на Периферии, ибо на Периферии есть качества (например, страдание), которые полностью отсутствуют в Боге, но которые могут служить неким метафизическим "окном" для "приближения" к

Запредельной Бездне. (Тут можно было бы напомнить автору, да и драгоценным читателям, если бы они интересовались тем, что «не снилось нашим мудрецам», так вот напомнить им, что Мир богов (то есть Бог), начиная с Мистерии Голгофы, через опыт Христа уже познакомился с самой «субстанцией страдания и смерти», – так что Веданте не все ведомо! – и только некоторые бодисатвы игнорируют это знание: отсюда непонимание Христа и Мистерии Голгофы на Востоке. – Г. П.)

Тайные качества России и являются таким "окном". Единственное, что может ограничивать Бога — это его собственное Совершенство. (Боже, так и хочется напомнить здесь нашему «проницательному» читателю, что... Богато, оказывается уже нет – в средневековом, богословско-абстрактном понятии, он уже как будто «умер»: ведь его еще Ницше «прикончил». А кто же тогда есть?! – воскликнет возмущенный читатель. А есть Святая Троица с Ее Тремя Ипостасями (Бог-Отец; Бог-Сын и Бог-Святой Дух); есть девять божественно-духовных Иерархий, о которых, кстати, благочестивые верующие, да и лица духовного звания не должны много знать; есть в центре Мироздания Человек с его Высшим и Истинным «Я» – будущая десятая Духовно-божественная Иерархия Свободы и Любви; есть София Премудрость Божия, с Ее тремя аспектами и уровнями; есть, наконец, иерархии трех ликов зла – трех главных демонов зла, к которым только и можно отнести представления о «Бездне» и есть материя как сгущенный дух, есть и элементарные духи природы. И все они как-то соотносятся и не стоят на месте, проходят свои метаморфозы... Но на что нашему такому «проницательному» читателю вся эта «Гекуба», хотя «Гекубе» он и не совсем безразличен: разные силы этой «Гекубы» за него борются, а он часто того и не подозревает. И захочет ли он обо всем этом знать и ведать – «вот в чем вопрос», по выражению Гамлета. Увы, принц Датский-то стремился хоть что-то узнать о том, что «не снилось датским мудрецам», а мы народ в этом смысле совсем не любопытный и еще долго обречены пребывать в своих

собственных грезах, иллюзиях и видениях, не желая знать, так сказать, выхода из них... Но продолжим познание доктрину Вечной России. – Г. П.)

В Боге нет никакого несовершенства: страдания, смерти, негаций... Обобщая все человеческие негации словом "страдание", можно сказать, что страдание имеет два уровня: один, обычный, связан с ограниченностью человека, с несовершенством его (смерть, болезни и т. д.)... Но, видимо, в страдании есть высший элемент ("субстанция страдания"), который имеет метафизическое значение (в частности, как "окно", о котором шла речь)... Бог, чтобы познать то, чего в нем нет, но что имеет тайное метафизическое значение, посылает частицу своей Божественной природы (идеальную человеческую душу) в мир тьмы и греха, чтобы познать через свое таинственное воплощение в человеке "субстанцию чистого страдания", которое есть страдание не из-за чего-либо, а само страдание как таковое — ибо, возможно, именно через это Бог познает то, чего нет в вечности, а может быть только в иллюзорной тварности. И именно в России страдание может приобретать самый его высший смысл и превращаться в то "окно", в щель в Бездну...

(Вот как будто бы здесь эта мысль автора Доктрины Вечной России соприкоснулась с манихейской легендой; вот, казалось бы, соприкосновение, которое могло бы преобразовать всю эту метафизическую поэму еще и в манихейскую... Однако же дело до этого так и не доходит: не хватает одного шага на этом пути: отсутствует ступень преобразования страданий, горя, тьмы, зла, все свелось только к познанию «субстанции чистого страдания», к познанию Богом того, «чего нет в Вечности». Но ведь Бог не занимается чистым познанием ради познания, вроде как «искусством ради искусства». Его познание – это и есть сам процесс преобразования тьмы и страдания метаморфоз и трансмутация их в духовный Свет, в «Свет не вечерний». Согласно манихейской легенде, человек после его создания был послан Богом во тьму не для вечного страдания, а для преобразования Тьмы в Свет, когда первая посягнула, напала на второй. И это единственный способ

«наказания» Тьмы со стороны Божественного Света. Посланцы Божественного Царства Света, которые осознали свою жертвенную миссию и сознательно ее исполняют и есть истинные манихеи. Они призваны жертвенно принимать в себе тьму и перерабатывать, просветлять ее в себе и в мире, нести крест уже не своей кармы, а кармы других. Поэтому-то их деятельность становится такой актуальной, важной, незаменимой для России, пребывающей в бездне и омуте, на ближайшие столетия – в эпоху «войны всех против всех». Вспомним здесь наиболее ярких представителей Софии в ее материнском аспекте в русской культуре, которые творили в духе манихейского импульса: Достоевского – образ Сони Мармеладовой, как прообраз будущего манихейского христианства; все творчество Андрея Платонова, в особенности образы «Котлована» и «Счастливой Москвы»; творчество Леонида Андреева и его сына, великого русского мистика – Даниила Андреева с его «Розой мира»; наконец, творчество А. И. Солженицына, в особенности его «Иван Денисович» и «Матренин двор».

Русская же идея как идея Святой Руси сейчас абсолютно не в Духе времени – в далеком будущем, в шестую послеатлантическую культурную эпоху она может и выйти на передний план, если от Руси и русского народа что-то останется, если они выживут к тому времени. В такой же ее форме она являет собой в наше время только всю свою беспомощность и бессилие в противодействии невиданному злу. Более того, князья и княжны Мышкины с Платоном Каратаевым вкупе, которые никогда не переводились на Руси, сами того не подозревая, готовят почву для прихода и воцарения той монады, которую описал Владимир Соловьев в «Трех разговорах» и еще более колоритно изобразил Даниил Андреев в «Розе мира» (имеющий глаза и уши, да видит и да слышит). Потому-то, что они пожелали застрять во младенчестве, в душе ощущающей. Жажда их обратить почти все человечество в счастливых святых младенцев, их тотальное игнорирование путей посвящения, уже данных человечеству из аспекта истины Софии, как раз и приводит в конечном счете к воцарению той самой монады. Жизненный

парадокс: такого рода христиане готовят своим счастливым неведением зла свой противополож, то есть приход Антихриста. Ибо кому-кому, а этой монаде и требуется, ей-то и подавай всю биомассу Платонов Каратаевых и князей Мышкиных... Но вернемся к философской поэме в прозе Юрия Мамлеева. – Г. П.)

И отсюда становится понятна русская любовь к страданию, хотя в силу русской антиномичности не менее глубока в нас любовь к бытию и к жизни. Понятно также из всего изложенного, почему историческая Россия появилась в период Кали-юги (период падения и страдания): "золотой век" исключает тайные возможности, о которых мы говорили. К тому же "счастье" оглушает все "существа", кроме Бога.

Итак, мы сказали достаточно, хотя бы для первоначального понимания, что такое в действительности есть Россия. Тогда становится окончательно понятным внутренне-пророческий, скрытый смысл строчек Есенина:

Если крикнет рать святая:
"Кинь ты Русь, живи в Раю! "
Я скажу: "Не надо рая —
Дайте Родину мою".

Интуитивно Зов Родины, зов Вечной России оказался в нем сильнее зова рая — тем более что, как известно, рай для посвященного не более чем "тюрьма" (пусть и "счастливая"), в то время как Вечная Россия — несравнима с этим состоянием по своей сути. И, хотя можно утверждать, что в силу того, что многие русские не познали эту суть и их собственная Родина остается "непознанной" ими, в то же время даже малая частичка русскости в душе каждого из нас потенциально ведет к Вечной России...

Само присутствие этого тайного уровня и обеспечивает России ее космологическое и вечное существование. Россия становится не только бездноносителем, но и носителем высшей тайны, тайноносителем ее. Она связывает Абсолют с Бездной вне Его. "Идея" России (Вечная Россия) возникла в Абсолюте как мир связи, как великий

Посредник, между Ним и тем, что "вне Его", хотя "вне Его" ничего нет, ибо только таким языком можно пока что-то сказать о Запредельной Бездне. Потому Россия — при всей ее связи с бытием, во всех его проявлениях — является в то же время на своем тайном, скрытом уровне цивилизацией непостижимой "Внереальности"...

Но сияние выше родного русского бытия в России также необходимо, как и "поиск" Бездны, тем более чтобы искать Бездну — надо "быть" и "быть" в предельном значении этого слова.

Сочетание того, что "есть" и того, чего "нет" (но непостижимым образом "присутствует") — это высшая последняя ступень прославленной русской совместимости несовместимого, ее беспредельной антиномичности. Именно в такого рода антиномичности наиболее выражен тайный отблеск Бездны в самом существе нашей Родины. Напомним, и некоторые другие метафизические качества, в той или иной степени связанные с присутствием этой Бездны в России: 1) Стремление к Бытию и стремление в то же время к Запредельному. Самоутверждение и самоотрицание; 2) Любовь к бесконечному, неутоленность веры; 3) Тоска, лишенность (даже при полноте бытия и т. д.); 4) Стремление и возможность воплощать в жизнь самые невероятные и "фантастические" идеи; 5) наличие "второй реальности", "Сакрального Хаоса", прорыва в иное и т. д...

Может быть, именно в связи с этим станет окончательно ясным самый затаенный уровень тютчевского гениального: "Умом Россию не понять...". Положение великого Посредника между Абсолютом и Запредельной Бездной означает, что это сочетание Бытия (исходящего от Абсолюта) и Запредельного (исходящего от Бездны) делает Россию "новым" третьим метафизическим Началом (наряду с Абсолютом и Запредельной Бездной), которое обладает своими неповторимыми чертами и новыми качествами. Но "стихия" Запредельного в России парадоксально означает также, что России непременно надо Быть и Быть в высочайшей степени, ибо только тогда можно вынести это бремя Запредельного...» (И далее этот бредовый миф о

«России Вечной», как о фантастическом предчувствии шестой послеатлантической (славянской) культуры Самодуха (Святого Духа), а также следующих трех перевоплощений Земли согласно Духовной науке эзотерического христианства – Юпитера, Венеры, Вулкана, а затем и Вселенной – зона Святого Духа (см. Рудольф Штейнер «Очерк тайноведения») разворачивается у Мамлеева не менее интересно, а даже более. См. стр. 125–172 самостоятельно, а то мы уже устали забавлять читателя этого Приложения).

Приложение № 4

О действии элементарных духов на Руси

В «Русской бездне» копошатся еще и другие невидимые физическими глазами существа, которые действуют на человека весьма для него плачевным образом. Если бы Вы только знали, драгоценный читатель, как они оболванивают россиян, Вы бы не поверили! А каким же образом? На этот вопрос дает нам блестящий эзотерический ответ петербургский антропософ Михаил Андреев в журнале «Антропософия в современном мире» № 5, 2001 г., приоткрывая нам, может быть, одну из самых, скажем так, неприятных тайн русского человека, живущего в России:

«В течение жизни человек сознательно или бессознательно работает над своим физическим телом, а плоды этой работы берет после смерти в духовный мир. Свое физическое тело, как труп, он оставляет четырём элементам мира природы. Для дальнейшего развития Земли его труп очень важен. Стихийные сущности, получающие труп человека после его смерти, исходят из того, что смысл человеческого бытия состоит в том, чтобы передать труп земле. Разумеется, мы, люди, думаем не так; эта истина лишь для элементарных существ! Однако есть элементарные существа, которые имеют способности внушать эту истину людям. Они оказывают такое

влияние на людей в России, что человек бессознательно несёт в себе желание покоиться в земле. В нём живёт желание всю свою жизнь направить на то, чтобы земля приняла его труп. (О, тут интересно было бы узнать, а имеет ли подобное «скрытое чувство» наш драгоценный, проницательный читатель и согласен ли он с мнением элементарных существ по поводу смысла его жизни. Но, увы, мы, кажется, так этого никогда и не узнаем. Не проводить же, в самом деле, репрезентативное анкетирование! – Г. П.)

Под действием этих стихийных духов человек склоняется к тому, чтобы не видеть в повседневной жизни необходимости для инициативы, ибо успех его жизни уже предопределён. Поэтому он не обращается к своему прошлому, не ориентируется на будущее, он придаёт значение только настоящему. Существенная черта русской действительности состоит в том, что человек невнимателен к прошлому, к своей истории. Русский человек инстинктивно чувствует, что история не может его ничему научить. Первые русские просветители Карамзин, Пушкин, Чаадаев были бесконечно удивлены тем, как русский народ может жить, не понимая своей истории. Истории России как таковой не существовало вплоть до начала XIX столетия; можно сказать, что для русских история ещё и сегодня остаётся в обычном понимании чем-то непознанным и неоткрытым.

Второй особенностью русской жизни, ещё лучше указывающей на стирание прошлого из сознания, является отсутствие педагогики. (Если педагогика и возможна в России, то только творчески взятая антропософская (вальдорфская) педагогика. – Г. П.) Конечно, в России есть школы, но ни одной фактически, которая может поставить личность на ступень её достижений (то есть достижений в прошлых инкарнациях – Г. П.), вывести её на уровень действительной зрелости. К чему стремиться, для чего получать образование, если всё сводится к тому, чтобы быть преданным земле? Поэтому и система образования в России не нацелена на то, чтобы кто-то получил хорошее образование. Это хорошее образование можно и здесь получить, но не благодаря, а вопреки системе образования. Несчастье

заключается в том, что способный человек, рождаясь в России, вынужден прибегать к иной школе. Человек учится непосредственно у жизни, он, можно сказать, посещает школу жизни, приобретая способности ориентироваться в настоящем, которое одно лишь имеет для него цену. Образование, которое он может получить в общеобразовательной школе, не стоит того, чтобы к нему стремиться. Для этого существует ряд исторических и социальных причин, но главной из них является всё же отношение к образованию как таковому. На Западе образование помогает человеку увереннее относиться к жизни, быть полноценным членом общества, но в России образованный человек становится выброшенным из общества и, вследствие этого, отверженным и несчастным. (А как обстоит дело с вами, наш драгоценный читатель, может быть, оно пошло вам впрок и вы сделали карьеру, достигли «степеней известных», или вас образование сделало тоже немного отверженным и несчастным? Но все равно, не жалеете, не расстраивайтесь, что вы все-таки потеряли время и хоть что-то из наук узнали... А впрочем, давно известно, что познание только умножает скорбь. Но зато и сама скорбь, даже если мы вынесли ее из Школы Жизни, дается нам во испытание. – Г. П.)

Следующей существенной чертой русской действительности является своеобразный сон. Этот сон – следствие вышеназванного отношения русского человека к смерти. Можно сказать, под воздействием упомянутых элементарных существ человек бессознательно живёт так, как будто после смерти он перейдет не в духовный мир, но в мир элементарный. (Так, между прочим, живут и умирают многие герои романов и рассказов Юрия Мамлеева. – Г. П.) Это означает, что он, оставаясь в нынешнем времени, не замечает, что попадает во власть сил прежних инкарнаций. Однако русский человек таков не по своей природе, но становится таковым в ходе жизни. Дети в России не менее активны, чем другие дети во всём мире. Но первый жизненный опыт и воспитание не приучают их к проявлению инициативы. Их опыт показывает им, что благодаря собственной инициативе зачастую

нельзя достичь ожидаемых результатов – и радость от активности исчезает. Опыт становится привычкой. Обычно человек надеется, что, благодаря определённой мере честолюбия и стремлению, можно достичь желаемой цели, но в большинстве случаев он не видит связи между своими усилиями и ожидаемым результатом. Жизнь учит его: "Что бы ты ни делал – результат будет один", "лучше подождать; придёт то, что должно прийти". Этот своеобразный подход к жизненным задачам напоминает сон. Это состояние сна есть фантом, который указывает, собственно говоря, лишь на сущности, отнимающие у человека способность быть активным...

Эти сущности встречаются только в области России и нигде на Западе.... Внимание этих сущностей направлено на экономические, культурные и другие области, где крах предприимчивости людей становится их удовольствием. Не они служат причиной неудач для человека, но благодаря им все препятствия на пути активного в жизни человека (в том числе и естественно возникающие) в дальнейшем оборачиваются катастрофой, приносящей с собой окончательное крушение его предприимчивости. Таинственным образом противостоят они каждому новому начинанию и дальнейшему развитию человека. Этот феномен действует во всех жизненных областях, которые требуют человеческой активности. Однако действия стихийных духов скрыты от человека, поэтому он воспринимает их как силы природы, стихийные силы, которые внезапно повергают его в несчастье...

Всё это приводит к тому, что русский человек не интересуется ни своим прошлым, ни своим будущим. Возникает вопрос: для чего необходимо ему это состояние сна, воля без будущего, неосознанность своего исторического происхождения и самой истории? Если бы он проявлял интерес к прошлому своей страны, если бы он прилежно занимался науками, делал бы больше необходимого, если бы ему давалось всё, что нужно для осмысленной и исполненной достоинства жизни – что бы происходило тогда? Школа Жизни потеряла бы свой смысл. Но как раз это не должно произойти. Жизненная

школа существует в России как прочная и невидимая реальность. Она делает жизнь в России исполненной тайны. Тайна состоит в том, что существует нечто, данное свыше, являющееся более значимым, чем любое образование, права человека, благосостояние и т.д. Ибо всё это становится иллюзией, чем-то поверхностным и, собственно говоря, ложью, за которой спрятано нечто более важное и существенное, противопоставляемое всему вышеназванному, как правда, правда жизни. В России существует правда!

Это не образ, это реальность. Русский человек в любой момент может проснуться и достичь созерцания истины жизни. В России можно встретить людей, которые прошли Школу Жизни и восприняли в себя нечто с этой таинственной стороны русской действительности. Существует, конечно, научная правда, научные истины, даже истины духовной науки, но кроме научной истины можно говорить об истине жизни. Русский человек учится понимать своё истинное положение благодаря встрече с жизнью, где он сталкивается с духовными существами. Он может ничего о них не знать, но в его сознании отражается эта встреча, как столкновение с истинной действительностью.

Для того чтобы оказать сопротивление этим элементарным существам, человеку необходимо осознать, что он сам несёт в себе противника. Иначе он будет вынужден отказаться от каждого своего намерения и, минуя познание, идти по жизни с постоянным чувством подавленности и угнетённости. Влияние стихийных духов основано не на индивидуальной карме человека, эту подавленность чувствуют и несут в себе все люди в России. И это есть то самое, что погружает их в сон. Можно рассматривать этих элементарных существ как тёмных, диких, которые своей тяжестью пригибают молодые ростки любой творческой активности человека, парализуя её и тем самым получая силы для роста. В общем и целом они стараются лишить жизнь человека её смысла.

На помощь человеку приходят другие существа: михаэлические светлые духи. Они рады, когда ему удаётся освободиться от действий тёмных

существ и провозгласить победу здорового разума. Это происходит именно в тот момент, когда человек находит истину, когда он в михаэлическом существе встречается с высшим духовным миром. Это и есть смысл обучения в Школе Жизни, которая существует в России. Здесь борьба, которая всегда присутствует в сознании человека, выносится во вне, в проявленные жизненные обстоятельства. Те русские души, которые проходят названную Школу, так закаляются в жизни, что после смерти они уже могут стать соратниками Архангела Михаила, присоединиться к его войску.

Элементарные существа, которые подавляют активность человека, нельзя путать с его двойником. Духи стихий – это не люциферические и не ариманические, но природные силы. Люциферические и ариманические силы ослабляют человека в борьбе, происходящей в его душе между светлыми михаэлическими духами и тёмной властью элементарных существ. С другой стороны, можно сказать, они и защищают человека от стихийных духов, конкурируя здесь с михаэлическими духами. Ариманические существа, к примеру, пытаются вместо той истины, которую человек познаёт, если правильно проходит жизненную школу, навязать ему свою, ариманическую истину.

Ариман говорит человеку: "Ты видишь, в этой стране ты никогда не достигнешь успеха честным путём. Переступи узаконенную человеком мораль. Действительность сурова, и ты потеряешь себя, если не выкинешь из головы свои глупые представления о добре и зле. Ибо этому учит тебя правда жизни". Так происходит в тот момент, когда человек претерпевает поражение в своей деятельности благодаря влиянию элементарных существ. Ариман предлагает ему применение противоправных средств, чтобы любой ценой достигнуть желаемой цели. Особенно часто действие Аримана проявляется тогда, когда человек совершает кражу – деяние, которое в России принимает угрожающую форму. Можно сказать, русский человек склоняется к тайному или открытому воровству не из слабости, не потому что "он не ведает, что творит", но больше из убеждения, что воровать его учит сама жизнь, что он

не имеет выбора. Многие люди в России даже не замечают, что добывают свой хлеб воровским или полуворовским путём. Иногда это хитро замаскировано законом... Поэтому неудивительно, что в России существуют люди, успешно работающие во многих областях, не прикладывая усилия к познанию правды, заменяя её азбучной истиной и отрекаясь от настоящей истины в пользу Аримана.

По-другому вмешивается в противостояние темных и светлых сил Люцифер. Он старается смягчить разочарование и малодушие человека, в которые тот погружается, не понимая истинных причин. Он внушает человеку: "Жизнь, которую ты влачишь, действительно не достойна тебя. Ты призван к наполненной, бьющей ключом, интересной жизни. У меня есть для тебя средство; если ты его примешь, ты больше не будешь страдать от разочарований, которые наполняют твою жизнь". Это средство – алкоголь...

То, что переживает каждый человек в России в своей собственной жизни, он переживает как некую перечеркнутость прошлого, как смерть внутри жизни, вслед за которой надо начинать все сначала, не оглядываясь назад, а все время учась у настоящего момента. Только в обычных, не слишком тяжелых жизненных условиях Люцифер и Ариман чаще всего сужают и приглушают столкновение человека с правдой жизни. Люциферические и ариманические двойники не допускают тогда человека увидеть и пережить страшную действительность.

В своей незамутненной чистоте этот пример правды жизни дан русским людям в грандиозном образе ГУЛАГа. С тех времен, собственно, ничего не изменилось; остались все те же существа, все то же противостояние. Можно сказать, что русская душа, как и прежде, ориентируется лишь на данный момент времени, ставит своей целью "оставаться жить", не веря в то, что "чем больше она приложит усилий, тем лучше будут ее достижения". Жизненная школа остается; остается и основной принцип русской души – учиться тому, чему учит жизнь. Человек способен ко многому, ибо прошел уже путем многих инкарнаций, но того, что он уже достиг, – недостаточно,

чтобы вступить в будущую, шестую культурную эпоху. Для этого уже сейчас нужны такие души, которые могут учиться непосредственно у сверхчувственных учителей. Россия – единственная страна на этой планете, где это обучение происходит у всего народа, в вынужденной дистанции ко всей мировой культуре. Отсталость России в сравнении с Западной Европой – не самая главная её черта. Важнее увидеть в России наличие Школы Жизни, тот сверхчувственный факт, который скрыт за кулисами внешних событий...

Эта свыше организованная Школа действует несколько принудительно, так как лишь под гнетом жизненных обстоятельств человек вынужден открыть глаза и увидеть действительность. Однако развитие требует, чтобы человек соединялся с этой школой все сознательнее. То, чему учит Школа Жизни, должно всегда быть в созвучии с духовно-научным познанием мира и человека. В этом смысле Россия нуждается в соприкосновении с Антропософией, развивающейся на Западе.

Экономическое и культурное развитие России не в меньшей мере зависит от сознательного отношения человека к живущим в ней стихийным сущностям. Природа этих существ, подавляющих человеческую активность, хоть и имеет важное значение для Школы Жизни, но препятствует развитию человека. Эти существа, если можно так выразиться, – больное, страдающее тело России. Любая активность человека наносит этому телу боль, и каждый, кто там живет, сопереживает часть этих страданий. Миссия же боли и страдания – пробуждать сознание.

Но даже если болезнь и боль в этом отношении оправданы, больное состояние все равно должно смениться здоровым. Народная душа России должна стать здоровой к началу шестой культурной эпохи, чтобы смочь давать этой новой культуре спиритуальные импульсы. Указанные элементарные существа хотели бы превратить Россию к этому времени в необитаемую территорию, так что люди не смогли бы на ней больше жить... То, с чем в настоящее время сталкивается человек в России: невозможность

достижения цели, невозможность реализовать свои способности, невозможность здорового и гармонического развития – все это будет перенесено элементарными существами на явления природы. Человек окажется среди враждебной и дикой или скупой и пустынной природы. И в случае, если действие этих элементарных существ не будет приостановлено, шестая культурная эпоха просто не наступит. А действие их может быть устранено только тогда, когда человек перестанет бессознательно им поддаваться, если он направит пробужденный духовный взор на элементарный мир и будет иметь дело с теми элементарными существами, которые придают природе облик, соответствующий дальнейшему духовному развитию человека.

Жизнь в России действительно загадочна, она заключает в себе тайну всего мира».

Приложение № 5

Нечто «веселое» о русском уме

Если бы наш читатель, к примеру, захотел найти новейшие подтверждения некоторых мыслей Н. Бердяева о русском уме и об уме русской интеллигенции в частности и даже суждениям Р. Штейнера на эту же тему, то он не нашел бы ничего ярче, чем книга, изданная совсем недавно (1998 г.) в серии «Путь к очевидности», преподавателя философского факультета МГУ, профессора, доктора философских наук Федора Гиренка. Один заголовок чего стоит: «Патология русского ума» (заглавие серии намекает, скорее всего, на то, что путь к очевидности проходит через патологию нашего ума, ведь здравым умом, как известно, нас не понять, да и нам таким умом ничего не понять)... Имеются в ней и завлекательные

названия глав: «Философия как ловушка для дураков»; «Мысль как невыразимость мысли»; «Россия как поле мистериальных игр Бога»; «Россия как бесконечный тупик»; «Русский умострой или грезы народа»; «На деревню дедушке или рассуждения обывателя». Но не в этом дело, а в том, что книга эта, надо сказать прямо, скандально-гениальная. С какой же стати? В первую очередь – своим языком: после Константина Леонтьева с Розановым у нас таким языком не философствовали, точнее, не юродствовали (ибо юродство – это уровень падшей Софии в аспекте святости), а во-вторых – явно с проблесками самодуха в душе ощущающей (через язык он подступает). Пушкин по поводу текста этого пересмешника вполне мог бы воскликнуть: «Ай да Гиренок! Ай да сукин сын!» И нам здесь нет никакой возможности устоять перед соблазном привести весьма обширные выписки (полотнищами) – пусть читатель порадует и повеселится, помедитирует:

«Россия – осуществленная нецелесообразность. В ней слово перевесило дело. Слово не называет и не обозначает, оно призывает и обращает. Но савлы не обращаются в павлов.

В России все избыточно. Она сама Избыточна, то есть она существует не для чего-либо и не почему-либо, а так, сама из себя вырастая. Ее избыточность непрактична своей настроенностью на изначальный зов к человеку. У России можно отнять все: свободу, богатство, имя, но она не перестанет быть великой, если останется в сфере избыточности. Уберите мистерию избыточного – и не будет России. Убрали. И Россия утонула. Она утонула около Христа. До конца бесконечного тупика осталось совсем немного...»

«Первая особенность русского дискурса определена православием. Она состоит в представлении о том, что истина связана не со словом, а с образом. Самого Иисуса Христа мы называем образом. Истину скорее можно увидеть, чем помыслить. Или тем более представить ее как продукт мышления. Истина от Бога. Она не продукт мышления...»

«Вот эта "картинность" русского дискурса делает его близким литературе и одновременно далеким от терминологической философии. Русская философия возникает и существует как вид литературы. И в этом смысле она отдает предпочтение не языку исследования, а языку повествования. В то время как европейская философия создается в форме науки, ориентированной на язык исследования.

Описание картины, образа выступает на первый план, а терминологическое различие уходит на второй план. Русский дискурс не рефлексивен. Он является по преимуществу содержательным. И в этом смысле он неустойчив. Текуч. Аморфен.

Вторая особенность русского дискурса состоит в его принципиальной неметафизичности... Русская философия восстанавливает связь с дословностью, с тем, что делает возможным слово. И потому русский философ, оставаясь в языке, безразличен к языку. Он стремится ускользнуть к безъязыковому. Невозможность раскрытия дословного в слове, неязыкового в языке проблематизирует само существование русской философии. Если слово скрывает дословное, то в этой его сокрытости становится возможным превращение философии в профессию. А это значит, философия есть просто работа...

Третья особенность русского дискурса связана с особой приверженностью к феноменам жизни и какому-то безразличию к феномену сознания. В русском дискурсе категории жизненного плана доминируют над категориями сознания, что привело к формированию языка дословности.

Четвертая особенность русского дискурса обусловлена приверженностью к соборным способам представления мира, внутри которых соборный субъект ближе к правде, чем одиночка.

Особенности русского дискурса не позволяют представлять его как производное от одной православной веры и в этом смысле неудача русских философов состояла в том, что они пытались отождествить русское и православное в акте своей мысли...

Русская философия – это рационализация крестьянского сознания...

На языке дословности говорил и понимал себя, свои чувства общинный крестьянин, верующее мышление которого было разрушено атеизмом телеграфиста. Крестьянин запутался в своих мыслях. Распутала их советская ментальность, базировавшаяся на космополитических представлениях полуобразованного слоя России... В советском дискурсе нет дна конечной инстанции понимания. Нет места национальному образу мира. На нем можно было симулировать».

«В России нет никакой ментальности, а есть почесывание затылка... эту ментальность я называю умостроен».

«Мы не говорим, а договариваем, русский не думает, а додумывает... В. Соловьев – самый нерусский философ среди философов в России. С. Булгаков... он так и не смог приучить себя к культуре мысли, потому что этому научиться нельзя, для этого нужно родиться не в России, а в другом месте. Методичность утомляет, а в России спешат. Нам некогда, вернее, нам скучно быть культурными. *У нас сам акт мысли возможен как акт некультурный, как то, что разрушает культуру. В России творчество не сопряжено с культурой...*»

«Мысль, если она у нас существует, то не в здоровом уме культурного человека, а на грани сумасшествия, то есть она существует как нечто производное от философии Иванушки-дурачка, а сам Иванушка ни от чего не произведен и потому умен. Вернее, есть в мире что-то, что может увидеть только он, Иванушка. И это философия России...»

«Русский философ задним умом крепок и пока гром не грянет, он не перекрестится, а если перекрестится, то на авось и на небось, то есть он крепок задним умом не потому, что у него нет переднего ума, он у него есть, но в каком-то связанном состоянии. Русский ум связан душой, а не трансценденталиями, и поэтому, если он есть, то есть сзади, с затылка, с почесывания которого русская философия начиналась и одновременно она им заканчивалась, потому что если она им не закончится, то тогда она

развяжется и в этой своей развязанности зачесутся многие языки, а чесать языком дело глупое и непристойное. Оно, пожалуй, годится для европейски образованных людей, но не годится для Иванушки-дурачка, который, предположительно, сидит в каждом русском и нельзя его ни спрятать, ни извести. Да было бы и глупо отказываться от глупости, если мы в ней умнее умного, а то, что мы умнее умного, никто из нас даже и не заметил, а если бы и заметил, то промолчал, потому что в молчании – золото, и этого золота у нас много, а у других мало. Другие не молчали и их знает весь мир, а нас никто не знает, хотя хотелось бы, чтобы знали...»

«Россия – это "Вехи", а они маргинальны, но не сами по себе, потому что сами по себе, то есть содержательно, они скучны, в них много пустых слов и читать их невозможно, что, правда, является философским признаком хорошего тона... Национален сам факт тиражирования бессмысленного, то есть нечитабельного, текста "Вех", которые за полгода имели в России семь изданий, и вот эти-то полгода в России были философы, а у нас была философия, которая, видимо, и есть наша национальная, то есть провинциальная и поэтому моральная мысль, а моральная мысль может быть не более половины года за столетие. Затем она усыхает, вернее, становится эстетической, то есть нерусской».

«Культура – это муляжи, то, что понарошку, как если бы, а не на самом деле. Вернее, на самом деле это и есть якобы и главное делать вид, и это культура. А мы делать вид не умеем и потому у нас нет культуры, но у нас есть утки, а не муляжи, то есть я, а может быть, и вы, уже не понимаю, где муляжи, где утки, вернее, Гоголь (я не Гоголь, хотя и Гоголь, судя по всему, знал, что он не Пушкин, а так, веселый человек из провинции), то есть умострой. Но если я это пойму, то все рухнет, то есть Россия пропадет, и я буду не я, Гоголь перестанет быть Гоголем, а русский – русским. Непониманием мира держится русский мир.¹³⁷ Но это не значит, что мы без

¹³⁷ Боже мой, кого же эти размышления нам напоминают? Самого бессмертного, самого великого, дорогой читатель, философа на Руси! Припомним притчу из «Мертвых душ»:

понятия, мы с понятием, но оно у нас не является условием бытия. В каждый момент мы может отказаться от понятия, ускользнуть от него и сказать, это не я, то есть не мной понято, вернее, я не знал, то есть я здесь ни при чем, а здесь – бытие, то есть понимание есть, но не мы его установили и поэтому понятия, которыми выполняется понимание, у нас становится симулятивной реальностью, муляжом, чем-то неподлинным. Например, бытие. Это муляж...»

«Никому в голову не придет сказать, что вот, мол, хочу бытия. Что же его хотеть, если оно всегда есть, а если его нет, то на нет и суда нет, то есть если хотеть, так того, что сверх того, а сверх того неведомо что, какая-нибудь Жар-птица, которая приходит на ум к Иванушке-дурачку, да к интеллигенции. Придет и потом уж из головы не выходит. А если выходит, то в момент, когда в "есть" видят "да будет" и не видят есты, или исты, а с этим исты сопряжена истина, которая в России не имеет отношения к сознанию, как, впрочем, и к бытию, и в этом смысле у русских развито неметафизическое понимание дуально, то есть двусмысленно. Вот, например, есть те, кого кусают змеи, и есть те, кого они не кусают, и укушенные рассказывают укушенным об укусах, и это будет метафизическая истина, а она в русском устроение не задерживается, она в нем куда-то испаряется, а начитанные люди ее возвращают под видом онтологической истины, в которой то, что есть, объявляется производным от того, чего нет, то есть от

«Жили в одном уголке России два обитателя. Один был отец семейства, по имени Кифа Мокиевич, человек нрава кроткого, проводившим жизнь халатным образом... Существование его было обращено в умозрительную сторону и занято следующим, как он называл, философическим вопросом: "Вот, например, зверь, – говорил он, ходя по комнате, – зверь родится нагишом. Почему же именно нагишом? Почему не так, как птица, почему не вылупливается из яйца? Как, право, того: совсем не поймешь природы, как побольше в нее углубишься!" Так мыслил обитатель Кифа Мокиевич». Увы, так мыслит и столичный обитатель Федя Гиренок... Неужели боги обрекли нас на непонимание? Ну а если все-таки начнем понимать? (то есть найдем путь к Антропософии), то все рухнет? И что же собственно рухнет при этом? Осмелимся предположить, что рухнет при этом только гоголевская Россия I тома «Мертвых душ» (уж не колдун ли он, заколдовавший Россию на столько лет!). Рухнет эта Россия и начнется, наконец, бег той самой – гоголевской тройки из эпилога I тома. Но нам тогда, в отличие от Гоголя, будет известно, куда и каким образом она направит свой бег.

ничто. Но ничто в России не ничто, а культурный муляж. Его никто не боится. В России даже смерть не особенно пугает, то есть оно, ничто, не открывает русскому свет бытия, а маскирует то, что есть. А есть все и это всеединство, но всеединство не онтологическое, а бытовое, то есть половое, потому что в бесполом мире нельзя случиться, нет полов, случайность случает половины, то есть где пол, там и случай, а где случай, там и авось».

«В русском умострое была, то есть жила, вернее, жила-была София, то, чем держится верх, то есть низ, вернее, корень, словом не ризома. А потом ее не стало, и разрушился умострой.¹³⁸ И всяк, кому не лень, стал отличать бытие от существования, а существование от сущности».

Да, умри Журден, лучше не скажешь! Вот такой настоящий философский фольклор. Вот уж где заметна становится «перестройка» в нашей философии, то бишь умострое. Впрочем, мы надеемся, что читатель не очень утомился и хотя бы эстетическое удовольствие получил, да и таким перлам можно отдать должное. Но есть все-таки в этом веселом, потешном тексте и мелкие огрехи. Вот, например, совсем неуместный, досадный промах, протуберанец нашего Иванушки-дурачка (это не обзывание с нашей стороны, а, так сказать, лик творчества нашего философа, свободно им избранный), протуберанец, взявшийся явно из «почесывания в затылке»: «Снижение уровня европейской культуры, ее срыв обнажает нашу "азиатскую рожу" и создает почву, на которой вырастает, с одной стороны, евразийский призыв к "Исходу на Восток", а с другой – вульгаризмы антропософии. Человек увидел себя в качестве точки пересечения

¹³⁸ Софии «не стало» потому, что произошел в некотором роде Ее метаморфоз в Антропо-Софию, София породила свой новый член, который русские софиологи и, конечно же, антрописты («антропосы») так до сих пор и не узнают, не видят, да и мудрено ее увидеть, глазами души ощущающей или рассудочной или даже единой, слабо расчлененной, ибо Ее (Антропо-Софию) можно воспринимать только через призму самосознания, которого у нас кот наплакал. Но тогда София как бы исчезает из душевного взора «загадочных душ» и остаются одни разговоры о Ней. Ведь София в своей эволюции поднялась на ранг (чин, иерархию) выше, и Ее не замечают. Но она еще выступает в мире как воплощенная София-Богородица и эпоха истинной мариологии еще впереди. А на старом месте, святом месте, как известно, пусто не бывает. На этом месте пребывает падшая София, и в наше время она все больше приобретает черты анти-Софии, противобраза Софии, черты Вавилонской блудницы из Апокалипсиса Иоанна.

космических сил. А это уже... игра на понижение. Идея человека сильно подешевела и в антропософии. На смену Парацельсу пришел Штейнер... У Штейнера конструируются суррогаты веры людей в медиумическую материю. Восток – наше зеркало, то есть первая природа России. Если Запад считать второй».

Простим же нашему Кифе Мокиевичу, озаботившемуся вдруг ни с того ни с сего, «снижением уровня европейской культуры», простим его именно уже «дядьку в огороде» и «бузину в Киеве» по поводу антропософии и не станем изобличать талантливейшего балагура в незнакомстве с ней. Тем более что Лев Толстой еще в «Войне и мире» замечательно высказался по совершенно похожему поводу: «Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь». Да и какие претензии могут быть к автору «Патологии русского ума», если в своем интервью в конце книги он сам приоткрывает истоки и тайну своего умустройства (исповедальность все-таки очаровательное свойство «загадочных душ!»): «Не знаю, почему философия меня очаровала. У меня в семье никто ею не занимался, и вообще к философам у нас относились довольно пренебрежительно: мол, эти люди никчемные, ничего полезного не сделавшие. Я в этом смысле выродок... я чувствовал, что я не такой, как близкие мне люди... Однажды я взял Маркса и прочитал его. И стал уродом. Я его весь восьмой класс читал, вместо того, чтобы купаться. Осилил первый том, ходил довольный, гордый. После этого прочел еще какую-то книжку по философии. С тех пор я этим только и занимаюсь. Так что никто на меня не влиял.¹³⁹ Получилось у меня все это спонтанно. А кто потом уже оказывал влияние – это дело другое».¹⁴⁰

Вот и получается, что от чтения Маркса (да еще в детстве) патология умов и развивается. Воля ваша, дорогой читатель, но если бы она была моей, то после таких признаний я бы этого Маркса (да за компанию с Ильичом) так

¹³⁹ А как же Маркс? – Г. П.

¹⁴⁰ Там же. С. 397.

в спецхраны и отправил бы, а то ведь окончательно изуродуют они младенческие души на Руси. Вот Гиренку такое чтение, слава Богу, впрок не пошло, но задело... Все-таки он самим собой остался. А представьте только на одну минуту, что снова какой-нибудь более глубоко задумчивый и решительный «русский мальчик» (из тех, о ком Достоевский нам рассказывал, а они ведь здесь не переводятся), лет пятнадцати, эдакий Гриша Добросклонов, которому дары «перестройки» уже окончательно осточертели, возьмет да снова, несмотря на пренебрежительное отношение его ближних к философии, заглянет в первый том какого-нибудь из первых классиков непобедимого учения, да еще, так сказать, своим творческим (а может быть и третьим) глазом? И снова начнется на Руси такая катавасия, что хоть святых выноси...

Впрочем, провидение все-таки милостиво к нам: молодежь у нас, кажется, постепенно вообще перестает читать – так что другие перспективы открываются...

И последний штрих к мирочувствию нашего философа. Он его сам и формулирует: «От былого человечества остался только гнозис. Фронесис провалился в пустоты, о которых писал Розанов в "Апокалипсисе...". А фронесис – это то, что направляет, когда способность к рассуждению покидает нас. Вот эта способность покидала Россию чаще, чем кого-либо еще в Европе». Экую беду выдумал философ! Что ж с того, что ни способности к рассуждению, ни фронесиса (это же надо, какое словцо в фольклорный текст так запросто вернуть!) у нас не осталось. Разве забыл наш Кифа Мокиевич (см. «Мертвые души», гл. 11), что этот вывод из его же, с позволения сказать «философии» вытекает, что надежда на авось (правда теперь уже в пралайе) у нас ведь всегда при нас, то есть надежда на то, что чудо Воскресения из полумертвых с нами, даже такими вот, непременно произойдет! (И непонятная нашему философу антропософия непременно свой вклад в это чудо Воскресения внесет – нет нужды, что сейчас ее знают и понимают единицы...) И вот такая наша безмятежная уверенность (самоуверенность) в

Воскресении не может, в конце концов, не потрясти духовно-божественный мир (ну хотя бы часть его), и он задумается. Тогда-то и возникнет возможность для Иванушки-дурачка обернуться Иваном-царевичем, ну а последнему по рангу и Невеста положена! Вот тогда он и узнает невесту свою...

Приложение № 6

Нечто о гиперборействе Волошина

В заключение нашей темы «Волошин и Русская Бездна» нам очень хотелось бы позабавить и даже развеселить нашего драгоценного читателя, продемонстрировав ему эту Русскую Бездну уже на примере видения, точнее отзыва о Волошине одного «русского мальчика» – некоего Владимира Рулева. (Помните у Федора Михайловича анекдот о том, на что способны «русские мальчики»: если вечером дать им, к примеру, карту звездного неба, то к утру они вернут ее вам исправленной и дополненной.) Вот абсолютно то же самое произошло и в этом случае.¹⁴¹ Надобно сразу оговориться, что, судя по этому тексту, «мальчик» при этом оказался еще и русским (то есть, вполне романтическим)... гиперборейцем, то есть духом уже с откровенно люциферическим уклоном. Но пусть посвященный читатель (одной проницательности и просвещенности тут мало) сам об этом рассудит (и тут мы опять приносим наши извинения за обширность выписки):

¹⁴¹ В конце 90-х годов еще XX века издавался кем-то то ли бюллетень, то ли журналчик «Цвет нации», и там вот был напечатан этот опус о Волошине под заголовком «Первый русский гипербореец». Какими-то неведомыми путями к нам попала ксерокопия этого текста, и она нас так развеселила, что мы оставили ее в нашем волошинском архиве, но забыли при этом – непростительная ошибка – пометить год и номер издания. Но уверяем нашего драгоценного читателя, что текст подлинный, не фальсифицированный, мы его только сократили, оставив самые феерические места. Давать же серьезные комментарии к такому романтическому опусу нам тоже не хотелось бы.

«Есть один метафизический закон – истина охраняет саму себя и открывается только в предназначенное ей время. Есть один русский поэт, которого до сих пор никто не умел понять. Но сегодня его время пришло. Ницшеанец и денди, первый русский певец "алмазных рун" и "огненных свастик", "вселенских бурь" и "полярной преисподней"! Сказавший о том, что сквозь него говорило, так:

Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака.

Надеюсь, вы уже догадались, что речь идёт о Максимилиане Волошине. Тупые коммунисты Волошина просто "запрещали". Ещё более тупым либералам непонятна его национальная эстетика. Воплощение тупости безысходной – патриоты царя Гороха – уличают Волошина в "масонстве". Недавно по ТВ показали фильм "Мистика Волошина", в котором какой-то сморчок из породы расплодившихся как тараканы нео-оккультистов тужился накрепко пристегнуть поэта к своей теософии, антропософии и т. п. Хотя сам Волошин, послушав одно время лекции Штейнера (Блаватской в мужском обличе), и даже поучаствовав в строительстве его "храма", вскоре понял, что его адепты – это просто "несчастные люди, изнасилованные истинами", и без сожаления покинул их. Волошин был близок именно к традиционному эзотерическому пути – алхимикам, розенкрейцерам и журналу "Покрывало Изиды"...

Волошинский же дом в Коктебеле, говорят... починили. Сейчас там отдыхает всякая интеллигентская нечисть, бывшие "советские писатели", всерьёз думающие, что у них есть ещё какое-то будущее и что народ читает их мемуаразмы. А при Волошине там была скандальная "колония обормотов", куда из Москвы и Питера съезжались молодые негодяи и замышляли литературные (и не только) провокации. В сущности, сам Волошин, по признанию многих, был "большим ребёнком".

Наша космогония происходила так:

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось чрез мятеж.

И затем по растрескавшимся степям летели дикие скифские племена, неся весть о победе и приходе пылающего времени Золотого века... Оранжевая, горячая земля волошинских акварелей рождена именно этим огнём. А потухший Карадаг застыл до нового срока каменным профилем русского гиперборейца.

Киммерия – это не сама Гиперборея, но её наиболее близкое нам земное воплощение. Сегодня "гиперборейство" почему-то принято отождествлять с одним лишь Льдом, а подчас и путать с географическим севером. Наш Север – это Огонь и Лёд в их невозможном, недвойственном сочетании. А Юг – это тёплая вода. Север обнажает Огонь и Лёд, это "магический мир героев", Юг – их взаимопогашает, это царство человеческой посредственности. Теплые, крадя наш Огонь, плавят наш Лед. Гиперборейцы могут спасти Лед, лишь усилив Огонь. Чтобы сгорела сама теплота.

Этот Огонь незримо горит под землей Киммерии, на которой когда-то

Нагромоздили Арийские расы
Улья осиных, разбойничьих гнезд.

Киммерия – это Россия. Наша Россия. Она пробуждается только в войне или революции. Только в них сходятся Огонь и Лед в чистом виде.

Огонь и Лед проявляются в политике как энтузиазм и презрение. "Силы эти противоположны и полярны, — писал Волошин своему другу Борису Савинкову, — и соединение их в одном лице рождает взрыв, молнию — действие... Из всех, выдвинутых революцией и являющихся, в большинстве случаев, микробами разложения, я только в Вас вижу настоящего "литейщика", действенное и молниеносное сочетание религиозной веры с безнадежным знанием людей".

Наиболее же радикальные носители этих огненно-ледяных "молний" энтузиазма и презрения обнажают всякую религиозность до ее гиперборейского ядра и, в своей сущности, уже не являются людьми, будучи "литейщиками" чего-то принципиально иного...

Наш "безумный Макс", что называется, "звал живых":

Кто хочет бунта — сей противоречья,
Кто хочет дать свободу — соблазняй,
Будь поджигателем,
Будь ядом, будь трихиной,
Будь оводом, безумящим стада.

Волошин был не революционером, а – гиперреволюционером, то есть – гиперборейским революционером. Потому обличал и тех, для кого Революция была лишь сменой режима:

Вы узники своих же лабиринтов!
Вы — мертвецы заклепанных гробов!
Вы — суеверы, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы, —
Вы мыслите разрушить динамитом
Все то, что прорастает изнутри —
Из вас самих с неудержимой силой!
Я призываю вас к восстанью против
Законов естества и разума:
К прыжку из человечества —
К последнему бездумью—
К пересозданию самого себя.

И в итоге – оказался, как и подобает гению, в одиночестве...

Известно, что, когда в Крыму хозяйничали красные, он прятал в своем доме белых, и наоборот. Облом случился только однажды – когда он спас от врангелевской контрразведки "бедного Осю" Мандельштама, а тот потом настучал на "белого Волошина" в ГПУ.

Созданные в это время цикл "Пути России" и поэма "Россия" поразили современников невероятной глубиной постижения "коктебельским отшельником" предельно противоречивой русской народной стихии.

Интеллектуал, эстет и ученик любящих строгую форму "парнасцев", он вдруг легко и органично заговорил языком "Китежа" и "Стенькина суда", "Неопалимой купины" и "Руси гулящей", средневеково-священным и одновременно лихо-варварским, языком мистического патриотизма и взрывной иронии. Это был голос самой национальной энергетике, слышать который не умели ни ряженые "крестьянские поэты", ни жеманные завсегдатаи петербургских салонов. Услышать его, понять и передать будущему мог только русский гипербореец...

Гиперборейская интуиция Волошина действительно диктовала ему картины нашего сегодняшнего и завтрашнего дня. Особенно здесь надо выделить "Благословенье":

Этот русский "новый род" приходит уже сегодня. Это — молодая Россия, дожигающая собой труху позавчерашних "компатриотов" и вчерашних "демократов". Да, он такой противоречивый, этот "новый род" — неслыханный свистопляс русской вольницы сочетается в нем с волей к невиданной еще Империи. "Это невозможно", — говорят усталые предки и засыпают отныне и навсегда. Пробуждающиеся же узнают, что Волошин в своей жутко-сегодняшней публицистике описывал именно такой "сплав": "Русская жизнь и государственность сплавлены из непримиримых противоречий: с одной стороны, безграничная, анархическая свобода личности и духа, выражающаяся во всем строе ее совести, мысли и жизни; с другой же — необходимость в крепком железном обруче, который мог бы сдержать весь сложный конгломерат земель, племен, царств, захваченных географическим распространением Империи" ("Россия распятая").

Политика "нового рода" — это не Госплан, а искусство. А о целях искусство не спрашивают. Впрочем, первый русский гипербореец указывал на то, что этой целью не является заведомо: "Счастье вовсе не должно являться высшей целью человека на земле. Утверждение Кропоткина о том, что высшим законом является развитие человечества от менее счастливого существования к более счастливому, неверно. Несчастье является основным

побудителем к каждому поступательному движению. Счастье, благосостояние, удовлетворенность приостанавливают всякое развитие, в физическом мире и в духовном это смерть, начало распада. Я не могу пожелать человеку счастья" ("Заметки", 1917 г.).

Ну и, наконец, коль дело у нас действительно вскоре дойдет до новой заварухи, «новому роду» в ней следует руководствоваться кристально ясной формулой: "В деле розыска внутренней крамолы гражданская война глубоко и пронизательно связывает политическую неблагонадежность с вопросом расового происхождения, превращая, таким образом, дело политического сыска в национальный очистительный обряд". (Это же эссе – "Гражданская война", где звучит убийственная ирония в отношении этого феномена, и автор этого опуса вполне сознательно извращает смысл этой иронии, выдавая ее за чистую монету, то есть, за взгляд самого поэта на Гражданскую войну. – Г. П.)

Это написано в 1920 году. Что тогда даже в Европе, опошлившей потом расовую идею, казалось еще чрезмерным эпатажем... А опошление этой гиперборейской идеи выражается в том, что отморозки, пользующиеся ею, принадлежат совсем не к той духовной "партии", о которой Волошин писал как о своем политическом кредо: "Я примкнул к политической партии, которая возникнет лет через пятьдесят и будет составлять крайнюю левую в том парламенте, где анархисты станут консервативным большинством". В сегодняшней же России тот, кто считает себя "гиперборейцем", но не знает первого русского из них, — обречен открывать свои идеалы сквозь более поздних западных авторов или же принимать за "гиперборейство" тяжелые архаические и психические комплексы богемных маргиналов. Киммерия, жаркая русская Гиперборея, требует от своего "нового рода" иного — героизма, страсти, цветения, "бежать не зла, а только угасанья".

Короче,
Сильней размах! Отжившую планету
Швыряйте бомбой в звездные миры.

Ужель вам ждть, пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля?»

(Ну, как, не поежился ли наш «проницательный» читатель, не испугался ли такого вот «нового рода», рода «гиперборейских революционеров», не ужаснулся ли дыханию Русской Бездны, по сравнению с которой исламский терроризм может показаться игрой в оловянных солдатиков в песочнице? А ведь нет дыма без огня! А огонь-то ведь один из главных действующих лиц в мистерии нашего поэта – оказывается, еще и «первого русского гиперборейца». Вот, кстати, и еще один из ликов поэта – 1001-й; но лик этот возник из чудовищно примитивной идеологии автора этого эссе, из надерганных им у Волошина цитат, помещенных в контекст своей идеологии, не имеющий отношения к Волошину. Однако об авторе опуса можно сказать словами Полония о Гамлете: «В его безумии есть своя логика»).

Что же касается Гиперборейской эпохи, предшествующей Лемурийской, то читатель может узнать о ней из книги Рудольфа Штейнера «Из летописи мира», а что в опусе имеется в виду под Огнем и Льдом – у нацистского эзотерика и геополитика Гербарта (об этом см. в книге Повеля и Бержье «Утро магов»).

Комментарий же к стихам из поэмы Волошина «Бунтовщик» смотрите в части III, где дается вскрытие цикла поэм «Путями Каина».

Астрософический гороскоп Волошина

Если шесть «правлящих» созвездий Волошина (Близнецы, Стрелец, Телец, Скорпион-Орел, Рак, Козерог) импульсировали соответствующие мировоззрения (математизм, монадизм, рационализм, динамизм, материализм, спиритуализм) и дары, то его «волящие» планеты импульсировали соответствующие настроения у нашего Поэта.

Из Духовной науки известно, что семь планет характеризуются следующими семью настроениями (или настроениями):¹⁴²

«Человек может быть настроен в душе таким образом (теперь даже безразлично, каким из 12 созвездий духовного Зодиака освещается его душа), что настроен, выраженный во всей конфигурации мировоззрения этой души можно назвать гнозисом. Он может быть "гностиком". Он является гностиком, когда настроен познавать вещи в мире не посредством органов внешних чувств или чего-либо подобного, а посредством определенных, заключенных в самой душе познавательных сил. Человек может быть гностиком и может быть склонен позволять освещать себя, например, духовному созвездию Зодиака, которое мы называем спиритуализмом (в физической астрологии – Козерог). Тогда в своем гнозисе он сможет глубоко проникать в связи, существующие в духовных мирах. Можно быть, например, гностиком идеализма; тогда будешь иметь особую предрасположенность ясно видеть общечеловеческие идеалы и мировые идеи. Как планета проходит через 12 знаков Зодиака, так гнозис может проходить через все 12 мировоззренческих знаков, ибо гнозис – это «планета», которая проходит через все духовные созвездия. Это настроен Сатурна...

¹⁴² См. об этом цикл из 4-х лекций Рудольфа Штейнера, прочитанный в Берлине 20–23 января 1914 г. «Человеческая и космическая мысль» (СПб., 1999. С. 48–57).

Следующее настроение, которое также может проходить через все созвездия – это мировоззренческое настроение логизма. Оно заключается в том, что душа может приводить себя в такое положение, когда в ней становятся действительностью реальные мысли, понятия и идеи. Это, например, имеет место у Гегеля, где все понятия, которые он может охватить, сочетаются в великий логический организм понятий. Гегель просто умел отыскивать и воспринимать все, что может быть найдено в мире как мысль, умел выстраивать мысль за мыслью и образовывать из них организм. Это логизм. Логизм можно развивать, как Гегель, в созвездии идеализма, его можно развивать, как Фихте, в созвездии психизма, его можно развивать и в других духовных созвездиях. Логизм опять-таки представляет собой нечто подобное планете, которая проходит через созвездия Зодиака, – планете Юпитер. Логизм же – это «духовная» планета, которая проходит по кругу двенадцати созвездий духовного Зодиака.

Третье настроение души, которое творит мировоззрение, мы можем изучать, например, по Шопенгауэру. В то время как душа Гегеля, когда он смотрит на мир, настроена так, что все являющееся в мире понятием сводится к логизму, Шопенгауэр благодаря особому строю души воспринимает все, что имеет характер воли. Силы природы для Шопенгауэра – это воля, твердость камня – воля; все, что реально, есть воля. Это вытекает из особого настроения его души. Такое волевое мировоззренческое настроение можно рассматривать опять-таки в качестве "планеты", которая проходит через все двенадцать созвездий духовного Зодиака. Это планета Марс. Я называю это мировоззренческое настроение волюнтаризмом. Это третье мировоззренческое настроение. Шопенгауэр был волюнтаристом, и в своей душе он был устроен преимущественно так, что отдавался воздействию духовного созвездия психизма (Рыб)...

Особым душевным настроением является то, которое вовсе не питает склонности к размышлениям над вопросом о существовании позади явления чего-либо еще, как это делает настроение гностицизма или как это делают

настроения логизма или волюнтаризма; оно просто говорит: "Я хочу ввести в мое мировоззрение то, что идет мне навстречу из мира, что открывается мне, что являет мне себя внешне". Это настроение опять-таки возможно во всех областях, то есть во всех духовных созвездиях. Человек не старается искать какую-либо особенную связь позади явлений, а представляет вещам приближаться к себе и ждет, что из этого выйдет. Такое душевное настроение можно назвать эмпиризмом. Эмпиризм означает душевное настроение, которое принимает опыт просто таким, каким он оказывается. Эмпириком, то есть человеком опытного мировоззрения, можно быть в каждом из двенадцати духовных созвездий. Эмпиризм – это четвертое душевное настроение. Оно инспирируется Солнцем...

Можно развивать такое душевное настроение, которое не будет довольствоваться тем, что делает опыт. Человек находится в мире, но он переживает в собственной душе относительно мира что-то такое, чего он не может пережить внешне. Только там мир открывает ему свои тайны. Можно смотреть по сторонам и не видеть того, что мир таит в себе...

Речь идет о внутреннем искании, когда душа обретает покой, будто Бог светит в душе. Вы чувствуете, это душевное настроение может быть названо мистицизмом (и оно инспирируется Венерой). Мистиком можно быть опять-таки во всех двенадцати духовных созвездиях...

Когда человек предполагает, что позади всего есть еще что-то, чего нельзя воспринять, то он, – это слово подходит, пожалуй, лучше всего – трансценденталист. Он считает, что суть вещей трансцендентна, но что она не проникает в душу, как считает мистик. Значит, это – трансцендентализм. Планета – Меркурий. Настроение трансценденталиста таково: "Когда я воспринимаю вещи, то их существо подступает ко мне, только само восприятие не является этим существом. Существо находится за восприятием, но подступает к человеку"...

Если мы говорим: "Этот мир – Майя, и внутреннюю сторону вещей надо искать иным образом, нежели с помощью внешнего восприятия и средств

обыкновенного познания". Тогда это душевное настроение оккультизма. И опять-таки оккультистом можно быть во всех созвездиях духовного Зодиака. Планета, инспирирующая это настроение – Луна...

По существу, других мировоззренческих душевных настроений, кроме семи обрисованных мной, не бывает; есть только переходы от одного к другому. Следовательно, нам надо различать не только двенадцать различных нюансов мировоззрений, которые как бы в покоем состоянии выступают перед нами. В каждом из них возможно совершенно особое настроение человеческой души. Таким образом, можно увидеть, сколь разнообразными могут быть воззрения отдельных людей. Можно особо развивать любое из этих семи мировоззренческих настроений, но каждое из них будет опять-таки односторонним в том или ином нюансе. Намеченное мною здесь составляет духовный коррелят того, что во внешнем мире представлено соотношением между знаками Зодиака и планетами. Таким образом, мы имеем подобную внешнему изображению картину, которую создавали не мы, но которая находится в самом Космосе, картину отношения наших семи мировоззренческих душевных настроений к двенадцати нюансам мировоззрений...

Что же касается отношений, в которые отдельные планеты вступают при своем кружении по зодиакальному кругу, то они соответствуют отношениям, в которые вступают семь мировоззренческих настроений, но соответствуют так, что гнозис мы можем ощутить как Сатурн; логизм – как Юпитер; волюнтаризм – как Марс; эмпиризм – как Солнце; мистицизм – как Венера; трансцендентализм – как Меркурий и оккультизм – как Луну.

Человеческие души склонны менять знак и душевное настроение своего мировоззрения».

Обратившись к одному знакомому специалисту по астрософии, мы в свое время получили от него следующий гороскоп земного рождения М. Волошина.

Проницательный читатель да держит его себе уяснить с помощью краткого комментария. Выглядит этот гороскоп следующим образом.

Краткие комментарии к астрософическому гороскопу

Максимилиана Волошина

Родился 28 мая 1877 года по новому стилю. Асцендент неизвестен.

1. Эмпирический настрой (Солнце) 9°. Знак Близнецов – установка космостремительная. Эмпирически изживается математизм в виде игры (Вспомним его мифотворчество; мистификацию с Черубиной де Габриак).

2. Мистический настрой (Венера) 15°. Мистически изживаемый математизм глубоко социального посредничества (Его Космос свободы, братства и любви – его Дом поэта).

3. Трансценденталистский настрой (Меркурий) 5°. Трансцендентально изживаемый математизм. Искусство перевоплощения. (Его лики творчества, сотни ликов творчества).

4. Гнозис (Сатурн) 20° (Рыбы). Гностически изживаемый психизм в плане познания кармической структуры душевной интенциональности («Подмастерье» – «Вся явленья – знаки!!!»)...

5. Оккультная логика (соединение Юпитера и Луны в Козероге). Возможность проникновения в настрой спиритуализма в мудром одиночестве. (Его «Corona astralis», «Подмастерье»; познание духов в одиночестве).

6. Сильный Марс в Водолее в противостоянии с Ураном во Льве; оба напряжены квадратурой с Плутоном в Тельце. Волюнтаристски-взрывчато изживаемый пневматизм (поэма «Бунтовщик» в цикле «Путями Каина»).

7. Мировые оси:

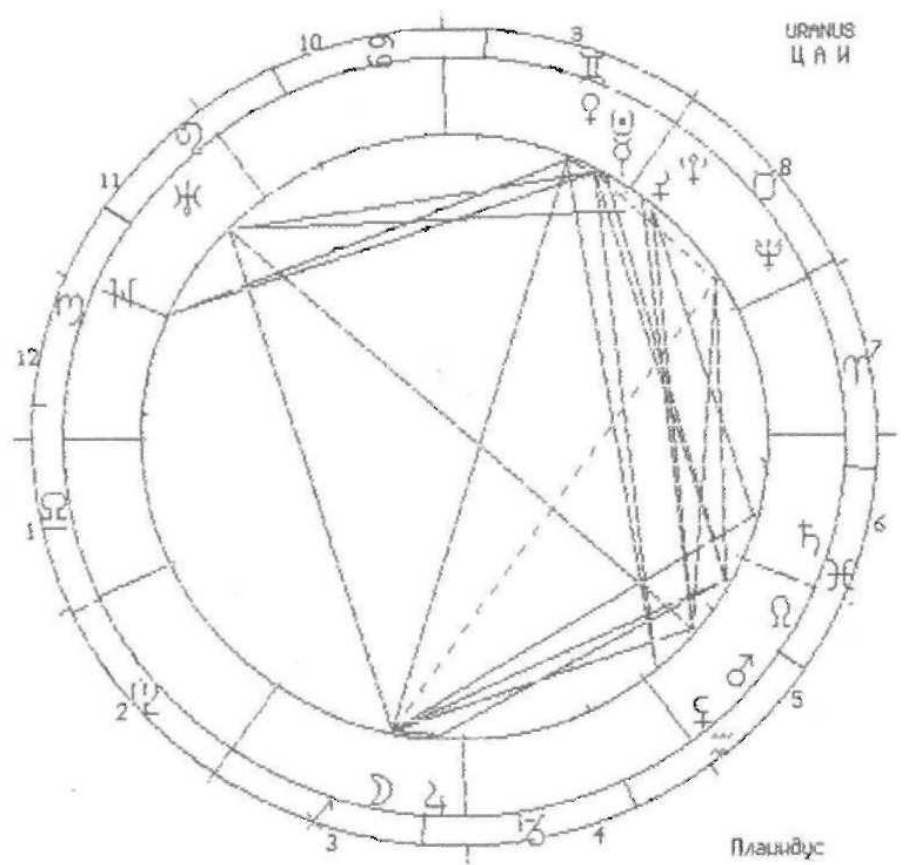
Поляризация: трансцендентально-мистически-эмпирическое освещение проблем монадизма.

Гармонизация в гнозисе проблем пневматологии.

29.05.1977 12:00:00
 50.27 30.30 Kiev
 Voloshin
 Натальная карта

ш / ж 12
 д 22 ж 53
 в 4 ж 39
 з 12 ж 67
 з 24 ж 16
 л 1 ж 27
 ч 13 ж 24
 * 20 ж 59
 ф 6 ж 12
 ф 24 ж 20
 о ж 10
 ? 27 ж 1

ж о ж 58
 ж 15 ж 1
 ж 6 ж 44
 ж 6 ж 55
 2 29 ж 23
 3 ж 1
 5 ж 24
 6 ж 11

Рудольф Штейнер о русском народе

«Внутри русского народа не возникает той непосредственной, сильной выработки "я", какая имеет место у людей Западной и Средней Европы. "Я" там постоянно подернуто туманом сновидения, постоянно содержит в себе нечто сновидческое. То, как "я" живет в людях пятой послеатлантической культуры, обуславливает особую выработку физического тела. Но для русского народа в этой культуре не стоит задача столь сильно и непосредственно вырабатывать "я". Живущее и ткущее в эфирном теле не должно у него впечатываться в физическое тело... Поэтому можно сказать, что то, к чему предрасположен русский народ как таковой, в настоящее время вообще не может раскрыться внешне (отсюда, кстати, и такая, отмечаемая Р. Штейнером, наша особенность, как «дарование без продуктивности» – Г. П.), и предварительно этому народу извне подчас напечатлевается прямо противоположное его свойствам. На Востоке мысли как бы струятся из земли, чтобы подготовить людей к будущей эволюции...

Все задатки мышления у человека Востока таковы, что они склоняются к имажинациям, если даже эти имажинации, как у Владимира Соловьева, схватываются абстрактными понятиями». ¹⁴³ В другом месте Штейнер обронил очень любопытное замечание: «В России выступает нечто новое – интеллектуальность, которая в то же время является мистикой, мистика, которая в то же время есть интеллектуальность. В России готовится творческий индивидуализм». ¹⁴⁴

О дорогой, проницательный читатель, только вот теперь мы можем оценить, наконец, аспект знания Софии, если мы подступаем к нему на эзотерическом уровне (все ведь познается и становится драгоценным в сравнении). Вот, к примеру, захотели мы все-таки узнать, почему у нас так не

¹⁴³ Цикл лекций «Настоящее и прошлое в человеческом духе», 1916 г. Полн. собр. соч., т. 16.

¹⁴⁴ Цикл лекций «Истины о развитии человека и человечества. Карма материализма», 1917 г. Полн. собр. соч., т. 176.

ладятся дела в экономике, почему хозяйство у нас оказалось в лапах каких-то нелюдей, прямо-таки диких животных? Конечно, есть и ярко проступающие внешние причины нашего краха. А вот великий представитель эзотерического уровня аспекта знания Софии нам помогает найти ответ на этот вопрос (а вопросы мы тут, как врожденные софиологи, должны бы учиться ставить, задавать). У Рудольфа Штейнера мы находим на этот наш вопрос такой ответ, что он может вызвать у нас шок (и даже негодование): «Восточный образ мыслей, смею сказать, сколь только возможно мало выходит за пределы той позиции, которую занимает другое население земли, а именно – животный мир. Кто считает, что в животном мире нет духовной жизни и даже – в известном отношении – государственно-правовой жизни, тот находится на ложном пути. Животная жизнь вполне обладает собственным духовным миром и разновидностью правового устройства. Но хозяйственного нет. Она берет то, что ей дает природа. И от этого населения земли, от животного царства мало отличается восточное население, которое имеет ярко выраженную, склоняющуюся к образности, к интуиции духовную жизнь именно потому, что оно берет то, что природа предлагает ему в хозяйственной жизни, и особенно не рассуждает об этой хозяйственной жизни. Вся социальная структура там покоится на иных основаниях, нежели на хозяйственных отношениях, покоится на отношениях господства, но не на экономическом мышлении. Это особое душевное устройство является предпосылкой того, чтобы придавать национальному элементу столь много значения, как придается ему на Востоке».¹⁴⁵

Вот уж действительно: на зеркало нечего пенять... Неужели не узнаем точную имагинацию нашей реальности... Но все равно – обидно как-то... О, дедушка Крылов, Гоголь, Щедрин – те были все-таки русскими сатириками и мы могли веселиться и смеяться свободно над их «выдумками». Но тут уже не до смеха становится. Как же здесь тогда быть с социальной

¹⁴⁵ Штейнер Р. О России. Из лекций разных лет. С. 187. Далее указываются стр. по этому изданию.

трехчленностью (захотят ли ее зверушки и зверюги)? Наконец, с нашей любимой и еще более теперь дорогой нашему сердцу Антропософией?

Но унывать нам все-таки не стоит. Великий христианский посвященный глубинно характеризовал наши души, так что мы начинаем понимать: то, что с нами происходит, – происходит недаром и не зря.

«Русские души обладают абсолютной восприимчивостью, величайшей одаренностью в восприятии. И кто говорит об их продуктивности – заблуждается. Их призвание развивать дарование без продуктивности. Сейчас это еще трудно понять, потому что этого еще не было в нашей эволюции и должно лишь постепенно развиваться. И в будущем придет время, когда с Востока прозвучит призыв к Западу: "У нас прекрасная страна, но нет порядка – ибо беспорядок будет все возрастать – придите и дайте порядок!" Средняя Европа призвана ввести на Восток продуктивность духа...»

Рудольф Штейнер отмечает три основных свойства русской народности.

«Первое – приспособляемость души, восприимчивость.

Второе основное свойство русского заключается в его отвращении к тому, что мы называем подчинением жизни интеллектуальному, рассудочному началу. Русский не любит в своей социальной жизни чувствовать себя скованным множеством точно установленных законов. Он жаждет до некоторой степени произвольного изживания "я". Он больше ценит то, что хочет "я" по наитию момента.

Третье в характере русского человека – это то, что русский сохранил определенное миролюбие, что вообще можно найти у всех народов Востока».

«Россия – сплав трех элементов: остатки византийской религиозной культуры; нормано-славянская кровь и азиатский деспотизм, в разных видах действовавший на Востоке Европы. Но все это лишено духовной продуктивности. Эти три элемента совсем не то, что исходит от самой русской души. Они не показательны для того, что действительно живет в русской душе».

«Что является величайшей мыслимой противоположностью принципа эмансипации личности? Византийский элемент. Можно представить себе, что если бы византийский элемент в русском православии распространился бы еще шире, так что эта смерть всего индивидуального, личного действовала бы еще гораздо интенсивнее – все равно не могло бы произойти ничего другого, кроме сильнейшей тяги к эмансипации личности».

«Именно потому, что в жизни русского народа заложены зачатки развития Самодуха, потому в его внешней жизни в эпоху души сознательной и до настоящего времени мы видим только то, что несет в себе смерть и разложение. Но это и есть то, что должно быть, потому что формирование жизни нуждается в подпочве смерти»

«Часто можно слышать, будто некогда русско-славянское население обратилось к варягам и сказало: "земля наша прекрасна, но порядка в ней никакого, придите и дайте порядок, создайте у нас государство!" – Рассказываемое столь простодушно как исходный пункт русской истории – не более чем легенда без какой-либо исторической основы. Этого никогда не было. На самом деле эти варяги явились в качестве завоевателей и отнюдь не были званы. Тем не менее, что об этом говорится в истории, значит гораздо больше, нежели значило бы, если бы даже соответствовало исторической действительности, ибо означает поистине пророческое, нечто, чего еще не происходило, но что произойдет в будущем. То, что должно будет развиваться на Востоке, будет развиваться так, что способности восточных народов будут обращены на восприятие созданного культурой Запада и на его дальнейшую переработку, на оплодотворение себя тем, что создается на Западе. В будущем это станет задачей восточных народов. Существо именно русского народа можно вкратце охарактеризовать так. – Если посмотреть на настоящий русский народ, а не на то изолгавшееся сообщество, которое управляет ныне русским народом, то станет ясно, что русская душа необычайно одарена, она одарена как раз во всех отношениях; но как раз по мере того, как она будет развертывать свою миссию в развитии мира и

человечества, будет обнаруживаться, что в человечестве, оказывается, может существовать нечто, что можно назвать одаренностью без продуктивной силы... Эти русские души живут в абсолютном восприятии. Они обладают величайшее одаренностью к восприятию, но кто говорит об их продуктивности, заблуждается. Они призваны развивать одаренность без продуктивности. Сегодня об этом еще трудно составить понятие, потому что этого еще не бывало в развитии и это должно постепенно развиваться. Но в будущем придет время, когда с Востока прозвучит призыв к Западу: "У нас прекрасная страна, но нет порядка, – ибо беспорядок будет нарастать, – придите и создайте порядок!" Средняя Европа призвана внести на Восток продуктивность духа. То же, что происходит сейчас, – это неразумное сопротивление тому, что все-таки произойдет в будущем...

Восток пришел бы в полный упадок, если бы не дал оплодотворить себя духовной жизни Запада, непосредственно граничащего Запада. Причем сам этот Запад в дальнейшем ходе своего культурного развития должен будет породить живую духовную жизнь, не просто идеализм, а живую духовную жизнь. И она будет как бы духовным солнцем, движущимся с Запада на Восток, в направлении, противоположном внешнему движению Солнца. А обычный русский человек будет все больше сознавать, насколько мало он может достигнуть собственными силами, насколько необходимо ему действительно включиться в общий процесс развития человечества...» (126–127).

«...Часто, рассматривая процесс развития человечества, мы обращали внимание на то, что задача пятой послеатлантической культурной эпохи, в которой мы живем, состоит в развитии общих задатков человеческой души сознательной (самосознающей), и что затем в шестой послеатлантической эпохе должен будет вырабатываться Самодух (индивидуализированный Святой Дух – Г. П.) Обращалось внимание на то, сколь существенно должны способствовать этому определенные задатки, которые можно встретить как раз на востоке Европы, в русском народе и которые находятся сегодня в

дремотном, спящем состоянии, чтобы правильным образом прийти в действие в шестой послеатлантической культурной эпохе. И тут необходимо, чтобы проявились определенные свойства, которые заложены так глубоко в русской народной душе, необходимо, чтобы русский человек, если только он не будет сбит с толку своей «интеллигенцией», был глубоко пронизан в своей душе светом этих свойств. На эти свойства надо обратить внимание. Это можно назвать женственным, чем-то податливым, чем-то легко склонным к восприятию всего того, что приносит культурное развитие...

В русской народной душе заложено то, что отдельный русский человек мало понимает мыслительные формы, необходимые в Западной и Средней Европе для расчленения социальной жизни и ее дальнейшего развития. Ведь необходимость, на которую указывает этим, существует, она существовала, например, при внесении строго юридического мышления в европейский социальный строй. Но русский человек имеет мало понимания этой пронизанности социальной жизни мыслительными формами. Это сбивает его с толку в области того, что он назвал бы свободным, продиктованным чувством изживанием своей судьбы. Он не хотел бы, чтобы его сбивали с толку какие-либо мыслительные формы, вносимые в социальную структуру» (130–131).

«...Русский народ вообще невозможно понять с помощью западно-европейской науки, если хочешь его действительно понять. Его можно понять, только зная, что существует эфирное тело. Ибо характерная особенность русского народа состоит в том, что важнейшая жизнедеятельность не укладывается в физическое тело, как в Западной и Средней Европе, а протекает больше в эфирном теле и совсем не столь сильно пронизывает физическое. В русской народности эфирное тело имеет гораздо большее значение, нежели оно имеет теперь для народов Западной и Средней Европы, а также для американской народности. Отсюда в русском народе, – в народе, а не в правящих слоях, – никогда не сможет развиваться в той же степени непосредственно сильное "я", как это имеет место у людей в

Западной и Средней Европе. "Я" всегда будет окутано там некоторым сновидческим флером, будет всегда иметь что-то сновидческое. Ибо то, каким образом "я" теперь в пятом послеатлантическом периоде еще живет в людях, обусловлено особым развитием физического тела. В течение этого пятого послеатлантического периода русская народная стихия вовсе не уйдет настолько далеко вперед, чтобы непосредственно развить "я" как таковое».

«О том, что развивается на Западе можно сказать, что там существует склонность к восприятию всего, что доступно человеческому разуму, поскольку он связан с телом и душой... Если вы отправитесь на Восток, то вы совсем не найдете там понимания такой разумности. Это начинается уже в России. Есть ли вообще у русского человека понимание того, что на Западе называют разумностью? Не следует обманываться на этот счет, – у русского нет ни малейшего понимания того, что на Западе называют разумностью. К русскому имеет доступ то, что можно было бы назвать Откровением. В сущности, в качестве своего душевного содержания он воспринимает все то, чем он обязан какого-либо рода Откровению. Разумность же, хоть он и повторяет это слово вслед за западным человеком, он совсем не понимает, то есть не чувствует ничего из того, что при этом чувствует западный человек. Но то, что чувствуется, когда говорят об Откровении, о нисхождении в человека истин из сверхчувственного мира, – все это он хорошо понимает. Когда же об этом говорят на Западе, – пуританство как раз подтверждает это, – то сразу видно, что на этом Западе нет и малейшего понимания того, что надо считать отношением русского человека, и тем более восточного человека, азиата, и вообще отношение человека к духовному миру. Для этого на Западе нет ни малейшего понимания. Ибо это нечто совсем иное, нежели то, что приобретается посредством разума; это нечто, что исходя из духовного, охватывает человека и жизненно пронизывает его» (133–135).

«В Восточной Европе человек изнутри себя... не дошел, я бы сказал, до границ своей кожи. В определенном смысле он оставался в душевном состоянии, которое не вполне выделяло его из божественного, не доводило

его до человеческого. – На Западе возникло умонастроение: мир таков, каков он есть, и самое большое, что можно сделать, – это размышлять над социальными утопиями; но мир таков, каков он есть, – в нем нужно жить и нужно иметь социальные учреждения, чтобы в нем жить, а те из них, которые уже существуют, нужно находить превосходными, чтобы жить в них. Если так было на Западе, то в Средней Европе требовалось, чтобы человек сперва стал человеком, чтобы он прорабатывался до человечности, и тогда он сможет обрести землю. – На Востоке же были убеждены, что оба идеала, по существу, ложны. Уже когда человек думает над тем, как бы ему стать человеком, он находится на ложном пути, он тем самым покидает рай. А человеку следовало бы всегда смотреть как на рай на тот клочок земли, на котором он живет, иначе жизнь станет невозможной. Надо побольше обращаться к тому, что бессознательно живет в человеке и не слишком сильно пускаться во внешнюю жизнь.. На Востоке человек не хочет выходить за пределы самого себя и мы видим, что хотя лучшие из людей там проявляют терпимость, внутреннего интереса к остальному миру у них нет. Русский, – если это настоящий русский, – не доходит даже до границ своей кожи; он застревает глубоко внутри себя. Для него это уже слишком по земному – доходить до границы своей кожи, ему надо оставаться больше внутри себя» (136–137).

«Русский человек, конечно, склонен к мистике, но эта мистика действует в то же время интеллектуально – интеллектуалистическая мистика! – а интеллект действует мистически, – мистический интеллектуализм, какого в Средней Европе вообще не бывало...

Конечно, это очень трудно – полностью разобраться в этой противоположности между Востоком и Западом, ибо то, что имеется на Западе, то уже перезрело, а то, что имеется на Востоке, едва ли не эмбрионально, как я уже говорил; и тем не менее мы должны приобретать понимание этого... Если же мы не попытаемся искать понимания этой

полярной противоположности между Востоком и Западом, то мы на самом деле не сможем выйти из современного хаоса» (138).

«Вернуть все значение индивидуального человека, вновь вернуть индивидуального человека к самому себе – вот что на самом деле лежит в задатках людей Востока; преодолеть книгу, преодолеть фиксированное и поставить на их место человека. Идеальное состояние, к которому стремится Восток, состоит в том, чтобы меньше читать, меньше давать действовать на себя фиксированному, а вместо этого – отдаваться всему тому, что связано с непосредственным индивидуальным человеком. Отдельный человек будет вновь слушать другого; отдельный человек будет знать, что есть разница, приходит ли слово от самого человека, или же оно отделилось от него и пошло окольным путем через типографскую краску и тому подобное» (140).

«Русская политика должна быть насквозь неистинна, ибо это чуждый элемент, она не соответствует русскому характеру. Когда русский с его характером вынужден становиться политиком, он скорее заболевает, ибо в пределах русского народа стать «политиком» – значит стать больным, значит принять в себя дополнительные разрушительные силы. Русский человек антиполитичен, а не просто аполитичен. Им могут овладеть такие политики, как те, которые стояли у истока этой военной катастрофы (Первой мировой войны – Г. П.). Но они действуют не в качестве русских, они действуют как нечто совершенно иное. Русский же заболевает, когда ему приходится становиться политиком, ибо внутри своего народа он не имеет с политикой ничего общего. Общее он имеет с чем-то другим, с Познанием, с Мудростью, которые должны озарить человечество в шестой послеатлантической эпохе» (149).

«Если бы духовно-научный импульс не пропитал собой мир, то Восток постепенно сделался бы совершенно неспособным вести собственное хозяйство, развивать экономическое мышление. Восток оказался бы в состоянии только производить, то есть непосредственно перерабатывать продукты природы с помощью орудий, поставляемых с Запада. А все, что

хозяйственной деятельности дает человеческий разум, развивалось бы на Западе. И с этой точки зрения только что завершившаяся катастрофа мировой войны есть не что иное, как начало тенденции к экономическому пронизыванию Востока Западом, то есть, превращению Востока в область, где люди трудятся, а Запада – в область, где распоряжаются тем, что Восток извлекает из природы. Где при этом пролегает граница между Востоком и Западом, твердо устанавливать нет надобности, ибо она подвижна... Произойдет то, что весь Восток превратится в объект экономической эксплуатации Западом. Тогда бы такой ход развития считали за данность для земного человечества, считали бы чем-то оправданным и само собой разумеющимся. Нет иного средства внести в эту тенденцию то, что не будет превращать половину человечества в илотов, а другую половину – в тех, кто пользуется этими илотами, как пронизать Землю вновь приобретаемой общей для всех духовностью» (266).

«Интеллигенция России занимает совершенно особое положение в развитии человечества. Если вы не дадите себя обмануть, если вы не предадитесь иллюзиям в отношении внешних симптомов, а пойдете вглубь, тогда об этой русской интеллектуальности сколь бы незначительной по вашим западным или среднеевропейским понятиям она ни показалась вам у того или иного русского, – если вы не поддадитесь влиянию симптомов, а вникнете в суть, то вы скажете себе: "она остерегается всего инстинктивного". – Она не должна, как полагает русский, позволять разъедать себя какому-либо человеческому инстинкту; но не следовало бы думать, будто и с помощью того, что прививается как интеллектуальность, можно достигнуть чего-либо особенного. Русский хочет, – естественно бессознательно, – сберечь интеллектуальность до той поры, пока не придет шестой послеатлантический период, его период, чтобы не погружаться этой интеллектуальностью в инстинкты, а поднять интеллектуальность туда, где будет цвести Самодух. В то время как англоязычное население заставляет интеллектуальность погружаться в инстинкты, русский хочет уберечь ее

именно от этого. Он не хочет предоставлять эту интеллектуальность инстинктам, он хочет печься о ней, сколь бы она сегодня ни была невелика, сберечь ее для грядущей эпохи, когда Самодух, это чистое спиритуальное начало, будет пронизан этой интеллектуальностью... А с другой стороны, само собой разумеется, – и русские писатели это постоянно подчеркивают, – русская интеллектуальность, поскольку она хочет сохранить себя для грядущих времен, является сегодня чем-то отчужденным от мира, чем-то, что нелегко уживается с жизнью, что направлено на что-то иное, нежели то, что непосредственно пульсирует в мире» (216–217).

«И как бы парадоксально, особенно сегодня, это ни звучало, настроение Грааля всецело живет в русскости. И на этом заключенном в русскости непобедимом настроении Грааля покоится именно то будущее русского элемента в шестом послеатлантическом периоде, о котором мне приходилось столь часто говорить» (108).